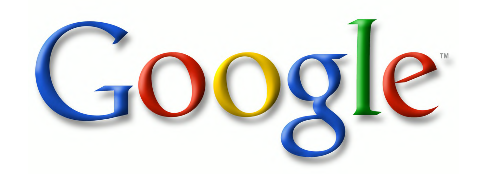

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ОФИЦЕРСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

КНИЖКА XIII.

ИЗДАНА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Ѳ. Гильфердинга,

Дѣйствительнаго Члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

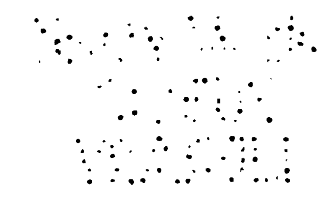
Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ 5 Августа 1859 года.

Цензоръ *П. Дубровскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Императорское Русское Географическое Общество обратило вниманіе на Боснію, Герцеговину и Старую Сербію и рѣшило посвятить имъ цѣлый томъ своихъ «Записокъ».

Этимъ Русское Географическое Общество могло оказать услугу всеобщей географіи и этнографіи. Въ самомъ дѣлѣ, Боснія, Герцеговина и Старая Сербія изъ всѣхъ странъ Европы наименѣе извѣстны и изслѣдованы. Долго онѣ были совершенно недоступны иностранцамъ, и только въ послѣднее время нѣкоторые путешественники проникли туда и доставили свѣдѣнія о крайнихъ западныхъ областяхъ Европейской Турціи. Спеціальнаго же сочиненія объ нихъ нѣтъ въ Европейскихъ литературахъ.

Этотъ недостатокъ составляетъ одну изъ причинъ, почему Русское Географическое Общество посвятило Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи первое свое обширное изданіе, которое имѣетъ предметомъ Европейскій край, находящійся внѣ Россіи. Другая причина, почему оно, изъ многихъ заграничныхъ Европейскихъ странъ, ожидающихъ еще обстоятельнаго изслѣдованія, обратило вниманіе именно на Боснію, Герцеговину и Старую Сербію, есть та, что эти земли заселены Славянскимъ народомъ и что онѣ потому особенно близки Россіи и важны для нея.

Всѣ матеріалы, изъ которыхъ составленъ настоящій Сборникъ, собраны были редакторомъ на мѣстѣ, во время годоваго пребыванія въ томъ краѣ. Нѣкоторые изъ читателей, особенно занимающіеся естественными науками, могутъ быть недовольны предлагаемою книгою, потому что не найдутъ въ ней свѣдѣній о геологіи, флорѣ, фаунѣ, метеорологіи и проч. описываемыхъ мѣстностей. Пусть простятъ они редактора Сборника. Сборникъ этотъ не есть плодъ трудовъ какой нибудь ученой экспедиціи, а составленъ однимъ человѣкомъ, который самъ не былъ приготовленъ къ изслѣдованіямъ въ области естественныхъ наукъ и который, когда прибѣгалъ къ помощи туземцевъ для пополненія своихъ матеріаловъ, не находилъ между ними никого, кто бы имѣлъ малѣйшее понятіе о такихъ изслѣдованіяхъ. Впрочемъ, любопытные найдутъ въ этомъ отношеніи данныя о Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи въ извѣстной книгѣ Ами Буэ объ Европейской Турціи; но зато едва ли найдутъ они въ ней много удовлетворительныхъ свѣдѣній о тѣхъ предметахъ, которымъ преимущественно посвященъ настоящій Сборникъ, именно о нравахъ, обычаяхъ, домашнемъ и общественномъ бытѣ, современной исторіи и древностяхъ поименованныхъ Славянскихъ земель.

Сборникъ составленъ по слѣдующему плану. Въ началѣ читатель найдетъ довольно подробное описаніе нѣсколькихъ поѣздокъ, сдѣланныхъ редакторомъ въ разныхъ направленіяхъ по Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи. Такое описаніе[1]), передавая впечатлѣнія, произведенныя на Европейца этими малоизвѣстными странами и ихъ оригинальнымъ, нетронутымъ нашею образованностью, населеніемъ, введетъ читателя въ тотъ міръ, съ которымъ Сборникъ долженъ его ознакомить. Во многихъ случаяхъ сочинитель позволилъ себѣ отступленія, чтобы сообщить, по поводу изображаемыхъ имъ мѣстъ, болѣе общія

1) Отрывки его были напечатаны въ журналѣ «Русская Бесѣда».

свѣдѣнія о бытѣ, исторіи и древностяхъ Босніи и смежныхъ Турецкихъ областей. — За описаніемъ путешествія слѣдуетъ статья подъ заглавіемъ: «Боснія въ началѣ 1858 года». [1]) Въ ней редакторъ Сборника старался представить, въ слѣдъ за краткими статистическими свѣдѣніями, полный по возможности отчетъ объ общественномъ и нравственномъ состояніи Боснійскаго народонаселенія. Герцеговинѣ и Старой Сербіи онъ не посвятилъ столь же пространнаго очерка, первой—потому что условія ея общественнаго положенія почти одинаковы съ Босніею, а главныя отличія обстоятельно указаны въ «Путешествіи», Старой Сербіи—потому что, бывъ тамъ лишь проѣздомъ, онъ не могъ бы сообщить о ней другихъ свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, которыя также изложены въ первой статьѣ Сборника. Только статистическія данныя о Герцеговинѣ, краткія о всей этой области, подробныя о нѣкоторыхъ частяхъ ея, читатель найдетъ особо, въ концѣ книги.

Далѣе помѣщены двѣ обширныхъ статьи о современной исторіи Герцеговины и Босніи. Обѣ написаны туземцами, которые разсказываютъ событія, совершившіяся на ихъ памяти и на ихъ глазахъ. Первая имѣетъ форму біографіи и посвящена знаменитой въ тѣхъ странахъ личности Али-паши Ризванбеговича. Но не смотря на біографическую форму, статья Мостарскаго Архимандрита Іоанникія Памучины заключаетъ въ себѣ полный отчетъ о дѣлахъ Герцеговины во второй четверти нынѣшняго столѣтія: ибо Али Ризванбеговичъ, уже въ двадцатыхъ годахъ игравшій важную роль въ своей родинѣ, съ 1832 по 1851 годъ властвовалъ въ ней неограниченно и вмѣщалъ въ себѣ, въ это время, всю ея судьбу. Вторая же статья, посвя-

1) Прошлымъ лѣтомъ, когда политическія событія обратили вниманіе публики на Боснію, Географическое Общество сочло нужнымъ издать эту третью статью отдѣльно, въ своемъ «Вѣстникѣ» (откуда она была перепечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»). Не смотря на это, мы сочли нужнымъ вновь помѣстить ее здѣсь, потому что безъ нея Сборникъ потерялъ бы свою полноту.

щенная исторіи Босніи, гдѣ ни одна личность не успѣла получить такого преобладанія, какъ Али Ризванбеговичъ въ Герцеговинѣ, имѣетъ чисто лѣтописный складъ. Въ характерѣ обѣихъ статей замѣтно существенное различіе. Первая написана духовнымъ лицомъ, начитаннѣйшимъ и образованнѣйшимъ человѣкомъ во всей Герцеговинѣ и Босніи; но она написана совершенно просто и наивно, рѣчью простаго народа Герцеговинскаго, съ которымъ неразрывно связана трудовая и безукоризненно чистая и полезная жизнь почтеннаго Архимандрита. Однако, какъ иногда замѣтно, онъ знаетъ, что слѣдуетъ выражаться просто; а между тѣмъ, какъ также замѣтно, онъ не всегда забываетъ, что онъ человѣкъ книжно образованный. Вотъ почему нѣтъ въ его сочиненіи той органически-цѣльной, естественной простоты, которая отличаетъ «Лѣтопись Босніи.» Авторъ Лѣтописи—женщина, образованіе которой ограничивается церковною грамотою [1]), но которая замѣчательна какъ своимъ природнымъ умомъ, такъ и своею гражданскою дѣятельностью на пользу народа, тѣмъ болѣе необыкновенною въ странѣ, гдѣ женскій полъ обреченъ на затворничество. Объ этой оригинальной личности читатель найдетъ въ предисловіи къ ея «Лѣтописи» болѣе подробныя свѣдѣнія. Боснійская Лѣтопись Стаки Скендеровой есть произведеніе въ полномъ смыслѣ самородное и «наивное», въ лучшемъ значеніи этого слова. Тутъ не говоритъ она сама; тутъ говоритъ, а во многихъ мѣстахъ поетъ народъ, среди котораго живетъ она. — Кто прочитаетъ эти двѣ статьи, не только узнаетъ матеріальныя событія, случившіяся въ Босніи и Герцеговинѣ въ послѣднія тридцать лѣтъ: онъ увидитъ передъ собою Босняковъ и Герцеговинцевъ въ ихъ чалмахъ или фесахъ, въ ихъ красныхъ, у мусульманъ, или черныхъ, у христіанъ, курткахъ, въ ихъ широкихъ шараварахъ, съ арсена-

1) Оригиналъ писанъ церковно-Славянскою скорописью, употребляемою простымъ народомъ въ Босніи.

ломъ оружія за поясомъ, съ ихъ важною, медлительною поступью, съ мрачными лицами и простодушною поэтическою рѣчью, съ ихъ религіознымъ фанатизмомъ и наивнымъ добродушіемъ; однимъ словомъ онъ увидитъ живыхъ людей, осязательно пойметъ ихъ характеръ, ихъ идеи и страсти.

И жизнеописаніе Али-паши Ризванбеговича и Лѣтопись Босніи составлены были нарочно для настоящаго Сборника; Сербскій оригиналъ обоихъ сочиненій не изданъ.

Въ заключеніе помѣщены двѣ статьи Герцеговинскаго Іеромонаха Никифора Дучича: историческое описаніе монастырей Дужи и Тврдошъ и топографическо-статистическое описаніе Требиньскаго, Прѣпольскаго, Плѣвельскаго и Невесиньскаго округовъ Герцеговины. Двѣ статьи эти суть частные опыты, первая — исторіи православной церкви въ Сербскихъ областяхъ Западной Турціи, второе—полной ихъ топографіи и статистики. Какъ первые опыты въ такомъ родѣ, онѣ имѣютъ свою цѣну и, Богъ дастъ, послужатъ началомъ къ болѣе обширнымъ трудамъ по этимъ предметамъ.

Составитель Сборника предполагалъ помѣстить здѣсь еще Разсказы изъ быта Герцеговинскаго народа, составленные имъ по рукописнымъ замѣткамъ Мостарскаго іеромонаха Прокопія Чокорилы, и Обозрѣніе древнихъ рукописей, сохранившихся въ монастыряхъ Босніи, Герцеговины и Старой Сербіи; но книга возрасла уже до такихъ размѣровъ, что нужно было отложить напечатаніе этихъ двухъ сочиненій.

ПОѢЗДКА

ПО ГЕРЦЕГОВИНѢ, БОСНІИ И СТАРОЙ СЕРБІИ.

ПОѢЗДКА

ПО ГЕРЦЕГОВИНѢ, БОСНІИ И СТАРОЙ СЕРБІИ.

I.

Дорóга отъ Рагузы до монастыря Дужи. — Монастырь Дужи. — Православныя церкви въ Требиньскомъ краѣ.

Я выѣхалъ изъ Рагузы въ Сараево 11 мая 1857 года. Не стану описывать Рагузы, перла Далмаціи. Мнѣ предстояло на выборъ два пути, чтобы ѣхать оттуда въ Боснію, въ этотъ тогда еще загадочный для меня край, который, не знаю почему, заслужилъ въ Сербскомъ народѣ титулъ «хвалёной» или «хвалящейся» Босны: «Босна поносна», такъ называетъ ее постоянно Сербская пѣснь; а впрочемъ, какъ я скоро удостовѣрился, и хвалиться ей не чѣмъ, и хвалить ее не за что. Одинъ путь, болѣе легкій, ведетъ по берегу Далмаціи до пограничнаго городка Метковичей, недалеко отъ устья рѣки Неретвы (по-итальянски Narenta). Вы ѣдете изъ Рагузы на баркѣ до мѣстечка Стона (Stagno), лежащаго на перешейкѣ длиннаго и узкаго полуострова Sabioncello; вы переходите перешеекъ въ полъ часа и на противоположной сторонѣ нанимаете другую барку, которая везетъ васъ по заливу между этимъ полуостровомъ и берегомъ Далмаціи и потомъ низовьемъ Неретвы до Метковичей. Вы можете совершить этотъ путь и по хорошему шоссе, недавно проложенному Австрійцами вдоль всего берега Дал-

маціи, если только найдете экипажъ, вещь весьма рѣдкую въ этой странѣ. Въ Метковичахъ вы переѣзжаете Турецкую границу, садитесь на лошадь и черезъ 8 часовъ достигаете Мостара, главнаго города Герцеговины: Герцеговина лежитъ, какъ извѣстно, между Далмаціею и Босніею, прикасаясь съ юга къ Черной Горѣ. Другой, болѣе тяжелый, путь ведетъ прямо изъ Рагузы къ Турецкой границѣ, и оттуда внутрь Герцеговины, прямо на Мостаръ. Прямая линія здѣсь оказывается длиннѣе ломанной; по этому пути надобно ѣхать до Мостара четыре дня: таковы Турецкія дороги. За то здѣсь путешественникъ тотчасъ же разстается съ австрійскими мундирами и входитъ «de plein pied» въ Славяно-Турецкую глушь. Австрійскіе мундиры мнѣ ужъ надоѣли, а на глушь Славяно-Турецкую хотѣлось посмотрѣть поскорѣе. Потому я предпочелъ длиннѣйшій и неудобнѣйшій путь черезъ внутренность Герцеговины.

Отъ Рагузы до ближайшей Турецкой таможни менѣе двухъ часовъ ѣзды. Говоря о ѣздѣ, разумѣю только верховую, потому что другой не знаютъ въ краѣ, куда я честь имѣю теперь вводить читателя. Надобно отъ Рагузы подняться круто вверхъ. Слѣва, на самой высотѣ, остается бѣдная деревушка *Босанка*, какъ говорятъ, колонія Босняковъ. Вы проѣзжаете порядочное село *Брiатъ* (вѣроятно, отъ Сербскаго *брѣгъ*, т. е. гора, высота). Дорога прекрасная; съ боковъ видны чудесныя долины, сзади — восхитительная панорама: синева морская и въ ней, какъ изумрудъ, зеленый островъ Лакрома, весь поросшій маслиною и миртомъ, справа, какъ на ладони, чистенькій, свѣтленькій городокъ Дубровникъ (Рагуза) съ его крѣпкими стѣнами и башнями, слѣва — еще меньшій городокъ Цавтатъ (Ragusa vecchia). Но вскорѣ горы закрываютъ этотъ видъ. Вы все ѣдете по ровной дорогѣ, проведенной Австрійскими инженерами по скалистымъ горамъ. Черезъ нѣсколько времени встрѣчаете небольшую казарму или пограничный постъ: послѣдній Австрійскій часовой глядитъ на уѣзжающихъ, глядитъ, и чудо изъ

чудесъ, не останавливаетъ, не спрашиваетъ паспорта. Слава Богу, конецъ Австріи! сказалъ я себѣ и спутнику, хотя изъ Австріи ѣхалъ въ Турцію.

Но доступъ въ Турцію не легокъ, по крайней мѣрѣ для бѣдныхъ коней. Австрійское шоссе доведено до самой пограничной черты. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ этой черты возвышается пригорокъ, на которомъ стоитъ лачужка—Турецкая таможня. Весь пригорокъ покрытъ грудами камней всякой величины и всякаго вида, круглыхъ и остроугольныхъ. Какъ ихъ создала природа и мало-по-малу ссыпали дожди, такъ они лежатъ тутъ подъ носомъ у Турецкихъ таможенныхъ, которымъ даже въ голову не приходило взять лопату и расчистить отъ валяющагося камня хотя бы тропинку для одной лошади; а они весь вѣкъ свой имѣютъ передъ глазами прекрасное, ровное Австрійское шоссе. Не наше дѣло строить дороги, думаютъ они. Гдѣ проѣзжали наши дѣды и отцы, отчего и намъ не проѣхать? А какъ мы расчистимъ дорогу, того и гляди, *кауры*[1]) повезутъ по ней къ намъ свои пушки! Такое разсужденіе можно услышать безпрестанно въ Босніи и Герцеговинѣ. Впрочемъ и то сказать: не въ одной Турціи такъ разсуждаютъ. Сколько есть и въ другихъ мѣстахъ людей, которые боятся усовершенствованія, всѣми признаннаго полезнымъ и необходимымъ, потому что оно при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ можетъ быть обращено во вредъ. Не станемъ же смѣяться надъ бѣдными Турецкими таможенными.

Они старались выказать намъ все свое гостепріимство. Такіе почетные путешественники вѣдь никогда еще не проѣзжали черезъ Царину, говорили они: имя Царины придается въ Сербскихъ земляхъ множеству таможенъ и заставъ, потому что тутъ взымается *царская* пошлина. Насъ ввели въ курную избу, страшно закопченную и устланную грязнѣйшими коврами. Усадили

1) Славянское произношеніе слова *гяуръ*.

насъ на эти ковры и подали кофе и трубки. Мы стали осматривать избу съ нѣкоторымъ страхомъ и отвращеніемъ. «Это еще славный *конакъ* (дворецъ), сказалъ мнѣ главный таможенный въ утѣшеніе, то-ли будетъ дальше!» «Ну, хороша Герцеговина», подумалъ я. Разумѣется, таможенные до нашихъ вещей прикоснуться не смѣли, и обращались съ нами съ великою вѣжливостью. Они не совсѣмъ могли скрыть своего любопытства, видѣть въ первый разъ «Московъ». Московъ представляется Босняку-Мусульманину какимъ-то страшнымъ, миѳическимъ существомъ. «Всѣ гяуры злы, говорятъ они, но самый злой гяуръ — Московъ». Когда Мусульманинъ захочетъ выразить самымъ страшнымъ образомъ ненависть свою къ «Влаху» (Христіанину), то онъ назоветъ его Московомъ. Даже у Христіанъ-простолюдиновъ въ Герцеговинѣ и Босніи слово «Московъ» сдѣлалось общимъ наименованіемъ чего-то невѣдомаго и свирѣпаго. При мнѣ Герцеговинскій поселянинъ, Православный, вовсе не желавшій оскорбить меня, а напротивъ, выражавшій мнѣ необыкновенную преданность, говоря объ одномъ ненавистномъ ему человѣкѣ, пожелалъ ему отъ всей души, чтобы его отецъ и мать попались въ руки ста Московъ. Но между тѣмъ какъ слово Московъ потеряло въ понятіяхъ Христіанскаго простонародья свой опредѣленный смыслъ, они все болѣе и болѣе знакомятся съ именемъ «Русъ», «Русія», и привыкаютъ произносить его съ любовію.

Въ Турціи таможенные доходы отдаются, какъ извѣстно, на откупъ. Всякій годъ таможня мѣняетъ хозяина. Боснію и Герцеговину *закупила* (взяла на откупъ) какая-то компанія въ Константинополѣ. Общій откупщикъ или компанія откупщиковъ управляетъ отдѣльными таможнями черезъ своихъ прикащиковъ, либо перепродаетъ ихъ другимъ мелкимъ откупщикамъ. Конечно, бѣднымъ людямъ достается отъ таможенныхъ. Но отъ внѣшнихъ таможенъ въ Турціи не разбогатѣешь. Торговля незначительна и всякій годъ приходитъ въ упадокъ отъ обѣд-

нѣнія народа и безпрестанныхъ безпокойствъ. Притомъ большая часть товаровъ принадлежитъ Австрійскимъ подданнымъ или перевозится подъ ихъ фирмою, а съ Австрійцевъ таможенные лишняго взять не смѣютъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Австрійцы выхлопотали въ Константинополѣ какое-то пониженіе тарифа на Боснійской и Герцеговинской границѣ, не помню на какіе предметы. Новый тарифъ не былъ во-время публикованъ, и Турки продолжали брать старую пошлину. За то потомъ Австрійскіе подданные представили счетъ убытку болѣе чѣмъ на 100,000 гульд., и Турецкіе откупщики вмѣстѣ съ Правительствомъ принуждены были заплатить. Но на внутреннихъ таможняхъ, между отдѣльными Турецкими областями и при въѣздѣ въ города, откупщикамъ полный просторъ.

Я простился на Царинѣ съ друзьями, которые выѣхали провожать меня отъ Рагузы, сказалъ «съ Богомъ» гостепріимнымъ таможеннымъ, ударилъ лошадь и спустился по камнямъ съ пограничнаго пригорка. Что то щемило въ сердцѣ: ѣхать въ дикій, невѣдомый край не бездѣлица. Чтó то тамъ меня ожидаетъ? Но вмѣстѣ съ тѣмъ ощущалось и какое-то удовольствіе. Наконецъ-то я за неприступною Турецкою границею, наконецъ-то я въ таинственной землѣ, о которой слышалъ столько разсказовъ и въ которую ни одинъ изъ разсказчиковъ не смѣлъ проникнуть. Въ самомъ дѣлѣ, я давно уже кружился около Босніи, и всѣ говорили мнѣ о ней съ какимъ-то страхомъ. Когда я былъ въ Сремѣ, въ Фрушкогорскихъ монастыряхъ, монахи показывали темныя черты горъ Боснійскихъ. «Были ли вы когда-нибудь тамъ?» спрашивалъ я. «Нѣтъ, Боже сохрани!» — Отчего же? — «Какъ можно ѣхать въ Боснію, тамъ Турки, страшно». Поглядѣвъ на Боснію издали со стороны сѣверо-востока, я потомъ обогнулъ всю эту область почти до крайней юго-западной ея точки и, живя въ Рагузѣ, цѣлыхъ два мѣсяца видѣлъ постоянно передъ собою сѣрую массу скалистыхъ высотъ Герцеговинскихъ. И тутъ Турецкая земля производила то же впе-

чатлѣніе. Хотя въ Дубровникѣ есть много семействъ (особенно Православныхъ) переселившихся «одозгоръ» или «di sopra» (т. е. сверху: «верхъ» есть техническое наименованіе нагорнаго, Турецкаго края въ устахъ жителей Далматинскаго побережья), однако у этихъ переселенцевъ или ихъ потомковъ нѣтъ никакой охоты посѣтить снова свою дикую родину. Они говорятъ о ней съ такимъ же страхомъ, какъ жители Срема. Только нѣкоторые купцы, пріѣзжающіе изъ Босніи или Герцеговины за товарами въ Рагузу, могли бы дать объ этихъ странахъ нѣсколько опредѣлительное понятіе; но и они не въ состояніи до сихъ поръ разогнать мрака таинственности, лежащаго на западномъ краѣ Оттоманской Имперіи. На ваши разспросы о немъ они вамъ отвѣчаютъ: «это, Турска земля, дивли люди (дѣло извѣстное, Турецкая земля, дикіе люди)!» Отвѣтъ неутѣшительный.

И такъ я теперь на Турецкой землѣ, между дикими людьми. Сначала впрочемъ людей не видать, а все камень да камень. — Мы ѣхали нѣсколько часовъ по самой грустной мѣстности. Дорога вся по скаламъ, то въ гору, то подъ гору; кругомъ одни скалистые кряжи, сѣрые, частью голые, частью поросшіе рѣдкимъ кустарникомъ или плющемъ; поднявшись на высоту, мы въ послѣдній разъ увидали кусочекъ Адріатики, клочекъ прекраснаго Бренскаго залива. Потомъ уже скалы скрыли отъ насъ этотъ привѣтливый видъ. Мы думали, что встрѣтимъ какое нибудь жилье человѣческое, что выѣдемъ наконецъ на гладкое мѣсто. Нѣтъ. Все хребетъ за хребтомъ, скалы за скалами. Европеецъ, хотя бы и отличный ѣздокъ верхомъ, по истинѣ ужаснулся бы, еслибъ заставили его проѣхать по этому бездорожью; ни тропинки нигдѣ; камни лежатъ грудами со временъ потопа; вы подымаетесь въ гору по этимъ грудамъ или по ступенькамъ, естественно образовавшимся въ скалахъ, и опять спускаетесь по такимъ же грудамъ и ступенькамъ, чтобы снова видѣть ихъ передъ собою. Если лошадь споткнется, бѣда! Но тамошнія лошади, хотя маленькія и невзрачныя, знаютъ свою обязан-

ность, знаютъ, что если споткнутся, то не только избавятся отъ ѣздока, но и сами сломаютъ себѣ шею. Осторожность, съ какою онѣ ступаютъ по камнямъ и скаламъ, изумительна. Одна нога не влечетъ за собою другой, а каждая, какъ бы сознательно, выбираетъ себѣ особое мѣсто. Оттого происходитъ въ поступи умнаго животнаго странная неровность, какое-то дерганье и колыханіе, къ которому надобно привыкнуть. У меня отъ этого колеблющагося движенія почти закружилась голова, точно какъ при морской болѣзни. Способность вниманія къ окружающимъ предметамъ притупилась. Я замѣчалъ горы за горами, скалы за скалами, но не имѣлъ силы достать карандашъ и записать ихъ имена. И теперь еще все это пространство представляется мнѣ въ воспоминаніи какою-то сѣрою безразличною массою камня. Изрѣдка только попадалось маленькое поле, принадлежащее какому-нибудь Мусульманину, жителю г. Требинья и обработываемое для него *кметами* (арендаторами, фермерами), большею частью христіанами, которые живутъ въ деревушкахъ, разбросанныхъ между горами. Деревушекъ этихъ не видно по дорогѣ. Онѣ прячутся въ неприступныхъ мѣстахъ, какъ почти вездѣ въ Герцеговинѣ. Впрочемъ, не думайте, чтобы поле тамъ значило что нибудь похожее на то, что мы называемъ полемъ. Вообразите себѣ на склонѣ горы или между двумя горами пространство саженъ въ 10 или 20 длиною и шириною, которое поселянинъ съ великимъ усиліемъ очистилъ отъ валяющагося камня и, какъ стѣною, обнесъ этимъ камнемъ, тамъ собраннымъ: вотъ что называется полемъ въ этой части Герцеговины. Но и эти поля, стóившія столько труда земледѣльцамъ, теперь пустѣютъ. Многіе изъ нихъ покинуты и заросли кустарникомъ или дурною травою. Отчего не обработываютъ поля? спрашивалъ я, указывая на какой-нибудь клочекъ запустѣлой пахотной земли. «*Ага* (помѣщикъ-мусульманинъ) больно золъ, отвѣчали мнѣ, грабитъ и бьетъ кметовъ: никакой кметъ у него жить не хочетъ».

Послѣ четырехъ или пяти часовъ ѣзды по этимъ унылымъ мѣстамъ, хребты горъ замѣнились возвышенностью, каменистою и сильно взволнованною, но уже не представлявшею тѣхъ безпрерывныхъ подъемовъ и спусковъ, отъ которыхъ съ непривычки кружилась голова. Вся мѣстность поросла кустарникомъ и мелкимъ лѣсомъ, покрывающимъ довольно обширное пространство, такъ что весь этотъ край получилъ названіе *Шумы* (*шума* — по-Сербски значитъ лѣсъ). Мы ѣхали такъ еще около часа. Потомъ вдругъ камень исчезъ и мы вступили въ прекрасную дубовую рощу. Съ какою отрадою поѣхали мы по ровной мягкой дорогѣ! Эта роща принадлежитъ монастырю Дужи. Насъ тамъ ожидали. При въѣздѣ въ монастырскія владѣнія мы были поражены двумя листами бумаги, привѣшенными къ деревьямъ съ каждой стороны дороги. Мой товарищъ сорвалъ, изъ любопытства, одинъ изъ листовъ, и прочелъ — великолѣпное Сербское стихотворное привѣтствіе первымъ Русскимъ путешественникамъ, перешедшимъ порогъ Герцеговины. Нѣсколько подальше, насъ привѣтствовалъ устно, съ Сербскимъ гостепріимнымъ «Добро дошли», монахъ, выѣхавшій къ намъ на встрѣчу. Увы! теперь прекрасная дубовая роща вырублена Турками, гостепріимные и умные монахи Дужскіе разогнаны, и самый монастырь обращенъ въ казарму! Въ декабрѣ прошлаго года въ Шумѣ и окрестныхъ мѣстахъ произошло, какъ извѣстно, возстаніе несчастныхъ Христіанъ Герцеговинскихъ. Возставшіе нѣсколько времени стояли въ монастырѣ, потомъ Турки его заняли и сдѣлали его центромъ своихъ резервовъ. Бѣдный монастырь! А лучшей обители, братіи болѣе трудолюбивой, ревностной и попечительной о просвѣщеніи народа не было во всей Герцеговинѣ и Босніи! Я счастливъ, что могъ видѣть Дужскій монастырь до его разоренія.

Монастырь построенъ среди описанной мною дубовой рощи. Его окружаетъ низкая ограда. Жилыя строенія въ немъ показались бы Европейцу самыми жалкими, но для Герцеговины

онѣ великолѣпны. Есть въ монастырѣ столы и стулья, вилки и столовые ножи, свидѣтельствующіе о вліяніи Европы; но все-таки братія предпочитаетъ сидѣть на коврахъ, которыми устланы полы. Всего болѣе поразили насъ при первомъ взглядѣ — необыкновенно малые размѣры оконъ и дверей; вы должны страшно нагнуться, чтобы войти въ келлію. Это происходитъ отъ «страха Турецкаго»: Турки видятъ въ большихъ окнахъ и дверяхъ признакъ гордости и независимости хозяина, и потому Христіане принуждены избѣгать этого архитектурнаго удобства. Они такъ привыкли къ низенькимъ дверямъ, что всегда, даже когда нѣтъ нужды, невольно нагибаются, переступая порогъ комнаты. Церковь въ Дужахъ большая, довольно высокая, построенная изъ хорошаго бѣлаго камня. Прежде была въ Дужахъ маленькая, темная церковь. Въ теченіе десятковъ лѣтъ копилъ деньги почтенный старецъ, игуменъ Евстаѳій, собиралъ подаянія по всей Герцеговинѣ, и наконецъ въ 1855 году приступилъ къ великому дѣлу, о которомъ помышлялъ всю жизнь: къ перестройкѣ церкви. Какъ только стѣны и крыша были готовы, и поставлена была деревянная перегородка для отдѣленія алтаря отъ церкви, храмъ освятили (во имя Успенія Пресвятой Богородицы). На дѣятельное продолженіе внутренней отдѣлки средствъ не было; впрочемъ игуменъ нанялъ въ Бѣлградѣ живописца, который написалъ два мѣстныхъ образа: конечно художества въ нихъ не много, но лучшихъ образовъ нѣтъ въ Босніи и Герцеговинѣ (я говорю о новыхъ образахъ, а не о тѣхъ, которые остались отъ временъ Сербскихъ королей). Кромѣ этихъ образовъ, церковь стоитъ внутри голая, и внушаетъ какое-то печальное чувство нищеты и сиротства. Какова-то она будетъ, когда выйдетъ изъ рукъ Турецкаго гарнизона! Я забылъ сказать о наружности церкви: это довольно высокое зданіе, съ простою крышею; купола нѣтъ, какъ и во всѣхъ церквахъ, построенныхъ въ новое время въ этихъ краяхъ Турціи. Подлѣ церкви, на жерди, виситъ небольшой колоколъ,

сохранившійся какъ-то изстари въ Дужскомъ монастырѣ: Турки такъ привыкли его тамъ видѣть, что, хотя роптали и косились на него неразъ, однако до сихъ поръ не смѣли тронуть его; впрочемъ, надобно сказать и то, что онъ прежде хранился внутри самой церкви, и недавно только вынесенъ наружу. Онъ нижнею окружностью немного шире обыкновенной фуражки; но такого большаго колокола нѣтъ въ Герцеговинѣ, и нѣтъ другаго, который посмѣлъ бы явиться на чистомъ воздухѣ: потому народъ чрезвычайно дорожитъ имъ и имъ любуется. Иногда монахи дерзнутъ по-тихоньку зазвонить въ свой колоколъ! Впрочемъ, подробностей о Дужскомъ монастырѣ и его исторіи я здѣсь не разсказываю, потому что читатель найдетъ ихъ въ этомъ же «Сборникѣ», въ статьѣ, написанной однимъ изъ тамошнихъ иноковъ. Рукописей въ Дужахъ не много, и то почти все новѣйшія, богослужебныя. Историческій интересъ имѣетъ только отрывокъ Житія Св. Петки, составленнаго Евѳиміемъ Патріархомъ Терновскимъ: отрывокъ Болгарской редакціи, вѣроятно весьма близкій къ времени, въ которое жилъ сочинитель. Есть въ Дужахъ также великолѣпный, пергаменный съ раскрашенными заглавными буквами, экземпляръ одного изъ старопечатныхъ Сербскихъ изданій, — если хорошо помню, Божидарова Октоиха.

Впечатлѣніе, которое Дужскій монастырь произвелъ на насъ, было самое пріятное. Мы видѣли тамъ надежду на будущее, дѣятельность, любовь къ народу и къ его просвѣщенію. Игуменъ — добрый и веселый старикъ, неутомимо трудившійся всю свою жизнь. Образованія онъ самъ не получилъ, но онъ понялъ цѣну образованія, и послалъ двухъ молодыхъ людей, воспитывавшихся съ дѣтства въ монастырѣ, для обученія въ Бѣлградской семинаріи. Возвратившись на родину, иноки эти, ОО. Серафимъ и Никифоръ, открыли въ монастырѣ первоначальное училище, въ которомъ при нашемъ посѣщеніи было 8 мальчиковъ: число малое, но бо́льшаго нельзя и требовать.

Окрестныя деревни и городъ Требинье слишкомъ удалены отъ монастыря, для того чтобы воспитанники могли ежедневно приходить въ школу; они должны жить въ монастырѣ, а платить за ихъ содержаніе родители не въ состояніи: сами они съ трудомъ могутъ прокормиться съ семьею; средства же монастыря такъ скудны, что содержать значительное число дѣтей для него невозможно. Вотъ училище, которое могло бы принести истинную пользу! Народъ окружающій Дужи, правда, самый бѣдный, но за то самый добрый, самый крѣпкій, самый дѣятельный во всей Герцеговинѣ. Онъ жаждетъ образованія и богато одаренъ способностями: замѣчательно, что изъ Христіанъ, которые отличились, въ Босніи и Герцеговинѣ, особенною смышленостью въ торговомъ дѣлѣ или склонностью къ трудамъ умственнымъ, большая часть вышли изъ Требиньскаго края. Какое бы тутъ было зерно дѣятельности, если бы только дали этому народу какое-нибудь средство пріобрѣсти начатки образованія!

Въ Дужахъ я въ первый разъ присутствовалъ, на Турецкой землѣ, при Православномъ богослуженіи, и долженъ признаться, что чувство, съ какимъ я вышелъ изъ церкви, было отрадное: вѣроятно потому, что я пріѣхалъ въ Турцію прямо изъ Австріи. Въ Австріи, даже въ Православной церкви, вамъ что-то напоминаетъ постоянно, что вы находитесь именно въ Австріи, что церковь Православная состоитъ тамъ въ рукахъ Австрійскаго Правительства; это производитъ самое тяжелое впечатлѣніе. Когда же вы въ Турціи вошли въ Православный храмъ, ничто во время молитвы не напоминаетъ вамъ про міръ, про власть иноземца и иновѣрца. Вы чувствуете тутъ внутреннюю жизнь и силу Церкви, общины угнетенной, но крѣпкой своею внутреннею жизнію, существующей помимо условій мірскихъ и связанной со всею остальною Церковью только силою внутренняго единства и любви. Оттого-то вы въ Турціи такъ явственно ощущаете духовную свободу и внутреннюю жизнь Церкви! Когда я стоялъ въ Дужской церкви, слыша тѣ же молитвы,

то же служеніе, какъ у насъ, и окруженный толпою простолюдиновъ въ ихъ странныхъ костюмахъ, съ ихъ бритыми головами, съ ихъ красными чалмами въ рукахъ, съ ихъ сумрачно-грустнымъ выраженіемъ лица, которые на меня, чужаго, смотрѣли какъ на роднаго брата, потому что видѣли во мнѣ единовѣрца, я невольно спросилъ себя: какою силою этотъ народъ, въ отдаленномъ, безвѣстномъ уголкѣ Герцеговины, устоялъ въ общеніи Православной Церкви, среди невѣжества, гоненій и соблазновъ? Вѣдь всякій могъ приходить къ нему и проповѣдывать ему, что угодно! Сколько лжи и заблужденій могло проникнуть сюда во время четырехсотлѣтняго мрака! Что удерживало народъ во все это время въ чистотѣ вѣры и общеніи Церкви? Высшая іерархія? Но она въ этихъ отдаленныхъ краяхъ не имѣетъ почти никакой власти; если бы возникло какое-нибудь лжеученіе, къ кому бы она обратилась для его уничтоженія; не къ Турецкому же Правительству! Мѣстное духовенство? но оно такъ мало образовано, что легко бы, по невѣдѣнію, само могло заразиться лжеученіемъ. Итакъ какое было тамъ ручательство въ сохраненіи вѣры и единства церковнаго, кромѣ внутренней силы любви Христіанской, живущей въ самомъ народѣ?

Русскій, пріѣхавшій въ Герцеговину, можетъ особенно оцѣнить это чувство. Я неспособенъ выразить той любви, съ какою простые поселяне смотрѣли на насъ. Они нарочно приходили изъ дальнихъ мѣстъ, чтобы увидѣть Русскихъ. Влекло ли ихъ чувство любопытства, съ которымъ, на примѣръ, глядѣли на насъ Мусульмане? Нѣтъ, это сей-часъ видно было по выраженію лицъ и по рѣчамъ. Ожидали ли они получить что-нибудь отъ насъ? Нѣтъ. Хотѣли ли они разсказать про свои страданія? Очень рѣдко; напротивъ, обыкновенно нужно было не мало времени и усилій, чтобы допытаться отъ поселянъ разсказа объ ихъ состояніи. Нѣтъ; имъ просто хотѣлось «полюбоваться» на Православныхъ, пріѣхавшихъ изъ далекаго царства. Но мо-

жетъ быть, скажутъ, ими руководствовалъ эгоистическій разсчетъ: надежда обратить на себя вниманіе Россіи. И того нѣтъ; про Россію они имѣютъ самое смутное понятіе, про политическія отношенія и разсчеты — никакого. Вся ихъ политическая наука ограничивается тѣмъ, что гдѣ-то далеко на сѣверѣ, есть Православный царь, который «промышляетъ» (*промишля*) о всемъ народѣ Православномъ. Ихъ просто влекла любовь къ братьямъ-единовѣрцамъ.

Да, Герцеговина еще край нетронутый, дѣвственный. На нее еще никто не обращалъ вниманія, — кромѣ Австрійцевъ, которые однако тамъ на Православныхъ вліянія не пріобрѣли. Чистота убѣжденій, основанныхъ на одномъ чувствѣ Христіанской любви, тамъ еще не запятнана въ сельскомъ народѣ никакими эгоистическими разсчетами, никакими сомнѣніями. Но и для Герцеговины кончается пора этой младенческой простоты: послѣднія событія увлекутъ ее въ кругъ разсчетовъ и вліяній, которыхъ она до сихъ поръ была чужда. Не дай Богъ только, чтобы равнодушіе нашего общества породило сомнѣнія въ этомъ народѣ и заглушило сѣмена любви, которыя лежатъ въ его душѣ! Дай Богъ, чтобы мы братскимъ участіемъ нашимъ дали этимъ сѣменамъ возрасти и обратиться изъ безсознательнаго влеченія въ практическое сознаніе!

Переночевавъ въ Дужахъ, мы на другой день послѣ полудня отправились въ Требинье. Разстояніе небольшое, всего часа полтора или два. Сначала мы ѣхали по долинѣ, очень возвышенной, между полями и виноградниками, потомъ спустились къ рѣкѣ Требишницѣ. Рѣка эта, шириною съ Москву-рѣку, течетъ чрезвычайно быстро, «изъ ямы въ яму», какъ выражается народъ, т. е. вытекаетъ изъ пещеры (въ Билечѣ) недалеко отъ Грахова и исчезаетъ подъ землею въ другой пещерѣ (на концѣ Попова поля, близъ села Утово). Такія исчезающія подъ землю рѣки составляютъ особенность Герцеговинской природы; рѣки тамъ, встрѣчая хребты каменистыхъ горъ, проте-

каютъ подъ ними. Многія потомъ опять являются наружу, по другую сторону горъ. Народъ увѣряетъ, что Омбла, которая вырывается вдругъ широкимъ потокомъ изъ-подъ горы близъ Рагузы и, протекши версты три, впадаетъ въ море, есть та же Требишница; я не знаю довольно вѣрно геологическаго построенія того края, и не могу судить, правда ли это.—Мы встрѣчали кое-гдѣ кучки хатъ, величаемыя тутъ именемъ селъ; нѣкоторыя изъ нихъ стоятъ на монастырской землѣ, всѣ прочія на Турецкой. Въ одномъ изъ этихъ *селъ*, Дражиномъ-долѣ, мы видѣли то, что въ Герцеговинѣ называется сельскою церковью. Это каменная каморка, которая легко бы помѣстилась у насъ въ обыкновенной комнатѣ какого нибудь дома. Досчатая голая перегородка замѣняетъ иконостасъ; царскихъ дверей нѣтъ; голая каменная плита на столбикѣ служитъ алтаремъ. Въ церкви нѣтъ ни креста, ни образа, ни книгъ, ни утвари: все это хранится по избамъ у окрестныхъ поселянъ, и приносится ими въ церковь въ день, назначенный для богослуженія: если бы что нибудь было оставлено въ церкви, то Мусульмане непремѣнно бы похитили; только въ послѣдніе годы они стали позволять, чтобы церкви запирались; прежде онѣ должны были стоять всегда открытыми, безъ дверей, и нерѣдко Христіане, пришедши въ церковь на богослуженіе, находили ее полною нечистоты. Такихъ маленькихъ сельскихъ церквей очень много въ юго-восточной части Герцеговины. Онѣ построены были, какъ кажется, почти всѣ въ началѣ эпохи Турецкаго владычества, и при всей некрасивости и бѣдности своей, свидѣтельствуютъ о ревности Требиньскихъ христіанъ къ богослуженію. Въ Босніи и сѣверо-западной Герцеговинѣ сельскихъ церквей нѣтъ почти вовсе. Изъ этихъ церквей многія въ недавнее еще время были разрушены Турками; въ другихъ алтарь ниспровергнутъ. При тѣхъ, въ которыхъ еще служатъ, или, какъ Сербы выражаются страннымъ образомъ, при тѣхъ церквахъ, *которыя поютъ*, священниковъ нѣтъ; онѣ предоставлены совершенно на попеченіе

поселянъ. Какъ большая часть поселянъ такъ бѣдны, что не могутъ заниматься этимъ дѣломъ, хотя оно требуетъ не много времени, то всѣ заботы о церкви обрушиваются на одного какого-нибудь человѣка, который почитается зажиточнымъ, и онъ ихъ принимаетъ на себя «для спасенія души»; я видѣлъ въ Дужахъ одного такого поселянина изъ Попова, который имѣетъ на своемъ попеченіи четыре церкви. Въ большіе праздники, раза четыре или шесть въ годъ, пріѣзжаютъ поочередно въ сельскія церкви монахи одного изъ окрестныхъ монастырей, Дужей, Завалы въ Поповѣ и Добричева въ Зарячѣ. Если они не привезутъ съ собою изъ монастыря Евангелія, Служебника и другихъ нужныхъ книгъ, то приходится служить по какимъ - нибудь изорваннымъ кускамъ рукописей XVI и XVII столѣтій или старопечатныхъ Сербскихъ книгъ, которые хранятся у поселянъ. Но и это богослуженіе, раза 4 или 6 въ годъ, есть сущее благодѣяніе для жителей. Каждый изъ Требиньскихъ Христіанъ имѣетъ такимъ образомъ случай слышать хотя изрѣдка слово Божіе; что было бы невозможно, если бы богослуженіе ограничивалось одними монастырями: при трудности горныхъ дорогъ и бѣдности христіанъ (которые умерли бы съ голоду, если бы на нѣсколько дней оставили свои работы), монастыри могутъ быть посѣщаемы весьма немногими только изъ поселянъ. Благотворное вліяніе этихъ бѣдныхъ сельскихъ церквей видно въ той особенной склонности Требиньскихъ Христіанъ къ просвѣщенію, въ той особенной живости ума и томъ сознательномъ чувствѣ вѣры, которыя отличаютъ ихъ отъ поселянъ сѣверо-западной Герцеговины и Босніи, гдѣ сельскій житель часто растетъ, старѣется и умираетъ, не видавъ никогда церковнаго служенія.

Я полагаю, что эти бѣдныя лачужки, посвященныя Богу въ странѣ, гдѣ христіанская вѣра такъ страшно угнетена, эти лачужки, оказывающія такое благое вліяніе на цѣлый Православный край и, конечно, не менѣе угодныя Богу, чѣмъ велико-

лѣпные храмы, въ которыхъ мы привыкли молиться, возбудятъ участіе многихъ изъ моихъ читателей и читательницъ, и что нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, даже пожелаютъ помочь одной изъ этихъ церквей посылкою какой-нибудь простой утвари, ризы или книгъ. Потому я здѣсь прилагаю списокъ сельскихъ церквей во всемъ Требиньскомъ округѣ, обнимающемъ юго-восточный уголъ Герцеговины:

1) Волость Требиньская (гдѣ Православныхъ домовъ 294, Мусульманскихъ 356):

въ селѣ Рупела, церковь Благовѣщенія;
» » Горица, » Св. Георгія Побѣдоносца;
» » Мостачи, двѣ церкви, Св. Климента и Св. Параскевіи;
» » Дражинъ-долъ, церковь Св. Климента;
» » Кутли, ц. Св. Безсребренниковъ Космы и Даміана;
» » Гомиляне, ц. Св. Георгія;
» » Волуяцъ, ц. Св. Троицы;
» » Чичево, ц. Св. Пантелеимона.

2) Волость Шума (гдѣ Православныхъ домовъ 192, Мусульманскихъ 19, Католическихъ 4):

въ селѣ Талежа, церковь Св. Стефана Первомученика;
» » Гологлавица, ц. Пророка Иліи;
» » Дѣдичи, ц Св. Варвары;
» » Хумъ, ц. Рождества Пресв. Богородицы;
» » Запланикъ, ц. Св. Пантелеимона;
» » Лугъ, ц. Рождества Пресв. Богородицы;
» » Месари, ц. Пророка Иліи.

3) Волость Третица (Православныхъ домовъ 32, Мусульманскихъ 16):

въ селѣ Полицы, церковь Св. Андрея Первозваннаго.

4) Волость Површтъ (Православныхъ домовъ 85, Мусульманскій 1):

въ селѣ Главска, церковь Благовѣщенія;

въ селѣ Сливница, ц. Св. Климента;
» » Лѣкова, ц. Св. Параскевіи;
» » Мрничи, ц. Рождества Іоанна Крестителя.

5) Волость Зубцы (Православныхъ домовъ 185, Мусульманъ нѣтъ):

въ селѣ Грабъ, церковь Св. Параскевіи;
» » Бугоево-село, ц. Пророка Иліи;
» » Коньско, ц. Вознесенія;
» » Турмента, ц. Успенія Пресв. Богородицы.

6) Волость Драчевица (Православныхъ домовъ 90, Мусульманъ нѣтъ):

въ селѣ Жвине, двѣ церкви, Пророка Иліи и Св. Стефана Первомученика;
» » Лучичи, двѣ церкви, Св. Николая Чудотворца и Рождества Іоанна Крестителя;
» » Мокрины, ц. Св. Параскевіи.

7) Волость Крушевица (Православныхъ домовъ 90, Мусульманъ нѣтъ):

въ селѣ Крушевица, церковь Рождества Іоанна Крестителя.

8) Волость Кореничи (Православныхъ домовъ 72, Мусульманскихъ 160):

Были церкви въ селахъ Клобукъ, Грнчарево, Ластва, Ораховацъ, но теперь разрушены.

9) Волость Заряча (Православныхъ домовъ 93, Мусульманскихъ 23):

въ селѣ Моско, церковь Св. Лазаря; есть также церкви въ с. Мируши и Пилатовцы.

10) Волость Любомиръ (Православныхъ домовъ 102, Мусульманъ нѣтъ):

въ селѣ Домашево, церковь Св. Николая;
» » Угарци, ц. Св. Архангелъ Михаила и Гавріила;
» » Врхполе, ц. Св. Іоакима и Анны.

11) Волость Требиховы (Православныхъ домовъ 52, Мусульманскихъ 13):

въ селѣ Требиховы, церковь Св. Стефана Первомученика.

12) Волость Загора (Православныхъ домовъ 35, Мусульманъ нѣтъ):

въ селѣ Загора, церковь Св. Параскевіи.

13) Волость Любинье (Православныхъ домовъ 163, Мусульманскихъ 170):

въ селѣ Градацъ, церковь Благовѣщенія;

14) Волость Бобане (Православныхъ домовъ 104, Католическихъ 26, Мусульманскихъ нѣтъ):

въ селѣ Просѣкъ, церковь Св. Іоанна Крестителя.

15) Волость Попово (Православныхъ домовъ 250, Католическихъ 113, Мусульманскихъ 14):

въ селѣ Полицы, 2 церкви, Св. Николая и Рождества Іоанна Крестителя;
» » Седларе, ц. Пророка Иліи;
» » Грмляне, ц. Рождества Іоанна Крестителя;
» » Орашье, ц. Благовѣщенія;
» » Струничи, ц. Св. Варвары;
» » Величане, ц. Св. Архангелъ Михаила и Гавріила;
» » Дубяне, ц. Св. Георгія;
» » Драчево, ц. Св. Космы и Даміана;
» » Дрѣняне, ц. Св. Николая;
» » Мрконичи, ц. Св. Николая;
» » Туле, ц. Св. Павла Апостола;
» » Жаково, ц. Св. Іоанна Богослова [1]).

---

1) Этимъ перечнемъ церквей въ Требиньскомъ округѣ я обязанъ Дужскому Іеромонаху Никифору Дучичу.

II.

Отъ Требинья до Стольца.

Мы переѣхали рѣку Требишницу[1]) на первобытной широкой лодкѣ; сначала перевезли насъ, а потомъ лошадей. Дорога была нестерпимо дурна; но потомъ вдругъ представился, къ крайнему нашему удивленію, кусокъ очень порядочной мостовой. Я спросилъ о происхожденіи этого невиданнаго явленія, и получилъ вотъ какой наивный отвѣтъ: «дорога была тутъ прежде такая, что ѣхалъ Турокъ и сломалъ себѣ шею; тогда сыновья его, по обѣту, вымостили это мѣсто». Но странно, что поперекъ этой дороги въ нѣсколькихъ мѣстахъ положены нарочно грядки камней, такъ что и тутъ какъ разъ споткнешься и сломишь себѣ шею, какъ тотъ Турокъ, о которомъ мнѣ говорили. — Когда подъѣзжаешь къ Требинью, хорошая дорога прекращается. Близъ города, во многихъ мѣстахъ стояли толпы Христіанъ, чтобы видѣть насъ; у въѣзда въ городъ насъ встрѣтилъ мудиръ (окружный начальникъ) Требиньскій, Хаджи-бегъ Ресулбеговичъ, на славной Арабской лошади, съ многочисленною, но весьма ободранною свитою, и предложилъ намъ квартиру въ своемъ лѣтнемъ домѣ. Описывать Турецкаго дома подробно я не стану. Въ немъ всегда, какъ извѣстно, двѣ совершенно отдѣльныхъ части: мужская и женская. Мужская часть обыкновенно состоитъ изъ голой, грязной передней, изъ залы устланной ковромъ, съ возвышеніемъ (обыкновенно въ $^1/_4$ аршина) сколоченнымъ изъ досокъ вдоль трехъ стѣнъ; на этомъ возвышеніи положены подушки, на которыхъ сидятъ; вдоль четвертой стѣны, ближайшей ко входу, устроена довольно широкая загородка изъ досокъ, не совсѣмъ доходящая до потолка; въ ней сдѣланы шкапчики съ дверцами и полочками для кофейниковъ и чашекъ, иногда даже шкапы, служащіе

1) Ее называютъ также и, кажется, правильнѣе, Требиньшица и Требиньштица.

банею, и разныя хозяйственныя помѣщенія. Эта загородка непремѣнно идетъ отъ одной стѣны до другой; противъ двери сдѣланъ въ ней проходъ въ видѣ арки. Это необходимая принадлежность Турецкой залы; другая принадлежность, если зала имѣетъ сколько нибудь претензію на изящество — потолокъ, расписанный яркими полосами, желтыми, зелеными, красными и т. под. Турецкая комната имѣетъ непремѣнно одну только дверь; внутренняго сообщенія въ домахъ нѣтъ никогда; комнаты выходятъ или въ галлерею, которая окружаетъ верхній этажъ дома со стороны двора, или въ корридоры. Въ родѣ описанной залы и всѣ другія комнаты, только онѣ поменьше, ковры похуже и погрязнѣе и живописи на потолкѣ нѣтъ. Христіанскіе дома въ городахъ устроены точно такимъ же образомъ.

Требиньскій мудиръ Хаджи-бегъ Ресулбеговичъ человѣкъ замѣчательный и во всей Герцеговинѣ извѣстный. Онъ потомокъ одного изъ главныхъ родовъ туземной Мусульманской знати; онъ, вмѣстѣ съ Столецкимъ мудиромъ Ханзи-бегомъ Ризванбеговичемъ, котораго вскорѣ буду имѣть удовольствіе представить благосклонному читателю, единственный остатокъ тѣхъ туземныхъ аристократовъ, которые въ прежнее время наслѣдственно управляли всѣми краями Герцеговины и Босніи; послѣ усмиренія бунта Мусульманъ Боснійскихъ и Герцеговинскихъ въ 1851 году, Турецкое правительство, какъ извѣстно, уничтожило власть этой аристократіи, и на мѣсто наслѣдственныхъ туземныхъ правителей стало назначать начальниками округовъ Стамбульскихъ чиновниковъ. Хаджи-бегъ Ресулбеговичъ въ Требиньѣ и Ханзи-бегъ Ризванбеговичъ въ Стольцѣ какъ-то умѣли поладить съ новымъ порядкомъ вещей и остались чиновниками Правительства тамъ, гдѣ ихъ отцы и дѣды были чѣмъ-то въ родѣ полунезависимыхъ средневѣковыхъ бароновъ. Ханзи-бегъ даже рѣшился надѣть ненавистный Славянамъ-Мусульманамъ мундиръ; но начальникъ Требиньскій отстоялъ прадѣдовскую чалму и длиннополый кафтанъ, — въ качествѣ ученаго,

«улемы»: дѣло въ томъ, что онъ ѣздилъ въ Мекку, выучилъ наизусть Коранъ, и слыветъ такимъ мудрецомъ, какому нѣтъ подобнаго во всей Герцеговинѣ. Въ этихъ двухъ господахъ я могъ изучить два замѣчательныхъ типа прежней Мусульманской аристократіи Герцеговинской: Столецкій мудиръ Ханзи-бегъ представляетъ ея благородную сторону, при всей дикости: ея молодечество, откровенность и добродушіе (не мѣшающее, впрочемъ, по временамъ и свирѣпости); мудиръ Требиньскій есть типъ ея фанатизма и систематической жестокости. Лицо его жесткое и непріятное. Онъ однако принялъ насъ съ великою лаской и всякими сладкими рѣчами, говорилъ о своемъ безпристрастіи къ Христіанамъ, къ «Влахамъ» (такъ называютъ Славяне-Мусульмане своихъ подданныхъ, Христіанъ), разсказывалъ про свою дружбу съ Дужскими монахами. Потомъ мы узнали про него, что всѣ Христіане Требиньскаго края называютъ его единогласно своимъ «кровопійцею»; что онъ организовалъ систематическій грабежъ въ своемъ округѣ; что онъ авторитетомъ своего оффиціальнаго положенія прикрываетъ всѣ самыя страшныя жестокости Мусульманъ-помѣщиковъ и не даетъ ни одной жалобѣ Христіанъ достигнуть до Паши или до Правительства, или, если бы она какъ нибудь мимо его дошла до Мостара, умѣетъ замять всякое дѣло подъ предлогомъ справокъ на мѣстѣ и слѣдствій; что онъ даже поощряетъ Мусульманъ въ фанатизмѣ противъ Христіанъ и въ преслѣдованіи ихъ. Этотъ именно Хаджи-бегъ наконецъ до того вывелъ Христіанъ изъ терпѣнія, что они рѣшились (въ прошломъ декабрѣ) собраться, чтобы общимъ голосомъ молить Правительство о защитѣ; онъ же тогда подалъ Требиньскимъ Мусульманамъ знакъ къ вѣроломному нападенію на этихъ собравшихся Христіанъ, и сдѣлался такимъ образомъ виновникомъ возстанія, разорившаго и покрывшаго пепломъ и кровью этотъ несчастный край. Говорили, что Турецкое правительство наконецъ рѣшилось отставить этого изувѣра. Но если его не удалятъ изъ Требинья, Христіанамъ

легче не будетъ: потому что онъ, хотя безъ оффиціальной должности, останется все-таки по своему аристократическому положенію и богатству, главою Мусульманъ во всемъ Требиньскомъ округѣ.

Я занялся самимъ Хаджи-бегомъ, и не упомянулъ о лицахъ, которыя мы встрѣтили въ его домѣ. Они показались намъ очень характеристическими, но долго описывать ихъ я не стану. Тутъ былъ мудиръ Суторинскій (Суторино — маленькая крѣпостца на той узкой полосѣ Турецкой земли, которая вдается клиномъ въ Австрійскія владѣнія и доходитъ до самаго берега Каттарскаго залива), мудиръ Суторинскій, говорю я, — настоящій чиновникъ Османли, котораго въ домѣ Хаджи-бега сажали на единственный имѣвшійся тамъ стулъ и который при первомъ же словѣ разговора съ нами объявилъ намъ, что онъ не ѣстъ пальцами, а имѣетъ въ Суторинѣ вилку: впрочемъ трусъ удивительный, какъ настоящій чиновникъ Османли, такой трусъ, что онъ, при первой вѣсти о возстаніи Христіанъ въ Герцеговинѣ, бросилъ свою крѣпость и бѣжалъ въ Черногорію, увѣренный, что только подъ покровительствомъ Черногорскаго князя будетъ безопасенъ отъ преслѣдованія мятежныхъ *райи*. Тутъ былъ сумрачный, молчаливый, желтокожій съ орлинымъ носомъ и ястребиными глазами Албанецъ, бимбаши (маіоръ), начальникъ баши-бузуковъ[1]), Тосковъ, содержавшихъ караулы по Черногорской границѣ; Албанецъ, который вышелъ вдругъ, какъ бы силою волшебнаго слова, изъ своей апатіи, когда я произнесъ въ разговорѣ имя «Геги»: «Геги»! воскликнулъ онъ, и глаза у него заискрились, и онъ дико захохоталъ: «Геги — да это самой подлый народъ на свѣтѣ: въ головѣ мозгу нѣтъ, нѣтъ въ сердцѣ вѣры и правды, только и думаютъ, какъ бы убить или ограбить человѣка»! Многимъ едва ли извѣстно, что Албанскій народъ раздѣляется на два

---

1) Иррегулярной милиціи.

племени, сѣверное, Геговъ, и южное, Тосковъ, говорящихъ нѣсколько различными нарѣчіями; по этому отзыву моего *бимбаши* можете заключить, какъ Тоски любятъ Геговъ; спросите Гега про Тоска, и вы услышите точно такое же дружеское сужденіе. Другихъ лицъ этой компаніи я вамъ не представляю, а ихъ иногда набиралось столько, чтобы поглядѣть на Московъ, что на диванахъ кругомъ всѣхъ стѣнъ часто не было мѣста, гдѣ присѣсть на корточкахъ поклонникамъ Магомета и «Московы» скрывались отъ ихъ любопытствующихъ взоровъ непроницаемыми облаками дыма. Въ залѣ было безпрерывное движеніе: всякую минуту входилъ какой-нибудь Турокъ въ чалмѣ и «широкомъ» платьѣ, дѣлалъ «селямъ» (привѣтствіе) хозяину, прикладывая руку къ груди, рту и лбу, сбрасывалъ туфли и подобравъ полы одежды, ловко вскакивалъ на диванъ и опускался на немъ съ скрещенными подъ собою ногами; послѣ этой операціи, которая дѣлается въ одно мгновеніе, онъ возобновлялъ «селямы» уже не одному хозяину, а всей компаніи по порядку, спрашивалъ меня: «како си?» «эси ли добро путовао?» «эси ли рахотъ?» «э ли ти не обично у нашой земли?» (какъ поживаешь? хорошо ли путешествовалъ? успокоился ли? непривычно ли тебѣ въ нашей земли?) и т. п.; потомъ выкуривалъ трубку въ молчаніи, изрѣдка прерываемомъ новыми вопросами; выкуривъ трубку, вскакивалъ, быстро надѣвалъ туфли и, ничего не говоря и безо всякихъ «селямовъ», уходилъ изъ комнаты, оставляя свое мѣсто новымъ посѣтителямъ. Сидѣть часа три въ облакахъ табачнаго дыма, быть предметомъ такого вниманія, съ какимъ смотрятъ на заморскую диковинку и въ то же время отвѣчать на нескончаемые глупѣйшіе вопросы, непріятно, особенно съ непривычки. У моего спутника отъ такого угощенія голова разболѣлась страшно и нервы пришли въ разстройство; я показалъ въ себѣ, совершенно для меня самаго неожиданно, частицу того стоическаго хладнокровія, какимъ въ столь высокой степени отличаются звѣри,

обжившіеся въ менажереѣ. Однако къ вечеру хозяинъ заблагоразсудилъ прекратить представленіе; потомъ и самъ онъ удалился, и это было знакомъ, чтобы подали кушать: Турки не считаютъ вѣжливымъ присутствовать при обѣдѣ или ужинѣ гостя или садиться съ нимъ за столъ; если они это дѣлаютъ, то не иначе, какъ извинившись въ своей безцеремонности. Сначала намъ принесли умывальникъ; когда мы умыли руки, намъ положили на колѣни длинное общее полотенце вмѣсто салфетокъ, принесли низенькій шестиугольный столикъ (въ ½ аршина вышиною) и помѣстили между нами; поставили на него круглый оловянный подносъ съ чашкою водянаго супа, кусками плоскаго, рыхлаго, сѣроватаго (однако пшеничнаго) хлѣба, называемаго *погача*, и деревянными ложками, похожими на наши простонародныя ложки; тарелокъ нѣтъ, а ѣдятъ изъ общаго блюда, всегда маленькаго, круглаго, оловяннаго, съ оловянной же крышкою; такихъ блюдъ подавалось множество, иногда по два и по три вмѣстѣ: тутъ была и говядина мелко изрубленная и жаренная въ маслѣ на сковородѣ, и молочное, и опять говядина мелко нарѣзанная и жаренная на вертелѣ, и простокваша, и опять что-то молочное и сладкое, и опять новое нѣчто сладкое, и баранина и, непремѣнное заключеніе Турецкаго обѣда, пилавъ.

Послѣ этого гастрономическаго отчета, что сказать еще о нашемъ пребываніи въ Требиньѣ? Да, надобно описать самый городъ этотъ, столь знаменитый во всей Герцеговинѣ, уже упоминаемый Императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ въ X вѣкѣ и бывшій нѣкогда столицею особаго княжества Сербскаго. Требинье имѣетъ издали видъ длиннаго ряда селеній, расположенныхъ у подошвы хребта Гливы, на краю превосходнаго поля, орошаемаго Требишницею; отдѣльныя кучки домовъ носятъ особыя названія и считаются внѣ города; Требинье въ собственномъ смыслѣ или *градъ* Требиньскій, заключаетъ въ себѣ всего 50 Мусульманскихъ домовъ, грязныхъ,

полуразвалившихся, которымъ въ добавокъ сѣрый цвѣтъ камня (единственнаго строительнаго матеріала въ Герцеговинѣ) придаетъ особенно грустный видъ; *градъ* обнесенъ стѣною, также разваливающеюся, и окруженъ канавою; улицы въ немъ такъ узки, что похожи скорѣе на проходные дворы; во многихъ мѣстахъ дома соединяются надъ улицею переходами. Внѣ городской стѣны построена грязная *чаршія* (гостиный дворъ): въ ней считаютъ до 70 лавокъ, и тутъ же, въ предмѣстьѣ, живетъ нѣсколько Христіанъ-купцовъ (всего 5 семействъ) и десятка два семействъ Цыганъ, обращенныхъ въ Мусульманскую вѣру. Христіанъ довольно много въ окрестныхъ селеніяхъ; но вообще ихъ около Требинья меньше, чѣмъ Мусульманъ. Требинье съ его околоткомъ есть главный оплотъ Ислама въ восточной Герцеговинѣ. Но на востокъ отъ Требинья съ его ближайшею окрестностью начинается край, гдѣ живутъ Православные безъ всякой чужой примѣси: это Зубчане, Крушевичане, Драчевичане, Любоміряне, народъ свѣжій, бодрый, воинственный, который при всей малочисленности своей умѣлъ до сихъ поръ не пускать Мусульманъ въ свои селенія.

Отъ Требинья мы направились къ сѣверу и сѣверо-западу. До Любинья считаютъ 8 «лѣпыхъ» (слово-въ-слово «прекрасныхъ», по нашему «добрыхъ») часовъ, т. е. какъ ни спѣши, меньше чѣмъ въ 10 часовъ не доѣдешь. Надобно подняться чрезвычайно высоко, по сквернѣйшей дорогѣ, на хребетъ Гливу, а оттуда еще на другую гору, Кличане. Если на Кличанахъ обернуться и поглядѣть назадъ, то видъ дѣйствительно можетъ вознаградить весь трудъ подъема на такую высоту, гдѣ даже въ жаркій лѣтній день (въ Герцеговинѣ Май — лѣто) намъ стало ощутительно-холодно. О, если бы это было въ Германіи, подумали мы, какой бы тутъ былъ славный Hôtel Bellevue! Передъ нами цѣпи горъ, отдѣляющихъ Герцеговину отъ Далмаціи; справа и слѣва, вдалекѣ, такіе же мрачные сѣрые хребты, подъ нами зеленое поле Требиньское съ вьющеюся по немъ голу-

бою лентою, рѣкою Требишницею, и вокругъ его горы пониже, которыя съ этой вышины кажутся холмами и за которыми видны опять долины; подъ самыми ногами нашими, у изгиба рѣки, селеніе съ большою развалиною, остатками нѣкогда знаменитаго монастыря Тврдоша. Однако подымемся еще выше, гдѣ ужъ неровности горнаго склона скрываютъ отъ насъ прекрасный видъ. Поѣдемъ по плоской возвышенности, развивающейся передъ нами на вершинѣ Кличанъ. Это непривлекательный край, называемый Требиховы; мы тутъ встрѣтимъ только камень, найдемъ почти необработанныя долины и ограждающія ихъ скалистыя горы, которыя съ лѣвой стороны образуютъ непрерывный и грозный по своей недоступности хребетъ (Силевацъ, далѣе Радовина и Бѣласница), отдѣляющій богатую равнину Попова отъ Любиньскаго края. Въ одной изъ долинъ подъ этимъ хребтомъ, мы увидимъ бѣдную Христіанскую деревушку, Грбешу; насъ поразитъ стоящій у дороги странный каменный столбъ, съ грубо изваянною формою головы человѣческой, но безъ обозначенія чертъ лица, нѣчто въ родѣ *бабъ*, такъ обильно разсѣянныхъ по южной Россіи; еще болѣе поразитъ насъ разсказъ нашихъ провожатыхъ, что эти столбы (или какъ ихъ называютъ, *билѣги*, т. е. знаки) тянутся непрерывнымъ рядомъ отсюда до самаго моря, и что эти *билѣги* были поставлены Греками, жившими тутъ въ старинныя времена. — Но еще не конецъ странствованію по высотамъ. Приходится опять подниматься и за новымъ хребтомъ открывается передъ нами небольшая волость *Загора*, которая вся заключается въ Христіанскомъ селѣ того же имени, виднѣющемся въ долинѣ. На пути мы встрѣчаемъ только шалашъ, въ которомъ живутъ лѣтомъ (или должны жить) *пандуры*, оберегатели безопасности дорогъ. Зная о нашемъ проѣздѣ, они были всѣ въ сборѣ. Наши тѣлохранители-пѣшеходы, сопровождавшіе насъ изъ Требинья, тутъ насъ остановили, поблагодаривъ за *бакшишъ*, и на смѣну имъ поступило человѣкъ шесть изъ пандуровъ. Удивительное охра-

ненie безопасности путешественника! Два пандура идутъ пѣшкомъ, перебираясь или прыгая съ камня на камень, подъ самымъ носомъ вашей лошади, и несутъ на плечѣ заряженное ружье, съ невообразимою флегмою уставивъ его дуломъ прямо вамъ въ лобъ! Сначала, съ непривычки, когда посмотришь на дуло, дѣлается какъ-то непріятно: ну, какъ вдругъ, при неловкомъ прыжкѣ пандура, курокъ соскочитъ? но потомъ ѣдешь цѣлые часы, не обращая никакого вниманія на невозмутимыхъ ликторовъ: въ Турціи такой воздухъ, что поневолѣ становишься фаталистомъ. Въ Загорѣ археологъ можетъ найти опять предметъ любопытный: именно, тамъ въ двухъ мѣстахъ, на возвышеніяхъ, разбросано множество огромныхъ каменныхъ плитъ, довольно правильно и тщательно обтесанныхъ; онѣ частью лежатъ, частью, особенно которыя потолще, стоятъ. Мы искали надписей, но не нашли ни одной. Наши провожатые говорили намъ, что это кладбище опять-таки Грековъ, прежнихъ обитателей страны; что такихъ кладбищъ множество во всей Герцеговинѣ, особенно на Поповомъ полѣ, и будто тамъ есть такіе камни съ надписями. Преданіе о «Грекахъ», какъ о народѣ, который жилъ первоначально въ Герцеговинѣ, пока Сербы не пришли туда и не отняли у него земли, чрезвычайно живо въ этомъ краѣ; мнѣ его повторяли безпрестанно и Христіане и Мусульмане во всей полосѣ, пограничной съ Далмаціею, въ Требиньскомъ округѣ и около Мостара, а также въ Лѣвненской и Гламочской нахіяхъ, принадлежащихъ къ Босніи, но по своему положенію и природѣ составляющихъ, собственно, продолженіе Герцеговины. Вездѣ эти разсказы совершенно одинаковы; никакихъ подробностей объ этихъ древнихъ Грекахъ и о томъ, куда они дѣвались, когда пришли Сербы, я не слыхалъ; разсказываютъ только, что они были люди огромнаго роста и сильные. Въ восточной части Герцеговины, прилегающей къ Босніи и въ самой Босніи (кромѣ двухъ упомянутыхъ нахій) этихъ преданій не слыхать, да и такихъ памятниковъ тамъ

нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно. Непремѣнно слѣдуетъ изучить подробно эти остатки древнихъ обитателей западной Герцеговины, остатки, которые, какъ кажется, совпадаютъ именно съ предѣлами древняго народа Далматовъ, и раскопать мѣста, которыя народъ называетъ ихъ кладбищами. Такихъ плитъ и столбовъ мы видѣли сотни по дорогѣ отъ Требинья до Мостара; изслѣдователь, который станетъ искать ихъ въ сторонѣ отъ дорогъ, насчитаетъ ихъ тысячами. Не всѣ они безъ знаковъ: на нѣкоторыхъ мы видѣли грубо начертанныя фигуры людей, лошадей, стрѣлъ и какія-то фантастическія изображенія. Въ урочищѣ Узеновичахъ близъ Стольца стоятъ у дороги два огромныхъ каменныхъ креста, высѣченныхъ изъ камня, работы, очевидно, гораздо новѣйшей, чѣмъ плиты и столбы, о которыхъ я говорилъ, но тоже принадлежащіе, какъ кажется, къ весьма древней эпохѣ и приписываемые народомъ тѣмъ же первобытнымъ Грекамъ.

Послѣ мучительнаго переѣзда, который намъ показался просто безконечнымъ, мы наконецъ спустились въ красивое, не дурно обработанное поле, и тутъ, у поворота подъ горою, ожидала насъ встрѣча; выѣхалъ Любиньскій мудиръ-векили, т. е. намѣстникъ окружнаго начальника (имя его я забылъ), человѣкъ молодцоватой наружности, весьма красиво носившій изящный костюмъ туземцевъ Мусульманъ: на немъ были широкіе красные шалвары, бѣлая рубаха съ широкими рукавами, плотно сдерживаемая у стана *елекомъ* (жилетъ обшитый узкимъ галуномъ и застегнутый на крючки) и красный съ черными узорами доламъ съ разрѣзными рукавами, которые держатся только у плечъ и спадаютъ выше локтей, свободно извиваясь около бѣлыхъ рукавовъ рубахи; кругомъ стана широкій кожаный поясъ съ длинными пистолетами и кинжаломъ; на головѣ красный фесъ съ синею кистію.

Мы обрадовались этой встрѣчѣ, какъ признаку близости

города; но городъ еще былъ не такъ близокъ: только часа черезъ полтора достигли мы желаннаго Любинья.

Это самое жалкое мѣстечко, какое можно себѣ вообразить, но какъ всѣ города въ Герцеговинѣ, прекрасиво расположенное у подножія горы, среди узкой довольно длинной долины; юго-восточная половина ея, которую мы только что проѣхали, называется Край-поле (тамъ видна вдалекѣ Христіанская деревня того-же имени), сѣверо-западная половина — Конацъ-поле. Въ самомъ городѣ Любиньѣ почти всѣ жители Мусульмане: въ немъ 120 Мусульманскихъ домовъ (жителей въ нихъ считается 987) и только 12 домовъ Христіанскихъ, въ коихъ 92 жителя. Дома Мусульманъ, построенные изъ того же сѣраго камня, какъ всѣ дома въ Герцеговинѣ, еще болѣе развалились чѣмъ въ Требиньѣ: многіе стоятъ пустыми. Запустѣла также и развалилась старинная башня, твердыня прежнихъ беговъ Любиньскихъ. Удивительно, какъ въ Босніи и Герцеговинѣ пустѣетъ и разрушается все то, что принадлежитъ Мусульманамъ. Вы встрѣчаете село и видите въ немъ развалившуюся, брошенную избу: спросите, чья была эта изба, и вамъ непремѣнно скажутъ, что въ ней жилъ Мусульманинъ. Кто содержалъ этотъ ханъ, который теперь стоитъ на дорогѣ пустой? Мусульманинъ. Отчего разрушилась эта крѣпкая башня? «*это, бег у њой сьдио, па се обаталила* (такъ вотъ, бегъ (знатный Мусульманинъ) *сидѣлъ* (т. е. жилъ) въ ней, и она развалилась». Какой это кварталъ въ Стольцѣ, въ Мостарѣ, въ Высокомъ, въ Фойницѣ, въ Скоплѣ, въ Травникѣ, въ Яйцѣ, въ Банялукѣ, въ Лѣвнѣ, въ Новой Варонии, въ Фочѣ, въ Таслиджѣ, въ Прѣполѣ, словомъ, въ любомъ городѣ Боснійскомъ или Герцеговинскомъ, куда заѣдете, — какой это кварталъ, въ которомъ столько пустыхъ домовъ, безъ крышъ, безъ оконъ и дверей, съ обсыпавшимися стѣнами? «*Турка махала* (Мусульманскій кварталъ), отвѣтятъ вамъ. А въ тѣхъ городахъ, гдѣ живутъ одни или почти одни Мусульмане, какъ напримѣръ знакомые уже чита-

телю Требинье и Вюбинье, или какъ Гламочъ, Рогатица, Вышеградъ, Прѣдоръ, Сѣница, съ которыми онъ познокомится въ послѣдствіи, разрушеніе повсемѣстно. Напротивъ, гдѣ живутъ Христіане, до тѣхъ мѣстъ оно не смѣетъ прикоснуться. — Въ Любиньѣ Христіане находятся въ сильномъ угнетеніи; имъ даже не позволено было выйти посмотрѣть на насъ. Они ходятъ въ церковь въ одну изъ ближайшихъ деревень, Градацъ и Дубочицу.

Мудиръ-векили Любиньскій вовсе не такой большой баринъ и аристократъ, какъ мудиръ Требиньскій. Онъ, правда, помѣщикъ, но снизошелъ до содержанія въ своемъ «конакѣ» постоялаго двора, въ который онъ насъ и ввелъ. Впрочемъ онъ говорилъ, что принимаетъ къ себѣ не всякаго проѣзжаго безъ разбора, а только своихъ пріятелей; въ качествѣ пріятеля, его тогдашній постоялецъ, сѣдобрадый купецъ-Мусульманинъ изъ Мостара, счелъ долгомъ прійти къ намъ и услаждать насъ своими разспросами и своею бесѣдою; эта бесѣда продолжалась не мало времени, не къ удовольствію усталыхъ путниковъ, которые помышляли только объ отдыхѣ. Но зато мы узнали изъ нея нѣсколько характеристическихъ чертъ Мусульманскихъ воззрѣній. Разскажу одну или двѣ изъ нихъ. Нашъ собесѣдникъ говорилъ намъ, что онъ въ старину много ѣздилъ для торговыхъ дѣлъ. «А что же теперь, перестали ѣздить?» — Да, только сюда ѣздимъ, по близости, посмотрѣть на *читлукъ* (имѣніе), которое мы тутъ купили; а въ дальнія мѣста не пускаемся; старость пришла, да ктому же *фамилія* у насъ большая (Мусульмане постоянно употребляютъ это слово *фамилія*: какъ чужое, оно имъ кажется наименѣе нескромнымъ; часто *фамилія* у нихъ значитъ просто *жена*). — «А большая у васъ фамилія?» спросилъ я, чтобы продолжать разговоръ. — Не малая: три сына и, *да опростите* (съ позволеніемъ сказать), двѣ дочери. — «А въ прежнихъ путешествіяхъ были ль вы въ Сараевѣ»? — Были-смо (Мусульманинъ Герцеговинецъ и Боснякъ говоритъ о себѣ во

множественномъ числѣ: «мы были», а къ другому обращается съ словомъ *ты*). «Ну, каково Сараево?» — Мѣсто *лѣпое* (прекрасное), здоровое, вода въ немъ хорошая. «А были вы въ *Нѣмачкой* (Нѣмецкой землѣ, т. е. Австріи)?» — *Долагили-смо и тамо, у Млѣтке* (мы доходили и туда, въ Венеціи были). — «Какъ же вамъ показалась Венеція?» — Дрянной городъ, вода скверная. — По этому отвѣту мы убѣдились, что Мусульмане судятъ, хорошъ ли городъ или дуренъ, потому, вкусна ли въ немъ показалась имъ вода или нѣтъ; и подобный отзывъ о какомъ-нибудь городѣ мы слышали отъ нихъ не одинъ разъ, а тысячу.

Не много остается разсказать про Любинье и Любиньскаго градоначальника. Вотъ развѣ какое происшествіе заслуживаетъ еще упоминовенія. Утромъ передъ выѣздомъ въ Столацъ, я отправился походить по городу, а мой спутникъ, усталый съ дороги, лежалъ еще, дожидаясь, пока прислуга кончитъ сборы и лошадей осѣдлаютъ. Входитъ въ комнату нашъ хозяинъ, градоначальникъ и содержатель постоялаго двора, и вступаетъ въ разговоръ съ слугою, который убиралъ дорожные припасы. Мой спутникъ притворился спящимъ, чтобы не мѣшать его откровенности. «А что это у тебя въ рукахъ, *джанумъ* (душа моя)?» спрашиваетъ градоначальникъ у моего человѣка, завертывавшаго какую-то бутылку. — «Это у моего бега (господина) вещь хорошая, на, отвѣдай,» говоритъ служитель Ристо, который, въ качествѣ ревностнаго Православнаго Герцеговинца, большой охотникъ подшутить надъ Мусульманиномъ. «Дай», говоритъ поклонникъ Пророка, и приставивъ ко рту горло бутылки, тянетъ и тянетъ, пока не вытянулъ треть бутылки. «О-о-о-хъ, хорошо, да больно *люто* (крѣпко): лютая же *ракія* (водка) у твоего бега!» Эта «лютая» водка была просто спиртъ, который мы имѣли съ собою, чтобы кипятить воду на канфоркѣ для чаю. Изъ этого случая мы вывели заключеніе, что Мусульмане Герцеговинскіе по-своему

толкуютъ повелѣніе Магомета, не пить «сока лознаго.» Впрочемъ мы удостовѣрились потомъ, что это толкованіе дѣлается одинаково и Мусульманами-Славянами и чистыми Турками-Османліями.

Я не стану надоѣдать читателю описаніемъ дороги между Любиньемъ и Стольцемъ, тѣмъ болѣе что на этомъ 4-часовомъ переѣздѣ природа не представляетъ ничего особеннаго: все та же неизмѣнная Герцеговинская картина, т. е. справа и слѣва, спереди и сзади голыя скалистыя горы, кое-гдѣ поросшія кустарникомъ, съ гнѣздящимися на вершинахъ сотнями орловъ, а по дорогѣ неизмѣнный камень. Не удивительно, что условія природы отразились въ самомъ языкѣ. Глаголъ *ѣхать*, въ нашемъ смыслѣ его, не существуетъ у всѣхъ вообще Сербовъ, потому что дѣйствительно въ ихъ землѣ нѣтъ дорогъ, по которымъ можно бы было ѣхать; *яхати*, *яшити* значитъ у Сербовъ специально «ѣхать верхомъ»; но и то говорятъ обыкновенно: «онъ иде на коню» (т. е. ѣдетъ), «онъ дошао у Сараево, у Бѣоградъ» (т. е. онъ пріѣхалъ). Мало того: въ Герцеговинѣ самое слово *итти* почти исчезло изъ языка, и замѣняется словомъ *лазить*; потому что, дѣйствительно, тамъ, куда вы не отправитесь, верхомъ ли или пѣшкомъ, вамъ или вашей лошади приходится не итти, а лазить съ горы на гору, со скалы на скалу. И Герцеговинцы такъ привыкли къ мысли объ этомъ способѣ передвиженія, что они прилагаютъ слово *лазить* ко всему, что даже *лазить* никакъ не можетъ. Они говорятъ, напримѣръ, что «вѣтеръ *долази* съ сѣвера или съ юга», что «рѣка *излази* изъ-подъ такой-то горы», «что къ такому-то часто *долазили* книги (т. е. письма) изъ Черногоріи» и т. под. Таково вліяніе природы на языкъ.

Городъ Столецъ, или по Сербскому произношенію Столацъ, лежитъ въ чудеснѣйшей мѣстности. Онъ расположенъ въ узкой долинѣ рѣчки Брегавы, которая образуетъ тутъ прекрасный водопадъ. Самая крѣпость, считающаяся главной твердынею въ

Герцеговинѣ, стоитъ на горѣ; но около ея взгромоздились со всѣхъ сторонъ огромныя высоты, такъ что гора эта, когда съѣзжаешь съ Видуши, по дорогѣ отъ Любинья, кажется холмомъ. Особенно хорошъ Столецъ, когда смотришь на него съ террасы дворца, принадлежавшаго знаменитому нѣкогда визирю Герцеговинскому, Али-пашѣ Стольчевичу; оттуда видно все ущелье Брегавы, усѣянное домами и мечетями съ бѣлыми минаретами; видишь водопадъ; видишь столпившіяся со всѣхъ сторонъ горы съ ихъ разноцвѣтными отливами и впереди ихъ, красивый зеленый холмъ; наконецъ слѣва видишь клочекъ зеленаго поля. Но для такой картины нужны краски и кисть, а не перо и чернила.

Крѣпость Столецкая, «градъ Столачки», какъ говорятъ Сербы, играла большую роль въ исторіи Герцеговины, еще въ последнее время. Она была родовымъ наслѣдіемъ Ризванбеговичей (иначе Стольчевичей), которые находили въ ней защиту и убѣжище въ безпрестанныхъ своихъ междоусобныхъ войнахъ съ другими членами Мусульманской феодальной знати. Мудиръ Ханзи-бегъ, нашъ хозяинъ, увѣрялъ насъ, что крѣпость эту выстроили его предки 400 лѣтъ тому назадъ, когда они пришли и «взяли землю» въ Герцеговинѣ: онъ думаетъ, или можетъ быть только хотѣлъ увѣрить насъ, что его праотцы были настоящіе Турки, сподвижники Магомета Завоевателя, тогда какъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что это туземный, «истурчившійся» Славянскій родъ. «Съ тѣхъ поръ, продолжалъ онъ, мои предки постоянно *сидѣли* въ Стольцѣ, и каждый изъ нихъ прибавлялъ что-нибудь къ постройкамъ въ крѣпости и въ городѣ, который тоже весь принадлежалъ имъ. Но всего болѣе пастроилъ Алипаша, который хотя во время своего визирства жилъ въ Мостарѣ или въ загородномъ дворцѣ близъ Мостара, однако никогда не забывалъ про Столацъ, «старину» (т. е. древнее наслѣдіе) своего рода. Онъ выстроилъ тутъ себѣ конакъ (дворецъ); онъ началъ выводить кругомъ «града» новую крѣпкую стѣну, но не докончилъ ея; онъ снесъ туда пушки изо всѣхъ старыхъ

крѣпостей въ Герцеговинѣ. Но съ тѣхъ поръ какъ Али-паши не стало и Столацъ съ своею крѣпостію отобранъ въ казну, все у насъ *обаталилось* (разрушилось)».... Я привожу нарочно это Сербское и преимущественно Герцеговинское и Босняцкое, выраженіе: «обаталити се», «баталь», о! это слово великое въ Герцеговинѣ и Босніи! Это слово такое же характеристическое, какъ глаголъ *лазить*, о которомъ я сказалъ недавно. «Баталь» есть слово Арабское, взятое Сербами у Турокъ; но Турки его рѣдко употребляютъ; Боснякамъ же и Герцеговинцамъ оно такъ пришлось по вкусу или по мѣстнымъ условіямъ, что они безъ него обойтись не могутъ. О чемъ тамъ ни спросишь, о домѣ, о башнѣ, о ханѣ (постояломъ дворѣ), о церкви, о мостѣ, о крѣпости, о мостовой, обо всемъ услышишь одинъ отзывъ: «былъ домъ хорошій, да теперь *баталь* (въ разрушеніи), «была башня да *обаталилась*, (развалилась)», «славный былъ бы ханъ, кабы не сдѣлался *баталь*», «была церковь, да *обаталили* ее Турки», «по мостовой или по мосту проѣхать нельзя, вѣдь теперь *баталь*»: однимъ словомъ, о какомъ сооруженіи рукъ человѣческихъ ни освѣдомитесь въ Босніи и Герцеговинѣ, особенно же если оно принадлежитъ Туркамъ, т. е. казнѣ или частнымъ лицамъ, Мусульманамъ, про все одинъ отвѣтъ: «баталь» да «баталь». И до того тамошній народъ привыкъ къ этому печальному слову, что примѣняетъ его ко всему. Хотя по своему значенію, *баталь* выражаетъ только понятіе разрушенія относительно какой нибудь постройки, однако Герцеговинецъ и Босньякъ скажетъ вамъ поминутно, что платье или сѣдло у него *обаталилось*, что у него есть часы, да теперь *баталь* и т. под. «Есть у насъ рукописи, да всѣ *обаталенныя*» (т. е. изорванныя, испорченныя): сколько разъ слышалъ я это изреченіе въ монастыряхъ Боснійскихъ и Герцеговинскихъ!

Это характеристическое слово отвлекло меня отъ Столецкой крѣпости, къ которой оно впрочемъ идетъ вполнѣ. Подробно объ ней не буду разсказывать, потому что читатель въ этой же

книгѣ найдетъ много объ этомъ гнѣздѣ Ризванбеговичей, въ жизнеописаніи Али-паши, визиря Мостарскаго, самаго замѣчательнаго представителя Славяно-Мусульманской знати въ нынѣшнемъ столѣтіи. Измельчала теперь знать эта, измельчалъ и могущественный родъ Стольчевичей; но все-таки въ Ханзи-бегѣ Ризванбеговичѣ мы встрѣтили интересный образчикъ дикаго аристократа Герцеговинскаго. Я уже упоминалъ о немъ. Къ намъ выѣхалъ на встрѣчу, когда мы приближались къ Стольцу, плотный, высокій мужчина въ Турецкомъ форменномъ платьѣ. «Вотъ Ханзи-бегъ!» сказали мнѣ. Ханзи-бегъ видимо шатался на лошади. Онъ привѣтствовалъ насъ грубо-сиплымъ голосомъ. «Тяжело послѣ обѣда!» сказалъ онъ послѣ перваго обмѣна вѣжливостей. Мы ужъ понимали, почему ему казалось такъ тяжело. Мы вскарабкались, верхомъ, на отвратительно-вымощенную крутизну, которая ведетъ къ воротамъ крѣпости; Ханзи-бегъ, охая и кряхтя, и позволяя себѣ еще нѣчто противное Европейской, но не Турецкой вѣжливости, повелъ насъ по крутой деревянной лѣстницѣ въ знаменитый «конакъ» Али-паши. Ласковость привѣтствій, съ какими онъ насъ усаживалъ, вѣроятно, усилена была вліяніемъ, подъ которымъ онъ находился послѣ обѣда. Усадивъ насъ, онъ безцеремонно скинулъ мундиръ и остался въ одномъ «елекѣ» (жилетѣ). Онъ сѣлъ съ нами на балконъ, закурилъ трубку, и, кажется, не былъ нечувствителенъ къ впечатлѣнію превосходнаго, хотя и привычнаго ему вида, которымъ мы любовались. Принесли ему какое-то письмо, разумѣется, по-Турецки: онъ его сталъ разбирать по складамъ, потомъ взялъ бумаги, вынулъ изъ-за пояса чернильницу и каламъ, и положивъ бумагу на колѣно, что-то настрочилъ въ отвѣтъ, тоже не безъ труда, снялъ съ руки кольцо, помочилъ чернилами, приложилъ такимъ образомъ свою подпись, и отправилъ посланіе. По этому случаю завязался между имъ и моимъ товарищемъ разговоръ о Турецкомъ языкѣ, въ которомъ благородный Ханзи-бегъ выказалъ почти полное незнаніе. «Мудреный языкъ, сказалъ онъ въ за-

ключеніе; вѣдъ это языкъ не простой, а составленный изъ трехъ языковъ, Турецкаго, Арабскаго и Фурскаго (т. е. Персидскаго): такъ надобно учиться всѣмъ тремъ.» Личность Ханзи-бега намъ понравилась; въ немъ было что-то симпатическое, откровенное. Только до нѣкоторыхъ вопросовъ, для него весьма щекотливыхъ, онъ съ нами, иностранцами, гяурами, да еще Московами, касался неохотно: всего осторожнѣе обходилъ онъ вопросъ о своемъ великомъ дядѣ, Али-пашѣ, тогда какъ мы полагали, что это будетъ любимою темою его разговора. Потомъ мы узнали, почему онъ такъ боялся произнести сужденіе объ Али-пашѣ: Али-паша своею рукою убилъ своего брата, роднаго отца Ханзибегова; и не смотря на то, Ханзи-бегъ принужденъ, *par principe*, чтить память его, какъ человѣка, который былъ главнымъ поборникомъ независимости туземной аристократіи противъ стремленій Стамбульскаго Правительства къ централизаціи. Но Ханзи-бегъ былъ особенно интересенъ и милъ, когда онъ говорилъ о своихъ «отеческихъ» отношеніяхъ къ народу, которымъ управляетъ, къ «Влахамъ» точно также какъ къ Туркамъ; онъ былъ чрезвычайно интересенъ, когда хвасталъ передъ нами своею силою и, отзываясь съ похвалою о доблестяхъ Московскихъ «юнаковъ» (молодцовъ), славящихся и въ Турецкой землѣ, тонко давалъ почувствовать свое удивленіе тому, что тѣ «Московы», которыхъ видѣлъ передъ собою, казались въ сравненіи съ нимъ такими щедушными. Но всего болѣе возросъ нашъ интересъ къ нему вечеромъ. Когда смерклось, онъ подошелъ ко мнѣ съ таинственнымъ видомъ и спросилъ меня: можетъ ли онъ говорить мнѣ откровенно и отвѣчу ли я ему такою же откровенностью? Я удивился, не понимая, какое послѣдуетъ конфиденціальное признаніе, и разумѣется, просилъ сказать, что у него на душѣ, обѣщая не скрывать, съ своей стороны, своихъ мыслей передъ другомъ. «О да, продолжалъ Ханзи-бегъ, мы видимъ, что ты человѣкъ хорошій; недавно познакомились, а уже друзья. Такъ вотъ, по этой-то

дружбѣ я спрашиваю у тебя откровенно, не будетъ ли тебѣ *мерзко* (т. е. противно), если — я сяду съ тобою и съ твоимъ товарищемъ за столъ ужинать.» Конечно, отвѣтомъ нашимъ было самое усердное приглашеніе. — Ободренный этимъ, Ханзи-бегъ ввелъ насъ въ комнату, убранную на извѣстный уже читателю манеръ, весьма большую и тускло освѣщенную сальною свѣчею на высокомъ подсвѣчникѣ. Онъ сѣлъ въ темный уголокъ, прикрытый выдающимся каминомъ, и ему подали два стакана; онъ пробормоталъ что-то въ оправданіе себѣ, но такъ невнятно, что мы не поняли, чѣмъ именно нашъ хозяинъ оправдывался, выпилъ залпомъ стаканъ водки и запилъ водою. Это повторилось нѣсколько разъ; мы, усталые и голодные, и Ханзи-бегъ, занятый важнымъ дѣломъ питія *ракіи*, хранили молчаніе. Наконецъ внесли желанный столикъ, умывальницу и за симъ подносы съ кушаньями. Ханзи-бегъ видимо развеселился и сдѣлался любезнѣе; онъ шутилъ, больше прежняго хвастался силою, «юношествомъ» (молодечествомъ), и аппетитомъ, упрашивалъ пить и ѣсть, трепалъ насъ по плечу; но накушавшись, вдругъ угомонился и, умывъ руки, угрюмо сѣлъ опять въ свой уголъ у камина. Вошелъ старый какой-то Мусульманинъ съ *тамбурой* и начался концертъ. Тамбура (нѣчто въ родѣ нашей балалайки) есть любимый музыкальный инструментъ Мусульманъ въ Герцеговинѣ и Босніи. Столецкій артистъ съ необыкновеннымъ усердіемъ царапалъ деревяшкою по ея четыремъ пискливымъ металлическимъ струнамъ; звукъ выходилъ самый однообразный и, правду сказать, для нашихъ ушей не усладительный. Но Ханзи-бегъ слушалъ съ наслажденіемъ; иногда онъ восторгался какою нибудь чувствительною любовною пѣснію; иногда громко хохоталъ и кричалъ *аферимъ! аферимъ!* (браво), когда выходило въ пѣсни что-нибудь смѣшное. Мы спросили у Ханзи-бега, часто ли слушаетъ онъ пѣсни. «Всякій вечеръ, это моя утѣха.» — А пляшутъ ли передъ вами иногда? — «Случается». Какого же рода пѣсни поютъ у васъ? — «Все

больше *одъ любави* (любовныя)». — А поютъ ли про Марка Королевича? — «Поютъ у насъ, да очень рѣдко». Мусульмане не жалуютъ этого героя, который такъ славно колотилъ ихъ предковъ. Они даже запрещаютъ Христіанамъ воспѣвать его, и случалось неразъ Христіанамъ получать побои за пѣснь о Маркѣ, гдѣ нибудь подслушанную Мусульманиномъ; но побои, разумѣется, не вышибли Марка изъ ихъ памяти, а напротивъ, можно сказать, закрѣпили его тамъ. Есть и у Мусульманъ свои герои, но они далеко уступаютъ Христіанскимъ въ славѣ и уваженіи къ нимъ народа. Мусульмане поютъ преимущественно лирическія пѣсни, Христіане — героическія.

Концертъ Ханзи-бега намъ надоѣлъ и мы вскорѣ отправились на покой. Про нашего добродушнаго, пѣснолюбиваго хозяина узнали мы тогда отъ людей нашихъ не совсѣмъ благопріятныя вѣсти. Насъ уже днемъ поразило то, что въ Стольцѣ ни одинъ Христіанинъ не показался передъ нами, кромѣ двухъ оффиціальныхъ лицъ, Православнаго и Католическаго ходжа-баши (ходжа-баши есть представитель Христіанскаго или Еврейскаго общества, засѣдающій въ городскомъ совѣтѣ, *меджлисъ*). Еще болѣе поразило насъ то, что когда мы вышли погулять по городу въ сопровожденіи цѣлаго эскорта, то Католическій ходжа-баши постоянно шелъ съ нами рядомъ и все намъ показывалъ и толковалъ, тогда какъ представитель Православной общины все время держался позади, съ слугами, не смотря на всѣ мои старанія вызвать его впередъ. Итакъ мы узнали, что Христіане, а въ особенности Православные, находятся у Ханзи-бега въ порядочномъ загонѣ. Онъ имъ съ бранью и угрозами запретилъ показываться на глаза «Московамъ». Нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ засадилъ въ тюрьму до 40 человѣкъ Православныхъ, обвиняя ихъ въ соумышленничествѣ съ какими-то Черногорцами, которые будто бы ограбили чей-то домъ подъ Стольцемъ, тогда какъ Черногорцы никоимъ образомъ не могли зайти туда, и домъ, какъ было извѣстно,

ограбили сами же Мусульмане Столецкіе. И много подобныхъ вещей разсказали намъ про Ханзи-бега. Но странное дѣло, что значитъ прямота характера! Ханзи-бега Христіане любятъ, и называютъ лучшимъ изъ Турецкихъ начальниковъ въ Герцеговинѣ. Когда вспыхнуло возстаніе въ юго-восточныхъ округахъ, и паши стали дѣлать Христіанамъ разныя предложенія и обѣщанія, чтобы усмирить ихъ, то Христіане только и твердили: мы никому не вѣримъ, ни пашамъ, ни какимъ бы то ни было изъ вашихъ властей; а пусть Ханзи-бегъ пріѣдетъ къ намъ и разберетъ наши жалобы; пусть онъ предложитъ намъ примиреніе, ему мы повѣримъ». И по всей Герцеговинѣ и Мусульмане и Христіане стали говорить, что одинъ только Ханзи-бегъ въ состояніи усмирить возставшихъ раій полюбовною сдѣлкою.

III.

Мостаръ.

За Стольцемъ начинаются мѣста менѣе печальныя. Мы ѣхали сперва по долинѣ рѣки Брегавы, а потомъ поднялись на горы, покрытыя густымъ дубовымъ лѣсомъ. Передъ нами виднѣлись покрытые нетающимъ снѣгомъ вершины хребта Вележа. Проѣхавъ такъ часа три, мы стали спускаться къ обширной долинѣ. Эта превосходная долина, называемая Ходбина, покрыта виноградниками и кукурузными полями и множествомъ вишневыхъ и орѣховыхъ деревъ, растущихъ по дорогамъ и межамъ. Намъ купили за безцѣнокъ у какого-то поселянина нѣсколько *окъ* превкусныхъ, крупныхъ и спѣлыхъ бѣлыхъ вишенъ. Мы все ѣхали этимъ полемъ до Буны, загороднаго дворца, построеннаго Али-пашею въ двухъ часахъ отъ Мостара. Насъ тутъ приняли и привѣтствовали, и ввели насъ въ

пустынный сарай, въ которомъ нѣкогда потѣшался сатрапъ Герцеговинскій. Вѣтеръ гулялъ по комнатамъ, гдѣ такъ недавно еще витали Грузинскія гуріи, которыхъ Али-паша себѣ выписывалъ. Стекла большею частію были выбиты; заборъ, на которомъ натыкались отрѣзанныя головы Христіанъ, прогнѣвавшихъ пашу, развалился, «обаталился», точно будто какой нибудь простой заборъ Герцеговинскій; трубы, устроенныя Али-пашею въ водоемѣ посреди сада, уже не испускали изъ себя своихъ затѣйливыхъ фонтановъ. Садъ представлялъ такую же картину запустѣнія, какъ дворецъ. Впрочемъ, не думайте, когда употребляю слово *дворецъ*, чтобы я говорилъ о какомъ нибудь величественномъ зданіи, какъ наши дворцы. Я понимаю слово дворецъ въ смыслѣ мѣстномъ, Герцеговинскомъ. Загородный дворецъ Али-паши весьма похожъ на какую нибудь изъ нашихъ дачъ, только безъ мебели и безъ внутренняго сообщенія между комнатами. Подъ нимъ протекаетъ рѣка Буна, съ живописными берегами, поросшими густыми деревьями. Надъ самой водою, какъ Турки это чрезвычайно любятъ, устроенъ на сваяхъ кіоскъ, выбѣленныя стѣны котораго престранно изукрашены зелеными фонтанами, имѣющими видъ пальмъ, и голубаго цвѣта деревьями. Здѣсь, бывало, прохлаждался страшный Али-паша, прислушиваясь къ журчанію рѣки и глядя на свои великолѣпные фрески или на отдаленныя горы. Мѣсто это, Буну, онъ любилъ чрезвычайно, и построилъ тутъ еще мечеть съ красивымъ куполомъ и минаретомъ, ханъ (постоялый дворъ) и Мусульманскую школу.

Между Буною и Мостаромъ лежитъ гладкое поле, по которому верховыя и вьючныя лошади протоптали безчисленное множество тропинокъ. По лѣвой сторонѣ дороги протекаетъ быстрая рѣка Неретва, въ которую Буна впадаетъ недалеко отъ дворца Али-паши. Если обернетесь назадъ, вы увидите ущелье, въ которое врывается Неретва, принявъ въ себя Буну, и въ которомъ она течетъ часа на четыре пути, къ югу, скло-

нялсь нѣсколько на западъ. Если посмотрите на лѣво, за Неретвою, стоитъ голый хребетъ Хумъ [1]); на право, такой же хребетъ Столацъ, который есть передовая часть большой горной цѣпи Величка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на склонѣ Стольца насажены виноградники. Въ 2-хъ часахъ отъ Буны, въ мѣстѣ гдѣ эти хребты сходятся такъ близко, что по обѣимъ сторонамъ Неретвы остается узкая равнина, построенъ городъ Мостаръ, уже издалека выставляющій передъ любопытнымъ путешественникомъ свои бѣлые минареты. Вѣроятно, тутъ еще во времена Римскія было селеніе или, по крайней мѣрѣ, военный станъ. Крѣпкій, высокій мостъ изъ большихъ камней, смѣло перекинутый одною аркою черезъ довольно широкую, текущую въ крутыхъ берегахъ рѣку, носитъ отпечатокъ Римскаго сооруженія. Съ обѣихъ сторонъ его ограждаютъ старинныя башни, подъ которыми сдѣланъ проѣздъ и стоитъ караулъ. Мостарцы удивительно гордятся своимъ мостомъ и увѣрены, что подобнаго моста нѣтъ на цѣломъ свѣтѣ. Обыкновенно говорятъ, что самое имя города есть не что иное, какъ сокращенное «Мостъ Старъ». Мнѣ кажется однако, что такое сочетаніе нѣсколько противно духу Славянской рѣчи, и полагаю просто, что у древняго моста образовалось селеніе, жители котораго стали называться Мостаре, какъ напр. Блатаре отъ Блато, Древаре отъ Древо, и что это селеніе потомъ сдѣлалось городомъ. Мостаръ, какъ городъ, получилъ значеніе только во время Турецкаго владычества, когда запустѣлъ Благаі, древняя столица владѣтелей Герцеговины, лежащая въ 2-хъ часахъ на востокъ отъ Мостара. Мостаръ, какъ я сказалъ, лежитъ въ узкой долинѣ между горами Хумомъ и Стольцемъ. Какъ на югъ раскрывается за городомъ довольно обширное поле, такъ и на сѣверъ, горы опять раздвигаются, и разстилается поле, называемое Бѣлымъ-полемъ, длиною на три часа пути. Оно замыкается красивымъ

---

1) Т. е. Холмъ.

полукругомъ, который образуютъ горы Цимъ и Орлацъ (продолженіе Хума) и Ливачъ (продолженіе Стольца), встрѣчаясь съ поперечнымъ высокимъ хребтомъ Поримомъ.

Городъ довольно великъ, но, какъ во всѣхъ Турецкихъ городахъ, населеніе не соотвѣтствуетъ пространству. Въ немъ считаютъ до 1,500 домовъ Мусульманскихъ, 300 Католическихъ [1]), 500 Православныхъ; въ окрестныхъ же селахъ, принадлежащихъ приходу Мостарской церкви, 266 Православныхъ домовъ. Между этими домами есть множество крошечныхъ, въ два окна, окруженныхъ садами и пустырями. Католики живутъ всѣ въ особомъ кварталѣ, на правой сторонѣ Неретвы; довольно далеко, почти за городомъ, у нихъ выстроенъ недавно, на живописномъ возвышеніи, епископскій домъ съ часовнею и училищемъ; другая Католическая часовня помѣщается въ домѣ Австрійскаго Консульства, на лѣвой сторонѣ рѣки, въ кварталѣ называемомъ Бѣлушина, на склонѣ горы Стольца. Кварталъ этотъ занятъ преимущественно Православными; Православная церковь, построенная въ 1835 году, стоитъ особнякомъ на возвышеніи, весьма крутомъ, близъ этого квартала. Въ оградѣ ея помѣщается также домъ Митрополичій, весьма малый и некрасивый, другой небольшой домикъ для священниковъ и монаховъ, служащихъ при церкви, и училище, новое, только два года тому назадъ оконченное хорошее зданіе, которое, относительно Мостара, можетъ быть названо великолѣпнымъ. Церковь носитъ на себѣ признаки страха, въ которомъ жили Христіане, когда ее строили. Крыша ея едва видна изъ-за ограды, и ни чѣмъ не отличается отъ крыши простаго дома. Чтобы возвысить церковь нѣсколько внутри, Христіане принуждены были врыть ее въ землю, такъ что въ нее спускаешься по лѣстницѣ, ступенекъ въ двадцать. Окна чрезвычайно малы. Церковь весьма бѣдна; образовъ въ ней

1) Не знаю навѣрно, сколо Католиковъ въ самомъ Мостарѣ. Въ приходѣ Мостарской Католической церкви считалось въ 1851 году 2504 души, но большая часть живетъ въ деревняхъ, па западной сторонѣ рѣки Неретвы.

почти нѣтъ; она такъ тѣсна, что въ большіе праздники, особенно когда соберутся въ Мостаръ прихожане изъ окрестныхъ селъ (ни въ одномъ изъ этихъ селъ нѣтъ церкви и священника), лишь малая часть народа можетъ въ ней помѣститься: Мнѣ случилось быть потомъ въ Мостарѣ, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Весь обширный дворъ кругомъ церкви былъ полонъ народа, до котораго почти не долетали звуки священнослуженія; особенно жалко мнѣ было женщинъ: бѣдныя поселянки, да и большая часть городскихъ жительницъ, стояли поодаль, у самой ограды; женщины въ Сербскихъ церквахъ помѣщаются особо отъ мужчинъ, на хорахъ, гдѣ, обыкновенно, деревянная рѣшетка скрываетъ ихъ отъ мужскихъ взоровъ; а какъ въ Мостарѣ церковь узкая и небольшая, то мѣста на хорахъ чрезвычайно мало. Такимъ образомъ большая часть прихожанъ и почти всѣ прихожанки въ этотъ торжественнѣйшій изъ праздниковъ видѣли богослуженіе только во время крестнаго хода, у заутрени. Сербы-простолюдины восполняютъ невозможность слышать слово Божіе усердною молитвою, которую непрерывно произносятъ про себя, а часто полугромко, когда стоятъ у церкви или около ея. Стоятъ они при богослуженіи въ высшей степени чинно и благоговѣйно; крестятся всякій разъ когда слышатъ имя «Отца и Сына и Святаго Духа» и въ самыя торжественныя мгновенія обѣдни, а во время ектеній не имѣютъ обыкновенія креститься. При тѣхъ молитвахъ, которыя читаются по какому либо особому случаю, за молебномъ, они на всякое прошеніе, произнесенное священникомъ, отзываются протяжнымъ «Аминь!», и этотъ откликъ, вырываясь изъ груди цѣлаго собранія, имѣетъ въ себѣ что-то величественное. Вообще замѣтно, что Православный Сербъ, въ какой бы онъ глуши ни выросъ, сознаетъ себя живымъ членомъ Церкви, что онъ слѣдитъ за богослуженіемъ и проникается его смысломъ: явленіе утѣшительное и глубоко знаменательное, особенно когда мы примемъ въ соображеніе то состояніе, въ

какомъ находится Православная Славянская церковь и паства подъ властію Турокъ и Грековъ.

Начавъ говорить о Мостарской церкви, я не могу не упомянуть о ея достойныхъ служителяхъ и объ училищѣ, при ней основанномъ. При Мостарской церкви въ настоящее время нѣтъ мірскаго священника; въ ней служатъ четыре монаха [1]). Одинъ изъ нихъ, Архимандритъ Іоанникій Памучина, оказалъ великія услуги Православному народу въ Герцеговинѣ. Родомъ изъ Требиньскаго края, онъ не имѣлъ возможности получить образованіе иначе какъ самоучкою; самоучкою онъ ознакомился съ Греческимъ языкомъ и пріобрѣлъ ученость, для того края весьма замѣчательную; у него особенная страсть къ словопроизводству и филологическимъ объясненіямъ Сербскихъ и Славянскихъ словъ; проникнувъ въ духъ Сербской рѣчи и живо зная свой народъ, онъ такъ превосходно владѣетъ Сербскимъ языкомъ, что развѣ только извѣстный Вукъ Караджичъ можетъ сравниться съ нимъ въ этомъ отношеніи. Къ сожалѣнію его статьи, помѣщенныя въ «Сербо-Далматинскомъ Магазинѣ» заглохли въ этомъ мало распространившемся журналѣ; одна изъ нихъ, весьма важная для изученія Герцеговины [2]), была предметомъ сильныхъ гоненій со стороны Австріи. Нашъ «Сборникъ» будетъ украшенъ неизданнымъ еще «Жизнеописаніемъ Али-паши Стольчевича», написаннымъ для насъ Архимандритомъ Іоанникіемъ. Но литературная дѣятельность занимаетъ только не многіе часы досуга почтеннаго монаха. Почти вся его жизнь посвящена служенію церкви и нуждамъ народа. Къ нему непрестанно обращаются за совѣтомъ. Вся Герцеговина знаетъ и чтитъ его, и называетъ его «народски човекъ» (народный человѣкъ). Его вліяніе въ краѣ велико и благотворно. Сами Турки особенно уважаютъ его, и когда онъ посѣщаетъ села Герцего-

1) Состоявшіе при ней два мірскихъ священника недавно овдовѣли и постриглись въ монахи.

2) «Три вѣрозакона у Герцеговини», въ Магазинѣ за 1851 годъ.

вины, то *бали* (Мусульмане-земледѣльцы) обступаютъ его, чтобы разспросить про законъ и «дженнетъ» (рай) Магометовъ, зная что онъ имъ все это объяснитъ и растолкуетъ гораздо лучше и понятнѣе чѣмъ любой *ходжа*[1]). Другой изъ священнослужителей Мостарской церкви, іеромонахъ Прокопій Чокорило отличается также необыкновенно живымъ и нагляднымъ знаніемъ края и народа, любовью къ своей паствѣ и тонкостью природнаго ума; живость и простодушная вѣрность отличаютъ его «Лѣтопись Герцеговины» за послѣдніе 25 лѣтъ, написанную имъ по нашей просьбѣ[2]), и его «Разсказы изъ Герцеговинскаго быта», которые войдутъ въ составъ нашего «Сборника»; къ сожалѣнію, мы опасаемся, что Сербскій подлинникъ этихъ сочиненій останется неизданнымъ. Когда я былъ въ Мостарѣ, О. Прокопій имѣлъ страстное желаніе поѣхать въ Россію, чтобы хоть ногой ступить на землю Христіанскую, поклониться святынѣ ея монастырей и испросить отъ благодѣтелей милостыни для сиротствующихъ церквей и обителей Герцеговинскихъ. Мы только что узнали, къ истинному нашему удовольствію, что его желаніе наконецъ исполнилось. — Въ 1854 году основано было, на сумму накопившуюся въ церкви въ продолженіе многихъ лѣтъ отъ доброхотныхъ подаяній, въ Мостарѣ Православное училище. И прежде была тамъ, какая-то школа, но самая жалкая: помѣщалась она на церковномъ дворѣ въ зданіи, которое теперь обращено въ сѣнной сарай, и учили въ ней люди, сами не имѣвшіе никакого образованія, Теперешнее училище раздѣлено на 4 класса и въ немъ обучаются до 200 вольноприходящихъ учениковъ. Разъ въ годъ сзываютъ въ училище всю Православную общину и тутъ собираютъ деньги на содержаніе заведенія: каждый назначаетъ, сколько онъ заплатитъ за своихъ дѣтей, и община судитъ, соразмѣрно ли пожертвованіе съ его состояніемъ; если найдутъ, что онъ

1) Мусульманскій законоучитель.

2) Напечатана въ переводѣ во II-ой части «Русской Бесѣды» за 1858 г.

скупится, то требуютъ больше; у кого нѣтъ дѣтей въ училищѣ, тотъ даритъ въ школу, сколько хочетъ, и ему не могутъ прекословить; съ человѣка совершенно бѣднаго не берутъ ничего, хотя бы у него нѣсколько сыновей посѣщали классы. Изъ собранныхъ денегъ и изъ того, что кладутъ въ церкви на блюдо, обносимое въ пользу школы, платятъ жалованье учителямъ и покрываютъ другіе расходы. Предметы курса суть: чтеніе, писаніе, первоначальныя правила ариѳметики, катихизисъ, церковное пѣніе, начала грамматики и краткая Сербская исторія. Это, сколько я знаю, лучшее изъ Православныхъ училищъ въ Герцеговинѣ и Босніи. Трое изъ учителей (ихъ всего четверо), Г. Сербичъ и недавно приглашенные въ Мостаръ Дужскіе іеромонахи О.О. Никифоръ Дучичъ и Серафимъ Перовичъ, о которыхъ я упоминалъ, получили образованіе въ Бѣлградской семинаріи; они искренно любятъ свое дѣло и сознаютъ его пользу и святость, а потому и любимы искренно учениками. Теперь Мостарскіе жители предполагаютъ усилить это училище и завести при немъ высшіе классы для тѣхъ воспитанниковъ, которые готовятся въ духовное званіе: это была бы первая Православная семинарія въ Западной Турціи. Читатель видитъ, что въ главномъ городѣ Герцеговины между Православными жителями нѣтъ недостатка въ умственной жизни и въ стремленіи къ просвѣщенію. Мостаръ въ этомъ отношеніи опередилъ всѣ другія мѣста въ Сербскихъ областяхъ Турціи, хотя въ немъ Православная община далеко не такъ богата, какъ въ Сараевѣ и даже во второстепенныхъ городахъ, каковы Банялука и Лѣвно. Есть и въ Мостарѣ нѣсколько Православныхъ купцовъ, которыхъ почитаютъ богатыми; но по нашимъ понятіямъ о торговомъ богатствѣ, ихъ бы назвали только лавочниками. Весьма немногіе ѣздятъ за товарами въ Тріестъ; большее число получаетъ ихъ изъ Сараева, и не только товары Турецкіе, но даже Австрійскія мануфактурныя издѣлія. Большихъ торговыхъ оборотовъ не бываетъ: купецъ ѣдетъ самъ верхомъ въ

Сараево или отправляется черезъ Далмацію въ Тріестъ, закупаетъ или, всего чаще, беретъ въ кредитъ понемногу разнаго товару, привозитъ на вьюкахъ изъ Босніи или съ Австрійской границы и самъ продаетъ по мелочамъ. Торговцы другихъ городовъ Герцеговины запасаются обыкновенно не въ Мостарѣ, а въ Далматскихъ гаваняхъ или въ Сараевѣ, смотря потому, гдѣ имъ ближе. Въ Сараевѣ торговля гораздо значительнѣе, но и тамъ производится такимъ же точно образомъ; собственно оптоваго торга нѣтъ. Тѣ же самые купцы, которые выписываютъ довольно большіе запасы товаровъ изъ Австріи или Румеліи и перепродаютъ часть ихъ мелкимъ торговцамъ, сами также держатъ лавки для мелочной продажи. Почти вся торговля производится въ долгъ: купцы, пріѣзжающіе изъ Мостара или Сараева въ Далматскіе города и Тріестъ, забираютъ въ кредитъ большую часть товара, а тѣ которые пріѣзжаютъ въ Сараево или въ Далмацію изъ мелкихъ городовъ почти вовсе не дѣлаютъ закупокъ на наличныя деньги; нѣкоторые Рагузскіе и Сараевскіе дома имѣютъ прикащиковъ, которые каждый годъ посылаются изъ мѣстечка въ мѣстечко собирать деньги за товаръ, отданный въ кредитъ въ предшествующемъ году; не знаю, какъ великъ процентъ, который зачисляется купцами-кредиторами за ихъ рискъ, но деньги приносятъ въ Босніи и Герцеговинѣ проценты ужасные (по 3, 4, 5 и даже больше на сто въ мѣсяцъ). При такомъ смѣломъ кредитѣ почти никогда не слышно о недобросовѣстности въ уплатѣ и злостной несостоятельности. Что очень замѣчательно, вся эта торговля находится почти исключительно въ рукахъ Православныхъ: туземцы-Мусульмане мало въ ней участвуютъ; они совершенно чуждаются торговыхъ дѣлъ съ Австріею и торгуютъ развѣ Константинопольскимъ товаромъ или мѣстными произведеніями (жизненными припасами и немногочисленными первобытными издѣліями туземныхъ ремеслъ); Католики вовсе не занимаются торговлею; Православные же торговцы Боснійскіе

и Герцеговинскіе не только ведутъ дѣла между собою въ своемъ отечествѣ, но даже въ Австрійскихъ портахъ сносятся только съ Православными: въ Рагузѣ, Шибеникѣ, Задрѣ, Тріестѣ есть колоніи Православныхъ купцовъ, большею частью образовавшіяся изъ выходцевъ Герцеговинскихъ и Боснійскихъ, и въ ихъ рукахъ находятся всѣ дѣла съ этими странами; Боснійскій и Герцеговинскій торговецъ ни за что не возьметъ тамъ товару у Католика; даже въ Сплѣтѣ (Спалатро), гдѣ есть только одинъ Православный домъ, домъ этотъ, весьма богатый, ведетъ почти всѣ сношенія съ Босніею. Если бы у этого купечества было столько же единства и взаимной поддержки въ дѣлахъ на пользу единовѣрной братіи-поселянъ и на пользу церкви, сколько въ торговыхъ оборотахъ, то состояніе Православнаго народа въ Босніи и Герцеговинѣ было бы совсѣмъ иное.

Мнѣ случилось быть въ Мостарѣ два раза: ѣдучи въ Боснію и возвращаясь оттуда. Надобно же сказать что нибудь о томъ, какъ я провелъ тамъ пять дней во время путешествія, которое теперь описываю. Я былъ гостемъ у Герцеговинскаго паши, Исаака. Исаакъ-паша хотѣлъ оказать мнѣ почетъ, и выслалъ ко мнѣ на Буну своего *хазнадара* (адъютанта) съ конвоемъ и лошадью, на которой, я долженъ былъ въѣхать въ Мостаръ. Этотъ конь, довольно статный, украшенъ былъ Турецкимъ парадным сѣдломъ съ безконечно-высокою заднею и переднею лукою и коротенькими стременами; на чепракѣ изъ синяго сукна съ золотымъ галуномъ вокругъ, блистала по угламъ звѣзда съ полумѣсяцемъ. Посадили меня въ тиски, т. е. въ это сѣдло; конюхъ шелъ, по этикету, подлѣ лошади, положивъ правую руку ей на крестецъ, и лошадь шла, тоже по этикету, не шагомъ, не рысью, не галопомъ, а тою среднею, пляшущею поступью, которая почитается у Турокъ необходимымъ свойствомъ образованнаго коня; они потому, вѣроятно, такъ любятъ ее, что она самая неудобная и непрактическая: бѣдная лошадь вздергиваетъ ноги чрезвычайно высоко и васъ немило-

сердно подтряхиваетъ, а съ мѣста не подвигается. Мы миновали *хаджинскую софру* (собственно столъ поклонниковъ) большой четвероугольный камень, лежащій у въѣзда въ городъ, (тутъ Мостарцы прощаются съ поклонниками, отправляющимися всякій годъ гурьбою въ Мекку, и встрѣчаютъ ихъ при возвращеніи изъ благочестиваго странствія), миновали Турецкое кладбище съ однимъ удивительно красивымъ кипарисомъ и съ страннымъ надгробнымъ памятникомъ въ видѣ кіоска, воздвигнутымъ Али-пашею [1]), проѣхали рядъ лавокъ и поднялись на гору, на которой стоитъ *градъ* Мостарскій, обнесенный довольно высокою стѣною и вмѣщающій въ себѣ «дворецъ» паши. По деревянной, грязной лѣстницѣ, черезъ толпу оборванной прислуги, повели насъ въ такую же грязную переднюю, подняли тяжелую суконную завѣсу, служащую дверью въ раскошныхъ домахъ Турецкихъ, и ввели въ гостиную, гдѣ въ честь Европейцевъ были нарочно поставлены два кресла. Тотчасъ вошелъ и самъ хозяинъ и привѣтствовалъ пріѣзжихъ: Исаакъ-паша, родомъ Арабъ изъ Антипа, человѣкъ

---

[1]) Вотъ что разсказываетъ О. Прокопій Чокорило въ своей «Лѣтописи Герцеговины» (Русск. Бесѣда, II, 1858), о происхожденіи этого памятника: «Когда была война у Азова (т. е. во время Петра Великаго) жилъ въ Мостарѣ какой-то Турокъ (Мусульманинъ), по имени Шевія. Этотъ Шевія однажды брился тамъ у брадобрѣя; полъ-головы ему выбрили, а полъ-головы осталось невыбритымъ; вдругъ онъ вскакиваетъ на ноги» (Турокъ брѣютъ сидящими на полу: это пресмѣшная операція), «выбѣгаетъ на площадь и, ударяя рукою объ руку, кричитъ: «Аллахъ! Аллахъ! Какъ гяуры разбили и перерѣзали нашу братью, Турокъ, подъ Азовомъ!» Когда Турки возвратились изъ похода, то разсказали, какъ бились подъ Азовомъ и какъ всѣ бы погибли, если бы не налетѣлъ вдругъ человѣкъ на бѣломъ конѣ, съ обнаженною саблею въ рукѣ, полъ-головы обрито, а полъ не обрито, и не разогналъ гяуровъ: онъ насъ избавилъ отъ рукъ непріятеля. Такъ разсказывали тогда Мостарскіе Турки, воротившіеся изъ-подъ Азова. Ихъ спросили въ лавкѣ брадобрѣя, въ какой день и въ какой часъ это было; и оказалось что въ тотъ именно день и часъ брился Шевія и выскочилъ на площадь съ полуобритою головою, и въ тотъ же самый часъ явился подъ Азовомъ. Это Мостарскіе Турки разсказали Али-пашѣ. Онъ спросилъ, гдѣ Шевія похороненъ. Ему сказали: у Шаричевой мечети, на перекресткѣ. Тутъ онъ воздвигнулъ ему памятникъ, который стоилъ до 200 червонцевъ».

лѣтъ 50, съ сѣдою подстриженною бородою, показался намъ Туркомъ средней, такъ сказать, эпохи: онъ уже не носилъ чалмы и широкаго платья, и считалъ себя человѣкомъ Европейски-образованнымъ; но его образованность состоитъ именно только въ форменномъ кафтанѣ, въ сидѣніи на креслахъ и употребленіи вилки и ножа. Сіе послѣднее даже еще не вполнѣ сроднилось съ его натурою: когда онъ кушаетъ съ Европейскими гостями, то его поведеніе безукоризненно, но какъ скоро онъ садится за столъ одинъ или съ людьми близкими, то не можетъ лишить себя удовольствія запустить руку въ блюдо: однако, чтобы передъ самимъ собою, не показаться варваромъ, онъ тогда, взявъ пальцами кусокъ жаркаго или пирога, втыкаетъ его на вилку, и съ помощію этого орудія, символа просвѣщенія, подноситъ ко рту. Въ первый день нашего пребыванія Исаакъ-паша вѣроятно обѣдалъ и ужиналъ такимъ образомъ, потому что вѣжливость требовала, чтобы онъ насъ, послѣ трудовъ дороги, оставилъ «дѣлать рахатъ», т. е. отдыхать, и посылалъ намъ кушанье въ нашу комнату. На другой день былъ праздникъ: мы изъявили желаніе присутствовать при обѣднѣ и просили пашу дать знать объ этомъ въ церковь. Обѣдню въ Мостарѣ служатъ, какъ вообще въ тѣхъ мѣстахъ Турціи, раннимъ утромъ, почти на разсвѣтѣ. Священнодѣйствовалъ Архимандритъ Іоанникій и плѣнилъ насъ своимъ прекраснымъ голосомъ и благоговѣйнымъ служеніемъ. Мальчики изъ школы пѣли, составляя согласный и весьма пріятный хоръ, Сербскимъ напѣвомъ, который есть чистый plein-chant, безъ нотъ, и столько же отличается отъ нашего церковнаго пѣнія, сколько отъ Греческаго. Церковное пѣніе, которому обучаютъ во всѣхъ школахъ Сербскихъ, чрезвычайно полезно: дѣти учатся ему весьма охотно; въ самой бѣдной церкви, когда только при ней есть школа, образуется, безъ всякихъ издержекъ на наемъ пѣвчихъ, хорошій хоръ, разительно отличающій богослуженіе въ ней отъ богослуженія въ такой церкви, при

которой нѣтъ училища и гдѣ разноголосятъ въ носъ какіе-нибудь старики, перенявшіе самоучкою пѣніе отъ Греческаго владыки или діакона. Обучаясь пѣнію, мальчики знакомятся съ священнослуженіемъ и получаютъ къ нему особенную любовь; тамъ, гдѣ это обученіе введено уже нѣсколько лѣтъ, вы нерѣдко услышите взрослаго Серба, который за работою поетъ прекраснымъ голосомъ тропарь святому или другую церковную пѣснь. Во время церковной службы эти же люди поютъ въ хорѣ, и мало-по-малу весь народъ начинаетъ принимать, умѣючи, участіе въ богослуженіи. Послѣ обѣдни насъ повели въ пріемную горницу въ школѣ, и тутъ мы познакомились съ О. Архимандритомъ, священниками и старшинами Православной общины. Насъ посадили на стулья, а они тѣснымъ кружкомъ сѣли около насъ на полу. Архимандритъ Іоанникій привѣтствовалъ насъ цѣлою рѣчью: выразилъ радость Православной общины Мостарской видѣть въ своей средѣ Русскихъ, говорилъ о благоденствіи и успѣхахъ Православнаго народа въ Герцеговинѣ съ тѣхъ поръ, какъ миновалось прежнее время гнета и насилій и Султанская *раія* стала наслаждаться дарами «свободы», провозглашенной въ хати-хумаюнѣ. Несчастный народъ! онъ долженъ хвалить своихъ правителей за обѣщанія, которыя не исполняются, и благодарить за благодѣянія, которыхъ не видитъ на дѣлѣ! А посмѣй кто нибудь говорить иначе публично, его объявятъ бунтовщикомъ и посадятъ въ тюрьму. Возвратившись изъ церкви, мы должны были сдѣлать первый, церемонный визитъ пашѣ. Исаакъ-паша, какъ вѣжливый хозяинъ-Турокъ, счелъ обязанностью попытаться (притворно) не допустить насъ до этого, и послалъ сказать, что самъ придетъ первый къ намъ. Можетъ быть, тутъ была не одна вѣжливость, а скрывалось желаніе попробовать: не примемъ ли мы предложенія и не осрамятся ли, пожалуй, «гяуры», позволивъ такое нарушеніе этикета. Но мы не поддавались; паша и мы стали формально торговаться; адъютантъ паши то и дѣло бѣгалъ изъ

его комнаты въ нашу и обратно; разумѣется, паша уступилъ, но не скоро. Черезъ нѣсколько часовъ онъ отдалъ намъ визитъ, и церемоніи кончились. Потому вечеромъ онъ уже счелъ возможнымъ пригласить насъ «за просто» ужинать съ нимъ. Боже мой! какъ ни скучны были вышеописанныя церемоніи, но мы почли бы счастіемъ, если бы онѣ продлились не полъ-дня, а всѣ пять дней нашего пребыванія въ Мостарѣ и избавили насъ отъ ужиновъ съ пашею «за просто». Я опишу одинъ такой ужинъ, и читателю вчужѣ станетъ тошно: что же было вынести четыре ужина! Какъ только муэззинъ прокричитъ *акшамъ* (закатъ солнца), насъ зовутъ къ пашѣ: онъ насъ привѣтствуетъ и сажаетъ меня на хозяйское мѣсто (таковъ обычай вѣжливости у Турокъ). Столъ убранъ великолѣпно; серебро и сервизъ богатые, посреди стола ваза съ цвѣтами; подсвѣчники Европейскіе. Подаютъ умыть руки и приносятъ пашѣ кальянъ, а каждому изъ насъ длинный чубукъ съ красивымъ янтаремъ молочной бѣлизны; слуга предлагаетъ небольшой графинъ съ мастикою (весьма крѣпкою, душистою водкою); мы отказываемся; тогда паша беретъ такой же графинъ, стоящій подлѣ его и съ разными затѣйливыми фразами упрашиваетъ, чтобы мы не заставили его пить въ одиночествѣ. Мы побѣждены, намъ наливаютъ мастики и мы отпиваемъ нѣсколько капель; тогда паша наливаетъ себѣ рюмку, беретъ ее въ одну руку, а стаканъ воды въ другую и держитъ рѣчь о своей дружбѣ и любви къ намъ; за симъ онъ выпиваетъ и водку и воду, закусываетъ кусочкомъ соленія или молодаго сыра, съ одной изъ тарелочекъ, которыхъ разставлено множество возлѣ каждаго изъ участниковъ трапезы, и принимается неистово тянуть свой *наргиле́*; его гости-Турки (всякій разъ ужинало у него по нѣскольку человѣкъ изъ приближенныхъ или важныхъ чиновниковъ) слѣдуютъ его примѣру: пьютъ, закусываютъ и пускаютъ облака дыма. Прислуга мѣняетъ чубуки; завязывается какой-нибудь разговоръ, хотя бы, напримѣръ, о прежней службѣ

нашего хозяина, который считаетъ долгомъ разсказать намъ, какъ онъ былъ счастливъ, что могъ быть въ предѣлахъ Россіи; именно въ Тифлисѣ по какому-то порученію, и насладиться тамъ Русскимъ гостепріимствомъ, или о послѣднихъ перемѣнахъ въ Турецкомъ министерствѣ и перемѣщеніяхъ пашей изъ одного города въ другой; послѣ такого пріятнаго разговора паша опять начинаетъ сентиментальничать и выпиваетъ рюмку водки, уже не принуждая насъ, къ счастію, слѣдовать его примѣру; вновь подаются свѣжія трубки; сентиментальность паши растетъ все болѣе и болѣе, и достигаетъ наконецъ апогея: онъ вскакиваетъ съ мѣста, кладетъ руку на сердце, цитируетъ Персидскіе стихи о сладости дружбы, говоритъ, что общество наше есть его высшее счастіе на землѣ, что люди могутъ имѣть разныя отечества, но что дружба ихъ сродняетъ, какъ братьевъ и т. под., все это въ длинныхъ фразахъ, исполненныхъ, какъ мнѣ говорили, красотъ Арабскаго витійства; но рюмка за рюмкою, кусочекъ соленія за кусочкомъ соленія и кальянъ за кальяномъ идутъ своимъ чередомъ, и когда уровень мастики въ графинѣ понизился до второй половины, фразы начинаютъ прерываться минутами угрюмаго молчанія, которыя становятся все болѣе и болѣе продолжительными. Такъ длится это предисловіе къ ужину битыхъ два часа; отъ скуки и густаго дыма глаза у меня слипаются и я сижу въ полуснѣ въ своемъ креслѣ: къ счастію разговора подъ конецъ уже не требуется. Слава Богу! паша допилъ до дна свой графинъ, законную мѣрку, отъ которой никогда не отступаетъ. Опорожненные сосуды и трубки уносятся, и если ужинъ начался, положимъ, въ 8 часовъ вечера, то часовъ въ 10 подается супъ; съ горя у насъ аппетитъ усилился и мы ѣдимъ со вкусомъ, запивая густымъ, горьковатымъ Герцеговинскимъ виномъ, нарочно поставленнымъ для невѣрныхъ; паша же и Турки за кушаньемъ не пьютъ ничего, кромѣ воды. За супомъ слѣдуетъ интервалъ: подаются опять кальянъ

и трубки; разговоръ кое-какъ возобновляется, но паша уже не сентименталенъ, а скорѣе склоненъ къ шуткамъ, часто весьма неблагопристойнымъ въ смыслѣ нравственности. Характеристика Турецкаго стола мною уже сдѣлана; потому не описываю кушаньевъ, а скажу только, что у Исаакъ-паши (у котораго впрочемъ былъ прекрасный поваръ) подавалось ихъ за ужиномъ до пятнадцати, и что между каждымъ курился табакъ: посудите же, сколько это придавало вкуса блюдамъ и какъ долго тянулось пиршество: ранѣе полуночи оно никогда не оканчивалось. Тотчасъ послѣ ужина, паша взбирался съ ногами на диванъ и предавался снова угрюмости и куренію; посидѣвъ минутъ пять, мы вставали и уходили спать; хозяинъ, шатаясь, провожалъ насъ до двери. Такъ живутъ образованные Турки! И не удивительно: день у нихъ кончается съ заходомъ солнца; не зная никакого умственнаго занятія, никакого общественнаго развлеченія, они должны какъ-нибудь убивать вечеръ, и убиваютъ его четырехъ- или пятичасовымъ ужиномъ, послѣ котораго засыпаютъ мертвецки. Днемъ же, за обѣдомъ, который подается у нихъ около полудня, они ѣдятъ не много и не долго и пьютъ только воду.

IV.

Благай и Житомысличи.

Такъ проводили мы время въ Мостарѣ: вечеръ жертвовался пашѣ, а день визитамъ, которые мы должны были дѣлать властямъ и почетнымъ христіанамъ и принимать отъ нихъ. Но одинъ день рѣшились мы посвятить достопримѣчательностямъ въ окрестностяхъ Мостара и поѣхали посмотрѣть на развалины Благая, древней твердыни, «Херцега Степана», владѣтеля Герцеговины, которая отъ его страннаго, полунѣмецкаго ти-

тула [1]) получила свое названіе, и на монастырь Житомысличи, «задушбину» [2]) Милорадовичей. Изъ Мостара въ Благай часа три ѣзды. Надобно возвратиться почти до Буны, и потомъ повернуть на лѣво, вверхъ по теченію рѣки того же имени. Наконецъ приближаешься къ большому хребту. Слышенъ издали шумъ, какъ отъ водопада; поднявшись на небольшой холмъ, видишь рѣку, съ ревомъ и пѣною стремящую свою еще свѣжую воду и вертящую колеса нѣсколькихъ мельницъ; на берегу ея, почти у подошвы хребта, стоитъ кучка жалкихъ домиковъ съ одною маленькою мечетью безъ минарета. Это нынѣшній городъ Благай. Въ немъ всего домовъ 30, все Мусульманскихъ, за исключеніемъ, кажется, одного или двухъ Православныхъ. Въ этомъ городишкѣ живетъ *чаушъ* (унтеръ-офицеръ), исправляющій должность Благайскаго мудира. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ города путешественникъ встрѣчаетъ зрѣлище, передъ которымъ онъ простоитъ долго и на него не налюбуется. Гора кончается огромною отвѣсною, гранитною скалою; подъ скалою природа образовала высокую, пространную пещеру, изъ которой вырывается потокомъ рѣка и бросается, клубясь многими водопадами, въ долину. Въ пещерѣ мирно живутъ голуби, преспокойно вьющіе себѣ гнѣзда надъ бушующею водою. Привычный шумъ и гулъ потока ихъ не пугаетъ; но при нашемъ приближеніи, услышавъ голоса человѣческіе, они вылетѣли сотнями изъ своего темнаго и сыраго

---

1) Титулъ Герцога или Херцега принимали нѣкоторые изъ воеводъ Сербскихъ въ XV вѣкѣ, когда сильно господствовало въ этихъ краяхъ вліяніе запада; но преимущественно сроднился этотъ титулъ съ личностью знаменитаго въ то время Стефана Вукчича, племянника Сандаля Хранича, воеводы «Захолмскаго и наслѣдія Св. Савы» (такъ назывался край, получившій съ тѣхъ поръ наименованіе Герцеговины). Есть древніе акты, въ которыхъ Стефанъ Вукчичъ обозначается просто подъ именемъ «господинъ Херцегъ». Полный титулъ, который онъ носилъ во время своего могущества, былъ: «Стѣпань Херцегь одь светога Саве, господарь Хумски и Приморьски, велики воевода русага (т. е. области: слово Мадъярское) Босьнскога, кнэзь Дриньски и више (т. е. и прочая»).

2) *Задушбиною* называютъ Сербы храмъ, построенный кѣмъ-либо по обѣту.

жилья. Надобно снизу обогнуть гору и потомъ подняться по скаламъ, среди колючаго кустарника, держась извилистой, чрезвычайно крутой тропинки. Вершина горы обгорожена сложенною изъ огромныхъ камней высокою, толстою стѣною съ зубчатыми башнями, которая стоитъ почти неповрежденною. Но внутри, зданія почти совершенно разрушены; въ узкихъ, единственныхъ воротахъ крѣпости валяются грудами камни, такъ что трудно пройти въ крѣпость, а лошадь провести невозможно. Это древній «градъ» Благай, который, послѣ Херцега Степана долго служилъ Туркамъ мѣстомъ защиты, но со временемъ, какъ они выражаются, «обаталился», т. е. пришелъ въ запустѣніе. Въ немъ осталась теперь одна единственная пушка; всѣ прочія Али-паша велѣлъ перенести въ свой любимый Столацъ. Крѣпость эта, какъ вообще старинные грады Боснійскіе и Герцеговинскіе, необширна, занимая только вершину горы. Турки почитаютъ Благай неприступнымъ, и онъ дѣйствительно могъ быть такимъ въ старинное время: съ трехъ сторонъ гора совершенно обрывиста, а съ четвертой, сѣверозападной стороны, по которой мы поднялись, дорога такъ узка и крута, что нѣсколько человѣкъ могли тутъ остановить и завалить камнями цѣлое войско. На этой крутизнѣ жили повелители окрестнаго края; внизу, у истоковъ Буны, въ прекрасной долинѣ, образовалось торговое селеніе, которое во время христіанскаго владычества было, безъ сомнѣнія, гораздо значительнѣе, чѣмъ нынѣшнее Турецкое мѣстечко. Впрочемъ, кромѣ древнихъ стѣнъ и чудеснаго вида на окрестность, на долину р. Буны съ одной стороны, а съ другихъ на массу горъ, надъ которыми возвышается такъ называемая «Херцеговачка Главица», — Благай не представляетъ ничего замѣчательнаго. Недалеко отъ крѣпости, на другой вершинѣ, стоятъ развалины одинокой башни. Преданіе говоритъ, что ее выстроилъ въ одну ночь сынъ Херцега Степана, Груица, котораго Турки сманили, обратили въ свою вѣру и вооружили на отца. Изъ этой башни

Груица сталъ стрѣлять на неодолимую твердыню, въ которой Степанъ много лѣтъ уже отстаивалъ свободу Герцеговины отъ Султана. Никакое войско Турецкое не могло покорить его, но противъ выстрѣловъ сына онъ былъ безсиленъ: онъ погибъ, и Турки заняли Благай. Груица, названный въ магометанствѣ Ахметомъ, получилъ въ награду санъ паши. Таково преданіе, которое связано съ именемъ Благая; но въ историческихъ сказаніяхъ мы не находимъ ничего подобнаго. Напротивъ, въ нихъ говорится, что «Герцогъ» Стефанъ Косачичъ, выдержавъ нѣсколько времени осаду въ Благаѣ, подчинился Туркамъ, и умеръ въ 1466 году, не какъ независимый правитель Герцеговины, а какъ данникъ Султана; объ его сынѣ Груицѣ и вѣроотступничествѣ этого сына тоже нѣтъ никакого извѣстія. Мои проводники Турки разсказали мнѣ еще, что надъ воротами «града» Благайскаго, была надпись, которой никто прочитать не могъ, и которая будто заключала въ себѣ свидѣтельство о томъ, кто построилъ Благай, кто въ немъ владѣлъ и кому страна принадлежала и будетъ принадлежать; они увѣряли, что три года тому назадъ пріѣхали какіе-то «Нѣмцы» (т. е. Австрійцы) изъ Тріеста, ночью прокрались въ Благай и соскоблили надпись. Зачѣмъ же они это сдѣлали? спросилъ я. «А Богъ ихъ знаетъ: вѣроятно для того, чтобы люди не могли дознаться, кто долженъ владѣть страною». Я потомъ сообщилъ это христіанамъ; они подтвердили слова Турокъ о существованіи надписи и ея таинственномъ значеніи, но по ихъ увѣренію, соскоблили ее сами Турки, чтобы никто не зналъ, что христіане законные обладатели Герцеговины.

Монастырь Житомысличи находится въ 4 часахъ отъ Мостара. Мы должны были возвратиться отъ Благая къ Бунѣ; отъ Буны мы повернули влѣво (т. е. на югъ), поднялись по скаламъ на гору Градину и, вскорѣ вошли въ ущелье, въ которомъ течетъ р. Неретва между горами Градиною и Цѣрницею. Внизу, на берегу рѣки, мы видѣли доскопилительную мельницу,

принадлежащую Австрійской компаніи, которая получила отъ Турецкаго правительства исключительное право на рубку лѣса въ Герцеговинѣ и вывозъ его за границу. Эта мельница есть первый, и пока единственный во всей Босніи и Герцеговинѣ, заводъ, въ которомъ дѣйствуютъ европейскія машины. Проѣхавъ еще нѣсколько дальше, по склону горы, нависшей надъ Неретвою, мы спустились въ красивую, хорошо обработанную долину, простирающуюся на полтора часа ѣзды вдоль лѣваго берега Неретвы. Мѣсто чудесное! Какая разнообразная картина! На противоположной сторонѣ Неретва течетъ подъ крутымъ обрывомъ Цѣрницы, надъ водою нависли огромныя скалы, то голыя, сѣрыя, желтоватыя, иногда почти красныя, то покрытыя густою темнозеленою пеленою плюща, то поддерживающія на своихъ уступахъ прихотливо разросшіеся кусты; внизу голубая рѣка, встрѣчая безпрестанно подводные камни, обмываетъ ихъ бѣлою пѣною, или образуетъ шумные пороги; а на противоположной сторонѣ раскинулись луга съ свѣжею зеленью травы и поля засѣянные пшеницею или покрытые высокими стеблями кукурузы; по дорогѣ и межамъ тѣснятся кусты *шипка* (дикаго гранатника), вишневыя деревья, орѣшники, дубы, маслины, смоковницы; наконецъ, у подножія горъ, окаймляющихъ эту прекрасную долину, и на самомъ берегу рѣки, зеленѣютъ виноградники. Эта долина принадлежитъ монастырю. Въ сторонѣ отъ дороги, ближе къ горѣ, стоятъ уныло три полуразвалившіяся башни, прежнее жилище Христіанъ-спахіевъ [1]) Милорадовичей; теперь въ нихъ помѣщаются монастырскіе *кметы* (земледѣльцы-арендаторы). Кромѣ того, у монастыря есть еще нѣсколько кметовъ въ близлежащихъ деревняхъ Сѣраны и Драчево. Самая обитель построена въ концѣ долины, подъ горою Верхдоломъ, гдѣ Неретва опять входитъ въ ущелье. Архитектурою монастырь не замѣчателенъ;

---

1) Спахіями назывались члены знатныхъ родовъ, которые получили отъ Султана право собирать его именемъ десятину съ земледѣльцевъ.

церковь низка и тяжела; формы ея носятъ печать вѣка, въ который она строилась: то не было уже время свободы и процвѣтанія Сербскаго, а время Турецкаго ига. Послѣдній знатный родъ Христіанскій въ Герцеговинѣ, не знаю, по какому случаю сохранившій свое значеніе и свои помѣстья еще болѣе ста лѣтъ послѣ нашествія Турокъ, которые истребляли или обращали въ Исламъ всю туземную аристократію въ этихъ странахъ, Милорадовичи употребили все свое имѣніе на постройку церквей въ своемъ родномъ краѣ и потомъ переселились въ Россію. Изъ трехъ братьевъ Милорадовичей, старшій Милославъ построилъ въ 1585 году монастырь Житомысличи во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы; второй, Радославъ, построилъ въ двухъ часахъ оттуда, церковь Св. Николая Чудотворца въ селѣ Трѣбнѣ (она теперь запустѣла, и земли ей завѣщанныя, отняты Мусульманами); третій, Любославъ, построилъ церковь Св. Петра и Павла въ трехъ часахъ отъ Житомысличей, въ селѣ Ошеничахъ (она также запустѣла въ послѣдствіи, и была возобновлена въ 1832 году); наконецъ, сынъ Милослава, Михаилъ Милорадовичъ, построилъ церковь Св. Луки въ селѣ Клепцахъ близъ Габеллы (на югѣ отъ Житомысличей, у низовьевъ Неретвы) [1]). Монастырю Житомысличи этотъ благочестивый родъ оставилъ весьма значительныя помѣстія, выхлопотавъ, для утвержденія дара, Султанскій фирманъ. Не смотря на то, большею частію этихъ земель завладѣли окрестные беги-Мусульмане, такъ что за монастыремъ осталась только долина, которая къ нему прилегаетъ. Но все-таки Житомысличи остаются безъ сравненія самою богатою обителью въ Герцеговинѣ. Общеніе обители этой съ потомками ея основателя долго не прекращалось и послѣ переселенія Милорадовичей въ Россію. На заглавномъ листѣ Общей Минеи иноки не безъ гордости показываютъ надпись: «лѣто отъ Рождества Хри-

1) Подробности объ этихъ церквахъ приведены въ Сербо-Далматинскомъ Магазинѣ за 1846 годъ.

етова 1717 сію святую книгу пожаловалъ Петръ Монархъ Россійскій въ Сербскую землю въ монастырь Житомысличь и принесе ихъ Гавро и Михаилъ, синови Иліе Милорадовича». Еще въ 1802 году монастырь получилъ милостыню изъ Россіи отъ Милорадовичей. Какой благородный подвигъ совершилъ этотъ послѣдній остатокъ Христіанской аристократіи въ Герцеговинѣ! Какъ высокъ подвигъ Милорадовичей среди общаго малодушія этой аристократіи, которая съ такою готовностью, по зову Султана, отрекалась отъ своей вѣры, чтобы сохранить свои помѣстья и свои привиллегіи! Видя себя окруженными фанатизмомъ своей прежней братіи, которая изъ Христіанъ-*властелей* [1]) превратилась въ *беговъ*-Мусульманъ, Милорадовичи чувствуютъ, что имъ не долго удержаться въ своей родинѣ: и что же? они посвящаютъ церкви все свое имѣніе, они употребляютъ остатки своего вліянія, чтобы оградить Султанскими фирманами основанную ими обитель, и, окончивъ это дѣло, оставивъ въ Герцеговинѣ залогъ сохраненія и возрожденія народа, — храмы Божіи, — удаляются на чужбину, чтобы искать себѣ новаго Православнаго отечества. Не даромъ до сихъ поръ всѣ Православные жители Герцеговины произносятъ имя Милорадовичей съ особенною любовью, какъ народныхъ благодѣтелей! Не даромъ до сихъ поръ не проходитъ дня, въ который бы не возглашалась въ Житомысличахъ молитва за Милослава Милорадовича и его братію!

Устройство монастыря теперь весьма удовлетворительно въ хозяйственномъ отношеніи. Игуменъ его, О. Симеонъ, Далматинскій уроженецъ, бывшій прежде морскимъ капитаномъ, привелъ монастырское имѣніе въ порядокъ и ревностно отстаиваетъ его отъ сосѣдей Мусульманъ; чтобы отомстить ему, Мусульмане однажды (это было не дальше, какъ въ прошломъ году) свалили съ горы огромный камень на старушку, которая

---

1) *Властели*, такъ назывались члены знатнаго сословія въ Сербскихъ земляхъ.

пасла монастырское стадо, и задавили ее на мѣстѣ: скажу мимоходомъ, что это преступленіе, совершенное среди бѣлаго дня, въ двухъ часахъ отъ Мостара, людьми извѣстными, на которыхъ показали свидѣтели, осталось безнаказаннымъ. Церковь содержится чисто и хорошо; служеніе въ ней совершается ежедневно (въ другихъ церквахъ и монастыряхъ Босніи и Герцеговины служба бываетъ лишь по праздникамъ, а ежедневно только на «Чистой», т. е. первой, и Страстной недѣлѣ Великаго поста; круглый годъ служатъ ежедневно, кромѣ Житомысличей, только въ Сараевской церкви и, кажется, въ монастырѣ Св. Троицы у Таслиджи, да въ главныхъ обителяхъ Старой Сербіи, Печи и Дечанахъ). Келліи монастырскія меблированы по-Европейски; всякій посѣтитель находитъ тамъ радушное и хорошее угощеніе. Но нельзя не сожалѣть, что при своемъ достаткѣ, братія Житомысличская слишкомъ мало заботится объ исполненіи назначенія, для котораго обитель была основана благородною семьею Милорадовичей. Она могла бы завести школу для жителей окрестныхъ мѣстъ и даже Мостара; она могла бы посылать молодыхъ иноковъ для образованія въ Бѣлградскую семинарію. Если скудная братія Дужскаго монастыря могла, въ самомъ дикомъ краѣ Герцеговины, при постоянномъ гоненіи отъ Требиньскихъ Мусульманъ, предпринять столько трудовъ на пользу просвѣщенія, то чего бы не сдѣлала богатая братія Житомысличская, имѣющая опорою Христіанскую общину главнаго города Герцеговины, въ сосѣдствѣ котораго она находится. До сихъ поръ однако она, кажется, не помышляла о томъ, что ея долгъ способствовать образованію народа. Оттого-то, вѣроятно, и въ народѣ мало къ ней сочувствія.

V.

Дорога изъ Мостара въ Сараево.

Дорогу изъ Мостара въ Сараево (24 часа ѣзды, т. е. 3 дня пути) подробно описывать не стоитъ, потому что она не представляетъ ничего замѣчательнаго, и къ тому же изображена другими весьма обстоятельно [1]). Обозначу только главныя черты этого путешествія. Сперва надобно ѣхать отъ Мостара три часа на сѣверъ полемъ, которое называется Бѣлымъ и подымается покатымъ склономъ по мѣрѣ удаленія отъ долины рѣки Неретвы; въ концѣ этого поля въ мѣстѣ, называемомъ Подпоримомъ, построено нѣсколько хановъ, довольно порядочныхъ сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ бываютъ обыкновенно Турецкіе ханы, и нѣсколько Православныхъ избъ, носящихъ имя села Бѣлополе. Въ этомъ селѣ мы отыскали весьма извѣстную во всей Герцеговинѣ мученицу за вѣру Христіанскую, Ристу Райковичъ, которую никакія угрозы и мученія не могли принудить къ отреченію, и лишь счастливый случай избавилъ отъ страдальческой смерти [2]): она теперь за мужемъ за однимъ молодцоватымъ поселяниномъ, Миркомъ Акимовичемъ, и какъ кажется, довольна своею судьбою. Ей едва ли больше 35 лѣтъ, но она имѣетъ видъ старухи: она вдругъ сдѣлалась хворою и постарѣла отъ голода и страданій, которыя претерпѣла въ рукахъ Турокъ. Про эти мученія она теперь вспоминаетъ съ смиреніемъ, какъ про великую милость Божію. «Велика милость Божія, говорила она мнѣ: случилось, что во время похода Омеръ-паши на Герцеговину, царское (Султанское) войско налегло на наше село и разорило нашъ домъ до тла; надобно мнѣ было

---

1) Ami Boué, Recueil d'Itinéraires dans la Turquie d'Europe, II 215 — 224.

2) Разсказъ объ ея мученіи и избавленіи, написанный Архимандритомъ Іоанникіемъ, переведенъ былъ нами и помѣщенъ въ «Русской Бесѣдѣ» за 1856 годъ, кн. II. Все, что намъ случилось слышать въ Герцеговинѣ объ этомъ происшествіи, удостовѣрило насъ, что въ этомъ разсказѣ нѣтъ ни слова прикрасы.

итти по Герцеговинѣ за подаяніемъ; и въ какое село Христіанское я ни приду, вездѣ про меня знали, слышали, что мнѣ Богъ далъ пострадать за вѣру Христіанскую, и всякій давалъ мнѣ, сколько могъ, такъ что мы въ скоромъ времени могли поправить нашъ домъ. Или вотъ теперь: какъ могла я подумать, чтобы про меня знали и слышали такъ далеко, въ самой Россіи!» Я узналъ потомъ, что она, на другой день послѣ того, какъ я ее отыскалъ и сказалъ ей, что ея подвигъ былъ извѣстенъ и въ Россіи, одѣлась по праздничному и отправилась въ Мостаръ служить благодарственный молебенъ.—За ханомъ Подпоримомъ начинается подъемъ на хребетъ Поримъ, поросшій сосновымъ лѣсомъ; на вершинѣ его грязный курной ханъ Зимне предлагаетъ невообразимо-гадкое убѣжище путникамъ, застигнутымъ мятелью на этой высотѣ, на которой еще въ концѣ Мая лежалъ снѣгъ во многихъ мѣстахъ. За Зимнемъ — голая плоская возвышенность и надъ нею новый хребетъ, Бахтіевица, особенно пугающій несчастныхъ, которые принуждены переходить эти мѣста зимою. За Бахтіевицею спускъ, потомъ подъемы на Липеты и на Влахъ-планину, спускъ въ долину, въ глубинѣ которой находится красивое озеро (Езеро) и новый подъемъ на Борки, гдѣ небольшое село и ханъ. Всѣ эти мѣста — совершенная пустыня: по склонамъ горъ сосна да сосна; на плоскихъ вершинахъ коротенькая трава. За Борками спускаешься снова къ долинѣ Неретвы, которая огибаетъ эту горную массу огромнымъ полукругомъ и течетъ тутъ съ юговостока на сѣверозападъ, тогда какъ въ Мостарѣ мы ее видѣли почти въ прямомъ направленіи съ сѣвера на югъ. Въ долинѣ этой рѣки, куда мы теперь спустились, стоитъ, на полъ-дороги между Мостаромъ и Сараевомъ, жалкій Мусульманскій городишко Коньица: Неретва образуетъ здѣсь границу между Герцеговиною и Босніею. Мостъ черезъ Неретву, соединяющій обѣ области, выстроенъ былъ, какъ говорятъ, Ахметъ-пашею Соколовичемъ изъ обломковъ прежней церкви. Городъ расположенъ

на южной, Герцеговинской сторонѣ рѣки; тутъ живетъ мудиръ, зависящій отъ Мостарскаго паши; другой мудиръ, зависящій отъ паши Сараевскаго и управляющій такъ называемымъ Неретвинскимъ округомъ, живетъ по ту сторону моста, въ городѣ, который состоитъ весь изъ его дома и одной избушки для помѣщенія пандуровъ (полицейской стражи). Этотъ городъ сочиненъ недавно, съ тѣхъ поръ, какъ введена въ Босніи правильная Турецкая система администраціи. За Коньицею характеръ мѣстности уже совсѣмъ другой; привѣтливая Боснійская природа смѣняетъ сумрачную Герцеговинскую. Со всѣхъ сторонъ видны также горы, но очертанія ихъ округлены, скалы исчезаютъ и вездѣ растутъ лѣса: внизу дубъ, кленъ, букъ, орѣшникъ, на высотахъ береза и сосна; между горами повсюду красивыя, хотя большею частію узкія, долины, извивающіяся по теченію рѣчекъ и ручьевъ, которые орошаютъ каждый уголокъ богатой лѣсами Босніи. Но зато въ отношеніи климата Боснія далеко уступаетъ Герцеговинѣ. Въ Герцеговинѣ климатъ южный, снѣгъ въ долинахъ никогда не лежитъ, зима обозначается только дождями и вѣтрами; въ Босніи снѣгъ покрываетъ землю отъ Ноября, а иногда отъ Октября, до Марта. У Коньицы, въ долинѣ Неретвы, мы простились съ южною растительностью, съ виноградомъ, смоковницею и дикомъ гранатникомъ; въ Босніи сады состоятъ изъ нашихъ сѣверныхъ яблонь, грушъ и сливъ.

Мы ѣхали 7 часовъ по узкимъ, зеленымъ долинамъ, весьма часто переваливая черезъ горы изъ одной въ другую; но нигдѣ уже не встрѣчалось тѣхъ крутыхъ подъемовъ и обрывистыхъ, страшныхъ спусковъ, которыми Герцеговина ужасаетъ непривычнаго путешественника. Оттого, вѣроятно, мудиръ Боснійской Коньицы, поздравляя насъ съ совершеніемъ переѣзда черезъ Поримъ, Бахтіевицу и Влахъ-планину, говорилъ намъ: «ну, теперь вы будете *рахатъ* (т. е. въ спокойствіи); отсюда до Сараева нѣтъ ни пригорка; дорога ровная, какъ моя ладонь». А все-таки по

этой дорогѣ, ровной какъ ладонь, пришлось намъ разъ десять подыматься на высоту въ тысячу или полторы футовъ надъ общимъ уровнемъ края и спускаться столько же. Мѣста вездѣ чудесныя, но ни одной души человѣческой! селенія, если есть, то попрятались гдѣ-то за горами; но и ихъ должно быть очень мало, потому что обработанныхъ полей нигдѣ почти не видать по дорогѣ. Наконецъ мы подъѣзжаемъ къ хану Тарчину, около котораго разбросано нѣсколько избъ. Отсюда долина расширяется все болѣе и болѣе, начинаются обработанныя поля. Мы переправляемся въ бродъ черезъ рѣчку Лепеницу, поворачиваемъ направо, на востокъ, встрѣчаемъ распутье, гдѣ сходятся дороги, ведущія изъ Сараева на сѣверозападъ въ Травникъ и на югозападъ въ Мостаръ, переправляемся черезъ Желѣзницу, потомъ переѣзжаемъ черезъ Босну, по каменному мосту, близъ самыхъ ея источниковъ, которые видны не вдалекѣ, подъ высокимъ хребтомъ Игманъ-планина; миновавъ это живописное мѣсто, которое называется Врѣло Босне и гдѣ, какъ увѣряютъ, былъ первоначально городъ, потомъ перенесенный на 2½ часа оттуда, въ Сараево (теперь тамъ находится Христіанская деревушка, и большой загородный домъ или дворецъ, выстроенный Мустафа-пашею Бабичемъ, недавно еще повелѣвавшимъ въ Босніи)[1]), мы пріѣхали наконецъ на минеральный источникъ Баню или, по-Турецки, Илидже. Тамъ приготовленъ былъ для насъ ночлегъ въ щегольскомъ ханѣ, имѣющемъ претензіи на Европейскій вкусъ. Близъ хана (ихъ впрочемъ тутъ нѣсколько, потому что въ Банѣ многіе живутъ для лѣченія, а другіе пріѣзжаютъ изъ Сараева для прогулки) находится деревянная, довольно порядочная купальня, устроенная по настоянію Омеръ-паши. Источникъ, кромѣ сѣры, имѣетъ, какъ мнѣ говорили, много другихъ минеральныхъ частицъ, но я забылъ какія именно; вода горячая, голубаго цвѣта, дающая значительный

---

1) Онъ былъ свергнутъ въ 1851 году и умеръ въ заточеніи.

минеральный осадокъ; ее студятъ въ особомъ водоемѣ и потомъ проводятъ въ купальни для смѣшенія съ слишкомъ горячею водою источника; купальни довольно просторны и передъ каждою есть комната для раздѣванія; платятъ бездѣлицу; употребляютъ это купаніе противъ ревматизмовъ, на которые оно имѣетъ, какъ говорятъ, превосходное дѣйствіе, и противъ накожныхъ болѣзней; но многіе купаются просто, для удовольствія или предупрежденія будущихъ недуговъ. Близъ купальни разведенъ садъ съ настоящимъ Европейскимъ цвѣтникомъ. Вообще Баня мѣсто прекрасное и Турція является тутъ какъ-то прибранною и щегольскою: видно, что Европеецъ устроивалъ. Другой слѣдъ Омеръ-паши, — шоссе, которое онъ началъ строить отъ Сараева до Бани (т. е. на 10 верстъ разстоянія); оно не было докончено, когда его отозвали изъ Босніи, и осталось въ такомъ видѣ: верстахъ въ пяти отъ Сараева съѣзжаешь съ каменки на первобытную дорогу, которая послѣ дождя обращается въ глубокую топь, или, если хочешь избѣжать этой дороги, то на мостовую, которая отъ многовѣковаго употребленія безъ починки, сдѣлалась хуже всякой топи. Эти два часа отъ Бани до Сараева мы проѣхали такимъ же церемоніальнымъ маршемъ, какъ пространство между Буною и Мостаромъ. Не смотря на сопровождавшую насъ толпу, среди которой наша роль была не совсѣмъ пріятная и веселая, мы любовались мѣстностью. Плодородная, хорошо обработанная долина ограждена справа небольшими высотами, которыя оканчиваются огромною массою Требевича съ его конусообразною вершиною; слѣва тянутся такія же высоты, покрытыя кустарникомъ и лѣсомъ, и выдаются впередъ округленные холмы; подъ этими высотами бѣлѣютъ, среди садовъ, загородные дома Турецкіе; а впереди долина замыкается полукругомъ горъ, которыхъ склоны и подножіе усыпаны безчисленнымъ множествомъ бѣлыхъ минаретовъ Сараевскихъ.

VI.

Сараево.

Сараево (Славянская передѣлка Турецкаго имени Сарай[1]) или, опредѣлительнѣе, Босна-Сарай) раскинулось въ живописной долинѣ рѣчки, носящей сентиментальное названіе Милячки. Милячка течетъ на нѣсколько часовъ пути узенькимъ русломъ между крутыми скалистыми горами, потомъ эти горы разступаются и образуется поле, значительно расширяющееся къ сѣверу; часть этого поля мы проѣхали, отъ Тарчина; оно тянется на сѣверо-западъ на 16 часовъ пути, до города Травника, пересѣкаемое только небольшимъ возвышеніемъ по серединѣ.— Тамъ, гдѣ рѣчка выходитъ въ поле, расположенъ городъ. Часть домовъ втиснута въ ущелье; другая, на лѣвой сторонѣ Милячки, построена амфитеатромъ между садами, на склонѣ хребта Требевича, вершина котораго, возвышающаяся надъ Сараевомъ и надъ всѣми окрестными горами, издавна воспѣвается народомъ какъ жилище русалокъ (вилъ); на правой сторонѣ — такой же амфитеатръ садовъ и домовъ на склонѣ Бѣлявскаго хребта и, на особой горѣ, старая, развалившаяся крѣпостца (градъ Сараевскій); наконецъ, въ серединѣ, тамъ, гдѣ прежде начиналось поле, выстроились ряды лавокъ (нѣчто въ родѣ нашего гостинаго двора, только на Турецкій ладъ), православная церковь, церковь католическая, нѣсколько довольно широкихъ и прямыхъ улицъ, занятыхъ домами христіанъ и отчасти жидовъ, и тутъ же красуются флаги Русскій, Французскій и Англійскій; Австрійскій развѣвается надъ Турецкою частью города, на склонѣ Требевича. Весь этотъ нижній кварталъ оканчивается, у дороги, ведущей въ Травникъ, цѣлымъ рядомъ кожевенныхъ складовъ, распространяющихъ страшное зловоніе. Видъ города очень красивъ: выбѣленные дома, разбросанные

---

1) Т. е. дворецъ.

въ зелени на склонѣ горъ, и выше домовъ, безчисленное множество минаретовъ. Но грустно смотрѣть на этотъ пеизажъ, когда онъ покроется на четыре или на пять мѣсяцевъ снѣгомъ. Впрочемъ и лѣтомъ, за наслажденіе смотрѣть на Сараевскую панораму, дорого платишь мукою двигаться въ ней: мостовая, бо́льшею частью по крутизнамъ, неимовѣрно дурна.

Христіанское населеніе въ Сараевѣ небольшое: можетъ быть 5,000 душъ православныхъ и нѐ болѣе 200 католиковъ. Мусульманъ вдесятеро больше. У нихъ слишкомъ 100 мечетей. Православная церковь (во имя Св. Архангелъ Михаила и Гавріила), темная и тѣсная, глубоко врыта въ землю, подобно Мостарской, такъ что крыши ея не видно изъ-за ограды. Такъ какъ эта церковь довольно старая, и городъ богатый, то внутри она украшена, если и безвкусно, то не бѣдно. Образовъ въ ней множество, большею частью старинныхъ, Греческой работы, принесенныхъ изъ Святыхъ мѣстъ или изъ Аѳонскихъ монастырей; они расположены по всѣмъ стѣнамъ, безо всякаго вниманія на симметрію; есть между ними нѣкоторые въ серебряныхъ окладахъ; Сараевская община гордится также бархатною завѣсою съ богатыми, вышитыми изъ золота украшеніями; ее выносятъ изъ ризницы только въ самые торжественные праздники. Какъ свидѣтельствуетъ старая записная книга церковная, церковь Сараевская уже существовала въ XVII столѣтіи. Въ 1644 г. она сгорѣла вмѣстѣ съ городомъ и была вновь отстроена. Двѣнадцать лѣтъ спустя, новый пожаръ опустошилъ Сараево; сгорѣла опять православная церковь, также какъ латинская. Первая была возобновлена вскорѣ потомъ, въ 1658г., и съ тѣхъ поръ осталась въ цѣлости. Въ записной книгѣ сказано, что на сооруженіе своей церкви православные Сараевцы истратили 106,700 аспръ[1]), а именно: на подарки «Турецкимъ

1) Записная книга говоритъ тутъ же, что въ этой время арсланія стоила 100 аспръ. По этому указанію какой-нибудь знатокъ старинной Турецкой нумизматики могъ бы перевести на наши деньги сумму, истраченную на постройку Сараевской церкви.

господамъ» (господи Турской) — 64,700 аспръ, на самое зданіе 42,000.

Про построеніе, или лучше сказать, поправленіе Сараевской церкви, разсказываютъ слѣдующую замѣчательную черту. Это было въ прошломъ столѣтіи, церковь приходила въ ветхость, сквозь крыши образовалась капель, да и своды угрожали паденіемъ. Истративъ не мало денегъ, чтобы задобрить власти, христіане наконецъ выхлопотали себѣ фирманъ для починки священнаго зданія; фирманъ разрѣшалъ имъ чинить церковь въ теченіе сорока дней. Сараевцы заранѣе повѣстили о своемъ предпріятіи во всѣ православные приходы Босніи; стеклось къ нимъ на помощь нѣсколько тысячъ добровольныхъ работниковъ, изъ близкихъ и отдаленныхъ мѣстъ: въ урочный день работа закипѣла; не только сняли крышу, — разобрали весь сводъ; мужчины одни возили камень, другіе тесали его, третьи клали; женщины приготовляли известь, которую разводили бѣлками огромнаго количества яицъ, заранѣе собранныхъ изо всей Босніи; отъ бѣлковъ извѣсть тотчасъ сохла, и можно было тотчасъ штукатурить и красить. Въ продолженіе 40 дней не оставалось въ Сараевѣ ни въ одномъ православномъ домѣ даже дитяти, которое бы не помогало общему труду; все народонаселеніе работало день и ночь безъ отдыха. Турки смотрѣли, дивились, но не хотѣли нарушить даннаго слова, и не мѣшали: на сороковой день новый сводъ церкви и крыша были готовы. Таково Сараевское преданіе; оно такъ живо и такъ общеизвѣстно, что было несомнѣнно что нибудь въ этомъ родѣ.—Сараевская церковь замѣчательна тѣмъ, что это единственный православный храмъ въ Босніи, въ которомъ богослуженіе не прекращалось въ теченіе 200 лѣтъ, и въ которомъ оно совершается ежедневно; это послѣднее обстоятельство внушаетъ народу особенное къ ней уваженіе. — Сборъ церковный, накопляясь въ продолженіе многихъ лѣтъ, составилъ уже, какъ говорятъ, довольно значительный капиталъ, но не знаю, въ какой мѣрѣ онъ вѣрно хранится.—Въ слѣд-

ствіе увеличенія православнаго народонаселенія въ городѣ, старинная церковь уже не помѣщаетъ всѣхъ прихожанъ, и Сараевцы приступаютъ теперь къ постройкѣ новаго храма.—У нихъ при церкви состоятъ протоіерей, почтенный старецъ, и трое іереевъ. Кромѣ того въ городѣ живутъ двое священниковъ, имѣющихъ свои приходы въ окрестныхъ селахъ (около Сараева, и вообще во всей средней Босніи нѣтъ ни одной сельской церкви православной). Къ сожалѣнію должно сказать, что въ отношеніи къ народному образованію, дѣятельность Сараевскаго духовенства далеко уступаетъ Мостарскому.—На церковномъ дворѣ находится также домъ митрополита, устроенный на Турецкой манеръ, но гораздо богаче, нежели владычинъ домъ въ Мостарѣ; подлѣ церкви помѣщается также школа. Устройство ея и предметы преподаванія тѣ же, что въ Мостарѣ, средства ея гораздо больше, но, сколько я могъ судить, Мостарская школа лучше Сараевской. Главная причина та, что въ Мостарѣ преподаютъ уроженцы тамошняго края, люди, искренно преданные дѣлу просвѣщенія своего народа и для этого дѣла искавшіе образованія за границею; Сараевцы же не умѣли образовать никого изъ своихъ для званія учителя, а нанимаютъ учителей изъ Венгріи или Сербіи: разумѣется, въ Боснію наймется развѣ только самый плохой воспитанникъ семинаріи или гимназіи, который дома не могъ пристроиться, да и тотъ тамъ учитъ не съ ревностью человѣка, желающаго принести пользу молодому поколѣнію, а кое-какъ, лишь бы угодить родителямъ и получать жалованье.

Римско-католическій приходъ въ Сараевѣ, какъ я сказалъ, немногочисленъ; притомъ онъ весьма бѣденъ. Католики тамъ почти всѣ ремесленники; торговцевъ между ними нѣтъ. Послѣ пожара, истребившаго латинскую церковь въ 1656 году, ее, кажется, не возобновляли. До послѣдняго времени не было въ Сараевѣ католическаго храма; католики собирались для молитвы въ домѣ у своего священника, Францисканскаго *фратра*. Только въ 1853 г. построили для нихъ, съ помощью Австріи,

церковь весьма просторную и красивую. Надъ церковью воздвигнута даже небольшая колокольня, и колоколъ привезенъ изъ Австріи; но еще не посмѣли поднять его, боясь вспышки мусульманскаго фанатизма; однако небольшой крестъ красуется надъ католическимъ храмомъ, тогда какъ на православномъ нѣтъ никакого наружнаго знака.

Жидовъ въ Сараевѣ довольно много, 200 семействъ; у нихъ двѣ синагоги; но это все народъ бѣдный и въ городѣ мало значащій. Для окончанія внѣшней характеристики Сараева скажу еще, что тамъ пребываютъ: Турецкій вали-паша (генералъ-губернаторъ), окруженный своимъ совѣтомъ и своими чиновниками; ферикъ-паша (дивизіонный генералъ) съ своимъ штабомъ и нѣсколькими ротами регулярнаго войска, помѣщающимися въ безобразныхъ казармахъ, недавно выстроенныхъ,— самомъ большомъ зданіи въ Сараевѣ[1]), — хакимъ или верховный судья Босніи, ежегодно мѣняемый, муфтій и много другихъ Турецкихъ сановниковъ; православный митрополитъ Боснійскій (Грекъ, присылаемый изъ Константинополя), протоіерей и нѣсколько священниковъ; одинъ Францисканскій монахъ, и наконецъ жидовскій хахамъ-баши или верховный раввинъ.

Сараево есть произведеніе Турецкой эпохи. Во время Сербской независимости были тутъ только села, которыя, говорятъ, назывались: Быстрикъ, Бѣлява и Вратникъ; имена эти живутъ донынѣ въ названіяхъ кварталовъ; подальше, въ горахъ, была какая-то крѣпость, отъ которой остались развалины, называемыя Старымъ Градомъ. Но главное поселеніе находилось, какъ я уже упомянулъ, въ 3 часахъ на сѣверъ, у источниковъ рѣки Босны. Тамъ видно еще основаніе большаго зданія, которое преданіе народа именуетъ старою церковью Сараевскою. Подъ владычествомъ Турокъ образовался, на перекресткѣ нѣсколь-

1) Для постройки ихъ собрали деньги со всего населенія Босніи, однако почти исключительно съ христіанъ; говорятъ, строители (Турецкіе инженеры) поживились огромными суммами.

кихъ дорогъ, торговый центръ, новое Сараево, пользовавшееся издавна ихъ особенною благосклонностью. Торговля была въ въ рукахъ мусульманъ. Когда, въ 1697 г., Австрійское войско заняло и сожгло Сараево, то всѣ найденные тамъ христіане были переселены въ Австрію, а магометане остались[1]). Но мало-по-малу опять присосѣдились къ нимъ православные и образовалась въ Сараевѣ цѣлая колонія купцовъ-христіанъ, довольно богатыхъ; особенно въ послѣднія 50 лѣтъ водворилось ихъ много. Эти люди приходили изъ разныхъ мѣтъ Босніи и Герцеговины. Нѣтъ въ Сараевѣ христіанъ, которые бы не вели свою *старину*, какъ тамъ выражаются, т. е. свой родъ, изъ другаго края. Довольно естественно, что разбогатѣвшіе пришельцы эти составили нѣчто въ родѣ касты и весьма, весьма рѣзко отдѣляютъ себя отъ простыхъ поселянъ—райй, изъ среды которыхъ, однако же, вышли они или отцы ихъ, и съ которыми они стоятъ наравнѣ передъ Турецкимъ закономъ. Они ведутъ значительную торговлю съ Австріею и безпрестанно туда ѣздятъ, знаютъ болѣе или менѣе по-Нѣмецки или по-Итальянски, но не отступаютъ ни на волосъ отъ своихъ старинныхъ обычаевъ: понятіе обычая выражаютъ они Турецкимъ словомъ *адетъ*, которое имѣетъ для Босняковъ значеніе

---

1) Такъ сказано въ записной книгѣ Сараевской церкви: Лѣто ҂ахчз (1697), Окт. 13. Придоше Нѣмци, Божіимъ попущеніемъ, и поплѣнише Сараево, и сажѐгоше до конца и прегнаше Христіанѣ и Шокцѣ (Шокцы—Католики) прѣко Саавѣ. Еврѣе же все и Тураакъ мало заведоше у робство. црковь же наша, светыхъ Архангелъ, оста и не сьгорѣ, милостію Божіею и заступленіемъ безплътнихъ силь. нь поплѣнише ю Нѣмци. оставша же оть Нѣмець, плѣнише Турци. Прочаа же что да скажу. скорбь и тугу и плачь неутѣшиміи. кто да скажет. гóри и хольми плакáху пожигаеміи. ми же что да сътворим разлучаеміи матерѣ наше црькви, и своих домóвъ зрѣще коньчное сьгóрѣніе. Увіи, увіи и горе вьпіющѣ. плѣнюеми и преселюеми у тужду зéмлю. По плѣненію же нáшем остáвшаа брáтіа Христіани събрáавшесе вь црькви. и поставише клисаре по обичаю...» Въ другомъ мѣстѣ отмѣчено: «лѣто ҂ахчз окт. і҃ѕ дйь. Придоше Нѣмци и плѣнише нас. и пожегоше Сараево. и преселише нас у Срѣмь и у Бáчку. пáки волею Божіею, возвратихомсе вь своюси. а други и помрѣше тáмо. другіи же осташе и не възврáтишесе вь своюси».

какой-то неодолимой, чарующей силы. Иной Сараевецъ бывалъ двадцать разъ въ Европѣ, даже, положимъ, учился въ Вѣнѣ коммерческимъ наукамъ; но отъ этого ничего не измѣнилось, ни въ его наружности, ни въ душѣ его. Онъ станетъ строить новый домъ, но выстроитъ его по старому Босняцкому образцу. Верхній этажъ все также будетъ выступать на улицу надъ нижнимъ; со двора все также будетъ вести въ комнаты наружная лѣстница черезъ открытую галлерею, которая какъ бы нарочно устроена для того, чтобы ее зимою заносило снѣгомъ; по этой открытой галлереѣ все также должны будутъ ходить изъ комнаты въ комнату, потому что внутреннія двери Босняку неизвѣстны (что удивительно какъ сообразно съ суровымъ Боснійскимъ климатомъ и его долгими, холодными зимами); каждая комната все также будетъ застроена множествомъ ненужныхъ перегородокъ. Два-три стула и одинъ столъ въ домѣ сочтется за рѣдкій признакъ просвѣщенія, такъ какъ обыкновенно довольствуются Турецкими диванами и отсутствіемъ мебели.

Въ такомъ домѣ Сараевскій купецъ-христіанинъ живетъ согласно съ дѣдовскимъ *адетомъ*, чуждый умственныхъ потребностей, чуждый даже или почти чуждый понятія и чувства народности, которая для него, также какъ для Босняка-простолюдина, вся заключается въ томъ, что онъ православный. Когда Сараевскій трговацъ[1]) сидитъ, жена и дочери должны стоять передъ нимъ. Придетъ къ нему гость, жена и дочери подходятъ къ ручкѣ, подносятъ варенье, водку и кофе. Въ пищѣ соблюдается экономія, которая переходитъ всѣ границы нашихъ представленій. Только разъ въ годъ Сараевецъ развернется, именно въ свое крсно име (крестное имя), т. е. въ день, когда празднуется, по Сербскому обычаю, святой, покровитель-

1) Т. е. торговецъ: но въ этомъ словѣ заключается не только понятіе о торговомъ промыслѣ, но и та идея, что *торговецъ* есть членъ высшей касты между православными раіями. Въ собственныхъ своихъ глазахъ и въ глазахъ народа классъ *трговцевъ* стоитъ выше класса духовнаго.

ствующій его роду и дому. Тутъ сзывается весь міръ. Гостей усаживаютъ, по Турецки, на корточкахъ, передъ низенькими столами или досками, едва возвышающимися надъ уровнемъ дивановъ. Баранина и *пита* (слоеное тѣсто) играютъ главную роль въ угощеніи. Пьютъ здоровье каждаго или почти каждаго гостя, сопровождая здравицы (тосты) привѣтствіями и желаніями, сложенными въ постоянной эпической, часто прекрасной, формѣ. Пьютъ до упаду. Женщины, разумѣется, обѣдаютъ отдѣльно. Послѣ пиршества, шатающіеся на ногахъ мужчины идутъ смотрѣть на коло (хороводъ), которое водятъ дѣвушки и молодыя женщины, иногда принимающія въ свой кругъ и молодыхъ мужчинъ.

Прекрасный полъ (который въ Сараевѣ дѣйствительно заслуживаетъ этотъ почетный титулъ: много здѣсь Славянскихъ красотъ — кровь съ молокомъ) ведетъ жизнь затворническую, но не совсѣмъ. Христіанскія дамы и дѣвицы, т. е. купчихи и купеческія дочки (типъ, разумѣется, ни мало не похожій на купчихъ Россійскихъ), въ будни стряпаютъ, или шьютъ; но въ воскресенье и въ праздникъ (а праздниковъ тамъ бездна — чуть ли не три дня на каждой недѣлѣ) онѣ разряжаются. Обыденные широкіе Турецкіе шаровары и короткую мѣховую кацавейку (носимую и въ лѣтній жаръ), въ праздникъ замѣняетъ длинное, узкое платье, скроенное обрубкомъ изъ какой-нибудь видной, большею частью полосатой, матеріи, на груди нѣсколько открытое и выказывающее навѣшанные на шеѣ, на снуркахъ, ряды червонцевъ и имперіаловъ. Не такъ легко описать головной уборъ женскій: онъ разлагается, кажется, на четыре составныя части. Голову покрываетъ обыкновенная красная феска съ синею кистью, вокругъ фески повязанъ платокъ, надъ платкомъ возвышается нѣчто въ родѣ повойника, весьма развалистаго, изъ вощеной холстины, и наконецъ все это зданіе покрываетъ другой платокъ съ разными украшеніями, червонцами, лентами. Въ случаѣ траура платокъ — бѣлый; у ста-

рухъ повойникъ оканчивается длиннымъ остріемъ, торчащимъ впередъ. Но зато очень граціозна носимая дѣвушками красная феска, обвитая косою, съ широкою синею кистью. Вообще, женщины и дѣвушки Боснійскія — ходячіе сундуки ихъ мужей и отцовъ. Иногда столько червонцевъ, имперіаловъ, меджидіе на груди и на головѣ, что живая красавица получаетъ видъ образа въ окладѣ. «Какъ у меня дѣла идутъ плохо», — говорилъ, вздыхая, одинъ купецъ, — «приходится капиталъ трогать, тратить червонцы съ жены!» «Какая лѣпая (красивая) дочь у такого-то!» отзывался при мнѣ съ восторгомъ Босњакъ. «Ну что ты нашелъ въ ней лѣпаго? и носъ расплюснутъ, и глаза косые.» «Помилуйте: дукаты (червонцы) по сю пору», — возразилъ онъ лаконически, показывая рукою на поясъ. Но, къ чести Босняковъ будь сказано, не одни дукаты составляютъ рекомендацію дѣвушки; другое еще условіе можетъ дать ей право на титулъ красавицы, а именно: толстота. *Претыла* (толстая) *дњвойка* — это значитъ тоже, что *лњпа дњвойка*. Недавно спрашивали у Сараевца мнѣнія объ одной писанной красотѣ: «какъ тебѣ она нравится?» — «Ніе лоша» (не дурна), отвѣчалъ онъ, не безъ презрѣнія. «Какъ такъ, неужели только не дурна?» — «*Мршава*» (худощава), былъ его короткій отвѣтъ.

И такъ, въ своихъ окладахъ, стоятъ въ праздничный день женщины и дѣвушки христіанки у растворенныхъ воротъ своихъ домовъ, и тутъ производится *ашикованье*, т. е. любезничанье, съ молодежью. Вечеромъ, въ хорошую погоду, онѣ отправляются толпами за городъ гулять, и передъ ними красуются молодые сыновья *трговцевъ* на коняхъ, которые нарочно пріучены плясать у нихъ подъ ногами, почти не подвигаясь съ мѣста.

Вотъ вся общественная жизнь христіанъ Сараевскихъ. Но она можетъ быть названа развитою въ сравненіи съ общественною жизнью мусульманъ. Мусульмане дѣлятся на два класса, не имѣющіе между собою ничего общаго, кромѣ отношеній

правящихъ къ управляемымъ. Первый, правящій классъ — Османліи-чиновники. наполнившіе Боснію со времени усмиренія ея Омеръ-пашею (1850—1851), но, впрочемъ, далеко не такъ многочисленные, какъ можно бы было предполагать при нашихъ понятіяхъ объ администраціи и судопроизводствѣ. Второй, управляемый классъ — Босняки, которые, съ свойственною Славянамъ преданностью вѣрѣ, стоятъ горою за правила магометанства и чуждаются сыновъ Румеліи и Анатоліи, какъ невѣрныхъ, какъ гяуровъ.

Не стану теперь разбирать внутренній составъ Боснійскаго мусульманскаго общества. Возвращусь скорѣе къ темѣ, о которой я заговорилъ, т. е. къ общественной жизни мусульманъ Сараевскихъ. Очень легко ее опредѣлить, именно — полнымъ отрицаніемъ: ея нѣтъ вовсе. Какъ же живутъ Босняки-мусульмане, что они дѣлаютъ? Обратитесь съ этимъ вопросомъ къ самому Босняку, и онъ вамъ отвѣтитъ слѣдующими тремя словами: «*па это*[1]), *сѣдимо*» (такъ вотъ, сидимъ). Дѣло сидѣнія (разумѣется, на корточкахъ и съ чубукомъ) только переносится иногда изъ дома въ знакомую лавку, а подъ вечеръ, лѣтомъ, въ загородную кофейню. Если мусульманинъ — купецъ, то онъ тоже сидитъ въ своей лавочкѣ, которая въ длинномъ ряду другихъ, совершенно одинаковыхъ, лавочекъ, удивительно похожа на тѣ клѣтки для львовъ и медвѣдей, какія строятся рядами въ заграничныхъ зоологическихъ садахъ; не достаетъ только рѣшетки. Въ этой клѣткѣ онъ сидитъ, а хлопотливые торговые обороты и поѣздки за границу, для покупки товара, предоставляетъ Христіанамъ. Вечеромъ, за ужиномъ, играющимъ роль нашего обѣда, почти всякій благочестивый поклон-

---

1) Непереводимо въ точности на другой языкъ это выраженіе «па это», постоянно находящееся на языкѣ Босняка. Оно есть, такъ сказать, противуположность Русскаго, тоже непереводимаго, *авось*: въ первомъ слышится безпечность, соединенная съ апатическимъ равнодушіемъ и бездѣйствіемъ, также какъ во второмъ безпечность, соединенная съ отвагою и дѣятельностью.

никъ Пророка въ Босніи считаетъ долгомъ до последней возможности напиться знаменитѣйшимъ произведеніемъ своей родины, *сливовицею* (водкою, выгоняемою изъ сливъ), и удаляется въ гаремъ. Въ гаремѣ Боснійскомъ семейная жизнь, впрочемъ, вѣроятно, нѣсколько болѣе развита, чѣмъ въ другихъ мусульманскихъ земляхъ, потому что законъ Пророка не преодолѣлъ въ этомъ отношеніи Славянской «семейности», и единоженство продолжаетъ, въ силу обычая, господствовать у Босняковъ-мусульманъ, даже самыхъ богатыхъ. Вся Боснія закричала, когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, богатѣйшій въ ней помѣщикъ, Али-бегъ Джиничь, при жизни первой жены взялъ вторую. Тѣмъ не менѣе Боснячка-мусульманка не въ силахъ была снять съ себя печать отверженности, которую наложилъ на нее Магометъ, лишивъ ее и безсмертной души, и права молиться въ храмѣ Божіемъ, и мѣста въ раю. Дѣвушки, правда, пользуются нѣкоторою свободою и, вопреки всѣмъ законамъ Магометовымъ, но опять-таки въ силу Славянскаго обычая, въ праздникъ (т. е. въ пятницу), стоя съ открытымъ лицомъ у полурастворенныхъ воротъ дома или у какого-нибудь изъ многочисленныхъ городскихъ фонтанчиковъ, *ашикуютъ* съ молодыми людьми не хуже христіанокъ. Но когда несчастная выйдетъ замужъ, то ей закутаютъ голову непроницаемою бѣлою простынею, запрутъ ее и отлучатъ ее отъ всякаго мужскаго общества. Она будетъ видаться лишь съ другими женщинами затворницами, и съ ними будетъ она иногда водить, подъ замкомъ, уединенное «коло», и пѣть грустныя пѣсни; но главнымъ занятіемъ и прелестью всей ея жизни сдѣлаются сплетни и тайныя сердечныя интриги, отъ чего, какъ увѣряютъ, нигдѣ въ Босніи нѣтъ такого разврата, какъ между мусульманками.

Вы подумаете, что выше туземцевъ-мусульманъ стоитъ классъ чиновническій, эти Турки новаго покроя, присылаемые изъ Константинополя для управленія областью и охраненія ея

безопасности, эти губернаторы, каймакамы (вице-губернаторы), дефтердары (казначеи), мудиры (уѣздные начальники), кадіи (судьи), кятибы (писцы) — по части гражданской, генералы, миралаи (полковники), бимбаши (маіоры), юзбаши (капитаны) и т. д. по части военной. Они читаютъ, или нѣкогда читали, Константинопольскую газету, они хоть по Турецкимъ географіямъ имѣютъ понятіе объ Европѣ, въ Константинополѣ они знакомились съ Европейскою «цивилизаціею», учились ѣсть вилками и пить не одну водку, но и вино, однимъ словомъ, они люди новаго «цивилизованнаго» времени. Дѣйствительно, у нихъ маверы поглаже, чѣмъ у Босняковъ; есть между ними и франты, съ ловкостью носящіе свой «Московскій»[1]) мундиръ; они охотно дружатся съ нашимъ братомъ, гяуромъ; до мечети имъ и дѣла нѣтъ. Но, какъ ни прискорбно произнести такое сужденіе о классѣ цивилизованномъ, въ сущности народъ этотъ несравненно хуже грубыхъ Босняковъ. Не говорю уже о взяточничествѣ, надувательствѣ и подкапываніи другъ друга интригами: это можно бы было объяснить условіями Турецкой правительственной системы. Но вообще, во всей жизни своей, чиновникъ Османли въ Босніи, этотъ потомокъ завоевательныхъ полчищъ Магомета II, есть то человѣческое существо, которое изъ всѣхъ, извѣстныхъ мнѣ, наиближе подходитъ къ породѣ безсловесныхъ. Онъ знаетъ многое, онъ наружно образованъ, и потому-то въ немъ такъ поразительно это полнѣйшее отсутствіе всякихъ духовныхъ побужденій. Все время, свободное отъ служебныхъ дѣлъ, онъ проводитъ въ совершенномъ бездѣйствіи, никогда не читаетъ, даже (какъ увѣряли меня люди, хорошо знакомые съ Турками, и притомъ Туркофилы) не думаетъ, когда нѣтъ въ томъ нужды[2]). Все его развлеченіе составляютъ

---

1) Этимъ именемъ Босняки-мусульмане называютъ ненавистное имъ ново-Турецкое форменное платье, скроенное на Европейскій манеръ.

2) Позволяю себѣ цитировать, въ подтвержденіе этого, слова одного Англійскаго путешественника, изучившаго Турокъ и далекаго отъ неприязни къ нимъ

совершенно скотскія наслажденія: за два часа до ужина, онъ садится передъ столикомъ, уставленнымъ графинами мастики и тянетъ ее два битыхъ часа, рюмка за рюмкою, или стаканъ за стаканомъ, смотря по силѣ головы и желудка; когда напьется совершенно (разница между Боснякомъ и чиновникомъ Османліемъ та, что первый пьетъ страшно, но часто, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пьянства, броситъ вдругъ хмѣльное и до смерти его ужъ въ ротъ не возьметъ, а второй никогда уже не броситъ), когда напьется, говорю, то онъ съ какимъ-то отвратительнымъ аппетитомъ кидается на кушанье и, поглотивъ его въ огромномъ количествѣ, предается тяжелому сну. Самую изящную форму, въ какой только можетъ явиться Турецкій ужинъ, я изобразилъ, когда разсказывалъ про гостепріимство Мостарскаго паши; но мнѣ случалось присутствовать, у весьма знатныхъ Турецкихъ господъ, при такихъ ужинахъ, безобразія которыхъ описать нельзя. На эти ужины собираются иногда Османліи другъ у друга — единственный признакъ общественной жизни, какой у нихъ есть. О жизни семейной нѣтъ и помину. Гаремы свои всѣ они (съ самыми рѣдкими исключеніями) оставляютъ въ Константинополѣ подъ надзоромъ прислуги; пріѣзжая же служить въ отдаленный городъ, даже не замѣняютъ семьи какими-нибудь связями, въ которыхъ проглядывало бы чувство любви, а предаются обыкновенно мерзѣйшему безобразію.

Вотъ плоды «цивилизаціи», которую Европа такъ заботливо пересадила на чужую почву и такъ нѣжно на ней возлелѣяла.

(W. K. Loftus, Travels and researches in Chaldaea and Susiana etc. under the orders of Major-General Sir W. F. Williams of Kars. London 1857. стран. 109). «We found the Pasha of Bághdád sitting on the edge of a high bank overlooking the river, with that expression of utter stolidity which characterizes the Turkish features. Ask a grave old Turkish gentleman what he is thinking about, and his answer will invariably be: «By Allah! what should J think of? Nothing». So, doubtless, Abdi Pasha thought of nothing as our approach woke him from the slumber into which his cogitations had fallen».

Но довольно объ этомъ непривлекательномъ предметѣ. Предстоитъ еще много нехорошаго разсказать прежде, нежели окончена будетъ эта характеристика Сараева.

Когда я скажу вамъ, что въ главномъ городѣ Босніи считаютъ до 600 православныхъ семействъ, которыя живутъ, хотя подъ властію Турокъ, однако въ совершенномъ спокойствіи и безопасности, имѣя даже своего представителя въ областномъ административномъ совѣтѣ, и что между этими семействами есть многія богатыя, дѣлающія большіе торговые обороты, то вы порадуетесь и подумаете: «вотъ зерно духовнаго возрожденія Боснійскихъ Христіанъ; эти люди, конечно, пользуются выгодою своего положенія и покровительствомъ власти для того, чтобы заступаться за бѣдный народъ, и употребляютъ свое богатство на то, чтобы помогать ему въ его нуждахъ, вещественныхъ и нравственныхъ». Ни чуть не бывало. Православные горожане-купцы составили, какъ я сказалъ, касту и движимы только своимъ собственнымъ и кастическимъ эгоизмомъ. Есть, разумѣется, исключенія, но рѣдкія и въ общей сложности ничего не значащія. Богатѣйшій капиталистъ Сараевскій, Боснійскій Ротшильдъ, законодатель всего православнаго общества Сараевскаго (такъ велико уваженіе къ его деньгамъ), считаетъ себя великимъ благотворителемъ общественнымъ, потому что жертвуетъ ежегодно рублей 50 въ церковную кассу и столько же на элементарную школу. Но онъ и товарищи его не подумаютъ о томъ, что не одна элементарная школа нужна въ Босніи; что, положимъ, безъ гимназіи въ ней еще можно обойтись, потому что дѣти богатыхъ купцовъ ѣздятъ учиться за границу, а дѣтямъ ремесленниковъ и поселянъ нѣкогда учиться другому, какъ грамотѣ; но что семинарія для образованія духовенства составляетъ первѣйшую, настоятельнѣйшую потребность ихъ родины, потому что православные священники и монахи Боснійскіе невѣжественны выше всякаго вѣроятія. Эти богатые господа не подумаютъ, что

такого учрежденія нельзя же ожидать отъ Турецкаго правительства, или отъ Греческихъ іерарховъ, присылаемыхъ изъ Константинополя, и что это ихъ собственное дѣло. Нѣтъ, имъ и горя мало, что духовенство во всей Босніи срамитъ свой санъ своимъ невѣжествомъ, и что въ цѣлой странѣ Православная Вѣра, при всѣхъ окружающихъ ее соблазнахъ, отдана въ охраненіе единственно чувству консерватизма, которое врожденно простому народу Славянскому. Совѣсть у богатыхъ господъ купцовъ чиста: одинъ далъ 50 р. на школу, другой 40, третій 30 и т. д.; а вмѣсто того, чтобы пожертвовать частью своего капитала на учрежденіе семинаріи, гораздо выгоднѣе раздавать ее въ займы — по 3 процента въ мѣсяцъ должникамъ надежнымъ, по 6 или 8 — ненадежнымъ.

Такъ разсуждаютъ первые богачи Сараевскіе, и, разумѣется, всѣ прочіе считаютъ долгомъ слѣдовать ихъ примѣру. Находятъ ли въ нихъ, по крайней мѣрѣ, помощь и защиту бѣдные поселяне, изнемогающіе подъ ношей тяжелыхъ повинностей Турецкимъ помѣщикамъ и безчисленныхъ казенныхъ податей? Заступаются ли они за страждущую братью передъ Турецкими властями, которыя уважаютъ ихъ и часто ихъ слушаются? Нѣтъ, никогда. Городская каста считаетъ сельскую братью людьми опасными, отъ которыхъ нужно держать себя какъ можно дальше, и обращаться съ нею рѣшительно, какъ съ отверженнымъ и враждебнымъ сословіемъ. Не только *трговцы* не помогаютъ поселянамъ, но вредятъ имъ всячески передъ Турками; не только не заступаются за нихъ, но если поселяне вздумаютъ жаловаться на невыносимую тягость своего положенія, то *трговцы* увѣряютъ начальство, что это вздоръ, что поселяне бунтовщики. Дѣло понятное: вся эта купеческая каста въ сущности лишь торгаши. Поселянамъ они не продаютъ почти ничего, потому что поселяне сами себя кормятъ и одѣваютъ, а покупаютъ отъ нихъ много сырыхъ произведеній и перепродаютъ въ Австрію: чѣмъ болѣе разоряется поселянинъ, тѣмъ вы-

годнѣе можно у него купить хлѣбъ, кожи, шерсть и т. п.; изъ Австріи же торгаши эти вывозятъ всякій мануфактурный и колоніальный товаръ и продаютъ въ Босніи Мусульманамъ: опять та же выгода, — когда Мусульмане берутъ съ поселянъ много, то они богатѣютъ и охотнѣе покупаютъ себѣ всякую всячину. Итакъ каста богатыхъ православныхъ горожанъ, — единственное сословіе, которое могло бы думать объ общественной пользѣ и о просвѣщеніи народа въ Босніи, — стоитъ на сторонѣ завоевателя и всѣми силами помогаетъ ему обирать бѣдныхъ, страждущихъ, забитыхъ поселянъ. На каждомъ шагу, и въ мелкихъ дѣлахъ и въ крупныхъ, она самодовольно выставляетъ на показъ свое отвратительное, корыстное Туркофильство. Вотъ до чего доводитъ духъ касты и денежная выгода.

VII.

Поѣздка на югъ Босніи. Отъ Сараева до Рогатицы.

Въ Сараевѣ я старался пробыть не долго. Боснія занимала меня, и мнѣ хотѣлось познакомиться съ нею не только въ главномъ городѣ, но и въ разныхъ краяхъ ея. Для этого мнѣ удалось сдѣлать три поѣздки. Сначала я побывалъ въ двухъ изъ Католическихъ монастырей, Крешевѣ и Фойницѣ, и мѣстечкѣ Высокомъ, т. е. въ ближайшихъ окрестностяхъ Сараева на западъ и сѣверъ; потомъ предпринялъ довольно продолжительное путешествіе на югъ, до Призрена и Косова поля въ Старой Сербіи; наконецъ, уже осенью, дополнилъ осмотръ сѣверной и западной Босніи поѣздкою въ Банялуку и Лѣвно. Вторая изъ этихъ поѣздокъ представила мнѣ всего больше любопытнаго, потому что путь пролегалъ черезъ края, полные историческихъ памятниковъ и преданій и замѣчательные столько же величественною своею природою, сколько, въ этнографическомъ отно-

шеніи, столкновеніемъ двухъ племенъ, Славянскаго и Албанскаго. Средняя и сѣверозападная Боснія не имѣетъ той занимательности; древняя жизнь Сербская оставила тамъ мало слѣдовъ, а нынѣшнее состояніе этой страны представляетъ вездѣ одинаковыя явленія; также довольно однообразны, хотя вездѣ прекрасны, тамъ картины природы. Потому путь на югъ Босніи и въ Старую Сербію я рѣшаюсь описать во всей подробности, относительно же средней и сѣверозападной Босніи ограничусь только бѣглымъ очеркомъ важнѣйшихъ мѣстностей. То, что будетъ недосказано мною въ этихъ путевыхъ запискахъ, особенно о средней и сѣверозападной Босніи, читатель найдетъ изложеннымъ болѣе систематически въ другой статьѣ, посвященной исключительно вопросу о гражданскомъ и нравственномъ состояніи Боснійскаго народонаселенія; но онъ зато извинитъ меня, если въ статьѣ этой найдетъ замѣчанія, уже сдѣланныя, при описаніи какой либо мѣстности, въ путевыхъ запискахъ.

Итакъ я отправился изъ Сараева, 16 Іюля, по Константинопольскому тракту, въ путешествіе, о которомъ приглашаю читателя выслушать длинную повѣсть. Мы поплелись въ путь на бѣдныхъ нашихъ коняхъ, которые, оставляя свое жилище, конечно, не предчувствовали, что придется имъ пять недѣль не разставаться съ сѣдломъ и пройти болѣе 1,200 верстъ Я уже сказалъ, что въ Босніи не знаютъ другой ѣзды, кромѣ верховой. Правда, въ Сараевѣ есть двѣ кареты — одна, принадлежащая генералъ-губернатору, другая — генеральному консулу Австрійскому, но экипажи эти держатся лишь для внушенія уваженія къ ихъ владѣльцамъ, которые, разъѣзжая въ нихъ по городу, вылѣзаютъ и идутъ пѣшкомъ при поворотѣ изъ улицы въ улицу; пускаться же въ нихъ за городъ смѣютъ только по одному направленію, на одинъ часъ пути разстоянія, по тому шоссе, которое устроилъ просвѣтитель края, Омеръ-паша. Безопасность моей особы поручена была защитѣ трехъ

вооруженныхъ пистолетами и кинжалами всадниковъ (хотя теперь *хайдуковъ*, т. е., разбойниковъ, почти нѣтъ въ Босніи). Все дорожное хозяйство умѣстилось на одной вьючной лошади, которая, однако, впослѣдствіи, къ крайнему моему удовольствію, стала клониться подъ бременемъ массивныхъ Славянскихъ рукописей и потребовала себѣ для нихъ сначала одной, а потомъ и другой сотрудницы. Вьючныя лошади для путешественника въ Турціи составляютъ горькое страданіе. Своихъ лошадей подъ вьюкъ невозможно имѣть, а по вольнымъ цѣнамъ нанять тоже нельзя нигдѣ. Приходится прибѣгать къ казенной повинности: всякій поселянинъ, а, разумѣется, по преимуществу раія, обязанъ давать, отъ одного города до другаго, подводу всякому, кто ѣдетъ съ подорожнымъ листомъ; онъ самъ долженъ итти за своею лошадью и теряетъ, такимъ образомъ, два или три рабочихъ дня за ничтожную плату, которую получаетъ за лошадь ($1\frac{1}{2}$ піастра, т. е., $7\frac{1}{2}$ коп. сер. за часъ пути; обратный путь ему не платится). Бѣдные поселяне нерѣдко угоняютъ своихъ лошадей въ горы и сами укрываются, чтобы избавиться отъ этой повинности, и Турецкіе городскіе начальники должны посылать людей ловить ихъ и приводить силою.

Караванъ нашъ двинулся къ юговостоку. Обогнувъ Бѣлявскую гору, часа полтора подымались мы по голому глинистому склону до урочища Реша, гдѣ стоитъ одинокій *ханъ;* при всей близости къ Сараеву, въ ханѣ хлѣба не оказалось, кромѣ кукурузнаго, и никакой пищи, кромѣ молока. За ханомъ возобновляется зелень, но хлѣбопашества нѣтъ: единственные признаки жизни—плетенная изъ хвороста дымная избушка, которую величаютъ *кафою*, т. е., кофейною, и нѣсколько другихъ хановъ, гдѣ находятъ убѣжище запоздалые путешественники, возвращающіеся въ Сараево. Наконецъ, въ 4 часахъ отъ города, достигли мы Романіи, одного изъ самыхъ большихъ горныхъ хребтовъ въ Босніи.

Этотъ хребетъ имѣетъ какой-то грозный, угрюмый видъ. Самое имя его какъ будто бы внушаетъ уваженіе, напоминая о нѣкогда господствовавшемъ здѣсь Марсовомъ народѣ. Теперешніе Сербы не знаютъ про давно исчезнувшихъ повелителей своей земли, Римлянъ; для нихъ имя Романіи связано съ подвигами прежнихъ знаменитыхъ *хайдуковъ-юнаковъ* (молодцовъ-разбойниковъ), которые были долго живымъ протестомъ подавленнаго народа противъ Турецкаго владычества. Между скалами Романіи не одинъ разъ, и недавно еще, непокорные Мусульмане-Сараевцы прятали свое имущество отъ султанскаго войска и султанскихъ чиновниковъ. Хребетъ тянется по направленію отъ юговостока къ сѣверозападу. Подымаешься сначала между мелкими и рѣдкими соснами, потомъ по совершенно голому бѣлому камню. Странный видъ имѣютъ скалы, которыми вѣнчается хребетъ по лѣвую сторону отъ дороги: это точно огромный каменный гребень; зубцы гребня кажутся совершенно ровной вышины, но каждый зубецъ имѣетъ особую форму, представляя то пирамиду, то прямой толстый брусъ, то узенькій стволъ, то нѣчто въ родѣ раздвоеннаго копыта. Это народъ называетъ *Романійскими стѣнами*. Направо же тянется непрерывная, ровная, желтоватая гряда скалъ, какъ говорятъ, на пять часовъ пути.

Поднявшись на верхъ хребта, мы нашли странное жилье: это курная избушка, такая низкая, что выпрямиться въ ней нѣтъ возможности; стѣны кое-какъ сколочены изъ нѣсколькихъ бревенъ, а крыша устроена изъ кусковъ еловой коры. Тутъ живутъ лѣтомъ пандуры, т. е., полицейскіе солдаты, обязанные охранять безопасность дороги. Они, впрочемъ, обыкновенно предоставляютъ свое горное убѣжище и путешественниковъ на произволъ судьбы и, полагая весьма неразсудительнымъ тратить свое жалованье на покупку провіанта, отправляются куда-нибудь въ близкое село, ѣсть и пить на счетъ поселянъ. Зимою ихъ возвращаютъ въ городъ, на томъ основаніи, что въ зимнее время и *хайдуковъ* снѣгъ выгоняетъ изъ

горъ и лѣсовъ и заставляетъ укрываться въ села. Зимою, дѣйствительно, нѣтъ опасности отъ разбойниковъ; но зато сколько путешественниковъ погибаетъ въ пустынныхъ горахъ отъ мятелей!

Миновавъ *пандурицу* (такъ называютъ подорожный караулъ), мы спустились нѣсколько по восточному склону Романіи, и передъ нами открылась чудесная, ровная, гладкая, какъ столъ, поросшая коротенькой травою, равнина, какую въ Босніи можно видѣть только на вершинахъ горныхъ хребтовъ. Рѣдкія обгорѣлыя сосны доказываютъ, что здѣсь былъ прежде лѣсъ, расчищенный, по обыкновенію, съ помощью огня. «Чья это земля?» спросилъ я. — «Ничья, то есть, царская», былъ отвѣтъ; «сюда Сараевскіе хозяева выгоняютъ свой скотъ на цѣлое лѣто, и пасутъ его безплатно». — За полемъ возобновляется лѣсъ, все сосна и ель да орѣшникъ. Въ лѣсу двѣ хижины, самой простой постройки: стѣны сооружены изъ трехъ сосновыхъ стволовъ, положенныхъ одинъ на другой, такъ что вся стѣна приходится по грудь стоящему человѣку; на этой низенькой стѣнѣ утверждена высокая крутая крыша съ отверзтіемъ на верху для дыма—общая Боснійская архитектура. Въ одной хижинѣ живетъ Турокъ (т. е., Мусульманинъ), въ другой Христіанинъ (т. е., Православный). Они живутъ тѣмъ, что изрѣдка варятъ кофе для путешественниковъ и продаютъ имъ сдѣланные изъ коры или изъ дерева, дорожные ковши для воды. «Отъ чего же они, спрашиваю я, — живя въ лѣсу, не построятъ себѣ избъ попросторнѣе, которыя не повалились бы при первомъ случаѣ?»

— «*Это, планине доста* (лѣсу довольно), да не строятъ».

«Отъ чего же они не расчистятъ себѣ поле и не посѣютъ хлѣба?»

— «*Па это, нé сію* (такъ вотъ, не сѣютъ)». — Далѣе лѣсъ рѣдѣетъ и носитъ слѣды недавняго опустошенія: по дорогѣ и поперекъ дороги лежатъ обгорѣлыя деревья, иныя еще стоятъ

на своихъ корняхъ. Лѣсъ этотъ жгли пастухи, чтобы расширить луга. Превосходный лѣсъ, строевой и дровяной, гніетъ безъ всякаго употребленія въ 6 часахъ (30 верстахъ) отъ города съ 50 тысячами жителей, гдѣ строевой матеріалъ и топливо весьма дороги. Когда я выразилъ на этотъ счетъ свое удивленіе, мои спутники, Босняки, съ своей стороны, не менѣе удивились моему предположенію, что можно бы было везти лѣсъ въ Сараево за 6 часовъ пути: «Помилуйте, въ такую даль!» Вотъ вліяніе совершеннаго отсутствія дорогъ и необходимости возить все на вьюкахъ. Какъ черту Боснійской безпечности прибавлю еще, что эти лѣса на Романіи изобилуютъ прекраснѣйшей дикой клубникой, какую мнѣ пришлось ѣсть въ жизни, и что существованіе ея совершенно неизвѣстно на Сараевскомъ рынкѣ.

Мы спустились еще нѣсколько съ горы, и мои спутники воскликнули съ удовольствіемъ: «Вечь Романіи нема» (больше ужъ нѣтъ Романіи)! Мы выѣхали изъ безлюдной *планины* въ поле (*планиною* Сербы зовутъ большіе пустынные горные хребты: слово это происходитъ, вѣроятно, отъ стариннаго Славянскаго прилагательнаго *планый*, т. е., дикій; но какъ эти хребты обыкновенно поросли лѣсомъ, то *планина* принимается часто также въ смыслѣ лѣса; такъ точно и слово *гора* у Сербовъ значитъ просто лѣсъ). Открывшееся передъ нами поле *Гласинацъ* есть одна изъ большихъ плоскихъ возвышенностей въ Босніи. Оно длиною въ два часа (около 10 верстъ) и столько же шириною. Кое-гдѣ видны на немъ засѣянныя нивы, покрытыя прекраснымъ хлѣбомъ; но большею частію земля остается необработанною и предлагаетъ богатыя пастбища всякому, кому угодно пригнать туда свою скотину. Села нѣтъ ни одного въ полѣ; но зато всѣ, окружающія поле съ четырехъ сторонъ, горы служатъ пріютомъ для множества разбросанныхъ хижинъ. Деревень, въ Русскомъ смыслѣ этого слова, нѣтъ въ гористыхъ мѣстахъ, обитаемыхъ Сербскимъ народомъ; въ

одномъ мѣстѣ у подножія горы, обыкновенно въ какой-нибудь лощинѣ, вы видите двѣ-три избушки, въ другомъ мѣстѣ четыре или пять; это здѣсь называется селами. Правда, часто десять, или болѣе, такихъ кучекъ носятъ одно имя и составляютъ одну общину, имѣютъ одного *кнеза* (старосту): есть много такихъ селъ, которыя раскинулись на часъ пути и болѣе. Условія горной природы пріучили Сербовъ къ такому крайне разобщающему, невыгодному устройству селеній; можетъ быть, и желаніе прятаться отъ Турокъ и быть подальше отъ проѣзжихъ дорогъ этому способствовало. Какъ бы то ни было, жизнь въ разсыпную совершенно вошла въ ихъ природу и не мало способствовала, я увѣренъ, развитію въ ихъ характерѣ духа несогласія и распри, который, къ несчастію, составляетъ одно изъ отличительныхъ свойствъ Сербскаго племени. «Отъ чего вы не строите своихъ деревень вмѣстѣ, въ прекрасномъ полѣ, а селитесь въ горахъ, одинъ за версту отъ другаго?» спрашивалъ я не разъ, и на Гласинцѣ и въ другихъ мѣстахъ, когда видѣлъ равнину совершенно безъ жилья, а хижины разсѣянными вокругъ поля, по горамъ. «Какъ можно намъ селиться въ полѣ, — отвѣчали мнѣ: боимся *фортуны* (т. е. мятели)». Что бы они сказали, если бы видѣли Русскія мятели! Вообще Сербъ, сколько я могъ замѣтить, боится снѣга; снѣгъ ему мѣшаетъ, парализуетъ всю его дѣятельность: объ ѣздѣ на саняхъ Сербъ не имѣетъ понятія.

Жители Гласинецкихъ селъ, большею частью, православные; есть также нѣсколько мусульманскихъ семействъ. «А *Латиновъ* (католиковъ) нѣтъ?» спросилъ я. — «Нѣтъ, какъ можно?» — отвѣчалъ мой кавазъ, Магометанинъ. — «Отъ чего же какъ можно?» — «Здѣсь все *Риштяне* [1]) (православные), ни одинъ Латинъ не посмѣетъ между ними поселиться». — Среди Гласинецкаго поля стоитъ одинокая мечеть и подлѣ нея вы-

1) Т. е. Христіане.

строенъ ханъ, пріютъ странниковъ. Мы остановились здѣсь ночевать.

Такъ какъ ханы, эти первобытныя гостинницы, которыя, вѣроятно, ни мало не изящнѣе и не покойнѣе тѣхъ, какія Авраамъ могъ находить на своемъ пути въ Ханаанъ, составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ для путешествующаго въ Турціи, то я долженъ посвятить имъ особое описаніе, особый *экскурсъ*, выражаясь терминомъ Нѣмецкихъ учебниковъ. Не пеняйте на меня, читатель, за это отступленіе: обѣщаю впредь не возвращаться къ этимъ ханомъ, хотя въ горькой дѣйствительности долженъ былъ возвращаться къ нимъ каждый вечеръ, и все болѣе и болѣе убѣждаться въ томъ, что они удобны развѣ для блохъ.

Ханъ строится всегда по образцу описанныхъ мною Босняцкихъ избъ, только въ большихъ размѣрахъ. Онъ имѣетъ форму квадрата, но еще чаще параллелограма, котораго длинная сторона обращена на улицу. При большомъ пространствѣ, которое зданіе занимаетъ, для непривычнаго глаза странными кажутся стѣны, которыя такъ низки, что человѣкъ не можетъ прислониться къ нимъ, не наткнувшись головою на крышу. Крыша устроивается такъ высоко и круто, что издали кажется почти вертикальною. Она покоится на столбахъ (т. е. грубо обтесанныхъ стволахъ деревьевъ) и на перекрещенныхъ бревнахъ; вверху дымъ выходитъ однимъ или нѣсколькими отверзтіями; столбы, бревна и внутренняя часть крыши почернѣли отъ дыма. Въ серединѣ фасада устроены большія ворота; оконъ нѣтъ; весь ханъ составляетъ одно общее жилье; кругомъ сдѣланы низкіе деревянные помостки и ясли: тутъ ставятъ лошадей; въ серединѣ полъ крѣпко убитъ, и тутъ ложатся люди кругомъ огня, разводимаго на полу, или на каменной плитѣ. Во многихъ ханомъ, однако, возрастающее просвѣщеніе ввело усовершенствованія, а именно: иногда подлѣ воротъ бываетъ отгорожено небольшое пространство, и здѣсь устроивается

нѣчто въ родѣ клѣтки съ бревенчатымъ поломъ и потолкомъ, и тогда продѣлываются также въ главной стѣнѣ небольшія окна съ рѣшеткою (рѣдко, въ дополненіе къ рѣшеткѣ, является стекло, чаще бумага, исправляющая должность онаго); иногда эти клѣтки, т. е. комнаты, отгораживаются не на землѣ, а подъ передней частью крыши и образуется, такимъ образомъ, покоящійся на бревнахъ верхній этажъ, который никогда, однако, не занимаетъ всего верхняго пространства хана, а лишь переднюю треть или четверть его. Тогда крыша прорѣзается и устроивается нѣчто въ родѣ балкона, что называется *диванъ-хане.* Все это описаніе относится къ ханамъ по дорогамъ и въ небольшихъ городахъ; въ большихъ же, особенно торговыхъ, городахъ, вліяніе Европейскаго образованія породило также ханы новомодные, съ корридорами и номерами, впрочемъ еще весьма первобытными.

Отъ матеріальнаго устройства хановъ перехожу къ тому, какъ путешественникъ находитъ въ нихъ ночлегъ и пропитаніе. Лучше всего приведу въ подлинныхъ словахъ сцену, которая, съ малыми измѣненіями, повторялась всякій вечеръ моего путешествія и которой я самъ pars magna fui.

Наша кавалькада подъѣзжаетъ къ хану. Мой кавазъ кричитъ во все горло и протягивая междометіе сколько хватитъ духу: О ханджіа!

(*Послѣ нѣкотораго ожиданія выходитъ ханджіа — содержатель хана — и, взявъ мою лошадь за узды, говоритъ:*) Хошъгелдынъ (*т. е.*, добро пожаловалъ)! *Онъ кличетъ мальчишекъ и отдаетъ имъ водить лошадей. Мальчишки не безъ сопротивленія берутся за это дѣло. Если случится, что одна изъ лошадей остановится и загѣвается или вздумаетъ щипать траву, то мальчишка и дернетъ ее за узду, но онъ обойдется съ нею, какъ съ тварью разумною, у которой есть свой «законъ» и свой «постъ», и онъ помянетъ при этомъ случаѣ «законъ» и «постъ» лошади самымъ крѣпкимъ словцомъ, не забывая притомъ и родителей ея.—*

Между тѣмъ мы вошли въ ханъ. Я спрашиваю у ханджіи: Има ли соба (есть ли комната)?

Ханджіа: Има. *Я подошелъ къ двери отгороженной клѣтки и не безъ содроганія смотрю на постланный въ ней коверъ и на подушки, которыя лѣтъ 10 не вытряхивались; говорю ханджіи:* Има ли буха (есть ли блохи)?

Ханджіа: Ако очешь буха, айди у собу (если хочешь блохъ, такъ ступай въ комнату)! *Послѣ такого отзыва, нечего дѣлать, велишь постлать себѣ ложе подъ открытымъ небомъ, возлѣ хана, или, если погода не совсѣмъ хороша, подъ кровлею хана, въ сосѣдствѣ лошадей. Ханджіа расчищаетъ мѣсто, разводитъ огонь, а мои люди надуваютъ мой дорожный тюфякъ изъ гуммиластики. Ханджіа смотритъ пристально на эту штуку и наконецъ говоритъ:* Бога ми [1]), видіо самъ свашта, ама тога чуда ніесамъ видіо, да море човѣкъ на вѣтру лежати (я видѣлъ всякую всячину, но этого чуда не видывалъ, что человѣкъ можетъ лежать на вѣтрѣ). *Устроивши ночлегъ, спрашиваю ханджію:* Што има ѣсти?

Х. Шта очешь, свашта има (что хочешь, есть всякая всячина).

Я. Има ли млѣка?

Х. Бога ми, нема.

Я. Дакле што има (такъ что же есть)?

Х. Богме, свашта има, питай (спрашивай), шта очешь.

Я. Има ли каймака? (*каймакъ — вареныя сливочныя пѣнки, любимое Боснійское кушанье*).

Х. Па это, синочь имали смо, ама садъ нема (вчера было, но теперь нѣтъ).

Я. Има ли меса?

Х. Іокъ, меса не држимо (нѣтъ, мяса не держимъ).

Я. Дакле што има?

---

1) «Бога ми» и «Богме» — восклицанія, которыя каждую секунду произносятся Сербами, какого бы они ни были вѣроисповѣданья.

Х. Богме, има лѣба, ракіе има (есть хлѣбъ, водка есть).

Я. Али эно видимъ краву, пошли, нека доведу да помузу (но вонъ вижу корову, пошли, пусть приведутъ и подоятъ)!

Х. Богме, далеко су краве, у полю.

Я. Айди, зовни (ступай, кликни)!

Х. Бога ми, како чу звати, далеко су (какъ я стану кликать, далеко).

Вмѣшивается кавазъ и говоритъ повелительнымъ тономъ: Айди, море [1])! како не чешь? Видишь, боланъ, какви люди су дошли (ступай! какъ это не хочешь идти? Видишь, несчастный, какіе люди пріѣхали)!

Х. Па это, джанумъ, не море, у полю су (такъ вотъ, душа моя, нельзя, коровы въ полѣ).

Кавазъ съ угрожающимъ видомъ: Айди, айди!

Ханджіа рѣшается велѣть привести корову, но онъ ни за что не пойдетъ за нею, а, ставъ передъ ханомъ, во все горло кличетъ своего сына, который за версту оттуда пасетъ стадо; онъ кричитъ, растягивая страшно первое слово, а прочія произнося скороговоркою, такъ что сыну нѣтъ возможности понять, чего онъ хочетъ: О-о-о-о-о-о-смане, дочерай (пригони) бѣлу краву, дочерай, бре, бѣлу краву, О-о-о-о-о-о-о-о-о-смане! *Это повторяется разъ десять, пока, наконецъ, сынъ ему начинаетъ откликаться съ того конца поля. Послѣ долгаго ожиданія я спрашиваю:* Камо млѣко (ну что съ молокомъ)? *Ханджіа говоритъ съ досадою:* Э, Богъ га убіо, дочерао яловицу (убей его Богъ, онъ пригналъ корову, да такую, которая не даетъ молока). *Кавазъ велитъ ему кликнуть, чтобы привели другую корову. Ханджіа кричитъ съ досадою другому сыну:* О-о-о-о-о-о-мере, бре, дочерай бѣлу краву, обѣшенъ біо (быть тебѣ повѣшеннымъ), к....винъ сине!

---

1) Сербскій разговоръ, а въ особенности, споръ, усѣянъ восклицаніями: *море*, *бре* и *боланъ*, которыя выражаютъ разные оттѣнки презрѣнія: *море* меньше, *бре* побольше, а *боланъ* еще болѣе.

Послѣ нѣкотораго промежутка, корова является, и ее доятъ. Я спрашиваю опять: Дакле меса нема (и такъ мяса нѣтъ)?

Ханджія: Іокъ.

Я. Море се донѣти яне, платнчемо (можно принести барашка, мы заплатимъ).

Х. А я, не море (э нѣтъ, нельзя).

Я. Зашто не море?

Х. Па это, акшамъ (такъ вотъ, вечеръ: *акшамомъ называется время захода солнца, возвѣщаемое крикомъ муэззина; послѣ акшама Босьякъ считаетъ невозможнымъ идти куда нибудь и вообще дѣлать что нибудь внѣ дома*).

Кавазъ повелительно: Айди, бре, донеси брзо яне! Видишь, велики люди су дошли; ако не донесешь, узечемо зоромъ (ступай, принеси скорѣй барашка! Видишь, великіе люди пріѣхали; коли не принесешь, мы возьмемъ силою).

Х. Донесчемо, душа, донесчемо, ама не море се все заедно (принесемъ, душа моя, принесемъ, но нельзя всего вдругъ). *Барана тащутъ; кавазы, сторговавшись съ ханджіемъ (цѣна, впрочемъ, извѣстная: 20 или 25 грошей. — 1 р. или 1 р. 25 к. с. — за порядочнаго барашка), быстро отправляютъ на тотъ свѣтъ невинную душу и, содравъ шкуру и выпотрошивъ ягненка, сажаютъ его на вертелъ. Сцена кончается вкуснымъ ужиномъ и крѣпкимъ сномъ.*

Выспавшись на Гласинцѣ, мы, на другой день, подъ утреннею росою, которая на этихъ плоскихъ возвышенностяхъ увлажаетъ землю не хуже дождя, быстро переѣхали поле и скоро очутились среди природы и мѣстности, совершенно напоминавшей Русскую картину. Невысокіе холмы закрыли отъ насъ вершины горныхъ цѣпей, которыя со всѣхъ сторонъ окружаютъ Гласинацъ. Холмы эти покрыты густымъ орѣшникомъ и ольховымъ лѣсомъ, но мѣстами расчищены и на нихъ посѣяны рожь и овесъ, которыя превосходно растутъ на холодномъ горномъ воздухѣ; между холмами проходитъ широкая гладкая

дорога; направо отъ дороги лугъ, съ стогами свѣжаго сѣна; налѣво некошенный лугъ, усѣянный бѣлою кашкою.

На высотѣ 2,700 футовъ надъ моремъ [1]) я встрѣтилъ нашу Московскую природу во всей ея сѣверной простотѣ и прелести. Но вскорѣ потомъ разочаровало меня грязное, разбросанное село Драголово и открывшіяся вдали горы, направо—хребетъ Црнорѣка и Ябука съ высокимъ горбомъ по серединѣ, на лѣво Высочка планина, представляющая глазу совершенно ровную черту. Когда я проѣзжалъ по описаннымъ мѣстамъ, мнѣ показали довольно обширныя загороженныя пахотныя и луговыя пространства. «Это все земля одного человѣка, *кмета* (т. е. фермера), *Риштянина* (Православнаго) Вуковича, сказали мнѣ; въ Босніи едва ли найдете другаго такого богатаго *кмета*». — «Такъ земля стало быть не его, если онъ *кметъ*?» спросилъ я.— «Нѣтъ, у него есть *ага* (помѣщикъ—Турокъ): онъ, какъ и другіе *кметы*, даетъ *агѣ* третью часть урожая, а половину покоса; *аги* были добрые: его отецъ держалъ ту же землю у отца теперешняго *аги*, и дѣдъ у его дѣда; имъ они не мѣшали разбогатѣть, и у Вуковича теперь 40 лошадей и много коровъ и овецъ». Я привожу это, какъ единственный, встрѣтившійся мнѣ, примѣръ богатаго *кмета* въ Босніи.—Спросятъ меня, что такое *кметъ* и какъ устроены въ Босніи отношенія поземельной собственности. Я постараюсь объяснить это, пока нашъ караванъ, подъѣхавъ къ краю плоской возвышенности, на которую онъ взобрался на канунѣ, будетъ больше часу спускаться въ долину городка Рогатицы, наслаждаясь панорамою горныхъ кряжей, возвышающихся впереди, одинъ надъ другимъ, Рудины, за нею Змiоницы и Свѣтлоборья и, вдалекѣ, уже за Сербскою границею, Стольца и Яяча.

Когда, въ 1463 году, Султанъ Магометъ II взялъ главную

1) Сараево, по измѣреніямъ, стоитъ на высотѣ 1650 — 1700 ф. Плоская возвышенность, которую я описываю, по крайней мѣрѣ на 1000 ф. выше Сараева.

твердыню Босніи, Яйце на р. Вербасѣ (какое чудесное это мѣсто! въ послѣдствіи опишу) и съ тѣмъ вмѣстѣ овладѣлъ цѣлою страною, то онъ призвалъ туда всѣхъ Боснійскихъ властелей (бояръ) и помѣщиковъ; собралосъ ихъ до 10,000. Магометъ предложилъ имъ сдѣлаться мусульманами и владѣть своими помѣстьями, какъ полною собственностью, или быть казненными. Бóльшая часть охотно приняла первое условіе; но многіе предпочли смерть отступничеству и погибли: помѣстья ихъ были розданы сподвижникамъ Магомета, или Боснякамъ, которые во время войны оказали ему услуги. Такъ говоритъ Боснійское преданіе; не ручаюсь за его истину, но во всякомъ случаѣ, произошло ли дѣло вдругъ, или совершилось постепенно, итогъ былъ тотъ же: вся земля Боснійская сдѣлалась собственностью мусульманъ, бóльшею частью туземныхъ. Крѣпостнаго права въ собственномъ смыслѣ тогда, какъ и теперь, въ Босніи не было: поселяне не были привязаны къ помѣстьямъ, а получали отъ помѣщиковъ участки на правѣ пожизненныхъ и наслѣдственныхъ фермеровъ, которые могли переходить отъ помѣщика къ помѣщику, но зато могли также быть сгоняемы землевладѣльцемъ съ своихъ поселеній. Послѣдній случай бывалъ, однако, рѣдко, потому что обычай и собственная выгода не позволяли *агѣ* лишать хлѣбопашца его пропитанія, а переходъ *кмета* отъ одного помѣщика къ другому также не представлялъ кмету выгоды и стѣснялся притомъ общимъ согласіемъ землевладѣльцевъ не принимать къ себѣ недовольныхъ кметовъ. Выхода изъ этого состоянія кмету-христіанину не было, потому что раіямъ строжайше воспрещалось пріобрѣтать себѣ землю въ полную собственность, покупкою ли, или обработкою пустырей. Если случалось, что христіанинъ селился на «ничьей» землѣ и расчищалъ себѣ поле гдѣ нибудь въ лѣсу, то ближайшій *ага* (мусульманинъ-землевладѣлецъ), безъ дальнѣйшихъ разсужденій, присоединялъ ее къ своему помѣстью и обращалъ землевладѣльца въ своего *кмета*. За свой участокъ

помѣщичьей земли кметъ давалъ не много: только одну девятую часть урожая; за лугъ онъ приносилъ агѣ *юмгу* ($4^1/_2$ фунта) масла въ годъ, и притомъ обязанъ былъ къ исправленію барщины, какую случится агѣ потребовать, но которая рѣдко бывала черезъ-чуръ тягостна. Этотъ порядокъ показался, наконецъ, помѣщикамъ невыгоднымъ, и въ 1848 году, подъ руководствомъ тогдашняго визиря Боснійскаго, Тахиръ-паши (дѣла котораго стали уже предметомъ многихъ народныхъ пѣсенъ), былъ установленъ новый порядокъ: барщину отмѣнили (на бумагѣ, но не вездѣ и не всегда въ дѣйствительности), а въ замѣнъ ея *утроили* повинность поселянъ; они отдаютъ теперь помѣщику третью часть урожая и, что для нихъ особенно тяжело, половину всего сѣна съ своихъ луговъ. Впрочемъ, права ихъ остались на прежнемъ основаніи. Я думаю, это единственный случай въ Европѣ, что отношенія поселянъ къ помѣщикамъ, вмѣсто того, чтобы быть облегчены вмѣшательствомъ закона, были нарочно сдѣланы болѣе тягостными. Не должно забывать притомъ, что на земледѣльцахъ-христіанахъ лежитъ все бремя казенныхъ податей.

VIII.

Рогатица. — Вышеградъ. — Добрунь.

«*Хошъ-гелдыныз*, *сефа-гелдыныз*, *насль-сыныз*, *кейфиныз эими*» (добро пожаловали, добро пожаловали, какъ поживаете, здоровье ваше хорошо ли) — съ этою неизмѣнною формулою предсталъ передо мною мудиръ Рогатицкій, едва я успѣлъ растянуться на сѣнѣ, которое велѣлъ постлать себѣ на балконѣ городскаго хана, находящагося, по обыкновенію, противъ фонтана, среди *чаршіи* (гостинаго двора). Сей достойный началь-

никъ богохранимаго града Рогатицы принесъ мнѣ въ даръ, какъ единственную рѣдкость мѣста его пребыванія, двѣнадцать огурцовъ, произведеніе его собственнаго сада. При посредствѣ купца-мусульманина, въ желтой чалмѣ и въ красной одеждѣ, цвѣтъ которой отъ дѣйствія времени получилъ весьма разнообразные оттѣнки (купецъ этотъ — членъ городскаго совѣта и главный дѣлецъ въ Рогатицѣ), между мудиромъ и мною завязался занимательный и живой разговоръ, а именно о томъ, холодно ли въ Россіи, Императоръ нашъ живетъ ли въ Москвѣ или въ Петербургѣ, сколько дней пути между обѣими столицами, и правда ли, что въ нашемъ отечествѣ иногда зимою цѣлый день солнце не восходитъ, а лѣтомъ не закатывается. Много и много разъ приходилось мнѣ давать Турецкимъ мудирамъ самыя точныя свѣдѣнія по этимъ вопросамъ. Судьба, однако, не оставила меня безъ вознагражденія за самопожертвованіе, которое нужно человѣку для того, чтобы онъ, послѣ утомительнаго 8-ми часоваго или 10-ти часоваго переѣзда верхомъ, могъ, не засыпая или не выходя изъ себя отъ нетерпѣнія, вести съ серьёзнымъ видомъ разговоръ съ этими мудрыми правителями (я произвожу слово *мудиръ* отъ прилагательнаго *мудрый*, ut lucus a non lucendo). Именно, вознагражденіе за свое самопожертвованіе я нашелъ въ томъ, что изучилъ породу мудировъ такъ, какъ рѣдко, я думаю, кто-нибудь изучалъ ее. Если бы было у меня побольше времени, я написалъ бы о ней особую диссертацію. Пока, я принужденъ ограничиться лишь слабымъ очеркомъ того, что въ диссертаціи этой могло бы быть развито согласно со всѣми требованіями естественныхъ наукъ. Порода мудировъ замѣчательна не только по своей особенности, но и потому, что отъ нея, собственно, зависитъ судьба цѣлаго обширнаго царства. Ибо при господствующемъ въ Турціи управленіи, которое въ высшей степени децентрализовано, при всѣхъ своихъ стараніяхъ казаться сосредоточеннымъ, власть пашей и каймакамовъ не распространяется за

ближайшіе предѣлы главныхъ городовъ, гдѣ они *сидятъ* (сидѣть есть оффиціальное выраженіе идеи пребыванія, въ отношеніи къ начальственнымъ лицамъ въ Турціи вообще и въ Босніи въ особенности). Всѣ прочіе города и округи, т. е. почти вся область, находятся въ распоряженіи мудировъ. Мудиры бываютъ или туземцы, или Османліи. Первые составляютъ теперь самое рѣдкое исключеніе; ихъ систематически выводятъ. Мудиръ-Османли существенно принадлежитъ къ классу людей, который по-Французски обозначается словомъ parvenu и которому Русское *выскочка* не совсѣмъ точно соотвѣтствуетъ. Мудиръ служилъ прежде у какого-нибудь паши: онъ подавалъ ему чубукъ, или завѣдывалъ административною частью его гарема. Во время своего губернаторства, этотъ паша, въ награду за его службу и желая имѣть въ томъ или другомъ мѣстѣ *своего человѣка*, пожаловалъ его въ окружные начальники. А какъ паши мѣняются безпрестанно, и у каждаго есть *свои люди*, то ни одинъ городъ не можетъ уйти отъ нихъ. Зато и мудиры слетаютъ съ своихъ мѣстъ ежечасно. Сказанное мною дастъ вамъ общее понятіе о характерѣ мудира-Османлія: это смѣсь лакейства съ начальническимъ духомъ. Мудиръ, разумѣется, взяточникъ въ полномъ смыслѣ; но онъ, въ качествѣ Османлія, не знаетъ языка Босняковъ и не способенъ ему выучиться; потому, ему необходимъ дѣлецъ, и онъ находитъ его въ какомъ-либо изъ туземцевъ (обыкновенно мелкомъ землевладѣльцѣ или купцѣ-мусульманинѣ), который засѣдаетъ въ городскомъ совѣтѣ и дѣлится съ нимъ барышами. Мудиръ есть почти совершенно абстрактный представитель власти въ своемъ городѣ и округѣ: онъ важно расхаживаетъ, окруженный, какъ ликторами, своими кавазами и заптіями; но съ народомъ у него нѣтъ ничего общаго. Однако, въ его рукахъ находится вся распорядительная власть. Какъ главнаго мѣстнаго начальника, его окружаетъ сонмъ второстепенныхъ лицъ, которыя, съ нимъ вмѣстѣ, «думаютъ» о благѣ округа и въ большихъ оказіяхъ

являются въ его свитѣ. Лица эти суть: *кади*, судья, обыкновенно также Османли, не знающій языка тѣхъ, которымъ онъ долженъ изрекать правду по заповѣдямъ Корана, носящій чалму и старинное широкое Турецкое платье, и почти всегда весьма толстый; члены совѣта (*меджлиса*), мѣстные почетные мусульмане, которые служатъ къ тому, чтобы брать деньги совокупно съ мудиромъ, если онъ съ ними хочетъ дѣлиться, или сломить ему шею, если бы онъ вздумалъ не брать или брать для себя одного (при такихъ обстоятельствахъ оба послѣдніе случая, разумѣется, бываютъ рѣдко и, если появятся, то скоро исчезаютъ); наконецъ, послѣдняя спица въ колесницѣ, представитель христіанъ въ меджлисѣ, называемый *ходжа-баши*, дѣятельность котораго состоитъ въ томъ, чтобъ говорить «*эветъ*» (да), прикладывать свою печать тамъ, гдѣ укажутъ, и превозносить передъ почетными проѣзжими лицами добродѣтели мудира. Таковы, выражаясь восточнымъ слогомъ, звѣзды, среди которыхъ сіяетъ луна-мудиръ. Мудиръ почти всегда глупъ и почти всегда пристрастенъ къ *мастикѣ;* онъ носитъ бороду подстриженную; рѣдкій мудиръ брѣетъ ее; онъ имѣетъ обыкновенно одну хорошую лошадь, дома носитъ мѣховой архалукъ, а въ большихъ оказіяхъ надѣваетъ форменный, темнозеленый, однобортный сюртукъ, застегнутый на крючкахъ, живетъ въ комнатахъ неимовѣрно грязныхъ, въ полуразвалившемся деревянномъ *конакѣ* (дворцѣ); прислуга у него многочисленная, но босая и въ заплатахъ; не только книгъ, но и газетъ никакихъ онъ не читаетъ; но есть, впрочемъ, мудиры образованные, которые держатъ Турецкій календарь, сидятъ, спустя ноги съ дивана, и ругаютъ Босняковъ словомъ *каба*, т. е. дикари. Для проѣзжаго иностранца, особенно имѣющаго какой-нибудь оффиціальный титулъ, мудиръ бываетъ крайне предупредителенъ и несносенъ; а въ отношеніи къ управляемому народу, — не говоря о неизмѣнномъ взяточничествѣ, — онъ можетъ быть или довольно хорошъ, или дуренъ, или очень

дуренъ, смотря по своему происхожденію: если онъ родомъ изъ Болгарскаго края (Болгаріи, Румеліи, Македоніи), то онъ выучивается мѣстному языку и обыкновенно бываетъ добръ и умѣренъ; если онъ Албанецъ, то онъ уменъ и золъ; если онъ изъ Стамбула, то онъ скорѣе склоненъ къ глупости и слабости; если онъ Малоазіатецъ, то онъ, съ ограниченностью ума, соединяетъ сильнѣйшій фанатизмъ и ненависть къ христіанамъ. Кромѣ этихъ оттѣнковъ характера, всѣ мудиры-Османли внѣшностью, манерами и разговоромъ, удивительно похожи другъ на друга, и къ ихъ числу принадлежитъ, между прочими, экземпляръ Рогатицкій, который навелъ меня на рѣчь о цѣлой породѣ: это — истый Стамбулецъ, небольшаго роста, уже не молодой, сладенькій человѣчекъ, съ подстриженною аккуратно сѣдою бородою, не выучившійся ни слова по-Сербски и съ особеннымъ удовольствіемъ повторяющій въ разговорѣ, что у него зять — великій человѣкъ, *каймакамъ* (подполковникъ) въ Сараевскомъ войскѣ. Съ другимъ видомъ мудировъ, съ мудирами-туземцами, которые въ Босніи уже совершенно перевелись, я уже познакомилъ читателя при проѣздѣ черезъ Герцеговину; мы встрѣтимъ ихъ опять въ Старой Сербіи.

Рогатица лежитъ въ узкой, хорошо обработанной долинѣ рѣчки Ракитницы. Городъ съ правой стороны припертъ къ горѣ Лунь; съ лѣвой стороню простирается поле, не очень широкое, а за полемъ стоятъ высокія, весьма живописныя горы, Плѣшевица, и возвышающіяся вдалекѣ, надъ нею, вершины Тмора и Сѣмеча. Самый городъ — ничтожный: одна большая, не слишкомъ прямая, улица, украшенная лавками, нѣсколько переулковъ и деревянная мечеть съ низкимъ минаретомъ. Всего въ Рогатицѣ 120 мусульманскихъ, 6 православныхъ и 30 цыганскихъ семействъ; Цыгане всѣ кузнецы. Въ такомъ маленькомъ городкѣ, однако, есть 60 лавокъ; зато хозяевà ихъ сознаются, что не продаютъ ничего. Вообще, у всякаго городскаго жителя-магометанина особенная страсть держать лавку:

товару въ ней такъ мало, что завести ее почти ничего ему не стоитъ; она ему не приноситъ никакого дохода, и живетъ онъ не торговлею, а отъ какого-нибудь куска земли, гдѣ у него есть нѣсколько *кметовъ;* лавку же онъ держитъ потому, что ему доставляетъ удовольствіе сидѣть въ чаршіи [1]) и курить, глядя на улицу, по которой кое-кто все-таки пройдетъ или проѣдетъ.

Рогатица, по-Турецки называется другимъ именемъ *Челеби-базаръ* (т. е. дворянскій рынокъ); на картахъ же, даже на лучшей, Кипертовой, картѣ, Рогатица и Челеби-базаръ означены, какъ два разныхъ города, въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго; изъ чего вы можете заключить о точности этихъ картъ.

Рогатицкая нахія (уѣздъ) преимущественно мусульманская: въ ней на 2,500 домовъ и 6,500 душъ мужескаго пола до 1,000 домовъ и 4,500 душъ магометанскихъ. Остальные жители православные; у православныхъ въ Рогатицкой нахіи нѣтъ ни одной церкви.

Въ Рогатицѣ нечего было дѣлать; я тотчасъ поѣхалъ далѣе. Дорога вела ущельемъ, между поросшими лѣсомъ горами. Когда мы нѣсколько поднялись въ гору, очень красиво было посмотрѣть назадъ на ущелье, въ которомъ теченіе Ракитницы обозначается синеватой зеленью ракитъ, рѣзко отдѣляющейся отъ яркой зелени орѣшника и темныхъ листьевъ ольхъ, покрывающихъ склоны горъ. Послѣ двухчасовой ѣзды въ совершенной пустынѣ, открылось передъ нами большое поле, съ одинокою избушкою, и надъ нимъ огромная, голая масса горы Тмора. Имя это, конечно, есть остатокъ самыхъ отдаленныхъ временъ и, вѣроятно, принадлежитъ тѣмъ древнимъ Пелазгическимъ племенамъ, которыя нѣкогда жили въ Иллирикѣ, вмѣстѣ ли съ Славянами, или до Славянъ, объ этомъ теперь разсуждать не стану. То же самое, совершенно не Славянское по

1) *Чаршія* — ряды лавокъ, гостиный дворъ.

звуку, имя является и въ средней Албаніи — Томоръ, самая большая гора въ этой странѣ, — оно является и въ Малой Азіи (*Tmolus* древнихъ писателей), и не помню еще въ какомъ мѣстѣ. Тморъ остался у насъ на лѣво, и мы вскорѣ подъѣхали къ подножью другой горы, еще гораздо большей, Сѣмеча, покрытой густымъ боромъ. Мои кавазы объявили мнѣ, что Сѣмечъ — самая высокая гора въ Босніи, отзывъ, за вѣрность котораго не ручаюсь, потому что не объ одной горѣ приходилось мнѣ слышать, что выше ея нѣтъ въ цѣломъ краѣ. Какъ бы то ни было, подъемъ на Сѣмечъ показался мнѣ безконечнымъ, а еще болѣе спускъ по противоположному склону хребта, гдѣ, по причинѣ наступившей темноты и изъ состраданія къ измученнымъ конямъ, нужно было болѣе часу стремиться внизъ пѣшкомъ, спотыкаясь на каждомъ шагу о камни, которые навалены по дорогѣ какъ нарочно. Мы достигли плоской возвышенности, похожей на ту, которую я уже описалъ. Эта равнина украшена Сѣмечскимъ *ханомъ;* о немъ я долженъ упомянуть, хотя обѣщалъ не возвращаться къ темѣ Турецкихъ гостинницъ, почти вполнѣ исчерпанной мною. Но Сѣмечскій ханъ потому заслуживаетъ спеціальнаго упоминовенія, что это самой дурной ханъ во всей Босніи и, вѣроятно, въ цѣломъ мірѣ: нѣтъ въ немъ и близъ него воды, такъ что усталыя лошади должны были всю ночь простоять не напоенными; нѣтъ въ немъ овса или ячменя для лошадей, нѣтъ хлѣба для людей; все, что въ немъ оказалось, — сѣно да молоко. Молоко мнѣ принесли въ плоской чашкѣ и (какъ столовъ не бываетъ въ Турціи) поставили на полъ, и что же? черезъ пять минутъ, когда я подсѣлъ къ чашкѣ, она была уже полна безстыдныхъ маленькихъ черныхъ прыгуній. Представьте себѣ ужасъ, съ какимъ я бѣжалъ изъ этого отечества блохъ, чтобы водвориться, со всѣми пожитками, среди грязнаго двора. До сихъ поръ, я не въ состояніи рѣшить загадки, чѣмъ можетъ жить содержатель такого рода гостинницы.

Отъ Сѣмечскаго хана опять спускаешься, спускаешься, и, послѣ 3-хъ часовъ ѣзды, достигаешь, наконецъ, Вышеграда.

Вышеградъ находится въ мѣстѣ необыкновенно живописномъ. Онъ стоитъ на рѣкѣ Дринѣ, носящей въ Сербской народной поэзіи наименованіе холодной и быстрой Дрины. Она вытекаетъ въ сѣверной Албаніи, близъ Черногорской границы, изъ огромныхъ каменистыхъ горъ, которыхъ главныя возвышенности называются Комомъ и Визиторомъ [1]), и течетъ оттуда, прямою почти линіею, на сѣверозападъ черезъ Герцеговину: въ этомъ верхнемъ теченіи называется она Тарою, которую мнѣ еще предстоитъ описывать. Почти въ срединѣ Герцеговины, недалеко отъ значительнаго города Фочи, сливается она съ Пивою и тутъ, повернувъ вдругъ на востокъ, получаетъ имя Дрины. Потомъ она принимаетъ въ себя еще другую большую горную рѣку, Лимъ, и, миновавъ Вышеградъ, поворачиваетъ снова на сѣверъ; отсюда она уже образуетъ границу между Босніею и Сербскимъ княжествомъ. Паденіе воды въ Дринѣ чрезвычайно велико, и отъ того она такъ быстра, что никогда не замерзаетъ, и такъ холодна, что и въ лѣтнюю пору почти не нагрѣвается. Вода—прекраснаго темнозеленаго цвѣта, съ синеватымъ отливомъ. Подъ Вышеградомъ, Дрина довольно широка; на ней выстроенъ хорошій каменный мостъ, но безъ перилъ. Говорятъ, это лучшій мостъ въ Босніи. Строилъ его, такъ гласитъ преданіе, Соколъ-Мехметъ-паша, знаменитый визирь султана Сулеймана I (погибшій въ 1579 году). Прекрасный мостъ обезображенъ поставленными по срединѣ двумя полуразвалившимися деревянными будками съ воротами, которыя никогда не запираются.

Вышеградъ стоитъ на правой (обращенной къ Сербіи) сторонѣ Дрины, которая тутъ описываетъ полукругъ, огибая вы-

1) Или, правильнѣе, я думаю, Выситоромъ; въ древнихъ Сербскихъ актахъ эта гора именуется Вышаторомъ.

сокіе, гладкіе, почти отвѣсные утесы, называемые Буткова стѣна. Городъ расположенъ въ полѣ; на правой сторонѣ рѣки, горизонтъ ограниченъ холмами, за которыми возвышается цѣпь горъ, отдѣляющая Турецкую землю отъ Христіанской. Я уже привелъ названіе этого хребта — Столацъ.

Въ Вышеградѣ я искалъ чего нибудь соотвѣтствующаго этому имени, чего не представляетъ раскинувшееся въ полѣ на большое пространство жалкое Турецкое мѣстечко. Меня повели за городъ, и мы черезъ полчаса ходьбы достигли горы, стоящей совершенно одиноко среди долины, близъ рѣки. Гора эта казалась холмомъ, когда мы видѣли ее съ высоты Сѣмеча, но она весьма крута и легко могла быть сдѣлана неприступною. Такія именно горы, какъ эта, возвышающіяся одиноко и круто въ долинѣ, и у подножія которыхъ могла водвориться торговля, почти всегда, какъ я замѣтилъ въ своихъ поѣздкахъ, избирались Сербами для укрѣпленій. Утомительное восхожденіе на этотъ Вышеградъ, въ собственномъ смыслѣ, вознаградилось только красивымъ видомъ на окрестность и осмотромъ развалинъ каменныхъ стѣнъ, которыя, по-видимому, окружали вершину горы нѣсколькими крѣпкими оградами; какія были зданія на вершинѣ, о томъ уже нельзя судить по разбросаннымъ коегдѣ камнямъ. Подъ Вышеградомъ показывали мнѣ полуразвалившуюся небольшую каменную башню: тутъ, говорятъ, была въ старину тюрьма, которую Марко Королевичъ разломалъ и засыпалъ.

Вышеградъ могъ бы быть важнымъ стратегическимъ пунктомъ. Онъ закрываетъ переходъ черезъ Дрину на главной дорогѣ, которая ведетъ изъ средней части Сербіи прямо къ Сараеву. Но нѣтъ мѣста въ Босніи, которое бы представляло такъ рѣзко характеръ мертвенности и разрушенія, какъ Вышеградъ: дрянные, ветхіе дома и, въ самой серединѣ города, множество развалинъ, которыя нѣкогда были жилыми строеніями. Видъ полуразсыпавшагося городка, расположеннаго въ

такой прекрасной мѣстности, наводитъ грусть. Грусть эту увеличиваетъ мысль, которая невольно приходитъ на умъ при видѣ горъ, возвышающихся надъ Вышеградомъ. Отчего на этихъ горахъ, такъ близко, проведена неумолимая граница, и раздѣляетъ она двѣ области, принадлежащія одному народу, говорящія однимъ языкомъ, двѣ области, изъ которыхъ одной позволено процвѣтать и развиваться, а другая приговорена къ вѣчной недвижимости и тьмѣ? Самъ Вышеградъ даетъ отвѣтъ на этотъ грустный вопросъ: въ немъ болѣе ста мусульманскихъ домовъ и только 15 христіанскихъ (православныхъ). Туземное магометанское народонаселеніе — вотъ оковы, которыя тяготѣютъ на прекрасной, плодородной, несчастной Босніи. Вышеградъ есть крайняя на востокъ точка той преимущественно магометанской полосы, которая занимаетъ всю среднюю часть Босніи, захватывая и сѣверовосточный уголъ Герцеговины, и которая своею мертвящею тяжестью держитъ цѣлую страну въ оцѣпенѣніи. Эту полосу составляютъ, идя съ востока на западъ, сѣверная половина Вышеградской нахіи и нахіи — Рогатицкая, Фочинская, Коньицкая (послѣднія двѣ въ Герцеговинѣ), Сараевская, Кладанская, Высокская, Зеницкая, Травенская [1]), Фойницкая и Скопльская [2]).

Оставляю пока эти вопросы, слишкомъ общіе и тяжелые для путевыхъ записокъ. Сажусь опять на своего вѣрнаго коня и продолжаю путь. До Вышеграда дорога шла почти прямо на востокъ. Отъ Вышеграда поѣдемъ на югъ; прежде большая часть селеній была магометанская; отсюда начинается православный край, гдѣ Турокъ немного.

Долго ѣхали мы широкимъ ущельемъ рѣчки Рзавы, среди горъ, покрытыхъ густою зеленью. Потомъ ущелье еще расши-

1) Отъ имени *Травникъ* производится Сербами прилагательное *Траваньски*, а не *Травнички*, стало быть по-Русски слѣдовало бы писать *Травенскій*, а не *Травницкій*.

2) Скопле (горнее и дольнее) — по-Турецки *Вакуфъ*.

рилось, и мы $2\frac{1}{2}$ часа шли полями, во многихъ мѣстахъ хорошо обработанными. Затѣмъ горы опять сходятся, и тутъ, у въѣзда въ эти горы, стоитъ бѣдное село, Добрунь, извѣстное во всей окрестности своимъ древнимъ, огромнымъ зáмкомъ и своею маленькою православною церковью, единственною на 30 часовъ пути, которые считаются между Сараевомъ и Баньскимъ монастыремъ.

Видъ Добрунскаго *града* одинъ изъ самыхъ величественныхъ, какіе мнѣ встрѣчались. На восточной сторонѣ рѣчки Рзавы стоятъ двѣ скалистыя горы, совершенно отвѣсныя, такъ что, если глядишь на нихъ снизу, то кажется, какъ будто онѣ взгромождены надъ твоею головою и готовы на нее обрушиться. Нѣсколько дальше отъ рѣчки стоятъ, въ котловинѣ между этими двумя горами и полукругомъ горныхъ хребтовъ, двѣ, не такъ высокія, но узкія и также отвѣсныя, скалы, вершину которыхъ вѣнчаютъ полуразрушенныя башни. Въ одной изъ этихъ скалъ природа устроила пещеру; она идетъ, какъ говорятъ, на большое пространство подъ землею. *Градъ* Добрунскій стоитъ на второй, южной изъ двухъ скалистыхъ горъ, о которыхъ я сказалъ. До него полчаса самой утомительной ходьбы: наклонность такъ крута, что нужно обходить гору кругами, цѣпляясь за длинную траву и за разбросанные камни. Вся гора огорожена почти у подошвы стѣною, которой нижняя часть сохранилась; полуразвалившіяся узкія каменныя ворота возобновлены помощью нѣсколькихъ бревенъ и служатъ къ тому, чтобы запирать Добрунскія стада, которыя пасутся въ древней крѣпости, какъ въ загонѣ. На вершинѣ горы ясно видно основаніе круглой башни, шаговъ 25 въ поперечникѣ, и недалеко отъ нея, какого-то 4-угольнаго зданія; часть стѣнъ уцѣлѣла. Съ этой вершины, глазъ теряется во множествѣ горныхъ хребтовъ, которые со всѣхъ сторонъ закрываютъ горизонтъ своими разнообразными массами. На востокѣ стоитъ тотъ же Столацъ, заслоняя Сербію отъ нашихъ взоровъ, но между

Добрунемъ и Стольцемъ торчатъ еще два странныхъ конуса, носящіе имя Орловины. Недалеко отъ Орловины взгромоздились Соколы, огромныя скалы. На югъ — Рогова, на западъ — Бѣлобрдо и множество другихъ горъ, которыхъ исчисленіе надоѣло бы читателямъ.

Когда я смотрѣлъ съ *града* внизъ на долину Рзавы, меня поразилъ странный видъ какихъ-то искуственныхъ загородокъ изъ сѣраго камня. Что это такое? спросилъ я своего проводника. «Тутъ былъ *шехеръ* (городъ) [1]), сказалъ онъ, но давно уже онъ *баталь*, т. е. разрушенъ». И дѣйствительно, оказалось, что вся подошва горы, начиная отъ крѣпостной ограды до Рзавы, которая въ этомъ мѣстѣ удаляется отъ горы, покрыта основаніями домовъ; въ иныхъ мѣстахъ, основанія эти уцѣлѣли такъ хорошо, что можно бы было, кажется, прослѣдить направленіе улицъ; нѣкоторыя зданія были довольно большія. И такъ, тутъ былъ цѣлый каменный городъ (какая разница съ нынѣшними деревянными или глиняными городами Боснійскими!), и надъ городомъ стояла почти неприступная крѣпость.

«Нѣтъ такого *града* (т. е., крѣпости) въ цѣлой Босніи и Герцеговинѣ», говорилъ съ гордостью мой проводникъ, ханджи-мусульманинъ [2]), съ огромнымъ зобомъ (болѣзнь не рѣдкая въ этихъ странахъ): «если бы теперь снова отстроили Добрунь, никто бы не могъ взять его» (мой ханджи, разумѣется, не имѣлъ никакого понятія о томъ, что крѣпость, бывшая неприступною до введенія огнестрѣльнаго оружія, теперь можетъ быть разгромлена двумя пушками, поставленными на сосѣдней вершинѣ). «Кто же строилъ этотъ *градъ*, и какъ онъ достался въ руки Турокъ?» — «Строили его давно: *вавѣкъ стôи*, *одъ почетка*»

1) *Градъ* у Сербовъ значитъ только крѣпость; городъ въ нашемъ смыслѣ обозначается у нихъ Турецкими словами: *шехеръ* (большой городъ) и *касаба* (малый городъ), и Мадьярскимъ словомъ *варошъ* (преимущественно торговая часть города).

2) Содержатель *хана*.

(стоитъ во вѣкъ, съ самаго начала); строили его, должно быть, баны. Вонъ видишь», — продолжалъ мой Добрунскій руководитель, — «эти три избы вдалекѣ: это мѣсто называется Бановацъ, отъ Бановъ, которые строили *градъ*. Когда Турки взяли всю Босну, то въ Добрунѣ держалась еще Ерина кральица (жена деспота Юрья Бранковича, въ первой половинѣ XV вѣка, памятная Сербскому народу по своему властолюбію и своей жестокости); Турки осадили Добрунь огромнымъ войскомъ, разрушили нижній городъ, а крѣпости взять не могли. Но между Ериною и начальникомъ Турецкаго войска началась связь; онъ притворился влюбленнымъ въ Ерину, а Ерина уже давно полюбила его и не устояла, стала скрытно пускать его въ свое неприступное жилище. Турокъ обѣщалъ перейти къ ней, выдать ей свое войско и жениться на ней. Однажды онъ остался въ *градѣ* долѣе обыкновеннаго; тайкомъ въ ту ночь должны были привезти въ крѣпость, на 200 коняхъ, богатства его, заколоченныя въ ящики, — все какъ свадебный даръ для Ерины. Впустили ящики въ ворота; вдругъ, они открываются, и изъ каждаго, въ ночной темнотѣ, выскакиваетъ вооруженный Турокъ. Христіанъ перебили, Ерину забрали въ плѣнъ, и разрушили Добрунь.»

Таково народное преданіе; и, вѣроятно, не одинъ такого рода разсказъ можно бы было услышать о Добрунѣ, котораго величественный видъ, скалы, башни и глухія пещеры по неволѣ должны были занимать воображеніе народа. Недалеко отъ разрушеннаго города есть большая пещера, которую поселяне называютъ *Кралица* и связываютъ съ именемъ той же Ерины. Мнѣ сказывали, что въ ней начертаны какія-то письмена, которыхъ никто не въ состояніи разобрать. Я не имѣлъ времени идти туда, но видѣлъ нѣчто въ такомъ же родѣ на скалѣ Орловацъ, выше Добрунской церкви. Проводникъ заманилъ меня туда своими разсказами о какихъ-то удивительныхъ надписяхъ на этой скалѣ. Дѣйствительно, на гладкомъ гранитѣ высѣчены

грубыя фигуры, похожія на очертанія головъ и рукъ человѣческихъ. Около этихъ фигуръ видны какіе-то знаки, — но были ли то письмена или случайныя черты, этого я не могъ рѣшить.

Церковь Добрунская стоитъ на небольшой полянѣ. Преданіе говоритъ, что она была разорена въ то же время, какъ городъ. Стѣны уцѣлѣли, и на нихъ остались старинныя надписи и нарисованныя *al fresco* иконы. Жители окрестныхъ селъ возобновили церковь въ 1822 году: на верху водруженъ маленькій желѣзный крестъ — чрезвычайная рѣдкость въ Босніи. Церковь весьма мала: она вся умѣстилась бы въ одной залѣ нашихъ домовъ. Окнами служатъ узенькія отверзтія въ родѣ ружейныхъ бойницъ — признакъ весьма древней архитектуры. Къ сожалѣнію, я не могъ видѣть ее внутри: священникъ живетъ не въ Добрунѣ, гдѣ только два Сербскихъ (т. е. православныхъ) дома (мусульманскихъ домовъ до 20), а довольно далеко оттуда, въ селѣ Бѣломъ Брдѣ, которое состоитъ изъ 65-ти все православныхъ домовъ. Онъ пріѣзжаетъ въ Добрунь три раза въ годъ (въ Рождество, Свѣтлое Воскресеніе и Троицынъ день), для совершенія литургіи. Въ эти дни, въ Добрунь сходится огромная толпа изо всего околотка. У церкви стоятъ особеннаго рода деревянные домики на низенькихъ колесахъ, но домики безъ стѣнъ; крыша лежитъ на четырехъ жердяхъ, которыя вдѣланы въ полъ движущагося зданія, и только нижняя часть огорожена съ четырехъ сторонъ досками. Въ этихъ подвижныхъ кіоскахъ (домики, дѣйствительно, похожи формою на Турецкіе кіоски), оригинальномъ произведеніи Боснійскаго творчества, поселяются и ночуютъ семейства, которыя приходятъ на праздникъ въ Добрунь. Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ Босніи не видалъ я подобной предусмотрительности. Есть много церквей и монастырей, куда въ большіе праздники собираются сотни богомольцевъ, но они преспокойно располагаются спать подъ открытымъ небомъ, или дѣлаютъ себѣ какіе-нибудь шалаши изъ прутьевъ. Я сказалъ, что три раза въ году бываетъ

обѣдня въ Добрунѣ. Во все остальное время, окрестный народъ не имѣетъ церковной службы; но слава Богу, что и три раза въ году онъ можетъ услышать ее! Сколько въ Босніи есть округовъ, гдѣ многія тысячи душъ православныхъ, и гдѣ поселянинъ проживаетъ весь вѣкъ, не видавъ ни разу церкви.

На внѣшней стѣнѣ Добрунскаго храма изображенъ ликъ Богородицы, подновленный въ послѣднее время. Подлѣ иконы сохранилась надпись: мт҃н бж҃нѣ· Форма буквъ, въ особенности начертаніе и вмѣсто н и употребленіе ѣ вмѣсто ѧ доказываютъ, что надпись относится къ весьма древнему времени. Вы можете понять, какъ велико было, послѣ этого открытія, мое желаніе прочесть надпись, находящуюся надъ воротами церкви и которая еще довольно ясно видна, хотя ее сильно забрызгали работники, когда бѣлили стѣны церкви. Увы! надпись помѣщена высоко, и сколько мы ни искали лѣстницы, какъ ни ухитрялись придумать вмѣсто лѣстницы какой-нибудь другой снарядъ, всѣ старанія остались тщетными. Надобно бы было просидѣть цѣлый день въ Добрунѣ и ждать, покуда принесутъ лѣстницу изъ другаго села. Не рѣшившись на это, я просилъ потомъ монаховъ Баньской обители при случаѣ списать мнѣ надпись. Мнѣ ее доставили, но, разумѣется, не только объ археологической точности тутъ рѣчи быть не можетъ, но мой Боснякъ-корреспондентъ сдѣлалъ не копію, а лишь извлеченіе надписи. Она, по его показанію, гласитъ, что «изволеніемъ Отца и поспѣшеніемъ Сына и совершеніемъ Святаго Духа, сей святый и божественный храмъ святаго Вознесенія Господня созданъ бысть трудомъ и иждивеніемъ Стефана Немани, перваго великаго жупана, въ 1170 году.» Судя по этому, Добрунская церковь была бы одна изъ самыхъ древнихъ въ Сербской землѣ. Надѣюсь, что другой путешественникъ будетъ счастливѣе меня и вывезетъ изъ Добруня точную копію этой любопытной надписи.

IX.

Баньскій монастырь. — Новая Варошь. — Сѣница.

За Добрунемъ тянется часа на три глухой боръ, покрывающій горы Бѣлобрдо и Будимію. Безконечный спускъ ведетъ въ долину рѣчки Буковицы, впадающей въ Увацъ, рѣку, которая на довольно значительномъ пространствѣ служитъ границею между Босніею и Сербіею и впадаетъ въ Лимъ близъ мѣстечка Пребоя. Въ долинѣ Буковицы лежатъ Штрбцы, первое Христіинское село, которое намъ попалось отъ Сараева: въ немъ 80 домовъ, все православныхъ. Мы переночевали въ христіанскомъ ханѣ, который отличается отъ мусульманскаго тѣмъ, что онъ почище, и что *ханджія* гораздо расторопнѣе и обязательнѣе.

За Штрбцами начинается такъ называемая Баня-нахія; округъ этотъ находится подъ управленіемъ Ново-Варошскаго мудира. Въ Банѣ считаютъ 12 селъ съ 380 православныхъ и 18 мусульманскихъ домовъ; кромѣ того, въ этой нахіи находится Пребой, самый маленькій изъ «городовъ» Босніи, съ 30 Турецкими и 4 православными домами. Дорога до Пребоя идетъ по живописной, большею частью узкой, долинѣ Увца и Лима. Лимъ очень красивъ и довольно широкъ; вода чистая, голубоватая. Пребой означенъ на картѣ большимъ кружкомъ и крупными буквами. Я ожидалъ найти большой городъ. Какое было мое удивленіе — увидѣть нѣсколько курныхъ избушекъ, потерянныхъ въ поляхъ кукурузы.

Когда мы ѣхали, дорога была необыкновенно оживлена. На каждомъ шагу мы обгоняли толпы разряженныхъ поселянъ, въ курткахъ съ висячими на черкесскій манеръ рукавами, съ грубыми, красными, скрученными платками, обвертывающими голову въ родѣ чалмы, поселянокъ съ бѣлыми, висящими до плечъ, платками на головѣ, въ узкихъ, сшитыхъ обрубкомъ, платьяхъ, большею частью коричневаго, а иногда краснаго домашняго сукна, украшенныхъ серебряными бляхами и побря-

кушками, съ такими же побрякушками и серебряными деньгами на груди и на головѣ. Между пѣшеходами кое-гдѣ важно подвигались на коняхъ толстые *трговцы* съ своими супругами, сидящими верхомъ, какъ мужчины но на сѣдлахъ съ страшно короткими стременами, такъ что ихъ колѣни находились въ томъ положеніи, какъ когда вы сидите на низенькомъ стулѣ. Былъ канунъ праздника Иліи Пророка. Всѣ стремились къ Баньскому монастырю, чтобы въ этотъ день помолиться и повеселиться.

Баньскій монастырь лежитъ весьма высоко, на хребтѣ, который тянется между рѣкою Лимомъ и параллельнымъ ему Увцемъ. Хребетъ этотъ носитъ имя Борье. По правую сторону виденъ другой хребетъ, Бичь или Бихачь, на вершинѣ котораго остались, говорятъ, развалины древняго замка Ягатъ; по лѣвую сторону, за Увцемъ, глазъ останавливается на горахъ, принадлежащихъ Сербіи, Лѣсковцѣ и Баньской. Близъ монастыря вытекаетъ, почти на верху хребта, источникъ чистой и прозрачной, голубаго цвѣта, теплой воды, температурою градусовъ въ 25 Реомюра Купанье въ немъ, какъ увѣряютъ, необыкновенно цѣлебно въ накожныхъ болѣзняхъ, и этому источнику монастырь обязанъ, кажется, своимъ существованіемъ. Преданіе говоритъ, что король Сербскій Урошъ I (умеръ 1270) нашелъ здѣсь излѣченіе отъ болѣзни, которая дала ему прозваніе Храпаваго (т. е. покрытаго сыпью), и что онъ, изъ благодарности, построилъ, подлѣ источника, монастырь во имя Св. Николая. По тому же преданію, мѣсто это называлось въ старину Топлицею, и только въ послѣдствіи получило имя Бани. Если это справедливо, то монастырь Баньскій гораздо древнѣе, нежели полагаютъ теперешніе его владѣльцы. О постройкѣ его, при королѣ Урошѣ I, рѣчи нѣтъ въ Сербскихъ лѣтописяхъ; но онѣ говорятъ, что творецъ Сербскаго единодержавія, великій Стефанъ Немаия (въ концѣ XII столѣтія) основалъ храмъ Св. Николая Чудотворца въ Топлицѣ.

Во время Турецкаго владычества, монастырь былъ разо-

ренъ; остались въ немъ только голыя стѣны двухъ церквей. Мѣсто заросло лѣсомъ; цѣлебный источникъ лился въ пустынѣ, и только рѣдкіе поселяне изъ окрестныхъ селъ приходили туда купаться, или окунали въ теплую воду больныхъ овецъ и козъ. На всемъ пространствѣ отъ Сараева до Новаго Пазара (250 верстъ или 6 дней ѣзды) не осталось ни одной православной церкви. Во всей южной Босніи, служба совершалась только въ Новомъ Пазарѣ, гдѣ церковь Св. Петра и Павла, — первая, извѣстная въ исторіи, православная церковь у Сербовъ, — пережила разрушеніе безчисленныхъ храмовъ, построенныхъ позднѣе въ этомъ краѣ Неманичами. Я сказалъ о возобновленіи Добрунской церкви въ 1822 году. Возобновленіе Баньскаго монастыря, четыре года тому назадъ, было гораздо важнѣе и благодѣтельнѣе, потому что здѣсь служба совершается постоянно. Прекрасное дѣло это взяли на себя нѣкоторые монахи, прежде жившіе въ монастырѣ Св. Троицы въ Плевляхъ или Таслиджѣ (въ Герцеговинѣ). Они расчистили лѣсъ около монастыря и возстановили въ немъ одну изъ старыхъ церквей; другой, къ несчастію, не пощадили, а почти разобрали ея стѣны, чтобы употребить камень на отдѣлку первой. Также не пощадили никакой древности, и немилосердно замазали мѣломъ древнія иконы (фрески) и надписи, какія оставались на стѣнахъ возобновляемаго храма. Церковь эта просторна и высока; надъ алтаремъ построена башня, съ остроконечною крышею и съ небольшимъ желѣзнымъ крестомъ на вершинѣ. Внутренность еще почти не отдѣлана, по недостатку средствъ; вмѣсто иконостаса, стоятъ голыя доски. Построены также скромныя кельи для монаховъ и *ханъ* для гостей, пріѣзжающихъ купаться. Источникъ привлекаетъ къ монастырю довольно много народа, и теперь посѣщается уже не одними поселянами, но и людьми «высшаго класса», чиновниками и купцами изъ сосѣднихъ *округъ* Сербіи. Изъ благодарности, монахи устроили для цѣлебной воды деревянный бассейнъ, окруженный забо-

ромъ, который, однако, какъ мнѣ показалось, служитъ весьма плохою защитою отъ нескромныхъ взоровъ: ибо подлѣ источника есть возвышеніе, съ котораго, какъ на ладони, видно все, что происходитъ въ бассейнѣ.

Когда я пріѣхалъ въ Баню, большая толпа мужчинъ, женщинъ и ребятишекъ тѣснилась около купальни: всякій, пришедшій въ монастырь, даже и здоровый, считалъ долгомъ погрузиться въ цѣлительную воду. Кругомъ всей ограды монастыря (частью забора, частью стѣны), стояли ряды жалкихъ клячъ, на которыхъ поселяне пріѣхали или пригнали свой товаръ — хлѣбъ, водку и т. под. На одной сторонѣ, выстроился рядъ низенькихъ шалашей изъ прутьевъ, въ которыхъ съ трудомъ могъ умѣститься, сидя, какой-нибудь продавецъ, предлагавшій прекрасному полу бусы и другія украшенія. Нѣкоторые шалаши служили просто убѣжищемъ богомольцамъ, но большая часть, не смотря на принимавшійся нѣсколько разъ дождь, преспокойно расположились подъ открытымъ небомъ. Они заняли также почти весь дворъ монастырскій, оставивъ, однако, довольно мѣста для хороводовъ; всего же гуще населился небольшой пригорокъ, образовавшійся близъ монастыря изъ мусора и камней. Увѣряютъ, что на этомъ мѣстѣ была колокольня, давно уже разрушенная, и что подъ пригоркомъ находится погребъ, въ который монахи, во время гоненія, снесли свои колокола и, можетъ быть, еще кое-какія вещи, и который они тогда задѣлали. Я спрашивалъ, отчего не откроютъ погреба и не посмотрятъ, что тамъ такое. «Нельзя, отвѣчали мнѣ, боимся Турокъ; если мы отворимъ погребъ, они скажутъ, что мы нашли кладъ и сдерутъ съ насъ Богъ знаетъ сколько.» — Вечеромъ, на-канунѣ Ильина дня, вся толпа еще была трезва и чинна; кое-гдѣ только слышались пѣсни; у всенощной стояли тихо и смирно. Но послѣ всенощной началась гульба. Образовались во всѣхъ концахъ монастырскаго двора *кóла* и *игранья*: въ *колѣ*, какъ въ хороводѣ, мужчины и женщины (преимуще-

ственно женщины) ходятъ мѣрно кругомъ, взявшись за руки, и протяжно поютъ; въ *играньѣ* участвуютъ одни почти мужчины: они тоже составляютъ кругъ и, держась за руки, пляшутъ, нагнувшись впередъ и топая ногами, подъ звуки пискливыхъ *диплей* (волынки). Въ пляскѣ отличались наиболѣе Сербскіе *пандуры* (солдаты пограничной стражи), пришедшіе на праздникъ изъ ближайшихъ пограничныхъ пикетовъ княжества. Пандуры это представляли необыкновенный контрастъ съ толпою Босняковъ и Герцеговинцевъ, которая ихъ окружала: какая смѣлость, бойкость, ловкость, веселость въ движеніяхъ Сербовъ [1]) сравнительно съ неуклюжею, унылою робостью Турецкихъ подданныхъ! Таково вліяніе чувства самостоятельности. Даже языкъ облагородился: рѣчь Серба стала гораздо чище; въ ней уже не такъ часто слышны безобразныя Турецкія выраженія, которыя составляютъ чуть ли не каждое третье слово въ разговорѣ Босняка. Никто не могъ, во всей толпѣ, сшедшейся у Баньскаго монастыря, сравниться въ пляскѣ съ Сербскими пандурами; подстрекаемые ихъ примѣромъ, и Босняки послѣ кое-гдѣ составляли кружки и принимались плясать, но дѣло не шло на ладъ, и кружки скоро расходились: Босняки забыли плясать. Хороводы шли у нихъ удачнѣе, но и то, говорили мнѣ, далеко не такъ хорошо, какъ въ Сербіи. Славянское *коло* въ Босніи теперь только воскресаетъ: народъ чуть-чуть не забылъ его, также какъ свою пляску. Прежде не было монастырей и, стало быть, не было тѣхъ сходбищъ, на которыхъ народъ наиболѣе предается этимъ увеселеніямъ, а въ селахъ рѣдко смѣли заводить *коло*, развѣ только въ полунезависимыхъ *нахіяхъ* у Черногорской границы; пѣлись пѣсни, но въ одиночку, безъ внѣшнихъ признаковъ веселія.

Ночью, видъ веселящейся толпы на дворѣ монастырскомъ

1) Жителей Сербскаго княжества, для различія отъ прочихъ Сербовъ, народъ обыкновенно называетъ *Сербіанцами*.

былъ необыкновенно оригиналенъ. Вся окрестность оглашалась протяжными Сербскими пѣснями; однообразный напѣвъ ихъ, когда онѣ поются однимъ человѣкомъ, весьма непріятенъ для не-Сербскаго уха, но въ общей массѣ онѣ производятъ строгій и, можно сказать, величественный эффектъ. На каждомъ шагу попадалось медленно движущееся коло: часто въ колѣ одинъ какой-нибудь голосъ пропоетъ какой-то стихъ, и все коло громко, долго расхохочется. Кое-гдѣ рослые *момки* (парни) стояли попарно съ *дѣвойками* и, вѣроятно, подъ общій шумъ, говорили другъ другу тайны. Костры и лучины придавали сценѣ самый фантастическій видъ. Погода была сырая, и чтобы не позволить ей мѣшать веселію, призывалась на помощь *ракія* (водка). Подъ ея вліяніемъ, народъ разыгрывался все болѣе и болѣе; даже женскій полъ оказывалъ къ ней великое пристрастіе, а между мужчинами было немало такихъ молодцовъ, которые, какъ я слышалъ, выпили въ ту ночь по 3 *оки* (около 9 фунтовъ) ракіи. Денегъ на это поселяне не жалѣли, расходившиеь. Иной подсядетъ къ бочкѣ и сначала пьетъ, угощая куму или сестрицу и мѣняясь съ ними *здравицами* (т. е. тостами), а потомъ, какъ зашумитъ въ головѣ, зазываетъ встрѣчнаго и поперечнаго: пей на его деньги и здоровье всякъ, и знакомый и незнакомый!

Такъ пировали Босняки всю ночь, никто не смыкая глазъ; а на разсвѣтѣ началась заутреня и за нею сейчасъ обѣдня. Вся толпа ввалила въ церковь. Можете представить себѣ, какое тутъ было богомолье. Церковь была такъ полна, что священникъ едва могъ выходить передъ царскія двери. Толпа то нахлынетъ впередъ, то отхлынетъ, какъ волны. Гулъ стоялъ неописанный, и среди этого гула отдѣлялась то брань, то крикъ придавленнаго ребенка, то визгъ какой-нибудь съумасшедшей женщины, которую насильно приводили и наклоняли подъ евангеліе, когда священникъ читалъ изъ него (это тамъ обыкновенный способъ лѣченія этой страшной болѣзни, которая

весьма сильно развита въ Босніи между поселянами; даже мусульмане лѣчатъ съумашедшаго тѣмъ, что приглашаютъ православнаго священника читать надъ нимъ евангеліе). Но не судите слишкомъ строго бѣдныхъ Босняковъ: ихъ жизнь такъ горька, что хоть одинъ разъ въ году, когда соберутся въ праздникъ у монастыря, они ищутъ не скромнаго веселья, а самозабвенія; а какое понятіе могутъ они имѣть о церкви, о богослуженіи? Нѣсколько поколѣній росло и умирало, не видавъ никогда церкви, не слыхавъ цѣлый свой вѣкъ литургіи; а теперь, когда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ церкви и монастыри возстановлены, сколько есть такихъ поселянъ въ Босніи, которые еще не могли побывать въ нихъ, потому что для жителей отдаленныхъ деревень это есть цѣлое путешествіе! Сколько, между пришедшими въ Баньскій монастырь, въ Ильинъ день, было такихъ, которые тогда въ первый разъ въ жизни вступали въ храмъ Божій! Монахи, какъ я замѣтилъ, не только не мѣшали шумному веселію народа, но съ сочувствіемъ глядѣли на движущіяся *кола*, слушали пѣсни поселянъ: и въ этомъ они руководствовались, конечно, не обдуманною мыслію, но, во всякомъ случаѣ, вѣрнымъ природнымъ инстинктомъ; ибо если Православіе сохранилось, среди всѣхъ возможныхъ притѣсненій и гоненій, въ народѣ, лишенномъ церквей и предоставленномъ попеченію такой іерархіи, которая скорѣе могла отвращать людей отъ вѣры, нежели поддерживать ее, то этимъ оно обязано, кромѣ своей удивительной способности проникнуть въ духъ народа и съ нимъ совоплотиться, еще вліянію народной поэзіи. Народная пѣснь, которую знаетъ и поетъ рѣшительно всякій православный Сербъ въ Турціи, есть то живое преданіе, которое, среди безотраднаго настоящаго, связываетъ его съ славнымъ прошедшимъ и питаетъ въ немъ надежду на будущее.

Я описалъ ночныя увеселенія богомольцевъ въ Баньскомъ монастырѣ. Тѣ же самыя пѣсни, пляски и попойки, но только въ сильнѣйшей степени, возобновились на другой день, послѣ

обѣдни: это былъ полный разгаръ *панадюра* (такъ называютъ Сербы, съ Греческаго πανήγυρις, сходбище у монастыря въ праздникъ). Я уѣхалъ. Мимо Турецкаго села Кратово и Сербскихъ (т. е., православныхъ) селъ Челици и Рутошъ, дорога привела насъ къ высокому хребту, Старому Влаху. На Старомъ Влахѣ нѣтъ скалъ, но онъ отличается своею массивностью и величественнымъ видомъ. Онъ образуетъ нѣсколько уступовъ; вы подымаетесь круто вверхъ, потомъ ѣдете полемъ, покрытымъ травою и гладкимъ, какъ коверъ, потомъ опять подымаетесь въ гору и опять встрѣчаете поле; верхняя часть Стараго Влаха, такъ называемый Црни Врхъ (Черный Верхъ), покрытая густымъ боромъ, необыкновенно мрачна; на самой вершинѣ растительность слаба. Дорога, проходящая чрезъ Старый Влахъ, служитъ границею между Босніею и Герцеговиною; а съ этой дороги на лѣво видна цѣпь Сербскихъ карауловъ, такъ что на довольно большое пространство Боснійская земля составляетъ полосу въ полверсты или въ версту шириною. Странно, что Турецкое правительство причислило Ново-Пазарскую область къ Босніи: она не имѣетъ съ нею ничего общаго. Собственно, Боснія оканчивается у Стараго Влаха. За этимъ хребтомъ начинается Старая Сербія. Народъ помнитъ это естественное дѣленіе, и Церковь сохранила его: ручеекъ у подошвы Стараго Влаха составляетъ границу Боснійской митрополіи; отсюда начинается митрополія Призренская. На сѣверъ отъ Стараго Влаха, Славянская стихія господствуетъ одна (въ этнографическомъ отношеніи); на югъ отъ этого хребта, Славянская стихія мѣшается и борется съ Албанскою.

За Чернымъ Верхомъ, на небольшой полянѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ гребнемъ горъ, образующихъ вершины *ломнаго* Стараго Влаха (*ломнымъ*, т. е., который ломитъ ноги, называютъ его народныя пѣсни), выстроена Новая Варошь. Это единственный встрѣтившій мнѣ въ Сербскихъ краяхъ городъ, который стоитъ на горѣ; всѣ другіе города Босніи, Герцегови-

вы и Старой Сербіи построены въ долинахъ, или поляхъ, правда, иногда весьма высокихъ, но все-таки у подножія горъ. Окружающія Новую Варошь вершины плохо защищаютъ ее отъ вѣтра; деревья не растутъ въ ней и холодъ царствуетъ такой, что мудиръ Нововарошскій называлъ мнѣ свое мѣстопребываніе Боснійскою Сибирью (Сибирь извѣстна даже Нововарошскому мудиру!). Снѣгъ лежитъ тутъ «отъ Дмитрова дня до Юрьева дня», такъ говорилъ членъ Нововарошскаго *меджлиса*, степенный мусульманинъ, который знакомилъ меня съ своимъ городомъ: Босняки-мусульмане считаютъ время года по православнымъ праздникамъ [1]).

Новая Варошь возникла въ Турецкую эпоху. Городъ выстроенъ лучше, чѣмъ большая часть маленькихъ Боснійскихъ городовъ. Онъ состоитъ изъ верхняго квартала, въ которомъ считаютъ около 100 мусульманскихъ домовъ, и нижняго, съ 200 православныхъ домовъ. Главный промыселъ христіанъ состоитъ въ покупкѣ скота, который пригоняется изъ Босніи, откармливается на Старомъ Влахѣ и потомъ перепродается въ южныхъ областяхъ. Церкви нѣтъ въ Новой Вароши: православные собираются въ низенькой темной избушкѣ слушать вечернюю службу, но литургіи у нихъ не бываетъ. Говорятъ, что они теперь получили позволеніе строить церковь и скоро приступятъ къ этому.

Встрѣченный на дорогѣ мудиромъ, я принужденъ былъ остановиться у него: представьте себѣ удовольствіе провести цѣлый вечеръ съ Туркомъ, который воображаетъ, что онъ знаетъ по-Боснійски и потому не хочетъ призвать на помощь переводчика; а когда онъ говоритъ по-Боснійски, то можно по-

1) Кромѣ *рамазана и байрама* Босняки-мусульмане не знаютъ другихъ магометанскихъ эпохъ для обозначенія временъ года; имена Арабскихъ мѣсяцевъ ими почти не употребляются; всего чаще вы отъ нихъ услышите: «о Божичу» (на Рождество), «о Васкрсенію», «о Духову», «о великой Госпоини» (на Успеніе), «о малой Госпоини» (на Рождество Богородицы), «о Митрову дне», «на Николу», и т. под.

нять столько же, сколько если-бъ онъ говорилъ просто по-Турецки. Нѣкоторое развлеченіе, въ этотъ невыносимый вечеръ, составило появленіе 8-лѣтней дочери мудира, умненькой и бойкой дѣвочки, которая, не похожая въ этомъ на своего отца, выучилась между Босняками по-Боснійски. Она довольно граціозно носила свой незатѣйливый костюмъ — короткую зеленую куртку, узкіе бѣлые шальвары и красный фесъ. M-lle Фатма незастѣнчиво разговаривала съ иностранцемъ и уже видимо кокетничала. Вообще Турки охотно водятъ своихъ дочерей, пока онѣ маленькія, въ мужское общество, даже одѣваютъ ихъ въ мужское платье и тѣшатся, когда онѣ бойко разговариваютъ съ мужчинами. А потомъ, вдругъ эта полная свобода смѣняется герметическимъ заключеніемъ.

Изъ Новой Вароши подымаешься на вершину Стараго Влаха, называемую Камань; потомъ, чрезъ другую вершину, Яворъ, переваливаешь на лѣсистый хребетъ Златаръ, параллельный Старому Влаху. Здѣсь мнѣ показали развалины башни какого-то князя Атмачича, имя котораго носитъ и ближайшая къ башнѣ деревня Атмачичи. На всей этой возвышенности былъ сильный холодъ, не смотря на прекрасный лѣтній день. Златаръ образуетъ тутъ плоскую возвышенность, чудную равнину, покрытую нѣжно-зеленою, свѣжею, короткою травою, усыпанную безчисленными дикими цвѣтами, благоухающими на чистомъ, легкомъ, горномъ воздухѣ. Всѣ эти поля на Старомъ Влахѣ и на Златарѣ остаются вольными пастбищами; рѣдко встрѣчается небольшое отгороженное пространство, засѣянное ячменемъ или овсомъ. Крутой спускъ ведетъ къ р. Увцу и къ ущелью, которое Сербы называютъ просто Турецкимъ словомъ Дервентъ [1]); отсюда начинается новая плоская возвышенность, ниже предъидущей, но все-таки столь высокая, что деревья не растутъ на ней, и снѣгъ покрываетъ ее почти полгода. Это

1) Дервентъ значитъ ущелье.

такъ называемое *Сѣничко поле*; оно длиною въ шесть часовъ пути (30 верстъ). На Сѣничкомъ полѣ уже начинаются Албанскія селенія. За Старымъ Влахомъ, если вамъ встрѣтится магометанинъ, то вы можете быть увѣрены, что онъ Арнаутъ или потомокъ Арнаутовъ; если вамъ покажутъ православнаго, то вы видите Славянина. Кромѣ немногихъ горожанъ въ Новомъ Пазарѣ, за Старымъ Влахомъ, т. е. за предѣлами собственной Босніи, нѣтъ Славянъ, принявшихъ магометанство; то же самое явленіе повторяется въ Старой Сербіи (т. е. въ Призренскомъ пашалыкѣ), также какъ въ Сербскомъ княжествѣ: исключенія такъ немногочисленны, что они ничего не значатъ въ сравненіи съ огромнымъ количествомъ Славянъ-мусульманъ въ Босніи. Отчего Боснія такъ слабо хранила свою вѣру? Отчего въ ней почти 200,000 чел. (мужескаго пола) стоитъ теперь подъ знаменемъ Магомета, тогда какъ въ другихъ земляхъ, населенныхъ тѣми же Сербами, народъ предпочиталъ рабство и смерть вѣроотступничеству? Исторія даетъ на это отвѣтъ. Боснія (я говорю о собственной Босніи, на сѣверъ отъ Стараго Влаха) встарину всегда отдѣлена была отъ прочихъ Сербскихъ земель; изъ вражды къ Сербскимъ государямъ, ревностнымъ поборникамъ Православной Церкви, ея владѣтели были, большею частью, противниками Православія; многіе изъ нихъ покровительствовали ереси Богомиловъ, другіе сдѣлались приверженцами Рима. Православіе сохранилось въ простомъ народѣ на краяхъ Босніи; въ срединѣ, около столицъ Боснійскихъ бановъ и королей, около Сутѣски, Травника и Яйца, утвердилось Богомильство; а потомъ Богомилы были, отчасти проповѣдью Францисканцевъ, отчасти силою, обращены въ Католицизмъ. Вскорѣ за тѣмъ нагрянули Турки, и недавніе прозелиты Рима поспѣшили еще разъ перемѣнить свою вѣру, чтобы понравиться новому повелителю. Оттого-то и теперь, когда, въ теченіе 400 лѣтъ, должно было произойти столько переселеній изъ одного края Босніи въ другой, вы находите огромную мас-

су магометанъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ христіане принадлежатъ Римской Церкви, и несравненно меньше тамъ, гдѣ живутъ православные. Въ собственно Сербскихъ владѣніяхъ все народонаселеніе было православное до завоеванія, и такимъ оно осталось до сихъ поръ.

Я коснулся отношенія Римско-католической и православной стихіи въ Босніи. Вопросъ этотъ есть одинъ изъ самыхъ любопытныхъ, какіе Боснія представляетъ. Отношеніе обѣихъ религій на Славянской почвѣ здѣсь выказывается совершенно ясно и рѣзко. Въ другихъ Славянскихъ земляхъ одна религія обыкновенно принадлежитъ одному племени, другая другому, и отношеніе религій затемняется отношеніемъ народностей; въ южной Венгріи, правда, одна и та же Сербская народность раздѣлена между Римско-Католическою и Православною вѣрою; но здѣсь въ отношенія религій сильно вмѣшивается правительство, подавляя одну и возвышая другую. Въ Босніи же одинъ и тотъ же Славянскій народъ исповѣдуетъ частью Католицизмъ, частью Православіе, и обѣ религіи, одинаково чуждыя правительству, были предоставлены, въ продолженіе четырехъ сотъ лѣтъ, совершенно самимъ себѣ: какой же вышелъ итогъ?

Первый и самый важный итогъ былъ тотъ, что православные и католики стали отчуждены другъ отъ друга, такъ что они образовали въ полномъ смыслѣ два отдѣльныхъ народа. Тѣ сильно ошибаются, которые распространяютъ на Турецкихъ Славянъ идею народности, выработавшуюся между католическими и протестантскими Славянами, подвластными Нѣмецкимъ правительствамъ. Для Славянъ Турецкихъ народность, если можно такъ выразиться, не въ народности, а въ религіи. Правда, самый простой Сербъ умѣетъ отличить себя отъ Грека и Болгарина; но то чувство, которымъ онъ самъ проникнутъ, и которое дѣлаетъ его членомъ человѣческаго общества, есть не чувство народное, а религіозное: по тому, исповѣдуетъ ли онъ православную, католическую, или магометанскую вѣру, онъ себя

считаетъ членомъ Православнаго, Латинскаго или Турецкаго *народа*; тождество языка, происхожденія, обычаевъ ничего не значитъ передъ различіемъ вѣроисповѣданія. Я не выражаю предположенія: поговорите съ кѣмъ угодно изъ Турецкихъ Сербовъ, не только съ простолюдиномъ, но и съ человѣкомъ образованнымъ, и вы тотчасъ въ этомъ убѣдитесь: православные смотрятъ на Латиновъ, и Латины на православныхъ, какъ на два отдѣльныя общества, не только религіозныя, но и гражданскія, народныя. Спросите у любаго Босняка, Серба, или Герцеговинца, къ какому онъ принадлежитъ народу, и онъ отвѣтитъ вамъ, какого онъ вѣроисповѣданія.

Великое достоинство Православной Церкви въ Сербскихъ земляхъ было то, что она умѣла совоплотиться съ народностью, тогда какъ католичество и магометанство, каждое съ своей стороны, уничтожало народность. Сербъ значитъ православный, и православный для простаго народа значитъ Сербъ. — «Есте ли ви Србинъ», — спрашивали меня безпрестанно, во время моего путешествія, и магометане и православные, которые однако знали, что я «Московъ», да притомъ, при первомъ словѣ, произнесенномъ мною, могли замѣтить, что я иностранецъ; но они спрашивали не о народности, а о религіи. — «Я се чудимъ (я дивлюсь)», — говорилъ мнѣ одинъ Боснійскій *бегъ* [1]), магометанинъ, по имени Мохарремъ Ситница, — «я се чудимъ, да е вашъ Царъ помого Нѣмцу на Мадяра: вашъ Царъ е *Србинъ* [2]), а Нѣмацъ е Шокацъ (Шокацъ — прозвище, которое даютъ въ Босніи католикамъ)» — «У насъ нѣтъ ни одного Серба,» — говорили мнѣ въ Яйцѣ: — «мы всѣ Латины.» Если въ сознаніи магометанъ и католиковъ понятіе о Сербской народности до такой степени отождествилось съ понятіемъ о православномъ исповѣданіи, то тѣмъ болѣе отождествились эти двѣ идеи въ

---

1) *Бегами* называютъ помѣщиковъ-магометанъ, потомковъ знатныхъ родовъ.
2) Т. е., православный.

сознаніи самого православнаго Сербскаго народа. Для православнаго Серба онѣ составляютъ одно недѣлимое цѣлое: отказаться отъ своей вѣры, значило бы для него отказаться отъ всего своего народнаго бытія.

Принимая магометанство, люди Сербскаго племени становились въ ряды чужаго завоевательнаго народа; принимая католицизмъ, они впадали въ совершенную безнародность. О первыхъ здѣсь не стану говорить; но я взялся характеризовать послѣднихъ сравнительно съ православными. Православный Сербъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, въ Босніи, Герцеговинѣ, Далмаціи, Венгріи, Сербскомъ княжествѣ, имѣетъ, кромѣ Церкви, одно великое отечество, Сербскую землю, правда, раздѣленную между многими правительствами, но все-таки существующую идеально, какъ земля одного православнаго Сербскаго народа. Онъ имѣетъ свое живое преданіе: знаетъ про Сербскаго святителя Саву, про Сербскаго царя Душана, про Сербскаго мученика Лазаря, про Сербскаго витязя Марка Королевича; его настоящая жизнь связана съ народною почвою и съ прежнею историческою жизнію народа. Сербъ-католикъ отвергаетъ все Сербское, какъ православное, и не знаетъ Сербскаго отечества, Сербской старины. У него есть только тѣсная провинціальная родина: онъ называетъ себя Боснякомъ, Герцеговинцемъ, Далматинцемъ, Славонцемъ, смотря по области, гдѣ родился; онъ называетъ свой языкъ не Сербскимъ языкомъ, а Босанскимъ, Далматинскимъ, Славонскимъ и т. п.; если же онъ хочетъ обобщить понятіе объ этомъ языкѣ, который одинъ и тотъ же въ Босніи, Далмаціи и Славоніи, то онъ называетъ его *нашкимъ* языкомъ; онъ спрашиваетъ, напримѣръ, у иностранца: «умиете ли ви нашки» (умѣете ли вы говорить по-нашему)? Но что это за «нашинскій» языкъ, — онъ не можетъ сказать; онъ не умѣетъ назвать этого языка его именемъ, потому что у него самого нѣтъ общаго отечества, общаго народнаго имени. Кромѣ своей тѣсной области, у него только одно отечество — Римско-Като-

лическая Церковь; отъ того Сербъ-католикъ называетъ себя обыкновенно *Криштяниномъ*, точно также какъ православный называетъ себя *Риштяниномъ*: оба имени суть одно и то же слово *христіанинъ*, различно произнесенное.

Съ этимъ вселенскимъ отечествомъ Серба-католика связываетъ духовенство, іерархія, которая, по самому устройству Западной Церкви, имѣетъ на него гораздо большее вліяніе, нежели какое имѣетъ православная іерархія на свою паству. Православное духовенство Боснійское состоитъ изъ мірскихъ священниковъ и немногихъ монаховъ, которые по одичалости страны не могутъ имѣть образованія, и изъ Греческихъ владыкъ, присылаемыхъ изъ Константинополя, которые обыкновенно не знаютъ ни слова по-Сербски и заботятся преимущественно о поступленіи къ нимъ *мирій* и *парусій* (подати, взымаемыя ими съ приходскихъ священниковъ и съ народа). При такомъ состояніи духовенства, оно, а въ особенности высшая часть его, не составляетъ истинной опоры для Церкви; и Православная Церковь удержалась въ продолженіе 400 лѣтъ между Сербами въ Турціи, и будетъ еще держаться, только своею внутреннею силою и своимъ союзомъ съ народностью: это сила неодолимая. Латинское духовенство стоитъ несравненно выше: приходскіе священники (всѣ они члены Францисканскаго монашескаго ордена) — люди, окончившіе курсъ въ Австрійскихъ и Итальянскихъ семинаріяхъ и, стало быть, до нѣкоторой степени образованные; епископъ, преосвящ. г. Маріанъ Шуничь, своею ученостью и своимъ нравственнымъ достоинствомъ, былъ бы украшеніемъ духовенства въ любой сторонѣ. Единственный важный упрекъ, который можно сдѣлать Римско-католическому духовенству въ Босніи, есть тотъ, что оно, въ слѣдствіе своей безбрачности, часто вноситъ соблазнъ въ народъ и способствуетъ къ нарушенію семейнаго союза, который, какъ замѣчаютъ, менѣе крѣпокъ у Босняковъ-католиковъ, чѣмъ у православныхъ. Но это образованное и ревностное къ своей Церкви ду-

ховенство держитъ народъ подъ опекою; народъ не понимаетъ языка Церкви и вѣритъ «фратру», какъ авторитету непогрѣшимому. Тѣ немногіе Францисканцы, которые въ послѣднее время пытались сдѣлать религію болѣе доступною простолюдину и ратовали за развитіе въ ней народной Славянской стихіи, сдѣлались жертвою недоброжелательства своихъ собратій и Римской пропаганды, отъ которой зависитъ Боснійская католическая епархія. Что же? Католическій народъ въ Босніи имѣетъ гораздо лучшую церковную *дисциплину*., чѣмъ православный (*дисциплина* есть слово принятое): онъ исправнѣе ходитъ въ церковь, исполняетъ всѣ обряды, во всемъ руководствуется совѣтами «фратра», и стóитъ «фратру» сказать слово, чтобы весь приходъ явился, до послѣдняго человѣка, выслушать его приказанія. Но поселяне-католики, — и въ этомъ я передаю вамъ свидѣтельство людей, знающихъ край, между прочими, Турецкихъ [1]) *беговъ*, которые имѣютъ христіанскихъ *кметовъ* обоихъ вѣроисповѣданіі и которые одинаково равнодушны и безпристрастны къ обѣимъ сторонамъ, — поселяне-католики гораздо менѣе развиты умственно, нежели православные, менѣе расторопны и предпріимчивы, менѣе дорожатъ своею вѣрою и отказываются отъ нея гораздо легче, чѣмъ православные. Оттого-то Славянское магометанство въ Босніи возросло, какъ я сказалъ, преимущественно на прежней католической почвѣ. Оттого мусульмане менѣе боятся своихъ католическихъ *раій* и болѣе презираютъ ихъ, чѣмъ православныхъ, хотя, собственно, могутъ позволять себѣ противъ послѣднихъ гораздо больше, чѣмъ противъ первыхъ. Окончу это сравненіе общимъ выводомъ: Католицизмъ у Боснійскихъ Славянъ держится преимущественно на духовенствѣ, которое, по состоянію страны, весьма образовано, а для народа онъ есть внѣшній авторитетъ, отрывающій его отъ общаго Сербскаго отечества и подавляющій

1) Т. е. мусульманскихъ, но все-таки Славянскихъ.

его личное развитіе; Православная Церковь опирается единственно на самомъ народѣ, составляетъ для него основу народной жизни и главную связь съ его Сербскимъ отечествомъ, и болѣе благопріятствуютъ его умственной дѣятельности.

Простите: я чрезмѣрно удалился отъ своего маршрута. Доѣхалъ я съ вами, мой благосклонный читатель, помнится, до Сѣницкаго поля, гдѣ половина жителей Арнауты-мусульмане, а другая половина православные Сербы. Въ небольшомъ оврагѣ стоитъ село Лопижи; въ 1½ часа ѣзды оттуда, въ другомъ углубленіи, — городъ Сѣница. Село Лопижи, состоящее изъ 30 православныхъ дворовъ, которые заплатили въ прошломъ году 47,000 піастровъ (2,350 р. сер.) казенныхъ податей, замѣчательно своею новою церковью. Она не велика, но хорошо выстроена изъ твердаго бѣлаго камня; внутри еще не отдѣлана, хотя уже служатъ въ ней. Деревяпная перегородка еще ждетъ образовъ, чтобы оправдать свое названіе иконостаса; пока налѣплены на ней кое-какія ксилографіи Греческаго издѣлія, родныя сестры нашихъ лубочныхъ картинъ. Церковь эта, при всей своей бѣдности, я думаю, угоднѣе Богу, чѣмъ многіе великолѣпные храмы. Въ Сѣницѣ нѣтъ православныхъ горожанъ; во всей Сѣницкой нахіи нѣтъ ни одного православнаго, имѣющаго какой бы то ни было капиталъ. Весь христіанскій народъ состоитъ тутъ изъ кметовъ, которые, когда удовлетворятъ агу и казенныхъ сборщиковъ всѣхъ наименованій, рады, если останется у нихъ кусокъ хлѣба на зиму. Эти-то поселяне отдавали свой послѣдній трудовой грошъ на постройку церкви; изъ этихъ денегъ платили каменщикамъ и другимъ мастеровымъ; а камень и дерево добывалъ и привозилъ даромъ самъ народъ. Къ счастію, былъ человѣкъ, который умѣлъ побудить народъ къ этому дѣлу и руководствовать имъ. Во всей Босніи вы не найдете духовнаго лица, болѣе любимаго и уважаемаго, какъ Сѣницкій попъ [1]) Илія. Въ краѣ,

1) Слово попъ не имѣетъ никакого презрительнаго оттѣнка въ Босніи; слово

гдѣ вмѣстѣ съ Албанскимъ населеніемъ, начинается господство кулачнаго права, Илья не пренебрегаетъ удальствомъ *юнака*: въ своей красной фескѣ, съ пистолетами за поясомъ и съ бритой бородой, онъ мало своею наружностью напоминаетъ священника; онъ хранитъ въ своей церкви епитрахиль, который на немъ прострѣлили пулею, когда онъ однажды вѣнчалъ за православнаго дѣвушку, которую хотѣли оттягать мусульмане. Наука его не простирается далѣе Славянской грамоты; но народъ ему преданъ такъ, что его слово законъ. И вліяніе свое онъ употребилъ на то, чтобы поощрить народъ къ постройкѣ церкви и къ учрежденію училища: этому дѣлу онъ самъ помогъ, на сколько могъ, своими средствами. Какой рѣдкій и возвышенный примѣръ представляютъ намъ эти бѣдные, безграмотные Сѣницкіе поселяне, которые, вмѣстѣ съ своимъ умнымъ священникомъ-самоучкою, жертвуютъ изъ своего скуднаго достатка, чтобы нанимать учителя изъ Сербіи.

Городъ Сѣница ужасно дрянной. Середину его занимаетъ старая крѣпостца, съ развалившимися стѣнами и башнями. Въ немъ только 4 христіанскихъ дома, а до 300 мусульманскихъ. Мусульмане-Арнауты всѣ говорятъ по-Сербски, и многіе, можетъ быть, уже и забыли Албанскій языкъ. Когда мы проѣзжали черезъ Сѣницу, былъ торгъ. Толпа имѣла совсѣмъ другой видъ, чѣмъ толпа Босняковъ. Лица смуглыя, орлиные носы, черные волосы и черные суровые глаза. Съ платьемъ Босняковъ-мусульманъ (широкими, обыкновенно красными, шароварами и куртками съ висячими разрѣзными рукавами) мѣшалось много сѣверно-албанскихъ костюмовъ, узкихъ панталоновъ и такихъ же узкихъ длиннополыхъ кафтановъ съ цѣльными рукавами, скроенныхъ изъ неизмѣннаго сѣро-желтоватаго сукна съ черными узорами по швамъ; люди побогаче щего-

---

священникъ тамъ почти не употребляется. Сами іереи себя называютъ, напримѣръ, «попъ Стево, попъ Іовинъ синъ (Іово значитъ Иванъ) и попъ Лазинъ (Лазаревъ) братъ».

яли въ южно-албанскихъ фустанеллахъ, т. е. бѣлыхъ юбкахъ со складками, нѣсколько разъ обвитыхъ вокругъ таліи; къ фустанеллѣ принадлежитъ опять куртка, съ разрѣзными рукавами, и широкій поясъ, шитый, если состояніе позволяетъ, серебромъ или золотомъ, и держащій цѣлый арсеналъ пистолетовъ, кинжаловъ и ножей. При фустанеллѣ носятъ обыкновенный красный фесъ съ синею кистью, при сѣверно-албанской одеждѣ — маленькую красную шапочку безъ кисти. Съ непривычки, было какое-то непріятное ощущеніе видѣть себя окруженнымъ этими Албанцами: у нихъ есть что-то дикое и злое въ глазахъ и въ выраженіи, чего не видно въ добродушномъ по природѣ Боснякѣ-мусульманинѣ, даже когда онъ силится выказать самое грубое отвращеніе къ *каурину* [1]). Замѣчательно, что Албанцы, сколько я ихъ видѣлъ, всѣ, безъ исключенія, гораздо меньше ростомъ, худощавѣе и жилистѣе Славянъ. Мудиръ Сѣницкій, противъ обыкновенія своихъ собратій, показался весьма непредупредительнымъ. Я велѣлъ просить его прислать мнѣ въ ханъ вьючныхъ лошадей; онъ этого не сдѣлалъ, и я долженъ былъ искать лошадей безъ его помощи. «Что же дѣлать мудиръ?» — спросилъ я у одного мусульманина. — «*Э, сѣди и глоби свѣтъ*», — былъ его простодушный отвѣтъ: — «сидитъ и обираетъ народъ».

Отъ Сѣницы плоская возвышенность тянется еще на четыре часа ѣзды. На дорогѣ тутъ стоитъ ханъ, какого я не видалъ отъ Сараева: ханъ каменный, крытый черепицею. Издалека я думалъ, что подъѣзжаю къ европейской гостинницѣ. Но внутреннимъ устройствомъ это великолѣпное зданіе нисколько не отличается отъ обыкновенныхъ хановъ; только онъ почище, и путешественнику служатъ лучше и расторопнѣе, потому что содержатель — христіанинъ.

Плоская возвышенность ограничена съ юга высокимъ хреб-

---

1) Т. е. гяуру, невѣрному.

томъ Голіею и потомъ Пештеромъ, съ сѣвера хребтомъ Дилевою. Къ востоку она оканчивается длиннымъ спускомъ, который, по своей крутизнѣ, называется Стрмацъ (*стрми* — стремительный, крутой). Отсюда вы ѣдете почти шесть часовъ по узкой долинѣ рѣчки Людски, между горами. Людска впадаетъ въ другую рѣчку, Рашку, носившую прежде славное въ Сербской исторіи имя Раси (въ именит. падежѣ Рась). У Рашки горы раздвигаются, и предъ вами въ долинѣ является большой городъ, Новый-Пазаръ.

X.

Новый-Пазаръ. Юрьевы Столпы. Сопочане.

Положеніе Новаго-Пазара весьма красиво. Со всѣхъ сторонъ видны живописныя очертанія высокихъ мрачныхъ горъ и свѣтлыхъ, хорошо воздѣланныхъ холмовъ, а долина, въ которой построенъ городъ, позволила ему просторно раскинуться по обоимъ берегамъ Рашки. Улицы довольно широки и прямы, но имѣютъ самый печальный видъ. Въ Новомъ-Пазарѣ нѣтъ уже выбѣленныхъ домовъ Боснійскихъ съ ихъ деревянными крышами, нѣтъ каменныхъ, сѣрыхъ или бѣлыхъ, домовъ Герцеговинскихъ; Новый-Пазаръ, какъ другіе города Старой Сербіи, весь состоитъ изъ глины, которая безсовѣстно выставляетъ на показъ свой непривлекательный цвѣтъ. Стѣны изъ нежженнаго кирпича, обмазанныя глиною, длинныя глиняныя ограды вмѣсто заборовъ. Надъ сѣро-желтою полосою стѣнъ простирается красно-коричневая полоса черепичныхъ крышъ: самое отвратительное сочетаніе красокъ, какое рука человѣческая могла приготовить для человѣческаго глаза. Дома малень-

кіе, низенькіе, заборы безконечные и, какъ кажется, вокругъ пустырей или огородовъ; ибо деревьевъ, садовъ видно очень мало. Прибавьте къ этому, что всѣ дома (за исключеніемъ весьма немногихъ новыхъ) выстроены по всѣмъ правиламъ мусульманской строгости: ни одного окна на улицу, ни малѣйшаго отверзтія, чрезъ которое нескромный глазъ проходящаго могъ бы проникнуть въ семейное святилище. Окна всѣ обращены на дворъ, который закрытъ, какъ я сказалъ, высокою стѣною и вѣчно запертыми воротами. Вы можете ѣхать такимъ образомъ по улицѣ въ версту длиною между двумя рядами глухихъ стѣнъ и не встрѣтить ни одного окошка. Не видавши, нельзя себѣ представить, какое тяжелое впечатлѣніе это производитъ. И чѣмъ дальше вы подвигаетесь отъ Новаго-Пазара на югъ, въ глубь Албанской стихіи, тѣмъ сильнѣе является вамъ эта законопаченность домовъ, — непремѣнный признакъ дикости и фанатизма. Въ Новомъ-Пазарѣ есть по крайней мѣрѣ одна или двѣ улицы, близъ чаршіи (гостиннаго двора), съ новыми домами, которые снабжены наружными окнами; въ Печи ихъ почти нѣтъ; въ Дьяковицѣ я видѣлъ наружныя окна только въ одномъ домѣ, гдѣ живетъ мудиръ.

При всей своей обширности, Новый-Пазаръ заключаетъ въ себѣ только 1,500 Мусульманскихъ и 100 Христіанскихъ домовъ, т. е. примѣрно около 12,000 жителей. Христіанъ въ немъ было прежде гораздо больше, но они большею частію ушли въ Сербію, когда Кара-Георгій занялъ Новый-Пазаръ и потомъ принужденъ былъ оставить его. Многіе также переселились въ Сербію въ послѣдніе годы, потому что положеніе ихъ въ Новомъ-Пазарѣ черезъ-чуръ тяжело. Ихъ обираютъ немилосердно. Каждый почти годъ возвышаютъ подать, которую должна платить Христіанская община, не переставая вычислять ее по старому счету домовъ (т. е. семействъ), хотя наличное число жителей съ тѣхъ поръ уменьшилось чуть ли не на половину. Трудно бы было притомъ найти въ Босніи болѣе

корыстолюбиваго и безчеловѣчнаго правителя, чѣмъ тотъ, который начальствовалъ надъ Ново-Пазарскою областью въ послѣднее время: впрочемъ, когда я проѣзжалъ, онъ уже готовился покинуть страну, которую, какъ онъ мнѣ разсказывалъ, удалось ему осчастливить. Этотъ Юсуфъ-бей (если не ошибаюсь, родомъ изъ Египта) — маленькій человѣчекъ съ быстренькими глазками, съ круглымъ лицомъ и коротко подстриженною сѣдѣющею бородкою. Онъ оказывалъ такое же пристрастіе къ деньгамъ, какое къ *ракіи* [1]). Онъ пробылъ въ Новомъ-Пазарѣ, кажется, пять лѣтъ и не узналъ ни одного слова по-Сербски.

Въ какомъ угодно описаніи Турціи вы найдете разсужденіе о стратегическомъ значеніи Новаго-Пазара. Стоитъ взглянуть на карту, чтобы убѣдиться въ его важности въ этомъ отношеніи. Новый-Пазаръ находится на единственной дорогѣ, соединяющей Боснію и Герцеговину съ остальною Турціею; онъ стоитъ среди узкой полосы, которая отдѣляетъ Сербію отъ Черной Горы: между ними тутъ только нѣсколько часовъ пути. Новый-Пазаръ есть въ рукахъ Турціи тотъ ключъ, который ей отворяетъ ея сѣверозападныя Славянскія области, и которымъ она запираетъ дверь между Сербскими княжествами, независимымъ и полунезависимымъ. Но, чтобы понять важность Новаго-Пазара, надобно посмотрѣть на карту. Ничего въ самомъ городѣ не напоминаетъ этого. Всѣ военныя средства, какими онъ снабженъ, заключаются въ старинной крѣпостцѣ Турецкой постройки, съ засыпаннымъ рвомъ, съ развалившеюся стѣною и съ нѣсколькими пушками самаго невиннаго характера: невиннаго, потому что онѣ могутъ стрѣлять только холостыми зарядами въ рамазанъ; оттого народъ и называетъ ихъ рамазанскими пушками, *рамазански топове.* Страшнѣе пушекъ пистолеты и кинжалы, неотъемлемая принадлежность туалета каждаго Албанца: они нерѣдко употребляются въ дѣло. Впро-

---

1) Водкѣ.

чемъ, Новый-Пазаръ самый мирный городъ; живой торговой дѣятельности въ немъ нельзя ожидать, при такомъ ограниченномъ числѣ и угнетеніи Христіанъ; но все-таки черезъ него идутъ всѣ сношенія Босніи съ югомъ, и потому его жители, добрые Мусульмане, не всегда могутъ предаваться полному кейфу.

Новый Пазаръ, какъ показываетъ имя, городъ новый. Но мѣстность, въ которой онъ стоитъ, есть одна изъ самыхъ древнихъ историческихъ мѣстностей въ Сербской землѣ. Мѣстность эта называлась Расью. Это имя принадлежало собственно рѣчкѣ, которая протекаетъ чрезъ Новый-Пазаръ. Рась есть то же самое слово, произнесенное на Сербскій ладъ, что Рось (собственно Рѫсь, въ родительномъ падежѣ Рси), знаменитое въ древней Русской исторіи имя рѣки въ Малороссіи. Отъ Раси получила свое названіе вся окрестная страна (Рась, Рася или Рашка земля), которая, вмѣстѣ съ Зетою [1]), была колыбелью Сербской державы. Византійскія лѣтописи упоминаютъ объ Раси уже въ IX вѣкѣ. Сербскіе государи носили титулъ королей Сербскихъ и Рашскихъ земель. У западныхъ народовъ, Итальянцевъ и Венгерцевъ, Сербія была извѣстна преимущественно подъ именемъ Рассіи или Расціи, Rassia, Rascia; Сербовъ называли Rasciani, и и до сихъ поръ Мадьяръ не знаетъ Серба подъ другимъ именемъ, какъ *Рацъ;* иногда только онъ прибавляетъ къ этому имени, въ видѣ комплимента, слово *вадъ* и называетъ его Вадъ-Рацъ, т. е. дикій Рацъ. Странная игра случая, что два народа, родные братья, получили имена, которыя различаются только однимъ оттѣнкомъ гласной: Рась, Русь, Рассія, Россія; но какъ различно прозвучали эти два имени въ исторіи!

Въ самомъ Новомъ-Пазарѣ нечего искать старины. Единственная древность его есть крѣпостца, уже описанная мною. Но въ верстѣ отъ города находится маленькая церковь, ко-

---

1) Зетою называется рѣка, текущая чрезъ Черногорію въ Скутарское озеро, и прилегающій къ ней край Черногоріи и Албаніи.

торая имѣетъ свои заслуги передъ исторіею. Это есть та церковь Св. Апостолъ Петра и Павла, въ которомъ Великій Жупанъ Стефанъ Неманя, крещенный въ младенчествѣ Римскимъ священникомъ, 40-ка лѣтъ отъ роду, въ 1143 году, принялъ новое крещеніе въ Православную вѣру изъ рукъ Рашскаго епископа Леонтія и тѣмъ положилъ начало новой эпохѣ въ жизни Сербскаго народа, и рѣшилъ всю его будущую судьбу. И нынѣ исторія еще не исчерпала послѣдствій этого шага, сдѣланнаго Неманею. Замѣчательно, что Сербы считаютъ, такъ сказать, свое историческое существованіе только со дня крещенія Немани въ Рашской церкви Св. Петра и Павла; вся прежняя, пятисотлѣтняя, не бездѣятельная и не безславная исторія ихъ сдѣлалась до такой степени чужда имъ, что во всѣхъ ихъ старинныхъ лѣтописяхъ и сказаніяхъ не говорится объ ней ни слова. Эти лѣтописи и сказанія начинаются всѣ съ Великаго Немани, называя его внукомъ сестры Равноапостольнаго царя Константина. Между Константиномъ Великимъ, который умеръ въ 337 году, и Неманею, который родился въ 1103, лѣтописцы Сербскіе помѣщаютъ два поколѣнія! Этотъ безсмысленный анахронизмъ, который сдѣлался общимъ достояніемъ всѣхъ Сербскихъ лѣтописей, имѣетъ однако свое значеніе; онъ самъ есть, можно сказать, выраженіе историческаго факта: именно, онъ значитъ то, что весь долговременный періодъ, прожитый Сербами отъ паденія Римской имперіи и до крещенія Немани, весь этотъ періодъ, въ которомъ они подчинены были Римской церкви, исчезъ въ сознаніи народа, какъ нѣчто не существовавшее для него. Такъ велико было значеніе вѣры для этого народа!

Мысли эти невольно пришли мнѣ въ голову при видѣ Ново-Пазарской церкви, которая до сихъ поръ носитъ титулъ «Митрополіи Свято-Рашской». Церковь эта низка, темна и имѣетъ самый старинный видъ, хотя ее перекрыли и обновили въ 1728 году. Надъ алтаремъ стоитъ низкая, тяжелая башня безъ

купола; правая [1]) сторона церкви значительно шире лѣвой; по приблизительному измѣренію, длина зданія 19 шаговъ; ширина 20; оконъ нѣтъ, а только продѣлано нѣсколько длинныхъ, чрезвычайно узкихъ отверзтій, въ родѣ ружейныхъ бойницъ, такъ что внутри совершенно темно. Старинныхъ книгъ въ церкви не осталось; образа подновлены. Но на престольномъ Евангеліи (Русской печати) сдѣлана надпись, въ родѣ тѣхъ замѣтокъ о мѣстныхъ происшествіяхъ, какія мы привыкли находить на древнихъ рукописяхъ. Надпись гласитъ, что 1853 года, Марта 3 дня, Турки разбили ворота церкви, похитили изъ нея это Евангеліе, кадильницу, кандило и 2 епитрахиля и закопали у дороги, ведущей въ село Прлину, и что одинъ пастухъ замѣтилъ случайно край епитрахиля, торчавшій изъ земли, отрылъ священныя вещи и возвратилъ въ церковь. Имена мусульманъ, совершившихъ святотатство, извѣстны; но, разумѣется, каймакамъ Юсуфъ-бегъ не тронулъ ихъ пальцемъ.

Въ небольшомъ разстояніи отъ церкви Св. Петра и Павла возвышается гора, увѣнчанная большимъ зданіемъ. Зданіе это — монастырь Св. Георгія «о двухъ столпахъ», построенный Стефаномъ Неманею по обѣту, данному имъ, когда онъ посаженъ былъ своими братьями въ заключеніе, «въ пещеру каменну». Народъ называетъ этотъ монастырь «Юрьевыми Столпами» [2]) и, показывая подъ церковью родъ подвала или пещеры, утверждаетъ, что въ этомъ самомъ мѣстѣ святой родоначальникъ Сербскихъ государей сидѣлъ узникомъ. Издали церковь и колокольня кажутся цѣлыми, такъ хорошо сохранились общія очертанія строенія; но когда подойдете, вы увидите обвалившіяся крыши, кусты, выросшіе въ углахъ стѣнъ, исцарапанныя иконы съ выскобленными глазами. Церковь гораздо просторнѣе и свѣтлѣе, чѣмъ храмъ Св. Петра и Павла; видно, что

1) Стоя лицомъ къ алтарю.

2) Ђурђеви стубови

Сербская архитектура при Неманѣ стала легче и свободнѣе прежней. Передъ церковью стоитъ колокольня, довольно высокая четвероугольная башня; подъ нею входятъ въ церковь. Храмъ построенъ крестообразно [1]), съ двумя внутренними стѣнами: въ первой сдѣлана для прохода арка, вторая служила иконостасомъ. Это общая архитектура старинныхъ Сербскихъ церквей. Колоннъ нѣтъ: онѣ являются только въ постройкахъ позднѣйшаго времени (кажется, только съ XIV вѣка, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ Сербскихъ церквахъ, какія я видѣлъ). Вся внутренность церкви покрыта съ верху до низу стѣнною живописью. Я не знатокъ живописи и не изучалъ ея исторіи; но мнѣ Сербская стѣнная живопись временъ Неманичей показалась очень хорошею и занимательною; я не думаю, чтобы она уступала современной ей живописи у какого бы то ни было народа. Кромѣ образовъ, въ которыхъ удерживался всегда, болѣе или менѣе, условный Византійскій типъ, можно видѣть въ Сербскихъ церквахъ этого времени настоящія историческія картины, гдѣ художество проявляется гораздо свободнѣе. Къ несчастію, изображенія, помѣщенныя на нижней части стѣнъ, всѣ пострадали ужасно отъ варварства Турокъ, которые скоблили ихъ ножами и выковыривали глаза гвоздемъ; а тѣ, которыя помѣщены высоко, почти недоступны были моему зрѣнію; да и тѣ нерѣдко служили мишенью Турецкимъ ружьямъ и пистолетамъ. Но во всякомъ случаѣ, знатокъ живописи, вооруженный средствами, нужными для такого изученія, нашелъ бы въ этихъ церквахъ обильный и непочатой источникъ для исторіи Славянскаго художества и наполнилъ бы свой альбомъ сокровищами въ «Юрьевыхъ Столпахъ», въ Сопочанахъ, въ Милешевой, въ Грачаницѣ, въ Печской Патріаршіи, въ Дечанахъ и другихъ *задушбинахъ* [2]) Неманичей.

1) Длина отъ двери до иконостаса 40 ступней, длина алтаря 12, ширина церкви 23 ступни.

2) Задушбиною называютъ Сербы церковь или монастырь, построенные по обѣту, *за душу*.

У входа въ «Юрьевы Столпы», на стѣнѣ подъ колокольнею, написаны, въ слѣдъ за образомъ Спасителя, изображенія Неманичей всѣ въ длинныхъ одеждахъ, украшенныхъ золотыми каймами съ драгоцѣнными камнями и съ сіяніемъ надъ головою. Рядъ этихъ изображеній продолжается и на наружной стѣнѣ церкви; надъ каждымъ обозначено имя. Я прочелъ тутъ:

СТЫ СИМЕОНЬ [1]) **НЕМАНЮ ГНЬ** (господинъ) **ВЬСѢХЬ СРЬБЬСКХЬ ЗЕМЛЬ.**

СТЕФАНЬ ПРЬВОВѢНЧАНЫ КРААЛЬ СРБСКЫ СИМНЬ МОНА (Симонъ монахъ, т. е. въ монашествѣ Симонъ).

СТЕФАНЬ КРАЛЬ ОУРОШЬ СИМЕОНЬ МОНАХЬ.

ЮЛѢНА ВЕЛИКА КРАЛИЦА.

СТЕФАНЬ КРАЛЬ СНЬ СТАГО И ВЕЛИКАГО КРАЛЮ ОУРОША И ХТИТОРЬ СТАГО ХРАМА СЕГО [2]) (держитъ въ рукѣ модель церкви).

КАТЕЛИНА КРАЛИЦА ДЬЩИ ВЕЛИКАГО КРАЛЮ ѴГЬРЬСКАГО СТЕФАНА (держитъ младенца на рукахъ).

СТЕФАНЬ ОУРОШЬ КРАЛЬ И СНЬ СТАГО ВЕЛИКАГО КРАЛЮ ОУРОША.

ЮЛѢНА КРАЛИЦА СРЬБЬСКА.

Надъ этими «портретами» находятся рядъ изображеній духовнаго содержанія: Тайная вечеря, Св. Пантелеймонъ, Св. Косьма и Даміанъ, Пророкъ Даніилъ и др. Внутри церкви, у входа, подлѣ того мѣста, гдѣ, какъ разсказываютъ, заключенъ былъ въ пещерѣ Неманя, нарисовано огромное изображеніе его избавителя, Св. Георгія на бѣломъ конѣ. Внутри церкви на стѣнахъ, кромѣ безчисленнаго множества образовъ, помѣщенъ

1) Стефанъ Неманя принялъ въ монашествѣ имя Симеона.

2) Иначе Драгутинъ (царствовалъ 1270 — 1274); онъ былъ обновителемъ, вторымъ ктиторомъ, этого монастыря, въ которомъ долго почивали его мощи. Изображеніе его сдѣлано было, безъ сомнѣнія, еще во время мірской жизни его, потому что его постриженическое имя, Ѳеоктистъ, не обозначено, какъ у его предшественниковъ, окончившихъ, какъ и онъ, свой вѣкъ въ монашествѣ.

ликъ самого Немани (Св. Симеона) и его сына Св. Савы, съ надписями: **С҃ТЫ СИМЕОНЬ НЕМАНꙖ И ХТИТОРЬ МѢСТА СЕГО С҃ТАГО; С҃ТЫ САВА СР҃ПКИ.** Послѣдній нарисованъ съ длинною русою бородою. Картины на потолкѣ церкви относятся, по увѣренію моихъ спутниковъ, къ дѣяніямъ Неманичей; къ сожалѣнію, я не могъ разглядѣть ихъ. Въ церкви, направо отъ воротъ, находилась гробница съ мощами короля Драгутина, въ монашествѣ Ѳеоктиста, обновителя «Юрьевыхъ Столповъ». Онѣ лежали невредимы долго послѣ запустѣнія монастыря, пока святотатственная рука какихъ-то Ново-Пазарскихъ христіанъ, по имени З针обичей, не похитила ихъ для распродажи по частямъ. Ново-Пазарцы съ ужасомъ разсказываютъ о карѣ, которая постигла совершителей этого богомерзкаго дѣла: не только сами похитители, но и весь многочисленный родъ Знобичей, погибли злою смертію, въ съумасшествіи или въ разныхъ ужасныхъ болѣзняхъ; недавно умеръ послѣдній потомокъ этого рода, жалко прожившій свой вѣкъ съ искривленными руками.

Я проѣхалъ Боснію отъ Сараева до Новаго-Пазара; прежде еще проѣхалъ я всю Герцеговину отъ Требинья до Мостара и Коньицы, и не видалъ ни одного слѣда старины и прежней славы Сербской. Оттого видъ этихъ почтенныхъ изображеній Немани и его потомковъ, ихъ имена, начертанныя на стѣнѣ рукою современнаго художника, эта старина, которая тутъ представлялась живьемъ моимъ глазамъ, произвели на меня необыкновенное впечатлѣніе. Я ступилъ наконецъ на историческую почву. Мой спутникъ, Ново-Пазарскій протоіерей Рако, еще усилилъ это впечатлѣніе. Онъ вывелъ меня изъ церкви и сказалъ мнѣ, показывая на широкую долину, которая видна была какъ на ладони съ горы, на которой мы стояли: «Посмотрите на это поле, которое простирается до горъ, по которымъ проведена Сербская граница: это Дежевское поле; вонъ тамъ, эти бѣленькіе домики, въ которыхъ теперь живутъ Турки, это

село Дежево: оно было прежде городомъ, и въ немъ любили пребывать Неманя и его потомки; дорога, которая ведетъ отъ этихъ домиковъ на сѣверъ, къ горѣ Соколовицѣ, называется до сихъ поръ Царска улица; тамъ былъ дворецъ царя Душана, и разбросанные тамъ камни свидѣтельствуютъ о старинныхъ зданіяхъ. Пойдите четверть часа вверхъ по Царской улицѣ, и вы встрѣтите село Судско, которое стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находилось судилище Сербскихъ царей. Всѣ эти мѣста теперь населены мусульманами».

Въ трехъ часахъ отъ Новаго Пазара находится развалина другой *задушбины* Неманичей, монастыря Сопочанскаго. Я поѣхалъ туда съ цѣлою кавалькадою: кромѣ обыкновеннаго моего конвоя и моего Ново-Пазарскаго чичероне, протопопа Рако, меня сопровождалъ каймакамовъ юзбаши (сотникъ) съ пятью или шестью тѣлохранителями. Сопочане лежатъ среди Арнаутскихъ селеній, и Юсуфъ-бегъ счелъ нужнымъ окружить мою особу пистолетами и ружьями своихъ служителей: вы видите, какова безопасность въ самыхъ близкихъ окрестностяхъ такого значительнаго города, какъ Новый Пазаръ. Дорога въ Сопочаны весьма красива: она проходитъ по узкому ущелью рѣчки Рашки; у самыхъ источниковъ Рашки стоитъ древній монастырь. Историческія воспоминанія встрѣчаются на каждомъ шагу. У самаго Новаго-Пазара показали мнѣ мусульманское кладбище: тутъ стоитъ большой надгробный памятникъ (каменный столбъ, оканчивающійся на верху чалмою и съ высѣченною на немъ саблею): это памятникъ знаменитаго витязя и тирана стараго времени, «чернаго Арапа», котораго убилъ воспѣваемый въ народныхъ пѣсняхъ хайдукъ [1]) Груица Новаковичъ; недалеко отъ этого памятника, другая каменная чалма обозначаетъ гробъ другаго Арапа, тирана новаго времени, который походилъ на своего древняго собрата. Отличив-

1) Разбойникъ или, лучше сказать, нѣчто въ родѣ *outlaw* Англійскаго, въ первыя вѣка Норманскаго владычества.

шись въ войнѣ съ Мегеметъ-Али Египетскимъ, черный Ахметъ, необыкновенный силачъ и удалецъ, былъ назначенъ начальникомъ гарнизона въ Новомъ-Пазарѣ и взялъ въ немъ власть неограниченную: не слушался визиря Боснійскаго, захватилъ въ свои руки почту между Травникомъ и Стамбуломъ, самъ непосредственно сносился съ Портою, билъ и миловалъ, кого ему было угодно. Это наконецъ такъ надоѣло Боснійскому визирю, что онъ послалъ убить его: Ахметъ-бей палъ, пронзенный 42 пулями, въ 1843 году. При въѣздѣ изъ Ново-Пазарской долины въ ущелье, видны на горѣ развалины какого-то зданія. Здѣсь жилъ воевода Хрѣля (кажется, при царѣ Душанѣ), воспѣваемый въ пѣсняхъ подъ именемъ Рели изъ Пазара или Рели Крылатаго. Развалина до сихъ поръ называется Релиною кулою (т. е. башнею). Кусокъ крѣпкой толстой каменной стѣны уцѣлѣлъ еще; также стоятъ два обломка зданія изъ бѣлаго камня, которое, вѣроятно, было домашнею церковью Хрѣли; въ одномъ обломкѣ видна низкая дверь, другой своею круглою формою напоминаетъ алтарь. Въ одномъ мѣстѣ, на внутренней сторонѣ этой стѣны, которая, вѣроятно принадлежала церкви, хорошо сохранилась живопись; на свѣтло-желтомъ фонѣ сдѣланы продольными черными чертами клѣтки, и въ каждой клѣткѣ нарисована сѣроватою (т. е., первоначально, вѣроятно, голубою) краскою фигура, похожая на тѣ изображенія лилій, какія находятся на многихъ древнихъ Сербскихъ гербахъ. Народная пѣснь воспѣваетъ крылатаго Хрѣлю [1]); про его силу разсказываютъ чудеса. Далеко въ полѣ за Рашкою, которая протекаетъ подъ Хрѣлиною горою, показываютъ дерево: до этого дерева, говорятъ, Хрѣля добросилъ свою тяжелую палицу. Однажды ему пришла охота жениться; онъ нашелъ себѣ молодую, прекрасную дѣвушку. Два дня послѣ свадьбы онъ вышелъ на свою башню, показать свою силу гостямъ, бросилъ

---

2) См. Сборникъ Вука Караджича II, 227.

палицу и не добросилъ въ половину такъ далеко какъ прежде. «Погоди, сказали ему гости, смѣясь, поживешь еще съ женою, и палица твоя не долетитъ до Рашки.» Хрѣля не отвѣчалъ ничего; онъ сошелъ внизъ, взялъ свою жену въ охапку, взошелъ на башню и, размахнувшись, бросилъ «бабу» въ рѣку. Много еще преданій разсказали мнѣ, пока мы сидѣли на этихъ развалинахъ. Протопопъ Рако и мой тѣлохранитель, юзбаши, соревновали въ разсказахъ. Вдалекѣ виденъ былъ у дороги огромный камень. Камень этотъ откололи отъ скалы, и нѣсколько человѣкъ (люди были въ то время посильнѣе нашего) понесли его на постройку Хрѣлиной башни. Когда они дошли до Рашки, имъ издали закричали: «стой, башня готова!» и они тутъ бросили камень, котораго никто теперь не въ силахъ сдвинуть. Разсказали мнѣ про молодость Душана, и почему онъ убилъ своего отца, святаго короля Стефана: Стефанъ далъ ему княженіе въ Скадрѣ (Скутари); молодой князь случайно увидѣлъ дочь стараго воеводы Гребострека, который жилъ въ селѣ Зерзевѣ у Прилипа, и влюбился въ нее; они обвѣнчались въ Зерзевской церкви, которая, какъ говорятъ, существуетъ еще. Королева же, мачиха Душана, узнавъ объ этомъ, сказала въ себѣ: «вотъ сынъ мой хочетъ жениться; я буду ничто передъ его молодою женою, а пожалуй онъ захочетъ самъ царствовать,» и послала какого-то Француза Балдуина убить Душана. Молодые только что вышли изъ церкви и сидѣли на паперти, когда Балдуинъ, подъѣхавъ, пустилъ въ нихъ стрѣлу; но онъ не попалъ въ королевича, а въ его молодую жену, которая тутъ же испустила духъ. Не помня себя отъ гнѣва, Душанъ пошелъ на своего отца, ни о чемъ не знавшаго, свергнулъ его съ престола и убилъ. Разсказали мнѣ также замѣчательное преданіе о кончинѣ Марка Королевича. Непобѣдимый витязь ѣхалъ однажды преспокойно по дорогѣ и увидѣлъ въ полѣ мальчишку, который пасъ козъ и забавлялся какою-то странною игрушкою. «Что это у тебя за дудка въ рукѣ?» спросилъ Марко. «Это та-

кая дудка, къ которой не подходи близко: выстрѣлитъ и убьетъ!» «Вздоръ,» сказалъ Марко. «Коли не вѣришь, отвѣчалъ мальчишка, подставь руку и увидишь.» Марко протянулъ руку, пастушенокъ спустилъ курокъ пистолета и прострѣлилъ руку насквозь. «Горе, воскликнулъ старый витязь, погибло юначество (молодечество)!» поѣхалъ и пропалъ безъ вѣсти.

Спустившись съ Хрѣлиной горы, мы поѣхали вверхъ по Рашкѣ. Въ двухъ часахъ отъ Пазара мы встрѣтили мѣсто, гдѣ горы, разступившись, образуютъ небольшую, почти круглую долину, со всѣхъ сторонъ закрытую. Долина вся завалена остатками каменныхъ стѣнъ и обтесанными камнями, которые лежатъ разбросанные, то по одиночкѣ, то кучами. Очевидно, тутъ былъ нѣкогда большой городъ. Народъ называетъ этотъ городъ Пазарйщемъ, или Старымъ-Пазаромъ, и разсказываетъ, что онъ принадлежалъ Хрѣлѣ и давно, еще прежде Турецкаго владычества, разрушенъ былъ чудеснымъ образомъ. Рѣчка Рашка вдругъ остановилась въ ущельѣ Сутѣскѣ, у входа въ долину Пазарища, остановилась какъ стѣна, которая подымалась все выше и выше, и вдругъ, хлынувъ впередъ, смыла городъ съ лица земли. — Имя Пазарище, или Старый-Пазаръ, очевидно, позднѣйшее, замѣнившее въ Турецкую эпоху забытое первоначальное имя города. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что этотъ разрушенный городъ есть древняя Раса, о которой много говорится въ старинной исторіи Сербской.

У входа въ ущелье Сутѣску стоитъ у рѣчки одинокая скала. Ее называютъ «Дѣвоячки (т. е. дѣвушкинъ) Стоелацъ» и разсказываютъ, что одна дѣвушка, пастушка, всякій день пригоняла туда свое стадо, взбиралась на скалу и, сидя на верху ея, шила и распѣвала съ утра до ночи. Это поразило меня, какъ единственное, слышанное мною въ Сербскихъ земляхъ, преданіе, въ которомъ является свѣтлый женскій образъ.

Монастырь Сопочане выстроенъ на пригоркѣ среди довольно обширной долины, которая имѣетъ видъ котловины

среди мрачныхъ скалистыхъ горъ. Отъ Пазарища до Сопочанъ видны остатки старинной мощеной дороги. Въ четверти часа отъ монастыря, Рашка шумно вытекаетъ двумя источниками изъ скалистой горы Качель и образуетъ тутъ небольшіе водопады. Гора эта находится въ связи съ большимъ хребтомъ Пештеромъ, который отдѣляетъ Ново-Пазарскую нахію отъ Бихорской. По ту сторону Пештера находится рѣчка Уворъ, которая пропадаетъ въ землю у села Делимедьи и, какъ говорятъ, вытекаетъ съ другой стороны хребта подъ именемъ Рашки. Жители Делимедьи однажды закололи барана и пустили его въ яму, поглощающую Уворъ, и баранъ, дѣйствительно выплылъ въ Рашкѣ. Также, какъ другія мѣста въ этомъ краѣ, Пештеръ изобилуетъ воспоминаніями и развалинами старины. На главной вершинѣ его, имѣющей издали видъ чернаго конуса, стоятъ стѣны града (крѣпости) Елеча, извѣстнаго въ исторіи Неманичей; внизу, въ такъ называемой Елечъ-нахіи, находятся хорошо сохранившіяся развалины монастыря Св. Косьмы и Даміана; но всего любопытнѣе то, что на Пештерѣ одну развалину называютъ Троянемъ-градомъ. Около этого Троянярада народъ сосредоточилъ легенду о Св. Георгіи. Подъ *градомъ* находится маленькое озеро: изъ него выползала *аждаха* (драконъ) и поглощала дѣвицъ изъ всей окрестности, пока очередь дошла до дочери самого бана Троянскаго; тутъ прискакалъ Св. Георгій, убилъ *аждаху* и освободилъ дѣвушку. Затѣмъ онъ взялъ и потащилъ убитаго змѣя; онъ приволокъ его въ село Вучиничи (въ 5 часахъ отъ Трояня) и хотѣлъ закопать здѣсь чудовище, но жители испугались и закричали: «вуци дале, вуци дале» (волочи дальше), и оттого, говоритъ народъ, село это было прозвано Вучиничи (отъ *вучи*, влечь); святой витязь поволокъ дракона въ другое село, и началъ рыть яму, какъ вдругъ чудовище сдѣлало движеніе хвостомъ: «ай, ай!» завопила глазѣющая толпа, — «оживетъ, оживетъ!» и оттого-то село донынѣ прозывается Живаловичи. Но змѣй не

ожилъ, и былъ тутъ зарытъ въ землю. Всякій годъ, въ Юрьевъ день, Арнауты-мусульмане изъ всего околотка и многіе Сербы христіане, приходятъ на озеро подъ Троянемъ-градомъ принести жертву Св. Георгію: они рѣжутъ барана, льютъ его кровь въ озеро, потомъ ѣдятъ барана и веселятся.

Всѣ эти преданія и разсказы отвлекли меня отъ описанія Сопочанъ, о которыхъ я хотѣлъ поговорить подробно, потому что это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древней Сербіи.

Планъ церкви совершенно похожъ на планъ Юрьевыхъ Столповъ, только зданіе гораздо больше, выше и великолѣпнѣе. Оно сохранилось очень хорошо, даже куполъ, кромѣ верхней крыши, остался невредимъ; колокольня также почти цѣла. Было бы очень легко возобновить этотъ прекрасный храмъ, но когда это будетъ? Вокругъ Сопочанъ живутъ дикіе магометане Арнауты, а христіанъ тамъ весьма мало. Мѣсто это самое глухое, вдали отъ дорогъ, такъ что даже изъ Ново-Пазарскихъ христіанъ мало кто видѣлъ Сопочане. Но этому удаленію, можетъ быть, памятникъ обязанъ своею относительною цѣлостью.—Длина церкви 80 ступней; построенная крестообразно, она, также какъ Юрьевы Столпы, раздѣлена двумя поперечными стѣнами; входъ съ запада, подъ колокольнею. Окна небольшія, обложенныя мраморомъ, той же примѣрно формы, какъ окна въ Кремлевскомъ дворцѣ. Двери тоже обложены мраморомъ. Наружная дверь, также какъ и арка въ первой поперечной стѣнѣ церкви, не велика; царскія двери во второй стѣнѣ, отгораживающей алтарь, гораздо больше. Всѣ внутреннія стѣны церкви и нижняя часть наружной западной стѣны покрыты живописью. На наружной стѣнѣ колокольни, обращенной къ церкви, надъ сводомъ, подъ которымъ проходили въ церковь, есть одна замѣчательная картина, изображающая работниковъ, строящихъ храмъ: одни тешутъ камень, другіе мѣсятъ известь, третьи носятъ воду; надъ однимъ человѣкомъ, который стоитъ

и, по видимому, управляетъ работою, написано **ВАСТА** (это, вѣрно, имя архитектора); въ другомъ мѣстѣ картины надпись **АГОНИСАТЄ**. Картина эта стоитъ быть списанною; она представила бы намъ костюмъ Сербскаго простонародья въ XIII вѣкѣ; сколько я могъ разглядѣть, въ этомъ костюмѣ преобладаетъ длинная рубаха съ узкими шароварами (тогда какъ теперь Сербы носятъ преимущественно куртки и широкіе шаровары, на манеръ восточныхъ народовъ).

На западной, наружной стѣнѣ церкви изображены государи Сербскіе; изображенія сохранились гораздо лучше, нежели въ Юрьевыхъ Столпахъ. Рядъ начинается справа. Первая надпись съ этой стороны: **СТЫ СИМЄѠНЬ НЄМАНА НОВИ МИРОТОѴЬЦЬ СРПЬСКИ**. Неманя нарисованъ въ монашеской одеждѣ, съ черною остроконечною скуфіею, украшенною тремя золотыми крестами, на головѣ, и съ большою сѣдою бородою. За нимъ слѣдуетъ въ такой же одеждѣ и съ огромною сѣдою бородою, **СТЫ СИМОНЬ МОНАХЬ КТИТОРЬ СТГО МѢСТА СЄГО** (это сынъ Немани, Стефанъ Первовѣнчанный). Потомъ, тоже въ монашеской одеждѣ, съ чернымъ платкомъ, связаннымъ подъ подбородкомъ и въ черномъ клобукѣ съ разваломъ на верху, **СТА ЮЄЛѢНА МОНАХѢА**. Рядъ продолжается на лѣвой сторонѣ церковной двери. Сначала **ВЄЛИК**[и] **КРАЛЬ СТЄФАНЬ ВЬ ХТА БГА ВЄРЬНІ САМОДРЬЖЬЦЬ ВЬСЄ СРЬБСКЫ ЗМ** (земель) **И ПМОРЬСКІЄ**. У него маленькая русая бородка и длинные русые волосы, на головѣ сомкнутая корона, одежда падаетъ до ногъ и держится чѣмъ-то въ родѣ омофора, усѣяннаго алмазами и жемчугомъ, который перекрещиваетъ станъ отъ плечъ; въ одной рукѣ онъ держитъ тройной крестъ, въ другой свитокъ. Подлѣ него мальчикъ въ діадимѣ, въ такой же одеждѣ и съ такимъ же крестомъ и свиткомъ, съ надписью: **ѸРОШЬ. КРАЛЬ. СИНЬ ПРѢВИСОКОГА. КРАЛА СТЄФАНА**; наконецъ:

ЮЛЕНА БГѴТНКА КРАЛНЦА ВЪ СРЬСКНХ ЗЕМЛ Н ПОМОРЬСКНХЬ. У нея на головѣ такой же формы клобукъ, какъ у Елены монахини, только цвѣтной; въ ушахъ огромныя круглыя серьги; широкая парчевая одежда, раскрытая спереди и выказывающая другое шитое золотомъ платье; въ рукѣ посохъ. У всѣхъ около головы сіяніе. Самыя любопытныя картины занимаютъ западную стѣну въ трапезѣ церкви: здѣсь изображена жизнь святаго короля Стефана Дечанскаго (1318—1332); такъ, по крайней мѣрѣ, толкуютъ тамошніе христіане сюжеты картинъ, и толкованіе это мнѣ кажется соотвѣтствующимъ исторіи. Сначала вы видите юношу, котораго тащитъ съ сѣдалища женщина въ бѣлой одеждѣ, а онъ оставляетъ въ ея рукахъ свой плащъ и хочетъ уйти; эта женщина есть, безъ сомнѣнія, злая Гречанка Симонида, мачиха Стефана, которая, хотѣла его соблазнить, а потомъ оклеветала передъ своимъ мужемъ, королемъ Милутиномъ. Затѣмъ изображено вѣнчаніе этого юноши на царство; далѣе видите его сидящимъ на престолѣ передъ своимъ дворцомъ и произносящимъ приговоры надъ стоящими передъ нимъ подсудимыми; наконецъ его везутъ хоронить на телѣгѣ, запряженной волами, и народъ его оплакиваетъ. Есть еще другіе фрески, которые, какъ мнѣ казалось, относятся къ дѣяніямъ Сербскихъ государей. Дай Богъ, чтобы ихъ скорѣе списали и сохранили для исторіи Славянской живописи, прежде нежели Арнаутскія пули совершенно ихъ обезобразятъ! Образовъ и картинъ библейскихъ множество, отъ пола до купола, по угламъ котораго написаны въ большомъ размѣрѣ четыре Евангелиста, и гдѣ кругомъ, на карнизѣ, видна надпись золотыми буквами. Надъ аркою, соединяющею трапезу съ срединою церкви, видны остатки образа, сдѣланнаго изъ мозаики. Въ алтарѣ лежитъ мраморная плита, которая служила св. престоломъ. На сѣверной сторонѣ алтаря есть два небольшихъ придѣла съ хорошо сохранившимися образами; въ одномъ уцѣлѣла деревянная перегородка, служившая

иконостасомъ; въ другомъ, говорятъ, долго почивали мощи св. Симона (короля Стефана Первовѣнчаннаго), и тутъ нарисованъ его образъ на стѣнѣ. Въ углахъ и щеляхъ видны зерна пшеницы, которыя подтверждаютъ преданіе, что церковь долго служила Туркамъ амбаромъ. Замѣчательно, что прекрасная каменная купель сохранилась невредимою; также уцѣлѣлъ большой, весьма длинный, гробъ изъ превосходнаго розоваго мрамора [1]), но крыша сдвинута и тѣло, кажется, вынуто. Надписи на немъ нѣтъ. На полу видно много каменныхъ надгробныхъ плитъ; на иныхъ можно еще разобрать надписи, напримѣръ:

ВЬ ЛѢ. S. Ѡ. Н. Д. (1346)
МЦА НОЮВРА. Л. (30) ПРѢ
СТАВИСЕ РАБЬ БЖИ ИСА
ІИА СИМОНЬ СЕ ЖЕ
ГРОБЬ ЕГО ВѢЧЬИ
ДА МУ ПАМЕТЬ
АМИЬ; или:

S. Ѡ. О. (1362). МЦА АПРІЛА
ВЬ . . . . . ДНЬ ПРѢСТАВИСЕ РАБЬ
. . . . ПОПЬ
РАДОЮВІКЬ СЕ ЖЕ ГРОБЬ Ю
ГО Ю ВѢЧНА МУ ПАМЕТЬ АМИ.

Подлѣ церкви стоятъ развалины большаго четвероугольнаго двухъ-яруснаго зданія, которое служило, вѣроятно, монастырскою трапезою. Народъ до сихъ поръ называетъ его Царска Трапезница. На одной изъ стѣнъ виденъ образъ Богородицы. Кругомъ по всему холму торчатъ основанія стѣнъ, свидѣтельствующія объ обширности монастырскихъ строеній. Но всѣ эти зданія разрушены, и только церковь уцѣлѣла, и

1) Длина 11 пядей, ширина 4; гробъ стоитъ на подножкахъ, въ 5 пядей вышиною.

терпѣливо ждетъ того времени, когда изъ нея вынесутъ мусоръ, поправятъ развалившуюся и поросшую деревьями крышу. возстановятъ иконостасъ, подымутъ упавшую мраморную плиту престола, — и снова, послѣ трехсотлѣтняго молчанія, огласятъ ее молитвою и пѣніемъ.

Мнѣ посчастливилось найти помянникъ Сопочанскаго монастыря[1]), писанный на бумагѣ красивымъ уставомъ конца XV или начала XVI вѣка. Когда Сопочаны запустѣли, онъ былъ перенесенъ въ монастырь Чернорѣцкій, гдѣ также служилъ для разныхъ замѣтокъ; но эти позднѣйшія приписки рѣзко отличаются своимъ дурнымъ почеркомъ и своею безграмотностью отъ первоначальнаго текста. Послѣ именъ государей, архіереевъ и монаховъ слѣдуетъ огромная номенклатура мірянъ, которые поручали себя молитвамъ монастырскимъ. Это самое богатое собраніе Славянскихъ личныхъ именъ, какое мнѣ случилось видѣть; предполагаю привести ихъ въ порядокъ и напечатать въ Приложеніяхъ. Для полноты очерка Сопочанской обители, приведу здѣсь имена Сербскихъ государей, которые въ ней поминались.

Начело поменника цр҃ьскаго.
помени г҃и дше рабь свои въ цр҃тви си.
помени г҃и все православніе цре наше.
помени г҃и вс҃ѣ православніе хртіа
не. иже вь бл҃гоуьстивои вѣре ско
ичавшіихсе.
помени г҃и ктиторе наше сѷмеѡна
мѵротоуца срьбскаго. і анастасію
монахію. помени г҃и стефана
кралѩ прьвовѣнчанаго симона мона.

1) Заглавіе: Сь бг҃ѡ почине́мь поменикь домоу ст҃ые троице. монастира сопокани. храмь ст҃ые и живоначелніе троице. на помень православнымь хртіанѡ. господамь бл҃гоуьстикіимь. и ктиторѡ. ст҃го места сего. За тѣмъ слѣдуетъ предисловіе.

і а̑нноу мо́нахїю̀, въ цр҃тви си.
по́мени г҃и, ѝѡ҄анна мона҃. кра
лꙗ стефана ра́дославаа̀.
і а̑нноу мо́нахїю, по́мени г҃и, сте [1]
фана кралꙗ вла́диславa въ цр҃тви си.
по́мени г҃и, стефа́на кра́лꙗ прь́ва-
го̀ оу̑ро́ша [2] сѵмеѡ̑на мона҃ прь́ваго
ктитора. і е̑ле́ноу монахїю̀.
по́мени г҃и ѳеѡ̑ктиста мо́наха.
сте́фана кралꙗ, и̑ сте́фана мона҃.
і вла́диславоу. по́мени г҃и, кра́лꙗ
на́шего̀ [3] сте́фана̀ оу̑ро́ша.
и̑ кралꙗ̑ стефана оу̑рошаа̀.
и̑ сте́фана констaнтїна̑аа.
по́мени г҃и, кра́лꙗ оу̑ро́ша третїа̑го̀.
по́мени г҃и, прьвенчанаго (такъ) цр҃а стефа̑.
по́мени г҃и, втораго цр҃а оу̑ро́ша.
по́мени г҃и, само́дрьжавнаго кнѧ
за ла́зара. и̑ ра́боу б҃жїю мо́нахїю
е̑ѵгенїю̀. по́мени г҃и бл҃гоу
стиваго̀ сте́фана де́спотаа.
и бра́та мѹ доброво̑. и ра́ба своѐго
влька. по́мени г҃и стефана бл҃го
ѵ́стиваго̀ де́спота. по́мени г҃и
бл҃гоѵьстиваго̀ ѡ̑а̑нна. де́спота.
по́мени г҃и ра́боу свою̀ аг҃лїю̀.
по́мени г҃и ра́ба своѐго влька.

1) Съ боку приписано мелкими буквами: «милешевкы.»

2) Съ боку приписано: «сопокански.»

3) Это выраженіе, *короля нашего*, показываетъ, что древній текстъ помянника, съ котораго потомъ списана была наша рукопись, составленъ былъ при жизни Стефана Уроша Милутина (1274—1317), и что послѣдующія имена мало по малу прибавлялись.

и҆ чѐда є҆го̀ грьгоꙋра и лазара.
поменн г҃н, і҆ѡаннa петра воєводꙋ
землѥ̀ молдовѣ. н госпожꙋ є҆ленꙋ.
помени г҃н радоꙋль воєводꙋ оу҆гро
влашкыє земли. помени г҃н і҆ѡ
маѳєй воєводоꙋ н госпожꙋ є҆ленꙋ (послѣднія два имени вписаны другимъ, менѣе твердымъ почеркомъ).

Рядъ архіепископовъ Сербскихъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія имена;

прьваго̀ архїєп҃кпа савоу и оу҆чнтелѣ срьбскаго; а҆рсенїа; втораго̀ савꙋ; і҆ѡаннкїа; єѵстатїа; і҆акова; євстратїа; третнаго савꙋ; нїкоднма; павла; ѳеѡсїа; ѳеѡфана; макарїа; саватїа; фнлнппа; і҆ѡаннаа; герасима; сѵмеѡна; паѵсеа (послѣдній вписанъ позднѣйшею рукою).

При перечнѣ епископовъ, подлѣ нѣкоторыхъ именъ обозначена епархія, какъ-то:

і҆ѡаннкїа	—	бє ц҃рькве;
геѡргїа	—	зворни;
снлвестра	—	рашкы;
і҆ѡакїма	—	срѣмскы;
ѳеѡсїа	—	звонн [1];
і҆ѡасафа	—	вꙋчетрьскы;
васнлїа	—	новобрь;
тнмоѳеа	—	рашкы;
внктора	—	новобрь;
захарїю	—	смерево;
пахомїа	—	рꙋдни;
софронїа	—	пожега;
петронїа	—	босаискы;
лоукоу	—	зворни;
днѡмндїа	—	херсеговскы;
ананїю	—	скопїе;

1) Читай Зворникъ.

а̑вра́мїа	—	бра̑ни;
висарїѡ̑на	—	ра̀шкы;
ни́канора	—	темищвар;
дїѡ̑нисїа	—	херсегоѵ̀ски;
ї̑ѡсифа	—	темнишка̑;
сѷмеѡ̑на	—	врьшаѷки;
ї̑ѡа́сафа	—	рѵ̑дни;
си́лвестра	—	ра̀шки;
гера́сима	—	петрꙋ̀шки;
ѳеѡ̑ра	—	боса̀нскы.

XI.

От Новаго-Пазара до Печи.

Я думаю, читателямъ уже надоѣли эти описанія развалинъ, церквей и монастырей. Нечего дѣлать: если они взялись сопутствовать мнѣ въ Старой Сербіи, также какъ сопутствовали въ Герцеговинѣ и Босніи, то пусть терпѣливо слушаютъ описанія старинныхъ памятниковъ и развалинъ. Въ Старой Сербіи теперь нѣтъ ничего, кромѣ старины. Жизнь Славянская въ ней почти угасла. Ее поглотилъ наплывъ Албанскій, и среди наводнившаго ее мусульманскаго варварства одни только церковные памятники, *задушбины* Неманичей, стоятъ свидѣтелями христіанской и Славянской жизни, которая тутъ нѣкогда кипѣла. Странное различіе между тремя областями, съ которыми я долженъ познакомить своихъ читателей, между Босніею, Старою Сербіею [1]) и Герцеговиною: въ Босніи Славянская и Православная стихія сильна и жива, но она не имѣетъ прошедшаго, не имѣетъ преданія; вся старинная исторія Босніи носила характеръ враждебный Православію, то Богомильскій,

1) Я принимаю Старую Сербію въ томъ объемѣ, въ какомъ ее принимаетъ народъ и церковь, т. е. со включеніемъ Ново-Пазарскаго края.

то Римско-католическій, и потому не оставила слѣда въ памяти и въ жизни православнаго народонаселенія; древняя Боснія представляетъ ему только два черныхъ образа: Вука Бранковича, Боснійскаго правителя, властвовавшаго въ Травникѣ, этого «измѣнника Вука», который «выдалъ Сербское царство на Косовѣ», и котораго имя передается съ проклятіемъ изъ рода въ родъ, и безбожную «Ерину кралицу», которою пугаютъ теперь маленькихъ дѣтей. Къ счастію, православные Босняки усвоили себѣ циклъ пѣсенъ о князѣ Лазарѣ, Маркѣ Королевичѣ и Кара-Георгіи, и въ нихъ находятъ пищу для своего духа и своихъ надеждъ; но, повторяю, православной старины, православныхъ памятниковъ и преданій Боснія не имѣетъ. Вся эта старина, всѣ эти памятники и преданія сосредоточены въ Старой Сербіи; но, въ противуположность Босніи, въ ней, какъ я сказалъ, нѣтъ, или почти нѣтъ, ничего современнаго, живаго, кромѣ дикихъ мусульманъ-Арнаутовъ. Счастливѣе и Босніи, и Старой Сербіи въ этомъ отношеніи Герцеговина: въ ней православное населеніе крѣпко и преданіемъ старины, и настоящею жизнію; но, заключенное среди безплодныхъ скалъ, оно, къ несчастію, уступаетъ Боснякамъ въ возможности матеріальнаго развитія и благосостоянія (я говорю, въ возможности, потому что въ современной дѣйствительности христіанскіе поселяне одинаково разорены въ Босніи и въ Герцеговинѣ, и въ первой, можетъ быть, даже болѣе, потому что богатыя средства страны служатъ приманкою разорителямъ всѣхъ наименованій, обращающимъ менѣе вниманія на скудную Герцеговину). Однако здѣсь не мѣсто говорить объ Герцеговинѣ и ея прекрасномъ народѣ. Возвращаюсь къ Старой Сербіи.

Сербскій народъ понялъ значеніе памятниковъ, которыми усѣяна страна отъ Новаго-Пазара до Призрена, это древнее, теперь запустѣвшее, средоточіе его земли. Приведу въ доказательство, какъ ясно въ народѣ Сербскомъ это сознаніе, одну пѣснь, записанную мною въ Дечанскомъ монастырѣ, самомъ

величественномъ и знаменитомъ изъ памятниковъ старины въ Старой Сербіи. О самомъ монастырѣ, братія котораго служитъ нынѣ главною опорою остаткамъ Православія въ цѣлой этой странѣ, у насъ рѣчь впереди. Предлагаю здѣсь эту пѣснь, которую пропѣлъ мнѣ одинъ изъ немногихъ православныхъ поселянъ, какіе удержались въ окрестностяхъ этого монастыря:

Вино пие Србски царъ Стефане
У Призрену, своме Цариграду,
А са синомъ своимъ, царъ Шћепаномъ.
Вино пише, славно говорише
Све о царству и ніну[2]) господству,
А како те боле царовати,
Царовати и господовати.
Но што вели сильни царъ Шћепане:
«А мой бабо, Србски царъ Стефане,
Оди, бабо, да се диелимо:
Не можемо оба царовати,
Царовати и господовати!
Раздвоимо на Призрену царство,
Подвоимо царство и господство,
Подвоимо седамъ тарапана,
Подвоимо седамъ кула блага,
Подвоимо земле и градове,
Подвоимо лафе и тимаре».

Вино пьетъ Сербскій царь Стефанъ въ Призренѣ, своемъ Цареградѣ, съ сыномъ своимъ, царемъ Степаномъ[1]). Пили вино, вели славную бесѣду, все о своемъ царствѣ и господствѣ: какъ бы имъ лучше царствовать, царствовать и господствовать. Но вотъ говоритъ сильный царь Степанъ: «О мой батюшко, Сербскій царь Стефанъ, давай, батюшко, намъ съ тобой дѣлиться: нельзя намъ обоимъ царствовать[3]), царствовать и господствовать! Раздѣлимъ царство надъ Призреномъ, раздѣлимъ царство и господство, ...[4]), подѣлимъ наши семь башенъ съ деньгами, подѣлимъ земли и города, подѣлимъ дворцы и помѣстья». Но

1) Царь Стефанъ есть св. Стефанъ Урошъ III († 1336), основатель Дечанскаго монастыря; царь Степанъ есть его сынъ, знаменитый царь Стефанъ Душанъ Сильный († 1356). Пѣснь прилагаетъ къ отцу, святому королю, церковную форму имени, Стефанъ, къ сыну, воину и народному герою, — форму народную (Штепанъ, т. е. Степанъ).

2) *і* произносится мягко (почти какъ *ьи*), *и* — твердо.

3) Въ этихъ словахъ пѣснь хорошо выражаетъ историческій характеръ Душана.

4) Слово *тарапанъ* или *тарапана* неизвѣсто, и самъ пѣвецъ не могъ объяснить мнѣ его значенія.

Но што вели Србски царъ Стефане:
«Зашто, сине, да се диелимо?
Шта си у царству пожелио?
У честиту дому Неманића
Доста царства, доста господства,
Доста пива, доста ђдива!
Ако си се слакомио, сине,
Ти да узмешъ на Призрену царство,
На поклонъ ти царство и господство,
И на поклонъ земле и градове,
И на поклонъ седамъ кула блага,
И на поклонъ седамъ тарапана,
И на поклонъ народъ Србадия!
Одъ тога ти тражитъ ништа нећу.
Но ти Божьи аманетъ я даемъ,
Чувай народъ ко и свою главу!
Ђе ћешъ цркве обалене наћи,
Свуй остави одъ царева блага,
Да се граду пребиеле цркве;
Ђе ћешъ наћи воду у планину,
Свудъ остави одъ своега блага,
Да се вода води изъ планине,
Доводи се, сине, у шехере,
Да е пие вони и невольни,
Да те многи народъ благосиля.
Све намѣнуй за своега здравля,
И за здравле и за свою душу,
Ко што есу први Неманићи!
Одъ тога ти тражитъ ништа нећу,
Текъ поклонь ми то село Дечане,
Дечане више Истинице,
Кодъ студене кодъ воде Бистрице,
Међу Пећу, међу Ђаковицомъ:

что говоритъ Сербскій царь Стефанъ? «Зачѣмъ намъ, сынъ мой, дѣлиться? Чего пожелалъ ты въ царствѣ? Въ славномъ домѣ Неманичей довольно власти, довольно господства, довольно питья и ѣды! Если ты, сынъ мой, разлакомился на то, чтобы взять себѣ царство надъ Призреномъ, вотъ тебѣ въ даръ царство и господство, и въ даръ тебѣ земли и города, въ даръ тебѣ семь башенъ съ деньгами, ... и въ даръ тебѣ народъ Сербскій! Изъ всего этого ничего не стану съ тебя требовать. Но я заклинаю тебя Богомъ: блюди народъ, какъ свою голову! Гдѣ найдешь развалившіяся церкви, вездѣ оставляй изъ царскихъ богатствъ, чтобы строились бѣлыя церкви. Гдѣ найдешь въ горахъ воду, вездѣ оставляй изъ своихъ богатствъ, чтобы приводили воду изъ горъ, проводили ее, сынъ мой, въ города, чтобы пилъ ее вольный человѣкъ и невольный, чтобы многій народъ благословлялъ тебя. Имѣй въ виду дѣлать все такъ, чтобы было на твое здоровье, — и на твое здоровье и для твоей души, какъ дѣлали первые Неманичи! Ничего не стану съ тебя требовать, только подари мнѣ село Дечане, Дечане, что повыше

Оћу, царе, монастира градитъ.
И поклонь ми седму тарапану,
И поклонь ми седму кулу блага.»
Кадъ то зачу сильни царъ Шћепане,
Одъ земле е на ноге скочио,
Капу скида, до земле се свия,
И предь царомъ землю полюбио,
Полюби га у скутъ и у руку:
«Гради, бабо, честито ти било!
Гради цркву какву ти е драго,
Немой наше зажалити благо.»
Но што вели Србски царъ Стефане:
«Оћу градитъ била монастира,
Темель ћу ю [2]) одъ срме градити,
А диреке одъ бѣла карловца [3]),
А покритъ ю жежениемъ златомъ;
Да ю вишимъ да височье нема,
Да ю шаримъ да ю лѣпше нема,
Да ю нигда у свиету нема!
Некъ се знадне царска задушбина,
Некь се знадне: есмо царовали!»
Но му вели сестрица Єлена:
А мой брате, Србски царъ Стефане,
Немой таквогъ манастира градитъ,
Нель кажую книге старостойне,
Оте Турци преузети царство,
Неће ни се одржати црква,
Одржати у Турскому царству:

Истиницы, у холодной рѣки Быстрицы, между Печью и между Дьяковицею. Хочу, царь, строить монастырь. И подари мнѣ .... седьмую башню съ деньгами.» Когда услышалъ это сильный царь Степанъ, онъ вскакиваетъ съ земли [1]) на ноги, скидаетъ шапку, нагибается до земли и цѣлуетъ передъ царемъ землю, цѣлуетъ ему полу одежды и руку. «Строй батюшко, да будетъ тебѣ въ честь! строй церковь, какую тебѣ угодно, не жалѣй нашего богатства!» Но что говоритъ Сербскій царь Стефанъ? «Я буду строить бѣлый монастырь, основаніе выведу изъ чистаго серебра, столбы сдѣлаю серебряные, покрою церковь жженнымъ золотомъ; подыму ее такъ, чтобы выше зданія не было; распишу такъ, чтобы краше не было: чтобы такого храма не было на свѣтѣ, чтобы видна была царская задушбина, чтобы видно было, что мы царствовали!» Но ему говоритъ сестрица Елена: «Братъ мой, Сербскій царь Стефанъ, не строй ты такого монастыря: ибо

---

1) Пѣвецъ представляетъ ихъ себѣ сидящими на полу, на Турецкій манеръ.

2) Употребленіе мѣстоименія ю здѣсь неправильное, но я записалъ въ точности выговоръ пѣвца.

3) Карловацъ собственно значитъ серебрянный талеръ.

Оте Турци развалити цркву,
Покупити ерму и позлату,
Одъ срме те рахтове градити,
Те китити коне сѣдленике,
А одъ злата булама джердаме,
Теръ китити своe вѣрне любе.
Но ти гради бѣла монастира,
Темель гради одъ студен' камена,
А диреке одъ мермер' камена,
А покрий ю тежкиемъ оловомъ:
За то Турци ни гледати не те,
Тако ће се одржати црква,
Одржати у Турскоме царству,
И у ню ће пѣвать летурђия
И купитъ се народъ Србадия.»
Тако царе гради манастира,
Те сакупи хиляду майстора,
Онъ ю гради за седамъ година,
Темель гради одъ студен' камена,
А диреке одъ мермер' камена,
И покри ю тяжкиемъ оловомъ,
Те ю виши, да височье нема,
Нашара ю, да ю лѣпше нема.
У ню пѣва часна летурђия
И купи се народъ Србадия,
Како тадаръ, тако и данаске:
И пѣвала дуго и за много!
Аминъ, Боже, оће, ако Богъ да!

книги старостойныя[1]) сказываютъ, что Турки возьмутъ царство Не уцѣлѣетъ твоя церковь въ Турецкомъ царствѣ: разломаютъ ее Турки, заберутъ серебро и позолоту, изъ серебра сдѣлаютъ погремушки и будутъ наряжать ими коней подсѣдельныхъ, а изъ золота сдѣлаютъ ожерелья и будутъ наряжать ими своихъ вѣрныхъ подругъ. Нѣтъ, ты строй бѣлый монастырь, выведи основаніе изъ холоднаго камня, сдѣлай столбы изъ камня-мрамора, покрой его тяжелымъ оловомъ. На это Турки и поглядѣть не захотятъ: такъ уцѣлѣетъ церковь въ Турецкомъ царствѣ, и будутъ въ ней пѣть литургію, будетъ въ ней собираться народъ Сербскій.» Такъ сталъ царь строить монастырь, собралъ тысячу мастеровъ, строилъ его семь лѣтъ: основаніе вывелъ изъ холоднаго камня, столбы сдѣлалъ изъ камня-мрамора, покрылъ церковь тяжелымъ оловомъ, поднялъ её такъ, что выше зданія нѣтъ, расписалъ такъ, что нѣтъ краше. Въ немъ поется честная литургія и собирается народъ Севбскій, какъ въ то время, такъ и нынче. И дай Богъ, чтобы въ немъ пѣлась она долго и многія лѣта! Аминь, Боже! такъ будетъ, если Богъ дастъ!

1) Книги старостойныя, или староставныя (неправильно цароставныя) — дре-

Я поѣхалъ изъ Новаго-Пазара въ Печь не прямою дорогою, а взялъ въ сторону на югозападъ, чтобы посмотрѣть на Черноріцкій монастырь. Дорога эта крайне замѣчательна, но весьма утомительна. Изъ Ново-Пазарскаго поля повернули мы въ ущелье рѣчки Іошаницы, текущей въ Рашку; ущелье поросло густымъ лѣсомъ и кустарникомъ; кое-гдѣ открывались въ немъ небольшія поля, принадлежащія Арнаутскимъ селеніямъ Лукара и Крешево, разбросаннымъ въ горахъ. Въ 2-хъ часахъ отъ Пазара мы встрѣтили Арнаутскій ханъ; это зданіе весьма оригинальное. Представьте себѣ широкій стогъ сѣна, утвержденный по бокамъ нѣсколькими жердями и обнесенный кругомъ низкимъ плетнемъ; вообразите, что этотъ стогъ внутри пустой и имѣетъ два отверзтія, одно внизу, служащее дверью, другое вверху, чтобы выпускать дымъ, и вы получите самое точное понятіе объ этомъ гостепріимномъ пріютѣ. Недалеко отъ хана мы видѣли нѣсколько избъ, выстроенныхъ точно по такому же плану, только поменьше; иныхъ издалека нельзя различить отъ маленькаго стожка сѣна. «Вы не вѣрите», — говорили мнѣ, — «что здѣсь живутъ люди зажиточные. Эти Арнауты имѣютъ свои поля, свою скотину и не платятъ ни одного гроша подати; но они не хотятъ строить себѣ порядочныхъ домовъ, потому что при малѣйшей ссорѣ безпрестанно ихъ другъ у друга поджигаютъ». Въ такомъ родѣ почти всѣ Албанскія избы въ этихъ мѣстахъ. Но дальше, въ Дукадьинѣ, я видѣлъ у нихъ порядочные деревянные и даже изрѣдка каменные домики.

Отъ хана мы повернули на право, все по теченію Іошаницы, и стали подыматься вверхъ по горѣ Црвне, къ ея источнику. Едва замѣтная тропинка вела насъ среди густаго лѣса, который можно бы было почтить титуломъ дремучаго. Сидя на лошади,

---

нія книги, въ которыхъ, по убѣжденію Сербскаго народа, изложено было его прошедшее и предвѣщалось его будущее.

надобно было употреблять всѣ свои гимнастическія способности, чтобы уклоняться отъ сплетенныхъ сучьевъ или ихъ раздвигать. Оставивъ за собою источникъ Іошаницы, мы еще цѣлый часъ подымались на гору, пока не достигли гребня, который называется Козій Верхъ. Оглянувшись назадъ, мы увидѣли черную массу горъ, закрывшихъ отъ насъ Ново-Пазарскую долину; надъ ними возвышался черный конусъ, на которомъ стоятъ развалины Елеча. Проѣхавъ немного по мелкому кустарнику, мы очутились на другой сторонѣ гребня; предъ нами явились въ чудесной панорамѣ мѣста, къ которымъ мы направлялись. Склонъ горы съ этой стороны обработанъ и покрытъ хорошо воздѣланными полями и нѣсколькими группами Арнаутскихъ избушекъ, составляющими два села, Рыбарица и Чманке. Внизу течетъ рѣка Ибръ, выходя крутымъ поворотомъ изъ скалистаго ущелья. Это ущелье съ скалами самыхъ странныхъ очертаній видно en face съ гребня, на которомъ я стоялъ: эффектъ удивительный. На лѣво отъ ущелья стоитъ скалистая горная масса, называемая Црна-Рѣка, и за нею, какъ второй этажъ, возвышается хребетъ Рожай; на право гора называется Дюрдевица; прямо надъ ущельемъ, вдалекѣ, превышая всѣ горныя цѣпи, стоитъ, покрытый снѣгомъ, Жлѣбъ, у подножія котораго мы потомъ увидимъ городъ Печь. Въ селѣ Чманкахъ мой кавазъ, хотя и зналъ по-Албански, съ великимъ трудомъ могъ уговорить жителей дать намъ хлѣба и молока для завтрака: поселяне никакъ не хотѣли вѣрить, что мы заплатимъ; но когда эта странная для нихъ новость наконецъ показалась имъ дѣйствительностью, изъ всѣхъ избъ стали появляться въ изобиліи жизненные припасы.

Мы спустились къ Ибру, переправились въ бродъ черезъ рѣку и стали подыматься по густому лѣсу. Черезъ полчаса открылась такая величественная масса скалъ, какую рѣдко можно увидѣть даже въ Герцеговинѣ, этомъ отечествѣ скалъ. Мѣсто это называется «Черная Рѣка» (Црна-Рѣка). Красноватая

масса гранита возвышается почти отвѣсно, представляя на верху то правильно округленныя очертанія, то зубцы и острія. Въ этомъ гранитѣ находится церковь. Къ самой скалѣ прилѣпленъ рядъ келлій, которыхъ наружная выбѣленная каменная стѣна съ шестью маленькими окошечками, выдающаяся на ровной поверхности утеса, напоминаетъ о гнѣздахъ ласточекъ на домѣ: только нѣтъ карниза, поддерживающаго это человѣческое гнѣздо, а оно опирается на незамѣтномъ уступѣ скалы. Подлѣ утеса, составляя съ нимъ почти прямой уголъ, но не прикасаясь къ нему, стоитъ другая гора, поросшая лѣсомъ, по которой ведетъ тропинка. Противъ церкви она образуетъ маленькую площадку; площадка соединяется съ келліями узенькимъ деревяннымъ мостомъ, ведущимъ къ деревянной галлереѣ, которою обнесенъ рядъ келлій; сломайте мостикъ, и келліи съ своею церковью отдѣлены будутъ пропастью отъ цѣлаго міра. Церковь, я сказалъ, скрывается въ самомъ утесѣ; только алтарь выходитъ наружу полукруглою стѣною, которая стоитъ въ ряду келлій, увѣнчанная небольшимъ крестомъ и украшенная двумя образами al fresco: Св. Архангела Михаила и Св. Петра Коришскаго. Васъ ведутъ низкимъ и совершенно темнымъ проходомъ, который, кажется, образованъ самою природою, въ пещеру, довольно обширную, и въ одномъ мѣстѣ весьма высокую. Вамъ показываютъ въ стѣнѣ пещеры небольшое углубленіе: здѣсь сиживалъ святой отшельникъ Іоанникій; подъ этимъ углубленіемъ видна выемка, гдѣ онъ опиралъ ноги, сбоку другая, гдѣ онъ клалъ локоть. Сѣсть можно только въ самомъ тягостномъ положеніи, согнувшись и выставивъ голову впередъ. Въ этой пещерѣ, на этомъ креслѣ, прожилъ Іоанникій 70 лѣтъ. Я попробовалъ сѣсть, и въ одну минуту все платье было мокро: черезъ скалу непрестанно сочится вода, и поверхность пещеры никогда не высыхаетъ. Въ другомъ мѣстѣ показываютъ углубленіе, гдѣ вода скопляется и течетъ струею: это углубленіе, говорятъ, пустынникъ выкопалъ своими ногтями, чтобы имѣть

воду. Изъ этой пещеры вы входите въ другую, побольше, въ которой Св. Іоанникій устроилъ церковь во имя Св. Архангела Михаила. Она также совершенно темна и также сыра, какъ другая пещера. Отъ сырости стѣнная живопись сильно пострадала; въ одномъ мѣстѣ на черномъ фонѣ была написана бѣлою мѣловою красною длинная надпись, но она совершенно почти стерлась отъ сырости и отъ спинъ прислонявшихся богомольцевъ; форма буквъ показываетъ, однако, что она была не древнѣе XV вѣка. Къ первой половинѣ этого столѣтія относится начало Чернорѣцкой пустыни: Св. Іоанникій былъ современникъ Сербскаго деспота Юрія Бранковича (1427—1456). Это было время страшныхъ нашествій Турецкихъ, время жестокихъ войнъ, которыхъ театромъ была Сербская земля, время безчестія и измѣнъ. Понятно, почему душа христіанина искала въ то время самыхъ глухихъ дебрей и пещеръ и въ нихъ укрывалась. Св. Іоанникій не былъ похороненъ среди скалъ, въ которыхъ онъ провелъ почти всю свою жизнь Его мощи покоятся не въ дальнемъ разстояніи отъ Чернорѣцкаго храма, въ монастырѣ Девицкомъ, построенномъ Юріемъ Бранковичемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ отшельникъ этотъ началъ свои подвиги и гдѣ онъ, какъ говоритъ преданіе, чудесно исцѣлилъ его дочь. Въ Чернорѣцкой церкви стоитъ рака съ мощами юноши, Св. Петра Коришскаго, который (кажется, во время Душана) велъ постническую жизнь въ горахъ близъ Призрена. Когда разрушена была церковь, имъ тамъ построенная (я потомъ опишу ея развалины), то люди изъ села Бряки въ Колашинѣ, принадлежавшіе къ роду Косачи, перенесли его мощи въ сосѣднюю съ ихъ селомъ церковь Св. Архангела, построенную Св. Іоанникіемъ, и положили ихъ тутъ. Въ ракѣ хранилась и книга, которую Св. Петръ Коришскій, какъ разсказываютъ, всегда носилъ съ собою; книга была еще цѣла въ прошломъ году, но, когда я былъ тамъ, ея не оказалось. Единственный обитатель этого монастыря старичекъ, почти выжившій изъ ума, попъ

Стефанъ. Когда мы пріѣхали, онъ испугался, думая, вѣроятно, что мы какіе-нибудь Албанцы, и хотимъ ѣсть и пить на его счетъ. Съ величайшимъ трудомъ его уговорили мои люди выйти ко мнѣ; но онъ долго еще притворялся ничего не понимающимъ, и только видъ червонца нѣсколько прояснилъ его разумѣніе. Жалкій старичокъ! Въ бѣлой Арнаутской рубахѣ, съ краснымъ поясомъ и въ опанкахъ (веревочныхъ лаптяхъ), ничто, кромѣ сѣдой бороды, не напоминало въ немъ священника! Однако онъ по большимъ праздникамъ служитъ литургію, и даже изъ дальнихъ селъ приходятъ тогда поселяне на «Черную Рѣку», потому что нигдѣ въ околоткѣ другой церкви нѣтъ. А когда умретъ бѣдняга, найдется ли охотникъ поселиться въ этой глуши, въ этой сырой пещерѣ, среди Арнаутовъ дикарей?

Кромѣ богослужебныхъ книгъ Русской печати, жестоко пострадавшихъ отъ сырости, въ церкви лежитъ десятка три рукописей, надъ которыми также трудятся гниль и мыши. Большая часть этихъ рукописей—минеи, служебники, октоихи и т. под., довольно поздняго Сербскаго письма. Между ними я нашелъ «Помянникъ монастыря Сопочанскаго» и двѣ книги Болгарской редакціи, но не слишкомъ древнія.

Простимся теперь со скалами Черной Рѣки и поѣдемъ далѣе. Не стану описывать дороги съ прежнею подробностію. Читателямъ через-чуръ наскучитъ исчисленіе поочередно смѣняющихся высокихъ подъемовъ и глубокихъ спусковъ, отъ которыхъ страдали наши кони, и которые подъ конецъ такъ утомляли сѣдока, что, бывало, вздохнешь съ чувствомъ наслажденія и свободы, когда выѣдешь гдѣ нибудь на ровное мѣсто. Трудно найти такую глушь, какъ эти горы, которыя отдѣляютъ Ново-Пазарскую область отъ Албаніи. По этимъ горамъ, которыя, большею частью, покрыты буковою чащею и гдѣ безпрестанно попадались намъ молодыя деревца съ обгложенною корою — труды медвѣдей, ѣхали мы отъ полудня до заката солнца, и наконецъ спустились въ широкую, прекрасную долину. Эта

долина составляетъ нахію (волость) Колашинъ. Есть другой Колашинъ, не въ дальнемъ разстояніи отсюда, въ южномъ углу Герцеговины, близъ Черной Горы. Изъ Герцеговинскаго Колашина, говорятъ, выселилась въ давнишнее время толпа христіанъ, гонимыхъ мусульманами, и заняла долину подъ Мокрою Горою, на Албанской землѣ. Въ новой колоніи считаютъ теперь до 300 домовъ, и нѣтъ въ ней ни одного мусульманина: все православные. Колашинцы отъ роду не видали у себя путешественника. Единственные гости, какіе у нихъ бываютъ, — сборщики податей и мультезимы (откупщики десятины) съ своими кавазами. Наше посѣщеніе ихъ столько же удивило, сколько мало обрадовало. На проводника нашего посыпались упреки: «Зачѣмъ ты привелъ ихъ сюда? Ты знаешь, мы люди бѣдные, ничего не имѣемъ. Лучше поведи ихъ въ ханъ: вѣдь, до хана близко» (а до хана мы не доѣхали бы до полуночи). Мы стали спрашивать: «Есть ли молоко?» Нѣтъ! «Принесите хлѣба»: Нѣтъ! «Зарѣжьте барашка, мы заплатимъ хорошо»: Куда намъ имѣть барашка! Однако мы спокойно расположились подъ навѣсомъ одной чистенькой избы. Видя, что мы люди смирные, не шаримъ по избамъ и не грабимъ, Колашицы стали глядѣть менѣе негостепріимно. Тогда имъ сказали на ухо, что, дескать, пріѣхалъ господинъ, что этотъ господинъ Риштянинъ (христіанинъ, т. е. православный), и что онъ «Московъ». Удивленіе ихъ не только не исчезло, а усилилось, но приняло характеръ радостнаго изумленія и любопытства: во-первыхъ, они никогда не видали Москова, хотя много слыхали про него; во-вторыхъ, имъ казалось странно, какимъ образомъ человѣкъ можетъ быть вмѣстѣ и Риштянинъ и господинъ, и приказывать вооруженнымъ Туркамъ-кавазамъ, какъ своимъ слугамъ. Все село сбѣжалось глядѣть на мою личность; и хотя личность эта уже попривыкла въ Турціи быть предметомъ вниманія, какъ заморскій звѣрь въ клѣткѣ, но все же это было ей не совсѣмъ пріятно. Любопытство не помѣшало, однако, моимъ Колашинцамъ

позаботиться о нашемъ матеріальномъ благосостояніи. Одинъ послалъ хозяйку за молокомъ и каймакомъ (вареными пѣнками), другой сбѣгалъ за хлѣбомъ, третій позаботился объ изготовленіи цыцвары (родъ кукурузной каши, любимое кушанье моей прислуги), четвертый торжественно притащилъ барашка и предалъ его на закланіе и жаренье. Пока дѣлались приготовленія къ ужину, я успѣлъ познакомиться съ обступившею меня публикою. Она стала разсказывать мнѣ про свое житье-бытье: разумѣется, этотъ разсказъ состоялъ, какъ вездѣ въ Турціи, когда говорятъ сельскіе жители христіане, изъ жалобъ на притѣсненія. «Мы прежде жили спокойно», — говорили мнѣ Колашинцы, — «насъ не трогали. У многихъ изъ насъ есть свои земли, но большая часть земель принадлежитъ агамъ, которые живутъ въ Вучитрнѣ; отъ Вучитрна далеко, и аги къ намъ рѣдко заглядывали. Мы исправно платили имъ четвертину (четвертую часть жатвы) и давали харачъ и десятину. Теперь завелись новые порядки, десятину стали отдавать на откупъ, и откупщики Богъ знаетъ что съ насъ дерутъ. Вотъ, напримѣръ, этотъ хозяинъ: онъ первый человѣкъ въ нашемъ селѣ, въ Оклапцѣ; у него земли столько, что онъ держитъ 30 рóбовъ (батраковъ): съ него ага взялъ въ прошломъ году, за четверть жатвы, 1,500 піастровъ; а десятина съ той же жатвы сколько составила, когда ее вычислилъ и взялъ откупщикъ? 1,000 піастровъ. Это бы еще ничего, да то бѣда, что аги (помѣщики), на которыхъ прежде грѣхъ было пожаловаться, теперь вошли въ товарищество съ откупщиками: откупщикъ вычислитъ урожай, какъ ему угодно, и возьметъ не десятую, а пятую часть настоящаго нашего дохода; за нимъ придетъ ага и уже не смотритъ на то, сколько у насъ хлѣба собрано, а на то, сколько откупщикъ написалъ въ своемъ тефтерѣ (бумагѣ): и выходитъ, что онъ возьметъ не четверть, а половину жатвы. Съ чѣмъ же мы остаемся? Счастливое было прежнее время!» Такъ описывали Колашинцы свою судьбу; и при всемъ томъ я

долженъ замѣтить, что изо всѣхъ поселянъ Боснійскихъ и Герцеговинскихъ, какихъ я видалъ, они показались мнѣ самыми благоденствующими. Судите же о положеніи другихъ! — Послѣ ужина разговоры замолкли. Сонъ уже овладѣвалъ мною, но все-таки нѣкоторые изъ Колашинцевъ, въ особенности молодежь, продолжали стоять вокругъ навѣса и глядѣть на Москова. Одинъ въ особенности обратилъ мое вниманіе: онъ стоялъ съ часъ, не двигаясь съ мѣста, и все молча глядѣлъ на меня. Вдругъ у него вырвался, казалось, изъ самой глубины сердца вопросъ: «Господару, е ли зулумъ у вашой земли»? (Господинъ, есть ли неправда въ вашей землѣ?). — «Нема!» отвѣчалъ я, и заснулъ.

Изъ Колашинскаго села Оклапцевъ стали мы подыматься, подыматься на Мокру-планину. Переваливъ черезъ этотъ высокій хребетъ (который вполнѣ заслужилъ свое названіе, потому что даже въ самую сухую погоду на немъ была страшная сырость, отъ слишкомъ густой тѣни лѣса и множества родниковъ), мы спустились въ Воинъ-долъ. «Ну,» — сказалъ мнѣ проводникъ, — «теперь мы въ Албаніи.» Опять стали подыматься на гору Яворину; когда мы достигли перевала, подъ нашими ногами раскинулось пространное поле. Полтора часа спускались мы, по ельнику, потомъ по дубняку, по прекрасной естественной дорогѣ, сначала песчаной, а далѣе покрытой какимъ-то красно-розовымъ слоемъ земли. Поле, которое мы видѣли передъ собою, называется Дукадьинъ; спустившись туда, мы не имѣли уже передъ собою ни горы, ни пригорка до самаго Призрена. Лошади и душа отдохнули на равнинѣ.

Долго еще ѣхали мы полемъ по совершенной пустынѣ. Наконецъ встрѣтили мы Арнаутское село Шушицу. Жители не знали ни слова по-Сербски, и довольно грубо стали спрашивать на своемъ языкѣ, кто мы, откуда, зачѣмъ? и т. п. Они имѣютъ хорошія деревянныя избы, носятъ бѣлыя холстяныя узкія рубахи безъ пояса и бѣлые узкіе шаровары; въ холодную по-

году надѣваютъ бѣлое суконное платье съ черною обшивкою, уже описанное мною; на головѣ носятъ красный фесъ, который, какъ увѣряютъ, есть народное произведеніе Албаніи, мало-по-малу распространившееся на всю Турцію. У всѣхъ воинственная, суровая наружность.

Мы переѣхали наискось часть Дукадьинскаго поля и выѣхали на большую дорогу, которая ведетъ прямо изъ Новаго Пазара въ Печь. Справа у насъ была непрерывная цѣпь горъ. Мы вскорѣ достигли небольшой церкви, называемой Горіоча, единственнаго православнаго храма въ Дукадьинѣ. Дукадьинъ былъ прежде весь заселенъ Сербами. Въ концѣ XVII и началѣ прошлаго столѣтія, онъ былъ наводненъ Арнаутами, вмѣстѣ съ другими частями Старой Сербіи. Албанцы пришли сюда съ юга, изъ горъ около Чернаго Дрина, гдѣ обширный край называется Дукадьиномъ [1]), и перенесли это имя на новое свое поселеніе. Но часть сѣвернаго Дукадьина осталась Славянскою и православною. Сербы живутъ къ югу и востоку, Албанцы къ сѣверу и западу. Первыхъ считаютъ до 1,200 домовъ (семействъ); у нихъ есть четыре священника, но, какъ я сказалъ, только одна церковь; Албанцевъ больше, чѣмъ Сербовъ, но числа ихъ никто не знаетъ.

Горіочская церковь Св. Николая зависитъ отъ Дечанскаго монастыря. Она мала и бѣдна, и долго, кажется, находилась въ запустѣніи. Теперь она поручена одному Дечанскому монаху, Исакію, который ревностно трудится надъ ея улучшеніемъ и строитъ келліи для будущихъ иноковъ, которые захотѣли бы тутъ поселиться. Но въ какой нищетѣ находится это мѣсто! Прихожанъ у церкви весьма мало, и то люди бѣдные, страшно притѣсняемые Албанцами; и Горіочскій монахъ можетъ ожидать всякій день, что эти Албанцы придутъ къ нему

1) Собственно, имя это звучитъ, кажется, Дукахинъ или Дукайинъ; Дукадьинъ есть Сербское произношеніе.

незванными гостями, съѣдятъ и выпьютъ все, что найдутъ у него въ запасѣ, и въ благодарность, пожалуй, еще ограбятъ его келліи.

Въ Горіочской церкви нѣтъ даже такой священнической ризы, какую рѣшился бы надѣть у насъ попъ въ самомъ бѣдномъ селѣ. Книгъ богослужебныхъ тоже почти нѣтъ. На одномъ шкафѣ, внутри самой церкви, я нашелъ груду печатныхъ и рукописныхъ листовъ и растрепавшихся книгъ. Изъ этого хлама, покрытаго многолѣтнею пылью, я вытащилъ пергаменную, довольно толстую, тетрадь (104 листа) въ четвертку, писанную Сербскимъ почеркомъ XIV вѣка и заключающую въ себѣ Чинъ Постриженія (безъ начала), Чинъ на бгоꙗвленїє, и Апостолы и Евангелія дневные (безъ конца); большую пергаменную тетрадь въ листъ (110 л.), остатокъ Сербскаго октоиха конца XIV или начала XV вѣка; другой октоихъ тоже Сербской редакціи, писанный, по видимому, въ XV вѣкѣ, на перемѣшанныхъ пергаменныхъ и бумажныхъ листахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дополненный позднѣйшею рукою [1]), и наконецъ, часть Евангелія апракосъ, писаннаго на бумагѣ, Болгарскимъ почеркомъ XV вѣка, съ ѫ-сами и многими древними формами языка.

Ровная дорога отъ Горіочи до Печи не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ страха, съ какимъ по ней ѣздятъ. Мѣстные поселяне не дѣлаютъ шагу безъ длиннаго своего ружья и пистолетовъ, даже пашутъ и сѣютъ вооруженные, а путешественники не отваживаются тутъ иначе, какъ

1) На этомъ Октоихѣ приписано другимъ, новѣйшимъ почеркомъ: «Сїю книⷢ҇ мало потребиꙋ даⷯ҇ въ село лꙋкавац велїкы храмꙋ сто҇го великомкꙋ геѡргїю. да слоⷤ҇ꙋ въ то҇ храмꙋ. нимамо никоꙋ да нѣсть бл҇вно. нь здѣ да слоⷤ҇ꙋ докь да бг҇ь. боꙋлшꙋ (такъ). сїє по҇писаⷯ҇ а҇ смѣнны паѵсеи биви тогда архїеп҇кпь пе҇ (т. е. Пекскій). въ лѣ҇. зрнд гоє (1646). м҇ аѵг҇ꙋ. л. тꙋ бившꙋ попь нико҇.»

толпою и въ сопровожденіи какихъ-нибудь кавазовъ или туземцевъ-Арнаутовъ, которые берутся охранять ихъ отъ своихъ собратій. Три-четыре года тому назадъ опасно было, говорили мнѣ, ѣхать черезъ Дукадьинъ и Метохію (такъ называется Печская и Дьяковицкая нахіи) иначе, какъ тридцати или сорока человѣкамъ вмѣстѣ; теперь можно пускаться и съ меньшимъ караваномъ. Со мною было девять человѣкъ: монахъ Исакій изъ Горіочи съ своимъ оруженосцемъ, мои три постоянные тѣлохранителя и четверо кавазовъ, посланныхъ провожать меня отъ Новаго-Пазара до Ипека. Вы видите, это былъ цѣлый отрядъ: ѣздить съ такимъ конвоемъ невыразимо непріятно и тягостно: кажется, какъ будто бы тебя взяли подъ стражу и ведутъ куда нибудь насильно. Мы проѣхали село Истокъ, прозванное такъ по имени рѣчки, необыкновенно холодной и быстрой, которая вытекаетъ вблизи, изъ горы Жаженацъ. Здѣсь путешественники обыкновенно находили себѣ пристанище; но при моемъ проѣздѣ, всѣ четыре хана, какіе тутъ есть, оказались пустыми, брошенными на произволъ судьбы или, какъ Сербы выражаются, «баталь.» За Истокомъ мы проѣхали мимо Албанскаго села Студеница, съ красивою каменною мечетью, которая была прежде церковью. Направо, у подножія высокой горы Жлѣба, показали мнѣ село Ябланицу (тоже Албанское), знаменитое, какъ притонъ харамбашей (разбойничьихъ атамановъ). Мнѣ разсказали, что не дальше какъ за два дня до моего проѣзда одинъ изъ этихъ господъ пришелъ въ сосѣднее Сербское село и, погулявъ на счетъ жителей, приказалъ, чтобы они прислали ему въ положенный день 5 кесъ (125 р. сер.): иначе всякій, кто выйдетъ изъ села, будетъ убитъ. Мы переѣхали Эринъ, довольно широкую рѣку, которая раздѣляетъ Дукадьинъ и Печскую нахію. Онъ вытекаетъ не въ дальнемъ разстояніи отсюда и, подъ именемъ Бѣлаго Дрина, течетъ съ сѣвера на югъ; на югозападъ отъ Призрена онъ встрѣчается съ Чернымъ Дриномъ, текущимъ изъ Охридскаго озера съ

юга на сѣверъ, поворачиваетъ на западъ и вливается въ Адріатическое море, у Леша или Алессіо, нѣсколько южнѣе Скадра (Скутари).

Передъ нами былъ нетерпѣливо ожидаемый мною городъ Печь или Ипекъ, столица древнихъ Сербскихъ патріарховъ. Мы ѣхали уже одиннадцать часовъ, но оставалось еще два часа ѣзды. Усталость не позволяла наслаждаться величественнымъ амфитеатромъ горъ, ограничивающихъ съ сѣвера и запада Печское поле,—направо Клѣба съ его странными зубцами и конусами, прямо передъ нами Штедина съ его ровнымъ очертаніемъ, на лѣво Копривника съ его одинокою вершиною. И мнѣ, и лошади моей хотѣлось скорѣе пріѣхать: лошади, чтобы достигнуть наконецъ стойла и яслей, мнѣ, чтобы не найти монастыря спящимъ и не быть принужденнымъ ночевать въ мерзкомъ ханѣ. Лошадь охотно поскакала, зная, что дѣло идетъ къ конюшнѣ; изъ всего каравана только одинъ вѣрный кавазъ могъ послѣдовать за мноо; но я былъ увѣренъ, что Албанцы не тронутъ «Франка», съ котораго нечего взять. Эта escarafe произвела самое выгодное впечатлѣніе на Печскихъ жителей. «Москóвъ ничего не боится», сказали они. Мой кавазъ разспросилъ дорогу къ Ипекскому хану, невыразимо грязному. Уже стемнѣло, слава Богу, и потому я былъ обязанъ тѣмъ, что не слишкомъ много Арнаутовъ пришло глазѣть на Москóва, пока мой спутникъ-кавазъ отправился къ мудиру, извѣстить его о моемъ пріѣздѣ и просить его, чтобы онъ назначилъ мнѣ квартиру въ монастырѣ: маленькая политическая предосторожность, весьма полезная въ этихъ мѣстахъ. Я велѣлъ просить мудира, также изъ предосторожности, чтобы онъ далъ мнѣ двухъ кавазовъ для сопровожденія черезъ городъ до монастыря; вмѣсто того, онъ прислалъ мнѣ своего кятиба (секретаря) и человѣкъ десять. Съ такою свитою двинулся я по Печскимъ улицамъ и черезъ полчаса достигъ монастыря. Кятибъ ввелъ меня въ Патріаршую обитель и съ разными фразами поручилъ гостепріимству

братіи. Рекомендація была, разумѣется, не нужна, но тѣмъ не менѣе я былъ ей очень радъ, потому что она охраняла монаховъ отъ возможности получить въ послѣдствіи упреки за мое пребываніе у нихъ. Встревоженные ночнымъ пріѣздомъ нашимъ, иноки Сербской Патріаршей обители не скрывали искренней своей радости посѣщенію перваго гостя, какого они имѣли изъ Россіи.

XIII.

Печь; Славяно-Сербская Патріаршая обитель.

Городъ Печь (по-Албански и по-Турецки Ипекъ) довольно великъ. Въ немъ считаютъ до 4000 мусульманскихъ и 800 христіанскихъ домовъ. Изъ послѣднихъ нѣсколько десятковъ принадлежатъ къ Римской церкви. Мусульмане и католики — Арнауты, православные — Сербы; послѣдніе, впрочемъ, по большей части, знаютъ Албанскій языкъ.

Городъ находится въ углѣ, образуемомъ двумя большими горами, Копривникомъ и Пакленою, при входѣ изъ ущелья въ поле. На сѣверо-западной сторонѣ города, уже въ самомъ ущельѣ, построена Патріаршая обитель, обнесенная высокою стѣною и окруженная садами и виноградниками. Возлѣ ея протекаетъ рѣчка Быстрица и разливается въ городѣ по улицамъ, какъ по каналамъ. Когда вы ѣдете по Печи, ваша лошадь большею частію идетъ въ бродъ по мостовой. Весною и осенью городъ этотъ превращается, я думаю, въ маленькую Венецію, только безъ мостовъ и лодокъ. Что дѣлаютъ въ это время люди, принужденные двигаться на собственныхъ ногахъ, рѣ-

шительно не понимаю. Я уже сказалъ объ архитектурѣ Печскихъ домовъ: нежженый кирпичъ, обмазанный глиною, черепичныя крыши и глухія стѣны, обращенныя на улицу. Движенія на улицѣ, осебенно въ *чаршіи*, довольно много. Мусульмане постоянно ходятъ вооруженные; христіанамъ запрещено носить оружіе въ городѣ. Они еще подвержены всякимъ обидамъ и притѣсненіямъ. Печскіе монахи не отваживаются показаться днемъ въ *чаршіи* (гостиномъ дворѣ), когда тамъ торгъ и много народу: если имъ нужно ѣхать въ это время черезъ городъ, они объѣзжаютъ многолюдныя улицы, а иногда пускаются полемъ кругомъ города. Христіанскія женщины кутаются въ бѣлыя покрывала, какъ Турчанки; иначе онѣ подвергались бы на улицѣ оскорбленіямъ. Странно было видѣть, какъ толпа такихъ мнимыхъ Турчанокъ съ простынями на головахъ, входила въ церковь и крестилась. Зато въ селахъ Албанки, даже мусульманскаго исповѣданія, ходятъ съ открытымъ лицомъ.

Церковь Патріаршеская велика, но низка и тяжелаго очертанія. Архитектура ея принадлежитъ ко времени упадка Сербскаго художества. Первоначальное зданіе построено было ученикомъ Св. Савы, вторымъ архіепископомъ Сербскимъ, Св. Арсеніемъ, въ XIII вѣкѣ; но формы древняго храма исчезли въ перестройкахъ, которыя предпринимались нѣсколько разъ въ XVI и XVII столѣтіи, и въ этомъ видѣ сохранилась церковь до нынѣ. Живопись тоже, большею частію, принадлежитъ къ позднему времени.

Храмъ представляетъ видъ четвероугольника съ весьма малыми крестообразными выступами и состоитъ изъ четырехъ частей: большой трапезы или, какъ Сербы говорятъ, *припраты*, большой средней церкви Вознесенія Господня, южнаго придѣла Введенія Пресв. Богородицы и сѣвернаго придѣла Св. Димитрія. Надъ алтаремъ большой церкви и обоихъ придѣловъ возвышается по одному широкому и довольно плоскому куполу,

крытому оловомъ. Эти три купола, стоящіе одинъ подлѣ другаго почти безъ промежутка, имѣютъ снаружи тяжелый и неуклюжій видъ. Изнутри они производятъ, напротивъ, прекрасный эффектъ, освѣщая церковь черезъ прорѣзанныя въ нихъ восемь большихъ оконъ, занимающія почти всю боковую часть куполовъ. На каждомъ куполѣ возвышается крестъ.

Трапеза простирается на всю ширину трехъ церквей, главной и двухъ боковыхъ. Ширина эта — 84 ступни большаго размѣра; длина — 30 ступней. Трапеза поддерживается тремя 8-угольными колоннами изъ бѣлаго мрамора и тремя оштукатуренными столбами. Надъ дверью начертана надпись, которая гласитъ, что «припрата» эта была построена «трудомъ и усердіемъ преосвященнѣйшаго и блаженнѣйшаго архіепископа кvръ Макаріа перваго, патріарха, по вторѣ обновленіи честному и светому сему прѣстолу всей Србскіе земли, западнаго Поморія и сѣвернымъ странамъ, въ лѣто 7070» (1562) [1]. Въ трапезѣ находится гробница Св. Евстратія, Патріарха Сербскаго, и подъ спудомъ лежатъ мощи Патріарха Св. Макарія.

Большая средняя церковь, обновленная въ 1634 году, длиною 72 ступни отъ двери до иконостаса; длина алтаря 20 ступней, ширина церкви 41 ст. Видъ ея массивенъ и нѣсколько мраченъ. Большой иконостасъ весь состоитъ въ образахъ. На правой сторонѣ царскихъ дверей поставлена рака съ главами Святыхъ «Пятизарныхъ» Мучениковъ, Евстратія, Авксентія, Мардарія, Евгенія и Ореста, которыя, по преданію, Арсеній, ученикъ Св. Савы, принесъ съ собою изъ Болгарской столицы Тернова въ Сербію; на лѣвой — рака съ мощами Св. Никодима, Архіепископа Сербскаго, жившаго въ началѣ XIV столѣтія. На правой сторонѣ, у столба, стоитъ престолъ прежнихъ Патріарховъ Сербскихъ, изъ сѣраго мрамора. Далѣе, направо, вы ви-

---

1) Вся надпись приведена въ любопытной книгѣ: «Дечански Првенацъ» іеромонаха Гедеона (въ Новомъ Садѣ, 1852).

дите гробницу изъ бѣлаго мрамора, въ которой лежатъ останки перваго основателя Печской обители, Св. Арсенія; вблизи покоится Св. Сава Вторый, архіепископъ Сербскій, сынъ короля Стефана Первовѣнчаннаго (Св. Симона). Подъ спудомъ находится тѣло Св. Евстаѳія Архіепископа; наконецъ у двери, съ правой стороны, почиваетъ въ прекрасной гробницѣ Св. Іоанникій, второй Патріархъ Сербскій. На стѣнѣ алтаря помѣщена надпись, которая, какъ мнѣ кажется, современна первоначальному зданію, возведенному Св. Арсеніемъ. Она начинается словами: «Г҃и Б҃е нашь вьнми и посѣти и бл҃ви (благослови) храмь сьи», и кончается такъ: «поменѣте же и мене грѣшнаго арсенніа».

Войдемъ въ южный придѣлъ. Онъ поражаетъ съ перваго взгляда эффектомъ разноцвѣтныхъ стеколъ въ окнахъ купола: украшеніе, котораго я не видалъ въ другихъ Сербскихъ церквахъ. Иконостасъ въ немъ весьма богато раззолоченъ. Въ этомъ придѣлѣ хранится икона Богоматери, необыкновенно почитаемая Печскими жителями, которые, въ случаѣ болѣзни, приносятъ ее въ свои дома и служатъ передъ нею молебны. Подъ иконою начертана надпись, позднимъ Славяно-Русскимъ почеркомъ. Вотъ эта надпись:

«Сиа пр҃тыа б҃цы икона написана ст҃ыми апостолы по вознесени г҃ни патое на десеть лѣто в гепсимании идѣже баше гробъ пр҃тыа б҃цы. в лѣто же ,ецѯа принесенa из ерусалима въ царь градъ львомъ великимъ царемъ во храмъ пр҃тыа б҃цы чюдо зане помощию премудраго (такъ). в лѣто ,sуѕ году ради нашествиа и устремлениа русцовъ принесена в херсонъ и егда приа руки князъ володимеръ в херсонъ и крестиса в херсоне и тогда въ лѣто ,sуч҃ѕ взята мощи ст҃аго климента папы римьскаго и принесе ихь в киевь. а с҃вты иконы сеи пр҃ты богоматери обра принесе по крещени велики новъградъ якоже на семъ ѡбразе древле писану».

Въ этомъ придѣлѣ хранятъ подъ стекломъ богатую митру Св. Никодима Архіепископа и нѣкоторыя священническія одѣ-

янія, въ прежнія времена доставленныя изъ Россіи. Между этими драгоцѣнностями находится также посохъ, какъ кажется, очень древній, съ слѣдуюшею полу-Греческою, полу-непонятною надписью:

ΙΠЄΚΙȣ | ПЄФІКЄН | ПОΙМЄПОС | О КОΙПѠН
ВМЗȣЮ | ПАТМȣ | К҃ȣ І 8̊8̊ | ГАВРІЛȣ

Въ томъ же южномъ придѣлѣ почиваютъ останки Патріарха, Св. Савы III, и тутъ же въ огромной каменной гробницѣ, лежитъ Патріархъ Св. Даніилъ. На стѣнахъ написаны изображенія Сербскихъ Патріарховъ, трудъ современнаго и туземнаго художника-самоучки, Печскаго монаха Анѳима. Жаль, что такой умный и талантливый человѣкъ не имѣлъ случая развить свои способности образованіемъ!

Сѣверный предѣлъ, во имя Св. Димитрія, также освѣщенъ разноцвѣтными стеклами оконъ въ куполѣ; иконостасъ въ немъ отличается рѣзными и позолоченными украшеніями. Въ этомъ придѣлѣ покоятся останки Патріарховъ Св. Спиридона и Св. Савы IV. Имена всѣхъ этихъ Сербскихъ святителей неизвѣстны Русской церкви; но Сербскій православный народъ, и въ особенности Печскіе жители, почитаютъ ихъ святыми и служатъ имъ молебны. Краткія Житія ихъ съ «Правилами Молебными» хранятся въ Патріаршей и приготовлены для печати О. Анѳимомъ. Они вѣроятно будутъ вскорѣ изданы въ Бѣлградѣ.

Для полноты описанія прибавлю, что передъ трапезою выстроена каменная галлерея съ гробницею Св. Максима Патріарха, и что на южномъ концѣ галлереи находится маленькая церковь, построенная Патріархомъ этимъ во имя Св. Николая Чудотворца; въ ней на стѣнахъ изображены Св. Николай, Св. Симеонъ Неманя, Св. Сава просвѣтитель Сербскій, Св. Арсеній Архіепископъ и Патріархи Св. Даніилъ и Св. Максимъ.

Рукописей въ Сербской Патріаршей довольно много; онѣ хранятся въ шкапахъ, въ трапезѣ церковной; многія разбро-

саны въ разныхъ мѣстахъ церкви. Древней грамоты нѣтъ ни одной: говорятъ, что всѣ документы отнесены были въ Константинополь, когда, въ 1775 году, уничтоженъ былъ Сербскій Патріархатъ въ Турціи и Печская обитель попала подъ власть Греческой іерархіи.

Время не позволяло мнѣ составить опись рукописей Печской Патріаршей; но я бѣгло просмотрѣлъ всѣ. То, что я нашелъ наиболѣе любопытнаго, будетъ представлено въ Приложеніяхъ.

Послѣ этого описанія внѣшности Печской Патріаршей, я долженъ обратить вниманіе читателя на ея духовное значеніе. Значеніе это велико, хотя Патріарховъ въ ней уже нѣтъ, и она попала въ рядъ простыхъ монастырей. Архіепископъ Призренскій, Грекъ, присылаемый изъ Константинополя, властвуетъ надъ древнею обителью *Славяно-Сербскихъ* Патріарховъ, назначаетъ въ ней игуменомъ любаго изъ братіи, по своему усмотрѣнію. Преемникъ Печскихъ Патріарховъ живетъ далеко, въ Австріи, украшенный титуломъ «eines wirklichen Geheimraths seiner k. k. apostolischen Majestät» и подчиненный зоркому наблюденію правительства; а Патріаршеская обитель оглашается на ектеніяхъ именемъ Греческаго владыки.

Сербскій народъ видѣлъ больше горя, чѣмъ радости; его исторія полна бѣдствій. Но, послѣ Косовской битвы, не было для него бо́льшаго бѣдствія, чѣмъ переселеніе Патріарха Арсенія Черноевича съ 37.000 Сербскихъ семействъ въ Австрію, въ 1690 году. Правда, самого Арсенія винить нельзя: его паства страдала подъ игомъ невыносимымъ; а за Дунаемъ обѣщано было Сербамъ новое отечество, которое сдѣлалось бы средоточіемъ возрожденія для всей Сербской земли, обѣщана была въ этомъ новомъ отечествѣ свобода и покровительство православной вѣрѣ, самостоятельность внутренняго управленія подъ начальствомъ выбираемаго народомъ Воеводы, и наконецъ, свобода отъ всякихъ податей въ замѣнъ войсковой службы; и

обѣщанія эти утверждены были честнымъ словомъ и торжественною грамотою Вѣнскаго Цесаря! Но то случилось, чего Арсеній не предвидѣлъ. Новое отечество, которое Сербы завоевали на сѣверномъ берегу Дуная, эти хлѣбородныя равнины Баната, Бачки и южной Венгріи, сдѣлались вскорѣ приманкою для колонистовъ Валашскихъ, Мадьярскихъ, Нѣмецкихъ; Сербская народность стала уступать чужому наплыву, и во многихъ мѣстахъ уже исчезла совершенно, въ другихъ съ трудомъ держится противъ большинства чужихъ стихій и будетъ вымирать мало-по-малу; вмѣсто свободы и покровительства православной вѣрѣ, она подверглась гоненію, сначала насильственному (извѣстно, что уже въ 1751 г. 100,000 Сербовъ покинули Австрію и перешли въ Россію, въ слѣдствіе насильственнаго обращенія въ Унію), а потомъ тайному, и что даже санъ Сербскаго Патріарха былъ уничтоженъ Австрійскимъ правительствомъ [1]); вмѣсто самостоятельнаго управленія подъ начальствомъ выборнаго Воеводы и свободы отъ податей, первый же выборный Воевода былъ посаженъ въ крѣпость и умеръ послѣ 22-лѣтняго заключенія, Сербскіе округа были подчинены властямъ Венгерскимъ, а потомъ Нѣмецкимъ, и обложены всѣми податями, какія удавалось придумать въ Вѣнѣ. Ничего такого, конечно, несчастный Арсеній Черноевичъ не могъ предвидѣть. Но онъ долженъ былъ предвидѣть, что сдѣлается съ покинутымъ имъ краемъ. Вся Старая Сербія опустѣла: ибо переселеніе двинулось именно изъ мѣстъ, окружающихъ Печскую Патріаршую; окрестности Призрена, Дьяковицы, Печи, Косово поле, Новобрдо [2]), Новый Пазаръ, Сѣ-

1) Онъ, какъ извѣстно, былъ возстановленъ въ собраніи Сербскаго народа въ Карловцахъ, 1 Мая 1848, и по неволѣ утвержденъ Австрійскимъ правительствомъ въ лицѣ митрополита Іосифа Раячича.

2) Православное народонаселеніе на Косовомъ полѣ и въ Новомъ-брдѣ было прежде такъ велико, что тамъ находились три митрополіи: Вучитрнская, Липлянская и Ново-брдская; теперь тамъ осталось всего нѣсколько тысячъ христіанъ.

ница, весь этотъ прекрасный край, сердце древней Сербіи, занятъ былъ Арнаутами, которые спустились съ бѣдныхъ, холодныхъ горъ Дукадьина и Малесіи въ хлѣбородныя, теплыя равнины, покинутыя Славянами. Только съ этихъ поръ, можно сказать, Турецкое владычество и Мусульманство упрочилось въ Сербскихъ земляхъ. Что значила прежде толпа ренегатовъ въ Босніи, когда огромная, сплошная масса христіанъ обнимала ее и отдѣляла отъ всѣхъ другихъ мусульманскихъ мѣстностей въ Турціи? Но послѣ переселенія православныхъ жителей Старой Сербіи въ Австрію, эта преграда исчезла. Арнауты, которые во время своего выхода изъ горъ исповѣдывали еще Римско-Католическую вѣру, не могли устраниться въ равнинахъ отъ Турецкяго вліянія. Нѣтъ притомъ народа болѣе равнодушнаго къ религіи и менѣе способнаго проникнуться религіознымъ духомъ. Одинъ Нѣмецкій писатель, хорошо знакомый съ Албанцами, мѣтко сказалъ объ народахъ, подвластныхъ Турціи, что «Славянинъ, Грекъ, Валахъ предпочитаютъ свою вѣру свободѣ; Албанецъ предпочитаетъ свободу [1]) всему, и даже вѣрѣ». Въ теченіе XVIII столѣтія все Албанское населеніе, занявшее Старую Сербію, незамѣтно перешло въ магометанство [2]). Въ то же самое время, а отчасти и прежде еще, Исламъ проникалъ въ собственную, нагорную Албанію и овладѣвалъ большинствомъ ея жителей, особенно въ сѣверной части ея. Такимъ образомъ, въ XVIII вѣкѣ, мусульманская стихія Славянская, порожденная въ Босніи аристократическимъ духомъ, желаніемъ сохранить привиллегіи и помѣстья, встрѣтилась, около Сѣницы и Новаго-Пазара съ мусульманской стихіею Албанскою, порожденною желаніемъ сохранить право на необузданную свободу и на военное ремесло, и вся западная полоса Европейской Турціи, отъ Бихача и Тузлы до Янины

---

1) Разумѣется, свободу, въ томъ смыслѣ, въ какомъ Албанецъ ее понимаетъ: а въ какомъ именно смыслѣ, читатель вскорѣ увидитъ.

2) Число оставшихся Католиками весьма не велико.

покрылась непрерывною массою магометанъ-туземцевъ. Вотъ, если я не ошибаюсь, самая вѣрная «гарантія», какую имѣетъ Турецкое государство въ Европѣ. Именно въ самыхъ отдаленныхъ отъ центра областяхъ христіанское начало наиболѣе подавлено; именно въ этихъ областяхъ, прилегающихъ къ западной Европѣ, развитіе христіанскаго населенія наиболѣе затруднено. Что же случилось? Тамъ, гдѣ православная стихія Сербская осталась безъ примѣси мусульманъ, Сербы возстали; Карагеоргій проникъ до Вышеграда и Новаго-Пазара, но дальше не могъ итти, остановленный въ Босніи Сербами-мусульманами, въ Старой Сербіи Арнаутами. Босняки и Арнауты, а не Османліи сдѣлали освобожденіе Сербскаго княжества столь труднымъ и кровопролитнымъ. Что бы было, если бы Арсеній Черноевичъ остался въ своей древней Патріаршей и не вывелъ православнаго народа изъ Старой Сербіи! Знамя Карагеоргія было бы тотчасъ поднято въ Приштинѣ, въ Призренѣ, въ Сѣницѣ, онъ подалъ бы руку Черной Горѣ, мусульмане Боснійскіе были бы подавлены такъ, какъ подавлены были мусульманскіе жители въ городахъ Сербскаго княжества. Было бы нынѣ не маленькое княжество Сербское, а большое Сербское королевство. Вотъ (если позволено предполагать, что случилось бы, если бы.....) послѣдствія шага, сдѣланнаго Печскимъ Патріархомъ въ 1690 году. Правда, дѣла Австріи пошли бы, вѣроятно, хуже, если бы Патріархъ Арсеній Черноевичъ не рѣшился на этотъ шагъ. Турецкія войска поставили ее въ самое критическое положеніе, когда это нежданное появленіе нѣсколькихъ десятковъ тысячъ вооруженныхъ, храбрыхъ Сербовъ на Дунаѣ и въ южной Венгріи обратило счастіе на ея сторону; вскорѣ потомъ (1705 — 1710) Венгрія, возмущенная Ракоціемъ, была для нея почти потеряна, когда Сербы отстояли ее для Габсбурскаго дома, въ то самое время какъ всѣ войска Цесаря заняты были въ войнѣ съ Людовикомъ XIV; наконецъ, что бы могла сдѣлать Австрія противъ Мадьяровъ

въ началѣ 1848 года, если бы Сербскій Патріархъ, въ союзѣ съ баномъ Хорватскимъ, не поднялъ въ Венгріи знамени Австрійскаго? Ревностнѣйшій поборникъ и служитель своей вѣры и своего народа, Арсеній Черноевичъ, у котораго сердце наболѣло при видѣ страданій Сербовъ подъ игомъ мусульманъ, принялъ рѣшеніе, почти невиданное въ новой исторіи: перевести на чужбину народонаселеніе цѣлой области; и рѣшеніе это послужило къ уничиженію его народа и вѣры, и къ возвеличенію злѣйшаго противника Славянства и Православной церкви. «Пути Провидѣнія неисповѣдимы!» этимъ торжественнымъ восклицаніемъ приходится окончить рядъ размышленій, слишкомъ серіозныхъ для путевыхъ записокъ и къ которымъ я никакъ не думалъ прійти; но они напросились на меня сами собою, когда рѣчь зашла о Печской Патріаршеской обители.

Покинутая, вдовствующая обитель эта помнитъ свою прежнюю славу и напоминаетъ о ней народу. Братія ея съ гордостью сознаетъ себя хранительницею древняго престола «Славяно-Сербской» церкви. Это слово «Славяно-Сербскій» произносится въ Печи съ особенною любовью. Всякій остатокъ, напоминающій о «Славяно-Сербскихъ» святителяхъ, хранится въ Печи, какъ святыня. При общемъ запустѣніи всей окрестной страны, въ самомъ городѣ Печи, къ счастію, осталось такое количество христіанъ, которое, если не можетъ имѣть никакого политическаго значенія среди огромнаго большинства Арнаутовъ, то по крайней мѣрѣ предохраняетъ Патріаршую обитель отъ нищенства и запустѣнія. 800 православныхъ домовъ Печскихъ составляютъ приходъ Патріаршей; у нихъ нѣтъ мірскаго священника; иноки Патріаршей обители (которыхъ бываетъ обыкновенно человѣкъ 10, 12, 15) совершаютъ у нихъ всѣ требы, и этими прихожанами Патріаршая поддерживается.

Я уже сказалъ о томъ, какъ тяжело положеніе христіанъ въ Печи. Они ежедневно подвергаются всякаго рода обидамъ, притѣсненіямъ, даже насилію со стороны буйныхъ Албанцевъ.

Надобно отдать справедливость новому Печскому мудиру, Хуршидъ-агѣ (толстому весельчаку, служившему въ войскѣ и весьма похожему на какого-нибудь нашего армейскаго маіора, служаку и *bon vivant*), что онъ старается укрощать и наказывать своевольство Арнаутовъ, и что онъ заслужилъ похвалы христіанъ. Но что можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ, даже благонамѣренный, среди вооруженнаго народа, который не имѣетъ никакого понятія о законѣ и судѣ, который привыкъ къ полному самоуправству, однимъ словомъ, который, по мѣстной поговоркѣ, боится Бога мало, а царя нимало не боится? Другое дѣло, если бы Печскій мудиръ располагалъ хотя бы одною ротою войска; но во всей Старой Сербіи Турція не держитъ ни одного солдата, и вся исполнительная сила Печскаго мудира состоитъ въ двухъ или трехъ десяткахъ кавазовъ и *заптій* [1]), нанятыхъ между тѣми же Албанцами, которыхъ слѣдуетъ укрощать.

Гоненіе можетъ сдѣлать человѣка подлымъ и раболѣпнымъ, или облагородить его и пріучить къ самопожертвованію. Первое бываетъ обыкновенно тогда, когда человѣку открывается случай извлекать выгоду изъ самаго гоненія, среди котораго онъ живетъ, и когда онъ такимъ образомъ переходитъ изъ числа притѣсняемыхъ въ ряды притѣснителей. Примѣръ Фанаріотовъ, особенно въ той роли, какую они играютъ въ Славянскихъ земляхъ Турціи, слишкомъ извѣстенъ, чтобы объ немъ распространяться. Другимъ примѣромъ можетъ служить характеръ большинства православныхъ торговцевъ въ Босніи. Но можно, надѣюсь, сказать къ чести человѣчества, гоненіе чаще еще возвышаетъ и укрѣпляетъ душу. Поговорите съ любымъ Сербскимъ простолюдиномъ, съ самою простою православною женщиною въ Турціи: какъ бы они ни были грубы, безтолковы и непривлекательны, вы услышите

---

1) Заптіе — полицейскій служитель.

въ ихъ рѣчи, одну струну высокаго, искренняго благородства: этотъ грубый человѣкъ, эта простая женщина сознаютъ, что они страдаютъ за истину, или, какъ они всегда выражаются, *за часны* (честный) *крстъ*, они живутъ и воспитываютъ дѣтей въ постоянной готовности жертвовать всѣмъ, даже жизнію, за свою вѣру. Это природное благородство особенно поражаетъ васъ, когда вы встрѣчаете людей, которые соединяютъ съ простодушіемъ и безкорыстностью поселянъ [1]) бо́льшее умственное развитіе городскихъ жителей. Таковъ въ большей части Турецкихъ городовъ классъ ремесленниковъ-христіанъ: не дѣлая, подобно торгашамъ, спекуляцій надъ разореніемъ народа, а живя, какъ поселяне, трудами своихъ рукъ, православные ремесленники въ Сербскихъ городахъ Турціи представляютъ самый отрадный примѣръ сословія, исполненнаго благородства и единомыслія и готоваго жертвовать всѣмъ для общаго дѣла («общее дѣло» въ этихъ странахъ заключается въ поддержаніи вѣры и преуспѣяніи церкви). Я долженъ сказать, что не вездѣ торговый классъ увлеченъ эгоизмомъ на сторону притѣснителей и грабителей народа. Есть города въ Босніи, а больше въ Герцеговинѣ, и къ этимъ городамъ причисляю также Печь въ Старой Сербіи, гдѣ православные купцы не отличаются характеромъ отъ честныхъ ремесленниковъ, гдѣ они не жертвуютъ своею совѣстью денежнымъ выгодамъ. Правда, въ этихъ городахъ они бѣднѣе и презираются капиталистами Сараевскими, Баня-луцкими, Дивненскими. Но взгляните, какая разница между православнымъ обществомъ, въ которомъ преобладаютъ такіе капиталисты, и обществомъ, которое состоитъ изъ бѣдныхъ ремесленниковъ и лавочниковъ. Въ первомъ одинъ интригуетъ противъ другаго, всѣ находятся между собою въ

1) Я не дѣлаю поселянъ Босніи и Старой Сербіи идиллическими героями безкорыстія, а употребляю это слово въ томъ смыслѣ, что поселяне живутъ собственнымъ трудомъ и потомъ, а не надувая другихъ и не пользуясь стѣсненными обстоятельствами ближняго, чтобы получить отъ него прибыль,

ссорѣ, не строятъ или не улучшаютъ церкви [1]) и не только не жертвуютъ денегъ на общественное дѣло, но даже и тѣ деньги, которыя назначены на церковь или училище пропадаютъ иногда въ карманахъ капиталистовъ, получившихъ ихъ на сбереженіе. Во второмъ, одинъ стоитъ за другаго, и общественныя дѣла рѣшаются не по интригамъ, а по разумѣнію всего общества; бѣдные ремесленники и лавочники жертвуютъ изъ своихъ малыхъ средствъ что могутъ на общественныя нужды, и у нихъ строятся церкви, учреждаются училища, какихъ нѣтъ даже въ большихъ городахъ.

Такой характеръ единодушія и любви къ общественному дѣлу можно замѣтить между Печскими христіанами. Иноки Патріаршей разсказывали мнѣ много объ ихъ щедрости относительно обители: ни одинъ житель не выйдетъ въ праздникъ изъ храма Патріаршаго, не удѣливъ ему какую нибудь часть своего недѣльнаго заработка. Общество содержитъ училище очень порядочное для этихъ странъ, и которое существуетъ уже 70 лѣтъ. Я думаю, это одно изъ старѣйшихъ Славянскихъ училищъ въ Турціи. Надобно упомянуть имя Іосифа Чукича, который основалъ это училище своими трудами и пожертвованіями. Вліяніе училища очень замѣтно на Печскихъ христіанахъ: они не только всѣ грамотны, но большая часть изъ нихъ знакомы съ церковными книгами и носятъ отпечатокъ нѣкоторой образованности, конечно не Европейской, но все-таки отличающей ихъ отъ невѣжественныхъ Босняковъ. Также точно и монахи Печской Патріаршей и сосѣдней обители Дечанской стоятъ, въ отношеніи къ образованію, гораздо выше духовенства Босніи и Герцеговины (хотя они казались бы, разумѣется, неучами въ сравненіи съ воспитанниками нашихъ

---

1) Такъ въ двухъ самыхъ богатыхъ торговлею городахъ Босніи, въ которыхъ есть между православными даже значительные капиталисты, въ Банялукѣ и Ливнѣ, до сихъ поръ нѣтъ церкви, не потому чтобы Турки мѣшали, а въ слѣдствіе ссоръ и разногласія въ самомъ православномъ обществѣ.

семинарій и академій). Прибавлю еще въ похвалу Печскимъ христіанамъ, что у нихъ завелась и женская школа: учрежденіе, не существующее во всей Босніи и Герцеговинѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна Сербка, пріѣхавшая изъ Австріи, попыталась основать женское училище въ Сараевѣ; но жить и учить даромъ она не могла, а платить за обученіе своей дочери не хотѣлъ никто, даже изъ богачей. «Ктому же,—разсуждали Боснійскіе купцы (замѣтьте, люди, которые бывали всѣ въ Тріестѣ, Вѣнѣ, Лейпцигѣ, даже по нѣскольку разъ), какая надобность дѣвушкѣ учиться? будетъ знать грамотѣ, такъ станетъ писать любовныя письма *момкамъ* (молодымъ людямъ)!» Я не выдумываю, а привожу подлинныя слова Сараевцевъ. При такомъ разсчетѣ съ ихъ стороны, женская школа у нихъ не состоялась, и во всемъ Сараевѣ едва ли есть десять женщинъ (между православными), которыя умѣютъ читать. А въ Печи женская школа основалась два года тому назадъ, и въ ней теперь обучается уже до сорока дѣвушекъ. Одна бѣдная вдова сельскаго священника, Катерина Симичъ, посвятила себя этому дѣлу. Она обратила свой домикъ въ школу и безплатно обучаетъ дѣвушекъ чтенію церковныхъ книгъ, письму и рукодѣльямъ; все вознагражденіе, какого она требуетъ отъ Печскаго общества, есть дневное пропитаніе.

XIII.

Дечанскій монастырь.

Въ трехъ часахъ отъ Патріаршей находится Дечанскій монастырь, прекраснѣйшая и самая знаменитая обитель Сербская, лучшій памятникъ древняго Сербскаго величія и благо-

честія. Печь и Дечане составляютъ для Сербскаго народа одно нераздѣльное цѣлое.

Печская церковь массивна и тяжела; Дечанскій храмъ легокъ и свѣтелъ удивительно. Я желалъ бы, чтобы художникъ побывалъ въ немъ; онъ подтвердилъ бы, я увѣренъ, мое мнѣніе, что храмъ этотъ есть одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній Византійской архитектуры. Когда вы войдете въ эту церковь, вами овладѣетъ какое-то чувство свѣтлой отрады; вамъ въ этой церкви будетъ легко, спокойно и весело, но радость ваша будетъ торжественная. Это въ самомъ дѣлѣ «царская *задушбина*», какъ Сербскій народъ называетъ по преимуществу Дечане! въ самомъ дѣлѣ, святой король, когда строилъ эту церковь, могъ сказать словами гусляра,

«Да ю нигде на свіету нема,
Некъ се знадне царска задушбина,
Некъ се знадне: єсмо царовали!»[1])

Приступаю къ описанію зданія. Церковь, большая и высокая, построена крестообразно, съ однимъ круглымъ, высокимъ куполомъ. Уже внѣшнія стѣны поражаютъ своимъ великолѣпіемъ: онѣ, съ низу до верху, состоятъ изъ мраморныхъ плитъ, правильно расположенныхъ горизонтальными полосами: нижній рядъ изъ бѣлаго мрамора, второй изъ розоваго, третій опять изъ бѣлаго, четвертый изъ сѣраго; потомъ опять начинается та же система. Притомъ надобно замѣтить, что всякій разъ нижній рядъ шире, второй уже, третій и четвертый еще уже. Крыша церкви свинцовая; куполъ также покрытъ свинцомъ, такимъ массивнымъ, что крыша купола со времени постройки церкви въ 1335 году ни разу, говорятъ, не требовала починки. Свинецъ на куполѣ отъ дѣйствія времени получилъ какой-то странный отливъ, похожій на цвѣтъ мѣди. На ку-

1) Хочу, чтобы такой церкви нигде не было на свѣтѣ, чтобы видна была царская *задушбина*, чтобы видно было, что мы царствовали!

полѣ стоитъ невредимо древній большой крестъ, какъ говорятъ, изъ массивнаго серебра.

На восточной сторонѣ церкви видна выдающая окружность большаго алтаря и по сторонамъ ея по двѣ малыхъ окружности, принадлежащія двумъ придѣламъ, во имѣ Св. Николая и Св. Димитрія, проскомидіи большаго алтаря и ризницѣ. Эти пять соединенныхъ окружностей представляютъ необыкновенно красивое сочетаніе линій. По серединѣ окружности алтаря продѣлано большое скругленное окно, украшенное по бокамъ двумя мраморными небольшими колоннами, которыя поддерживаютъ покрытый свинцомъ, овальный заостренный выступъ надъ окномъ; колонны эти 8-угольныя; ихъ поддерживаетъ, съ каждоіі стороны окна, небольшая мраморная каріатида, въ видѣ сгорбленнаго человѣка, подставившаго спину подъ колонну; капители колоннъ украшены въ іоническомъ стилѣ. Подъ выступомъ изваяна, надъ серединою окна, человѣческая голова, изъ устъ ея выходитъ виноградная лоза, которая, раздѣляясь на двѣ вѣтви, справа и слѣва оплетаетъ окраину окна и соединяется внизу его; въ листьяхъ винограда прячутся птицы и фантастическія животныя, искусно изваянныя. По описанію этого средняго окна алтаря вы можете судить, какъ богата снаружи отдѣлка Дечанскаго храма; произведенія рѣзца украшаютъ всѣ окна и двери, и ихъ работа также тщательна, какъ значительно ихъ разнообразіе и изящны ихъ очертанія. Къ сожалѣнію, многія изъ этихъ изваяній, особенно тѣ, которыя пониже, у дверей, сильно пострадали. Я не буду исчислять всѣхъ этихъ украшеній; это было бы слишкомъ утомительно; притомъ формы ихъ описаны въ хорошей книгѣ іеромонаха Гедеона «Дечански Првенацъ»; въ которой любопытствующій читатель можетъ найти всѣ подробности Дечанской церкви. Но никакое описаніе не дастъ живаго понятія о подобномъ предметѣ: нужно, чтобы художникъ песвятилъ нѣсколько недѣль изученію этого великолѣпнаго зданія и пред-

ставилъ Славянской публикѣ рисунки его украшеній. Замѣчу объ окнахъ еще только то, что всѣ, кромѣ вышеописаннаго, состоятъ изъ двухъ скругленныхъ оконъ, раздѣляемыхъ осмиугольною мраморною колонною, надъ капителью которой изваяны всѣ эти украшенія, поражающія своею разнообразностью. Окна велики и многочисленны, и оттого въ церкви такъ свѣтло. Въ куполѣ продѣлано восемь такихъ же двойныхъ оконъ.

Въ церковь ведутъ трое дверей; одна находится съ западной стороны, въ фасадѣ церковной трапезы, двѣ другія съ сѣверной и южной стороны той же трапезы. Надъ каждою дверью сдѣланъ выдающійся изъ стѣны сводъ, круглый и который, углубляясь, съуживается нѣсколькими уступами; каждый уступъ опирается съ обѣихъ сторонъ двери на небольшую мраморную колонну. Уступы надъ дверью украшены каждый особою рѣзьбою: вы видите на нихъ то виноградную лозу, то листья съ цвѣтами, то спираль, то тонкій жолобъ; иные совершенно гладки. Въ пространствѣ подъ этимъ сводомъ, надъ дверью, помѣщены барельефныя изваянія, заслуживающія, я увѣренъ, изученія художника. Надъ западною дверью изображенъ Вседержитель (Παντοκράτωρ, въ Чье имя построенъ храмъ), сидящій на престолѣ съ запечатанною семью печатями книгою въ одной рукѣ и благословляющій другою: надъ сѣверною дверью изваянъ крестъ, обвитый лиліями (символомъ дома Неманичей), и надъ нимъ надпись: іс хс цръ славы; надъ южною дверью изваяно крещеніе Господне, а подъ этимъ барельефомъ помѣщена надпись:

«фрадь вита мали брать[1]) протомаисторь изъ котора града кралюва созида цьрковь светаго Пандократора господину кралю Стефану Урошу г—ему и своюму сыну свѣтлому и прѣвеликому и

1) *Малый братъ* — переводъ Латинскаго frater minor, какъ называли себя монахи Францисканскаго ордена.

прѣславномꙋ господинꙋ кралю Стефанꙋ. сознда се за и҃ (8) годищь, и доспѣла ѥ сь црькве вь лѣто ѕ҃.ѡ҃.м҃.г҃. (6843—1335)»[1]).

Мраморныя колонны, поддерживающія уступы надъ дверями, сдѣланы также съ искуснымъ разнообразіемъ. Такъ, напримѣръ, съ сѣверной стороны, первая пара этихъ маленькихъ колоннъ обвита виноградною лозою, вторая круглая, третья витая, четвертая 4-угольная, пятая — 8-угольная. Капители этихъ колоннъ въ коринѳскомъ стилѣ. Надъ капителями крайней боковой пары изваяны, съ одной стороны, одноглавый орелъ, съ другой — человѣческая голова. На боковыхъ колоннахъ у западныхъ дверей помѣщены львы.

Войдемъ теперь въ церковь. Трапеза имѣетъ длины 40 ступней, ширины — 50. Сводъ надъ нею поддерживаютъ четыре легкія, прекрасныя осьмиугольныя мраморныя колонны; пьедесталы средней пары колоннъ украшены по угламъ, на правой сторонѣ, четырьмя львиными головами, на лѣвой — двумя волчьими, одною собачьей и одной бараньей. Надъ капителями колоннъ изваяны, у первой пары, по угламъ, по четыре льва, у второй пары по четыре орла съ распростертыми крыльями. Надъ сводомъ трапезы устроена, какъ во всѣхъ Сербскихъ церквахъ, такъ называемая *женская церковь*: ибо у Сербовъ издревле ведется обычай, что женщины стоятъ въ церкви отдѣльно, въ верхнемъ, особо устроенномъ для нихъ, помѣщеніи. Женская церковь эта часто даже бываетъ закрыта отъ взоровъ мужчинъ, стоящихъ внизу, деревянною рѣшеткою. Но въ Дечанахъ этой рѣшетки нѣтъ.

Надъ западною дверью въ трапезѣ помѣщена надпись:

. . . . . црковь . . . . пандократорова сьздасе и подписасе и

1) Правописаніе этой надписи, также какъ и другихъ, здѣсь приводимыхъ, подновлено. Я привожу ихъ по чтенію напечатанному въ «Дечанскомъ Првенцѣ». Въ бытность мою въ Дечанахъ, я черезъ-чуръ занялся осмотромъ рукописей, такъ что позабылъ о повѣркѣ надписей, напечатанныхъ въ этой книгѣ: теперь очень объ этомъ сожалѣю.

сь(врьшисе въ дни) [1]) превисокаго благовернаго и светаго а҃-го цара Стефана (сына прѣ)высокаго крала Уроша всеи земли Сербские и поморскіе. . . . . въ помень и па(меть) . . . . . Стефану светому кралю Урошу г҃-ему. вь лѣто ѕ҃.ѿ.н.и҃ (6858 — 1350).

Въ трапезѣ находятся три гробницы съ надписями, а именно:

М҃ца Сентабра г. дн. престависе рабь божи Ефрема зовмь Гюргь ѿстоуша . . . . [2]) си гроб его. Вечна му память вь лѣто ѕ҃.ѿ.п.з. (6887—1379),

---

Сии гробь ваниннев алтомановика, а внук деспота ванниша анепсеи кнезу Лазару вечна му память.

Вь лѣто ѕ҃.ѿ.п.в. (6882 — 1374) м҃ца єнуара л҃а. престависе раба б҃жіа драгнна зовмь витослава дьщи углеше венаднка и сестричина оливере деспота а жена бранка ѥкпала (?) и зде еи есть гробь да кто прочте рече и б҃ь да прости вь вѣки аминь.

Широкая дверь изъ трапезы въ главную церковь украшена по бокамъ, со стороны трапезы, шестью сложенными и одною отдѣльною колоннами изъ разноцвѣтнаго мрамора; у пьедестала ихъ съ каждой стороны лежитъ левъ; надъ капителями орлы, а надъ орлами изваяны львы, гораздо меньше нижнихъ. Подъ сложеннымъ изъ шести уступовъ сводомъ, поддерживаемымъ надъ дверью этими колоннами, написанъ образъ Спасителя; съ правой стороны образа, на стѣнѣ помѣщено изображеніе св. короля Стефана Уроша Дечанскаго, съ лѣвой — сына его царя Стефана Душана; съ боку написано, у перваго изображенія:

---

1) Заключенныя въ скобкахъ слова стерты и нами дополнены.

2) Въ «Дечанскомъ Првенцѣ» приведено чтеніе, безъ сомнѣнія, ложное: "ѿстоуш а пепаль носи гроб" и проч.

СВЕТЫ КРАЛЬ ОУРОШЬ Г. ТИ ВСЕ СРБСКІЕ ЗЕМЛИ И ПОМОРСКІЕ И КТИТОРЬ МѢСТА СЕГО СВЕТАГО.

У втораго:

СТЕФАНЬ ВЬ ХРИСТА БОГА ВѢРНЫ ЦАРЬ ГРЬЧКИ И КРАЛЬ ВСЕ СРБСКІЕ ЗЕМЛИ И ПОМОРСКІЕ И КТИТОРЬ МѢСТА СЕГО СВЕТАГО.

Главная церковь имѣетъ длины, отъ двери до иконостаса, 50 ступней (съ алтаремъ 80 ст.), ширины 74. Куполъ поддерживается четырьмя столбами, покрытыми живописью; каждому изъ этихъ столбовъ соотвѣтствуетъ одна прекрасная мраморная осьмиугольная колонна, водруженная по серединѣ между столбомъ и стѣною церкви. Иконостасъ деревянный, образа на немъ старинные; весь онъ въ позолотѣ и производитъ великолѣпный эффектъ. Между образами помѣщенъ ликъ Св. Симеона Немани, Св. Савы и Св. Стефана Дечанскаго.

На правой сторонѣ царскихъ дверей стоитъ рака съ крестомъ изъ честнаго древа, принесеннымъ, по преданію, изъ Іерусалима Св. Савою и окованнымъ, какъ гласитъ на подножіи его надпись, въ 1332 году, Св. Стефаномъ Дечанскимъ, который завѣщалъ его Дечанской обители. Другой драгоцѣнный крестъ, хранящійся на св. престолѣ въ этой обители, сооруженъ былъ для нея царемъ Душаномъ, въ 1348 году [1]). Съ лѣвой стороны царскихъ дверей почиваютъ въ ракѣ мощи св. короля Стефана Уроша III, которому народъ придаетъ имя созданной имъ обители. На правой сторонѣ церкви лежатъ мощи Св. Елены, сестры Дечанскаго короля и супруги Болгарскаго царя Михаила. Куполъ весь въ образахъ и въ позолотѣ. Внутренность церкви выложена бѣлымъ мраморомъ. Въ серединѣ виситъ большое паникадило; на цѣпяхъ вылиты слова: «Стефань краль» [2]), и гербъ Сербскій (крестъ съ обращеннымъ

1) Онъ подробно описанъ въ Архивѣ «za povêstnicu jugoslavensku», II, 2.

2) Нѣкоторыя цѣпи были прибавлены «новыми ктиторами» обители, Евгеніею (Милицею) вдовою князя Лазаря и ея двумя сыновьями, Стефаномъ и Волкомъ.

наружу полумѣсяцемъ въ каждомъ изъ четырехъ угловъ); надъ гербомъ вылитъ двуглавый орелъ Сербскій. — У столба съ правой стороны стоитъ древній престолъ Сербскихъ царей, изъ бѣлаго мрамора. Онъ теперь заколоченъ доскою и на немъ поставлена икона Св. Стефана. Боковые предѣлы, Св. Николая и Св. Димитрія, отдѣлены отъ главной церкви спереди только небольшою мраморною перегородкою, такъ что, стоя посреди главной церкви, вы видите всѣ три иконостаса: этимъ увеличивается красота и свѣтлый видъ церкви. Полъ въ цѣломъ храмѣ сдѣланъ изъ разноцвѣтныхъ мраморныхъ плитъ.

Мѣстность, въ которой построенъ Дечанскій храмъ Вседержителя, превосходна. Онъ стоитъ въ небольшой долинѣ; съ востока ограждаетъ его высокая, мрачная, скалистая гора, Плѣшъ, принадлежащая къ хребту, который тянется отъ Печи до Призрена и отдѣляетъ Старую Сербію отъ Албаніи; съ другихъ сторонъ окружаютъ его красивые пригорки, покрытые живописною зеленью каштановъ; подъ стѣною монастыря течетъ холодный, горный потокъ Быстрица. Монастырь стоитъ въ сторонѣ отъ большой дороги, но вблизи ея [1]).

Этому удаленію Дечанскій храмъ обязанъ, можетъ быть, своимъ сохраненіемъ. Но при всемъ томъ, онъ въ продолженіе болѣе 450 лѣтъ подвергнутъ былъ непрестанной опасности, и нельзя не сказать, съ Сербскимъ народомъ, что самъ Богъ чудесно хранилъ его. Еще въ концѣ XIV вѣка, послѣ Косовской битвы, монастырь былъ разоренъ Турками. Когда его посѣтила благочестивая вдова святаго Лазаря, Милица, принявшая уже иноческое имя Евгеніи и руководившая своими двумя молодыми сыновьями въ управленіи несчастною землею Сербскою, то она нашла «красное мѣсто, обитель святаго краля Стефана Уроша III-го, толико потружденіе и усердіе святаго ктитора, попуще-

1) Въ 2 часахъ отъ Печи и въ одномъ часѣ отъ монастыря находится источникъ въ прекрасной мѣстности. Его называютъ до сихъ поръ *Краљска вода*, и разсказываютъ, что святой король Дечанскій любилъ отдыхать у него.

ніемъ Божіимъ, нашихъ ради грѣхъ, отъ злочестивыхъ языкъ Исмаильскихъ пожежено и опровержено, и метохи (имѣнія) отъяты и близу запустѣнія постигше....» [1]). Она потрудилась возобновить монастырь, и поминается въ немъ, какъ вторая его основательница. Что именно «пожгли и опровергли» Турки въ Дечанскомъ монастырѣ? Храмъ стоитъ донынѣ невредимо почти въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ рукъ художника, Которскаго Францисканца Вита. Но колокольня, возвышавшаяся надъ воротами монастырскими, была, вѣроятно, тогда разрушена (теперь стоитъ только нижняя часть ея), разрушены были жилища монаховъ [2]) и царскія палаты, которыя, какъ говоритъ преданіе, построены были въ монастырѣ Святымъ королемъ и его сыномъ Душаномъ. По какому случаю уцѣлѣла церковь и сохранились ея священныя сокровища, этого мы не знаемъ. Сербское преданіе приписываетъ разореніе обители какому-то «царю-Татархану», который хотѣлъ обратить храмъ Вседержителя въ мечеть: начали Турецкій *намазъ*, мулла простеръ у двери церковной свой коверъ и сталъ совершать свои колѣнопреклоненія, какъ вдругъ упалъ каменный левъ, украшавшій боковую часть окна надъ этою дверью, и убилъ мусульманина на мѣстѣ. «Татарханъ» такъ испугался, что тотчасъ же удалился изъ монастыря, и съ тѣхъ поръ Турки боятся прикоснуться къ этому храму.

Но опасность для Дечанъ все-таки не прекращалась. Дечанскіе монахи говорятъ справедливо, что они находятся въ самой пасти волчьей. Дарственныя грамоты Стефана Уроша III и Евгеніи исчисляютъ въ окрестностяхъ монастыря нѣсколько десятковъ христіанскихъ селъ, съ которыхъ доходы были предоставлены обители. Поэтому даже весь край отъ Печи до окрестностей Призрена получилъ и сохраняетъ донынѣ назва-

---

1) См. дарственную грамоту Св. Евгеніи и ея сыновей, въ «Дечанскомъ Первенцѣ» стр. 41.

2) Теперешнія келліи суть бѣдныя, плохія постройки позднѣйшихъ временъ.

ніе *Метохіи*, т. е. церковнаго владѣнія (отъ Греч. слова μέτοχος, перешедшаго въ старо-Сербскій языкъ). Теперь почти всѣ села около Дечанъ, приводимыя въ этихъ грамотахъ XIV вѣка, существуютъ и удержали свои прежнія имена, но всѣ они — Албанскія, Магометанскія. Въ самомъ даже селѣ Дечане осталось всего два христіанскихъ дома; кромѣ того только въ селѣ Любоничи есть три, да въ с. Лочане шесть Сербскихъ семействъ; а Магометанскихъ, Арнаутскихъ домовъ считаютъ въ окрестностяхъ монастыря болѣе трехъ тысячъ. Все это послѣдствія великаго переселенія Сербовъ въ Австрію въ 1690 г. Если бы Арнауты были фанатики, то великолѣпный памятникъ святаго Сербскаго короля-мученика служилъ бы давно мечетью, какъ соборная церковь, построенная царемъ Душаномъ въ Призренѣ. Но, если Арнауты не фанатики, то они разбойники. Уважая святыню Дечанскую, прибѣгая даже, нерѣдко, къ мощамъ святаго короля за исцѣленіемъ, они стараются притѣснять и грабить монаховъ, какъ можно больше, и жить на ихъ счетъ. Они то украдутъ монастырскую корову или овцу, то подымутъ и унесутъ стога сѣна, собраннаго нанятыми монастыремъ работниками: это именно случилось, пока я былъ въ Дечанахъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ невольнаго гостепріимства, которое обитель принуждена оказывать этимъ дикарямъ. Я сидѣлъ преспокойно вечеромъ въ монастырѣ, разговаривая съ его хозяевами, какъ вдругъ слышу, стукъ! стукъ! въ ворота. «Ничего, сказали мнѣ на мой вопросъ, что это такое: Арнауты пришли ночевать. Они проработали день въ полѣ, а итти домой имъ не захотѣлось, или далеко показалось; такъ они зашли къ намъ. Они расположатся внизу, съ вашими кавазами, и будутъ у насъ ужинать и пить водку, разумѣется безплатно».—А сколько ихъ пришло? «Нынче человѣкъ съ двадцать, а бываетъ, что навалитъ и сотня и больше».—А не пустить ихъ развѣ нельзя? «Какъ можно! Выдь тогда любой изъ насъ за ограду монастырскую, такъ его застрѣлятъ». При этихъ словахъ мнѣ показали въ потол-

кѣ настоятельской горницы слѣды пуль, которыми недавно еще вздумалось Арнаутамъ угостить архимандрита, почему-то ихъ неудовлетворившаго. Случись въ какомъ-нибудь изъ окрестныхъ селъ свадьба: Арнауты придутъ въ монастырь занять верховыхъ лошадей, которыхъ загоняютъ страшно, займутъ ложекъ, посуды, нерѣдко даже потребуютъ парчевой ризы для украшенія невѣсты во время торжества; надобно однако сказать къ чести дикарей, что все это, «по минованіи надобности», возвращается. Но не возвратится и не уплатится ведро или два водки, которыя монастырь долженъ пожаловать, по случаю радости, своимъ добрымъ сосѣдямъ.

Всѣ эти угощенія поглощаютъ большую часть доходовъ монастыря; ктому же онъ долженъ вносить ежегодно митрополиту 50 червонцевъ; я не говорю о поборахъ Турецкихъ властей и т. д. Доходы же Дечанской обители, прежде владѣвшей огромными помѣстьями, крайне скудны. За нею еще до послѣднихъ годовъ оставалась сосѣдняя каштановая роща и небольшія поля; но Арнауты завладѣли теперь всѣмъ этимъ и грозятъ ружьемъ, когда монахи заговорятъ о своихъ правахъ. Только въ окрестностяхъ Призрена монастырь сохранилъ небольшую землю и виноградники, насаженные, какъ увѣряютъ, еще св. королемъ Стефаномъ. Но помѣстье это приноситъ немного; а другихъ доходовъ почти нѣтъ. Весь приходъ Дечанскій состоитъ, какъ я сказалъ, въ одиннадцати сельскихъ домахъ. Богомольцы посѣщаютъ монастырь въ день Успенія, но ихъ далеко не такъ много, какъ можно бъ было ожидать по святости и знаменитости мѣста, ибо путь не безопасенъ и почитается даже болѣе опаснымъ, чѣмъ есть въ дѣйствительности. Обитель поддерживается преимущественно милостынею, собираемою монахами по разнымъ краямъ Сербскимъ, болѣе всего въ Княжествѣ. Надобно отдать справедливость и народу Сербскаго княжества и его правительству, что они не забываютъ нуждающейся братіи, храненію которой ввѣренъ

лучшій памятникъ старинной Сербской славы. Но при всемъ томъ нельзя представить себѣ положенія тягостнѣе, чѣмъ въ какомъ находятся Дечанскіе иноки: бѣдность, необходимость безпрестанно имѣть дѣло съ дикими Арнаутами, ублажать ихъ и откупаться отъ нихъ, и въ довершеніе всего, постоянная опасность быть ими застрѣленнымъ. Не удивительно, что монахи пользуются первою возможностью, чтобы перейти въ другую обитель и что мало между молодымъ поколѣніемъ охотниковъ вступить въ Дечанскую братью; а удивительно то, какъ въ Дечанахъ еще живетъ человѣкъ до 15-ти. Этимъ положеніемъ Дечанской обители захотѣла воспользоваться Римская пропаганда. Для нея было бы великимъ торжествомъ, если бы ей удалось пріобрѣсти для Рима первую святыню Сербскаго Православія. За дѣло взялась она осторожно. Во время минувшей войны пріѣхалъ въ Дечане оффиціальный агентъ одной изъ Западныхъ державъ и предложилъ братіи покровительство этой державы. Покровительство это, говорилъ онъ, не будетъ имѣть ничего общаго съ вѣроотступничествомъ; отъ иноковъ не потребуютъ ни отреченія отъ ихъ вѣры, ни измѣненія въ богослуженіи; зато, какъ скоро они признаютъ это покровительство, ихъ монастырю будетъ производиться постоянная пенсія, и они будутъ имѣть усерднаго и могущественнаго заступника передъ Турками. Необразованная, огрубѣлая среди Арнаутовъ, Дечанская братія отвѣчала на это словами, возвышеннаго смысла которыхъ она, вѣроятно, сама не сознавала: «что обитель эта не принадлежитъ имъ, что ею они не могутъ распоряжаться даже при согласіи своего митрополита (предложеніе было въ то же время сдѣлано митрополиту, который отвергъ его вмѣстѣ съ братьею монастырскою); что, будучи общею святынею всего Православнаго міра, она есть его достояніе и могла бы быть отчуждена только всею его совокупностію»

Такъ отвѣчала братія. Она предпочла оставаться въ нищетѣ

и безъ покровительства, надѣясь на подаянье, собираемое по православнымъ селамъ и городамъ.

Къ несчастію, подаянье это оскудѣваетъ съ году на годъ. Православные жители Босніи и Герцеговины бѣднѣютъ постоянно, и притомъ должны строить или поддерживать у себя церкви. Черногорія также разорена; а въ Сербскомъ княжествѣ, куда стекаются изъ всѣхъ сосѣднихъ областей Турецкихъ монахи за милостынею, народъ мало-по-малу устаетъ дарить. Если есть на свѣтѣ православная обитель, которой угрожаетъ запустѣніе, если есть святыня, которую поддержать есть долгъ каждаго православнаго, то это монастырь Дечанскій.

Въ трапезѣ Дечанской церкви стоитъ огромный сундукъ, похожій по вышинѣ и ширинѣ на большой шкапъ. Это хранилище старинныхъ книгъ и рукописей. Къ несчастію, сундукъ этотъ не защищаетъ ихъ отъ мышей. Древнихъ богослужебныхъ рукописей, пергаменныхъ и бумажныхъ, писанныхъ въ Сербіи въ XIII, XIV и XV вѣкахъ, довольно много; еще больше новѣйшихъ. Чтобы не развлекать читателя, я не буду останавливать здѣсь его вниманія на этихъ рукописяхъ, а представлю любопытнѣйшія выписки изъ нихъ въ Приложеніи, вмѣстѣ съ выписками изъ другихъ монастырскихъ библіотекъ, осмотрѣнныхъ мною въ Западной Турціи.

XIV.

Отъ Дечанъ до Призрена. Дьяковица и Арнауты.

Изъ Дечанъ до Арнаутскаго города Дьяковицы четыре часа ѣзды по богатой равнинѣ. Вы проѣзжаете или видите издали села: Црнобрегъ, Вокше, Юникъ, Прилѣпъ, Растовица,

Бабе, Грмучель, Дуякъ, Скивьяне, Осѣкъ, мѣстности, которыя всѣ составляли прежде *метохію* Дечанскаго монастыря. Теперь тутъ не осталось ни одного христіанина. Арнауты въ Дьяковицкой нахіи, говорятъ, самые буйные во всей Старой Сербіи. Они пять лѣтъ уже не даютъ казнѣ ни одной копѣйки: сборщики десятины и податей не смѣютъ показаться въ ихъ селахъ. Самоуправство у нихъ полное; все основано на кровной мести. Совѣтуемъ поклонникамъ родоваго быта съѣздить въ Дьяковицу: тамъ они увидятъ родовой бытъ въ натурѣ, а не въ фантазіи; они увидятъ его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ у того же народа, вѣроятно, за нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ: ибо тамъ, гдѣ былъ родовой бытъ, онъ исчезалъ не скоро. Основу Албанскаго быта составляетъ *фисъ*, т. е. родъ. Каждый фисъ имѣетъ общаго предка, который однако обыкновенно теряется въ отдаленномъ времени; члены *фиса* нерѣдко считаютъ десять и болѣе поколѣній отъ своего родоначальника. Поэтому рода бываютъ очень многочисленны. Фисъ въ 30 или 50 домовъ (семействъ) почитается небольшимъ; есть фисы въ 200, 300 и болѣе домовъ. Иногда село бываетъ раздѣлено между двумя или тремя фисами; но очень часто нѣсколько селъ составляютъ одинъ фисъ. При всемъ томъ родовое чувство такъ сильно, что между членами фиса, какъ бы онъ ни былъ многочисленъ, бракъ не допускается: существованіе этого запрещенія особенно замѣчательно у Албанцевъ-мусульманъ, потому что магометанскій законъ дозволяетъ, какъ извѣстно, бракъ между самыми близкими степенями родства, напр. между двоюроднымъ братомъ и сестрою, между дядей и племянницей и т. п. [1]). Албанецъ беретъ себѣ жену въ чужомъ фисѣ. При заключеніи брака взаимная наклонность молодыхъ людей не принимается *никогда* въ разсчетъ, и даже предварительнаго

1) Есть впрочемъ мѣста, особенно ближе къ городамъ, гдѣ позволяется бракъ между членами одного фиса, но не иначе, какъ когда ихъ раздѣляетъ 10, 12 или болѣе поколѣній.

знакомства между ними почти никогда не можетъ быть, потому что, если бы парень вздумалъ любезничать съ дѣвушкою изъ чужаго фиса, то родственники ея непремѣнно убили бы его. Свадьба устроивается родителями или старшими. Но бракъ вовсе не ослабляетъ строгихъ родовыхъ отношеній Албанца къ своему фису, и онъ не входитъ ни въ какую связь съ фисомъ своей жены. Правда, пока оба фиса живутъ мирно другъ съ другомъ, онъ почитается *пріятелемъ* въ ея родѣ; но если возникнетъ распря, онъ дѣлается такимъ же врагомъ родственниковъ своей жены, какъ весь его фисъ. Женщина въ Албанскомъ родовомъ бытѣ не имѣетъ никакого значенія. Но ей служитъ защитою то, что она и послѣ своего брака остается членомъ фиса, въ которомъ родилась: если мужъ ее бьетъ или обижаетъ, то ея фисъ долженъ заступиться и даже мстить за нее. Въ горныхъ мѣстахъ около Скадра (Скутари), гдѣ древній бытъ сохранился, кажется, въ особенной чистотѣ, дочь не получаетъ ничего изъ отцовскаго наслѣдства, развѣ только когда у нея нѣтъ братьевъ, и женихъ покупаетъ ее, платя за нее *вѣно* отцу или братьямъ; но въ другихъ мѣстахъ она приноситъ съ собою мужу приданое, и имѣетъ право на равную съ братьями часть наслѣдства. Правомъ этимъ однако Албанская женщина никогда почти не пользуется: выходя замужъ въ чужой фисъ, она отказывается отъ своей части недвижимаго имущества отцовскаго въ пользу братьевъ или ближайшихъ родственниковъ, потому что мужъ ея могъ бы поплатиться жизнію, если бы вздумалъ владѣть этою частью въ фисѣ, который остается ему чужимъ. Если женщина останетея вдовою, не имѣя дѣтей отъ своего мужа, то ей выдается восьмая часть или цѣнность восьмой части его имущества, и она возвращается въ свой фисъ, прочее же имущество переходитъ къ ближайшимъ родственникамъ; если у нея есть дѣти, то она живетъ съ ними, пользуясь ихъ наслѣдіемъ.

Все общественное устройство Албанцевъ основано на этомъ

союзѣ фиса: члены его обязаны мстить другъ за друга до послѣдняго человѣка, кровь за кровь. Оттого ссоры между фисами бываютъ такъ кровопролитны, ибо если членъ обиженнаго фиса отмстилъ за обиду смертью обидчика, то смерть эта вызываетъ на новую мость и т. д. Такъ, недавно, въ селахъ подъ Дечанскимъ монастыремъ возгорѣлась вражда между фисами Гашъ и Шалья, и погибло до 30 человѣкъ. Существуетъ также обычай выкупа крови деньгами, но онъ рѣдко примѣняется, особенно въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ дѣйствія Турецкихъ властей, и вообще не одобряется народомъ. Есть другіе, болѣе уважаемые Арнаутами, способы прекращенія вражды между фисами. Если убійство отомщено смертью убійцы, то фисы иногда вступаютъ въ переговоры другъ съ другомъ или прибѣгаютъ къ посредничеству третьяго фиса, и тогда они соберутся въ условленномъ мѣстѣ, и всѣ члены враждующихъ фисовъ взаимными поцѣлуями утвердятъ примиреніе. Иногда убійца самъ приходитъ въ домъ ближайшаго родственника убитаго человѣка и, отдавая ему свое ружье, пистолеты, кинжалъ, говоритъ: «я повиненъ въ крови родственника твоего, убей меня». Въ такомъ случаѣ обыкновенно прощается обида, и фисы примиряются. Наконецъ, иногда, если произойдетъ ссора или два человѣка почему-либо возненавидятъ другъ друга, то они, взявъ себя за руки, назначаютъ мѣста поединка: дуель, не на жизнь, а на смерть, происходитъ въ присутствіи фисовъ той и другой стороны, и кровь, пролитая въ ней, не требуетъ мести. Если Албанецъ убьетъ своего родича, т. е. члена того же фиса, то онъ обыкновенно спасается бѣгствомъ отъ мести ближайшихъ родственниковъ убитаго, и поселяется въ какомъ нибудь отдаленномъ краѣ, или же весь фисъ вступается въ дѣло и предотвращаетъ месть примиреніемъ.

Когда фисъ считаетъ себя обиженнымъ и собирается мстить (напримѣръ за угонъ скота или за грабежъ, причиненный у него другимъ фисомъ), или вообще когда онъ хочетъ итти куда

нибудь на разбой или войну, то всѣ члены его становятся въ кружокъ, и старшина спрашиваетъ: «хотите ли вы всѣ итти туда-то?» отвѣчаютъ: «хотимъ». Этотъ спросъ повторяется три раза. Потомъ кто-либо беретъ длинное ружье свое и держитъ его на перевѣсѣ, и тѣ, которые окружаютъ его, ухватываются за ружье рукою и каждый клянется, что будетъ стоять заодно съ братьями, что не измѣнитъ, что погибнетъ тамъ, гдѣ другіе положатъ свои головы: «иначе пусть убьетъ меня это ружье». Потомъ эти отходятъ и приближаются другіе, и такъ они клянутся всѣ поочередно, и горе тому, кто отстанетъ или измѣнитъ. Собственный фисъ его непремѣнно убьетъ. «До сихъ поръ, говорилъ мнѣ Арнаутъ, люди наши умѣли клясться только ружьемъ да ножемъ своимъ, лишь недавно выучились они иногда клясться Богомъ или кораномъ». Чтобы дополнить эту картину Албанскаго быта, приведу еще нѣсколько чертъ. Каждый фисъ имѣетъ своего старшину (по-Арнаутски *шаръ*). Старшина выбирается на сходкѣ (*мѐльѐде* [1]) или *кувѐни*), въ которой участвуетъ старшій изъ каждаго дома (семьи). Если бы случилось раздвоеніе въ мнѣніяхъ сходки при выборѣ старшины, то фисъ можетъ раздѣлиться; и та и другая сторона ставитъ себѣ тогда своего старшину, и образуетъ свой новый фисъ; родство между раздвоившимися такимъ образомъ фисами прекращается. Старшина есть представитель фиса передъ властію. Турецкое начальство имѣетъ дѣло только съ нимъ, и что бы оно ни приказало, фисъ не послушается, если не услышитъ приказанія изъ устъ своего старшины. Старшина предлагаетъ сходкѣ всѣ общія дѣла. Въ сходкѣ, какъ я сказалъ, участвуютъ не всѣ члены, а только старшій изъ каждой семьи. Если членъ сходки не явится въ собраніе безъ уважительной причины, то фисъ нерѣдко наказываетъ его разореніемъ его поля или отнятіемъ стада. Старшій въ семьѣ (*пляку е штеписе*)

---

1) δ произносится какъ Ново-Греч. δ или какъ th въ Англ. this, that.

есть или отецъ или одинъ изъ братьевъ, за которымъ первенство признается не по старшинству, а по взаимному соглашенію братьевъ. Послѣ смерти отца братья могутъ владѣть имуществомъ сообща или раздѣлиться: раздѣлъ производится по-ровну въ присутствіи сходки всего фиса, передъ которой мечется жребій, кому какая часть достанется. Земля есть полная и неотъемлемая собственность владѣльца; почти всѣ члены фиса имѣютъ свой наслѣдственный участокъ, надъ которымъ сходка, фисъ не имѣетъ никакого права: владѣлецъ можетъ продать свою землю другому члену фиса и, съ согласія фиса, всякому постороннему человѣку; но чтобы посторонній покупщикъ могъ владѣть землею среди чужаго фиса, нужно, чтобы онъ снискалъ благосклонность его и былъ имъ принятъ, на сходкѣ, въ число его членовъ, т. е. въ родовой союзъ.

Я разговорился объ Албанцахъ по поводу города Дьяковицы. Изъ всѣхъ поселеній этого народа на Славянской почвѣ, въ Дьяковицѣ Албанская стихія наиболѣе сильна. Въ Дьяковицѣ, на 3500 Албанскихъ мусульманскихъ домовъ, приходится только 120 христіанскихъ, да и то половина христіанъ суть тѣ же Арнауты, только католики; всего 60 домовъ въ Дьяковицѣ Православныхъ и Славянскихъ. Христіане въ Дьяковицѣ всѣ ремесленники: католики почти исключительно золотыхъ дѣлъ мастера, православные — сѣдельщики, шерстобойщики, малера. У православныхъ есть небольшая церковь, недавно построенная и чрезвычайно бѣдная. Вмѣсто образовъ на иконостасѣ наклеены лубочныя картины Греческаго издѣлія. Мудиръ Дьяковицкій, великолѣпной наружности Албанецъ съ огромнымъ орлинымъ носомъ, необыкновенно молчаливый, одѣтый въ широкую непорочной бѣлизны фустанеллу съ богатою, шитою золотомъ красною курткою и босоногій, повелъ меня на ночлегъ къ священнику. Попъ Стефанъ, говорящій по-Арнаутски охотнѣе, чѣмъ по-Сербски, показался мнѣ самымъ мир-

нымъ и безвреднымъ человѣкомъ на свѣтѣ. Тѣмъ страннѣе было видѣть украшеніе комнаты, въ которой обитаетъ этотъ добродушный служитель алтаря: пары четыре пистолетовъ, три длинныхъ Арнаутскихъ ружья и нѣсколько кинжаловъ висятъ у него рядкомъ на стѣнѣ. На мое замѣчаніе объ этой декораціи онъ отвѣчалъ пословицею, которой смыслъ есть тотъ, что съ волками жить, съ волками выть. Впрочемъ, недалеко отъ ружій и пистолетовъ, подъ иконою, у него лежатъ десятка два псалтырей, требниковъ и т. под книгъ Русской печати, и даже «Исторія» чего-то на Русскомъ языкѣ Екатерининскихъ временъ. Отдавая на другое утро визитъ молчаливому мудиру въ фустанеллѣ, я имѣлъ случай проѣхать почти черезъ весь городъ. Арнауты съ непривѣтливымъ любопытствомъ смотрѣли на «Москова». То-то была невидаль для нихъ. Вотъ было бы весело жить въ Дьяковицѣ! Три тысячи пять сотъ домовъ стоятъ «безъ оконъ, безъ дверей», по крайней мѣрѣ оконъ и дверей не видно. Городъ раскинулся на огромное пространство. Домъ мудира стоитъ на пригоркѣ: съ одной стороны видна вдалекѣ цѣпь горъ, съ другой широкая равнина Метохіи, а кругомъ безчисленное множество глиняныхъ мазанокъ.

Шесть часовъ ѣзды, отдѣляющихъ Дьяковицу отъ Призрена, не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго. Вы все ѣдете черезъ Арнаутскій край. Только между Дьяковицею и р. Дриномъ, который здѣсь опять нужно переѣзжать, есть нѣсколько селъ, гдѣ всѣ жители католики. Эти Албанцы-католики отличаются отъ мусульманъ тѣмъ, что носятъ всѣ безъ исключенія коричневаго цвѣта короткую *гуню* (куртку), тогда какъ одежда мусульманъ большею частью скроена изъ бѣлаго сукна съ черными нашивками, а у людей побогаче красная. Албанцевъ-католиковъ считаютъ тамъ до 400 домовъ. Они славятся храбростью и вѣрностью, и поэтому паши охотно нанимаютъ ихъ въ свою службу. Они дѣлятся на фисы точно также, какъ мусульмане, и бьются съ ними и между собою кровь за кровь.

Вы переѣзжаете Дринъ по необыкновенно высокому каменному мосту, построенному въ одну арку. Преданіе приписываетъ его сооруженіе королю Урошу I Храпавому. За Дриномъ католическія села смѣняются опять мусульманскими. Передъ вами открывается великолѣпный видъ горъ, возвышающихся надъ Призреномъ. Надъ самымъ городомъ стоитъ Цвиленъ съ древнимъ Сербскимъ *градомъ* (зàмкомъ); съ обѣихъ сторонъ взгромоздились два конуса, Паштрикъ и Коритникъ, а всю картину замыкаетъ огромная, покрытая снѣгомъ масса Шаръ-планины (Шаръ-дагъ). Призренъ расположенъ въ равнинѣ, у подножія этихъ горъ.

XV.

Призренъ.

Народная пѣснь называетъ Призренъ Сербскимъ *Цареградомъ*. Это названіе не есть случайная гипербола какого нибудь пѣвца-гусляра. Призренъ не былъ столицею Сербскою, пока Сербскій народъ жилъ исключительно въ своей собственной тѣсной сферѣ; онъ сдѣлался столицею въ то время, когда Сербы, подъ сильною рукою преемниковъ Немани, захотѣли перешагнуть черезъ свои предѣлы и соединить подъ своею властію всѣ земли Задунайскаго полуострова, когда расширившееся королевство Сербское стало принимать характеръ обновляемой, полу-Славянской и полу-Греческой Византійской имперіи. Въ эту завоевательную эпоху Неманичи не могли найти лучшаго средоточія для своей пространной державы, чѣмъ Призренъ. Онъ лежитъ еще на Сербской землѣ, но на самомъ краю ея, у подножія огромнаго хребта, остановившаго движеніе Сербскаго племени на югъ и служащаго гранію между имъ и племенемъ

Болгарскимъ, которое обошло этотъ хребетъ съ юговостока и заняло Македонію и восточную часть Албаніи. Въ Призренѣ сходятся дороги, ведущія на западъ, по ущелію Дрина, къ г. Скадру (Скутари) и къ Адріатическому морю, и на востокъ къ ущелію Качанику, за которымъ открываются поля Македоніи; на сѣверъ разстилаются передъ нимъ равнины Подринья, Метохіи и Косова поля, гдѣ соединяются дороги въ Боснію, въ собственную Сербію и въ западную часть Болгаріи. Наконецъ, *градъ* Призренскій, построенный на неприступной скалѣ, на отрогѣ Шаръ-дага, господствуетъ надъ узкимъ ущеліемъ рѣчки Быстрицы, по которому можно въ лѣтнее время подняться на Шаръ и достигнуть такъ называемаго Полога, т. е. края у верховьевъ р. Вардара, и такимъ образомъ прямо перешагнуть изъ бассейна Адріатическаго въ бассейнъ Архипелага. Таковы выгоды положенія Призрена.

И теперь еще Призренъ, благодаря своему положенію, остается довольно многолюднымъ и дѣятельнымъ городомъ. Въ немъ считаютъ около 3000 мусульманскихъ, 900 православныхъ и 100 католическихъ домовъ, и около 12,000 жителей мужескаго пола. Бóльшая часть мусульманъ и всѣ католики Албанцы; между православными большинство Сербы, но есть также довольно много Македонскихъ Валаховъ или Цинцаръ, Болгаръ и Грековъ. Въ рѣчи Призренскихъ Сербовъ уже слышно приближеніе къ Болгарскому нарѣчію; окончанія падежей часто опускаются, особенно въ сочетаніи съ предлогами; напр., я слышалъ неразъ отъ Призренцевъ такія выраженія: *онъ га удрио сосъ ножъ, сосъ рука* вмѣсто: *съ ножемъ, съ рукомъ; онъ е био у Призренъ три годишта* (вм. *у Призрену*); удвоеніе предлога *съ*, образовавшее форму *сосъ*, есть тоже чистый Болгаризмъ, безпрестанно употребляемый Призренцами, также какъ слово *рáбота*, постоянно замѣняющее у нихъ Сербское *посао*, т. е. дѣло. Занимательно бы было прослѣдить это сліяніе Сербскаго языка съ Македоно-Болгарскимъ въ населеніи, занимающемъ

долины Шаръ-планины и Тетовскій край или Пологъ; къ сожалѣнію я принужденъ былъ ограничить свою поѣздку Призреномъ и повернуть оттуда назадъ на сѣверъ.

Древній *градъ* Призренскій, любимое, по словамъ народа, мѣстопребываніе Душана, находится въ полу-часѣ на горѣ, какъ я сказалъ, въ ущельѣ, изъ котораго вытекаетъ рѣчка Быстрица. Мои проводники избавили меня отъ труда подыматься на эту крутизну, увѣривъ меня, что въ *градѣ* можно видѣть только кучи камней, остатокъ прежняго дворца Душанова, а нѣсколько ниже *града* такія же кучи камней, свидѣтельствующія о мѣстѣ, гдѣ находилась нѣкогда большая церковь Св. Архангела Михаила, которую строилъ также Душанъ, но которую Турки разрушили, чтобы употребить камень на сооруженіе мечети. Въ церкви этой было похоронено тѣло великаго Сербскаго царя. Турки, сжегшіе мощи лучшаго духовнаго дѣятеля Сербскаго, Св. Савы, не пощадили также останковъ могущественнѣйшаго политическаго дѣятеля этого народа, и развѣяли по вѣтру прахъ Душана. Церковь Св. Михаила памятна еще тѣмъ, что въ ней былъ земскій соборъ, который долженъ былъ рѣшить судьбу Сербскаго царства послѣ убіенія (въ 1371 г.) Душанова сына Уроша, послѣдняго Неманича, и который окончился роковымъ раздѣленіемъ государства, — главною виною его паденія. Кстати приведу здѣсь, изъ неизданнаго источника [1]), любопытное извѣстіе объ этомъ соборѣ: «и тогда (послѣ убіенія молодаго царя) собору бывшу во граду Призрену въ храмѣ архистратига Михаила.... иже есть на рѣцѣ Быстрицѣ подъ градомъ, выше мѣста Призрена, иже создалъ отъ основанія.... царь Стефанъ, и тѣло его тамо въ гробницѣ бѣ; собору же

1) «Мца Декемвріа в-го память святаго и блаженнаго Уроша младаго, мученика и царя Сербскаго» (по рукописи, списанной въ недавнее время, — кажется въ концѣ прошлаго столѣтія. и хранящейся въ монастырѣ Шишатовцѣ на Фрушкой горѣ: изъ житія видно, что составитель его пользовался хорошими источниками и писалъ его вскорѣ послѣ 1595 года).

собравшуся немалу, и архіепископу кӱръ Даніилу тогда бывшу и митрополитомъ и епископомъ и игуменомъ и многимъ отъ иноковъ и отъ прочаго чина благочестивыхъ, и весь сонмъ Сербскій иже подъ властію тѣхъ, судимъ же бяше Волкашинъ (опекунъ Уроша и его убійца), не повиновашеся, глаголя: «мнѣ предано есть» (т. е. царство); и соборъ съ архіепископомъ и со всѣмъ народомъ: «вѣмы, да есть на время тебѣ поручено (т. е. какъ опекуну)....; но престани, Волкашине, отъ насилія». И многу же мятежу бывшу и крамолѣ,... никако же покорится хотяше. Тогда патріарху съ соборомъ рекшу: «слава тебѣ, господеви, долготерпѣливе и многомилостиве, призри съ высоты святыя своея на озлобленіе людей своихъ, и виждь неправедный судъ, еже съ насиліемъ отъимаютъ!» Потомъ разидошася кійждо во своя. Волкашинъ же раздѣляетъ (царство) на три части, Углеши даетъ Серезъ и нарицаетъ его кесаремъ, а Гойка деспотомъ въ.... Тернову [1]), а самъ въ Сербской земли пребываше».

Отъ старины возвращаюсь опять къ настоящему.

Другой, новый *градъ* Призренскій занимаетъ верхнюю часть города, на склонѣ горы, и служитъ мѣстопребываніемъ паши и небольшаго Турецкаго гарнизона; его постройка принадлежитъ, кажется, ко времени Турецкаго владычества. Городъ раскинулся амфитеатромъ, частію на склонѣ, обозначающемъ начало хребта Шара, частью въ равнинѣ. Дома такіе же, какіе я описалъ въ Печи, маленькіе, слѣпленные изъ нежженныхъ кирпичей и крытые черепицей; окна вездѣ обращены на дворъ; употребленіе стекла почти неизвѣстно въ Призренѣ. Съ великимъ трудомъ удалось мнѣ найти помѣщеніе въ такомъ значительномъ городѣ. Мы пріѣхали въ ханъ; ханъ оказался, правда, большой, но отвратительный: кругомъ двора ряды маленькихъ комнатокъ, почти совершенно темныхъ, потому что оконъ на

---

1) Въ подлинн. «въ Трапезонту сирѣчь Тернову».

улицу не смѣли пробить, а сдѣлали въ каждомъ номерѣ маленькое отверзтіе со стороны крытой деревянной галлереи, составляющей сообщеніе между номерами кругомъ внутренняго двора зданія. Къ счастію, послѣ немалыхъ поисковъ, нашелся гостепріимный христіанскій домъ съ одною довольно просторною, чистою и свѣтлою горницею. Этотъ домъ, кажется, имѣетъ нѣкоторымъ образомъ монополію служить пріютомъ всѣмъ Европейцамъ, посѣщающимъ Призренъ; впрочемъ ихъ бываетъ немного; въ немъ жилъ долго оффиціяльный агентъ, котораго Французское правительство помѣстило въ Призренѣ во время минувшей войны; въ немъ квартировалъ недавно еще какой-то «Франкъ», но кто именно, мнѣ не умѣли сказать.

Расположившись въ Призренѣ, я счелъ долгомъ познакомиться съ его властями и достопримѣчательностями. По узкимъ, кривымъ улицамъ, невообразимо скверно вымощеннымъ, поднялись мы на крутизну, чтобы достигнуть *града*. Мы посѣтили пашу. Губернаторъ Призренскій, Акифъ-паша, принялъ меня весьма ласково. Онъ человѣкъ молодой, съ нѣкоторымъ лоскомъ Константинопольской цивилизаціи, впрочемъ не возвысившійся до знанія Европейскихъ языковъ; но его щеголеватыя манеры и сладкая рѣчь почему-то не возбуждаютъ сочувствія, точно также какъ его полное, румяное, улыбающееся лицо, окаймленное рыжею, подстриженною бородою. Народъ его не любитъ, хотя не упрекаетъ его въ особенномъ тиранствѣ; онъ его не любитъ за непростительную слабость власти, дающую необузданную свободу дикимъ Арнаутамъ, за не совсѣмъ безпристрастный образъ дѣйствія въ дѣлахъ судебныхъ, и наконецъ за склонность кутить съ Цыганками...... Недалеко отъ *конака* паши, тоже въ верхней части города, находится невзрачная по наружности Митрополія. Нынѣшній ея обладатель, «владыка Святорашскій, Призренскій и Скендерійскій (т. е. Скутарскій)» — молодой человѣкъ, въ 1849 году окончившій курсъ ученія въ Константинопольской семи-

наріи, митрополитъ Мелетій. Трудно себѣ представить человѣка благообразнѣе наружностью: высокій статный ростъ, лицо худощавое, блѣдное и нѣсколько желтоватое, съ прекрасными чертами, съ большими черными глазами, длинные, густые, черные какъ смоль волосы и большая, окладистая, черная борода. Этой наружности соотвѣтствуютъ и самыя симпатичныя манеры, проникнутыя какою-то нервною внезапностью и быстротою; ей соотвѣтствуетъ и разумная, пріятная рѣчь. Митрополитъ Мелетій просто очаровалъ меня. Я радовался, слыша наконецъ владыку, между Турецкими Славянами, говорящаго по-Славянски: Мелетій родомъ изъ Серреса (близъ Солуня), города Греческаго, но въ которомъ живетъ много Болгаръ: онъ говоритъ на Македонско-Болгарскомъ нарѣчіи, весьма понятномъ Сербамъ, и произноситъ Славянскіе звуки такъ правильно, что я, признаюсь, принималъ его за природнаго Болгарина, хотя онъ самъ почитаетъ себя за Грека. Не менѣе радовался я, слыша въ его рѣчахъ сочувствіе къ Славянскому народу и къ его духовнымъ нуждамъ, но зато какъ прискорбно мнѣ было противорѣчіе моего личнаго впечатлѣнія съ общими почти отзывами о немъ народа, свидѣтельствующими о нелюбви къ нему и о томъ, что на дѣлѣ его считаютъ однимъ изъ такъ называемыхъ «Грекомановъ», т. е. приверженцевъ исключительнаго преобладанія Греческой народности надъ Славянскою. Съ большою предупредительностью и ласкою принялъ меня митрополитъ Мелетій, и старался облегчить мнѣ поиски для открытія Славянскихъ рукописей; не менѣе обязателенъ былъ онъ для Сербскаго археолога и нумизмата г. Верковича, уже много лѣтъ странствующаго по Турецкимъ землямъ и который, встрѣтившись со мною въ Печи, поѣхалъ со мною въ Призренъ и оттуда сопровождалъ меня черезъ Косово поле до Новаго-Пазара.

Близъ митрополіи находится церковь Св. Георгія, темная и тѣсная, хотя ее расширили недавно пристройкою. Она была

построена во время Турецкаго владычества: объ этомъ свидѣтельствуетъ уже ея неуклюжій видъ, ея малая вышина и плоская крыша. Но подлѣ ея Призренцы теперь строятъ обширную церковь изъ бѣлаго камня; основаніе и нижняя часть стѣны уже выведены; трудно однако сказать, будетъ ли эта постройка живо итти впередъ; деньги, собранныя на церковь, почти всѣ израсходованы, а больше не откуда достать. Между православными купцами въ Призренѣ есть много богатыхъ, но они, кажется, не слишкомъ отличаются щедростью.

Въ церкви Св. Георгія валялось десятка два старыхъ рукописей, заброшенныхъ въ какомъ-то темномъ углу въ верхней, женской части церкви и покрытыхъ слоями пыли. Не только отъ одной пыли страдали онѣ; онѣ гнили отъ сырости и давно служили, по неимѣнію лучшаго лакомства, пищею мышамъ. Пергаменныя, видно, показались вкуснѣе бумажныхъ этимъ животнымъ; потому они преимущественно трудились надъ пергаменнымъ спискомъ Евангелія, писаннымъ прекраснымъ Сербскимъ уставомъ, по видимому, XIII вѣка; Евангеліе это замѣчательно по многимъ древнимъ формамъ языка. Кромѣ того, наиболѣе любопытными показались мнѣ между этими рукописями Минея (мѣсяцъ Декабрь), писанная въ половину на пергаменѣ, въ половину на бумагѣ при «великомъ князѣ» Сербскомъ Лазарѣ (1372 — 1389) [1]), и два Сборника Поученій и Житій, изъ которыхъ одинъ (въ листъ, на бумагѣ, почеркомъ XVI вѣка), заключаетъ въ себѣ краткое Житіе Св. Кирилла

---

1) Съ припискою: Написа же се цркви. стыѥ бце градке. повелѣниѥмь послѣдниꙗго въ иноцѣ тогда соуща. игоумена градоу ѥрмонаха грѣшнаго варлаама. Вь дни кнеза великаго лазара, проуитаѥи бгомь наставлꙗѥми. да рече бгь да прости. (Пониже, тою же рукою): Сїи мѣсѧци декѥврїє приложи сима жупань монастиру стго николы грїгорїатомь, въ вѣчную памет.

Философа¹), Житіе Св. Ромила Чудотворца, написанное его учеником, сотаинникомъ и доброписцемъ Григоріемъ, «въ подкрыліи святые горы Аѳона, въ мѣстѣ, нарицаемѣмь Мелана и Похва у высокопрѣложителному иже въ мученицѣхъ, новому Лазару кнезу», а другой (Болгарской редакціи, на бумагѣ въ четверку, почеркомъ XV вѣка), составленный нарочно, какъ кажется, для женской обители или какой-нибудь благочестивой женщины, заключаетъ въ себѣ Житія нѣсколькихъ мученицъ и множество аскетическихъ разсказовъ о подвигахъ разныхъ инокинь, и представляетъ много весьма рѣдкихъ и любопытныхъ старинныхъ словъ и выраженій.

Церковь Св. Георгія не одна въ Призренѣ: въ Призренѣ, какъ видно, фанатизмъ мусульманъ не былъ такъ силенъ, какъ въ городахъ Босніи и Герцеговины, гдѣ православные съ трудомъ только успѣли сохранить одну какую нибудь церковь. Кромѣ церкви Св. Георгія, въ верхней части города находится храмъ Св. Михаила Архангела, построенный, по преданію, Стефаномъ Штиляновичемъ, Сербскимъ воеводою, жившимъ въ первой половинѣ XVI вѣка; она не велика и по архитектурѣ не изящна, какъ вообще всѣ постройки Сербскія этого времени; но съ высокой террасы, на которой она стоитъ, видъ на городъ и на его окрестности, на горы съ одной стороны и на равнину съ другой, превосходенъ. Близъ церкви Св. Михаила есть еще другая, также небольшая и не замѣчательная ничѣмъ особенными, церковь Вознесенія Господня. Наконецъ, на самомъ дворѣ митрополіи недавно, стараніями митрополита Мелетія, отрыта изъ-подъ груды мусора и освящена вновь небольшая часовня, во имя Св. Николая.

Но христіанамъ оставлены въ Призренѣ только небольшія, темныя и некрасивыя церкви; великолѣпные храмы, украшавшіе

1) Изданное мною въ Извѣстіяхъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

эту столицу Сербскаго царства, у них отняты. Я сказалъ, что большой монастырь Св. Архангела Михаила, находившійся подъ *Душановымъ градомъ*, былъ разломанъ Турками для постройки мечети. Обширная и прекрасная соборная церковь Св. Петки, (Параскевіи), въ нижней части города, построенная, какъ говорятъ, Душаномъ, просто обращена въ мечеть. Мусульмане не потрудились даже скрыть въ ней слѣды ея прежняго, христіанскаго, назначенія. По прежнему возвышается надъ нею колокольня; по прежнему на сѣверной стѣнѣ остались изображенныя посредствомъ искусно сложенныхъ кирпичей слова **САВА СРБСКИ**; по прежнему внутри зданія ясно обозначается мѣсто алтаря (только иконостасъ снятъ), а въ верхней галлереѣ (гдѣ была въ старину женская церковь) видны куски иконъ, написанныхъ на стѣнѣ al fresco и не совсѣмъ выскобленныхъ. Этотъ христіанскій характеръ Джума-джаміи (т. е. мечеть пятницы: такъ называютъ Турки бывшую соборную церковь Св. Петки) столь поразителенъ и непріятенъ для самихъ мусульманъ, что они рѣдко и неохотно вступаютъ въ нее; она стоитъ безъ всякаго присмотра и все болѣе и болѣе разрушается: на верхнюю галлерею трудно было взобраться по развалившейся лѣстницѣ. Говорятъ, что однажды, въ пятницу, повели въ Джума-джамію роту низама (регулярнаго войска), проходившую черезъ Призренъ: солдаты стали роптать и бранить Призренскихъ жителей, что они хотятъ ихъ «огяурить», что ихъ привели не въ мечеть, а въ церковь. «Нѣтъ, это мечеть», сказали имъ. «А что это такое?» спросилъ одинъ изъ солдатъ когда выходили изъ мечети, по окончаніи намаза, указывая на колокольню. — «Это колокольня, отвѣчалъ кто-то изъ туземцевъ, тутъ въ старинное время звонили въ колокола». — «И звонили, и будутъ звонить», замѣтилъ флегматическій солдатъ.

Мнѣ хотѣлось посмотрѣть, не осталось ли въ мечети древнихъ надписей. Если и были на стѣнахъ, то ихъ замарали или выскоблили; но я воспользовался любезностью Турецкаго чи-

новника, который показывалъ мнѣ городъ по порученію паши, и просилъ его велѣть поднять рогожи, которыми мусульмане покрываютъ полы своихъ молеленъ. Поиски были вознаграждены. Подъ рогожами оказалось нѣсколько надгробныхъ плитъ; на одной еще ясно видно было нѣсколько буквъ. Когда смыли съ плиты слой пыли и грязи, я прочелъ:

ПОУТѠ ДИВИТЕСЕ Ѡ ЧЛ҃ВЦИ
ЗРЕШТЕ МЕНЕ И҃НИꙖ ВЬ ГРОБѢ ЛЕЖЕШТА. ОУВѢДИТЕ
ꙖКО И ВИ ТЛѢНИ ЕСТЕ. ꙖКОЖЕ И АЗЬ. И И҃НИꙖ [1] МО
ЛЮ ВЫ ѠЦ҃И И БРАТИꙖ ПОМѢНЕТЕ МЕ
ВЬ МЛ҃ТВА ВАШИ И РЦѢТЕ ВѢЧНА ТИ
ПАМЕТЬ. МЦ҃А АѴГ. ВЬ К҃З (Д҃НЬ) [2].
ПРѢСТАВИ СЕ ТО҃РЬ С҃НЬ ЖЬГРАНОМИКА [3]
И СЕ ГРОБЬ ЕГО И ВЕЧНА МОУ ПАМЕТЬ.
ВЬ ЛѢ҃Т ЅѠЦЕ (6895 — 1383).

Странное было для меня чувство читать въ Турецкой мечети эту надгробную надпись, вѣроятно уже лѣтъ четыреста не видавшую свѣта Божія. Мои провожатые, мусульмане, съ чрезвычайнымъ любопытствомъ слѣдили за мною, какъ я разбиралъ и записывалъ букву за буквою, и когда работа кончилась, имъ ужасно хотѣлось знать, что-такое я прочелъ. Я объяснилъ имъ надпись; но они едва ли повѣрили мнѣ, что смыслъ ея такой простой.

Православные содержатъ въ Призренѣ общественную элементарную школу, въ которую ходитъ человѣкъ 200 мальчиковъ; кромѣ того недавно устроили такую же школу для дѣвочекъ. Одинъ Австрійскій подданный, воспитанникъ Карловецкой семинаріи, г. Николай Мусулинъ, попытался открыть въ послѣд-

1) Эти четыре буквы такъ неразборчивы, что не могу поручаться за вѣрность ихъ чтенія.

2) Слово это стерто.

3) Такъ я прочелъ это имя при разборѣ надписи; но вѣрнѣе бы было кажется, *Жыграновикъ*.

сее время частное училище въ Призренѣ и объявилъ намѣреніе расширить въ немъ кругъ преподаванія, который ограничивается въ общественной школѣ грамотою, катихизисомъ и четырьмя правилами ариѳметики; онъ собралъ до 20 учениковъ, но успѣху его предпріятія мѣшало недоброжелательство митрополита, не знаю по какому случаю происшедшее. — Римско-католическая община имѣетъ въ Призренѣ своего епископа, человѣка пожилаго, образованнаго и даже ученаго, знающаго языки Итальянскій, Албанскій и Турецкій (по-Сербски онъ говоритъ съ трудомъ) и весьма достойнаго, судя по тому уваженію, какимъ онъ пользуется не только между своими, но и между православными; въ Призренѣ есть небольшая католическая церковь и при ней школа. . . .

Что мнѣ сказать еще о Призренѣ? Я провелъ въ немъ только четыре дня, и не могъ, разумѣется, ознакомиться съ нимъ иначе, какъ только съ внѣшней стороны. Но мнѣ показалось, что жизнь въ немъ какъ-то мягче и человѣчнѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ сѣверо-западной Турціи, мною видѣнныхъ. Правда, въ окрестныхъ селеніяхъ буйство Арнаутовъ господствуетъ во всей своей дикой необузданности; но въ самомъ городѣ соблюдается нѣкоторая законность, и надъ Призреномъ туземное мусульманское населеніе не тяготитъ, по видимому, съ такою гнетущею силою, какъ надъ городами Босніи и Герцеговины. Дѣло въ томъ, что туземцы-мусульмане въ Призренѣ большею частію Албанцы, а въ Босніи и Герцеговинѣ Славяне; Албанцы же, какъ я сказалъ, не фанатики, тогда какъ Славяне-*потурченцы*[1]) проникнуты фанатизмомъ до мозга костей. Между этими двумя стихіями замѣтенъ поразительный контрастъ. Если Славянинъ-мусульманинъ дѣйствуетъ кротко и благородно съ раіями, христіанами, то это происхо-

1) Потурченцы — такъ называютъ регенатовъ, преимущественно изъ Босняковъ и Герцеговинцевъ, принявшихъ магометанскую вѣру.

дитъ не отъ равнодушія къ исламизму, а единственно отъ врожденнаго добродушія; если онъ обращается съ ними съ звѣрскою жестокостью, то источникъ его жестокости не въ его природномъ характерѣ, а въ религіозныхъ представленіяхъ, воспламеняющихъ въ немъ ненависть къ «невѣрнымъ». Напротивъ того, объ Албанцѣ-магометанинѣ вы никогда не услышите никакой черты патріархальнаго добродушія къ христіанамъ, а если онъ живетъ съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ, то, будьте увѣрены, причина этому та, что онъ, собственно, совершенно равнодушенъ и къ христіанству и къ магометанству; если же вамъ будутъ говорить о случаяхъ неимовѣрнаго свирѣпства Албанцевъ-мусульманъ противъ беззащитной *раіи*, то приписывайте ихъ не религіозному фанатизму, а природному буйству и кровожадности характера. Это сужденіе составилъ я себѣ изъ поминутныхъ наблюденій надъ характеромъ обоихъ племенъ во время описываемой теперь поѣздки, гдѣ я былъ всегда окруженъ безпрестанно смѣнявшеюся свитою кавазовъ и проводниковъ, то изъ Арнаутовъ, то изъ Славянскихъ *потурченцевъ*. Итакъ въ Призренѣ это по характеру равнодушное къ вѣрѣ населеніе Албанцевъ-магометанъ нѣсколько укротилось и смягчилось подъ вліяніемъ городской, торговой жизни и Оттоманскихъ властей, которымъ иногда бываетъ стыдно допускать слишкомъ явное насиліе и беззаконіе въ мѣстѣ своего пребыванія. Вотъ чѣмъ я объясняю себѣ, что въ Призренѣ, хотя онъ лежитъ гораздо болѣе въ глуши, чѣмъ главные города Босніи и Герцеговинѣ, жизнь христіанъ, по видимому, нѣсколько легче и сноснѣе. Съ большею свободою соединено и большее просвѣщеніе: Призренцы мнѣ показались образованнѣе жителей Боснійскихъ городовъ, они завели у себя женскую школу, — и это великій признакъ просвѣщенія въ Турецкомъ городѣ; значительная часть православной общины поддерживала упомянутаго мною учителя, хотѣвшаго усилить преподаваніе, противъ гнѣва владыки. Къ несчастію, Призренъ такъ удаленъ и отъ Сербіи

и отъ Далмаціи, откуда нѣкоторая умственная жизнь распространяется на сосѣднія Славянскія земли въ Турціи, онъ такъ разобщенъ со всѣмъ остальнымъ міромъ трудностью и, главное, небезопасностью дорогъ, что почти никакая книга, никакая газета не можетъ туда проникнуть; даже письма доставляются въ Призренъ съ «оказіями», потому что, какъ это ни странно относительно значительнаго торговаго центра и главнаго города большой и важной области, онъ находится внѣ всякихъ почтовыхъ сообщеній. Главная дѣятельность въ Призренѣ, разумѣется, торговая, и она сосредоточена, какъ и въ другихъ Сербскихъ городахъ Турціи, преимущественно въ рукахъ православныхъ жителей. Торговля эта почти исключительно внутренняя; Призренскіе купцы еще не ѣздятъ за границу, а покупаютъ иностранные товары изъ вторыхъ рукъ, въ Бѣлградѣ, Сараевѣ, Скадрѣ (Скутари) и т. д. Я описывалъ уже характеръ торговли въ этихъ земляхъ; въ Призренѣ она, разумѣется, еще первобытнѣе, еще болѣе сопряжена съ опасностями, неизбѣжными при доставкѣ товаровъ на вьюкахъ черезъ дикіе, разбойничьи края, еще болѣе основана на кредитѣ и рискѣ; но о значительности ея свидѣтельствуетъ огромная, кипящая народомъ, *чаршія*, занимающая нѣсколько тѣсныхъ, темныхъ, покрытыхъ рогожками и холстинами улицъ (въ Турціи ужасно любятъ завѣшивать лавки перекинутыми черезъ улицу тканями, — говорятъ, не только для прохлады, но, главное, для того, чтобы въ темной лавкѣ покупатель не могъ хорошенько разглядѣть товара и различить гнилаго, попорченнаго отъ хорошаго; въ Сараевѣ послѣ пожара, истребившаго большую часть города и чаршію въ 1853 г. велѣно было снять эти ткани, но купцы всячески стараются избѣгать этого правила и то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ перекидываютъ холстинку черезъ улицу). Этою торговою жизнію Призренъ обязанъ исключительно выгодѣ своего положенія, какъ единственнаго центра сношеній между Македоніею и сѣверною Албаніею съ одной стороны и Босніею и

Сербіею съ другой. Если бы только дороги нѣсколько улучшились и сдѣлались безопасными и прилегающіяся къ Призрену богатыя равнины Подринья, Метохіи и Косова-поля опять увидѣли мирные дни и трудолюбивыхъ жителей, Призренъ сдѣлался бы снова, какъ при Душанѣ, Сербскимъ Царе-градомъ, средоточіемъ дѣятельности всей западной половины Балканскаго полуострова.

XVI.

Отъ Призрена до Неродимли.

Время не позволяло мнѣ продолжать далѣе свой путь на югъ; я принужденъ былъ повернуть назадъ, но, чтобы избрать другую дорогу, я направился на сѣверозападъ, къ Неродимлѣ, чтобы проѣхать оттуда вдоль всего знаменитаго Косова-поля.

Во всей окрестности Призрена, называемой въ народѣ Подринье или Подримъ, Албанское населеніе преобладаетъ надъ Славянскимъ точно также, какъ въ Дукадьинѣ и Метохіи. Край этотъ дѣлится по старинному обычаю, на волости или *нахіи*, которыя замѣнили собою древнія Сербскія *жупы*, но сохранили, кажется, ихъ старинное распредѣленіе. Такъ равнина около Призрена и прилегающій къ ней сѣверный склонъ Шаръ-планины дѣлится на 4 нахіи: на собственный Подримъ, въ которомъ считаютъ около 3000 Албанскихъ, мусульманскихъ и около 300 православныхъ Сербскихъ домовъ, на Раховацъ (50 Албанск. и 100 Сербск. домовъ), Срѣцку-жупу (200 Албанск. и 300 Сербск. д.) и наконецъ Подгоръ (болѣе 1000 Албанскихъ, мусульманскихъ, 20 Албанскихъ католическихъ и около 300 православныхъ домовъ). Наша кавалькада направилась къ Подгору, чтобы посѣтить монастырь Св. Марка, лежащій въ 3 часахъ отъ Призрена.

Въ 1 часѣ разстоянія отъ города, еще въ полѣ, мы встрѣтили довольно значительное, раскинувшееся вдоль крутаго оврага, село Любиджу. Въ немъ мнѣ показывали небольшую церковь, въ которой хранится еще одна пергаменная Тріодь, не очень старинная; почему-то эта Тріодь пользуется особеннымъ уваженіемъ; объ ней мнѣ говорили еще въ Призренѣ, тогда какъ о тамошнихъ рукописяхъ никто не знаетъ и онѣ лежатъ, какъ я сказалъ, въ страшномъ пренебреженіи. Въ Любиджѣ, говорятъ, было въ старину семь церквей; основанія нѣкоторыхъ еще видны. Вообще край около Призрена прежде былъ, можно сказать, усѣянъ церквами и монастырями. Поселяне и священники увѣряли меня, что во время независимости Сербской, въ Призренской нахіи было 360 церквей и монастырей; теперь ихъ тамъ осталось 21, не считая тѣхъ, которыя находятся въ самомъ городѣ и, разумѣется, тѣхъ, которыя лежатъ въ развалинахъ. Число 360, конечно, сказочное; но тѣмъ не менѣе, судя по однимъ развалинамъ древнихъ храмовъ, большихъ и малыхъ, нельзя не удивляться ихъ множеству, особенно въ сравненіи съ Босніею и сѣверо-западною Герцеговиною; видно, что въ Призренскомъ краѣ православная вѣра вкоренена была крѣпко, видно, что народъ тутъ жилъ благочестивый и богатый.

За Любиджею мы скоро повернули съ большой дороги на право, чтобы посмотрѣть на развалины Коришскаго монастыря. Мы стали взбираться на гору Мравинацъ, которая составляетъ, если можно употребить такое выраженіе, одно изъ *предгорій* Шаръ-дага. Мы любовались издали на огромную массу Шара, вершины котораго кое-гдѣ блестѣли снѣгомъ, и который закрывалъ горизонтъ прямо передъ нами и направо; налѣво стоялъ другой такой же величественный хребетъ, Люботинь. По страшной трущобѣ ѣхали мы болѣе полу-часа, краемъ горы Мравинца, то подымаясь, то спускаясь, и добрались наконецъ до площадки, образуемой скалами надъ глубокимъ ущельемъ. Здѣсь былъ выстроенъ Коришскій монастырь. Онъ давно запу-

стѣлъ, и самое село Корища, находящееся нѣсколько выше, въ горахъ, перешло въ руки Арнаутовъ, мусульманъ. Мѣсто, въ которомъ спасался юный отшельникъ, Св. Петръ Корищскій, по своему уединенію, по страшной пропасти и грознымъ скаламъ, которыми оно окружено, напоминаетъ ту обитель, гдѣ теперь покоится его тѣло, Чернорѣцкій монастырь, уже описанный мною. Мой спутникъ, Призренскій священникъ Стефанъ, сталъ показывать мнѣ всѣ остатки древней Корищской обители. Мы вошли въ небольшую пещеру, въ которой Св. Петръ устроилъ церковь. Въ ней еще довольно хорошо сохранился написанный на скалѣ образъ Спасителя; подлѣ образа мы могли прочесть слова:

МНѢ НЕ
ИМАТЬ
ХОДИТИ
ВЪ ТИРЕ
ВЕТЬ...

Вблизи отъ этой пещеры находится другая, ниже, но длиннѣе, въ которой, какъ говорятъ, постился отшельникъ, и въ которой потомъ устроена была также церковь. Передъ нею, на площадкѣ, молодой схимникъ, по разсказу моего провожатаго, боролся съ діаволомъ и повергъ его на землю, подкрѣпленный Архангеломъ Гавріиломъ. Нѣсколько далѣе стоятъ развалины зданія величественнаго: Царь Душанъ, чтобы почтить достойно память святаго юноши, котораго онъ зналъ и любилъ¹), вскорѣ послѣ его смерти рѣшился выстроить подлѣ его пещеры большую, великолѣпную церковь. Но какъ было помѣстить ее на склонѣ горы, гдѣ природа образовала лишь нѣсколько неболь-

¹) Приведенныя мною здѣсь преданія о Св. Петрѣ Корищскомъ разсказаны мнѣ были священникомъ Стефаномъ, который говорилъ мнѣ, что онъ читалъ Житіе этого святаго въ одной старой рукописи, находящейся у какого-то сельскаго іерея въ окрестностяхъ Призрена. Онъ хотѣлъ достать мнѣ эту рукопись, но не досталъ, а Житія этого мнѣ нигдѣ не случилось найти.

шихъ уступовъ и узкихъ площадокъ. Душанъ смѣло бросилъ аркаду въ глубину ущелья, и на аркадѣ основалъ церковь. Арка стоитъ еще почти невредима, но церковь мусульмане разрушили; только уцѣлѣлъ большой кусокъ одной изъ стѣнъ, именно той, которая стоитъ надъ самою пропастью, не примыкая къ горѣ. На ней видны еще образа, написанные въ три ряда, одинъ надъ другимъ. Арнауты испестрили ихъ пулями, потому что нельзя было подходить близко и скоблить ихъ ножами, какъ они дѣлали съ образами, написанными въ пещерахъ. Отчего путешественники все ѣздятъ по торнымъ дорогамъ, описывая мѣстности, давно извѣстныя, и снимая виды, уже сто разъ перенесенные на бумагу? Отчего никто изъ художниковъ еще не заглянулъ въ Славянскія земли Турціи? Какой чудесный видъ представило бы ему Коришское ущелье съ его высокою аркадою и съ кускомъ стѣны Душановой церкви, странно торчащимъ на аркадѣ надъ пропастью!

Осмотрѣвъ Коришу, мы возвратились назадъ и потомъ вскорѣ опять повернули въ горы. Въ монастырѣ Св. Марка насъ ждалъ гостепріимный пріютъ. Монастырь этотъ построенъ почти въ такой же глуши, какъ Коришская обитель, но мѣстность менѣе замѣчательна. Основатели его были, по словамъ преданія, два брата, Призренскіе купцы, во время Турецкаго владычества; они выхлопотали для обители фирманъ султана Баязида, и завѣщали ей свое имущество и земли. Вскорѣ монастырь былъ разоренъ; 370 лѣтъ тому назадъ, по тому же преданію, его обновили, но онъ опять запустѣлъ, и долго, долго церковь служила сосѣднимъ Албанцамъ хлѣвомъ для козъ, которыхъ гоняли пастись въ окрестныя горы, — пока, наконецъ, одинъ трудолюбивый священникъ, Пароеній, умершій 72 года тому назадъ, вторично обновилъ церковь и монастырь. Церковь низенькая, небольшая, келліи бѣдныя, и обитель скудно поддерживается трудами трехъ или четырехъ монаховъ, которые живутъ въ ней, и подаяніемъ Призренскихъ жителей. Весь

околотокъ населенъ Албанцами. Не долго бы уцѣлѣла обитель съ такими сосѣдями, если бы христіанская святыня не внушала уваженія этимъ грубымъ мусульманамъ, дѣды или прадѣды которыхъ были еще христіанами, хотя по имени[1]. Арнауты, сосѣди монастыря, убѣждены, что кража чего бы то ни было, принадлежащаго обители, или другое оскорбленіе, ей нанесенное, влечетъ за собою страшную кару, — неминуемое съумасшествіе виновнаго. Монахи увѣряли меня, что на ихъ памяти были случаи, способствовавшіе распространенію такого убѣжденія; разумѣется, они стараются поддерживать въ Албанцахъ это вѣрованіе. Неопредѣленность религіозныхъ понятій у этихъ дикарей такова, что они очень часто, въ случаѣ болѣзни, приходятъ въ монастырь за духовною помощью, для которой однако необходимою казалась бы вѣра: монахъ читаетъ надъ ними молитву, осѣняетъ ихъ крестнымъ знаменіемъ, и они возвращаются домой съ облегченной душою.

Иноки обители Св. Марка съ величайшею готовностью принесли мнѣ всѣ свои рукописи; ихъ въ монастырѣ десятка два, но все довольно новыя, писанныя на бумагѣ; я не нашелъ въ нихъ ничего замѣчательнаго. Одинъ изъ братіи объявилъ что въ старомъ, заколоченномъ подвалѣ монастырскомъ, можетъ быть есть еще какія нибудь ненужныя книги; съ большимъ трудомъ приподняли одну изъ досокъ, и мы съ фонаремъ пролѣзли въ подвалъ; но работа была напрасная, книгъ не оказалось. Любезность иноковъ еще не удовлетворилась этимъ: старшій между ними вспомнилъ, что когда онъ былъ еще мальчикомъ и служилъ у прежняго настоятеля (и единственнаго въ то время хранителя) монастыря, т. е. лѣтъ 40 тому назадъ, этотъ монахъ зарылъ въ землю какія-то древнія книги. Онъ даже указалъ на мѣсто, гдѣ это было. Пошли копать, но так-

1) Я говорю только *по имени*, потому что горныя племена Албанцевъ-католиковъ имѣютъ въ себѣ чрезвычайно мало христіанскаго.

же по-напрасну: конечно, если и были тут рукописи, то онѣ давно сгнили, тѣмъ болѣе, что по этому мѣсту вода стекаетъ съ горъ.

На другой день мы, послѣ небольшаго переѣзда, достигли монастыря Св. Троицы, называемаго Русинскимъ. Онъ стоитъ на небольшемъ возвышеніи у подножія горы Русеница: получилъ ли онъ отъ нея свое названіе или гора по немъ прозвана? Монастырь этотъ возобновленъ былъ въ 1832 году; когда и кѣмъ онъ былъ построенъ первоначально, мнѣ не умѣли сказать. Церковь довольно просторна и хороша, но бѣдна; стѣны выбѣлены, и никакихъ слѣдовъ старины не осталось. Монастырское зданіе замѣчательно обширною залою съ большими окнами, откуда видъ на окрестность чудеснѣйшій. Въ монастырѣ всего четыре или пять рукописей, и то не важныхъ; въ новыхъ богослужебныхъ книгахъ великій недостатокъ, какъ вездѣ въ этомъ краѣ.

Не долго пробыли мы въ монастырѣ Св. Троицы, и поспѣшили далѣе, чтобы достигнуть Неродимли. Дорога идетъ сначала полемъ Подгоромъ. Въ сторонѣ мнѣ показали села Поневляне и Дворьяне: жители ихъ помнятъ до сихъ поръ, что во время Сербскихъ королей одно изъ этихъ селъ было церковное, другое придворное. Незамѣтно выѣхали мы изъ равнины и стали подыматься, сперва по отлогому каменистому склону, на которомъ растутъ кое-гдѣ такъ-называемые *церы*, т. е. каменистые дубы, а потомъ круто вверхъ, на Езерскую *планину* (хребетъ). Хребетъ этотъ, впрочемъ не высокій, отдѣляетъ Подринье, т. е. край, прилегающій къ Призрену, отъ Косова поля и примыкающихъ къ нему мѣстностей. Онъ составляетъ, какъ кажется, водораздѣлъ между притоками Дрина, текущаго въ Адріатическое море, и Ситницы, принадлежащей къ Дунайской системѣ. На верху, при перевалѣ черезъ хребетъ, мы слѣзли съ коней и дали имъ покушать дубовыхъ листьевъ, а сами сѣли и любовались, — я, по крайней мѣрѣ, на панораму горъ

и поля. Къ сожалѣнію, никто изъ моихъ кавасовъ не былъ изъ этого края, а попъ Стефанъ уже оставилъ насъ и вернулся въ Призренъ; нельзя было ни разспросить названій окружающихъ горъ, ни узнать чего бы то ни было о мѣстности. Правда, кавазы, данные мнѣ изъ Призрена, были въ Нередимлю, можетъ быть, сотню разъ на своемъ вѣку; но они не были оттуда родомъ, и стало быть, ничего не знали объ этихъ мѣстахъ, кромѣ направленія дороги; это народъ не любопытствующій.

Спустившись съ Езерскихъ горъ, мы ѣхали еще часа четыре по какимъ-то глухимъ мѣстамъ, не встрѣчая ни одной души. Дорога вилась по теченію рѣчки; справа стояли высокія горы, слѣва рядъ холмовъ и небольшихъ горъ; всѣ эти мѣста покрыты лѣсомъ и кустарникомъ. Рѣчка, которая путь протекаетъ, называется Езерскою рѣкою; мнѣ разсказали потомъ Нередимскіе жители, что она не вдалекѣ отъ ихъ села раздѣляется и течетъ однимъ рукавомъ въ «Бѣлое» море, а другимъ въ Черное; первый рукавъ соединяется съ Лепенцемъ, который впадаетъ въ Вардаръ, текущій въ Архипелагъ или, какъ называютъ его Сербы и Турки, Бѣлое море; другимъ рукавомъ вода этой рѣчки вливается въ Ситницу, изъ Ситницы въ Ибръ, изъ Ибра въ Мораву, изъ Моравы въ Дунай. Въ глуши, въ которой мы ѣхали, мы вдругъ были поражены видомъ развалины. Въ одномъ мѣстѣ, двѣ высоты, между которыми течетъ Езерская рѣчка, нѣсколько разступаются, стоитъ большая, красивая церковь. Крыша и часть купола ея провалились, стѣны во многихъ мѣстахъ стали разрушаться, бѣлыя каменныя плиты, покрывавшія кирпичи, попадали, внутренность завалена камнемъ и мусоромъ; но издали зданіе кажется почти невредимымъ, и оно могло бы быть возобновлено съ малымъ трудомъ. Мы стали мѣрить церковь: длина ея оказалась 63 ступни большаго размѣра, ширина 24. Церковь имѣла одинъ куполъ; внутри не было колоннъ, но зданіе поддерживалось тремя поперечными стѣнами, въ которыхъ продѣланы были по три арки

для прохода; средняя большая и высокая, двѣ боковыя поменьше и пониже; первая отдѣляла трапезу отъ собственной церкви, послѣдняя служила иконостасомъ. На стѣнахъ сохранилось еще многія иконы и живописныя изображенія, одно изъ нихъ, по видимому, относилось къ дѣяніямъ Сербскихъ государей: оно представляетъ какія-то лица, сидящія на престолахъ въ богатомъ одѣяніи. Окна церкви небольшія, скругленныя, двойныя, раздѣляемыя колонною. Никто изъ моихъ провожатыхъ не умѣлъ мнѣ сказать, что это за церковь. «Такъ себѣ, старая церковь, давно *обаталилась* [1]), отвѣчали мнѣ на мои разспросы. Потомъ я узналъ, что церковь эта есть мѣсто замѣчательное въ Сербской исторіи. Это тотъ храмъ и монастырь Успенія Пресв. Богородицы, въ которомъ похороненъ былъ послѣдній Неманичъ, молодой царь Урошъ, убитый Волкашиномъ. Также только въ послѣдствіи узналъ я, что близъ этой церкви, въ горахъ, находятся развалины *града* Петрича, одной изъ древнихъ резиденцій Сербскихъ государей. Жаль, что я не могъ посѣтить его. Не лишнимъ будетъ привести изъ неизданнаго Житія Уроша разсказъ объ его убіеніи, которое такъ тѣсно связано съ описываемыми здѣсь мѣстами. «По нѣколицѣхъ лѣтѣхъ Волкашинъ разсвирѣпився, уготоваетъ своё злохитрое слуге убійству готовитися, и по нѣкихъ днехъ и исходитъ на ловитву у поле Косово, якоже обычай имъ бысть, и тамо убиваетъ младаго царя на мѣсту Судница зовемая. Вечеру бывшу глубоку, относитъ его въ монастырь, который новый храмъ Успеніе Пресвятыя Богородицы, подкриліе града Петрича, ныне Неродимль, прежде именоваша Породимъ, послѣжде Неродимъ наречена бысть третимъ Урошемъ Стефаномъ, иже есть въ Дечанѣхъ, есть дѣдъ младаго Уроша.» [2])

[2]) Здѣсь составитель Житія распространяется о несчастномъ происшествіи, давшемъ поводъ къ переименованію Породимли въ Неродимлю: ...поже оболгаша и навѣти творяху пресвѣтлому царю Стефану ... Ду-

Гдѣ монастырь есть, и при томъ монастыри (т. е. при вышеупомянутомъ монастырѣ Успенія) рѣка течетъ изъ горы близъ села зовомогъ Шариникъ, и ту приносятъ тѣло младаго Уроша, яко же напреди помянухомъ, и никому о томъ вѣдомо бѣ тогда, развѣ приносимымъ (читай: приносившимъ) и предстателеви монастыря того; и полагаютъ его въ гробницу церковну у паперти, еще отъ прародителей созидаема бѣ, и плочу (т. е. плиту) возваляютъ мраморну сверху тѣла; нощи бывшей, потаено творяху, да бы инымъ невѣдомо было, точію содѣявшимъ злое. Мати же плачащи сына своего поискаетъ, и собору сбравшуся въ царскихъ полатахъ, вкупѣ и сродство его о поисканіи младаго царя (*дополни:* помышляютъ), тамо плачу велику и рыданію совопрошающема другъ друга, что бысть днесь? Се мати сына ищущи, горцѣ вопіющи: камо отиде, что сотворися чаду моему любезному? раби же повсюди обтицаху, царя ищуще, и ничто же обрѣтаху. Увы нужды належащей! Тогда цара же великаго и храбраго Стефана (*дополни:* супруга) приходитъ къ Волкашину съ прочими изъ погибшаго царя полатъ, и вопрошаютъ его, гдѣ есть младый царь, и что бысть, камо поиде? Волкашину же отвѣщавающу: и азъ невѣмъ, что бысть....... Временемъ же минувшимъ, изиде слухъ повсюди за его неправедное убиство, и еще къ тому приложися плачъ горшій паче перваго, и рыданіе немало отъ сродникъ и знаемыхъ его; и отходятъ въ монастырь по изъявленіи, вопрошающе предстателя, оному же отвѣщающу, вся подробну сказуетъ имъ; и умо-

---

шанъ названъ *царемъ* per anticipationem: тогда онъ былъ только королемъ, соправителемъ своего отца, Стефана Уроша III Дечанскаго) на родителя его третіяго Уроша; и многа зла подъятъ отъ сына своего, вязанія узъ и темницъ, и злостраданія, якоже въ житію его гласитъ; понеже пристанище сего блаженаго бяше непостоянное, овогда въ градѣ Петричу, а овогда въ Звечану, идѣже и конецъ житія пріятъ, имъ же единъ Господь вѣсть, неиспытаны судьбы его! Царъ же превысокій Стефанъ овогда у Скопію граду, овогда Призрену, въ Греческой страни, въ Сересу же наипаче (читай: въ Сересу же наипаче, въ Греческой страни) находящеся.

лица предстателя открыти раку и видѣти; и тогда горша бысть жалость и рыданіе, лобизающе тѣло, и царскою діадемою облагають и убрусомъ покрываютъ лице его.....»

Церковь эта, вскорѣ потомъ запустѣвшая, совершенно была забыта Сербскимъ народомъ; ее положеніе въ глухомъ ущеліи, конечно, способствовало этой неизвѣстности. Народная пѣснь замѣнила ее, въ сказаніяхъ о кончинѣ Уроша, «церковью-Самодрежею», лежащею за Вучитрномъ, имя которой сдѣлалось извѣстнымъ народу въ слѣдствіе того, что въ ней святой князь Лазарь исповѣдалъ и причасталъ войско, долженствовавшее сложить свои головы *«за честный крестъ»* на Косовомъ полѣ. Но Неродимскіе жители еще помнятъ и разсказывали мнѣ, что молодой царь Урошъ былъ убитъ на охотѣ близъ ихъ села: они указываютъ на холмъ, называемый Главицею, въ одномъ часѣ разстоянія отъ Неродимли на востокъ, какъ на мѣсто, гдѣ совершено было роковое преступленіе: утомленный ловлею, говорятъ они, молодой царь остановился тамъ у колодца, сошелъ съ коня и нагнулся, чтобы зачерпнуть воды; въ это мгновеніе Вукашинъ ударилъ его мечемъ по затылку. Колодезь, прежде славившійся чистою, вкусною водою, съ того времени, по ихъ словамъ, обратился въ грязную лужу. Народная пѣснь скрыла убіеніе Уроша за поэтическимъ сказаніемъ о томъ, какъ къ церкви-Самодрежѣ собрались искатели Сербскаго престола: послѣдній Неманичъ Урошъ, его опекунъ Вукашинъ и два его брата, Углеша и Гойко; какъ они призвали безпристрастнаго героя, сына Вукашинова, Марка, въ судьи спора; какъ Марко рѣшилъ въ пользу законнаго наслѣдника; какъ разгнѣванный Вукашинъ преслѣдовалъ роднаго сына съ кинжаломъ кругомъ церкви; какъ передъ Маркомъ, не смѣвшимъ поднять руку на отца, открылись церковныя двери и затворились за нимъ сами собою; какъ изступленный Волкашинъ ударилъ по косяку кинжаломъ и кровь выступила изъ косяка, и какъ Вукашинъ, воскликнувшій въ испугѣ, что онъ

убилъ своего сына, услышалъ изъ церкви отвѣтъ: «ты не пронзилъ Марка, ты пронзилъ Божьяго ангела!» Никакого подобнаго поэтическаго сказанія, связаннаго съ смертію Уроша, вы не услышите въ Неродимлѣ· тамъ каждый поселянинъ помнитъ это роковое для Сербскаго народа преступленіе, совершившееся 491 годъ тому назадъ, какъ чисто-историческое событіе; Неродимцы до сихъ поръ, можно сказать, оплакиваютъ Уроша: эта печаль слышна въ той глубокой скорби, съ какою они разсказываютъ объ его смерти и о томъ, какъ въ послѣдствіи унесли отъ нихъ его мощи. Замѣчательна эта противоположность, въ народныхъ Сербскихъ сказаніяхъ, строго историческаго преданія, живущаго исключительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ событіе совершилось, и другаго, поэтическаго, вольно носящагося изъ одного края Сербской земли въ другой; замѣчательно вообще, что на самомъ Косовомъ полѣ, гдѣ разыгрались всѣ событія Сербской исторіи отъ смерти Уроша до смерти князя Лазаря, событія, составляющія главный циклъ Сербскихъ эпическихъ пѣсенъ, пѣсни эти совершенно неизвѣстны. Сколько я ни разспрашивалъ поселянъ въ Неродимлѣ и въ разныхъ деревняхъ на Косовомъ полѣ про пѣсни объ Урошѣ, Вукашинѣ, Милошѣ и Лазарѣ, вездѣ былъ одинъ отвѣтъ: «такихъ пѣсенъ у насъ не знаютъ!» «Если хочешь слышать пѣсни о Лазарѣ, поѣзжай въ Черную Гору и Приморье», замѣтилъ мнѣ одинъ изъ Неродимцевъ. Видно, поэзія не въ силахъ была овладѣть событіемъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оно совершилось и гдѣ рѣчка, пригорокъ, могила напоминаютъ о немъ народу въ его сухой, дѣйствительной формѣ. — Читатель проститъ мнѣ это отступленіе объ убіеніи царя Уроша и сказаніяхъ о немъ. Мы стоимъ теперь, такъ сказать, на порогѣ Косова поля, на которомъ каждый шагъ политъ кровью и говоритъ о трагической гибели Сербскаго царства, о паденіи Сербскаго народа; здѣсь-то именно и мѣсто было вспомнить подробности о преступленіи, пресѣкшемъ великій домъ Неманичей въ лицѣ пре-

красныго юноши, ибо Косовское пораженіе и иго Турецкое было, по представленію Сербскаго народа, не разъ выраженному имъ, отмщеніемъ за это преступленіе: сперва, не далѣе какъ черезъ четыре года послѣ убіенія Уроша, Волкашинъ съ своимъ братомъ и приверженцами погибли позорно, застигнутые врасплохъ и разбитые слабою Турецкою ратью на р. Марицѣ; а черезъ 22 года весь народъ Сербскій палъ, въ храбромъ, честномъ бою, на Косовомъ полѣ. Въ первомъ пораженіи современники и близкіе потомки видѣли «злую кару злыхъ убійцъ», а во второй, всенародной, славной катастрофѣ—гнѣвъ Божій, заслуженный народомъ, который хотя не опозорилъ себя преступленіемъ, но оправдалъ его, признавъ убійцу своимъ государемъ.

XVII.

Косово-поле отъ Неродимли до Приштины.

Мы ѣхали цѣлый день, съ ранняго утра до заката солнца, и все еще не видно было Неродимли. Мы просто изнемогали, а все вилась передъ нами та же Езерская рѣчка, которую я начиналъ считать безконечною, все тѣ же высоты закрывали намъ видъ направо и налѣво. Нѣсколько разъ мнѣ казалось, что холмы на лѣво понижаются, и я думалъ, вотъ-вотъ мы выѣдемъ въ поле, но все поля не было Наконецъ холмы, простиравшіеся на лѣво отъ нашей дороги, дѣйствительно исчезли, цѣпь горъ, возвышавшаяся направо, отклонилась нѣсколько на востокъ, и мы вступили въ равнину, засѣянную кукурузою и покрытою множествомъ плодовитыхъ деревьевъ. Скоро среди кукурузныхъ полей и деревьевъ стали показываться избушки, передъ которыми кое-гдѣ сидѣли на корточкахъ Мусульмане, съ трубками и вооруженные съ ногъ до головы, и безоружные, не

курящіе Христіане. Уже поздно вечеромъ въѣхали мы на обширный дворъ *хана*. Ханъ этотъ примыкаетъ къ какой-то старой каменной *кулѣ* (башнѣ), которая составляетъ теперь, вмѣстѣ съ пристройкою въ новомъ вкусѣ, жилище Неродимскаго *мудиръ-векили* (намѣстника мудира). Ему принадлежитъ, кажется, и ханъ, который отдается на откупъ Христіанину. Про Неродимлю идетъ дурная слава. Еще прежде убіенія царя Уроша, мѣсто это было ознаменовано другимъ великимъ злодѣяніемъ: здѣсь [1]) въ 1336 г. отецъ несчастнаго Уроша, Душанъ напалъ на своего отца, Стефана, святаго строителя Дечанскаго храма, схватилъ его и отправилъ въ неприступную крѣпость, гдѣ онъ былъ задушенъ. Проклятымъ съ тѣхъ поръ казалось Сербамъ это мѣсто: прежде оно называлось Породимлею, какъ бы въ знакъ плодородія, а съ того времени переименовано было въ Неродимлю. Такъ свидѣтельствуетъ одно сказаніе о житіи Уроша [2]), и свидѣтельство это подтверждается оффиціальными документами [3]). Это замѣчательное переименованіе на-

---

1) Цароставникъ Даніила: «сему же родителю его благочестивому кралю (Стефану Дечанскому) тогда стоящу во славнемъ дворѣ своемъ, рекомѣмъ Неродимля, и сиковому же дѣлу николи же надѣящуся; сіи же властели (т. е. бояре) совокупившеся съ сыномъ его, якоже выше указахомъ и воставше отъ земли Зетскія, отъ града же Скадра, и дневи глаголемому средѣ свитающу, ставши по средѣ горы Прозрака, разредишася коему убо ихъ отъ кія страны пріити, свои своими, и тако во единъ часъ сотвориша нашествіе около двора его, и вопли велику бывшу, сей же родитель его превысокій краль всѣдъ на конь свой и прибѣже во градъ глаголемый Петречъ, съ нѣкоторыми малыми властелъ своихъ, ту же во дворѣ своемъ оставль подружіе свое благочестивую кралицу и съ чады своими. Сей христолюбивый сынъ его . . . . воставъ иде съ вои своими на градъ, идѣ же бѣ бѣглъ родитель его, и той дается ему, и родителю его исшедшу, сей сынъ его, падъ, поклонися ему . . . . Но убо по сихъ . . . . сей Христолюбивый сынъ его совѣщаніе сотвори съ сущими его властели, и повелѣно бысть родителю его ведену быти и съ подружіемъ своимъ во славный градъ Звечанъ и тамо блюсти и» и проч. (Цароставникъ по списку Карловецкой библіотеки, съ подновленнымъ правописаніемъ: я пользуюсь копіею съ этого списка, хранящеюся въ Румянцевскомъ Музеѣ).

2) См. выше.

3) Въ грамотѣ Стефана Дечанскаго, 1330 года, мы читаемъ *Породимля*, въ грамотѣ Душана (неизвѣстнаго года, у Миклошича № CIX) — *Неродимля*.

поминаетъ превращеніе Римлянами города *Maleventum* въ *Beneventum*, только въ обратномъ смыслѣ. Тамошніе жители знаютъ и теперь, что ихъ село прежде называлось Породимлею; но они приписываютъ его печальное переименованіе убіенію Уроша. Тяжелое впечатлѣніе соединено въ памяти народа съ именемъ Неродимли. Когда я ѣхалъ туда, мнѣ говорили, что это — «проклето мѣсто», что тамъ живутъ «злые люди», что Христіане Неродимскіе также дики и непривѣтливы какъ Мусульмане. И дѣйствительно, когда я расположился въ ханѣ, они искоса и враждебно смотрѣли на меня. Слова «Московъ» и «Риштянинъ» не производили на нихъ никакого дѣйствія. Мнѣ нужно было въ Неродимлѣ отпустить подводы, несшія мой багажъ отъ Призрена, и взять новыя; обыкновенно перемѣна подводъ обходилась безъ хлопотъ, потому что поселяне давали довольно охотно своихъ лошадей путешественнику, отъ котораго ожидали не только исправной уплаты по таксѣ, но и *бакшиша;* не то было въ Неродимлѣ: когда рано утромъ, мои кавазы пошли за лошадьми, ни одной лошади въ селѣ не оказалось; всѣхъ угнали въ горы. Меня утѣшали тѣмъ, что Неродимцы, по злобности своего характера, дѣлаютъ это со всякимъ проѣзжимъ, который хочетъ взять у нихъ подводъ. Я послалъ своихъ кавазовъ ловить лошадей. Часа черезъ два привели одну какую-то клячу, а нужно было пять лошадей. Мнѣ объявили, что больше лошадей нельзя достать до вечера, но что можно найти телѣгу и пару воловъ, которые довезутъ вещи до слѣдующаго ночлега. Нечего было дѣлать: г. Верковичъ и мой человѣкъ, которые ѣхали оба на перемѣнныхъ подводахъ, должны были прибѣгнуть къ телѣгѣ; для конвоированія ихъ и багажа я оставилъ своихъ кавазовъ, а самъ, чтобы не ждать нѣсколько часовъ, пока приведутъ воловъ, посадилъ на Неродимскую клячу одного изъ поселянъ, который согласился быть мнѣ проводникомъ, и, вооружившись револьверомъ, отправился впередъ. Прежде однако осмотрѣлъ я Неродимскую церковь. Она имѣетъ

видъ небольшой часовни изъ бѣлаго камня; креста на ней нѣтъ; священника не было тогда въ Неродимлѣ, онъ поѣхалъ въ сосѣднія села совершать требы. На наружной стѣнѣ по обѣимъ сторонамъ двери сохранились изображенія двухъ государей Сербскихъ; на лѣвой сторонѣ, надъ изображеніемъ человѣка лѣтъ пожилаго (вѣроятно Св. Стефана Дечанскаго) написано:

КРАЛЬ СТЫ
СТЕФАНЬ;

на правой сторонѣ, гдѣ нарисованъ государь молодой, вѣроятно Стефанъ Душанъ, уцѣлѣло изъ надписи только слово СТЕФАНЬ. У изображеній этихъ, какъ вездѣ, гдѣ рука Мусульманъ могла достать до ненавистной имъ живописи, глаза выковыряны и лица поскоблены ножами. Надъ дверью церкви начертана надпись, въ которой говорится, что этотъ храмъ Свв. Архангелъ по запустѣніи обновленъ былъ въ 7208 (т. е. 1700) году.

Въ Неродимлѣ и окрестныхъ селеніяхъ считаютъ 103 Православныхъ дома; Мусульманскихъ несравненно больше, но числа ихъ мнѣ не могли сказать.

Отъ Неродимли начинается Косово-поле, и тянется на 14 часовъ пути (около 70 верстъ), до Митровицы, крайней на югозападъ точки Боснійскаго пашалыка. Ширина его не ровная, но нигдѣ, кажется, не болѣе пяти или шести часовъ. Это большой параллелограммъ, лежащій между Македоніею и Босніею и заслоненный отъ первой на юго-востокъ высокимъ хребтомъ Любетинемъ, вершина котораго, Круглица, покрыта была снѣгомъ среди лѣта, а отъ второй, на сѣверо-западъ, хребтомъ Рогозномъ; съ обѣихъ этихъ сторонъ ведутъ къ нему ущелья: съ юго-востока, со стороны Македоніи, весьма узкое, Качаникъ, прорытое рѣчкою Лепенцемъ, притокомъ Вардара; нѣсколько болѣе широкое, по рѣчкѣ Баньской — съ сѣверо-запада, со стороны Босніи. Боковыя грани параллелограмма, сѣверная и южная, не такъ ясно обозначены природою. По всей дорогѣ отъ Неродимли до

Митровицы вы видите справа и слѣва рядъ высотъ, то довольно большихъ и крутыхъ (особенно съ сѣверной стороны), то незначительныхъ и отлогихъ. Высоты эти не имѣютъ общаго названія, а обозначаются именами деревень, которыя разсѣяны по ихъ склонамъ. Между ними выдается только довольно большая гора Голешъ: она стоитъ почти по срединѣ южной гряды, ограждающей Косово поле. Южная гряда эта отдѣляетъ поле отъ Подримья и Метохіи, сѣверная гряда — отъ Новобрдскаго края, мѣстности котораго еще вовсе неизвѣстны и который остается *en blanc* на всѣхъ картахъ Турціи. Все пространство Косова-поля не составляетъ совершенно гладкой равнины; есть на немъ небольшія неровности и нѣсколько довольно странныхъ котлообразныхъ углубленій; есть болота у истоковъ рѣчки Ситницы, въ двухъ часахъ отъ Неродимли, и по теченію этой рѣчки и ея притока, Лаба, орошающихъ Косово-поле. Косово-поле лежитъ теперь, можно сказать, пустыремъ; большая часть его поросла кустарникомъ и мелкимъ лѣсомъ; есть на немъ обширные луга; обработаны только ближайшія окрестности городовъ и деревень: тамъ чудно растетъ пшеница и кукуруза и показываетъ, какими богатыми жатвами покрылась бы эта превосходная равнина въ рукахъ дѣятельнаго населенія.

Одинъ взглядъ на положеніе Косова-поля показываетъ, что на немъ должны были сталкиваться войска сѣверо-западныхъ областей Задунайскаго полуострова, сходившія съ горныхъ пространствъ Сербіи и Босніи, съ войсками, выступавшими изъ юго-восточныхъ областей этого полуострова, изъ Ѳракіи, Македоніи, Ѳессаліи. И сколько разъ лилась здѣсь кровь! она лилась въ 1073 году, когда Косово-поле еще причислялось къ землѣ Болгарской, и когда Сербы одержали подъ Приштиною великую побѣду надъ Греками и ихъ Болгарскими союзниками [1]; около 1170 г., когда основатель Сербскаго единодержа-

1) См. Joannis Curopalatae Historia (въ Боннск. изд. Кедрина, II 715 — 716).

вія, Неманя, отстоялъ, въ битвѣ на Ситницѣ, подъ Звечаномъ, это единодержавіе противъ своихъ братьевъ и помогавшихъ имъ Грековъ и наемныхъ Франковъ и Турокъ; въ 1389 году, когда Сербское царство пало на Косовѣ; въ 1403 году, когда Стефанъ, сынъ павшаго на Косовѣ князя Лазаря, почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ погибъ его отецъ (близъ Грачаницы), одержалъ великую побѣду (къ несчастію, почти безплодную), надъ Султаномъ Мусою, внукомъ того Мурата, котораго послѣднимъ, предсмертнымъ приказаніемъ было обезглавить отца Стефанова[1]); въ 1448 году, когда три дня (17,

1) Житіе и жизнь присноповиваемаго и словуща и благочестиваго деспота Стефана. Списано повелѣніемъ и понужденіемъ святѣйшаго патріарха земля тоя Серпьскія кур Никона и полатьныхъ начальникъ (по списку библіотеки Троицко-Сергіевской Лавры). Приведу здѣсь разсказъ этого Житія о второй, слишкомъ мало извѣстной, но славной для Сербовъ, битвѣ на Косовѣ: (Послѣ гибели Баязита подъ Анкирою, Стефанъ Лазаревичъ, деспотъ Сербскій, бывшій въ Малой Азіи въ числѣ союзниковъ Султана) .... въздвигся.... отъ предреченнаго острова (Митилины), корабии идяше; и како бысть пристати ему въ Арбанасы (т. е. Албанію), съ великимъ любочестіемъ срѣтаетъ его господинъ странъ тѣхъ; бѣ бо и зять; сей бо Арбанашкый господинъ, Гюргъ имя ему, поялъ бѣ Елену сестру его въ жену, отъ нея же роди сына Балшу, иже и той бысть господинъ земля тоя, всякыми добрыми дѣлы сіая .... Зять его вышереченный подаетъ ему воинство, елико возможно, въ еже допроводити того. Грядущу же ему и приближающемуся къ предѣломъ Сърбъскымъ, идѣже първаа архіепископіа Сръблемъ, и что по сихъ подобааше сътворити съдръжащіимъ толикымъ сильнымъ путемъ (*читай*: пути) и множество много сущемъ, якоже рече Омиръ бытіа Троадскаго Еллиномъ? Пришедъ убо на Косово и увѣдѣвъ многыхъ суще, раздѣляетъ сущая съ нимъ въ два полка ...... Бяше же пришло и отъ матере его тъщнѣйшее воиньство, обрѣтшеся вскорѣ матернимъ поспѣшеніемъ; и убо множайшая воя въдаетъ брату Влъку, самъ же малѣйшую часть съ собою веемъ, идетъ въ брань, и Исмаилитскому же воиньству вдале сущемъ, въ два плъка и тѣмъ раздѣлившимся. Въсходитъ же самъ яко на предѣлъ нѣкій, Градъчаничьскый глаголемый, идѣ же ся предызаступившихъ того обрѣтаетъ, на нихъ же зѣло мужественнѣ ополъчися, елико того узрѣвшимъ тѣмъ, другъ къ другу въскликнути: «Възрите, възрите Лазарева сына». И абіе со словомъ бѣгу ся яша. Сей же окровавляше десницу свою въ мѣсти крови врагъ своихъ.... Юнѣйши же братъ сего ополъчися на нетіа своего (т. е. на Юрія, сына Вука Бранковича, который стоялъ на сторонѣ Султана Мусы) ити, христіаньское скуфьтро, его же разбивше гнаша; бяше же съ Гюргемъ нетіемъ его, иже послѣди деспотъ бысть всей земли Сербской. Бяше же тогда и кесарь Углешь со Исмаилиты, и тъи много служеніе

18. 19 Окт.) герой Гуніадъ бился на Ситницѣ съ 50,000 противъ 150,000 Турокъ и потерпѣлъ страшное пораженіе; въ 1689 г., когда Австрійскій полководецъ Пикколомини былъ разбитъ Турками на Косовомъ полѣ, и наконецъ въ 1831, когда тутъ же войско Султана Махмуда разбило ополченіе Босняковъ, возставшихъ подъ знаменемъ Гусейна-капетана Градашчевича за янычарство и Мусульманскую старину. Но всѣхъ позднѣйшихъ сраженій, даже того, которое было 27 лѣтъ тому назадъ, Сербскій народъ не знаетъ и только одно ему памятно: великій бой «на Видовъ день» (15 іюня) 1389 года.

Часа четыре ѣхали мы пустыремъ. Мой проводникъ указывалъ мнѣ на разныя селенія, виднѣвшіяся въ нѣкоторомъ разстояніи по обѣимъ сторонамъ дороги: Мирашъ, Дробнякъ, Деаново около Неродимли, далѣе, на самомъ Косовомъ-полѣ, Сливово и Косини, населенныя Арнаутами, и наконецъ Баблякъ и Бабушъ. Въ послѣднемъ живутъ два брата, Христіанина, Живо и Крсто Бабушанины, владѣюшіе землею, дарованною ихъ предкамъ Султаномъ Муратомъ за какія-то услуги въ его походѣ противъ князя Лазаря, и имѣющіе на этой землѣ до 10 домовъ и участковъ, отдаваемыхъ кметамъ-арендаторамъ. За Бабушемъ слѣдуютъ христіанскія села Робовци, Войновци и Топличане. У самой дороги лежитъ большая каменная плита: мой проводникъ разсказалъ мнѣ, что она служила когда-то св. престоломъ въ церкви села Войновцевъ, недавно разоренной Мусульманами, и что Арнауты изъ окрестныхъ селеній, всякій разъ какъ у нихъ кто нибудь умретъ, приносятъ трупъ и кладутъ на священную плиту, чтобы на этомъ мѣстѣ *ходжа*

сътвори, съславіемъ къ благочестивому (т. е. Стефану Лазаревичу) изъ сихъ, сихъ съвѣты и ковы возвѣщая, таже помалѣ и самъ прибѣгъ подъ крилѣ деспоту Стефану, и землю свою отечьскую, Враню и Иногощу и Прѣтепъ (?) пріятъ и удръжа, и бысть яко же нѣкое крило Христіаномъ. По брани же сей великой Градачаничьска (*чит.* Градъчаничьской) приходита оба брата въ свой градъ Новобръдо, градъ сребреный въ истину и златый и т. д.

прочиталъ надъ нимъ молитву изъ *читаба* [1]). — Мы пріѣхали въ большое село *Липлянъ*, которое было прежде городомъ и митрополіею, и упоминается Византійскими историками уже въ XI вѣкѣ. Еще въ началѣ царствованія Милутина (1275 — 1321) здѣсь проходила граница между Сербіею и Византійскою Имперіею («держава царства Греческаго бѣ прилежащи до мѣста глаголемаго Липьяна», говоритъ Даніилъ въ Житіи этого знаменитаго короля). Теперь тамъ сотня домовъ, изъ которыхъ около 30 православныхъ, и осталась одна маленькая церковь, въ началѣ нынѣшняго столѣтія обновленная. Въ ней я видѣлъ нѣсколько растрепанныхъ, рукописныхъ и старопечатныхъ миней и служебниковъ; новыхъ книгъ нѣтъ почти вовсе. Престолъ въ алтарѣ утвержденъ на Римскомъ надгробномъ камнѣ, поставленномъ вверхъ ногами. Съ большимъ трудомъ могъ я прочесть часть надписи:

PRO. SALVTE. SVA. ET
SVORVM. EBVRNIA
EGN.... ATIÆ FILIO
RVM. ET. ÆLIÆ. BONÆ
CONIVGIS. ET. ATON (?)
Æ. VICTORINÆ. N
RVSTE (?). CORN. LVC.
Æ SOROR (?) EX. V. P.

Липлянскій священникъ взялся провожать меня до сосѣдняго монастыря Грачаницы, находящагося въ двухъ часахъ отъ Липляна и столько же отъ Приштины. Онъ мнѣ указалъ влѣво отъ дороги, у подножія невысокой, ровной горной цѣпи, называемой Велетинемъ, большое село Янево, гдѣ живутъ теперь одни Арнауты, частью магометанскаго, частью католическаго исповѣданія, и разсказывалъ съ непритворною скорбью,

1) *Китабъ* или по Сербскому произношенію *читабъ*: священная книга Мусульманскаго закона, въ тѣсномъ смыслѣ — Коранъ.

какъ католики въ 1856 году заняли и перестроили тамъ для себя большую, запустѣвшую православную церковь Св. Николая, и уничтожали на стѣнахъ ея древнія иконы и старинную Славянскую надпись золотыми буквами. Мы миновали довольно обширное православное село Ливаде и въѣхали въ Грачаницкій монастырь.

Обитель эта, которую построилъ король Стефанъ Урошъ II Милутинъ во имя Благовѣщенія и назначилъ мѣстопребываніемъ епископа, управлявшаго Липлянскою епархіею, и освятилъ въ первый годъ своего царствованія его сынъ, Стефанъ Урошъ III, въ 1322 году, подобно многимъ другимъ храмамъ въ этихъ мѣстахъ, долго находилась въ запустѣніи. Ее обновилъ отецъ нынѣшняго ея настоятеля, молодаго священника Георгія Ристича. За неимѣніемъ иноковъ, обитель ввѣрена ему, хотя онъ только мірской іерей; кромѣ его, въ Грачаницѣ живетъ только одинъ престарѣлый монахъ. Церковь Грачаницкая осталась почти неповрежденною, но колокольня и келліи были разрушены; теперешнія келліи помѣщаются въ небольшой новой постройкѣ въ Турецкомъ вкусѣ.

Церковь, которая при обновленіи посвящена Успенію Пресв. Богородицы, есть высокое, массивное, крестообразно построенное зданіе съ 5 куполами. Длина — 60 ступней, ширина — 45. Окна маленькія и внутренность церкви весьма темна. По обѣимъ сторонамъ алтаря есть небольшой придѣлъ, но въ этихъ придѣлахъ теперь не служатъ, въ нихъ хранятся скудныя, ветхія облаченія, не парчевыя, а холстинныя, составляющія все богатство Грачаницкой ризницы. Трапеза или *приграта* гораздо ниже самой церкви и есть позднѣйшая пристройка (она была окончена въ 1571 году, какъ видно изъ надписи, помѣщенной на стѣнѣ). Надъ этою пристройкою сдѣланъ также куполъ, который приходится ниже куполовъ церкви. Вообще эта *приграта* портитъ видъ церкви. Она построена изъ кирпича, а самая церковь изъ бѣлаго камня, но

между каменными плитами помѣщены ряды кирпичей, которые скругляются дугообразно надъ окнами: эти красныя полосы придаютъ странный видъ наружности зданія. Своды главной церкви опираются на двухъ большихъ столпахъ, соединенныхъ аркою и помѣщенныхъ ближе къ западной сторонѣ, и кромѣ того на 6 меньшихъ столпахъ, расположенныхъ недалеко одинъ отъ другаго, по три съ каждой стороны. На большомъ столпѣ съ правой стороны помѣщены изображенія Сербскихъ государей, съ надписями. Изображенія строителя церкви и его супруги занимаютъ внутреннюю сторону столпа, подъ аркою; тутъ мы прочли:

СТЕФАНЬ ОУРОШЬ ХОУ БОУ ВѢРИ
. . . . КРАЛЬ
. . . . ВСѢ СРБСКИХ ЗЕМЛЬ И ПО
МОРСКИ И ХТІТОРЬ·

Милутинъ нарисованъ старикомъ, съ длинною сѣдою бородою; подлѣ него очень молодая женщина, съ черными волосами и сіяніемъ около головы:

СИМОНИДА КРАЛИЦА ПАЛЕОЛОГІНА
ДЬЩИ ЦАРА АНДРОНІКА ПАЛЕОЛОГА.

Всѣ прочія изображенія написаны въ четыре ряда на западной сторонѣ столпа. Въ нижнемъ ряду лица сильно стерты и надписи такъ полиняли, что ихъ разобрать нельзя; но между ними, въ серединѣ, виденъ ликъ Немани, съ написаннымъ надъ нимъ словомъ **СИМЕОНЬ**. Во второмъ ряду, идя слѣва направо, мы прочли:

САВА АРХИЕПКПЬ·СІНЬ СТЕФАНА ПРЬВОВѢНЬЧАННАГО КРАЛА [1]); — **СТЕФАНЬ ПРЬВОВѢНЬЧАНЫІ КРАЛЬ СИНЬ НЕМАНИНЬ**;—**РАДОСЛАВЬ СНЬ СТЕФАНА ПРЬВОВѢНЬЧАННАГО**

1) Это Сава II, архіепископъ Сербскій.

КРАЛЮ. На краю видно еще одно лицо, но безъ надписи. Третій рядъ состоитъ изъ пяти лицъ: **ȣРОШИЦЬ СИНЬ СТЕФАНОВЬ**; — **ВЛАДИСЛАВЬ СИНЬ СТЕФАНОВЬ**; — ...... **КРАЛ**; — **СТЕФАНЬ БРАТЬ КРАЛЕВЬ**; — **ПЬРЬНѢѴѢЇ** (*тикъ*) **СЕСТРА КРАЛЕВА**. — Наконецъ, въ четвертомъ, верхнемъ ряду, помѣщены: **ȣРОШЬ КРАЛЬ**; — **КОСТАДИНЬ С͠НЬ ȣРОША КРАЛА**; — .... **ЦАРИЦА ДЬЩИ КРАЛЕВА**.

Въ придѣлѣ, служащемъ теперь ризницею и помѣщенномъ на южной сторнонѣ алтаря, одна изъ стѣнъ покрыта огромною надписью, писанною въ 1322 году, и исчисляющею всѣ имѣнія и доходы обители, дарованные ей ея «ктиторомъ», Милутиномъ. Г. Верковичъ съ великими усиліями списалъ ее, и она теперь имъ уже обнародована [1]). Говоря о надписяхъ, приведу кстати еще одну Латинскую, которую я прочелъ на каменной плитѣ, прислоненной къ церкви:

D. M.
FLAVIA. CHRISTI (*такъ*)
VIXIT. ANN. XLII .... SE
VELOX. VILICVS. MA
RITVS. IVLIANVS.
VALENTINA. VELO
CIANVS. FILI. MARI
PIENTISSIME.
B. M. F. C.

Хозяинъ обители встрѣтилъ насъ весьма гостепріимно, но келліи въ Грачаницѣ такъ неудобны, что я предпочелъ расположиться для ночлега на диванъ-хане (балконѣ). Чудная погода покровительствовала мнѣ въ эту поѣздку, и я могъ постоянно ночевать на чистомъ воздухѣ, на моемъ походномъ, гуммеластиковомъ тюфякѣ, и только въ большихъ городахъ, въ Но-

1) Въ Извѣстіяхъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

вомъ Пазарѣ, въ Призренѣ, и въ монастыряхъ, гдѣ есть нѣкоторыя удобства помѣщенія, напримѣръ въ Печи, Дечанахъ и обители Св. Марка, располагался въ комнатѣ. Но за то какое было страданье путешествовать по этимъ странамъ въ холодную осень и зимою, когда нужно запереться въ грязную, душную конурку или ночевать въ конюшнѣ, у огня! Осмотрѣвъ церковь, я сталъ разбирать рукописи; довольно большая кипа ихъ лежитъ въ двухъ изъ тѣхъ *столцевъ* или узкихъ скамеекъ съ высокою спинкою, отдѣленныхъ одна отъ другой наглухо доскою, которыми окружены стѣны въ большей части Сербскихъ церквей (по образцу Греческихъ) и на которыя садятся почетные прихожане (обыкновенно, впрочемъ, они только въ нихъ становятся, спуская дощечку, которая сдѣлана для сидѣнія). Между этими рукописями древнихъ не оказалось; я полагаю, что древнія книги были уничтожены при запустѣніи монастыря, и что тѣ, которыя тамъ находятся теперь, собраны были изъ разныхъ мѣстъ, для потребности богослуженія, когда его обновляли. Но мое вниманіе привлекъ большой сундукъ съ разными клочками бумаги и другимъ хламомъ, стоявшій въ ризницѣ. Я просилъ его вынести, и отрылъ въ немъ по кускамъ одно очень древнее и любопытное Евангеліе, Болгарскаго письма, съ многими особенностями языка, писанное на Греческомъ палимпсестѣ (палимпсестъ этотъ, впрочемъ, заключаетъ въ себѣ только какія-то житія), и нѣсколько другихъ весьма старыхъ клочковъ пергамена.

Грачаницкая обитель пользуется большимъ уваженіемъ въ Сербскомъ народѣ. Это есть, такъ сказать, священный центръ Косова поля. Здѣсь, послѣ битвы, положили тѣло князя Лазаря [1]). Но этотъ монастырь одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ, какіе я видѣлъ. Съ трудомъ поддерживается онъ скуднымъ доходомъ съ

---

1) Потомъ оно перенесено было въ построенный имъ монастырь Раваницу, въ Сербіи, а въ послѣдствіи, въ Новую Раваницу на Фрушкой Горѣ въ Сремѣ.

дворовъ, разбросанныхъ въ окрестныхъ селеніяхъ и составляющихъ его *курію* (приходъ) [1]); нѣсколько помогаютъ ему также жители сосѣдняго города Приштины и нѣкоторые благочестивые Сербы въ Княжествѣ. Но много еще нужно сдѣлать въ Грачаницѣ, чтобы она могла сравниться хотя бы съ другими обителями Старой Сербіи; служба идетъ тамъ невообразимо плохо и неисправно (да это и простительно: въ Грачаницѣ, когда я былъ тамъ, не имѣли даже печатнаго служебника и требника), никто изъ прихожанъ не умѣетъ пѣть; читаютъ часы и прочія молитвы старикъ монахъ, о которомъ я упомянулъ, и церковный сторожъ, съ трудомъ разбирающіе грамоту. При всемъ томъ нельзя не похвалить молодаго священника, которому порученъ монастырь: онъ сдѣлалъ для него что могъ, и, кажется, пользуется уваженіемъ и любовью окрестныхъ жителей.

Въ Грачаницѣ я дождался прибытія воза, медленнымъ шагомъ привезшаго отсталую въ Неродимлѣ часть каравана. На другой день мы благополучно нашли подводъ въ сосѣднемъ селѣ и отправились въ Приштину. Городъ этотъ отстоитъ только на два часа отъ монастыря. Дорога идетъ сначала гладкимъ полемъ; потомъ мы поднялись на небольшой холмъ, называемый Вѣтрникъ, и увидѣли оттуда всю окрестную равнину, рѣчку Ситницу, текущую влѣво отъ дороги, а впереди насъ, въ большомъ углубленіи, множество маленькихъ домовъ и красивыхъ, бѣлыхъ минаретовъ. Это городъ Приштина, одно изъ древнихъ мѣстопребываній Сербскихъ государей.

Приштина заключаетъ въ себѣ до 1500 домовъ (около 1200 Магометанскихъ и до 300 Православныхъ). Городъ похожъ на всѣ другіе города Старой Сербіи; тѣ же домики изъ нежженнаго кирпича, большею частію небѣленные и окруженные безконечными заборами, тѣ же узкія, гадко мощенныя улицы, та же *чаршія* (гостиный дворъ). Приштина отличается

---

1) Сербское выраженіе, взятое съ Греческаго κυρία.

дюжиною красивыхъ мечетей, построенныхъ изъ бѣлаго камня. Народъ объясняетъ эту роскошь въ постройкѣ мечетей тѣмъ, что это все *задушбины* женъ Турецкихъ вельможъ, павшихъ на Косовомъ полѣ. Если въ этомъ преданіи есть доля правды, то, конечно, строеніе Приштинскихъ мечетей относится не къ первому сраженію на Косовомъ полѣ (1389 г.), послѣ котораго Турки очистили Сербскія земли и довольствовались только данью, а къ битвѣ 1443 года, кончившейся великою ихъ побѣдою надъ Гуніадомъ. Мнѣ сказали, что двѣ изъ мечетей перестроены изъ церквей; я поѣхалъ ихъ осматривать, но въ этихъ зданіяхъ ничего не напоминаетъ характера церкви; вѣроятно, христіанскіе храмы были разрушены и только матеріалъ употребленъ на сооруженіе Мусульманскихъ божницъ.

Православные долго не имѣли въ Приштинѣ богослуженія; церкви у нихъ не было, а Грачаницкій монастырь находился въ запустѣніи. Только въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія они получили позволеніе строить церковь. Церковь эта, снаружи похожая на простой домъ, внутри однако просторна и устроена красиво, сравнительно съ другими церквами, воздвигнутыми въ послѣднее время въ этихъ странахъ; на иконостасѣ есть даже образа, большая рѣдкость въ бѣдныхъ церквахъ, построенныхъ Турецкими *раіями*. Подлѣ церкви недавно устроена школа, ученики которой прекрасно поютъ церковныя пѣсни. Впрочемъ, положеніе христіанъ въ Приштинѣ, кажется, незавидное; Албанская стихія сильно преобладаетъ въ этомъ городѣ. Приштина была прежде мѣстопребываніемъ паши, которому подчинено было Косово поле съ безвѣстными намъ краями, прилегающими къ нему на сѣверъ; теперь въ Приштинѣ живетъ простой мудиръ, состоящій подъ начальствомъ Призренскаго губернатора.

XVIII.

Мѣсто Косовскаго побоища; Сербскія сказанія о немъ.

По народному преданію, довольно вѣроятному, Сербское войско Князя Лазаря съ его союзниками, [1]) выдвинувшись сперва за городъ Приштину, около Грачаницкаго монастыря, потомъ отступило, чтобы принять напоръ непріятеля на болѣе выгодной позиціи и стало за рѣку Лабъ, опираясь правымъ крыломъ на Ситницу, которая течетъ вдоль Косова поля, и принимаетъ въ себя Лабъ, а лѣвымъ крыломъ на горы, ограждающія поле съ сѣвера; Турки же, занявъ оставленную Приштину, утвердили главный свой станъ въ углубленіи, находящемся близъ Ситницы, впереди этого города, и выставили часть войска на холмѣ, лежащемъ на полъ-дороги между Приштиною и Лабомъ и называемомъ Мазгитъ.

Почему Сербское войско не поспѣшило предупредить Турокъ и остановить ихъ въ ущельѣ Качаника, непонятно. Это была ошибка огромная, тѣмъ болѣе, что Лазарь потерялъ, какъ видно, нѣсколько дней даромъ на Косовомъ полѣ, выжидая непріятеля. Можно развѣ предполагать одно: что онъ разсчитывалъ на превосходство своего войска, преимущественно своей многочисленной тяжелой конницы, вооруженной латами, и нарочно манилъ Турокъ въ равнину, чтобы тамъ затоптать ихъ пѣхоту. Свидѣтельства Сербскихъ, западныхъ и Турецкихъ сказаній о великомъ Косовскомъ побоищѣ, сходныя въ общихъ чертахъ, разногласятъ въ подробностяхъ. Я не стану разбирать ихъ здѣсь критически и боюсь вдаваться въ стратегическія соображенія. Подробности эти для меня не такъ важны, какъ тотъ вполовину историческій, вполовину эпическій образъ, который составился въ Сербскомъ народѣ о Косовскомъ побоищѣ и ко-

1) Эти союзники были Венгерскій отрядъ и Албанцы подъ предводительствомъ Георгія Кастріота.

торый жители Косова поля прикрѣпили, такъ сказать, къ мѣстности, ихъ окружающей; ибо стратегическія подробности мало прибавятъ къ историческому событію, а эпическій образъ Косовскаго побоища есть живое сокровище Сербскаго народа, одинъ изъ существенныхъ фактовъ его духовной и нравственной жизни.

Многимъ изъ моихъ читателей, вѣроятно, неизвѣстно народное Сербское сказаніе о битвѣ, положившей конецъ государству Неманичей. Потому для нихъ любопытно будетъ, полагаю, прочесть здѣсь это сказаніе, прежде нежели я приступлю къ описанію мѣстности, гдѣ разыгралась великая драма. Я приведу сказаніе о Косовской битвѣ не по тѣмъ, правда, многочисленнымъ и прекраснымъ, но отрывочнымъ пѣснямъ, которыя поются теперь о ней, описывая то одинъ эпизодъ сраженія, то другой, а цѣлую, еще неизданную, рапсодію, или) лучше сказать, двѣ рапсодіи, непосредственно слѣдующія одна за другою, записанныя въ Дубровникѣ (Рагузѣ) въ 1758 г.[1], Для любителя Славянской народной поэзіи эта рапсодія будетъ тѣмъ болѣе драгоцѣнна, что въ ней онъ увидитъ образчикъ особаго, еще мало изслѣдованнаго, народнаго размѣра, который теперь уже исчезъ въ Сербскомъ эпосѣ, но который въ прошломъ столѣтіи преобладалъ въ пѣсняхъ, прославлявшихъ событія отдаленныхъ временъ. Размѣръ этотъ, пятнадцати-сложный, съ цезурою послѣ седьмаго слога[2]),

---

1) Въ сборникѣ, на 212 страницахъ, помѣщенномъ, вмѣстѣ съ другими статьями, въ одной рукописи, принадлежащей библіотекѣ Францисканскаго монастыря въ Дубровникѣ. Онъ имѣетъ заглавіе: Popjévke Slovinské skúpjene gg. 1758 ú Dubrovniku. На немъ слѣдующая замѣтка: Cetærnes (чит. четърнесъ, т. е. четырнадцать) pærvich Popievaka u ovesich kgnigah ispisanich skupi D. Ghjuro Mattei Dubrovcanin (приписано другою рукою: Priminu u Rimu gg. 1728). Osamnes, koje sljedé do tridesete i trechje pribavi Iozo Bettondich vrjedni slovinski spjevalaz (koi priminu u Dubr. gg. 1764: приписано). Ostale sabrane su od mnogo straná. Приводимыя здѣсь пѣсни помѣщены подъ №№ 24 и 22.

2) Иногда вмѣсто 15 слоговъ является 16, съ цезурою послѣ 8-го слога но эта неправильность почти вездѣ только кажущаяся на письмѣ; она исчезала

имѣетъ еще въ большей степени спокойный, медлительный характеръ эпическаго разсказа, нежели десяти-сложный стихъ (съ цезурою послѣ четвертаго слога), который въ Дубровницкомъ сборникѣ 1758 года является въ эпическихъ пѣсняхъ новѣйшаго происхожденія и въ пѣсняхъ лирическихъ, теперь же исключительно господствуетъ въ Сербскомъ эпосѣ. Рапсодія, которую я здѣсь помѣщаю, распадается, какъ я сказалъ, на двѣ части: въ первой заключается разсказъ народный о поводѣ къ измѣнѣ Вука Бранковича, рѣшившей побѣду Турокъ; во второй, гдѣ пѣвцъ въ одномъ мѣстѣ, можно сказать, прямо ссылается на предъидущую, описывается подробно все сраженіе, отъ начала до конца; въ ней обозначены кратко всѣ эпизоды, послужившіе темою многоразличныхъ отдѣльныхъ пѣсенъ Косовскихъ, теперь существующихъ въ Сербскомъ народѣ.

«У окна сидѣла Милица, подруга князя Лазаря, и съ нею были у окна двѣ родныя ея дочки. Милица стала говорить имъ, своимъ дочерямъ: «Любо поглядѣть на Лазаря между зятьями! Но я Милица дала-бы изъ головы свои черныя очи, чтобы Волкъ [1]) Бранковичъ былъ таковъ, какъ Милошъ Кобыловичъ!» А Волкова невѣста отвѣчаетъ своей матери: «Но зато

На прозору сѣђаше Милица Лазара кнеза,
И шньомъ бѣху на прозору двѣ рођенѣ кћерце свое.
Поће ти имъ Милица кћерцамъ своемъ говорити:
«Лѣпо ти е Лазара међу зетимъ погледати!
Ма бихъ дала, Милица, мое у глави църне очи,
Да е Вуче Бранковић ко и Милошъ Кобиловић!«
А Вукова вѣреница майци своіой одговара:

въ произношеніи контракціею двухъ гласныхъ, которыми кончалось одно слово и начиналась слѣдующее.

1) Такъ собственно должно произноситься по-Русски имя *Вукъ*.

Волка родила прекрасная городская боярыня [1]), а Милоша Кобыловича молодая *влахиня* (пастушка) [2]), *влахиня* родила, подъ кобылою вскормила.» Ей говоритъ невѣста Милошева: «Все то правда, что ты говоришь, сестрица, что Волка родила прекрасная городская боярыня, а моего жениха молодая *влахиня* (пастушка), *влахиня* родила, подъ кобылою вскормила: потому и зовется онъ Милошъ Кобыловичъ. Но та кобыла на двухъ бы наскочила волковъ и вышибла бы имъ заднимъ копытомъ передніе зубы. Твой Волкъ красуется куньими и рысьими мѣхами, а Милошъ Кобыловичъ прекраснымъ шелкомъ и бархатомъ.» Досадно стало молодой невѣстѣ Волковой отъ

«Аль е Вука родила лѣпа одъ града владика,
А Милоша Кобиловиħа една млада влахиніца,
Влахиніца родила, подъ кобиломъ одхранила.«
Али ньоме говори Милошева вѣреница:
«Истина е, сестрице, што говоришъ, свеколико,
Да е Вука родила лѣпа одъ града владика,
А мога вѣреника една млада влахиніца,
Влахиніца родила, подъ кобиломъ одхранила;
И зато се онъ зове Милошу Кобиловиħу:
Ма би она кобила до два вука прискочила
И німа [2]) би избила задньомъ ногомъ спредне зубе.
Онъ се Вуче подноси кунинамъ и рисовинамъ,
А Кобиловиħъ Милошу лѣпомъ свиломъ и скарлетомъ.«
Бѣше іомъ се млађахномъ на те рѣчи разжалило,

---

1) *Владика* (въ женск. родѣ) значитъ жена или дочь *властелина*. *Властели* составляли въ древней Сербіи особое аристократическое сословіе; въ Дубровницкой республикѣ *властелями* назывались члены знатныхъ родовъ (по Итал. nobili).

2) *Влахи* составляли въ древнемъ Сербскомъ государствѣ низшій классъ народа, занимавшійся, какъ кажется, преимущественно скотоводствомъ.

3) Въ подлинникѣ, по опискѣ, *дпети*, т. е. нему.

этихъ словъ, и она ударила сестру по румяному бѣлому личику, такъ немилостиво ее ударила, что оцарапала сестрицѣ бѣлое личико перстнемъ, золотымъ перстнемъ съ алмазомъ, который былъ у нея на рукѣ. Кровь потекла у дѣвушки внизъ по бѣлому личику. Ушла молодая въ зеленые сады, и стала плакать подъ зеленымъ деревомъ померанцевымъ, проливаетъ горькія слезы и отираетъ черную кровь. Въ то время Лазарь возвратился въ свои бѣлыя палаты. Коня подъ нимъ приняла Милица, его подруга, подъ молодымъ Волкомъ Бранковичемъ его молодая невѣста, а некому принять коня подъ Милошемъ Кобыловичемъ. Милошъ оглядывается во всѣ стороны. Тогда Милица пошла, чтобы принять подъ нимъ добраго коня, но Милошъ не далъ ей и подойти къ коню: ему случилось посмотрѣть въ зеленый садъ, и онъ завидѣлъ подъ померанцевымъ деревомъ свою молодую невѣсту, какъ она проливаетъ

Рукомъ е ю удрила узъ румено бѣло лишце,
Колико е бѣше немилосно ударила,
На руци іомъ бяше діоманатъ златни пърстенъ,
Пърстеномъ е сестрици бѣло лишце изгърдила,
Кървца е е полила дѣвойку низъ бѣло лишце.
Она млада пошета у зелене перивое,
И отиде цмилити подъ зелену подъ наранчу,
Грозне сузе пролѣва а отире църну кървцу.
У то Лазаръ доходи у своє у бѣле дворе;
Коня му е примила Милица любовца своя,
Младу Вуку Бранковићу своя млада вѣреница,
Нико коня не прима Милошу Кобиловићу,
Теръ се иде Милошу око себе обзирати.
Тада пођe Милица да му прими коня добра;
Ма іомъ не да Милошу на коніца ни гледати:
Дало му се погледатъ у зелене перивое,
Подъ наранчомъ угледа свою младу вѣреницу,

слезы и отираетъ черную кровь. Быстро соскочилъ Милошъ съ своего коня и бросился молодецъ въ зеленый садъ. Онъ сталъ спрашивать свою молодую невѣсту: «Что съ тобою, молодая дѣвушка? отчего проливаешь горькія слезы? проливаешь горькія слезы и отираешь черную кровь? отчего замарала черная кровь твое личико?» Дѣвушка стала отвѣчать Милошу: «Разскажу тебѣ все, какъ было. Ныньче утромъ сидѣли мы въ бѣлыхъ палатахъ у окна и съ нами разговаривала Милица наша матушка. Любо поглядѣть на Лазаря между зятьями! она сказала, но если бы Волкъ Бранковичъ былъ таковъ, какъ Милошъ Кобыловичъ, я Милица дала бы изъ головы свои черныя очи! А моя сестрица отвѣчала матушкѣ: но зато Волка родила прекрасная городская боярыня, а Милоша Кобыловича молодая *влахиня* (пастушка), *влахиня* родила,

---

Дѣ ми сузе пролѣва а отире цьрну кървцу;
Бързо бѣше Милошу коня свога одсѣднуо,
Тере юнакъ отиде у зелене перивое,
И онъ пођe упрашатъ свою младу вѣреницу:
«Што ти е, млада дѣвойко? што пролѣвашъ грозне сузе?
Грозне сузе пролѣвашъ а отирешъ цьрну кървцу?
Што ли ти е цьрна кървца лишце твое изгърдила?»
Али пођe Милошу та дѣвойка одговаратъ:
«Хоћу теби истините свеколико повиђети:
Ютроска смо сидѣле на прозору одъ бѣла двора
И съ нами се Милица майка наша разговара:
Лѣпо ти е Лазара међу зетимъ погледати!
Да е Вуче Бранковићъ ко и Милошъ Кобиловићъ,
Я бихъ дала Милица мое у глави цьрне очи!
Али моя сестрица майци своiомъ одговара:
Ма е Вука родила одъ града лѣпа владика,
А Милоша Кобилића една млада влахиніца,
Влахиніца родила, подъ кобиломъ одхранила,

подъ кобылою вскормила, и потому зовется онъ Милошъ Кобыловичъ. А я отвѣчаю ей такъ на эти рѣчи: все то правда, что ты говоришь, сестрица, что Волка родила прекрасная городская боярыня, а Милоша Кобылича молодая *влахиня*, *влахиня* родила, подъ кобылою вскормила. Но та кобыла на двухъ бы наскочила волковъ и вышибла бы имъ заднимъ копытомъ передніе зубы! Твой Волкъ красуется куньими и рысьими мѣхами, а мой женихъ Милошъ прекраснымъ шелкомъ и бархатомъ. Ей тогда стало досадно при этихъ словахъ и она ударила меня рукою по румяному бѣлому личику: такъ сердито ударила меня, что кровь полилась у меня внизъ по бѣлому личику. Вотъ почему проливаю слезы и отираю черную кровь». Когда Милошъ выслушалъ ту дѣвушку, онъ крѣпко смутился

И зато се онъ зове Милошу Кобиловићу.
А я ньоме овако на те рѣчи одговарамъ:
Истина е, сестрице, што говоришъ, свеколико,
Да е Вука родила лѣпа одъ града владика,
А Кобилић' Милоша една млада влахиніца,
Влахиніца родила, подъ кобиломъ одхранила:
Ма би она кобила до два вука прискочила
И німа [1]) би избила задньомъ ногомъ спредне зубе.
Твой се Вуче подноси кунинамъ и рисовинамъ,
Мой вѣреникъ Милошу лѣпомъ свиломъ и скарлетомъ.
Ньомъ се бѣше тадара на те рѣчи разжалило,
Рукомъ ме е удрила узъ румено бѣло лишце.
Колико ме биаше немилосно ударила,
Кръвца ме е полила низъ мое низъ бѣло лишце.
Зато сузе пролѣвамъ а отиремъ църну кървцу.»
Када ти е Милошу ту дѣвойку разумио,
Онъ се върло смутио у своему сърцу живу,

---

1) Въ подлинн. *злети*.

въ своемъ живомъ сердцѣ. Скокомъ выскочилъ онъ изъ зеленаго сада, онъ схватилъ Волка за тонкое горло молодецкое, повалилъ его на молодецкую черную землю и сталъ его бить правою ногою, вышибъ ему два здоровыхъ зуба изъ русой головы. Лазарь между тѣмъ бросился къ Милошу: «Перестань зять Милошъ, говорилъ онъ, да пощадитъ тебя великій Богъ! перестань буянить и ссориться съ Волкомъ!» Едва упросилъ его князь Лазарь.

———

Сталъ Бушичъ Степанъ рано по утру будеть свою милую [1]): «Встань. любовь моя, съ твоей мягкой постели и открой ты, молодая, окна бѣлыхъ палатъ, пусть развеселитъ свѣтлая заря мои палаты; да посмотри, милая, на высокое ведрое небо: *вла-*

Скокомъ е скочио изъ зелена перивоя,
И Вука е ухитио за юначко танко гърло,
И нега е метнуо на юначку църну землю,
Тере га иде Милошу десномъ ногомъ ударати,
И два му е здрава зуба избио изъ русе главе.
Ма ми бѣше Лазаре ка Милошу прискочио;
«Немой, зете Милошу, не убио те Богъ велики,
Немой, кавге чинити ни съ Вукомъ се посвађати!»
Єдва се му биаше кнезъ Лазаре умолио.

———

Иде Бушићъ Степане люби свою рано будитъ:
«Устани се, любовце, одъ твое мекахне ложнице,
И ти, млада, отвори прозоре одъ бѣла двора,
Нека свѣтла зорица дворе мое обесели.
Пака, люби, погледай по высоку ведру небу:

---

1) *Люби*, т. е. любы, любовь, древняя форма, теперь уже не употребляющаяся въ Сербскомъ языкѣ, часто является въ этихъ старинныхъ пѣсняхъ въ смыслѣ *подруга*, *жена;* теперь въ этомъ смыслѣ употребляется въ Сербскихъ пѣсняхъ уменьшительное *любовца*.

шичи (семизвѣздіе — плеяда) испестрили ли ведрое небо? стоитъ ли звѣзда денница на востокѣ солнечномъ? бьетъ ли барабанъ передъ палатами князя Лазаря? собираются ли господа передъ палатами Лазаря»? Послушалась Степана его молодая подруга и скоро встала съ своей мягкой постели, открыла окна бѣлыхъ палатъ и стала глядѣть на высокое ведрое небо. И за-правду *влашичи* испестрили ведрое небо, свѣтлая звѣзда денница стояла на востокѣ солнечномъ, а барабанъ билъ передъ палатами князя Лазаря и собирались господа передъ палатами князя Лазаря. Скоро возвратилась къ Степану его подруга, и стала ему молоденькая называть доброе утро: «Доброе утро тебѣ моему Бушичу Степану! Это *влашичи* испестрили ведрое небо и звѣзда денница стоитъ на востокѣ солнечномъ, барабанъ бьетъ передъ палатами князя Лазаря и господа со-

---

Єсу ли ми влашиħи ведро небо припѣжили?
Є ли звѣзда даница у истоку сунчаному?
Удара ли таламбахъ придъ двором̆ъ кнеза Лазара?
Купе ли се господа придъ дворове Лазарове?»
Бѣше млада Степана люби своя послушала,
И бързо е устала одъ своe меке ложнице,
И бѣше отворила прозоре одъ бѣла двора,
И отиде гледати по высоку ведру небу.
А то-т' бѣху влашиħи ведро небо припѣжили,
Свѣтла звѣзда даница у истоку сунчаному,
И таламбахъ удара придъ двором̆ъ кнеза Лазара,
И купе се господа придъ дворове Лазарове.
Бързо се е къ Степану люби своя повратила,
Теръ му иде млађахна добро ютро називати:
«Добро ютро да ти е, мому Бушиħу Степану!
Ово ти су влашиħи ведро небо припѣжили,
И звѣзда е даница у истоку сунчаному,
И удара таламбахъ придъ двором̆ъ кнеза Лазара,

бираются передъ палатами Лазаря». Когда Бушичъ Степанъ услышалъ свою подругу, онъ скоро поднялся съ своей мягкой постели и сталъ опять говорить своей подругѣ: «Разбуди мнѣ, любовь моя, Оливера моего слугу, пусть онъ идетъ осѣдлать мнѣ и себѣ добрыхъ коней и положитъ на коней, что нужно для битвы, чтобы я не отсталъ отъ Лазаря князя, отъ Угорскихъ [1]) господъ и отъ братьевъ Уговичей» [2]). Но Степану стала говорить его подруга: «Разскажу я тебѣ печальную вѣсть. Тяжелый сонъ видѣла я нынѣшнюю ночь: будто соколъ вылетѣлъ у меня изъ этихъ бѣлыхъ палатъ, и воротился въ палаты безъ

И купе се господа придъ дворове Лазарове».
Кадъ е Бушиħъ Степане люби свою разумио,
Онъ се бързо подигну изъ своe меке ложнице,
Тере иде опета люби своiой говорити:
«Пробуди ми, любовце, Оливера слугу мога,
Нека пође оседлатъ мени и себи коне добре,
И на коне ставити што е бою одъ потребе,
Да я не бихъ изосто одъ войске Лазара кнеза,
Одъ Угарске господе и одъ браħе Уговиħа».
Али пође Степану люби своя говорити:
«Хоħу теби, Степане, тужне гласе повиђѣти.
Ово ми се ноħаске труданъ санакъ изаснио,
Дѣ ми соко залеħѣ изъ овега бѣла двора,
И у дворъ се вратио безъ своe безъ русе главе.

---

1) Пѣсня разумѣетъ здѣсь Венгерскихъ союзниковъ князя Лазаря. Союзники эти, о которыхъ въ новѣйшихъ пѣсняхъ о Косовскомъ побоищѣ вовсе не упоминается, играютъ весьма важную роль въ приводимой здѣсь рапсодiи. Вѣроятно, она записана была изъ устъ какого - нибудь уроженца сѣверныхъ областей Сербскихъ, гдѣ подвиги Венгровъ противъ Турокъ занимали воображенiе народа; это видно изъ того, что большая часть пѣсенъ, вошедшихъ въ составъ упомянутаго Дубровницкаго сборника, относятся къ подвигамъ Гунiада и Сербскихъ героевъ, воевавшихъ въ XVI вѣкѣ противъ Турокъ въ южной Венгрiи.

2) Уговичи — въ нынѣшнихъ пѣсняхъ Юговичи, сыновья престарѣлаго воеводы Лѣсковецкаго, Юга Богдана и братья Милицы, супруги князя Лазаря.

своей русой головы. Если я могу выпросить у тебя чего нибудь, государь, то не ходи теперь на военную украину [1]), чтобы не приключилось чего-нибудь на Косовѣ». Но Бушичъ Степанъ отвѣчаетъ своей подругѣ: «Знать мнѣ, любовь моя, не вернуться съ Косова! Я не отстану отъ войска князя Лазаря, отъ Угорскихъ господъ и отъ братьевъ Уговичей». Когда услышала Степана его подруга, она съ горестью пошла будить Оливера, вѣрнаго слугу: «Вставай, вставай, Оливеръ вѣрный слуга, и ты сѣдлай коней себѣ и своему господину, а на коней положи все, что нужно для битвы»! Когда услышалъ слуга Оливеръ прекрасную Елену, онъ скоро всталъ съ своей мягкой постели, осѣдлалъ коней себѣ и своему господину, и положилъ на нихъ все, что нужно для битвы. Затѣмъ они вскочили на сво-

---

Ако ти се што могу, господару, умолити,
Немой садаръ ходити на размѣрну покраину,
Да се не би коягоди на Косову догодила».
Али Бушиħъ Степане люби своіомъ одговара:
«Знати ми се, любовце, са Косова невратити!
Я ти неħу остати одъ войске кнеза Лазара,
Одъ Угарске господе и одъ браħе Уговиħа».
Кадъ е веħе Степана люби своя разумѣла,
Съ ядомъ пођe будити Оливера слугу вѣрна:
«Устани се, устани, Оливере вѣрна слуго,
И ти коне оседлай теби и твому господару,
И на коне постави што е бою одъ потребе!»
Кадъ е слуга Оливеръ лѣпу Єлу разумио,
Онъ се бързо одуста одъ своe меке ложнице,
И коне е оседло себи и свому господару,
И на не е ставио што е бою одъ потребе.
Пакъ се бѣху узвъргли на своe на коне добре,

---

1) *Размѣрна* (древняя форма вм. *размирна*) *покраина*, т. е. театръ войны.

ихъ добрыхъ коней и отправились туда къ палатамъ Лазаря. Передъ палатами находятъ многочисленныхъ Угорскихъ господъ. Вѣжливо поклонился Степанъ всѣмъ господамъ и ему всѣ господа поклонились. У окна была Милица (подруга) Лазаря князя; она стала называть господамъ доброе утро: «Доброе вамъ утро, прекрасные Угорскіе господа! Любо поглядѣть на этихъ честныхъ господъ: точно какъ бы ихъ въ одинъ день родила одна мать!» Но Милошъ Кобыловичъ отвѣчалъ Милицѣ: «Налюбуйся теперь на всѣхъ этихъ прекрасныхъ господъ, на этихъ прекрасныхъ господъ и на твоихъ братьевъ Уговичей. Богъ знаетъ, увидишь ли ты ихъ еще своими очами!» Когда Милица услышала своего зятя, слезы потекли у нея по румяному бѣлому личику, и она стала такъ говорить Милошу: «Тяжелый сонъ я видѣла нынѣшнюю ночь: будто звѣзды падали у

И тамо ти пођоше придъ дворове Лазарове.
Придъ дворовимъ находе многу Угарску господу;
Лѣпо се е Степане свой господи поклонио,
И нему се господа сваколико поклонише.
На прозору биаше Милица Лазара кнеза.
Она иде господи добро ютро називати:
«Добро ютро да вамъ е, лѣпа Угарска господо.
Лѣпо ти е погледати ову иеститу господу!
Ко да ихъ е еданъ данакъ майка една породила!»
Али Милошъ Кобиловићъ Милици одговараше:
«Нагледай се садара ове лѣпе све господе,
Ове лѣпе господе и твое браће Уговића.
Богъ зна веће хоћешъ ль ихъ твоемъ очимъ сагледати!»
Ма кадъ бѣше Милица зета свога разумѣла,
Сузе су е полиле низъ румено бѣло лишце,
Тере пође овако Милошу беседовати:
«Ово ми се ноћаске труданъ санакъ изаснио,
Дѣ ми звѣзде падаху съ небеса на църну землю,

меня съ неба на черную землю, будто мѣсяцъ затмился у меня на небѣ и ведрое небо разорвалось на-четверо». А Милошъ Кобыловичъ отвѣчалъ тещѣ: «Я могу отгадать, Милица, твой сонъ: что звѣзды падали съ неба на черную землю, это головы будутъ падать этихъ Уторскихъ господъ! а что на небѣ затмился ясный мѣсяцъ, это лицо затмится у славнаго Лазаря князя! а что ведрое небо разорвалось на-четверо, это твое, Милицыно, сердце у тебя разорвется . . . . , [1]) по Угорскимъ господамъ и по братьямъ Уговичамъ». Когда Милица услышала своего зятя, она опечалилась въ своемъ живомъ сердцѣ и стала такъ говорить Милошу: «Могу ли просить тебя о чемъ, дорогой зять? чтобы ты за меня попросилъ славнаго Лазаря князя, оставить мнѣ одного изъ Уговичей: если

Дѣ ми бѣше на небу ясанъ мѣсецъ потамнио,
И дѣ се е ведро небо на-четверо распукнуло».
Али Милошъ Кобиловиђъ пуници одговараше:
«Могу ти се, Милице, санку твому домислити:
Што су звѣзде падале съ небеса на църну землю,
То ђе главе падати ове Угарске господе!
А што бѣше на небу ясанъ мѣсецъ потамнио,
То ђе лишце потамнѣтъ славнога Лазара кнеза!
А што се е ведро небо на четверо распукнуло,
То ти ђе се распукнутъ твое сърце Милицино [1]),
За Угарскомъ господомъ и за браћомъ Уговиђимъ!»
Кадъ бияше Милица зета свога разумѣла,
Жалосна се она нађе у своему сърцу живу,
И пође му овако Милошу бесѣдовати:
«Єда ти се што могу, зете драги, умолити?
Даби ми се молио славному Лазару кнезу,

---

1) Здѣсь очевидно пропущенъ одинъ стихъ, который былъ вѣроятно слѣдующій: «*Срце ђе се распукнутъ за славнимъ Лазаромъ кнезомъ*» (сердце разорвется по славномъ Лазарѣ князѣ).

бы что нибудь приключилось на Косовѣ, то чтобы я не потеряла всего колѣна Уговичей». Но Милошъ отвѣчалъ тещѣ: «Не стану ни слова говорить объ этомъ Лазарю: всю ночь ты давеча спала у него на правой рукѣ, ты должна была просить его, какъ своего господина». Когда Милица услышала своего зятя, она печально возвратилась къ своему господину, льетъ горькія слезы по своему бѣлому лицу, и стала говорить такъ Лазарю: «Могу ли я просить тебя о чемъ, государь? чтобы ты оставилъ мнѣ одного изъ Уговичей: если бы что нибудь приключилось на Косовѣ, то чтобы я не потеряла всего колѣна Уговичей». Но Лазарь отвѣчалъ на это Милицѣ: «Не могу тебѣ оставить ни одного изъ Уговичей: они похвалились передъ свѣтлымъ королемъ Угорскимъ [1]), что если бы небо упало на

Даби мени оставио еднога одъ Уговиħа:
Ако би се коягодъ на Косову догодила,
Да я не бихъ изгубила колѣно одъ Уговиħа!»
Али пође Милошу пуници одговарати:
«Не ħу за то Лазару ни рѣчи проговорити.
Сву ноħъ му си ноħаске приспала на десной руци.
Бѣше му се молити како твому господару».
Кадаръ бѣше Милица зета свога разумѣла,
Зловольно се поврати ка своему господару,
Грозне сузе пролѣва низъ свое низъ бѣло лишце,
И пође ти овако Лазару бесѣдовати:
«Єда ти се што могу, господару, умолити?
Даби мени оставио еднога одъ Уговиħа:
Ако би се коягоди на Косову догодила,
Да я не бихъ изгубила колѣно одъ Уговиħа!»
Али на то Лазаре Милици одговараше:
«Не могу ти оставитъ ни еднога одъ Уговиħа:

1) Это упоминовеніе о Венгерскомъ королѣ свидѣтельствуетъ опять о происхожденіи пѣвца, пѣвшаго эту рапсодію, изъ сѣверныхъ областей Сербскихъ, зависѣвшихъ отъ Венгріи.

молодецкую черную землю, то они приняли бы его на свои боевыя копья!» Уже Лазарь вышелъ изъ своихъ бѣлыхъ палатъ, онъ вѣжливо поклонился всѣмъ господамъ, и всѣ господа ему поклонились. Затѣмъ онъ сѣлъ на своего добраго коня, и они весело пошли на ровное Косово-поле. Они раскинули шатры на краю ровнаго Косова-поля, а царь (Султанъ) сталъ съ войскомъ на быстрой рѣкѣ Ситницѣ [1]). Тутъ они (т. е. войско Лазаря) остановились отдохнуть и ужинать, и веселятся они у стола за золотыми чашами. Но Волка Бранковича научила злая судьба: онъ сталъ говорить князю Лазарю передъ господами: «Милошъ будетъ тебѣ измѣнникомъ на Косовѣ». Когда Вука Бранковича услышалъ князь Лазарь, онъ взялъ въ руку золо-

---

Они су се захвалили свѣтлу кралю Угарскому,
Кадъ би небо пануло на юначку църну землю,
Они би га примили на своя на бойна копья!»
Веће Лазаръ изиде изъ своега бѣла двора.
Онъ се лѣпо биаше свомъ господи поклонио,
И нему се господа сваколико поклонише.
Пака се е посадио на своега коня добра,
И весело пођоше путъ Косова равна поля.
Шаторе су распели на край равна Косова поля.
Царъ е съ войскомъ пануо на Марицу плаху рѣку.
Ту су стали починутъ, вечерицу вечерати,
И они се веселе съ златнѣмъ чашамъ на тързези.
Али Вука Бранковића худа среќа научила,
Пође кнезу Лазару придъ господомъ говорити:
«Милошъ ће ти невѣру на Косову учинити».
Кадъ е Вука Бранковића кнезъ Лазаре разумио,

---

1) Въ подлинникѣ вмѣсто Ситницы сказано Марица, — ошибка весьма понятная при устной передачѣ пѣсни изъ края въ край, тѣмъ болѣе, что на Марицѣ дѣйствительно была другая несчастная битва Сербовъ съ Турками, именно та, въ которой погибъ Вукашинъ.

тую чашу съ холоднымъ виномъ и сталъ изъ золотой чаши *напивать*[1]) Милошу: «Будь здоровъ, зять Милошъ: за мое и твое здоровіе, за мое и твое здоровіе и здоровіе всѣхъ господъ около насъ! Заклинаю тебя Единымъ, который тебя сотворилъ, и заклинаю тебя Даницею, твоею прекрасною подругою, заклинаю тебя ею, если ей тобою славиться и хвалиться: не будь мнѣ измѣнникомъ на Косовѣ!» Когда Милошъ Кобыловичъ услышалъ князя Лазаря, онъ опечалился въ своемъ живомъ сердцѣ, взялъ въ руку золотую чашу холоднаго вина и сталъ изъ золотой чаши *напивать* Лазарю: «Будь здоровъ, тесть Лазарь! за мое и твое здоровіе! за мое и твое здоровіе и здоровіе этихъ честныхъ господъ! Клянусь Единымъ, который меня сотворилъ, и клянусь Даницею, моею молодою подругою, клянусь ею, если ей мною славиться и хвалиться, не буду

У руку е узео златну чашу хладна вина,
И онъ пође Милошу златномъ чашомъ напияти:
«Здравъ си, зете Милошу, у мое и твое здравле!
У мое и твое здравле и око насъ све господе!
Тако теби Єдинога, кой те е сатворио,
И тако ти Данице, твое лѣпе вѣренице,
И тако се тобомъ доста дичила и подносила, —
Немой мени невѣру на Косову учинити!»
Кадъ е Милошъ Кобиловићъ кнез' Лазара разумио,
Жалостанъ се онъ нађе у своему живу сърцу,
Пака узе у руке златну чашу хладна вина,
И онъ пође Лазару златномъ чашомъ напияти:
«Здравъ си, тасте Лазаре, у мое и твое здравле!
У мое и твое здравле и ове честите господе!
А тако ми Єдинога, кой ме е сатворио,
И тако ми Данице, мое младе вѣренице,
И тако се доста са мномъ дичила и подносила, —

---

1) *Напияти*, т. е. пить вино обращаясь къ кому нибудь съ тостомъ.

я тебѣ измѣнникомъ на Косовѣ! Я тебѣ обѣщаюсь передъ всѣми этими господами: прежде нежели солнце будетъ завтра на восточной сторонѣ, я буду находиться подъ царскимъ [1]) шатромъ и я ударю царя кинжаломъ въ живое сердце и еще ктому придавлю его правой ногою!» Тогда Милошъ пошелъ кликать своихъ слугъ, своихъ слугъ Ивана Милана и Николу Косанчича [2]): «ступайте, слуги, осѣдлайте молодецкихъ добрыхъ коней, ибо мы пойдемъ осматривать Турецкое войско». Вскочили слуги и осѣдлали коней, а Милошъ всталъ изъ-за господскаго стола, онъ бросился на своего добраго коня и отправился туда вверхъ [3]) по ровному Косову полю. На конѣ вздремнулъ онъ немножко тихою дремотою, и солнце еще не стояло на

Нећу теби издае на Косову учинити!
Него теби обѣћавамъ придъ свомъ овомъ придъ господомъ,
Прѣ негъ сутра сунце буде на источной овой страни,
Хоћу ти се я наћи подъ царевѣмъ подъ шаторомъ,
И хоћу га ханџаромъ удрити у сърце живо,
И іошъ ћу га одвеће десномъ ногомъ притиснути».
Пака иде Милошу слуге свое дозивати,
Слугу Ивана Милана и Николу Косовчица.
«Пођьте, слуге, оседлайте ви юнашке коне добре,
Ере ћемо ми поћи Турску войску уходити».
Бѣху слуге скочили и коне су оседлали,
А Милошъ се дигнуо изъ госпоске изъ търпезе,
И бѣше се махнуо на своега коня добра,
И тамо е отишо узъ Косово поле равно.
На коню е малахно тиха санка подрѣмао,
И іошъ сунце не бѣше на источной овой страни,

1) т. е. Султанскимъ.
2) Такъ слѣдуетъ читать это имя; въ подлинникѣ ошибка.
3) *вверхъ*, т. е. по направленію къ верховьямъ Ситницы.

восточной стороне, а онъ, молодецъ, очутился предъ Султанскими шатрами. Тогда крѣпкіе Турки стали говорить свѣтлому царю [1]): «Вотъ у тебя передъ шатромъ Милошъ Кабыловичъ». А свѣтлый царь отвѣчаетъ своимъ Туркамъ, чтобы привели Милоша подъ его шелковый шатеръ. Когда Милошъ пришелъ къ честному царю, свѣтлый царь сталъ такъ говорить ему: «Что ты, Милошъ, пришелъ разглядывать мое войско?» А Милошъ Кобыловичъ отвѣчаетъ свѣтлому царю: «Я отступился отъ войска Лазаря князя и пришелъ помогать тебѣ, царю честному». Опять говоритъ Милошу свѣтлый царь: «Таковъ законъ, Милошъ, въ землѣ моей: кто ко мнѣ приходитъ, долженъ мнѣ вѣжливо поклониться и поцѣловать у меня колѣно правой ноги». Подошелъ Милошъ, чтобы поклониться свѣтлому царю и нагнулся, чтобы поцѣловать ему колѣно правой

А онъ юнакъ допаде придъ шаторе придъ цареве.
Тадъ пођоше върли Турци свѣтлу цару говорити:
«Ово теби придъ шаторомъ Милоша Кобиловића».
А онъ царе свѣтли Турцимъ своемъ одговара,
Да Милоша доведу подъ неговъ свіони шаторъ.
Кадъ е дошо Милошу придъ цара придъ веститога,
Пође нему овако свѣтли царе говорити:
«Што си дошо, Милошу, войску мою уходити?»
Али Милошъ Кобиловићъ свѣтлу цару одговара:
«Я самъ ти се одвърго одъ войске Лазара кнеза,
И дошо самъ у помоћь теби цару веститому».
Опета е Милошу свѣтли Царе говорио:
«Оваки су закони, Милошу, у землі моіомъ,
Когодъ къ мени доходи да ми се лѣпо поклони,
Пакъ да мое полюби колѣно одъ десне ноге».
Пође ти се Милошу свѣтлу цару да поклони
И пригну се да му люби колѣно одъ десне ноге,

---

1) т. е. Султану.

ноги, — выхватилъ золотой кинжалъ и его имъ ударилъ, (отскочилъ) и еще воротился и придавилъ его ногою..... Однимъ скокомъ выскочилъ онъ изъ его шатра и бросился съ другими на своего витязя-коня и поскакалъ на конѣ внизъ [1]) по ровному Косову полю. Тогда Турки крикнули крѣпкими голосами, какъ одинъ человѣкъ: «Милошъ ударилъ царя, но не убилъ его!» И за нимъ въ погоню поднялась вся крѣпкая сила Турецкая. Когда Милошъ увидѣлъ около себя крѣпкихъ Турокъ, онъ обернулся къ нимъ на встрѣчу съ саблею въ рукѣ и много Турокъ убилъ своею саблею; а кто отъ него убѣгалъ, не могъ убѣжать отъ добрыхъ слугъ. Но Милошу приключилась бѣда: Турки убили его слугъ. А онъ, молодецъ, еще объ этомъ не кручинился; но ему опять приключилась бѣда: голосъ вышелъ изъ облаковъ и

Златанъ ханџаръ повадио и нимъ га е ударио,
И іошъ се е повратио и ногомъ га притиснуо....
Єднѣмъ скокомъ поскочи изъ негова изъ шатора,
И върже се съ другиемъ на витеза коня свога,
И на коню побѣгну низъ Косово равно поле.
Тадаръ Турци кликнуше вържѣмъ гласомъ объ єднога:
«Милошъ цара удрио, ма га не погубио!»
И за німъ се подигну сва Турашка вържа сила.
Ма кадъ виђе Милошу върже Турке око себе,
Съ сабльомъ се е у руци прима німа увърнуо,
Много бѣше Турака съ сабльомъ своіомъ погубио;
А што нему бѣжаше, слугамъ добрѣмъ немогаше.
Али бѣше Милошу худа срећа прискочила:
Турци нему биаху слуге своє погубили.
Али зато онъ юнакъ іоштеръ ништа нехаяше;
Ма ти му е опета худа срећа прискочила:
Гласъ изиде изъ облака и Турцима говораше:

---

1) См. предъидущее примѣчаніе.

говорилъ Туркамъ: «Развѣ вы, Турки, не видите, — пусть выпадутъ у васъ черные глаза! — что Милошъ за·кованъ въ бронію и подъ нимъ его добрый конь: истребитъ онъ ныньче всѣхъ васъ до единаго! Бросайте ему подъ коня ваши щиты и острыя сабли». Когда Турки услышали этотъ голосъ, они бросили ему подъ коня и щиты и острыя сабли. Споткнулся объ нихъ добрый конь, а они кинулись на Милоша и отрубили ему правую ногу. Когда Милошъ увидѣлъ себя безъ молодецкой правой ноги, онъ схватилъ въ руку боевое копье, и сталъ опираться на него вмѣсто ноги, и еще не далъ себя убить крѣпкимъ Туркамъ. Онъ крикнулъ, несчастный, изъ своего тонкаго горла: «Гдѣ ты, князь Лазарь, да видитъ тебя Богъ великій! помоги мнѣ, тесть мой, теперь, или никогда больше. Я согналъ тебѣ Турокъ на быструю рѣку Ситницу, нѣкоторыхъ я убилъ, а нѣкоторые потонули!» Все это хорошо слышалъ измѣнникъ

«Али Турци не видите, — испале вамъ църне очи! —
Дѣ е Милошъ оклопленъ и подъ німе коніцъ добаръ:
Свѣхъ ѣе васъ данаске до еднога погубити;
Меѣите му придъ коня штите ваше и сабле бритке».
Кадаръ Турци биаху тега гласа разумѣли,
Придъ коня му метнуше и штите и сабле бритке;
Бѣше му се по німа коніцъ добаръ потакнуо;
И они ти прискочише теръ му ногу одсѣкоше.
Кадъ се Милошъ видио безъ юначке десне ноге,
У руку се биаше бойна копля добавио,
Теръ се иде на нему мѣште ноге подопиратъ,
И не да се іоштера върлѣмъ Турцимъ погубити.
Пака яданъ покликну изъ своега гърла танка:
«Дѣ си, кнеже Лазаре, видио ти Богъ велики!
Помози ме, мой тасте, садаръ или никадъ веѣе!
Турке ти самъ све стѣро на Марицу плаху рѣку:
Нѣшто ихъ самъ погубио, а нѣшто се истопило!»

Бранковичъ Вукъ, и сталъ такъ припѣвать передъ господами: «Держись, Милошъ, господское колѣно, покуда хочешь ратовать и биться съ Турками! Теперь ты выплатишь мнѣ всѣ зубы до единаго!» Но князь Лазарь говорилъ своему зятю Вуку: «Молчи, замолчи, зять Вукъ, онѣмѣй у тебя тонкое горло! Я услышалъ теперь, говоритъ онъ (прислушавшись), чей-то голосъ вдалекѣ: я сказалъ бы, что это голосъ Милоша Кобыловича. Страхъ меня беретъ, что онъ въ великой бѣдѣ!» И они пошли и вскочили на своихъ добрыхъ коней. А тутъ-то Турки подступили и ударили на нихъ, разбили Лазаря, ни съ чѣмъ не оставили, а Вукъ Бранковичъ убѣжалъ въ зеленыя горы. Лазаря они схватили живаго въ руки и отвели его къ честному Отмановичу [1]), и съ нимъ привели Милоша Кобыловича.

Све то добро слушаше невѣрни Бранковиħъ Вуче,
Тере иде овако придъ господомъ попѣвати:
«Владай ми се, Милошу, мое госпоско колѣно,
Покли хоħешъ ратити и съ Турцима боякъ бити!
Садъ ħешъ мени све зубе объ еднога заплатити!»
Али кнеже Лазаре зету Вуку говораше:
«Мучь, помукни, зете Вуче, замукло ти гърло танко!
Садъ самъ, рече, сачуо надалеко гласъ нѣчиговъ:
Све бихъ реко да е гласъ Милоша Кобиловиħа.
Страхъ е мене да ние у потреби у великомъ!»
И пођоше да скоче на ніхове коне добре.
У то Турци приступише и на нети ударише,
И Лазара разбише, ни о чемъ не оставише;
Вукъ Бранковиħъ утече у планину у зелену,
А Лазара биаху жива у руке ухитили,
И нега су одвелиеститу Отмановиħу,
И шніме су довели Милоша Кобиловиħа.

---

1) Султанъ Муратъ, внукъ Отмана.

Еще царь не разстался съ своею душою; такъ говорилъ онъ своимъ пашамъ и визирямъ: «Когда я буду уже разставаться съ своею душою, вы отрубите голову славному Лазарю князю, и вы отрубите также голову Милошу Кобыловичу; и похороните меня на Косовѣ ровномъ полѣ: подъ ноги мнѣ положите славнаго Лазаря князя, а Милоша Кобыловича у моей правой руки». Но когда Милошъ услышалъ свѣтлаго царя, онъ сталъ печально говорить ему такія рѣчи: «Могу ли просить тебя о чемъ, свѣтлый царь? не клади меня у твоей правой руки, а положи ты меня, Милоша, подъ твои ноги, моего тестя Лазаря у твоей правой руки: какъ я ему всегда при жизни былъ хорошимъ слугою, пусть буду ему слугою и въ матери черной землѣ!» Смиловался свѣтлый царь на эти рѣчи. Но когда Лазарь услышалъ своего зятя, слезы полились у него по

Іошъ се царе не бѣше съ душомъ своіомъ раздѣлио,
Овако е говорио пашамъ своемъ и визиру:
«Кадъ се веће я будемъ съ душомъ своіомъ раздѣлити,
Главу ћете одсѣћи славному Лазару кнезу,
И ви главу одсѣците Милошу Кобиловићу,
И ви мене укопайте на Косову равну полю:
Подъ ноге ми ставите славнога Лазара кнеза,
А Милоша Кобиловича на мою на десну руку».
Ма кадъ бѣше Милошу свѣтла Цара разумио,
Пође ти му жалостанъ ове рѣчи говорити:
«Єда ти се што могу, свѣтли царе, умолити?
Немой мене ставляти на твою на десну руку,
Него мене ти ставя Милоша подъ ноге твое,
Мога таста Лазара на твою на десну руку:
Како самъ га я лѣпо за живота свеђъ дворио,
Нека нега я дворимъ и у матери църной землі».
Бѣше му се свѣтли царе на те рѣчи смиловао.
Ма када е Лазаре зета свога разумио,

бѣлому лицу и онъ говорилъ ему, Милошу, такія слова: «Ахъ, блаженна мать твоя, которая тебя родила: тобою я всегда славился между братьями и господами! А да будетъ проклята мать, которая родила Вука: онъ опозорилъ меня передъ господами, онъ выдалъ меня на Косовѣ!» Еще хотѣлъ Лазарь бесѣдовать съ Милошемъ, но свѣтлый царь разстался съ своею душою. Турки отрубили голову славному Лазарю князю, славному Лазарю князю и Милошу Кобыловичу, Лазаря похоронили у царя по правую руку, Кобыловича Милоша подъ ногами свѣтлаго царя. Когда Милица услышала печальныя вѣсти, у нея отъ горя разорвалось живое сердце.

Сузе га су политле низъ негово бѣло лишце,
А нему е Милошу ове рѣчи говорио:
«Ахъ блажена майка твоя, коя те е породила,
Тобомъ самъ се свеђъ дичио међу браћомъ и господомъ!
А проклета майка била коя е Вука породила,
Онъ е мени срамоту предъ господомъ учинио,
И мени е издаю на Косову учинио!»
Іошъ хтяше Лазаре съ Милошемъ бесѣдовати,
Ма се бѣше свѣтли царе съ душомъ своіомъ раздѣлио.
Турци главу осѣкоше славному Лазару кнезу,
Славному Лазару кнезу и Милошу Кобиловићу.
Лазара су укопали узъ цара на десну руку,
Кобиловић' Милоша подъ ноге свѣтлога цара.
Кадъ ми бѣше Милица тужне гласе разумѣла,
Бѣше іомъ се одъ жалости живо сърце распукнуло.

Такова Сербская эпопея о Косовскомъ побоищѣ. Она совершенно сходна по содержанію съ разсказами самихъ Косовскихъ жителей, которые, хотя не поютъ, какъ я сказалъ, пѣсенъ о Милошѣ и Лазарѣ, однако живо представляютъ себѣ ихъ подвиги и ихъ кончину въ томъ же точно видѣ, какъ народный эпосъ; стало быть, и эпосъ и мѣстные разсказы имѣютъ осно-

ванiемъ одно общее преданiе, установившееся въ Сербскомъ народѣ. Преданiе это мы находимъ въ самомъ полномъ видѣ въ одной лѣтописи (извѣстной подъ именемъ Троношской[1]), составленной въ концѣ XVIII вѣкѣ, на основанiи древнѣйшихъ, краткихъ лѣтописныхъ извѣстiй, но съ привнесенiемъ къ нимъ запаса историческихъ указанiй, хранившихся въ народной памяти. Въ немъ на первый планъ выдвинута измѣна Вука Бранковича, какъ главная причина пораженiя Сербовъ. Въ древнихъ, краткихъ лѣтописныхъ замѣткахъ, напротивъ, объ измѣнѣ Вука не говорится вовсе; одно лѣтописное сказанiе конца XIV или начала XV вѣка говоритъ о ней съ сомнѣнiемъ («не вѣмъ что истинное рещи о семъ, изданъ ли кымъ отъ своего бывъ хранениiя, или паче суду Божiю о семъ събывшусе»). Въ приведенной выше старинной пѣсни измѣна Вука, уже явно выставленная, еще не играетъ однако важной роли въ самомъ дѣйствiи, а въ лѣтописи конца XVIII вѣка и въ нынѣшнихъ Сербскихъ пѣсняхъ на ней лежитъ вся вина пораженiя. Изъ соображенiя всѣхъ обстоятельствъ дѣла и иностранныхъ извѣстiй видно, что Вукъ не былъ прямымъ предателемъ, но что онъ слишкомъ рано отчаялся въ успѣхѣ битвы и отступилъ съ своимъ отрядомъ. Странно, какъ иногда несправедлива бываетъ народная память! Предавая Вука проклятiю изъ рода въ родъ, Сербы въ то же время воспѣваютъ Марка Вукашиновича, какъ образецъ героя, а Марко положительно помогалъ Амурату въ его походѣ противъ Лазаря и вовсе не явился на Косово на помощь своимъ соотечественникамъ! Но, видно, въ самой лич-

---

1) Это названiе она получила въ слѣдствiе того, что была издана (въ V книгѣ «Гласника» Общества Сербской Словесности) по списку, сдѣланному въ 1791 въ монастырѣ Троношѣ, въ Сербiи. Но, какъ кажется, она составлена была въ Печской патрiархiи. У меня есть два ея списка: одинъ сдѣланный съ новаго экземпляра, хранящагося въ Печи, другой — съ стараго, тамъ прежде находившагося; послѣднiй переписанъ былъ въ Дечанскомъ монастырѣ. Я буду слѣдовать здѣсь этому списку, не придерживаясь однако неправильностей его правописанiя, какъ не имѣющихъ никакого палеографическаго значенiя.

вести Вука Бранковича было что-то несимпатическое и коварное, расположившее народъ къ ненависти противъ него: объ его жизни мы почти ничего не знаемъ, но таковъ былъ, дѣйствительно, характеръ его сына, Юрія, правившаго Сербіею, среди разныхъ невзгодъ, съ 1427 по 1456 годъ. Понятно, почему народъ, имѣя противъ Вука поводъ къ подозрѣніямъ и нелюбви, обрушилъ на него обвиненіе въ измѣнѣ и мало-по-малу прикрывалъ ею пораженіе Сербовъ: ибо для народнаго самолюбія все-таки утѣшительно, что свой же братъ, Сербъ, а не собственная доблесть дала Туркамъ побѣду. Дальнѣйшее еще развитіе этой стихіи народнаго самолюбія мы видимъ въ прекрасной современной пѣсни, гдѣ Богородица предлагаетъ Лазарю побѣду и царство земное или смерть и небесное царство, и онъ самъ избираетъ послѣднее. Когда я уже ввелъ читателя въ кругъ преданій о Косовскомъ побоищѣ, то я долженъ предложить ему преданія эти въ самомъ полномъ ихъ объемѣ, т. е. такъ, какъ они записаны въ Троношской (или, вѣрнѣе сказать, Печской) лѣтописи XVIII вѣка. По своей безъискусственной простотѣ и соединенію историческаго характера съ чисто-эпическимъ, разсказъ этотъ можетъ быть прочтенъ съ удовольствіемъ:

«Тѣмъ Амуратъ разсудивъ правдивое отвѣтствованіе мудрое Лазарево, остановился въ поляхъ Косовскихъ въ преизобильнѣйшей земли златомъ и сребромъ и прочими рудами, хлѣбомъ и виномъ, и всякими человѣческими и скотскими пищами; и бѣ Амуратъ отпотчивая, толстя большія кони военныя; и жда пришествія Лазарева и неразоривъ ничего, развѣ дворовъ Неманскихъ веселыхъ на рѣцѣ Породимли, и дворъ князя Милоша у Косову у Липлянѣ, и дворъ Страины на Топлицы, и дворъ князя Юга Богданова въ Лесковцѣ; прочее вся въ цѣлости соблюде, давъ острыя указы своему воинству, да поданымъ не творятъ обиды и пакости. Даде же Лазару седамнадесятъ дней на разсужденіе и приготовленіе. Лазарь же въ Крушевцѣ со князи своими ближайшими разсуждаше, что бы больше [1]) сотворилъ, уже бо мнози совѣтоваху

1) т. е. лучше.

поддатися Амурату, но не бѣху вси снишлися. Сего ради Лазарь краль и патріархъ Арсеній вторый чрезъ брзоходце посылаху честая писанія ко княземъ и повелителемъ земскимъ, повелѣвающе и молящe ускорити прити на поле Косово, времени уже приходящу отвѣтъ дати Амурату. Самъ же Лазарь со собравшимся воинствомъ до шестъ десятъ тысящъ исходитъ сопротивъ Амурата, ставъ жда прочихъ и расположилъ обозы своя по брегахъ до рѣкахъ Ситницы и Лаба. Князь же Баіоша Зеђанинъ ближайшій бысть, но собравъ воя своя стояше на краехъ земли предѣлъ своихъ, жда времене желаемаго и обѣщаннаго Маркомъ [1]), а не хотѣ пріити. А князь Радичъ Захолмскій и Приморья, сила крѣпчайшая Сербская, понеже въ далекомъ разстояніи, немогоша скоро пріити; а бѣ совокупилъ великое воинство и ведяше, но не доспѣ той на бой, но мало потомъ доспѣлъ; и егда разумѣлъ, яко воинство Србское все погибло съ Лазаремъ кралемъ, сего ради самъ себе прободъ мечемъ, издше и тамо погребенъ бысть, того ради и нынѣ зовется гробъ Радича воеводы; воинство же его разидеся въ домы.

«Князь же Вукъ Бранковиђъ такожде лукавнѣйшее Лазарю подстрѣкаемъ, Баіошію и Маркомъ. Милошъ же Обилиђъ, бяше человѣкъ борецъ пресилный и премужественный, и воинскихъ дѣлахъ искусенъ, аще и младъ, обаче во всѣхъ дѣлахъ и повелѣніяхъ Лазарю бодръ и вѣренъ. Сего ради Лазаръ даде ему дщерь свою въ жену, и сотвори его князя и началовожда предъ всѣмъ воинствомъ, и сего ради узрока [2]), въ тайнѣ гнѣвашеся Вукъ на Лазаря и Милоша. Бѣше и спора помежду дщерахъ Лазаревыхъ, а женъ Вука и Милоша, о красотѣ и мужествѣ мужей своихъ, изъ чего Вукова дала удареніе Милошевой. Того ради Милошъ отмастивъ [3]) Вуку, на поединку свргъ Вука съ коня, ударивъ о землю, Вукъ же немогіи иначе отмастити Милошу, но начатъ у Лазаря клепетати на Милоша. Бяху же еще два бояра, зовомый по рѣкахъ земли, недалеко отъ Косова, Миланъ Топличанинъ, и Иванъ Косанчиђъ, отъ нихъ же единъ бяше преводчикъ на языку Турскомъ; и бяху людіе знамените въ силѣ и разумѣ и часто они хождаху во воинство Турско, ово дѣлъ ради общихъ до Амурата ово ухождаху силы Турскія; съ нимиже Милошъ имѣяше любовь

1) Маркомъ, сыномъ короля Вукашина, который дѣйствовалъ отдѣльно отъ Лазаря, подкапывая его престолъ. — 2) т. е. причины. — 3) т. е. отомстивъ.

велію и всегда съ ними бяше совѣтуя, яко усумнѣтися Лазарю по клевети Вуковой, иже глаголаше Лазарю: «яко Милошъ съ Миланомъ и Иваномъ предатися хотятъ, Лазаре, силамъ Амуратовымъ.» Вечери же бывшей въ день суботній спрямо недѣли, во 14 мѣсеца іуній, на трапезѣ великаго князя Лазаря, сосѣдящимъ всѣмъ княземъ и воеводамъ, и по многомъ разговорѣ, о измѣнникахъ царства а найпаче о Баіоши, который указалъ тайну срдца своего, бѣ Лазарь на многъ часъ отъ печали сердца лежа на десницѣ главою молча при трапезѣ, таже веземъ чашу глаголетъ: «здравъ сыне и воеводо мой Милоше, новая невѣро [1]), са совѣтници твоими.» Разумѣвъ же Милошъ сіе быти отъ Вука сѣдящаго при Лазарѣ, обаче воставъ поклонися кралю, отвѣтствуетъ: «невѣра ти, цару, кодъ колѣна сѣди, азъ же несамъ»; и разъяривсл встаетъ отъ трапезы глаголя: «заутра узриши кто е вѣра, кто ли е невѣра, азъ бо желаю за тя умрѣти и Амурата царя убити.» И со словомъ самъ отходитъ отъ трапезы, ему же послѣдоваша Миланъ и Иванъ; и чрезъ всю нощь бѣша вкупѣ уготовляюще себе къ бою. Лазарь же оставъ на вечери со иными властели, ненадѣся каковыя измѣны отъ Милоша; и утру же бывшу зѣло рано Лазарь востаетъ во церковь, яже есть на Самодрежѣ рѣцѣ, отстоящей отъ Турскаго воинства выше два часа; и бывши утреному пѣнію, таже вкупѣ и божественной литургіи, юже Лазарь послушаше.

«Милошъ же со Миланомъ и Иваномъ сѣдоша на кони своя, отходятъ до обозовъ Амуратовыхъ и слово даша на караулѣ яко Милошъ идетъ къ царю; сія же вѣсть скоро Амурату доносится. Онъ же яко услыша пришествіе Милошево, скорѣ повелѣваетъ начальнимъ своимъ прійти, и съ честію воведоша Милоша съ Миланомъ преводчикомъ къ царю; уповаше царь, что Милошъ пришелъ поддатися власти его, или слово имѣти о подчиненіи всѣхъ Сербовъ. Пришедъ же Милошъ предъ Амурата и приближився лобзати руку ему извлекъ ножъ прободе царя. Но видѣвше предстоящіи воскликнуша на Милоша и Милана, егоже убиша тамо, Милошъ же изшедъ изъ шатора и всѣдъ на коня своего, са Иваномъ Косанчићемъ извлекъ мечъ свой, обступившемъ его всему воинству, но онъ оружіемъ творяше путь себѣ, яко никому немощи

1) т. е. новый измѣнникъ.

стати супротивъ силы его. Ивану же отсѣкоша первѣе десную руку, таже и убиша. Милошъ же самъ оста и уже хотяше избѣгвути отъ рукъ Турскихъ, но отъ многаго удареніа еже творяше мечемъ, кровь ему сильно на ноздри обѣ ліяше; таже совѣтомъ некоея бабы, еяже Милошъ послѣ свезанъ зубима носъ отгрызе (и отъ того прозвася село то Бабинъ Носъ) подвргше Турцы острыя меча подъ коня, и тако коня его убиша. Таже Милошъ съ копіемъ оста, на него же оперся преко Турковъ тридесятъ лактовъ должины прескочивъ, таже вторицею вяще; третицею же оперся, копіе сломися, и тако лишився оружія, ухватиша Милоша жива и приводятъ при Амурата; его же давъ блюсти за живота своего жива, и повелѣваетъ начальнымъ дати знаменіе брани, глаголя: «сотворите брань дондеже живъ самь, да не будетъ вотще сицевое собраніе воинства, да увижу и азъ кому останетъ побѣда»; и тако нечаянно нападоша Турци на обозы.

«Лазарь же бѣ еще въ церкви недовершившейся божественной литургіи. Ему прихождаху воини сказующе, что Турци наступиша на нихъ ратною рукою сильно; Лазарь же посылаетъ къ Милошу и прочимъ воеводамъ, да строятъ воинство, но въ томъ придоша и сказаша Лазару, яко Милошъ съ Миланомъ и Иваномъ отъидоша во стати Турскія. Егда же услышаша прочіи князи и военачалници, вси ужасошася и ослабѣша сердци своими, мняще яко Милошъ отдався Амурату, нечаянно на нихъ нападъ, да бы еще сущу малу воинству побѣдили Лазаря, (незнаша бо извѣстно, что сотворилъ Милошъ). Но Лазарь крѣпкодушанъ и всегда побѣдитель, паче же уповая на Христа Спаса своего, въ той часъ всѣдъ на коня и сладкоглаголивыми своими словесы укрѣпивъ сердца воиновъ, ихъ же мачемъ прекрестивъ, первый предъ всѣмъ наступаетъ на Турки тако сильно, яко вмалѣ всѣхъ Турковъ обративъ назадъ до царева шатора. Таже Турци увидѣша яко Сербскаго воинства мало есть число, укрѣпиша и отвсюду обступиша. Вукъ же Бранковићъ со всею своею отъ Босны силою, то есть со десятію тысящъ воиновъ, отступивъ отъ воинства Лазарева и стаде со другіа страны рѣке Ситнице. Егоже видѣвъ Лазарь (рече): «проклетъ Вукъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ, ва животѣ и по смерти да будетъ»; и обращся ко всему воинству рече: «хотяй разлучитися мене, да идетъ за проклятымъ Вукомъ Бранковићемъ; азъ же днесь умрети хощу за вѣру Христову и церкви

божія, оставшіи же по мнѣ горшая дочекати будутъ»: сіе бо слово рече ради несогласія князей. Лазарь же са малымъ своимъ воинствомъ крѣпко во второмъ сраженіи бился тако сильно, яко рѣка Ситница отъ крови человѣческія и коней воскровавилася бѣ; самъ бо Лазарь человѣкъ великога тѣла бысть, единымъ удареніемъ отъ презѣльныя ярости по два человѣка, или человѣка и коня просѣцаше, и моглъ бы побѣдитель быти, аще не бы фортуна его издала или Божіе нѣкое хотѣніе; ему же конь убіенъ, дондеже на другаго всѣде, воинство во мнѣніе пріиде, что Лазарь убіенъ, сего ради не имѣяше другаго предводителя, ятся бѣгу. Лазарь же скоро себе показавъ и воинство возврати; но въ томъ смятеніи Турци пакъ укрѣпльшеся сильніе, видяще Србскаго воинства мало. Лазарь же бѣ боряся сильно, дондеже и другаго коня изгубивъ и паки воинство невидящи Лазаря ятся бѣгу; но и паки Лазарь вторые поврашаетъ воинство, уже изнемогшей силы его, но продолживаше брань, бѣ бо извѣщенъ о пришаствіи скоромъ Захолмскаго князя Радича. Но и третіе коня погубивъ и люди ови избіени, ови пакъ отведени, мало нѣчто и спаслося бѣгомъ тѣмъ. И тамо погибну великій князь Югъ Богдановъ со девять сыны своими, водящія лѣвое крило воинства. Лазарь всѣдъ на коня, видѣ себе отъ всѣхъ оставлена и изнемогша, даде ся бѣгу, весь во крови своей и чужей обагренъ, шестнадесять (ранъ) имѣяше на себѣ отъ меча и копія и бѣ ослабѣлъ, якоже и нынѣ зриме суть. Турци же сильно гоняху за Лазаремъ. Лазарь же бѣгая съ конемъ впадаетъ въ ровъ отъ людей посельскихъ учиненный ради ловитве волковъ; и тако Лазаря жива ухватиша и приведоша предъ Амурата; его же Амуратъ узрѣвъ рече «поч тобезумно днесь, Лазаре, на превари [1]) убилъ еси мене и себе?» къ немуже Лазарь отвѣща: «не азъ, рече, царю, но ты неождалъ еси времене.» И по повелѣнію царя Амурата Лазареву первѣе главу светую отсѣкаютъ, таже и Милошу; Лазарь же живъ сый узрѣвъ Милоша, позна быти дѣло его на царю, и глагола: «благословено дѣло твое и ты отъ мене; обаче за пролитіе толикія кровь днесь самъ отвѣтъ да даси Господу Богу.» И тако оба посѣчени быша и царь того часа умре; ему же внутренняя его извадиша воинство, тамо у Косово закопаша, идѣже и днесь на тѣмъ гробомъ тулбе [2]) стоитъ; тѣло же во градъ Брусу

1) т. е. обманомъ.

2) Вѣрнѣе *турбе*, т. е. Мусульманскій надгробный памятникъ.

занесоша со собою. И того лѣта остала земля въ мирѣ, дондеже Турци сына Амуратова Паязита поставиша себѣ царемъ.

«Радичъ же воевода и князъ Захолмскій и Далмаціи, сый отъ крове Бѣлаго Уроша перваго архижупана, по разбитіи Србскаго воинства и усѣченіи краля Лазаря, малымъ часомъ мимошедшимъ доспѣлъ съ воинствомъ своимъ близъ мѣста Вучитрна, недалече боеваго мѣста; и яко услыша побіеніе Србское вкупѣ со кралемъ отъ жалости и горести сердца неразсуденъ самъ себе мачемъ проболъ, и тако погребенъ бысть, воинство же его во своя обратилися.

Баіоша же аще и желалъ высочества кралевскаго, обаче ово усомнѣвался силою наступити, ово пакъ ожидалъ дабы его стати просили; обаче снишелъ съ горъ во предѣлы Хвостанскія и близъ Призрена, и примилъотвѣтъ себе нелюбимъ, поплѣнилъ тѣхъ странъ мѣста и села, взвратился во своя.

«Вукъ же возвратился во предѣлы своя и собравъ крѣпчайшее воинство хоташе воспріяти Рассійское владѣніе, но ради измѣны, всего народа возненавидѣнъ бысть; и сего ради людіе обще избраша и поставиша младаго Стефана, сына Лазаря краля, да владѣетъ надъ предѣлы Рассійскими съ матерію своею. Тѣло же Лазаря и Милоша воеводы, вкупѣ со утробою царя Амурата на единомъ мѣсту повелѣніемъ Амуратовимъ погребеня быша, въ томъ полѣ Косовомъ. И Милошъ вскорѣ отъ туду своими изятъ и погребенъ паки во церкви единой тамо недалеко близъ рѣки Лаба, идѣже и воды киселы и изцѣлителны, изъ подъ олтара церкви оноя истекаютъ.......»

Но это преданіе принадлежитъ лѣтописи, составленной въ XVIII вѣкѣ. Любопытно бы было сравнить эти народныя преданія о Косовской битвѣ, принадлежащія позднему потомству, съ современными, Сербскими же свидѣтельствами и сказаніями о ней. Мы въ правѣ ожидать, что современники и близкіе потомки, пораженные великою катастрофою, низвергшею Сербское царство, оставили живыя описанія и сказанія о Косовской битвѣ, подобныя тѣмъ, которыя писались въ монастыряхъ Россіи о нашествіи Батыя и о Мамаевомъ побоищѣ. Къ удивленію, древняя Сербская письменность не представляетъ

ничего подобнаго, хотя мы въ ней уже нашли, кромѣ краткихъ лѣтописныхъ извѣстій [1]), четыре довольно пространныхъ сказанія о Косовской битвѣ. Но пусть читатель взглянетъ на эти сказанія и судитъ по нимъ о характерѣ древней Сербской письменности.

Первое заключается въ лѣтописи подъ заглавіемъ: «Житіа и наѹеа̑ства срьбскыхь господь, кои по кнімь колико царьствова [2])». Лѣтопись эта писана была въ концѣ XIV или началѣ XV вѣка, и стало быть относится ко времени весьма близкому къ событію [3]); списокъ, какъ видно по почерку, почти того же времени. Вотъ ея слова о Косовской битвѣ:

«. . . . . . и сице вь всѣмь добрѣ и благоѹьстно бѣ (князь Лазарь) прѣспѣваѥ. вьстаѥть иже вьсего вьстока царь, ѿть сыновь измаилѥвѣхь, Мѹрать име имѹщи, и всоѵ Грьѹьскѹю и Бльгарскѹю землю прѣѥмь, и на сего (Лазаря) приходить, бесѵисльно множьство вѣды сь собою: синове Агарины сь Татары, Карманѣ же сь Сарханиты, Грькы же и Бльгаре [4]) и Арванити; томоѵ же сь поганими настѹпаюшѹ ѥзыки, семоѵ же благоѹьстиѥ не попѹщаюшѹ попрати и светылища [5]) божьствьнаа и крьсть ѹииѵижившие ѡскврь-

---

1) Напримѣръ: «Вь лѣто ҂ѕѡчз. погыбѣ кнѣзь лазарь на косовоѵ. єі. видовь дьнь, царьствовл же лѣть. 31.» Или: «Быстъ сьнитїє и бои на косовоѵ. тоѵ погыбе царь моѵрать и кнезь лазарь, ѿть нѥго же блаженыи коньць прїєть, їоѵнїа. єї.» и т. под.

2) При перепискѣ этихъ текстовъ, придерживаюсь системы Шафарика, уничтожившаго титла и надстрочные знаки въ изданіи своихъ Юго-Славянскихъ памятниковъ; это мнѣ кажется весьма благоразумнымъ, когда дѣло идетъ о текстахъ, имѣющихъ значеніи не для палеографіи, а для исторіи.

3) Та же почти лѣтопись, но безъ начала и оканчивающаяся 1371 годомъ, издана Шафарикомъ по Копривницкому списку 1453 года. Я привожу ее по рукописи Печской патріархіи, гдѣ она помѣщена въ слѣдъ за «Правилами Соборными», (въ листъ, на бумагѣ, почеркомъ XV вѣка); въ этой редакціи она кончается 1391 годомъ.

4) Въ подлинникѣ Бльгаре.

5) Въ подлинникѣ стылница.

инти, и сьраженїю между ѡбоими бывшу, и всьражены (чит. сьражены) томь неуьстивы насилныкь падають ѿть мьча посрѣдѣ разбою, и тѣлѡмь и душею, сь множьствѡмь своихь богопротивныхь вои. ѡстають же того сынь єдинь, и кь концу сьраженїа того, не вѣмь что истинное рещи ѡ семь, издаи ли кымь ѿть своюго бывь хранюнїа, или паче соудоу божию ѡ семь сьбывшу се, и вь рукахь того вьзима, и по многыхь моукахь, самь чьстную и благоговѣинноую главоу юго ѿтсѣче. и потѡмь подручныкы вьзима вьсѣхь. прѣжде бо того сьмрьти вь лѣто третїє сльнце вь тму прѣложїи се, ꙗко и звѣздамь вь пладнѣ ꙗвити се, и лоунѣ вь крьвь, показуюе бѣду хотещую быти ѿть сыновь измаилевѣхь. и вь прилѣжещїимь тамо градѣ погрѣбѣнно бысть тѣло юго светоє, вь лѣто ҂ѕѡчз (6897—1389).

Второе сказаніе находится въ Житіи Стефана Лазаревича, писанномъ во второй половинѣ XV вѣка:

....«умрьшу же Іоркану, въздвизается сынъ юнѣйшій Оркановъ, Амуратъ глаголемый, и покори множайшихъ запада, прочее же на благочестиваго князя Лазаря вооружается; сей же нестерпе прочее ждати и пренебрещи уды своя, паче же Христовы разсѣцаеми и отрѣзаеми, но яко да студъ сихъ отъ всѣхъ потребитъ, или самаго умрети, паче же се свѣдетельствовати мученіемъ. Воставъ убо обдержимъ мысльми сицевыми, ведется на Измаильты, и сражденію бывшу на мѣстѣ нарицаемомъ Косовѣ бысть сице. Мужемъ ратнымъ сратующимся предъ скыфтры, бѣ же нѣкто благороденъ зѣло своему господу, егоже облъгааху завидяще и невѣрна мѣняху: тъи же яко да покажетъ вѣру, вкупѣ же и мужество, обрѣт подобно время, устремися къ самому великому начяльнику, яко обязая[1]). ему же яко путь створиша егда же близъ бысть, и абіе ополчается и вонзи мечь въ того самого гордаго и страшнаго самодръжца, туже и самъ отъ нихъ падетъ. И вьпрьвіе убо удолѣваютъ сущіи о Лазарѣ

1) *Читай:* отбѣгая.

и въспріемлютъ побѣду. Но сею же время избавленія бѣ: того ради и сынъ того царя взмагаетъ паки въ той самой брани и удолеваетъ, Богу тако попустившу, яко да и великый сей мученія вѣнцемъ увязается и иже съ нимъ, что убо по сихъ блаженный конецъ постизаетъ усѣченіемъ главнымъ. Прежде его вы, въжделенныи друзи предваряюще его многоумиленнымъ моленіемъ, онъ же прежде его конецъ пріятъ, яко да егому кончину не узрятъ. Бысть же сія брань въ лѣто ѕ҃. ѡ҃. ҁ҃ꙁ мц҃а іунія 15.

Но самаго полнаго повѣствованія о Косовской битвѣ слѣдовало бы ожидать отъ составителей Житія самого святаго князя Лазаря: что же умѣли они сказать объ его кончинѣ? Выписываю изъ такого Житія [1]). Этотъ безсмысленный, дикій наборъ напыщенныхъ словъ въ своемъ родѣ характеристиченъ: «Понѥже (Агаряне) кь древнаго Каина зависти слѣдь [2]), лоукавые мысли кроугомь прнпрегоше, и на Срьбскые дрьжавы, скѵптроносца Лазарѣ. сльнца ношенїемь еже кь западу, оубїиства реть сьставити приходеть. кроуга ради ѡбращаема. жизни нашее въсходу благодьньства. и комодови ересн, Амиру, тъмь начело правеща, имѥнемь Моурата, иже ѡстрогневїа именствомь, и пламенемь оубїиства, на праведнаго моужа (т. е. Лазаря), неистово дыше, оустрьмлаетсе и съ многымь конньствомь на велико поле. Числа именемь ѡписуемо Косово. напрасно зубы ѡстрѣ пѣнами, и ѡбразомь вепра ѡть лоуга приходить. вышереченные дрьжавы и скиптроносца праведныи виноградь завистїю ѡзобати. и въ человѣка

---

1) Подъ заглавіемъ: «Мц҃а. юуниа. еі. Врьшемысльнын, похвальные рети, слозы. высокопрѣложительномоу иже въ мчницѣхь. новомоу Лазарю кнезоу, и ѡ прѣнесенїи мощен его. бл҃ви ѡ҃.» (въ рукописи XVI вѣка, найденной мною въ Призренѣ).

2) Выписывая изъ этого сказанія, не знаешь часто, гдѣ ставить знаки препинанія, до такой степени фразы перепутаны; потому я сохранилъ знаки препинанія подлинника.

ѡдоушевенноу съсоудꙋ, ꙗко Саоуль чрѣвобасниуское напнсоують деснаго ꙗестьства, Лазаревꙋ вонинствоу побѣжденїе, н мрьское тѣхь позорнще неуьстїа, немало Православнынхь оуима виднтсе мрьзость. Скѵ̈птроносны же благоуьстїа божьственын поборннкь. ѡбращенїемь помысла ꙗестьствꙋ добрѣншомꙋ. ꙗкоже скорошьствьнын крагоун. трѣзвителнынмь разоума окомь. съ многынмь потьщанїемь, вонинства присъвькоуплꙗеть крило. н быстрѣ къ велнкомꙋченнкь възнесенїю звѣздоѡбразнынмь благоуьстїа перїемь, лоукавомꙋ веленїю прѣлѣтаеть, сѣтованїа ѡблакь. Н ꙗкоже фина[1] на православїа крилѡхь, богозрнтельные вѣры ѡбносе ѡрлнчнща. н молбоу съ запрѣщенїемь, Срьбскые дрьжавы, стратнлатомь, ѵпархом же вькоупѣ н кастрофнлакѡмь. съставное вонинства ѡбношенїе. проповѣдаше съуетаты. н за владычные невѣсты бѣдоу ꙋсрьдно подходеть, мꙋченїа прїетн вѣнць. н дроугь дроугꙋ ꙗко последнꙗе рыданїа прѣстеномь, ѡброучають цѣлованїе. н къ нже аггелѡмь царꙋ. мысльное протегше благоуьстїа око. тешкїе црьквамь засѣдателꙗ. молꙗетсе ѡтгнатн глаголюще. «посѣты нась нже съвыше спасенїемь твонмь, н мрьзостн запꙋстѣнїа научеткы, нже на нась лоукавно двнжнмїе оудобь разори ѡ̓ владыко. ты бо есн Богь творен чюдеса, н не предаждь нась до конца, нменн твоего радн». Облакоподобнынм же ѡбразомь абїе, соудꙋ н соудꙋ невъздрьжанво. слачанномꙋ нже вь звѣздахь ѡбразоу сльнца, стрѣлоткательнынмь оубрꙋса покрываломь ѡдѣвають ꙗестьство. ѡ Исманлнте роде стрьптнвын, н развращенныи, сїа лн господеви въздаете, н еще лн прѣстоуплꙗенїе закона Бога бесчьствоующе, православїа царемь досаждаете; н еще лн въ проказахь неразоумнаго Фараѡна радоуетесе н веселите, а ѡ нномь нн ѡ чнмже; доколѣ храмлюще на ѡбѣ колѣнѣ. сладкїе жизнн дверь, родꙋ хрїстїанскомꙋ затвараете; въ истнноу прїнметь соудь роука Хрїстова, н въ день ѡтмъщенїа въздасть вамь, ꙗкоже рече Боговидьць про-

---

1) Съ боку приписано объясненіе: «простоти ради милостива птица испадаема ѡрлнчнща хранещїн.»

рокь Моисн. нъ ѡбаче повѣсти притча, свѣтлїнмь смѣреномоудрїа чрьнилимь, трьстїю къ прѣднымь, да протезаеть шьствїе словѫ. Тогда же тогда, вь крьвоѡбразнѫю пѫчинноу ратникь, не оудобь прѣплаваемаго мора, скоропoлоучителное пристанище жѫпищь, орѫжїа весли достигше идеже коние выскателныи (*такъ*), и на сѣверь оудобь вьсходиїи, нашего естьства ранамь, съболѣзнѫюще гласы. нхже выпль єдинь и теченїе общее, вь дрехлопрозебателныихь цвѣтьць болѣзньное полие. еже мьглоѡбразнымь сѣтованїа ѡблакомь, оудобь покриваемо, и кь зелнѫ плачѫ принѫждаеть, иже тамо очима зрѣнїе оустрьмлающїинмь. идеже завистьные благочьстїю дверы роукоубїйстьвеными, Еѵфрїань прьсти, ѡтврьзаемыи ѡписѫютсе. идеже соухроконаскакателные неистовства ногою добродѣтелиемь злобы, ꙗкоже рече Аристотель. идеже новыи ѡть землие на небо съ выплеемь трѫсь, и многочисльныи ѡть звѣздоблискателнаа, ороужїа вьздоухѫ звекове. идеже новоизводнымь ѡбразомь иже ѡть воинь кь Богоу стенателныи клики. или рещи болѣзнїю срьдца моего ноудымь оудобь ѡбращаемое Пророка слово, плачевныи иже ѡть человѣкь глась грома, кь планитскомѫ сферокроужїа колѫ. подь инныже Моамеѳовы новаго Аѵа ꙗко и козлище лѣвые честы, вѣчномѫ ѡгню ѡтслаше. По сихь же оубо вь єдиномь часѣ времени ѡ любимиции, сльнчномѫ кроуго(ч) шестьдесетное число, стиг їамь прѣшьдшѫ. и акїе великомѫчениикь Лазарь высокопрѣстолныихь, чьстноизредиѫ высотѫ сыновомь ѡстави. и вь ино прѣложенїе горнѧго съединиенїа, новыи Несторь крьвїю бываеть. . . . . . .

Наконецъ, четвертое древнее сказаніе о Косовской битвѣ, въ формѣ воображаемой могильной надписи на полѣ сраженія, находится въ рукописи начала XVI столѣтія [1]). Вотъ оно:

«Сїе рѣчи писаны выше на стльпѫ мраморѣноу на Косовоу.

1) Въ библіотекѣ Карловецкой Митрополіи, подъ № 3473 — 561. Сказаніе помѣщено вслѣдъ за краткою лѣтописью, оканчивающеюся первыми годами XVI вѣка и напечатанною Шафарикомъ (стр. 55—64).

Ч҃лче иже Срьпские земле стоупае. пришльц ли еси. илы соуцы ту҃, кто еси и что снег҃ приидѣши на поле сїе. еже гл҃етсе Косово. и по въсемоу оузры плъно костїи мрьтвыих таже и синми каменно ество. мене кр҃товъображенна. и знаменална. пор҃ зриши просто стоеща. да не прѣмѣниши. и да не прѣзри. ꙗко что ту ние и суетно. нь м҃лю те приидї и привли се къ мнѣ ѡ любими. и расмотрї словеса ꙗже приношу ти. и ѿ того имаши разоумѣти коее ра҃ вини. и како и почто стою азь здѣ. поне истину гл҃ю. не мьнше ѿ одѫшевленнаго. въса по соущствоу хощу ви извѣстити съдѣанна. Здѣ некогда велыкы самодрьжць. чюдо земльное и рыга срьпскы, иже парицаемы лазарь кнез великын. бл҃гочьстїю непоколѣбимы стль. бг҃оразоумїю поучина и мудрости глъбина. огнїи оумь. странны прѣстатель. питате алъчющи. и нищи помилованїе. скрьбы милованїе и оутешитель. иже вса любеи елика хс хоще. къ семоу бо своимь изволенїемь самь собою. паче и съ въсѣми своими бесчисльное мнѡство, елика по роукою его, моужїе добрїи. моужїе храбрїи. мужїе въ истину въ словѣ и въ дѣлѣ. ꙗко звѣзды свѣтлы бльстеще. ꙗко землꙗ цвѣтци прѣиспьщренны. одѣанїи златомь. и каменїемь чтны оукрашенїи. множанишїи кони избранны. и златоседлъни. все дивнїи и красны въсадници ихь. всеплеменитїи и славнї. ꙗко кто добры пастыр же и прѣстатель. мудры агнце словесное приводить, ѡ хе кончати доброе. и странїю вѣнць. вышнее славы причестьни быти. тѣ же съгласно многое бесчисльное множство въкупѣ съ добрыи и великыи годїно доблею дш҃ею. и вѣрою тврьдѣнши ꙗко на чрьтогь красеиь, и многоуханное чпитѣнїе. на врагы устрьмише. и соущаго змїа поправше и оумрьтвише звѣра дивїаго. и великаго супротивника. и несытаго ада всеꙗдца. рекоу же Амоурата и сн҃а егова. аспидово ищедїе и ехидново. щене лъвово и василиско. нъ съ ними инѣхь не малѣх. ѡ чюси бж҃їи судь. еть бы доблїи стралць. рукама беззаконнима агаринскыма. и конць страдїю добрѣ самь прїемле. и мнѣ ч҃вь бывает. великы кнез лазарь. не ин бо дроугын чсеку его. ѡ любици. нь са роука оубїице того сн҃а Амоуратова. и си

ксѝ рѐнна съврьшнше въ лѣтѡ ҂ꙅѡҁз. Индікто. ві. мца іюнїа еі днь в ктѡ. чâ же сѹщѹ, или ·г· или сѐмомѹ. не вѣ Бь вѣсть.

Эти сказанія могутъ послужить свидѣтельствомъ, какъ мало было въ древнихъ Сербахъ способности къ историческому пониманію и представленію. Величайшее, самое поразительное и памятное событіе въ жизни ихъ народа не въ силахъ было внушить имъ здравую, фактическую рѣчь; оно расплывалось подъ ихъ перомъ въ какой-то жидкой, безсмысленной фразеологіи, которая не имѣетъ ничего подобнаго даже въ сочиненіяхъ Византійскихъ историковъ. Таковъ дѣйствительно характеръ всей старинной Сербской словесности: въ ней нѣтъ ни опредѣленнаго образа какого бы то ни было лица или событія, ни живаго, простаго слова. Все изысканныя, мудреныя фразы, все общія мѣста, даже названій лицъ и мѣстъ обыкновенно избѣгали Сербскіе писатели, старавшіеся по возможности замѣнять ихъ неопредѣленными и общими словами.[1]) Своего взгляда и сужденія они никогда не выражали. Вотъ почему всѣ историческія сказанія Сербскія, которыхъ дошло до насъ однако не мало и все весьма значительныхъ по объему, не объясняютъ нисколько ни древней жизни Сербскаго народа, ни даже историческихъ событій. Въ нихъ нѣтъ ни хронологическихъ указаній, ни извѣстій о дѣйствующихъ лицахъ и обстоятельствахъ времени. Какъ Русскіе лѣтописцы, какъ даже безтолковые Византійскіе историки кажутся привлекательными послѣ чтенія Сербскихъ историческихъ сказаній и житій! А эти сказанія и житія суть единственныя произведенія древней Сербской письменности (за исключеніемъ переводовъ и оффиціальныхъ ак-

---

1) Такъ, на примѣръ, вмѣсто простаго извѣстія, что такой-то государь послалъ такого-то боярина туда-то съ войскомъ въ столько то тысячъ, въ Сербскихъ сказаніяхъ читаешь всегда фразы въ родѣ этихъ: «Сей благочестивый и христолюбивый скиптроносецъ послалъ единаго отъ благородныхъ отечествія своего въ нѣкую страну державы своей съ такою ратію, какая подобала для уничиженія злокозненныхъ умысловъ враговъ своихъ» и т. под.

товъ). Другая характеристическая черта этихъ сказаній, неразрывно связанная въ нихъ съ обозначенной мною страстью къ фразеологіи и отсутствіемъ всякаго живаго смысла, есть безобразная, лицемѣрная лесть. Она убивала въ древнихъ Сербскихъ писателяхъ не только свободу сужденія, но даже всякое нравственное чувство. Въ приведенныхъ выше отрывкахъ читатель могъ уже замѣтить этотъ тонъ низкопоклонства; но тамъ онъ не такъ ясно обозначается, потому что самый предметъ, Косовское сраженіе, не способствовалъ его проявленію. Нужно прочесть сказанія о дѣяніяхъ Неманичей, этой семьи полной преступленій брата противъ брата, сына противъ отца, отца противъ сына, чтобы понять, до какой степени духъ низкопоклонства могъ заглушить въ Сербахъ нравственное чувство и сужденіе. Такъ вы находите у нихъ безпрестанно фразы въ родѣ слѣдующихъ: « сему *благочестивому* кралю Урошу (Милутину) *ослѣпившу* сына своего *возлюбленнаго* Стефана».[1]) или: «сей *благочестивый* краль Урошъ третій (Дечанскій) *ненависть* воздвиже на сына своего *возлюбленнаго* (Душана) и въ мѣсто любве великіе совершенною ненавистью *возненавидѣ* и»[2]) и множ. т. под. Разумѣется, при такомъ характерѣ лести, затмѣвающей всякое нравственное разумѣніе, не могло быть того истиннаго, душевнаго благочестія, которое согрѣваетъ, на примѣръ, произведенія древней Русской словесности; вмѣсто того, старинныя писанія Сербовъ представляютъ какую-то условную набожность, которая нерѣдко доходитъ до явнаго фарисейства и граничитъ съ кощунствомъ [3]). Сербы подражали Византіи во многомъ, но приняли въ себя, какъ видно, только самыя дурныя ея стороны. Не даромъ кара, постигшая Византію, не ми-

1) Даніилъ, въ Житіи Милутина.

2) Даніилъ, въ Житіи Стефана Дечанскаго.

3) На примѣръ, въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, гдѣ Сербскіе писатели, разсказывая о самыхъ черныхъ дѣлахъ своихъ королей, тутъ же величаютъ ихъ «благочестивыми», «Христолюбивыми» и т. под.

новала и ихъ, не даромъ и противъ нихъ судьба, по словамъ поэта,

Отману дала сокрушительный млатъ,
И силу коварную, злую.

Нельзя думать, чтобы пороки, высказывающіеся въ древней Сербской словесности, были случайною принадлежностью нѣкоторыхъ писателей. Нѣтъ, если бы низкопоклонство и фарисейство въ дѣлѣ религіи не были въ то время общимъ порокомъ народа или, вѣрнѣе сказать, высшихъ его слоевъ, то мы не видѣли бы въ древней Сербской исторіи того поразительнаго явленія, что *всѣ* Сербскіе государи отъ Немани до паденія Сербскаго царства (за исключеніемъ только отцеубійцы Душана) причислялись современниками и близкими потомками къ святымъ, не смотря на то, что многіе изъ нихъ совершили хладнокровно тяжкія преступленія и постоянно готовы были измѣнить Православію для политическихъ выгодъ, такъ что Церковь и не могла въ послѣдствіи признать народнаго мнѣнія о нѣкоторыхъ изъ нихъ законнымъ. Но, конечно, не весь народъ Сербскій долженъ подлежать осужденію, здѣсь произносимому; только верхніе слои, заражаясь всѣмъ дурнымъ, что приносилось извнѣ, были проникнуты такимъ духомъ низкопоклонства и фарисейства; зато и всѣ древніе писатели Сербскіе отражая въ себѣ духъ, господствовавшій въ верхнихъ слояхъ общества, какъ будто бы не видятъ и не признаютъ существованія народа; у нихъ о народѣ вы не найдете и помину. Послѣ всего сказаннаго, моимъ читателямъ понятно будетъ, почему эта словесность не умѣла сказать ни одного живаго слова о великомъ событіи, по поводу котораго я осмѣлился пуститься въ это длинное разсужденіе. Живое слово сказалъ о немъ народъ въ своихъ безъискусственныхъ пѣсняхъ; для грамотѣевъ же оно служило темою лже-ученаго и лже-набожнаго пустословія. И только въ лѣтописи, составленной въ XVIII вѣкѣ и обогащенной народною стихіею, заимствованною

изъ пѣсенъ и преданій, является о Косовскомъ побоищѣ историческое сказаніе въ родѣ тѣхъ, какія мы находимъ въ древней Русской словесности, только съ гораздо меньшимъ характеромъ достовѣрности, потому что преданіе, какъ ни живо и крѣпко оно хранилось въ народѣ, должно было все-таки сгладиться и исказиться въ теченіи почти четырехъ столѣтій. Изъ современниковъ же только женщина произнесла о Косовской катастрофѣ слово, проникнутое истиннымъ духомъ христіанскаго благочестія и любви. Врожденный тактъ женскаго ума освободилъ, видно, монахиню Евѳимію, вдову Деспота Углеши, прежняго соперника князя Лазаря, отъ лжи, господствовавшой въ современномъ ей образованномъ классѣ Сербскомъ, и послѣ 460 лѣтъ нельзя читать безъ душевнаго сочувствія словъ, которыя она выткала золотомъ на шелковомъ покровѣ, устроенномъ ею для гробницы мученика князя, павшаго на Косовомъ полѣ. [1])

1) Вотъ эта надпись (издана Шафарикомъ Изборъ Хрисовоулъ, 27. и Микдошичемъ, Mon. Serb. 243):

Вь красныхъ мира сего вьспиталь се юси оть юности своюе, о нові моученичє, кнеже лазаре, и крѣпка роука господна вь всѣхь господахь земльныхь крѣпка и славна показа те. господствоваль юсї и землѥю отьчьствиа си, и вь всехь благыхь вьзвеселиль юсї вьроученніє ти христиани, и моужьственимь срдцемь и желанїемь благочьстїа изьшль юсї на змїа и сьпостата божьстьвныхь црькьвь, расоудивь нестрьпимо бити срдцоу твоюмоу, зрети христиани отьчьствиа ти обладаемимь бити измаилтени, аще ли сего неполоучиши, обагрити се крьвию своею, и сьвькоупити се сь вои небеснаго цара. тѣм же и двѣ желаеме полоучиль єсі, и змїа оубиль еси, и моучениа вѣнць вьсприель еси оть бога. и нынѣ не вь забвенїє постави вьзлюбленна ти чеда, иже сірихь оставиль єсї прѣшьствиюмь твоимь. тебе бо оупразнившоу се вь небесная веселїа вѣчна, многи скрьби и болѣзни обеше вьзлюбленная ти чеда, и вь множѣхь скрбехь житиє провараждають. обладаеми бо соуть измаилтени, ї трѣбоуюмь вьсї помощи твое. тѣм же молимь се, моли се кь общемоу владыцѣ о вьзлюбленихь ти чедѣхь, и о

Да не осудятъ меня за это чрезмѣрно длинное отступленіе отъ моего разсказа. Когда я былъ на Косовомъ полѣ и сравнивалъ разсказы тамошнихъ поселянъ съ повѣствованіемъ народной пѣсни о великомъ побоищѣ, мнѣ пришла мысль опредѣлить отношеніе древнихъ сказаній о немъ къ народнымъ преданіямъ, и этотъ вопросъ привелъ меня къ вышеизложеннымъ заключеніямъ. Я представилъ ихъ здѣсь потому, что въ этой книгѣ я желаю не только описывать видѣнныя

всехь, иже сь любовию и вѣрою слоужещихь нмь. печалемь бо многыимь сьпрежена соуть вьзлюбленнаа ти чеда. идоущи бо хлѣбь ихь вьздвигоше на инхь ковь велнкь, и твоа блага вь забить поставише, ω моученнче. нь аще и прѣшьль еси ωть житїа сего, скрьби и болѣзни чедь твоіхь вѣсі, ї ѩко моученикь дрьзновение имаши кь господоу. прѣклони колѣне кь вѣнчавшомоу те владыцѣ, просї многолѣтное вь благихь житие вьзлюбленнимь ти чедомь проводити богооугодно, просї православнѣи вѣрѣ христіансцеи неωскоудно стоѩти вь ωтьчьствїю ти, проси побѣдителю богоу побѣдоу подати вьзлюбленнимь ти чедомь, кнезоу стефаноу и вльков, на невідимие и видимие враги. помощь бо аще прімемь сь богомь, тебѣ похвалоу и благодареніе вьздами. сьбери ликь своихь сьбесѣдникь, светихь моученикь, и сь всеми помоли се прославльшомоу те богоу. вьзв сти георгїю, подвигни димитрна, оубѣди ѳеωдωре, помни меркоурїа и прокопїа, и ·м· моученикь севастинскихь неωстави, вь нихже моученин воюють чеда твоа вьзлюблена, кнезь стефань и вльков. проси подати нмь се ωть бога помощи. приди оубо на помощь нашоу, идеже аще еси. на моѩ же малаа приношениа призри, и вь многа вьмѣни сїа. не по достоѩнїю бо тебѣ похвалоу прінесохь, нь по сїлѣ малаго ми разоума. тѣм же и мала вьзмьздїа чаю. нь не тако ти, ω мили мои господине и свети моученнче, малоподатливь биль юси вь тлѣнинихь и маловѣчнихь. колми паче вь непрѣходимихь и великихь, иже вьсприель юси ωть бога. телесно бо странноую мене вь страннихь ωкрьмлѩль юси изобилно, нынѣ же ωбоюдоу прошоу, да ωкрьмиши ме, и да оутишиши боурoу лютоую доуше и тѣла моюго.

Ефимїа оусрьдно приносить сїа тебѣ, светьї.

мною мѣстности, но и отчасти характеризовать народъ, ихъ занимающій. А то, что я сказалъ о характерѣ древней Сербской письменности и высшихъ слоевъ древняго Сербскаго общества, имѣетъ не только археологическій интересъ. Есть въ этомъ кое-что приложимаго отчасти и къ современности. Что и теперь еще риторство составляетъ недугъ большинства Сербовъ, какъ скоро они мало-мальски образовались подражаніемъ чужому, въ томъ согласится всякій, кто сколько нибудь знакомъ съ этимъ народомъ. Что же касается до низкопоклонства передъ властію и всего, отсюда проистекающаго, то, право, встрѣчаешь въ современной Сербской письменности нѣкоторыя явленія, напоминающія про старинныя сказанія о дѣяніяхъ Неманичей. Только вмѣсто того, чтобы умалчивать о существованіи народа, какъ бывало въ старину, новѣйшая Сербская письменность, повинуясь духу времени, то и дѣло толкуетъ о народѣ и народности, но толкуетъ она о нихъ большею частью такимъ риторическимъ тономъ и съ такою лестью, что не всегда вѣришь искренности этихъ фразъ и нерѣдко думаешь, что было бы лучше, если бы поменьше и построже говорили народу о немъ самомъ. Пусть Сербы скажутъ себѣ, что риторство и лесть суть тяжелые и пагубные недуги въ обществѣ. Недуги эти не могутъ быть въ крови такого народа, гдѣ простые, грубые поселяне выказываютъ въ своемъ характерѣ много благороднаго мужества, въ своихъ пѣсняхъ много вѣрнаго художественнаго смысла; стало быть эти недуги излѣчимы. Но они, къ несчастію, черезъ-чуръ легко прививаются къ людямъ, которые, выдѣлившись изъ этого народа и пріобрѣтши нѣкоторый заграничный лоскъ «цивилизаціи», спѣшатъ высказывать громкими словами свою поверхностную мудрость и, сбитые съ толку не только въ умственномъ, но и въ нравственномъ отношеніи, дѣлаются слѣпыми поклонниками случая и выгоды.

XIX.

Косово-поле отъ Приштины до Митровицы. Звечанъ.

Налѣво отъ Приштины и впереди этого города разстилается пространное поле, называемое Широкимъ. Чрезъ это поле, часахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ Приштины, протекаетъ рѣчка Ситница. За Ситницею, налѣво, виденъ небольшой горный хребетъ, Голешъ: сюда, говорятъ, отступилъ во время сраженія Вукъ Бранковичъ. Мы ѣхали около часу, когда стали попадаться по дорогѣ надгробные камни мусульманскіе съ высѣченными на нихъ чалмами, и простыя могилы и камни, обозначающіе, вѣроятно, мѣста гдѣ похоронены христіане. По мѣрѣ того, какъ мы подымались на небольшой холмъ, могилъ было больше и больше. На вершинѣ холма выстроенъ маленькій каменный домикъ въ родѣ будки, окруженный пятью грушевыми деревьями; передъ домикомъ сидѣлъ дервишъ, хранитель его, имѣющій тутъ же свою избушку. Онъ открылъ намъ двери, и мы увидѣли въ домикѣ два большихъ каменныхъ гроба, одинъ чрезвычайно длинный (4 аршина и 3 вершка) и довольно высокій, другой пониже и поменьше, оба изъ бѣлаго камня. Большой гробъ принадлежитъ, разсказали мнѣ мои проводники, Гази-Синану,[1]) визирю Амуратова войска, исполину ростомъ и силою; въ меньшемъ похороненъ его слуга. Оба они пали подъ рукою Милоша Обилича[2]), когда онъ, пронзивъ Султана, вырвался изъ рукъ Турокъ, хотѣвшихъ его схватить, и съ двумя своими товарищами отбивался отъ цѣлаго войска, которое за нимъ гналось и его окружило. «Да, страшный былъ человѣкъ этотъ Милошъ, говорилъ дервишъ: не только Гази-Синана и

---

1) *Гази*, т. е. герой, есть титулъ, который прилагаютъ Турки къ именамъ своихъ витязей.

2) Такъ называетъ его теперь народъ, вмѣсто неблагозвучнаго имени Кобыловичъ или Кобыличъ; которое имя вѣрнѣе, не знаю.

его оруженосца убилъ онъ, вотъ всѣ эти могилы кругомъ — это все Турки, которыхъ *погубилъ* Милошъ. Онъ стоялъ на верху холма, вотъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ построена теперь *текія* (надгробный памятникъ) среди цѣлаго войска, и разилъ вокругъ себя всякаго, кто подступалъ къ нему.» Дѣйствительно, весь холмъ кругомъ домика, покрывающаго гробъ Синанъ-паши, усѣянъ могильными камнями и плитами; ихъ здѣсь тысячи. И все это, по преданію не только православныхъ, но самихъ Турокъ могилы павшихъ отъ руки Милоша. Такимъ представляетъ себѣ народъ Милоша. Не даромъ Черногорцы избрали его ликъ, какъ символъ храбрости. Милошъ совершенно затмилъ собою, въ глазахъ народа, личность князя Лазаря Лазарь памятенъ православнымъ Сербамъ какъ святой, а не какъ воинъ; Мусульмане же почти забыли его имя. — Это боевое кладбище называется Мазгитомъ, по имени близъ-лежащей деревни. Тутъ, очевидно, была самая жаркая битва.

Мы поѣхали далѣе, и поворотили съ большой дороги на лѣво. Мы вскорѣ спустились въ небольшое углубленіе, поросшее кустарникомъ и увидѣли памятникъ знаменитаго завоевателя, Отманова внука, Султана Амурата. Памятникъ этотъ — небольшое четвероугольное зданіе изъ бѣлаго камня съ плоскимъ куполомъ, однимъ словомъ, мечеть въ маломъ видѣ и безъ минарета. Подлѣ — жилое строеніе для дервишей и посѣтителей; кругомъ небольшой садъ, обильный подсолнечниками. Тутъ, говорятъ, находился станъ Турецкій, и памятникъ или *текія*, какъ называютъ его Сербы, построенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла султанская палатка, подъ которою Султанъ принялъ мнимаго перебѣжчика Милоша и былъ имъ убитъ. Въ *текіи* помѣщенъ кенотафъ, огромный деревянный гробъ подъ краснымъ шелковымъ покровомъ, съ вышитыми на немъ бѣлымъ шелкомъ стихами Корана. У верхняго конца гроба водружена, на толстой палкѣ, гигантскаго чалма, смотанная изъ шерстяной матеріи. По обоимъ концамъ гроба

стоятъ по два высокихъ подсвѣчника съ восковыми свѣчами. Надъ гробомъ повѣшена бронзовая люстра Вѣнскаго издѣлія. На стѣнахъ *текіи* начертаны Арабскія надписи. Въ кенотафѣ находятся только, какъ говорятъ, сердце и внутренности Султана; тѣло его было отвезено въ Бруссу и тамъ похоронено съ его предками. Кенотафъ и памятникъ находились въ разрушеніи, пока сераскиръ Хуршидъ-паша, лѣтъ десять тому назадъ, не возобновилъ ихъ. Теперь проѣзжіе могутъ находить тамъ гостепріимный и не слишкомъ грязный пріютъ.

Отъ гроба Муратова подымаешься опять по отлогому склону черезъ кустарникъ, потомъ снова спускаешься нѣсколько и выѣзжаешь въ ровное, гладкое какъ коверъ, пространное поле. Кое-гдѣ только виднѣется на немъ кустарникъ. Широкая безпредѣльная дорога проложена копытами верховыхъ и вьючныхъ лошадей и неуклюжими колесами возовъ, запрягаемыхъ волами, на которыхъ поселяне перевозятъ хлѣбъ и сѣно изъ одного мѣста на равнинѣ въ другое, но которые за рубежъ Косова-поля никуда выѣхать не могутъ. Черезъ полъ-часа ѣзды мы достигли рѣчки Лаба; она течетъ поперекъ поля въ болотистыхъ берегахъ, покрытыхъ ивою, ракитою и тростникомъ, и впадаетъ близъ этого мѣста въ Ситницу, текущую вдоль Косовской равнины. Черезъ Лабъ ведетъ престранный мостъ, въ перемежку каменный и деревянный; вѣрно онъ былъ вначалѣ весь каменный, но потомъ сталъ разваливаться, и Турки, разобравъ часть каменной настилки, замѣнили ее деревянною. Этотъ мостъ и маленькая деревушка, тутъ же находящаяся, называются Бабинъ-Мостъ. Въ небольшомъ разстояніи отсюда мнѣ показали другую деревню, Расково. Жители увѣряютъ, что когда Милошъ, сражаясь одинъ среди цѣлаго войска Турецкаго, наконецъ выбился изъ силъ и былъ схваченъ непріятелемъ и связанъ по рукамъ и по ногамъ, то все-таки Турки долго не могли ему ничего сдѣлать: съ ногъ до головы покрывала его броня, о которую разбивались и сабли и *буздоханы* (палицы), и

никто не умѣлъ догадаться, какъ снять съ него эту стальную одежду, точно будто бы вылитую на немъ однимъ кускомъ. Тутъ у моста попалась какая-то баба, которая стирала бѣлье въ рѣчкѣ. Она подошла къ Туркамъ, тащившимъ плѣннаго Милоша. и показала имъ единственный шовъ въ его бронѣ. Оттого, говорилъ мнѣ разскащикъ, мостъ этотъ прозванъ Бабьимъ. Потащили Милоша нѣсколько шаговъ далѣе; баба стала толковать Туркамъ, какъ именно взяться за дѣло, чтобы расторгнуть броню. Милошъ, не могшій шевельнуть рукою и ногою, вдругъ рванулся всѣмъ тѣломъ впередъ, и откусилъ бабѣ носъ. Оттого, продолжалъ Косовскій чичероне, и село у моста собственно называется не Бабинъ-Мостъ, какъ говорятъ люди не знающіе дѣла, а Бабинъ-Носъ. Но тутъ еще ничего не могли сдѣлать съ Милошемъ, такъ онъ боролся; его поволокли еще дальше, и только въ слѣдующемъ селѣ успѣли укротить его и *расковали* молодца (т. е. сняли съ него броню): съ того дня село это прозвалось Расковомъ.—Такъ Косовцы воспользовались нѣкоторыми названіями мѣстностей и привязали къ нимъ преданіе, нарочно по этимъ названіямъ составившееся, о своемъ любимомъ героѣ.

Въ одномъ часѣ разстоянія отъ Бабина-Моста, направо, у подножія горной цѣпи, находится минеральный источникъ, называемый Милошева-Баня: тутъ Милошъ купался передъ битвою. Далѣе, тоже на правой сторонѣ дороги, есть село Самодрежа, и тутъ показываютъ развалины той церкви, въ которой Лазарь причастилъ свое войско передъ битвою; къ этой же церкви Самодрежѣ народъ привязалъ прекрасное, уже приведенное мною, преданіе о спорѣ за царскій вѣнецъ между Вукашиномъ и Урошемъ. Мнѣ очень жаль, что я узналъ о существованіи остатковъ церкви Самодрежи только послѣ, изъ одной Сербской книги, и что никто не сказалъ мнѣ объ этой развалинѣ, когда я былъ на Косовомъ-полѣ. Любопытно бы было осмотрѣть это мѣсто и разспросить жителей о старинныхъ временахъ.

Переѣхавши Лабъ, мы видѣли вездѣ въ полѣ разбросанныя тамъ и сямъ могилы. Въ полу-часѣ отъ моста встрѣтили мы другое маленькое возвышеніе, подобное тому, на которомъ, по преданію сражался, Милошъ; и тутъ, какъ видно, кровь лилась потоками, потому что каждый шагъ на этомъ холмѣ занятъ надгробнымъ мусульманскимъ столбикомъ съ чалмою или могильною плитою. Это мѣсто поросло теперь дубовою чащею. Далѣе уже почти невидать могилъ. Гладкое поле лежитъ пустыремъ почти до самаго мѣстечка Вучитрна, отстоящаго отъ Приштины на два часа. Только подъ самымъ мѣстечкомъ земля обработанна.

Вучитрнъ (т. е. Волчій-тернъ), который былъ нѣкогда столицею епархіи, теперь болѣе похожъ на село, чѣмъ на городъ. Въ немъ считаютъ до 400 домовъ или, лучше сказать, избушекъ, по большей части деревянныхъ. Изъ нихъ 250 мусульманскихъ и 150 православныхъ. Посреди Вучитрна, на возвышеніи, стоитъ древняя крѣпость, съ высокими, толстыми стѣнами, почернѣвшими отъ времени, и нѣсколькими башнями. Турки кое-какъ поддерживаютъ эту крѣпость, въ которой находится *конакъ* Вучитрнскаго мудира. Народъ приписываетъ постройку этой крѣпости Войновичамъ, храбрымъ витязямъ древняго времени. Но сколько я ни разспрашивалъ о нихъ, другаго мнѣ ничего не умѣли сказать, какъ только то, что Войновичи эти властвовали тутъ еще при Неманичахъ, прежде Косовской битвы. Въ Вучитрнѣ есть небольшая церковь, сооруженная около 1840 года. Она выстроена на подобіе простаго дома, изъ бѣлаго камня; она врыта въ землю на сажень или больше, чтобы снаружи не казалась высокою; въ ней нѣтъ ни образовъ, ни ризъ, кромѣ самаго бѣднаго, холщеваго облаченія, ни книгъ; утварь оловянная.

Переночевавъ на дворѣ Вучитрнскаго хана, я на другой день отправился въ Митровицу не прямымъ путемъ, пролегающимъ полемъ, а повернулъ налѣво, чтобы осмотрѣть монастырь

Св. Іоанникія Девичскаго, который находится въ пяти часахъ отъ Вучитрна, на границѣ Дукадьина, въ волости, называемой Дрѣница. Мы переправились по разваливающемуся старинному мосту черезъ Ситницу, текущую въ низменныхъ лугахъ, и скоро добрались до горъ, ограничивающихъ Косово поле. Болѣе четырехъ часовъ ѣхали мы по высотамъ, то подымаясь, то спускаясь, то слѣдуя по направленію лощинъ, поросшихъ лѣсомъ, и не встрѣчали ни деревушки, ни избы, ни души человѣческой. Наконецъ въ полянѣ, окруженной лѣсистыми горами, увидѣли мы монастырь, обнесенный довольно высокою и крѣпкою стѣною. Мы въѣхали въ монастырь; я слѣзъ съ лошади и помѣстился на *диванъ-хане*. Никто не выходилъ къ намъ. Послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ, люди докликались какого-то слуги и послали сказать игумену о нашемъ пріѣздѣ. Долго, долго ждали мы игумена; наконецъ онъ вышелъ, но принялъ насъ весьма холодно и недружелюбно. Онъ попросилъ меня, однако, въ комнату, но разговоръ не клеился; я удивлялся неблагосклонности игумена, съ которымъ принужденъ былъ вести холодный разговоръ объ общихъ мѣстахъ, какъ съ Турками. Спѣшу сказать, впрочемъ, что это былъ единственный случай такого нерадушнаго пріема со стороны Православнаго Сербскаго духовенства, встрѣтившійся мнѣ во всѣ мои поѣздки по этимъ краямъ. Я сталъ распрашивать игумена о книгахъ; онъ сначала увѣрялъ, что ихъ у него нѣтъ вовсе, но когда я настаивалъ, и твердилъ, что этого не можетъ быть, онъ сознался, наконецъ, что есть какія-то старыя рукописи, но не хотѣлъ пустить меня туда, гдѣ онѣ хранились, а велѣлъ одному изъ монаховъ вынести ихъ. Мнѣ принесли три или четыре рукописныхъ Минеи, и кромѣ того нѣсколько старопечатныхъ церковныхъ книгъ: я замѣтилъ объ нихъ, что это не рукописи, а печатныя книги; игуменъ возразилъ, что онѣ рукописныя; я сталъ ему показывать разницу между рукописью и печатью, а онъ все твердилъ: «нѣтъ, это рукопись, мы это знаемъ». Такое недора-

зумѣніе встрѣчалось мнѣ сотни разъ въ этихъ странахъ: сотни разъ мнѣ показывали и даже присылали иногда изъ далекихъ мѣстъ какія-нибудь старопечатныя книги Сербскихъ типографій (процвѣтавшихъ въ XVI вѣкѣ), въ полной увѣренности, что это рукописи; только церковныя книги Русскихъ типографій признаются тамъ за печатныя; но всякій разъ мнѣ легко удавалось убѣдить Босняцкихъ или Сербскихъ священниковъ въ ихъ ошибкѣ, и только Девичскій игуменъ остался неколебимымъ въ своемъ убѣжденіи. При его нерасположеніи къ своимъ посѣтителямъ, я не могъ узнать почти ничего о состояніи монастыря. Онъ разсказалъ мнѣ только, что обитель страждетъ отъ Албанцевъ, составляющихъ населеніе всей окрестности, и имѣетъ весьма мало доходу, потому что Албанцы отняли прежнія ея владѣнія, а поклонниковъ бываетъ очень мало, хотя мощи Св. Іоанникія пользуются великимъ уваженіемъ въ народѣ; но монастырь лежитъ въ такой глуши, что немногіе отваживаются туда. Дюжій, румяный монахъ, составляющій съ игуменомъ и еще однимъ инокомъ всю братію Девичской обители, сталъ повѣствовать мнѣ, непріятнымъ тономъ вытверженнаго наизусть разсказа, о томъ, какъ Св. Іоанникій, сынъ богатыхъ родителей, бѣжалъ изъ отцовскаго дома, чтобы удалиться отъ міра, и долго жилъ въ совершенной безвѣстности и уединеніи въ лѣсу, гдѣ теперь стоитъ монастырь; какъ народъ мало-помалу сталъ узнавать о его подвигахъ и стекаться къ нему; какъ Юрій Бранковичъ, государь Сербскій *), услышавъ объ его чудесахъ, привелъ къ нему свою дочь, слѣпую, и онъ возвратилъ ей зрѣніе, омывъ ей глаза водою изъ источника, который и теперь показываютъ близъ монастыря; какъ Іоанникій, безпрестанно тревожимый въ своемъ уединеніи, удалился въ Чернорѣцкія горы и вселился тамъ въ пещеру, гдѣ и кончилъ жизнь; и наконецъ, какъ Юрій Бранковичъ, тотчасъ по-

*) Умеръ въ 1456 г.

слѣ его смерти, построилъ обитель на мѣстѣ, гдѣ онъ исцѣлилъ его дочь, и перенесъ его тѣло, которое лежитъ тамъ нетлѣнно до-днесь, подавая благодать и исцѣленіе всѣмъ, елицы со страхомъ и вѣрою къ нему припадаютъ. Я попросилъ показать мнѣ церковь, и увидѣлъ небольшой, темный храмъ, съ однимъ куполомъ, тяжелой архитектуры XV вѣка. Рака съ мощами стоитъ на правой сторонѣ церкви; надъ нею написанъ образъ Св. Іоанникія съ слѣдующею надписью:

ИЗВОЛЕНІЄ ѾЦА И ПОСПЕШЕНІЄ СНА И СЬВРЬШЕНІЄ СТГО ДХА ПОПИСАСЕ СЫ СТЫ ГРОБЬ ПРПБНАГО ѾЦА НШЕ ІѠАННИКІА ВЬ ЛѢ ·З. ПS. (7086—1578) МЦА МАИ КВ. ТРОУДИСЕ Ѡ СЕМЬ СМЕРЕННИ ИГОМЕНЬ ПАХОМІЄ ІЕРМОНА И ЛОГИНЬ ІЕРМОНА СЬ БРАТІАМИ.

Выше, на стѣнѣ, помѣщена картина, изображающая кончину святаго, съ надписью:

УСПЕНИЄ ПРПДБНАГО ѾЦА НАШЕГО ІОАННИКІА ПУСТЫНИ ЖИТЕЛА ХТИТОРА СТАГО ХРАМА СЕГО.

Раздерженный недружелюбіемъ Девичской братіи, я рѣшился уѣхать тотчасъ, не ночуя въ монастырѣ, хотя было уже не рано, а до Митровицы оставалось пять оффиціальныхъ, т. е. шесть или семь дѣйствительныхъ, часовъ.

Бѣдный игуменъ Паисій, не тѣмъ будь онъ помянутъ. Недѣли черезъ три, только что я возвратился въ Сараево, мнѣ написали, что игумена застрѣлили Албанцы, жители сосѣдняго села, считавшіе себя почему-то имъ обиженными. Убійцы остались ненаказанными, хотя ихъ такъ хорошо знали, что мнѣ тогда же сообщили даже ихъ имена и мѣсто жительства.

Возвратный путь къ Митровицѣ показался намъ безконечнымъ. Мы сначала терпѣливо ѣхали по такимъ же горамъ и лощинамъ, какія видѣли между Вучитрномъ и Девичемъ; это продолжалось нѣсколько часовъ. Солнце уже садилось, а Митровицы все-таки не было видно. Наконецъ показались прекрас-

ные заливные луга, по какой-то рѣчкѣ, кажется, Дрѣницѣ. Я не могъ принудить себя ѣхать шагомъ по этой мягкой глади. Я поскакалъ, чтобы сократить время и дорогу. За мною пустился вскачь мой вѣрный Сараевскій кавазъ Али, на своемъ *алатѣ* (рыжемъ конѣ), который имѣлъ странную привычку: какъ только его пустятъ вскачь, онъ несетъ, и никакая сила человѣческая его не остановитъ, покуда онъ не уткнется мордой въ дерево, въ стѣну или въ стогъ сѣна. У Али была удивительная сноровка направлять своего скакуна на такое препятствіе. Но тутъ, на лугу, никакого препятствія не имѣлось, и онъ промчался ужасно далеко, до горы, поросшей лѣсомъ, которая начиналась за лугомъ. Я не отставалъ. Когда мы оглянулись, то увидѣли себя въ совершенномъ одиночествѣ. Весь конвой остался Богъ знаетъ гдѣ: кавазы, взятые мною изъ Вучитрна и знавшіе дорогу, видно пожалѣли своихъ клячъ, хотя ихъ лошади путешествовали только одинъ день, а наши почти мѣсяцъ. Что было дѣлать? Дожидаться — скучно, а всѣ труды скачки пропали бы даромъ. Мой Али, соединявшій въ себѣ беспечность Мусульманина съ самонадѣянностью Албанца, сказалъ: «поѣдемъ впередъ! что дожидаться этихъ *чапкуновъ* (мошенниковъ). Дорогу найдемъ, не заблудимся, *ако Богъ да* (если Богъ дастъ).» Я былъ того же мнѣнія, и мы поѣхали. Я воспользовался своимъ *tête-à-tête* съ нимъ, чтобы вступить въ конфиденціальный разговоръ. Я просилъ его разсказать мнѣ исторію того, какъ онъ пріобрѣлъ своего *алата*: лошадь эта отличалась, не смотря на малый ростъ, необыкновенною силою, быстротою бѣга и сносливостью, и онъ мнѣ намекнулъ какъ-то, что получилъ ее за безцѣнокъ, хитростью. Его разсказъ объ этомъ случаѣ можетъ послужить чертою нравовъ. «Одинъ Бошнякъ [1]) былъ мнѣ долженъ 500 грошей (піастровъ), и не пла-

1) Бошняками называютъ преимущественно Славянъ-Мусульманъ, жителей Босніи и Герцеговины, въ отличіе отъ Влаховъ или Сербовъ, т. е. Православныхъ, и Шокцевъ или Латиновъ, т. е. Католиковъ.

тилъ (замѣтьте, что мой Али — капиталистъ и ростовщикъ; въ разныхъ городахъ Босніи отпрашивался онъ у меня на часъ или на два «да идемъ да наплатимъ дугъ», т. е. пойти взыскать долгъ; онъ даже пустился въ спекуляціи другаго рода: купилъ стадо овецъ и отдалъ его *кметамъ* въ какомъ-то селѣ на выгодномъ условіи [1]). Долго не платилъ онъ, *ефендумъ* (сударь мой), —продолжаю рѣчь моего спутника,—не потому, чтобы ничего не имѣлъ, а такъ, *одъ хрсузлука* (по разбойничьему нраву). Много разъ приходилъ я къ нему, а онъ говорилъ всякій разъ: душа моя, погоди еще немножко, *Бога ми*, *не мамъ пара* (ей-Богу, нѣтъ денегъ). Однажды я узнаю, *ефендумъ*, что ему привели *са села* (изъ деревни) отличную лошадь; черезъ нѣсколько дней вижу, какъ онъ ѣдетъ изъ Сараева въ поле, погарцовать на своемъ конѣ. Отправился я туда же пѣшкомъ, сажусь подъ деревомъ и жду. Ѣдетъ, *ефендумъ*, мой Бошнякъ съ поля, завидѣлъ меня, останавливается, я ему говорю: *де, сьяши*, *да сѣдимо мало, да егленишемо*» (ну, слѣзай: посидимъ маленько, потолкуемъ). *Пекъ-и* (очень хорошо), онъ слѣзъ; сѣли, разговариваемъ дружески, а лошадь онъ пустилъ пастись. Навелъ я разговоръ на лошадь, спрашиваю, за сколько онъ ее продастъ; онъ говоритъ: и за 25 *маджарій* (Австрійскихъ червонцевъ) не отдамъ. Ну, дорогонько, говорю я; а сколько лѣтъ? 4 года. Я встаю, *ефендумъ*, подхожу къ лошади, чтобы посмотрѣть въ зубы,—и скокъ въ сѣдло и полетѣлъ въ городъ, *ко куршумъ изъ пушке* (какъ пуля изъ пистолета). Поплелся мой Бошнякъ домой пѣшкомъ. А я служилъ въ то время, *ефендумъ*, въ зап-

---

1) Это дѣлается очень часто городскими жителями Мусульманами. Они покупаютъ на свои деньги стадо овецъ и отдаютъ его на прокормленіе Христіанамъ, *кметамъ*: поселяне содержатъ стадо на свой счетъ и платятъ имъ ежегодно съ каждой овцы 1 цванцигеръ (20 коп.), но зато берутъ въ свою пользу молоко, шерсть и приплодъ; напротивъ, если овца околѣетъ, они обязаны замѣнить ее другою. Въ случаѣ падежа (а падежи бываютъ въ этихъ странахъ безпрестанно), поселяне разорются; они не всегда добровольно соглашаются на такую сдѣлку, но часто *аги* (помѣщики) навязываютъ своимъ кметамъ стада насильно.

тіяхъ (полицейской стражѣ); такъ я къ своему *забиту* (офицеру), говорю ему: такъ и такъ, Бошнякъ не хочетъ мнѣ платить 500 грошей долгу, ну я и взялъ у него лошадь, чтобы получить изъ долга хотя 3 *маджаріи* (червонца), то что стóитъ лошадь. На другой день приходитъ Бошнякъ съ жалобою къ пашѣ; призываютъ и меня, *да будемо мурáфа* (чтобы мы судились). Паша спрашиваетъ меня: правда ли, что говоритъ этотъ человѣкъ, будто ты укралъ у него лошадь. Я говорю: *господару* (государь), я не укралъ ничего, *хаша* (чуръ), но я хотѣлъ взыскать долгъ. Онъ мнѣ долженъ 500 грошей, вотъ *тефтеръ* (расписка); такъ я готовъ вычесть 3 червонца за лошадь, а остальное пусть онъ мнѣ заплатитъ. Тотъ кричитъ, что лошадь не 3 червонца стоитъ, что онъ не отдастъ ея и за 25. *Ти си лудъ, боланъ* (ты съ ума сошелъ, несчастный), говорю я ему, тебѣ лошадь ничего не стоитъ, тебѣ привели ее изъ деревни, даромъ, а я даю тебѣ за нее 3 червонца, 165 грошей, слышишь ли? Стали мы торговаться, паша говоритъ мнѣ: ну, прибавь ему что-нибудь, и рѣшилъ, чтобы я положилъ за лошадь 228 грошей и отдалъ Бошняку его сѣдло и узду, а онъ мнѣ уплатилъ остальныя деньги изъ долга. Такъ и сдѣлали, и лошадь обошлась мнѣ въ 228 грошей, а стоитъ она, *Бога ми*, 1,500!»

Между тѣмъ, мы ѣхали горами и лѣсомъ, по невѣдомымъ мѣстамъ; встрѣтилось распутье, мы взяли на удачу лѣвѣе; встрѣтилось другое распутье, мы придерживались того же направленья. Дѣло плохо, подумалъ я, заблудимся, да и конвой насъ не найдетъ. Уже смеркалось. Однако судьба помогла намъ. Проѣхавъ съ часъ еще, мы стали спускаться въ глубокій оврагъ, и по сторонамъ его показались нѣсколько избушекъ. Али съ перваго взгляда узналъ, что тутъ живутъ Арнауты. Онъ подъѣхалъ къ избѣ; на его зовъ вышелъ мальчикъ въ длинной, узкой, бѣлой холщевой рубахѣ и такихъ же шароварахъ, безъ пояса, въ красной, плотно лежащей на головѣ, шапочкѣ безъ кисти. Онъ сталъ толковать про направленіе дороги; но, видно, моему Али, при

всей его безпечности, толкованіе мальчика показалось такъ неудовлетворительнымъ, что онъ спросилъ меня, не лучше ли взять его въ проводники. Я, разумѣется, согласился съ этимъ мнѣніемъ. Начались продолжительные переговоры по-Албански. Наконецъ мальчикъ скрылся въ избу. Я спросилъ, что такое? Пошелъ взять ружье. Побывъ въ избѣ не мало времени, вѣроятно, чтобы зарядить ружье, молодой Арнаутъ вышелъ наконецъ, и, не говоря ни слова, замаршировалъ впередъ. Я пробовалъ заговорить съ нимъ по-Сербски: онъ не понималъ ни слова; а это было у самаго Косова поля, завѣтнаго края Сербской земли. Черезъ разные холмы и овраги достигли мы равнины. Было совершенно темно, но кони наши бодро шагали, оглядываясь во всѣ стороны и изрѣдка фыркая, и я дивился зоркости умныхъ животныхъ, которыя сами выбирали себѣ дорогу по камнямъ и рытвинамъ. Уже послѣ *яціи*, послѣдняго крика муэззина, призывающаго къ *намазу* два часа по заходѣ солнца, въѣхали мы въ Митровицу. Издали слышался гулъ барабановъ и дикій хоръ Турецкихъ инструментовъ. Мы увидѣли на площади у одного дома, освѣщеннаго плошками и факелами, огромную толпу народа. Видъ факеловъ, озарявшихъ Турецкіе костюмы, и нестройный грохотъ барабановъ придавали этой сценѣ самый диковинный эффектъ: одинъ изъ первыхъ *беговъ* Митровицкихъ праздновалъ уже третій день свадебный пиръ. Мы въѣхали въ толпу и мой кавазъ сталъ спрашивать, гдѣ остановились люди Московскаго путешественника съ его вьюками (я отправилъ часть конвоя и багажъ прямо изъ Вучитрна въ Митровицу); одинъ изъ зрителей сдѣлалъ знакъ рукою, и мы поѣхали за нимъ, въ лучшій Митровицкій ханъ. Въ ханѣ для моего пріѣзда былъ вычищенъ балконъ и принесено свѣжее сѣно, на которомъ я съ удовольствіемъ растянулся. Но, увы! съѣстныхъ припасовъ не было приготовлено, а въ такой поздній часъ ничего нельзя достать въ Боснійскомъ городѣ. Послѣ немалыхъ поисковъ, принесли

молока и хлѣба, и этимъ ужиномъ я долженъ былъ удовольствоваться, послѣ утомительнаго дня, проведеннаго верхомъ.

Митровица, на р. Ибрѣ, уже причисляется къ Боснійскому пашалыку. Близъ города находится большой уединенный дубъ: подъ нимъ Босняки встрѣчаютъ, по старинному обычаю, пашей, въѣзжающихъ въ ихъ область, и совершаютъ тутъ *курбанъ*, т. е. жертвоприношеніе, закалаютъ барана и льютъ его кровь въ землю. Митровица небольшое мѣстечко въ родѣ Вучитрна: въ немъ домовъ 300 съ небольшимъ, въ томъ числѣ сотня православныхъ. Митровицкая церковь также построена недавно и весьма бѣдна. Недалеко отъ города есть монастырь, возобновленный въ послѣдніе годы. Въ немъ нѣтъ монаховъ, а живутъ мірскіе іереи, имѣющіе свои приходы въ окрестности. Время не позволило мнѣ осмотрѣть этотъ монастырь; я спѣшилъ возвращеніемъ.

За Митровицею кончается равнина, Косово-поле. Горы составляютъ полукругъ впереди Митровицы. Въ серединѣ этого полукруга проходитъ ущелье рѣчки Баньской, по которому въѣзжаешь изъ Косова-поля въ Боснію.

Одна гора выдается впередъ, особнякомъ. На ней былъ построенъ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ въ Сербской исторіи *градовъ*, Звечанъ. Развалины его стоятъ еще; нельзя было не поѣхать туда, чтобы посмотрѣть на мѣсто, гдѣ совершилось страшное преступленіе, положившее, по сознанію народа, печать проклятія на величайшаго государя Сербскаго, на царя Душана Сильнаго.

Гора, на которой стоитъ Звечанъ, образуетъ отдѣльный, крутой конусъ. Мы долго взбирались, сначала верхомъ, потомъ ведя лошадей подъ устцы, по узкой, едва замѣтной тропинкѣ, огибающей гору нѣсколько разъ спиралью. Добравшись, примѣрно, до трехъ-четвертей высоты горы, мы были остановлены стѣною; стѣна эта, изъ массивнаго камня, въ старину ограждала всю верхнюю часть конуса и связывала нѣсколько

четвероугольныхъ башенъ, изъ которыхъ одна въ особенности хорошо сохранилась. Тропинка привела насъ вскорѣ къ одному мѣсту, гдѣ стѣна совершенно развалилась и гдѣ легко было пролѣзть во внутренность *града*. Градъ полонъ развалинъ. На сѣверной сторонѣ стоятъ стѣны зданія, которое преданіе называетъ королевскимъ дворцомъ и которое имѣло несомнѣнно это назначеніе. Зданіе это, построенное изъ крѣпкаго кирпича, какого теперь и не умѣютъ дѣлать въ тѣхъ странахъ, было не велико, какъ вообще постройки въ старыхъ Сербскихъ *градахъ*, которые всѣ безъ исключенія занимали весьма тѣсное пространство на вершинахъ горъ. Зданіе было о двухъ ярусахъ. Еще видна въ нижнемъ ярусѣ главная зала. Мы мѣрили ее: она имѣла приблизительно $18^1/_3$ аршинъ длины и 10 ширины, и занимала всю длину дворца. Восточная стѣна очень хорошо сохранилась: въ ней продѣлана большая дверь, полукругомъ; на южной сторонѣ такая же дверь, но гораздо меньше. Въ стѣнѣ видны мѣста, гдѣ укрѣплены были балки, поддерживавшія потолокъ нижняго яруса; отъ верхняго яруса уцѣлѣла также вся восточная стѣна, съ полукруглымъ окномъ. Внутри комнаты, описанной мною, видны въ стѣнѣ двѣ ниши; на наружной стѣнѣ сохранились кое-гдѣ остатки живописи. Не въ большомъ просторѣ жили Сербскіе государи, но, какъ видно, дорожили художественными украшеніями. Кромѣ дворца, на Звечанѣ была въ старину соборная церковь Св. Георгія, одна изъ древнѣйшихъ церквей Сербскихъ, существовавшая, кажется, еще до Немани. Здѣсь молился Неманя передъ битвою, которая должна была рѣшить участь Сербіи: остаться ли ей въ прежнемъ раздѣленіи на мелкія жупанства и подъ верховною властію Греческой имперіи, или составить одно независимое государство. Когда на Неманю (это было между 1170 и 1180 г.) вооружились его братья и привели на Сербскую землю наемниковъ, Грековъ, Фруговъ (Франковъ) и Турокъ, то онъ, по сло-

вамъ житія его[1]), «знамевіемъ крьстьнымь въоружившьсе и грядущіихъ нань множьства езыкь и бесчисліа оусадникь (всадниковъ) не чтеше, ... и тако приближьшоусе емоу къ градоу рекомомѸ Звечаноу, въ нємь же бѣ црькви великааго моученика Геѡргіа; и избра нѣколико ѡть свещенныихь (т. е. священниковъ) и посла е, рекь да сътвореть мольбоу къ светомоу.... И сътворише всенощьное стоіаніе и оутрънюю слоужьбоу, и потомь светоую литоургію; по молитвѣ же мало прѣклоньшимьсе имь ѡтъ троуда, и единомѸ ѡть свещенныхь іави се скоры въ помощехъ и крѣпкыи въ бранѣхь .... Геѡргіе, пріѣздѣ въ воинствѣмь образе; и бывь въ оужасе свещенникь въпроси его, глаголѥ: кто ты еси, господи? ѡнь же рече: азь есмь рабъ Хрістовь Геѡргіе, и Господомь Богомь послань есмь на помощь господиноу твоемоу, ороужіемь крьстнымь побѣдити врагы его.... Свещенникь же скоро шьдь повѣда господиноу своемоу вса видѣнная имь .... Светы же .... исплъчи вое свое по воли Божіеи, ... и тако сънидошесе на брань тоу силноую и крѣпкоую, и бывшоу снитію междоу обоими, ... побѣды (чит. побѣди) врагы свое и иноплеменьные езыкы ..... и, ... славе Бога, възвратисе на прѣстоль свои, ... прѣимъ все свое ѡтьчьство». Со времени Милутина (1275—1321) Звечанъ былъ столицею епархіи (престолъ этотъ, кажется, въ послѣдствіи перенесенъ былъ въ Вучитрнъ). Теперь, среди множества развалинъ, покрывающихъ Звечанскую гору, трудно угадать, гдѣ была церковь. Большая часть этихъ развалинъ носятъ печать сооруженій военныхъ. На Звечанѣ воздвигнуты были всѣ средства военной защиты, которыми владѣло тогда строительное искусство. Независимо отъ нижней стѣны и башенъ, ее охранявшихъ, на вершинѣ горы стоятъ обломки другихъ круглыхъ башенъ, которыя служили вѣроятно для помѣщенія войскъ и для подкрѣпленія защиты въ случаѣ опасности. Хорошо сохранилась совершенно темная длинная камо-

[1]) Житіе Немани, составленное Доментіаномъ, по пр. Дечанскаго монастыря.

ра съ крѣпкими сводами, гдѣ вѣроятно складывалась казна Сербскихъ королей; виденъ также въ серединѣ *града* глубокій, узкій колодезъ.

Величественны развалины Звечанскаго *града*; величественна мѣстность, среди которой онѣ стоятъ. Долго ходилъ я кругомъ *града*, чтобы любоваться на видъ окрестности, то съ одной стороны, то съ другой. На юговостокъ вы видите ленту рѣки Ибра, вьющейся внизу, вдоль Звечанской горы, и ленту Ситницы, которая идетъ издалека, какъ бы на встрѣчу Ибру; глазъ вашъ обнимаетъ все Косово-поле, болѣе и болѣе съуживающееся въ перспективѣ, такъ что вдали оно кажется какою-то лощиною между цѣпями горъ. Отойдите нѣсколько къ востоку и вы увидите подъ вашими ногами Митровицу, вы увидите сліяніе Ситницы съ Ибромъ и вдали городокъ Вучитрнъ, а за Вучитрномъ гору Црнушу; по мѣрѣ того, какъ вы будете поворачивать съ востока на сѣверъ, лента рѣки Ибра будетъ ближе и ближе касаться подножія горы, на которой вы стоите и которую она огибаетъ полукругомъ, и горы на противуположной сторонѣ рѣки будутъ подходить къ вамъ ближе и ближе: тутъ вы увидите высоты Орахово, Соколицу, Майданъ, а за ними, какъ бы на второмъ ярусѣ, ровную темную черту Копаоника, который сѣверною своею половиною принадлежитъ уже Сербіи, и вдоль котораго Ибръ течетъ на сѣверъ. Взгляните на западную сторону, и рѣка эта будетъ у васъ на правой рукѣ, удаляясь отъ васъ и теряясь подъ Копаоникомъ; передъ вами стоять будетъ высота Козарево, а за нею и надъ нею лѣсистый хребетъ Рогозно, черезъ который вы должны ѣхать въ Боснію: наконецъ, отойдите еще къ югу, и васъ опять встрѣтитъ Ибръ, выходящій изъ ущелья между горами Чечаввицею и Грмовомъ; вы увидите передъ собою нѣсколько рядовъ холмовъ и горъ, отдѣляющихъ Косово-поле отъ Дукадьина, а за ними Корилье и Мокру-гору, черезъ которую я уже путеводилъ васъ, читатель, при переѣздѣ изъ Новаго-Пазара въ Печь.

Не въ дурныхъ мѣстахъ, какъ видно, выбирали себѣ жилище древніе Сербскіе государи и вельможи. Легко дышалось имъ, живо обращалась ихъ кровь на горномъ воздухѣ, среди такихъ картинъ природы Это не то, что наши душныя столицы.

Но и эти древніе *грады*, гдѣ человѣческія жилища изгоняли гнѣзда орловъ и сернъ и потомъ опять замѣнялись ими, также какъ столицы образованныхъ государствъ новаго времени, видѣли страшныя дѣла. На Звечанѣ совершено было злодѣяніе, которое долго лежало кровавымъ пятномъ на совѣсти Сербскаго народа. Здѣсь, въ этой любимой столицѣ святаго короля Стефана Дечанскаго, онъ былъ по приказанію своего роднаго сына Душана, посаженъ въ заключеніе и черезъ нѣсколько дней задушенъ [1]), можетъ быть въ одной изъ тѣхъ самыхъ башенъ, развалины которыхъ мы осматривали. Народъ помнитъ и разсказываетъ до сихъ поръ объ этомъ преступленіи. — Мы стали спускаться съ горы. Лошадь одного изъ кавазовъ, взятыхъ мною въ проводники изъ Митровицы, оступилась и покатилась кубаремъ по камнямъ и скаламъ. Кавазъ былъ въ отчаяньи: «Издохла лошадь», говорилъ онъ вполголоса тономъ глубокой скорби. «Да, замѣтилъ кто-то изъ людей, провожавшихъ меня, видно Душанъ и теперь еще *душитъ* на Звечанскомъ градѣ! И насъ не отпустилъ съ миромъ, *Богъ га убио* (убей его Богъ)!» Такъ Сербы поминаютъ, послѣ пяти сотъ лѣтъ, славнаго завоевателя, который распространилъ ихъ державу до Коринѳскаго залива и до Аѳонской горы, великаго правителя, который собралъ и написалъ имъ законы. Есть такія дѣла, которыхъ не искупаютъ въ памяти народной никакая мудрость, никакія побѣды.

---

1) См. житіе Св. Стефана Дечанскаго, въ Архивѣ za povjestnica jugoslavenska, IV, 20.

XX.

От Митровицы до Плевлей.

Мы сошли пѣшкомъ съ Звечанской горы и простившись съ бѣднымъ кавазомъ, который оплакивалъ свою лошадь, поѣхали на сѣверозападъ, слѣдуя съ часъ по теченію Ибра, и потомъ почти столько же по долинѣ, въ которой протекаетъ рѣчка Баньска, впадающая въ Ибръ. Мѣстность эта большею частью поросла дубовымъ лѣсомъ; дорога идетъ безпрестанными подъемами и спусками. Въ сторонѣ отъ нея видны двѣ жалкихъ деревушки, Болетинъ и Бугаричи, окруженныя небольшими плантаціями табаку. Табакъ въ этой мѣстности, какъ говорятъ, довольно низкаго качества, но давалъ бы жителямъ доходъ, если бы непомѣрная *духанія* (подать съ табачныхъ плантацій) не мѣшала распространить его воздѣлываніе. Долина Баньской мало-по-малу съуживается и принимаетъ видъ ущелья. По усѣянному камешками и хрящомъ и безпрестанно извивающемуся руслу течетъ въ немъ мелкая рѣчка, которая весною становится, говорятъ, страшнымъ потокомъ. Безпрестанно переѣзжали мы ее въ бродъ, слѣдуя дорогѣ, переходящей съ одного берега рѣчки на другой. По обѣимъ сторонамъ тянется рядъ крутыхъ скалистыхъ горъ; онѣ почти голы и не представляютъ нигдѣ особенно выдающихся вершинъ. Въ трехъ часахъ отъ Митровицы лежитъ мѣстечко Баньска. Ущелье тутъ расширяется на западной сторонѣ рѣчки, образуя полукруглую долину, въ серединѣ которой, на стоящемъ одиноко, довольно крутомъ холмѣ, выстроенъ былъ древній *градъ*. Близъ его въ долинѣ на небольшой покатости, раскинулось жалкое мѣстечко Баньска, съ 50 домами, изъ числа коихъ только 9 христіанскихъ. Массивныя стѣны града, увѣнчанныя небольшими зубцами, стоятъ въ цѣлости, подновленныя Турками. Я захотѣлъ осмотрѣть *градъ*. Мусульмане, окружившіе меня въ ханѣ, гдѣ я остановился, объявили, что нельзя итти въ градъ, потому что

тамъ де живутъ Турки, въ домахъ не обнесенныхъ стѣнами, и что, пожалуй, увидишь тамъ ихъ женъ. Я сказалъ, что не намѣренъ заглядывать въ окна, и хочу только видѣть *градъ* и старую церковь. Ревнивые жители Баньской потолковали между собою и когда я, кончивъ скромный свой завтракъ, состоявшій изъ молока и *каймака* (сливочныхъ пѣнокъ) съ хлѣбомъ, всталъ чтобы итти въ *градъ*, пустили меня безпрекословно въ эту святыню. Ее охраняютъ въ ночное время крѣпкія желѣзныя ворота. Надъ воротами видна каменная плита, на которой была надпись, теперь выскобленная Судя по словамъ Баньскихъ Мусульманъ, я думалъ, что найду въ ихъ *градѣ* какіе нибудь дворцы. Вмѣсто того всѣ жилища, которыя такъ тщательно охраняются отъ глазъ невѣрнаго, состоятъ въ трехъ деревянныхъ лачужкахъ, крытыхъ соломою, почернѣвшихъ, покосившихся на бокъ и которыя давно бы повалились, если бы онѣ не были прилѣплены съ одной стороны къ стѣнѣ *града*. Правда, онѣ не обнесены наружными стѣнами, потому что *градъ* запирается каждый вечеръ и служитъ жителямъ какъ бы общимъ дворомъ; но отсутствіе предохранительной ограды, которое такъ тревожило Баньскихъ жителей, вмѣсто того, чтобы позволить намъ увидѣть въ окнахъ какихъ нибудь мусульманскихъ красавицъ, показало намъ только, подъ этими окнами, во всей наготѣ, огромныя кучи навозу и всякой дряни, накопившіяся тамъ, конечно, въ теченіе многихъ лѣтъ. — Въ восточномъ углу града стоятъ развалины прекрасной церкви, просторной, обличающей изящество и легкость стиля. Она была выстроена крестообразно съ малыми выступами. Стѣны главнаго зданія, имѣющаго по нашему измѣренію 39 локтей длины и 26 ширины, уцѣлѣли, но трапеза или *припрата* совершенно разрушена. Внутри церкви не видно ни столбовъ ни колоннъ. Она имѣла одинъ куполъ, который почти цѣлъ, хотя часть сводовъ, его поддерживавшихъ, обрушилась, также какъ почти вся крыша церкви. Видъ этого купола показываетъ, что

размѣры зданія отличались пропорціональностью. Наружныя стѣны выложены бѣлымъ и розовымъ мраморомъ; внутреннія покрыты были фресками, куски которыхъ еще сохранились. На землѣ лежатъ, обезображенные Мусульманами, два изваянные изъ мрамора медвѣдя, украшавшіе наружность церкви. Полъ мраморный частями разрушенъ. Стѣна около арки, соединявшей главную церковь съ *припратою* и теперь служащей входомъ въ церковь, и около большихъ полукруглыхъ оконъ вездѣ обвалилась. Таково настоящее положеніе Баньской церкви, которую строилъ, во имя Св. Первомученика Стефана, «въ Расіи на теплыхъ водахъ», [1]) знаменитый король Сербскій Милутинъ, назначая ей быть главою епархіи, и въ которой епископомъ былъ при немъ плодовитый сочинитель Сербскаго Цароставника Даніилъ [2]). Послѣ Турецкаго завоеванія, прекрасная церковь эта была обращена въ мечеть. Къ ней придѣлали минаретъ, который однако оказался не такъ прочнымъ, какъ старая церковь: онъ давно повалился и представляетъ теперь груду кирпича и мусора; только нижняя часть его, примыкающая къ церкви и поддерживаемая ея крѣпкою стѣною, стоитъ еще, нарушая правильность очерка храма.« Да, сказалъ со вздохомъ мой слуга, Ристо, ревностный Православный, послѣ того какъ мы осмотрѣли зданіе, — славная была церковь! жалость бе-

1) Такъ опредѣляетъ эту мѣстность Печскій (иначе Тронопіскій) лѣтописецъ: дѣйствительно, тамъ есть теплые минеральные источники или *бани*.

2) Разсказывая, въ житіи Елены Монахини, вдовы короля Уроша I Великаго и матери Милутина, о ея предсмертной болѣзни, Даніилъ говоритъ: И всемоу сьбороу земли Срьпьскіе сьбравшоусе къ нюи вь славни дворь юе Брьнюціи,- и мнѣ оубо не д͡срѣнному (такъ) Данилоу соущоу вь то врѣмѣ епископомъ црьквѣ светаго апостола Христова Стеѳана. Въ мѣсте рѣкомѣмь Баньскои .... обрѣтохсе тоу сь прочіими епископи же и игоумени и всего сьбора отечства юе», (по рукописи XVI в.), найденной мною въ запустѣвшемъ монастырѣ Доволѣ въ Колашинѣ. — Существованіе особой епископской каѳедры въ Баньской, въ 9 часахъ разстоянія отъ Расы (Новаго-Пазара), свидѣтельствуетъ о населенности въ то время этого края: конечно, если бы въ Баньской долинѣ было въ то время, какъ теперь, какихъ нибудь 130 дворовъ, то Милутинъ не поставилъ бы тамъ особаго епископа.

реть, глядя на нее: была церковью, потомъ сдѣлалась *джамію* (мечетью), а теперь — *баталь* (развалина)!» — «Какое *баталь*! возразилъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ и гнѣвомъ одинъ изъ Мусульманъ, жителей *града*: вовсе не *баталь* (не развалина), а *джамія* (мечеть): *кланямо у ньой петакъ и барямъ* (мы *кланяемся*, т. е. молимся, въ ней по пятницамъ и въ байрамъ!» Босній скіе Мусульмане до такой степени привыкли видѣть вокругъ себя все разрушающимся, что имъ кажется совершенно естественнымъ дѣлать свой *намазъ* въ зданіи съ провалившеюся крышею, съ грудами мусора на полу, съ выбитыми окнами и дверью; имъ и въ голову не приходитъ мысль, что можно и слѣдовало бы починить его и остановить разрушеніе. — Кругомъ Баньской въ долинѣ есть нѣсколько теплыхъ минеральныхъ источниковъ; у одного изъ нихъ устроена недавно деревянная купальня. Отъ этихъ источниковъ или *баней*, городъ и рѣчка получили свое названіе. Народное преданіе и пѣснь говорятъ, что градъ этотъ строилъ и въ немъ жилъ могучій *юнакъ* (витязь) Бановичъ Страхиня (подвиги котораго предшествуютъ, кажется, времени Косовской битвы и Марка Королевича) и что по немъ прозванъ и *градъ*; но разсказъ этотъ, какъ мнѣ кажется, возникъ просто въ слѣдствіе созвучія имени Бановичъ, т. е. сынъ бана; съ именемъ Баньска: невѣроятно, чтобы король Милутинъ сталъ строить великолѣпную церковь въ градѣ, принадлежавшемъ не ему, а какому нибудь боярскому роду; Баньска была, очевидно, королевскимъ *градомъ* и *дворомъ*. Мусульмане ничего не знаютъ о Страхинѣ и о построеніи Баньской: они сказали мнѣ только, что *градъ* этотъ они взяли въ старину отъ *Влаховъ* (т. е. Христіанъ).

Баньска извѣстна въ народѣ битвою, бывшею въ 1832 г. между возмутившимися Боснійскими Мусульманами, которые, избравъ себѣ въ начальники Гусейна Градашчевича, хотѣли отложиться отъ Султана, и регулярнымъ Турецкимъ войскомъ подъ предводительствомъ Махмудъ-паши. Начало этого похода описано въ народной пѣсни: «Поднялося стадо голуби-

ное изъ широкаго поля Сараевскаго. То не было стадо голубиное, то были молодые Сараевцы, предъ ними Гусейнъ-капетанъ, съ ними Тузла-капетанъ.[1]) Пошли они къ ровному[2]) Ипеку. Когда дошли до Новаго-Пазара, Пазарскія дѣвушки спѣли пѣсню: «Гусейнъ потомокъ Пророка, а ты, Тузла, царь Стамбульскій!» И пришли они къ ровному Ипеку; весь Ипекъ разграбили до-тла, разграбили и зажгли. Люто проклинаютъ Ипекскія женщины, люто проклинаютъ Ипекскаго визаря: «Убей Богъ Ипекскаго визиря, за то что онъ пускаетъ къ намъ врага, Гусейна-капетана». Убѣжалъ Ипекскій визирь, убѣжалъ, жалка-мать, которая родила его! Если бъ ты видѣлъ Гусейна-капетана, что онъ дѣлаетъ въ ровномъ Ипекѣ: разогналъ молодцовъ, оставилъ дѣвушекъ и оставилъ старыхъ матушекъ. Остались онѣ, кукуя какъ кукушки, метаясь во всѣ стороны какъ ласточки. Если бъ ты видѣлъ Ипекскаго визиря: онъ отправился къ честнóму царю (Султану), жалуется царю въ Стамбулѣ. Царь далъ ему безчисленное войско, предъ войскомъ поставилъ пашу, Махмудъ-пашу» и т. д. Босняки въ этотъ разъ не успѣли, какъ въ предшествующемъ походѣ 1830 года, встрѣтить Османліевъ на равнинѣ Косова-поля. Сознавая превосходство регулярнаго войска надъ своими нестройными толпами, Градашчевичъ хотѣлъ остановить ихъ въ ущельѣ. Долго, разсказывали мнѣ, бились тутъ Босняки противъ низама и Тосковъ[3]); рѣчка Баньска потекла кровью; наконецъ, подъ вечеръ, Босняки были разбиты и отступили, пустивъ непріятеля въ Боснію.

Еще часъ ѣхали мы отъ Баньской голымъ ущельемъ, потомъ стали подыматься въ гору. Дорога вилась по лѣсистому

1) Махмудъ-бегъ, наслѣдственный *капетанъ* Тузлинскій, который вскорѣ измѣнилъ Гусейну и былъ за то возведенъ въ санъ Паши.

2) Т. е. лежащему въ равнинѣ.

3) Тоски — южные Албанцы, славные своею храбростью; Махмудъ-паша набралъ ихъ множество, въ подкрѣпленіе своему *низаму*, т. е. регулярному войску.

склону, часто довольно крутому. Со всѣхъ сторонъ столпились тутъ, вдоль и поперекъ, высоты: «горы съ горами столкнулися», какъ сказано въ одной Русской пѣсни; не видать нигдѣ рѣзко отдѣляющагося хребта, и нѣтъ также точки на горизонтѣ, гдѣ глазъ не останавливался бы горою. Склоны горъ покрыты буковымъ лѣсомъ и орѣшникомъ, но во многихъ мѣстахъ, между горами и въ особенности на ихъ вершинахъ, разстилаются прекрасныя поляны, манящія къ отдыху на своей мягкой зелени.

Въ четырехъ часахъ отъ Баньской находится ханъ Рогозно, въ прекрасной полянѣ, почти на вершинѣ хребта. За этимъ ханомъ вскорѣ начинаешь спускаться и послѣ четырехъ же часовъ ѣзды достигаешь долины рѣчки Рашки и Новаго-Пазара.

Новый Пазаръ я уже описалъ. Я пробылъ въ немъ только полъ-дня на обратномъ пути и поѣхалъ дальше, простившись съ г. Верковичемъ, который хотѣлъ пробыть въ Новомъ-Пазарѣ нѣсколько времени и потомъ снова пуститься на югъ, въ Македонію. Чтобы не возвращаться по той же дорогѣ, по какой ѣхалъ изъ Сараева, я рѣшился избрать нѣсколько болѣе длинный маршрутъ, черезъ восточную Герцеговину. Но на 10 часовъ разстоянія, между Новымъ-Пазаромъ и Сѣницею, Турецкое владѣніе ограничено такимъ узкимъ пространствомъ между Сербіею и Черногоріею, что тутъ только одна и проходитъ дорога, и нѣтъ нигдѣ поворота, ни вправо, ни влѣво; до Сѣницы я долженъ былъ ѣхать по тѣмъ же самымъ мѣстамъ, какія уже видѣлъ и какія описалъ вамъ, читатель. Только въ 2-хъ часахъ отъ Пазара я своротилъ въ горы, чтобы посмотрѣть на развалину одной церкви, про которую мнѣ говорили, что въ ней хорошо сохранились старыя надписи. Она находится въ селѣ Попе, въ мѣстности, почти исключительно населенной теперь Мусульманами Албанцами. Она не велика, и съ перваго взгляда обличаетъ безвкусную архитектуру временъ Турецкаго господства. Крыша провалилась, но

св. престолъ еще стоитъ, и образа сохранились не дурно. Камень съ надписью, который былъ помѣщенъ надъ дверью, сброшенъ; мы его вымыли и прочли:

ИЗВОЛЕНЇЕМЬ ѾЦА ЇИ ПОСПЕШЕСТВО҃ СН҃А И СЬ ВРЬШЕНИЕМЬ С҃ТГ° Д҃ХА. НАЧЕ И СЬВРЬШИСЕ СИИ СТ҃Ы И БЖ҃ТВНИ ХРАМЬ С҃ТЫˣ СЛАВНЫˣ И ВЬСЕХВАЛНЫИˣ АП҃ЛЬ. ПЕТРА И ПАВЛА. ПОДВИГОМЬ И ТР°ѴД°МЬ ВЕЛИМИ РА ЂОЛ́НЫЧА СЬ БРАТЇАМЇ БЬ҃ ДАА ПРОСТЇ. ВЬ ЛЕТО З. ТИ СОѴЩИО. Р. Н. Н. (7158 = 1650).

Провожавшій меня Ново-Пазарскій протоіерей говорилъ, что вблизи этой церкви есть деревня Ђонліе (чит. Джонліе), теперь заселенная Арнаутами: имя строителя церкви, Велиміра Джолнича, указываетъ на жителя этой деревни. Какъ видно, въ половинѣ XVII столѣтія, въ этихъ мѣстахъ жили еще Христіяне, и между раіями были люди зажиточные. Найдите теперь въ цѣлой Босніи и Герцеговинѣ поселянина, который могъ бы выстроить церковь своими средствами.

Мы возвратились на большую дорогу и благополучно достигли Сѣницы. Отъ Сѣницы мы повернули влѣво, къ сѣверозападу. Намъ дали въ Сѣницѣ подводы, взятыя въ этотъ разъ у какихъ-то Мусульманскихъ поселямъ, *кметовъ* (это чрезвычайно рѣдкій случай, ибо мѣстныя власти, *мудиры*, всегда норовятъ такъ, чтобы тяжелая повинность ставить подводы падала единственно на Христіанъ). При вьючныхъ лошадяхъ шли двое хозяевъ, которымъ онѣ принадлежали. Кметы эти (родомъ Славяне) горько жаловались на свою судьбу. «Наши *мемуры* (чиновники) разорили насъ: для нихъ, что Влахъ (Христіанинъ), что Турчинъ, все *биръ* (одно и тоже): нѣтъ суда и правды въ нашей землѣ», такъ говорили они мнѣ. «А каковъ вашъ ага (помѣщикъ)?» спросилъ я. «Это, ага ко ага, зулумджія, глоби кмета, и Турчина и раію, све биръ (такъ вотъ, ага какъ ага, насильникъ, обираетъ кмета, и Турка (Мусульманина)

и раію,—все одно)»: былъ отвѣтъ. Дѣйствительно, наружность этихъ бѣдныхъ людей оправдывала такой отзывъ: у нихъ одежа была въ лохмотьяхъ, на ногахъ старыя *опанки;* лица ихъ запечатлены были тѣмъ выраженіемъ, которое составляетъ, можно сказать, типъ физіономій Боснійскихъ и Герцеговинскихъ поселянъ, *кметовъ:* типъ неизмѣннаго отчаянья, приближающагося къ одурѣнію. *Кметовъ* Мусульманъ въ Босніи и Герцеговинѣ не много, и надобно сказать, что религія не охраняетъ ихъ отъ притѣсненій, хотя несомнѣнно, что они страдаютъ гораздо меньше Христіанъ, какъ отъ властей и откупщиковъ, такъ и отъ помѣщиковъ, потому что ихъ побаиваются и, напримѣръ, въ случаѣ спора съ Христіаниномъ, всегда оказываютъ имъ предпочтеніе. Но новые порядки, заведенные въ этихъ областяхъ правительствомъ (введеніе откупной системы и замѣнъ прежнихъ туземныхъ правителей Стамбульскими чиновниками) сильно коснулись ихъ интересовъ; распространеніе прямыхъ налоговъ на Магометанъ, почти нечувствительное для помѣщиковъ и городскихъ жителей, пало всею тяжестью на кметовъ; оттого-то кметы Мусульмане теперь чрезвычайно подружились съ своими собратьями Христіанами; Христіане хвалятъ ихъ за ихъ *любовь* къ нимъ; они нерѣдко участвуютъ въ жалобахъ, приносимыхъ кметами Христіанами высшимъ властямъ и вмѣстѣ съ ними охотно обращаются къ Европейскимъ агентамъ съ просьбою о заступничествѣ. Константинопольскія власти поняли, какъ кажется, опасность такого союза и, судя по нѣкоторымъ признакамъ, начинаютъ ласкать Мусульманскихъ кметовъ, чтобы отдѣлить ихъ отъ *раій.*

Дорога отъ Сѣницы къ Прѣполю пересѣкаетъ сначала сѣверозападную часть плоской возвышенности, называемой Сѣницкимъ полемъ. Потомъ надобно спуститься, перейти въ бродъ рѣчку Увацъ и подняться на хребетъ Бабиначу, съ вершины котораго глазъ теряется въ множествѣ горныхъ цѣпей Герце-

говинскихъ, представляющихъ видъ безчисленныхъ волнъ. Мы проѣхали деревушки Увацъ и Горачичи и стали опять подниматься на большую гору, которую называютъ Карàула, потому что на вершинѣ ея находиться сторожка (карàула) для охраненія дороги. За этой горою открывается глубокая долина, Милешевъ-долъ, заключенная между горами Четаницею съ правой стороны и Дервентою съ лѣвой. Мы долго спускались въ эту долину, и наконецъ достигли рѣчки Милешевки, которая течетъ въ Лимъ. Въ серединѣ долины, окруженной крутыми, отчасти поросшими лѣсомъ горами (особенно много лѣсу на западной сторонѣ Милешевки), есть небольшая христіанская деревня Милешевъ-долъ, съ 5 дворами и 35 жителями; нѣсколько далѣе стоитъ *градъ* Хиссарджикъ на одинокой скалистой вершинѣ. Онъ *баталь*, т. е. развалился, какъ всѣ почти старинныя крѣпости въ этихъ странахъ; но стѣны еще стоятъ, и до послѣдняго времени вмѣщали Турецкій гарнизонъ; теперь еще, говорятъ, тамъ хранится нѣсколько старыхъ пушекъ и запасъ пороху. Видъ этой скалы, увѣнчанной стѣною, чрезвычайно красивъ. Народъ разсказываетъ, что *градъ* былъ построенъ *проклятою* Ериною, женою Юрія Бранковича (1427—1456); но никакихъ особенныхъ преданій о Хиссарджикѣ я не слыхалъ. У подножія горы, на которой возвышается эта старинная твердыня, разбросано нѣсколько Мусульманскихъ домовъ; тутъ есть и небольшая мечеть, готовая развалиться.—Въ горѣ у Хиссарджика показываютъ пещеру, въ которой течетъ ключь *живой* воды, какъ выражаются Сербы (т. е. родниковой). Народъ увѣряетъ, что источникъ этотъ явился подъ ударомъ жезла Св. Савы, и зоветъ его Савиною водою.

Въ 1/4 часа отъ Хиссарджика, въ самомъ глухомъ мѣстѣ, среди горъ, отовсюду заслоняющихъ небольшую долину, стоятъ у рѣчки Милешевки на пригоркѣ, развалины знаменитой въ древности обители Милешевой.

Монастырь этотъ, который по преимуществу назывался

«Сербскою Лаврою», былъ построенъ, въ *жупѣ* (волости) Чрьна Стѣна (т. е. Черная Скала), Сербскимъ королемъ Владиславомъ (1234—1240), сыномъ Стефана Первовѣнчаннаго и внукомъ Немани. Онъ создалъ тутъ храмъ Вознесенія Господня, украсилъ его «божественными и человѣческими красотами» и одарилъ «селами и влахами» (крѣпостными) [1]. Въ 1237 г. положилъ онъ здѣсь мощи Св. просвѣтителя Сербской замли, Савы. Рѣдко подвижникъ добра получалъ такое полное и единодушное признаніе отъ своихъ современниковъ, какъ Св. Сава. Онъ возвращался изъ странствія въ Палестину, Египетъ и на Синай черезъ Болгарію въ свое отечество, когда застигнутъ былъ смертію въ Болгарской столицѣ Терновѣ, гдѣ отдыхалъ отъ трудовъ пути, съ честію принятый царемъ Болгарскимъ Іоанномъ Асѣнемъ. 14 Января онъ скончался, и его похоронили тамъ въ соборной церкви 40 мучениковъ. Какъ скоро вѣсть о его кончинѣ пришла въ Сербію, король Владиславъ послалъ своихъ вельможъ къ Асѣню съ письмомъ, прося, чтобы тѣло просвѣтителя было отдано его родинѣ. Получивъ отказъ, король рѣшился самъ ѣхать въ Терновъ; онъ взялъ съ собою «множество своихъ благородныхъ, епископы же и игоумени, посла же прѣдъ собою предвѣстникъ»: послѣ долгаго колебанія, Болгарскій государь склонился на просьбу своего сосѣда и зятя, короля Сербскаго. Тогда, по словамъ древняго сказанія, [2]) «благочестивы Владиславь краль, ѡть Загорьскіе земли [3]) цѣла и нераздрꙋшіима светаго вьз-

1) См. Monumenta Serbica, Миклошича, стр. 72.

2) Доментіаново житіе Св. Савы: я цитирую его по рукописи, писанной въ 1526 г. въ монастырѣ Сопочанскомъ и найденной мною въ запустѣломъ монастырѣ Доволѣ въ Колашинѣ. Въ этихъ цитатахъ, не имѣющихъ палеографическаго значенія, я опускаю надстрочные знаки и разрѣшаю слова, писанныя подъ титлами, согласно способу, принятому Шафарикомъ и Миклошичемъ въ ихъ изданіяхъ.

3) Загорскою землею называлась часть Болгаріи на югъ отъ Балканскаго хребта. Загорье было средоточіемъ Болгарской державы, обновленной династіею Асѣней въ XII вѣкѣ, и поэтому вся Болгарія именовалась въ то время нерѣдко Загорскимъ царствомъ.

двигь и вь свое ѡтьчьство вь Срьпьскоую землю понести того повелевь, самь же на трапѣзоу веселіа, царемь (Асѣнемъ).... позвань вьниде; многими же даровании (т. е. дарами) и почьстьми того царь и соущіихь сь нимь ѡдаровавь, и тако любовнимь провожденіемь растаніе сьтвориста самодрьжьца (т. е. оба государя). Скоро же Владиславь краль светаго несома достиже, и ꙗко древле Давідъ предь кvвотомь, прѣдь светими его мощьміи....... предьходе радовашесе............, ѱалми же и пѣсньми сь епіскопи и сь благородними светаго ношаше. Приближьшоу же се емоу сь светими мощьми светаго, блаженьни архіепіскопь Арсеніе сь епіскопи и сь игоуменіи и сь многіими благородними сьборь светы изидоше вь сретеніе имь сь многими свѣщами и сь кадили благоѹханьними, и достоиние почьстіи (чит. почести) и пѣсни светомоу на похвалоу приносеще, и вси падьше на лици своемь покланꙗхоусе, светіе мощи его лобизающе сь многимь оумилніемъ...... Краль же и архіепіскопь сь епіскопи же (и) игоуменіи и сь благородними многими вси коупно и мали сь великими вь радости мнозѣ псалми и пѣсньми светаго ношахоу, и дошьдьше монастира, его же ть самь краль Владиславь сьзда, вь месте рекомомь Милешева, и тоу вь вѣликои црькви Вьзнесеніа Господнꙗ, вь свѣтлѣмь и чьстьнемь гробѣ, иже бѣ емоу Владиславь краль оуготоваль, ѱалми же присно и пѣсньми славеще Бога, славно и чьстьно положише и; велик же трьжьствомь праздникь благочьстивіи Владиславь ѡ памети светаго сьтворивь, на нюмь же архіепіскопа и епіскопи и благороднихъ ѡдаровавь, и нищихь довольнѣ оущедривь, и тако вси вь своꙗси кождо ѡтидоше».

Съ тѣхъ поръ Милешева сдѣлалась первенствующимъ мѣстомъ поклоненія въ древней Сербіи. Святой Сава почитался даже Далматинцами и Хорватами Римскаго исповѣданья; а въ глазахъ Православныхъ Сербовъ онъ сталъ выше всѣхъ угодниковъ Божіихъ.« Знаешь ли ты, въ чемъ разница между Шокцами (Католиками) и Риштянами (Православными)?» спросилъ

я у одного простолюдина въ Сремѣ. «Какъ же, отвѣчалъ онъ: Шокцы вѣруютъ въ Римъ-папу, мы — въ Св. Саву.» Герцеговина, бывшая удѣломъ Св. Савы [1]), когда онъ еще жилъ въ мірѣ подъ именемъ Растки, и потомъ хранившая его мощи, получила названіе области Св. Савы и извѣстна была подъ этимъ именемъ [2]) всему Западу еще много столѣтій послѣ смерти Сербскаго просвѣтителя; владѣтели ея, сдѣлавшись независимыми въ XV вѣкѣ, носили титулъ Херцеговъ (т. е. Герцоговъ) Святаго Савы [3]), величались хранителями его гроба. По этому можно судить, какъ велико было значеніе Милешевской обители. Но именно потому фанатизмъ Мусульманъ, пощадившій другіе христіанскіе храмы, менѣе знаменитые, обрушился всею тяжестью на Милешеву. Ея не спасла отъ разоренія усердная помощь, присылавшаяся Русскими царями въ XVII вѣкѣ. Гибель Милешевской обители начинается съ того дня, какъ, въ 1595 г., знаменитый военачальникъ Султана Мурада III, Синанъ-паша, вѣроятно чтобы воспламенить фанатизмъ Турокъ, тѣснимыхъ Австрійскими войсками, взялъ мощи св. Савы изъ Милешевы и, въ виду Дуная, на Врачарскомъ полѣ подъ Бѣлградомъ, сжегъ ихъ и развѣялъ по вѣтру. Дальнѣйшая плачевная исторія обители записана въ двухъ замѣткахъ, оставленныхъ намъ Милешевскими иноками, на переписанныхъ ими книгахъ. Онѣ любопытны. Первая, относящаяся къ 1621 — 1623 году, находится на Цвѣтной Тріоди, принадлежащей теперь монастырю св. Троицы въ Таслиджѣ. Вотъ она:

Бл҃говолѥніемь ѿца и поспѣшеніе[м] с҃на, и съвршеніемь ст҃го дх҃а. исписасе сіа ст҃аа и дш҃еспⷭ҇наа кніга, гл҃кмы пентікоста[р] въ сёмь ст҃ѣмь и бж҃тьвнѣмь храмѣ възнⷭ҇ѣніа г҃а нашего іу҃ х҃а зовомь милешева. тог[д]а прѣстоль правещꙋ всѣ[х] сръбскыихь земль и поморскыи[х] архіеп҃кпꙋ пекскомꙋ,

1) Св. Сава былъ, какъ извѣстно, младшій сынъ великаго жупана Сербскаго Немани.

2) Ducatus S. Sabtae.

3) Иногда въ грамотахъ пишется также: «Херцегъ ѡдь светаго Саве.»

кvр паvсѐю. и митроⁿлитоу петровскому и полхерцеговском8, кvр лωгvн8. и ігоумен8 и архімадрит8 стои обытели сеи, кvр ѳеⁿωсію и съборномь дховникоу кvр ісаіи. і еклісіарху саватію. и икономоу мелетію. въ москви цртв8ющ8 блговѣрном8 и хрістолюбивому црю михаилоу сн8 патріарховоу. въ константинѣ градѣ амирѣ соултань м8стави братоу султан ахмета, иже съѕизⁿа мечить подбнь агісофіи. та бо м8стафа цртвова по брат8 своему ахметоу мало време, потомь изврьжень бы ω своих велмоужіи, паче же и свезанъ и въ подроумь въврьженъ. и постависе въ царство братнь его, ωкааньи осмень, егож оуморише свои соущіи злою съмрьтію и ноужⁿною. когⁿа възвратисе ω лешкые раты смерень посрамлень. тогⁿа пакы поставише стріа его из тьминице на царство. тогⁿа се бѣше вышеречнный монастыр поⁿписаль поⁿ бостан [1]) царевь, и за сіа пострад мнωг въ сіих метежех. Сіе бо ме любимици и писанію сіа прѣдати пон8діи. тогⁿа бѣше глаⁿ крѣпкь, ꙗко мнωѕѣмь, наипаче на морсцѣи странѣ ω глада измрѣти. і ещеж и дроугаа горшаа ꙗзва ω речныи гнѣвь бжіи къ исмаилю, сы рѣ чюма. ꙗко мнωѕѣмь домωм зап8стѣти и жив8щіих члкωм оумрѣти. того рани колѣбахсе и метѣх оумом ꙗкож древо въ л8ѕѣ ω д8ха. Сего ради млюсе и милсе дѣю вам чьт8щіим ωци стіи. аще что б8деть погрѣшенно, не клънете нь исправлꙗите. и простите писавшаго мнѣ мнωгрѣшнаго захарію.

Другая приписка, свидѣтельствующая о положеніи Милешевы въ 1639 г., помѣщена при Октоихѣ, находящемся теперь въ монастырѣ Доволя въ Колашинѣ:

«Съписасе сіа стаа и бжтьвна кнvга. глемыи ωхтωи петогласныи прііи храме възнесенія га ба и спа нашего. и стго савы пръваго архіепкпа и оучитѣлꙗ сръбскаго. зовωм милѣшева. Тогⁿа сръбскыи прѣстоль правещ8 архіепкп8 и патріарх8 кvр паvсею. и митрωполит8 херцеговьском8 кvр лωгvн8. пріи іг8мен8 і архимаⁿрит8 сего мѣста кvр василю повѣленіем іг8мена василіа съ братіам. иже ѣ ωк8пи цѣною сребра іс [2]) ,а с, макаріе ієрмонах порекλωм ꙗросав. за своє спсеніе и вѣчныи поменъ сл8жити стѣи обитѣли милѣшевін срьбсцѣи лавріи. въ лѣт ω мирскаго сътвореніа ,з. р. м. з.

1) бостанъ — садъ.

2) Такъ; вѣроятно знакъ, означавшій монету, аспры.

И тогда цр҃твующу въ костантине граде сꙋлтан мꙋратꙋ. и тогда быть воиꙁвание вѣлико приꙁко мора и ꙁвзет вѣликыи вавилон еже нс҃ багдать. и тогда подехом ноужду и гонкние вѣлико. и приетъ мниа вѣнцъ гаvриль иермонах мца октомриа. ѳ҃. дн҃ь. на ст҃го ап҃ла иꙗкова алфеова. и много мниe подеть ѿ трькл҃ꙗтаго нꙋхъ паши и тогда изгна бостанжие из монастир. и не имехом кꙋмꙋ (*такъ*) плакати и идохъ на цр҃твꙋющии град и цар бещ на багдатꙋ не имехом кꙋмꙋ плакати. Сиа кнvга съставиш и съпиш повѣлением ѿца игꙋмен василиа. и дхо҃вник кvр ѳеωдсиа і еклисарха анание служит ст҃ѣи обитѣли сеи милешеви.

Все болѣе и болѣе пустѣла Сербская Лавра. Въ 1735 г. Турки разорили ее страшно; наконецъ въ 1782 году жилища иноковъ сгорѣли, и они разсѣялись, оставивъ несчастную обитель на произволъ Мусульманъ, которые усердно принялись трудиться по-своему надъ прекраснымъ зданіемъ. Теперь оно— развалина, но такая развалина, которая еще привлекаетъ къ себѣ богомольцевъ и которую народъ Сербскій все еще надѣется видѣть когда нибудь обновленною. Милешевская церковь есть длинная, и сравнительно довольно узкая, постройка: длина ея 47 съ небольшимъ аршинъ, ширина 12. Стѣны сохранились, но крыши нѣтъ; говорятъ, что Турки разломали ее, чтобы взять съ нея свинецъ для покрытія одной мечети въ сосѣднемъ городкѣ Прѣполѣ; отъ обоихъ куполовъ осталась только нижняя часть и куски сводовъ, ихъ поддерживавшихъ. Одинъ куполъ возвышался надъ *припратою* или трапезою, другой надъ самою церковью, близко къ алтарю. *Припрата* отдѣлялась отъ церкви поперечною стѣною, въ которой продѣлана была арка; двѣ такихъ поперечныхъ стѣны, съ просторными арками, раздѣляли самую церковь и служили поддержкою зданію. Народъ разсказываетъ, что въ церкви были четыре мраморныхъ колонны, которыя Турки унесли для украшенія мечети. Вся внутренность церкви покрыта остатками стѣнной живописи; живопись украшала также наружную сторону зданія. Образа и картины всѣ ужасно обезображены ножами и пулями Мусульманъ. Однако

на наружной стѣнѣ алтаря порядочно сохранилась одна фигура, принадлежавшая, какъ видно, къ большому рисунку, и надъ нею надпись:

ОБРѢТЕНИЮ МОЩЕМЬ СТГО СТЕФАНА.

Такова теперь Милешевская Лавра. Не смотря на то, что она разорена и осквернена Турками, окрестные Христіане продолжаютъ чтить ее, какъ великую святыню. До сихъ поръ, къ празднику Вознесенія, идутъ туда толпы народа какъ на поклоненіе. Иногда приходитъ съ ними и священникъ, и они слушаютъ слово Божіе среди развалинъ. Больные, побывавъ на мѣстѣ, гдѣ лежали мощи Св. Савы, отправляются въ гору, къ источнику, который по вѣрованію народа, какъ я сказалъ, вызванъ былъ изъ скалы повелѣніемъ Святаго, пьютъ изъ него и погружаются въ его воду. Говорятъ, что даже не рѣдко Мусульмане и Мусульманки ищутъ въ немъ исцѣленія болѣзни.

Въ одномъ часѣ разстоянія отъ Милешевы находится городокъ Прѣполе, у впаденія рѣчки Милешевки въ Лимъ. Лимъ довольно широкая и красивая, но, кажется, мелкая рѣка. Прѣполе построено въ первой, сколько нибудь обширной равнинѣ, въ которую вступаетъ эта рѣка, замкнутая въ верхнемъ своемъ теченіи въ непрерывной тѣснинѣ. Верхнее теченіе Лима, вѣроятно, представило бы много любопытнаго для путешественника. Мнѣ разсказывали, что тамъ ущелье усѣяно монастырями, изъ которыхъ нѣкоторые опустѣли не такъ давно, а другіе еще поддерживаютъ свое существованіе. Вотъ имена ихъ: Николяцъ близъ Бѣлополя, и тутъ же развалины церкви Бородицы (Госпођина); Куманица (запустѣлый монастырь); Мила (тоже); Давидовица; Бродарова; Ђурђеви Стубови *), (эти три монастыря еще обитаемы). Народъ говоритъ, что по теченію Лима, отъ его истока въ Гусиньѣ (въ сѣверной Албаніи) до впаде-

---

*) Это другіе «Юрьевы Столпы», чѣмъ тѣ, развалины которыхъ я видѣлъ подъ Новымъ-Пазаромъ.

нія въ Дрину недалеко отъ Вышеграда въ Босніи, было въ старину 70 монастырей. Но возвратимся къ Прѣполю. Это жалкій городишко съ 546 домами и 4.000 жителей, въ числѣ коихъ только 65 домовъ и 350 душъ Христіанъ. Городъ окруженъ кукурузными полями и фруктовыми садами; Мусульманскіе жители большею частію живутъ доходомъ этихъ полей и деревень, принадлежащихъ имъ въ окрестности, но, какъ вездѣ, охотно содержатъ лавчонки, чтобы сидѣть въ нихъ и глазѣть. Христіане — ремесленники и торговцы. — Христіане Прѣпольской и сосѣдней Плѣвельской (или Таслиджинской) нахій должны быть поставлены въ образецъ, не только своимъ соплеменникамъ Сербамъ, но всей единовѣрной братіи, Православнымъ, по своей преданности вѣрѣ и дружной, общественной дѣятельности въ пользу церкви. И надобно притомъ замѣтить, что ихъ положеніе въ этомъ краѣ вовсе не легкое. Мусульмане тутъ многочисленны; они постоянно одушевлены свирѣпымъ фанатизмомъ вслѣдствіе сосѣдства съ Черною Горою и съ разбойничьимъ Мусульманскимъ гнѣздомъ Колашиномъ; они невольно чувствуютъ, что имъ въ этихъ мѣстахъ нужно быть постоянно подъ оружіемъ и на сторожѣ: а то какъ разъ Черногорцы подадутъ надъ ихъ головами руку Сербамъ, отъ которыхъ ихъ отдѣляетъ, подъ Прѣполемъ и Таслиджею, всего какой-нибудь день ходьбы. Не смотря на то, Христіане Прѣпольской и Плѣвельской нахій не только не упали духомъ подъ этимъ гнетомъ фанатизма, но умѣютъ внушать къ себѣ уваженіе въ Мусульманахъ, а за вѣру и церковь свою стоятъ единодушно. Какимъ подвигомъ было для горсти Христіанъ, живущихъ въ Прѣполѣ, выстроить церковь! Они малочисленны, бѣдны, должны бороться съ ожесточеніемъ своихъ повелителей, а все же поставили на своемъ, и имѣютъ теперь церковь, чего Христіане не достигли во многихъ городахъ Босніи, гдѣ торговый классъ богатъ и не тревожимъ Мусульманами. Конечно, нельзя ожидать, чтобы 65 Христіанскихъ семействъ въ Прѣполѣ (въ этомъ числѣ надобно поло-

жить по крайней мѣрѣ 50 семействъ бѣдныхъ ремесленниковъ, кое-какъ живущихъ со дня на день трудомъ своихъ рукъ) соорудили великолѣпное богослужебное зданіе. Они сдѣлали, что могли и сколько имъ позволили Мусульмане. А имъ не было позволено, чтобы церковь имѣла видъ церкви. Она выстроена какъ небольшой домъ; и даже не велѣно было обозначать алтарь снаружи обыкновенною круглою формою, а пришлось отгородить въ домѣ одинъ уголъ, обращенный на востокъ, и въ немъ устроить алтарь. Но и такая церковь значитъ много въ такомъ мѣстѣ какъ Прѣполе. При томъ же церковь тутъ не стоитъ одна, а имѣетъ при себѣ школу, куда всѣ Прѣпольскіе Христіане отдаютъ своихъ дѣтей и гдѣ они, не знаю, какъ успѣваютъ въ другомъ, но по крайней мѣрѣ славно выучились пѣть хоромъ церковныя пѣсни. Я приведу имена троихъ торговцевъ, которые преимущественно участвовали въ строеніи церкви и учрежденіи школы и теперь имѣютъ главный надзоръ за ними; это Хаджи-Іованъ Хаджи-Петровичъ, Глишо Весельчичъ и Хаджи-Станиша Милетичъ. Церковь освящена была въ 1854 г. во имя Покрова Пресв. Богородицы. — Но мало было бы одной церкви. Православные поселяне Прѣпольской нахіи, съ посильною помощію горожанъ, успѣли возобновить въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ три монастыря: въ Теоцахъ (обновленъ въ 1845 г.), Быстрицѣ у Сербской границы (обновл. въ 1846 г., и при немъ учреждена школа), и подъ дер. Звѣздомъ, въ мѣстѣ, называемомъ Селяне (въ 1847 г). Правда, эти *монастыри* не вполнѣ заслуживаютъ названія, которое они носятъ, потому что въ нихъ нѣтъ монаховъ. Это суть церкви, при которыхъ живутъ въ особыхъ «келліяхъ», т. е. комнатахъ, мірскіе священники съ своими семействами, по два или по три. Священники эти имѣютъ свои приходы въ окрестностяхъ. Если бы были охотники принять постриженіе въ монахи, то помѣщеніе тутъ для нихъ готово; но едва-ли явятся, или по крайней мѣрѣ не скоро. Во всѣхъ краяхъ Сербскихъ, гдѣ я проѣзжалъ, я слышалъ

вездѣ жалобу, что монахи скоро переведутся, что старики вымираютъ, а изъ молодыхъ никто не рѣшается быть инокомъ. Не въ одной Прѣпольской нахіи, но и во многихъ другихъ мѣстахъ, монахи замѣняются въ обителяхъ мірскими священниками. Когда я спрашивалъ, почему это такъ, неизмѣнный и простодушный отвѣтъ бывалъ всегда: «это, сваки хоће да се жени» (такъ вотъ, всякъ хочетъ жениться). Впрочемъ и безъ монаховъ, а съ мірскими священниками, монастыри, недавно обновленные въ Прѣпольской нахіи, имѣютъ великое и благодѣтельное вліяніе на народъ. Они вновь пріучаютъ поселянъ къ забытому во время невзгодъ богослуженію, они служатъ имъ центромъ въ дѣлахъ общественныхъ. Живя вмѣстѣ и въ монастырѣ, который болѣе, чѣмъ простая сельская церковь, привлекаетъ къ себѣ богомольцевъ изо всего околотка, священники легче и сильнѣе пріобрѣтаютъ вліяніе на народъ, и надобно отдать имъ справедливость, что при всемъ недостаткѣ образованія, при всей грубости нравовъ, вліяніе Сербскихъ священниковъ на народъ самое благотворное. А какъ велико становится это вліяніе, когда священникъ къ своему сану присоединяетъ еще нѣкоторое образованіе! Примѣромъ можетъ служить одинъ изъ священниковъ, живущихъ въ монастырѣ Селянахъ, Стефанъ, учившійся въ Бѣлградской семинаріи. Какимъ уваженіемъ онъ пользуется въ народѣ! Турки его ненавидятъ, но боятся его и обращаются съ нимъ совсѣмъ не такъ, какъ съ другими, полуграмотными, попами; всякій разъ, когда нужно представить властямъ въ округѣ или въ Мостарѣ или наконецъ въ Сараевѣ объ общемъ дѣлѣ, народъ отправляетъ Стефана своимъ представителемъ и ходатаемъ.

Побывши въ Прѣполѣ нѣсколько часовъ, я поѣхалъ дальше, къ Таслиджѣ. Жителямъ очень хотѣлось, чтобы я посѣтилъ монастырь Селяне и посмотрѣлъ на сооруженіе, которымъ они гордятся. Нѣсколько человѣкъ Прѣпольскихъ Христіанъ провожали меня туда. Прекрасная, гладкая дорога ведетъ сначала

вдоль рѣки Лима, среди кукурузныхъ полей; потомъ мы ѣхали между горами, изъ которыхъ меня особенно поразила одна, Соколица, своею странною вершиною. Вершина эта состоитъ изъ двухъ скалъ, одной высокой, круглой, нѣсколько изогнутой на бокъ, а другой, представляющей видъ тонкаго, остраго шпица или обелиска. Мы взяли вправо, поднялись на высоты, покрытыя дубовымъ лѣсомъ, миновали деревню Звѣздъ и спустились въ лощину, гдѣ стоитъ монастырь. Кстати о деревнѣ Звѣздѣ. Въ ней 55 Сербскихъ (т. е. Православныхъ) дворовъ и 18 Мусульманскихъ. Хотите ли знать, сколько въ прошломъ году взято подати съ этихъ 55 Христіанскихъ дворовъ? Независимо отъ повинности *агѣ* (помѣщику), который въ этой части Герцеговины получаетъ $1/_3$ или $1/_4$ урожая, смотря по условію, они заплатили 30 мѣшковъ піастровъ (750 р. сер.) откупщику десятины, тогда какъ при введеніи откуповъ въ 1851 — 2 г. десятина съ этой деревни оцѣнена была въ 12 мѣшковъ (300 р. с.); сверхъ того они внесли 4537 піастр. (около 226 р.) поголовной подати (*вергй*) и 5403 $1/_2$ піастр. (около 270 р.) выкупа отъ военной службы (*аскеріе*). — Основаніе монастыря Селянъ приписывается народомъ королю Милутину. Теперь его обновили и выбѣлили такъ, что не видно и признака старины. Церковь довольно просторна и высока, съ однимъ куполомъ; но печальное впечатлѣніе производитъ совершенная нагота стѣнъ и иконостаса. Жилье монастырское чисто и порядочно. Древнихъ рукописей нѣтъ.

Мы спустились съ тѣхъ же горъ, на которыя взобрались для осмотра Селянъ, только съ другой стороны, переправились черезъ Лимъ и опять стали взбираться въ гору. Черезъ два часа достигли мы хана, который находится на этой горѣ и прозывается по ней Ябукою. Мѣсто это холодное, поросшее соснами. Мы отановились тутъ ночевать. Я былъ сердечно радъ, что могъ укрыться подъ кровлею хана отъ ночнаго холода и не принужденъ былъ расположиться между лошадьми, а нашелъ

себѣ удивительное помѣщеніе. Въ одномъ углу хана, подъ самымъ окномъ (разумѣется, безъ стекла) сооружено было возвышеніе изъ досокъ, въ родѣ огромнаго ящика, не знаю, для чего, но я полагаю, для того чтобы ссыпать туда овесъ или ячмень. На этомъ ящикѣ я устроилъ себѣ ложе, и вкусно на немъ поужиналъ, и сладко заснулъ. Не скоро разбудилъ меня утренній говоръ *ханджіи* и кириджій (погонщиковъ) подъ моимъ окошкомъ. Этотъ благодатный ящикъ оставилъ во мнѣ сладостнѣйшее воспоминаніе, какъ одно изъ самыхъ покойныхъ и чистыхъ ночлеговъ, какіе я встрѣчалъ въ Турецкихъ ханахъ. На другое утро, пока я сидѣлъ на скамеечкѣ у хана и ждалъ, чтобы окончилось сѣдланье и навьючиванье коней, ко мнѣ подсѣлъ молодой *бегъ*, босоногій, въ красной курткѣ и жолтой чалмѣ, сынъ помѣщика, которому принадлежитъ и ханъ; онъ вступилъ со мною въ дружескій разговоръ. Горько жаловался онъ на тяжкія времена, теперь наставшія, съ тѣхъ поръ какъ не стало «правды» ни Туркамъ, ни «Влахамъ», и говорилъ, со вздохомъ покуривая изъ короткаго чубучка: «садъ си видио, како є у нашой землі; кодъ васъ є добро, у вашой землі є редъ; а ми, вала, пропадосмо; обаталише насъ сасвимъ; ко є био зенђилъ, садъ є фукара; зли люди свашта раде; зли люди има кодъ насъ чоклукъ, а ко є добаръ чоекъ, дина ми, тай не море ништа (теперь ты видѣлъ, каково въ нашей землѣ. У васъ хорошо, въ вашей землѣ порядокъ; а мы, *валлахъ*, [1]) пропали; разорили насъ совсѣмъ; кто былъ богачемъ, теперь бѣднякъ; злые люди дѣлаютъ что угодно; злыхъ людей у насъ множество, а хорошій человѣкъ, клянусь вѣрою, ничего не можетъ сдѣлать)».

Отъ Ябуки я не захотѣлъ ѣхать прямой дорогою въ Таслиджу, а поворотилъ влѣво, чтобы осмотрѣть вновь строящійся монастырь Дубочицу. Лошади были, конечно, не рады этому рѣшенію, потому что такой скверной дороги имъ рѣдко случалось

---

[1]) Борьба, безпрестанно употребляемая Славянами-Мусульманами.

испытывать. Мы тутъ вступали въ полосу камня, которая обнимаетъ почти всю Герцеговину и дала ей и ея народу прозваніе *кршной* (въ отношеніи къ странѣ, это значитъ *каменистый*, въ примѣненіи къ людямъ, въ переносномъ смыслѣ, *крѣпкій*). Мы поднялись отъ Ябуки еще вверхъ, и потомъ болѣе часу должны были ѣхать по усыпанной камнемъ плоскости. Это мѣсто называется Ранче; лишь кое-гдѣ растутъ на немъ жалкія сосны; въ углубленіяхъ посѣянъ овесъ. За этою плоскостью, въ лощинѣ, лежитъ деревушка Обарде. Далѣе поднялись мы на гору Ивовикъ, которая въ утреннемъ туманѣ казалась вся облѣпленною облаками. За нею въ углубленіи лежитъ большая Христіанская деревня Матаруге: маленькія избушки сложены изъ камня; въ окнахъ деревянныя рѣшетки за неимѣніемъ желѣзныхъ; въ Матаругахъ считаютъ до 60 дворовъ. Проѣхавъ довольно обширное, горное поле, мы достигли края глубокаго спуска. Нужно было спускаться, а рѣшительно не видно было куда: надъ всею долиною лежало точно густое облако, заволакивая даже ближайшія деревья. Болѣе часу спускались мы, ведя лошадей подъ уздцы. Наконецъ мы очутились внизу, у какой-то рѣчки, и видѣли, но уже надъ нашими головами, то же густое облако, закрывавшее отъ насъ окрестныя горы. Вскорѣ туманъ разсѣялся отъ теплоты солнца, и темныя, крутыя массы Ивовика и Корина явились во всей своей красотѣ. Въ Дубочицѣ меня ждала радушная встрѣча священника, которому поручена эта обновляемая обитель, и нѣсколькихъ Христіанъ, жителей Таслиджи, пріѣхавшихъ привѣтствовать дорогаго гостя «изъ Русіе».

Въ Дубочицѣ я могъ видѣть на дѣлѣ усердіе Герцеговинскихъ поселянъ къ церкви. Запустѣвшая и развалившая обитель эта теперь обновляется поселянами деревни Матаругъ и нѣсколькихъ другихъ окружающихъ селеній. Замѣтьте, что никто (кромѣ нѣкоторыхъ жителей Таслиджи) не помогаетъ имъ, и что напротивъ, всѣ власти берутъ съ нихъ еще деньги за это дѣло: Турки за позволеніе обновить церковь, владыка за ея освященіе.

На дворѣ лежали камни и бревна, приготовленныя для постройки; нѣсколько земледѣльцевъ, обратившихся въ плотниковъ и каменщиковъ, работали надъ крышею церкви и надъ *челiею* (келлiею) т. е. домомъ для священника: камень и бревна были доставлены даромъ, работники трудились также «за свою душу». Впрочемъ, сама по себѣ, церковь Дубочицкая не представляетъ ничего замѣчательнаго: она низка и темна. Хотя она еще не готова, но въ ней уже служатъ.

При обновленiи, пощадили старинную надпись надъ дверью. Она гласитъ, что.... «построенъ былъ сей храмъ.....

ѴЮ҄ТВОРЦА Х҃ВА НИКОЛИ, ТРОꙊДОМЬ И ПОДВИГОМЬ ПАВЛА ИГꙊМЕНА ІЕРМОНАХА СЬ ВСЕМИ Ѿ Г҃И БРАТИА МИ ПАКИ ЖЕ СЬ ПОМОЩІЮ Б҃ЖІЮ И С҃ТГО АРХІЕРЕА Х҃ВА НИКОЛИ И ПОПИСА ТАЖЕ ВИШЕРЕЧЕНИ ПАВАЛЬ ИГОꙊМЕНЬ СЬ БРАТИАМИ И СЬ ПРАВОСЛАВНИМИ ХРИСТІАНИ ЖИТЕЛИ ЗЕМЛЄ СІЕ И ПИСАСЕ Л҃Ѣ З. О. Г҃ (7073=1565) **КРꙊ҃Г С҃ЛНЦА ЅІ҃ И СЬВРЬШИСЕ М҃ЦА АВГꙊ. З҃. Д҃НЬ.**

XXI.

Плѣвли. Колашинъ. Дробнякъ и Пива.

Отъ Дубочицы до Таслиджи не далеко. Переѣхавъ черезъ горы, ограждающiя Дубочицкую долину, мы выбрались въ поля, покрытыя камнемъ; со всѣхъ сторонъ подымались скалистыя высоты. «Вотъ и нашъ каменистый край, сказали мнѣ провожавшiе меня горожане: не даромъ зовется онъ Таслиджа.» Дѣйствительно, названiе это, данное Турками и происходящее отъ слова *таши* (каменный), почти вытѣснило народное Сербское имя Плѣвли. Теперь именемъ Плѣвли обозначаютъ обыкновенно только всю нахiю (округъ), а городъ называютъ и по-Сербски Таслиджею.

Тасλиджа небольшой, каменный городъ, поопрятнѣе большей части подобныхъ ему городковъ Герцеговины и Босніи. Онъ лежитъ на двухъ рѣчкахъ, Брѣзницѣ и Чехотинѣ. Въ немъ считаютъ 650 Мусульманскихъ и 115 Православныхъ домовъ: всѣхъ жителей около 6000, въ томъ числѣ до 1000 Христіанъ. Таслиджа, послѣ Мостара, самый дѣятельный по торговлѣ городъ Герцеговины. Турки содержатъ въ немъ всегда много войска, для наблюденія за Черногорцами. Меня встрѣтили въ Таслиджѣ съ необыкновеннымъ почетомъ. Христіанамъ хотѣлось выразить свое сочувствіе къ Русскому, а Турецкій мудиръ Эминъ-эфенди, боясь, можетъ быть, имъ прекословить, самъ принялъ *initiative* въ этой демонстраціи. Онъ не только выѣхалъ ко мнѣ на встрѣчу, съ многочисленною свитою, но выставилъ за городомъ караулъ и полковую музыку. Христіане толпою стояли поодаль; всѣ ученики школы выстроились въ рядъ. Какое гадкое чувство видѣть себя предметомъ такого вниманія! Костюмъ путешественника отъ продолжительной дороги, отъ хожденія по горамъ и между сучьями густыхъ лѣсовъ пришелъ въ невообразимое разстройсто, а тутъ онъ долженъ ѣхать шажкомъ подъ сотнями глазъ, которые всѣ на него выпучены, лошадь подъ нимъ подпрыгиваетъ и гордо фыркаетъ отъ музыки, принимая на себя не на шутку роль тріумфаторскаго коня: преконфузно. Шествіе это длилось не мало времени, пока мы проѣхали весь городъ и достигли монастыря, который лежитъ $^1/_4$ часа за городомъ, на возвышеніи, у подошвы высокой горы. Съ радушнымъ *добро дошли* встрѣтила меня братія и повела на *чошакъ*, т. е. *кіоскъ*, стоящій по срединѣ монастырскаго двора. Это легонькій, четвероугольный помостъ, на который подымаешься по деревянной лѣстницѣ и на которомъ стоитъ крыша на столбикахъ. Кругомъ помостъ обнесенъ досками, въ родѣ корабельнаго борта. Весь онъ устланъ ковромъ, и кругомъ положены подушки, на которыхъ сидятъ. На ночь или въ случаѣ дурной погоды кіоскъ закрывается ставнями, и можетъ слу-

жить жильемъ. Лучшаго помѣщенія желать нельзя лѣтомъ въ тѣхъ краяхъ: днемъ прохладно, ночью не слишкомъ холодно, и насѣкомыхъ нѣтъ. Въ этомъ-то кіоскѣ я преспокойно расположился и принималъ визиты. Поочередно посѣтили меня всѣ такъ называемые *првленци*, т е. почетные между Христіанскими жителями города; часто имъ негдѣ было помѣститься на помостѣ, и нѣкоторые должны были стоять на лѣстницѣ. Вотъ маленькій образчикъ разговора, который повторялся почти одинаково между мною и каждымъ изъ посѣтителей:

Посѣтитель, *прикладывая правую руку къ сердцу и наклоняясь впередъ всѣмъ тѣломъ:* Како си (какъ поживаешь)?

Я: Фала Богу; добро, а како сте ви (слава Богу, хорошо, а какъ вы поживаете)?

Посѣтитель: Добро, фала Богу.

Я: Молимъ, сѣдите (прошу, садитесь).

П.: Сѣшћемо (сядемъ). *Садится, поджавъ ноги, на краюшкѣ подушки, и опять кланяясь такимъ же образомъ, какъ прежде, говоритъ*: э, како си іошъ (ну какъ поживаешь, еще разъ)?

Я: Добро, фала Богу.

П.: Єси ль се уморио (утомился ли)?

Я: Ниєсамъ толико (нѣтъ, нельзя сказать).

П.: Фала Богу, кадъ си дошо. Далеко си ишо, да видишъ нашу сиротиню (слава Богу, что ты пріѣхалъ! Далеко ты ѣхалъ, чтобы видѣть нашъ сиротскій народъ)!

Я: И мнѣ є драго, да самъ дошо овамо (и мнѣ пріятно, что я пріѣхалъ сюда).

П.: Это, фала Богу. (*Улыбаясь*:) Бога ми, кадъ самъ те видио, како сунце ме огріяло! Да Богъ живи и тебе и онога, кой те є послао у нашу землю (Такъ вотъ, слава Богу! Ей-Богу, какъ я тебя увидѣлъ, точно солнце меня пригрѣло! Дай Богъ жить тебѣ и тому, кто послалъ тебя въ нашу землю).

Я: А како є кодъ васъ, све добро (а какъ у васъ, все хорошо)?

П.: Све добро, фала Богу! Это, зулумъ, ко Турска земля: нема файде. Шта ћемо? Научни смо! Бога ми, зло: умро є нама игуманъ, па є стио владика, да узме нашъ монастиръ у своє руке, ама народъ ниє дао, заузели су се люди за монастиръ; дакле тужио є насъ владика у Стамболу, и ми смо га тужили; ама сада помирили смо се, и сада стои добро, фала Богу (Все хорошо, слава Богу! Такъ вотъ, притѣсненіе, какъ въ Турецкой землѣ: проку нѣтъ. Что будешь дѣлать? Мы привыкли. Ей Богу, скверно: [1]) умеръ у насъ игуменъ, такъ владыка хотѣлъ взять монастырь въ свои руки, но народъ не далъ; люди приняли участіе въ дѣлахъ монастыря; такъ владыка жаловался на насъ въ Стамбулѣ, и мы на него жаловались; но теперь мы съ нимъ помирились, и теперь все обстоитъ хорошо, слава Богу!)

Я: Фала Богу! Боле є, кадъ сте се помирили съ владикомъ. Я самъ чуо за вашега владику, да є добаръ (Слава Богу! Лучше, что вы помирились съ владыкою. Я слышалъ о вашемъ владыкѣ, что онъ хорошъ).

П.: Ниє ни лошъ, ко Гркъ. Кажу люди, да є миранъ. Садъ смо шніме у любави (Не дуренъ, какъ Грекъ. Люди говорятъ, что онъ кротокъ. Теперь мы съ нимъ «въ любви»).

Я: Да Богъ да! Треба, да будете у любави съ владикомъ. (Дай Богъ! Нужно вамъ быть «въ любви» съ владыкою).

П.: Тако и мы желимо, ама шта ћемо? (такъ и мы желаемъ, но что станешь дѣлать?) *Помолчавъ немного:* ти си умoранъ одъ

1) Да не удивляетъ читателя этотъ переходъ, въ рѣчи моего Таслиджинскаго собесѣдника, отъ благодарности Богу, что все благополучно, къ разсказу о житейскихъ обстоятельствахъ, весьма дурныхъ. Такой переходъ дѣлается постоянно Боснійскими или Герцеговинскими Христіанами. Говоря о своемъ положеніи, они прежде всего благодарятъ Бога за то, что оно хорошо, потому что могло бы быть и хуже, а за тѣмъ уже описываютъ его въ настоящемъ видѣ. Разъ пришелъ ко мнѣ одинъ Боснякъ, *кметъ*: на лицѣ его написано было глубокое горе. Отвѣчавъ ему на его вопросъ о моемъ здоровьѣ, я въ свою очередь спросилъ его: «Како си? (какъ поживаешь?).» — «Добро фала Богу!» отвѣчалъ онъ и потомъ, помолчавъ съ минуту, продолжалъ: «это, убили су ми Турци брата, па дошо самъ да плачемъ (хорошо, слава Богу! . . . . . вотъ, Турки убили у меня брата, такъ я пришелъ жаловаться(.»

пута: оглушили смо те, съ Богомъ (ты усталъ съ дороги: мы тебя утомили словами, прощай).

Я: Съ Богомъ.

П.: Дай Боже у здравле!

Изъ этого разговора, разъ пятьдесятъ почти неизмѣнно повторявшагося, читатель видитъ, какое дѣло занимало въ то время умы Таслиджинскихъ Христіанъ. Они только что окончили тяжбу съ Герцеговинскимъ владыкою о правѣ распоряжаться имуществомъ находящагося при ихъ городѣ монастыря. Когда скончался послѣдній игуменъ, самъ архіерей пріѣхалъ въ Таслиджу; Православные приняли его съ приличными почестями, но вся община, какъ одинъ человѣкъ, отказалась предоставить ему это право. Какъ новаго игумена владыка не хотѣлъ назначить, то сама община приняла монастырь въ свое завѣдыванье; назначила *епитроповъ* для управленія монастырскими дѣлами и взяла на себя уплату оставшихся послѣ покойнаго игумена долговъ. Перенесенное въ Константинополь, дѣло не получило категорическаго рѣшенія, но, когда я проѣзжалъ черезъ Таслиджу, уже было улажено примиреніемъ и уступкою со стороны владыки. Этотъ случай можетъ показать читателямъ, какъ живо въ Православныхъ Сербахъ Турецкихъ участіе къ судьбѣ ихъ церквей и монастырей; народъ почитаетъ церкви и монастыри своимъ общественнымъ достояніемъ и потому отстаиваетъ право распоряжаться ихъ дѣлами. Пріѣхавшаго въ Турцію поражаетъ удивленіемъ эта свобода народной жизни, сохраняющаяся, подъ страшнымъ матеріальнымъ гнетомъ, во всемъ томъ, что касается до духовныхъ интересовъ народа. Нигдѣ я не чувствовалъ этого сильнѣе, какъ въ Таслиджѣ, потому что попалъ туда именно въ такое время, когда общественная жизнь тамошнихъ Христіанъ была возбуждена. Но вездѣ, въ Босніи и Герцеговинѣ, я чувствовалъ присутствіе этой стихіи въ Православныхъ жителяхъ. Въ каждой мелочи они выказываютъ, что дѣло вѣры и церкви — ихъ

общественное дѣло; весь народъ обсуждаетъ его и всякій разъ, когда бываетъ нужно, стоитъ за него поголовно. Въ дѣлѣ вѣры и церкви тотчасъ готова воскреснуть у нихъ община, ослабѣвшая, въ слѣдствіе многихъ несчастныхъ обстоятельствъ, въ обиходномъ гражданскомъ бытѣ. Эта свобода народной жизни Христіанъ въ дѣлахъ духовныхъ есть тотъ лучъ свѣта, который отрадно блеститъ во мглѣ, покрывающей Турецкихъ Славянъ, и который, можетъ быть, укажетъ имъ путь къ возрожденію. Это есть та доля блага, которымъ судьба, можно сказать, вознаградила Православныхъ Сербовъ за великое зло Турецкаго ига, какъ бы въ подтвержденіе того, что нѣтъ худа безъ добра на свѣтѣ: ибо до покоренія Турками, особенно во время правленія послѣднихъ Неманичей, увлеченныхъ Византійскими стремленіями, вѣра и церковь начинали уже обращаться у Сербовъ въ орудія свѣтскихъ интересовъ, и мы можемъ указать въ древнихъ Сербскихъ памятникахъ на многіе признаки нравственнаго растленія, отсюда происходившаго; Мусульманское же завоеваніе поставило вѣру и церковь внѣ свѣтскихъ условій; единственнымъ ихъ хранителемъ сдѣлался народъ; хранить ихъ становилось для народа подвигомъ нравственной свободы и самоотверженія, ибо всѣ внѣшнія условія манили его къ отступничеству. Этотъ подвигъ нравственной свободы и самоотверженія еще болѣе скрѣпилъ связь народа съ вѣрою и церковью; духовенство, за исключеніемъ тѣхъ архіереевъ, которые, послѣ уничтоженія Печскаго патріархата, стали присылаться изъ Константинополя, осталось вполнѣ слитымъ съ народомъ. Оттого-то оно, даже при недостаткѣ въ образованіи, имѣетъ тамъ такое огромное и благодѣтельное вліяніе на свою паству. Чувствуя себя живымъ членомъ Церкви, живымъ хранителемъ Вѣры, видя въ священникѣ человѣка, живущаго одною съ нимъ жизнію, раздѣляющаго его горе и радость, Православный Сербъ въ Турціи проникся безграничною, и вмѣстѣ съ тѣмъ свободною и сознательною преданностью Вѣрѣ и

Церкви, онъ остался вѣрнымъ Православію, не соблазняясь ни искушеніями господствующей религіи, ни толками, которые могли бы совратить его съ истиннаго ученія.

Я мало сказалъ о Таслиджѣ и о самомъ монастырѣ Св. Троицы. Монастырь, незамѣчательный въ архитектурномъ отношеніи (низкая и темная церковь въ немъ обновлена въ 1595 г.; когда и кѣмъ она была построена, неизвѣстно), важенъ по своему вліянію на народъ. Народъ уважаетъ его за то, что въ немъ строго исполняется богослужебный чинъ, тогда какъ почти во всѣхъ другихъ монастыряхъ Босніи и Герцеговины служатъ, по недостатку иноковъ, только по воскресеньямъ и праздникамъ. Но и въ монастырѣ Св. Троицы находятся всего 4 іеромонаха; настоятелемъ былъ временно назначенъ общиною, до рѣшенія владыки, одинъ мірской священникъ, всѣми любимый. Монастырь богатъ книгами и утварью, присланными въ старинныя времена изъ Россіи; онъ надѣляетъ ими, сколько можетъ, бѣдныя церкви, строящіяся или возобновляемыя въ околоткѣ. Рукописей въ немъ хранится довольно много, въ томъ числѣ и и пергаменныя, но не древнѣе XIV столѣтія. Особенно замѣчателенъ «Шестодневъ» Іоанна Дамаскина въ Славянскомъ переводѣ, огромная рукопись, если не ошибаюсь, XV вѣка, съ множествомъ раскрашенныхъ картнокъ. Этотъ монастырь единственный изъ видѣнныхъ мною въ Западной Турціи, гдѣ древнія книги хранятся въ порядкѣ и бережно, въ хорошемъ и безопасномъ помѣщеніи: сама община объ этомъ позаботилась недавно. Въ Таслиджѣ есть школа; ученики прекрасно поютъ всю обѣдню. Церковь прилежно посѣщается не только горожанами, но и сельскими жителями. Иноки хвалятъ усердіе народа къ монастырю; они говорили мнѣ, что нѣтъ въ околоткѣ Православнаго поселянина, даже самаго бѣднаго, который не жертвовалъ бы на церковь отъ 100 до 200 піастровъ (5—10 р. с.), въ теченіе года. Христіане, понадѣявшись на Хати-хумаюнъ, заготовили было бревна, камень и известь для перестройки ветхаго

жилья монастырскаго, но когда захотѣли приняться за работу, Турецкая власть имъ запретила. Въ одномъ углу, у монастырской ограды, находится въ горѣ пещера, гдѣ постились въ старину иноки. Покойный игуменъ рѣшился устроить въ ней маленькую церковь, но, увѣренный въ отказѣ Турокъ, работалъ тайкомъ, по ночамъ, съ другими монахами и нѣкоторыми изъ прихожанъ: онъ выровнялъ скалистыя стѣны пещеры и оштукатурилъ ихъ; но дѣло это остановилось съ его смертію. Жаль, что старый долгъ, лежащій на монастырѣ и поглощающій почти всѣ его средства, не позволяетъ употребить ихъ на это дѣло: жители Таслиджи чрезвычайно дорожатъ своею пещерою и видѣть ее посвященною богослуженію составляетъ пламенное ихъ желаніе.

Отъ Таслиджи я рѣшился сдѣлатъ поворотъ къ югу, чтобы осмотрѣть въ Колашинѣ два запустѣвшихъ монастыря, гдѣ мнѣ. говорили, что я найду много старинныхъ книгъ, и проѣхать до знаменитой въ Герцеговинѣ Пивской обители. Путь предстоялъ тяжелый: мнѣ предсказывали, что отъ Таслиджи до Пивы надобно ѣхать три дня, все по горамъ, что тамъ нѣтъ никакихъ дорогъ, и что край этотъ самый дикій во всей Герцеговинѣ. Но въ отношеніи къ горамъ я понадѣялся на испытанную крѣпость ногъ своей лошади, а что касается до дикости жителей, то поѣздка по Албанскимъ краямъ Старой Сербіи убѣдила меня уже, какъ мало эта дикость угрожаетъ опасностью Европейцу, путешествующему съ приличнымъ конвоемъ кавазовъ.

Первый день мы ѣхали отъ Таслиджи до монастыря Доволе на Тарѣ. Насъ провожалъ бывшій игуменъ и бывшій единственный житель этого монастыря, молодой и умный монахъ Пахомій. Онъ былъ выгнанъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Колашинскими Мусульманами изъ своей обители и теперь поселился въ Таслиджѣ. Колашинцы захватили поле, принадлежащее монастырю, чуть не убили служившаго въ обители

христіанина и грозили смертію самому иноку, еслибы онъ вздумалъ предъявлять свои права на монастырскую собственность. Нечего было дѣлать: онъ удалился, и обитель предоставлена съ тѣхъ поръ на волю судебъ.

Трудно и скучно было бы описывать подробно дорогу отъ Таслиджи до Доволя. Мы ѣхали съ утра до вечера, и за исключеніемъ двухъ небольшихъ полянъ, наши лошади не сдѣлали въ цѣлый этотъ день ни одного шагу по ровному мѣсту: все въ гору или подъ гору. Намѣчу только главныя черты мѣстности, еще не обозначенной ни на какой картѣ. Отъ Таслиджи подымаешься къ югу на гору Кралевци и спускаешься потомъ къ рѣчкѣ Вѣжишницѣ, ѣдешь по ней ущельемъ, мимо горъ Виляка и Зеницы, на склонѣ которой лежитъ Христіанская деревня того же имени. Миновавъ другую деревню, Подпечь (съ 10 Христіанскими и 20 Мусульманскими дворами), подымаешься сперва по отлогому склону, встрѣчаешь въ лѣсу нѣсколько жалкихъ избушекъ, составляющихъ «село» Хата и населенныхъ пчеловодами, и потомъ карабкаешься въ сосновой чащѣ на крутую гору Борье, спускаешься съ нея и вновь подымаешься на Древино-брдо, также покрытое хвойнымъ лѣсомъ. На этой горѣ находишь нѣсколько Мусульманскихъ хатъ, и отъ этого «села» (оно называется, какъ и гора, Древино-брдо) вступаешь въ *нахію* Колашинъ. Къ югу Колашинъ прикасается къ сѣверной границѣ Черногоріи Въ Колашинѣ считаютъ 850 домовъ, изъ коихъ 500 Мусульманскихъ и 350 Православныхъ. Въ юго-восточномъ углу нахіи, близъ Черногорской границы, на горѣ, стоитъ старая крѣпостца Колашинъ, заключающая въ себѣ нѣсколько десятковъ Мусульманскихъ домовъ. Это притонъ фанатиковъ-разбойниковъ. Колашинскіе Мусульмане считаются самыми буйными и дикими во всей Босніи и Герцеговинѣ; они Славяне по происхожденію. Въ нихъ горитъ во всей силѣ фанатизмъ, которымъ, какъ я сказалъ выше, отличаются Магометане въ пограничныхъ съ Черногоріею мѣстахъ.

Можно себѣ представить, каково между ними жить ихъ *кметамъ* Христіанамъ. Отъ того-то часть Колашинскихъ Христіанъ выселилась на югъ, въ сѣверную Албанію, гдѣ мы ихъ уже встрѣтили. О Колашинскихъ Мусульманахъ не говорятъ иначе, какъ придавая имъ эпитетъ: *зликовци*, т. е. злодѣи. Славу воинственности и дикости раздѣляютъ съ Колашинцами жители сосѣдней къ западу нахіи Шаранцы. Въ Шаранцахъ нѣтъ ни одного Мусульманина; вся эта нахія Православная. Жители Колашина и Шаранцевъ находятся между собою въ вѣчной междоусобной войнѣ. Кромѣ того Колашинцы до сихъ поръ непрестанно вели пограничный бой съ Черногорцами; рѣдко бывали перемирія. Множество народныхъ пѣсенъ воспѣваютъ событія этой войны. На границѣ Колашина и Шаранцевъ кончается власть Турецкой администраціи. Въ этихъ двухъ нахіяхъ и въ краяхъ, которые лежатъ далѣе на югъ по черногорской границѣ, Дробнякѣ, Пивѣ, Никшичахъ, Банянахъ, Кореничахъ и т. д., народъ управляется почти самъ собою. Разница только та, что тамъ, гдѣ народонаселеніе состоитъ изъ Христіанъ они живутъ мирно и платятъ подать, пока сосѣди-Мусульмане или гарнизоны баши-бузуковъ не выведутъ ихъ черезъ-чуръ изъ терпѣнія, а въ мѣстахъ, гдѣ есть Мусульмане (Колашинъ, Никшичи, Кореничи), Султанская казна не получаетъ ничего и кулачное право господствуетъ неограниченно.

Съ Древина-брда мы спустились въ чрезвычайно глубокую, узкую долину Потоци, гдѣ и «село» тогоже имени. «Села» въ Колашинѣ состоятъ изъ нѣсколькихъ избушекъ, иногда изъ двухъ или трехъ. Отъ Потоковъ мы поднялись на Бехтешевину и спустившись, встрѣтили поляну съ «селомъ» Чаклина и рѣдкимъ въ этихъ мѣстахъ болотомъ. Надъ поляною возвышается гора Црни-врхъ, самая большая на пути между Таслиджею и рѣкою Тарою. Проѣхавъ поляну, мы опять поднялись на гору, на Штрбину, оставляя на право огромные утесы, нося-

щіе тоже названіе Чаклина. Спустились съ Сировой-главы, другой горы, находящейся въ связи со Штрбиною. Я приходилъ въ отчаянье: судя по объясненіямъ моихъ провожатыхъ, я думалъ найти уже подъ этою горою монастырь; а между тѣмъ, дошедши до низу, видѣлъ опять такую же гору передъ собою. Нѣтъ ничего утомительнѣе такой дороги; устаешь ужасно, сидя верхомъ на лошади, которая карабкается въ гору по камнямъ, корнямъ деревьевъ и вымоинамъ горныхъ ручьевъ, устаешь еще больше, когда идешь пѣшкомъ внизъ, безпрестанно подпрыгивая и спотыкаясь о такіе же камни и корни, а спускаться пѣшкомъ надо, иначе никакая лошадь не выдержалабы такой дороги. Усталость отъ безпрестаннаго подыманія и спусканія по горамъ вовсе не то мѣрное, покойное, можно сказать, утомленіе физическихъ силъ, которое ощущается послѣ долгаго перехода по ровному мѣсту; отъ такаго подыманія и спусканія по горамъ нервы сначала болѣзненно раздражаются, а потомъ приходятъ въ какое-то оцѣпенѣніе. Но при всемъ томъ такое движеніе удивительно какъ здорово: я это испыталъ на себѣ.— И такъ передъ нами была еще гора, названная Богомоля: вѣроятно потому, что черезъ нее переходили жители сосѣднихъ селъ, чтобы итти на богомолье въ монастырь. Она покрыта такимъ густымъ лѣсомъ, что шествіе по ней представляетъ не мало трудностей. Наконецъ, перебравшись, часа въ полтора, черезъ Богомолю, мы увидѣли передъ собою, на небольшой полянѣ, страстно-ожидаемый монастырь.

Онъ стоитъ на самомъ берегу Тары, но обрывъ такъ глубокъ и такъ крутъ, что рѣки не видно, пока не подойдешь къ самому краю скалъ или *стѣнъ*, какъ выражаются Сербы. Монастырь былъ совершенно пустъ. Хозяинъ его, О. Пахомій, воспользовавшійся нашимъ конвоемъ, чтобы снова посѣтить свои покинутыя владѣнія, отыскалъ гдѣ-то по близости своего бывшаго служителя, у котораго остались ключи отъ келлій. Коекакъ очистили одну келлію отъ наслоившейся пыли, и мы рас-

положились въ ней. Ключа отъ церкви нигдѣ не оказалось; долго бились надъ замкомъ, и наконецъ открыли его съ помощію гвоздя. Почернѣвшія отъ пыли стѣны, покрытые пылью и плѣсенью образа представляли печальный видъ, но все напоминало, что церковь была покинута невзначай. Въ свѣщникахъ еще стояли свѣчи, на одномъ крилосѣ лежала развернутая книга. Однокупольная церковь эта тяжелой и не красивой архитектуры; она была построена, какъ гласитъ надпись, въ 7053 (1545) году. Рукописей много, но все довольно поздняго времени.

На другой день, рано утромъ, выѣхали мы изъ Доволя, чтобы осмотрѣть другой запустѣшій монастырь въ Колашинѣ, именно обитель Св. Архангела Михаила, лежащую тоже на Тарѣ. Запустѣла она давно, но меня увѣряли, что въ ней осталось много старинныхъ книгъ. Въ этотъ разъ показанія жителей не обманули меня, и поѣздка была вполнѣ вознаграждена. Мы нашли довольно красивую церковъ съ разбитою дверью, съ провалившеюся во многихъ мѣстахъ крышею, съ обезображеннымъ иконостасомъ; но въ алтарѣ, на стоящей еще св. трапезѣ, лежало нѣсколько рукописей, множество другихъ валялось кругомъ престола. Я сталъ жадно просматривать несчастныя книги, которыя отъ сырости составляли массу плотно слипшихся листовъ, и на основаніи *jus primi occupantis*, забиралъ то, что казалось поважнѣе; всего, къ сожалѣнію, не могъ взять, потому что не имѣлъ съ собою вьючныхъ своихъ подводъ, да и такъ, для того чтобы поднять отобранныя рукописи, долженъ былъ спѣшить слугу и каваза и привязать всю эту кладь къ сѣдламъ ихъ лошадей. Пришлось оставить на снѣдь мышамъ и плѣсни или въ добычу будущему путешественнику, полный кругъ Миней и другихъ богослужебныхъ книгъ, писанный въ XVII вѣкѣ. — Надъ дверью монастыря Архангела Михаила я прочелъ надпись, гдѣ, послѣ обычной фразы: «изволеніемъ Отца и поспѣшеніемъ Сына и совершеніемъ

Святаго Духа,» сказано слѣдующее: пусть знатоки Славянской тайнописи постараются разгадать третью и четвертую строку:

ПОВЄЛѢНЇ҃, ЄРЬМОНА҃, И ИГЪМЕНА
КРИ (*такъ*) ѲЄѠ҃РА, И Г҃НА ВОЄВОДѢ МИЛЮ̈,
ҖЦХЅВЪѠН, СѠФѮЬ, КЬѠѲВЪЬ, КЛКЬ
ѠҖЦѲЪВЕ Ѩ, ТѴНѠѾѲ, БЪДИМЛЮ.
СЬВРЬШИСЄ, СЇИ, С҃ТЫЇ, ХРА҃, АРХЇСТРАТЇГА,
МИХАИЛА, Ѿ БЫТЇА, ВЬ ЛЕТО ҂З
С. Ѳ. А҃, А Ѿ РОЖ҃ЬСТВА Х҃ВА, ҂АФЧ҃А.
КРЪГЬ СЛНЦЪ, ЄI҃, А ЛѴ҃. В҃I, ИНДИКТИѠН,
ДГ҃, ТЄ҃ЛИѠ҃, ЄI҃, ДНЬ, З҃.
ЗЛАТОЄ ѴИСЛО, ЄI҃, ЄПАХТА
ЛЕТЪ, Д҃, ЄПАХТА МЄ҃ЦЄ҃, МРТЬ. Є҃, М҃ЦА
АВЬГЪСТА, КВ҃, ДН҃Ь.

Грустный видъ представляетъ обитель Св. Михаила. Она пророчитъ будущую участь Довольскаго монастыря. Такихъ монастырей есть еще два въ Колашинѣ, на Tарѣ: Добриловина и Ближкова. Хотѣлось пробраться и туда, но нужно было употребить на это два или три дня, а времени рѣшительно не было. Пусть кто нибудь другой поѣдетъ въ Колашинъ и посмотритъ, не осталось ли въ Добриловинѣ и Ближковѣ старыхъ брошенныхъ рукописей, какихъ я нашелъ въ Михайловскомъ монастырѣ.

За монастыремъ этимъ предстояли мѣста опасныя, но я принялъ свои мѣры, попросилъ любезнаго ко мнѣ старика, Эминъ-эфенди, Таслиджинскаго мудира, предупредить о моемъ прiѣздѣ начальника баши-бузуковъ, расположенныхъ въ Дробнякахъ, по Черногорской границѣ. Отъ монастыря мы скоро спустились къ перевозу на р. Тарѣ, одному изъ рѣдкихъ перевозовъ на этой быстрой, холодной горной рѣкѣ, которая скована почти по всему своему теченiю гладкими, отвѣсными скалами. Переправившись съ лошадьми на широкой лодкѣ, мы тот-

часъ стали подыматься, и на такую крутизну, какихъ немного встрѣчали даже въ Герцеговинѣ. Болѣе часу подымались мы; на половинѣ горы я принужденъ былъ слѣзть съ своего неутомимаго коня, на которомъ не боялся взбираться ни на какія высоты; но моя свита, давно уже спѣшившаяся, объявила, что дальше ѣхать рѣшительно не возможно, и дѣйствительно, вскорѣ пришлось карабкаться почти на четверинкахъ по голымъ скаламъ; какъ лошади тутъ могли пройти, имъ однимъ извѣстно. Наконецъ, выбившись изъ силъ, добрались мы до верху и увидѣли передъ собою обширную равнину, а на равнинѣ, почти на самомъ краю обрыва, цѣлый бивуакъ Арнаутовъ-Тосковъ въ ихъ живописныхъ фустанеллахъ. Какъ только мы появились, Арнауты вскочили на ноги, и красивый, еще безъусый юноша съ широкимъ, вышитымъ золотомъ, поясомъ, весь обвѣшенный дорогимъ оружіемъ, вышелъ впередъ и сказалъ: «*хошъ гелдынъ* (добро пожаловалъ), давно мы тебя ожидаемъ! Присядь съ нами, отдохни!» Я былъ удивленъ такой блистательной встрѣчѣ цѣлымъ отрядомъ, и моему испуганному воображенію тотчасъ предсталъ ужасающій рядъ Турецкихъ церемоній. Но нечего было дѣлать: я попался въ плѣнъ гостепріимству баши-бузуковъ. Тотчасъ постлали коверъ, и юноша, начальникъ отряда, усадилъ меня подлѣ себя и сталъ потчивать трубкою и чернымъ кофе. Ничего для меня не можетъ быть отвратительнѣе чернаго кофе послѣ усталости, когда горло пересохло, голова горитъ и сердце бьется усиленно, а Турки именно тогда и наслаждаются имъ. Я изъ вѣжливости подержалъ чашку въ рукѣ, обмочилъ въ ней губы, отдалъ ее прислуживавшему Арнауту и, чтобы не обратили вниманія на невыпитое кофе (мои хозяева могли бы счесть это за знакъ, что я боюсь отравы) поспѣшилъ спросить: «гдѣ мы? что это за мѣсто? какія это скалы?» — «Это, говоритъ мнѣ въ отвѣтъ одинъ изъ Арнаутовъ, переводчикъ, снѣжное поле Езеро, а эта гора, которую ты тамъ видишь впереди, за полемъ, это Дормиторъ. Нѣтъ выше

горы во всей этой землѣ. Черезъ эту гору тебѣ придется ѣхать, когда отправишься, *ако Богъ да* (если Богъ дастъ), въ Пиву. *Валлахъ*, мы слышали, что въ вашей землѣ холодно, но *валлахъ*, здѣсь еще холоднѣе. Воды у насъ нѣтъ; и лѣтомъ и зимою пьемъ топленный снѣгъ; имъ поимъ лошадей. Болѣе шести мѣсяцевъ въ году снѣгъ лежитъ въ полѣ, а съ горы никогда не сходитъ. Ничего не родится на Езерѣ, ни какое жито. *Валлахъ*, это такая стоянка, что хуже быть не можетъ!»

«И васъ здѣсь держатъ постоянно?» спросилъ я, въ сердечномъ состраданіи къ бѣднымъ Тоскамъ, привыкшимъ къ теплому небу Эпира и фустанеллы которыхъ едва-ли служатъ хорошею защитою отъ холода (впрочемъ, многіе изъ нихъ имѣли бурки на плечахъ.)

— «Какъ же, вотъ ужъ который годъ сидимъ на Езерѣ.»

Зачѣмъ же?

«Это, Карадагъ (такъ: Черногорія),» отвѣчалъ онъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій. Одно имя Черногоріи довольно краснорѣчиво для Турка.

«Ну, а скажите, пожалуйста, какъ зовутъ эту скалу надъ нами? На ней, никакъ, стѣна?»

— «Да, есть стѣна; это старинный *градъ*, теперь *баталь* (разрушенный); а какъ его зовутъ, *валлахъ* не знаю. Эй, *море* (*море* — восклицаніе при обращеніи къ низшему), какъ зовутъ *градъ*, что вонъ тамъ на скалѣ? крикнулъ онъ одному изъ погонщиковъ Христіанъ, сидѣвшихъ поодаль.

— «Пирлиторъ, Момчиловъ градъ.»

«Какъ, это Пирлиторъ!» вскрикнулъ я отъ удивленія, что мы такъ прозаически сидимъ съ трубками у подножія скалы, съ которою связано самое поэтическое преданіе народной Сербской поэзіи, и что жители такъ равнодушно произносятъ имя Пирлитора, а баши-бузуки, квартирующіе тутъ цѣлые годы, даже не знаютъ его. «Неужели это Пирлиторъ?» сказалъ я опять.

— «*Это, кажу: Пирлиторъ према Дормитору**) (такъ вотъ, говорятъ: Пирлиторъ насупротивъ Дормитора), продолжалъ равнодушно погонщикъ. На Дормиторъ перелеталъ съ Пирлитора Момчило на крылатомъ конѣ, когда отправлялся на охоту.»

Очень хотѣлось мнѣ взобраться на Пирлиторъ, но мнѣ сказали, что это ужасно трудно, что надобно карабкаться по гладкимъ скаламъ и что притомъ на верху ничего нѣтъ, кромѣ куска старой стѣны и груды камней. Я видѣлъ, что моимъ хозяевамъ, баши-бузукамъ, и безъ того надоѣло ждать меня съ утра, и рѣшился не раздражать ихъ. Потому, когда меня спросили, отдохнулъ ли я и хочу ли ѣхать, я безпрекословно сѣлъ верхомъ и отправился въ дальнѣйшій путь, вспоминая только превосходную картину Пирлитора, начертанную народнымъ пѣвцомъ. Вѣрнѣе, живѣе, граціознѣе этой картины природы вы не встрѣтите ни въ какой народной поэзіи, и я смѣло скажу, что начало пѣсни о Момчилѣ есть лучшій цвѣтокъ Сербскаго эпоса. Описаніе холодной, суровой природы, царствующей у подножія Дормитора, сравнительно съ теплымъ, благорастворенным воздухомъ окрестностей Скутарскаго озера, куда злодѣй Волкашинъ хотѣлъ сманить владычицу Пирлитора, Видославу, всегда привлекало меня своею красотою; но какъ оно поразило меня, когда я побывалъ въ этихъ мѣстахъ и видѣлъ своими глазами всю типическую вѣрность этихъ этихъ образомъ! Прочтемъ начало пѣсни:

«Письмо пишетъ Жура Вукашинъ въ бѣломъ Скадрѣ (Скутари) на Боянѣ и шлетъ его въ Герцеговину, въ бѣлый *градъ* Пирлиторъ, въ Пирлиторъ насупротивъ Дормитора, къ Видосавѣ подругѣ Момчиловой, тайно пишетъ и тайно шлетъ письмо, въ письмѣ говоритъ такимъ образомъ: «Видосава, подруга Момчилова! Что тебѣ дѣлать въ этомъ льду и снѣгу? Когда посмотришь съ *града* вверхъ надъ собою, ничего не видишь хорошаго, видишь

---

*) Эти слова поются въ народной пѣсни.

только бѣлую вершину Дормитора, обложенную льдомъ и снѣгомъ среди лѣта какъ среди зимы. Когда посмотришь съ *града* внизъ, тамъ мутна течетъ волнистая Тара, она валитъ деревья и камни, на ней нѣтъ ни брода ни моста, около ея все боръ да скалы. Нѣтъ, ты отрави воеводу Момчилу, отрави его или выдай мнѣ и пріѣзжій ко мнѣ въ ровное Приморье, въ бѣлый Скадръ на Боянѣ. Я возьму тебя себѣ вѣрною подругою и ты будешь госпожею королевою, будешь прясть шелкъ на золотомъ веретенѣ, прясть шелкъ, на шелку сидѣть, носить бархатъ и жженое золото. А какъ хорошъ Скадръ на Боянѣ! Когда посмотришь на гору надъ *градомъ*, тамъ все растутъ смоковницы и маслины и еще гроздья-виноградъ. Когда посмотришь съ града внизъ, тамъ у тебя растетъ бѣлая пшеница, а кругомъ все зеленый лугъ, черезъ лугъ течетъ зеленая Бояна, въ ней плаваетъ всякая рыба: какъ только захочешь, кушай свѣжую!»

Оставимъ пока народную пѣснь и воротимся къ дѣйствительности. Дѣйствительность, въ которую я попалъ, была престранная. Когда теперь подумаешь о днѣ, проведенномъ у башибузуковъ, кажется, какъ будто бы все это видѣлъ во снѣ. Я ѣхалъ важно, шажкомъ, рядомъ съ моимъ юнымъ хозяиномъ, Сейфулла-беемъ. Кругомъ гарцовалъ весь отрядъ, человѣкъ въ 50. Тоски хотѣли показать передъ иностранцемъ свое молодечество: обскакивали другъ друга по просторному полю, приклонившись грудью къ шеѣ лошади, гикали, стрѣляли на всемъ скаку. При отрядѣ былъ шутъ; онъ гарцовалъ на чахлой клячѣ, съ какимъ-то барабанчикомъ въ рукѣ, безпрестанно колотилъ въ него и поминутно произносилъ отрывочную фразу или затягивалъ пѣсню, коверкая лицо и выводя голосомъ дикія и смѣшныя ноты; часто слова его и ужимки вызывали хохотъ. Не подтрунивалъ ли онъ надъ странною фигурою Москова? Я спрашивалъ, что это за личность. Мнѣ сказали, что такой шутъ непремѣнная принадлежность отряда Тосковъ, что безъ него отрядъ жить не можетъ. Наконецъ мы пріѣхали въ главную

квартиру. Она состояла изъ нѣсколькихъ двухъ-этажныхъ избушекъ, которыя Тоски нарочно себѣ срубили возлѣ деревни Езеро; впрочемъ большая часть отряда была расположена по избамъ Христіанъ въ Езерѣ и Дробнякахъ. Меня повели въ самую большую изъ этихъ баракъ, гдѣ квартировалъ начальникъ отряда; но и она не отличалась особеннымъ конфортомъ: въ нижнемъ этажѣ помѣщались лошади, въ верхнемъ жилъ самъ офицеръ; весь этажъ состоялъ изъ одной комнаты съ каминомъ безъ трубы, дымъ выходилъ въ окна, т. е. въ два маленькихъ отверзтія, которыя закрывались доскою; когда не было слишкомъ много дыма, доску опускали, и обитатели оставались въ темнотѣ. Вездѣ были щели, и дуло страшно, потому что на высотѣ Езера всегда бываетъ холодно, даже среди лѣта. Каково жить въ такомъ домѣ зимою! Хозяинъ гостепріимно отвелъ мнѣ одинъ уголъ комнаты, а самъ расположился въ другомъ, извиняясь, что это единственное у него помѣщеніе. Дымъ ѣлъ глаза; вообще жилье было не совсѣмъ пріятное. Не весела была также бесѣда съ Сейфулла-беемъ черезъ переводчика. Но тутъ я узналъ нѣсколько объ организаціи Албанскихъ башибузуковъ, отъ которыхъ такъ тяжело приходится Христіанамъ въ Герцеговинѣ. Организація эта основана на частной спекуляціи и на родовомъ бытѣ. Казна назначаетъ извѣстную сумму: кто нибудь изъ знатныхъ Албанцевъ беретъ ее и обязуется за эти деньги набрать отрядъ въ столько-то всадниковъ съ лошадьми; онъ же содержитъ ихъ, платитъ имъ жалованье по частному уговору, а самъ за все это оптомъ получаетъ деньги изъ казны. Главный подрядчикъ обращается къ родоначальникамъ и вербуетъ ихъ въ службу съ охотниками изъ ихъ *фисовъ*. Такимъ родоначальникомъ былъ и мой хозяинъ, Сейфулла-бей; весь отрядъ его былъ связанъ съ нимъ родовыми узами. Главный же подрядчикъ, Шахимъ-бей, начальникъ всѣхъ башибазуковъ въ Герцеговинѣ, находился тогда, кажется, въ Гацкѣ. При мнѣ Сейфулла-бей получилъ отъ него письмо и про-

челъ при мнѣ нѣсколько строкъ: письмо было по-Гречески. Будучи полными хозяевыми отряда, начальники, разумѣется, стараются класть деньги въ карманъ и предоставляютъ своимъ баши-бузукамъ брать у жителей для своего продовольствія насильно все, что имъ угодно; но иногда и винить ихъ даже нельзя. Такъ, напримѣръ, Сейфулла разсказывалъ мнѣ (и эта была дѣйствительная правда), что Шахимъ-бей уже нѣсколько мѣсяцевъ не получалъ изъ казны ни одного піастра и, чтобы платить своимъ людямъ жалованье, задолжалъ въ Сараевѣ ужасно; какое же средство оставалось для продовольствованія отрядовъ, какъ не грабежъ жителей? Потому-то Христіанамъ въ Езерѣ и Дробнякахъ житья не было отъ баши-бузуковъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ они не переставали приносить жалобы то въ Таслиджѣ мудиру, то въ Мостарѣ губернатору, то въ Сараевѣ генералъ-губернатору. Толку никакого не было; мудиръ, губернаторъ и генералъ-губернаторъ обѣщали всякій разъ, что ихъ жалобы будутъ разсмотрѣны, что баши-бузуки будутъ впредь давать расписки въ забираемомъ продовольствіи и что по этимъ распискамъ будутъ въ послѣдствіи выплачены деньги. Дѣло кончилось тѣмъ, что жители Езера и Дробняковъ однажды собрались и попросили баши-бузуковъ удалиться, а когда тѣ отказали, выгнали ихъ изъ своего края. Я никакъ не ожидалъ, когда гостилъ у милаго Сейфулла-бея, что не далѣе, какъ черезъ три мѣсяца, съ нимъ случится такая непріятность.— А угощалъ онъ меня на славу, на сколько можно было оказать любезности въ такомъ жилищѣ. Для меня нарочно изжарили огромнаго барана (конечно, украденнаго у жителей). Я удивился, видя, что мой хозяинъ и сѣвшіе съ нами за столъ двое Арнаутовъ, изъ которыхъ одинъ, пожилой и многоопытный, казался дядькою молодаго бея (онъ же служилъ намъ переводчикомъ), не прикасались ни къ водкѣ, ни къ мясу, а начали и продолжали свой обѣдъ кислымъ и прѣснымъ молокомъ. «За чѣмъ же вы меня одного заставляете ѣсть баранину и пить

ракію?» спросилъ я наконецъ. «Да такъ, у насъ постъ», отвѣчалъ дядька, тономъ человѣка нѣсколько сконфуженнаго. «Неужели у васъ теперь постъ? спросилъ я опять: вѣдь рамазанъ вашъ давнымъ-давно прошелъ». — «Нѣтъ, это не настоящій постъ, а такой ужъ обычай у насъ, у Тосковъ: недѣли двѣ не ѣдимъ мяса, не пьемъ водки, да и воды не смѣемъ пить, и только питаемся хлѣбомъ и молокомъ. Да вотъ скоро конецъ посту: почти въ то же время, когда *Христіанъ-милетъ* (Христіанскій народъ) разгавливается, кончается и нашъ постъ». Это совпаденіе во времени наводитъ на мысль, что странный постъ, соблюдаемый Тосками-Мусульманами, есть остатокъ Успенскаго поста: только Тоски вычисляютъ какъ-то время своего поста по лунѣ, и потому онъ иногда расходится на нѣсколько дней съ Христіанскимъ.

Послѣ обѣда, который былъ собственно ужиномъ для моихъ собесѣдниковъ, хотя его подали рано, до захожденія солнца, нужно было опять разговаривать: представьте себѣ, о чемъ станешь бесѣдовать съ Арнаутами баши-бузуками? Кнезы (старосты) окрестныхъ деревень пришли-было посмотрѣть на меня, посидѣли возлѣ двери на полу, робко спросили меня о здоровьѣ и отправились восвояси. Я рѣшился наконецъ, хотя и было рано, выразить желаніе спать. Внесли мой дорожный тюфякъ; Сейфулла-бей тоже сталъ приготовляться къ покою; снялъ съ себя оружіе и положилъ возлѣ себя, скинулъ шитую золотомъ куртку и блестящій поясъ, обвязалъ голову платкомъ, закутался въ бурку и легъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ; я тоже закутался въ теплую шинель, но къ утру озябъ препорядочно.

На слѣдующій день мы поѣхали въ Пиву. Езерскій кнезъ (староста) взялся мнѣ сопутствовать; онъ былъ вооруженъ, какъ и всѣ Христіане въ этихъ пограничныхъ съ Черногоріею мѣстахъ. Передъ нами стояла громадная цѣпь Дормитора, вся покрытая снѣгамъ. Она представляетъ глазу почти ровную черту, только съ двумя нѣсколько выдающимися вершинами. Вся она

состоитъ изъ скалъ. У подножія ея видна впадина, въ которой растетъ сосновый лѣсъ и въ серединѣ которой находится озеро. Народъ разсказываетъ, что тутъ былъ монастырь: когда Св. Сава ходилъ и «просвѣщалъ землю» (такъ разсказывалъ мнѣ Езерскій *кнезъ*), онъ пришелъ и въ этотъ монастырь. Погостивъ тамъ, онъ хотѣлъ отправиться дальше, какъ вдругъ игуменъ остановилъ его, обвиняя, что онъ укралъ у него пѣтуха; Св. Сава отвѣчалъ, что отъ роду не кралъ ничего; игуменъ схватился за его *бисаги* (кожаныя сумки, привязаемыя къ Турецкому сѣдлу), и дѣйствительно, пѣтухъ былъ тамъ: самъ игуменъ, почему-то ненавидѣвшій просвѣтителя, его туда запряталъ. Видя такую злобу, Св. Сава проклялъ монастырь; монастырь провалился сквозь землю, а на мѣсто его выступило озеро. Изъ этого озера потомъ стали выходить по ночамъ крылатые кони и паслись на лугу; въ ихъ табунъ попала однажды кобыла, принадлежавшая воеводѣ Момчилѣ, властителю *града* Пирлитора, и отъ нея родился у Момчилы крылатый конь, по имени Ждраль [1]). Пока Момчило владѣлъ этимъ конемъ, онъ не боялся никого на свѣтѣ. Но Вукашинъ, который «сидѣлъ» въ Скадрѣ [2]), склонилъ къ измѣнѣ жену Момчилову, Видосаву; она спалила крылья у коня, и потомъ, когда Вукашинъ подступилъ къ Пирлитору, впустила его въ *градъ* и выдала ему Момчилу. Убивъ воеводу, Вукашинъ сказалъ Видосавѣ: «коли ты могла выдать такого человѣка, какъ Момчило, то меня выдашь подавно», и отрубилъ ей голову, а взялъ себѣ женою ея сестру, молодую Евросиму [3]), которая родила ему «юнака изъ юнаковъ», Марка Королевича. Вотъ преданія, которыя разсказываются жителями въ окрестностяхъ Дормитора.

Мы взяли нѣсколько вправо отъ главной высоты Дормитора и поднялись на каменистую гору Кршень; на ней уже стало

1) Въ народной пѣсни, напечатанной Вукомъ Караджичемъ, этотъ конь названъ Ябучило.
2) Т. е. управлялъ Скадромъ.
3) Евфросинію.

ужасно холодно; за горою мы проѣхали нѣсколько котлообразныхъ углубленій, покрытыхъ тощею травою и усыпанныхъ камнемъ, и наконецъ поднялись на перевалъ черезъ хребетъ; перевалъ этотъ называется Седло; очертаніе горы дѣйствительно представляетъ форму сѣдла, съ двумя высокими луками. Во многихъ мѣстахъ лежалъ снѣгъ, вѣтеръ дулъ порывисто. По ту сторону хребта мы ѣхали по нагорнымъ плоскостямъ, постепенно понижающимся и перерѣзаннымъ въ разныхъ направленіяхъ скалистыми высотами. На нѣкоторыхъ изъ этихъ плоскостей попадались такъ называемые *катуны*, т. е. избушки, сколоченныя на живую нитку изъ досокъ, гдѣ поселяются на лѣто жители сосѣднихъ деревень, выгоняющіе свои стада въ горы. *Катуны*, чрезъ которые мы проѣхали (Студена и Николинъ долъ) принадлежатъ жителямъ Дробняковъ; каждая деревня въ Дробнякахъ имѣетъ свой нагорный *кáтунъ*; собственныя деревни, лежащія въ нижнихъ долинахъ, оставляются лѣтомъ почти пустыми, потому что Дробнячане, имѣя весьма мало полей, живутъ преимущественно стадами своихъ овецъ [1]). Въ катунѣ Студеной Дробнячане встрѣтили меня съ необыкновеннымъ радушіемъ; женщины не попрятались отъ иностранца; даже онѣ, разговаривая со мною, твердили слова сочувствія, какія Русскій путешественникъ такъ часто слышитъ отъ Православныхъ Сербовъ, простолюдиновъ: «Бога ми, кадъ смо те видили, како сунце насъ огрияло (ей Богу какъ мы тебя увидали, точно солнце насъ пригрѣло)». Наповалъ накормили меня и весь мой караванъ эти добрые люди густымъ, вкуснымъ овечьимъ молокомъ и творогомъ и не хотѣли даже принять никакой платы.

Наконецъ, переѣхавши хребетъ Дугу-планину и утомившись порядочно отъ 6-часовой ѣзды, мы добрались до края глубокаго, обрывистаго спуска, называемаго Борковичи, которымъ кончается возвышенность, составляющая Дробняцкую

---

1) Многіе жители селеній, прилегающихъ къ Дормитору, промышляютъ также, какъ мнѣ говорили, охотою на медвѣдей.

нахію. Мы перерѣзали такимъ образомъ въ этотъ день западную, довольно узкую, часть этой нахіи. Главныя поселенія Дробнячанъ остались у насъ налѣво. На краю обрыва мнѣ показали всю массу горъ, принадлежащихъ храбрымъ Дробнячанамъ; вдалекѣ виднѣлась долина, гдѣ лежитъ главное ихъ село, называемое Дробнякъ, а еще лѣвѣе, цѣпь высотъ означала Черногорію. Съ часъ спускались мы съ Борковичей пѣшкомъ по скаламъ, держась извилистой тропинки; безпрестанно попадались намъ на встрѣчу и сторонились сходившіе съ разныхъ сторонъ и по разнымъ тропинкамъ съ той же возвышенности вооруженные длинными ружьями Христіане въ курткахъ изъ коричневаго сукна съ красными, чалмообразными повязками на головѣ, съ суровыми, воинственными лицами, и женщины, по большей части щедушныя и смуглыя, въ сшитыхъ обрубкомъ платьяхъ изъ такого же сукна, увѣшанныя серебряными бляхами и монетами, съ бѣлыми платками, висящими съ головы на плечи. Былъ день Успенія. Весь Православный людъ изъ окрестности стекался на храмовой праздникъ къ Пивскому монастырю; мы встрѣчали запоздалыхъ.

Мы спустились наконецъ въ узкую, теплую долину, поросшую дубовымъ лѣсомъ и переправились въ бродъ черезъ двѣ рѣчки, прозрачныя какъ хрусталь, Комарницу и Синяцъ, которыя близъ этого мѣста сливаются и образуютъ рѣку Пиву. Слѣдуя по ней, мы черезъ полчаса достигли обширнаго монастыря, окруженнаго со всѣхъ сторонъ горами. Дворъ монастырскій былъ наполненъ народомъ, но не тѣмъ забитымъ, исхудалымъ народомъ, какой я видѣлъ въ Ильинъ-день на дворѣ Баньскаго монастыря въ Босніи, а людьми свѣжими, рослыми, дюжими, осанистыми, гордо носящими свое оружіе и не утратившими еще на лицѣ выраженія свободы и достоинства. Среди Дробнячанъ и Пивлянъ въ ихъ коришневыхъ курткахъ и красныхъ чалмахъ рѣзко выдавались *бѣлачи* (бѣлые кафтаны) и черныя шапочки Никшичей, пришедшихъ въ монастырь съ юга, и Черногор-

цевъ, которымъ перемиріе позволяло переходить границу. Мое появленіе было неожиданно. Услышавъ, что пріѣхалъ Русскій путешественникъ, вся толпа бросилась ко мнѣ съ радостными лицами и привѣтствіями. Желая избавиться отъ нея, я поскорѣе спросилъ, гдѣ игуменъ; игуменъ не показывался, но черезъ нѣсколько минутъ мнѣ пришли сказать, что онъ ждетъ меня въ церкви. Я пошелъ въ церковь, и игуменъ встрѣтилъ съ крестомъ и евангеліемъ Русскаго гостя.

XXII.

Монастырь Пива. Обратный путь до Сараева.

Церковь Пивскаго монастыря самая большая и красивая во всей Герцеговинѣ. Она посвящена Успенію Пресв. Богородицы. Построена она изъ красноватаго, твердаго камня, имѣющаго видъ гранита. Объемъ ея весьма значителенъ, сравнительно съ другими церквами въ тѣхъ странахъ: ширина 50 ступней, длина 88, но изъ нихъ 20 приходится на транезу, которая наглухо отгорожена отъ главной церкви стѣною и соединяется съ нею только небольшею дверью. Окна не велики. Собственно купола нѣтъ, а надъ сводомъ церкви выстроена кругомъ стѣна (какъ будто бы низъ недоконченнаго широкаго купола) и покрыта выпуклою свинцовою крышею. Оттого зданіе имѣетъ видъ чего-то недостроеннаго, и церковь, не освѣщенная сверху, внутри весьма темна. Стѣны внутри церкви покрыты живописью, которая однако же далеко уступаетъ въ изяществѣ фрескамъ тѣхъ древнихъ храмовъ, какіе я видѣлъ въ Старой Сербіи. — Ризами и утварью Пива богаче всѣхъ другихъ Герцеговинскихъ церквей; она въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго получила много вкладовъ изъ Россіи.

Есть въ Пивской церкви надпись, которая свидѣтельствуетъ, что храмъ былъ построенъ въ 1604 — 1606 годахъ.

Фактъ замѣчательный и для меня еще не разгаданный, какимъ образомъ въ восточной Герцеговинѣ построено было такъ много Православныхъ церквей и монастырей въ теченіе XVI и XVII столѣтій, именно въ эпоху самаго жестокаго насилія Турецкаго. Видно, этотъ гористый и неприступный край еще не былъ въ то время вполнѣ завоеванъ Турками, или Турки по крайней мѣрѣ еще не успѣли сломить въ немъ энергію народа и разорить его. Напротивъ того, въ другихъ краяхъ, въ Босніи, въ Старой Сербіи, въ западной Герцеговинѣ XVI и XVII столѣтія ознаменованы были истребленіемъ большей части существовавшихъ Христіанскихъ храмовъ.

Пивскій монастырь долженъ служить средоточіемъ Православной жизни для полунезависимыхъ *нахій* Герцеговинскихъ, прилегающихъ къ сѣверо-западной части Черногоріи (для Колашина, Шаранцевъ, Езера, Дробняковъ и Пивской волости), точно также какъ извѣстный намъ монастырь Дужи составляетъ такое же духовное средоточіе для полунезависимыхъ Герцеговинскихъ *нахій* на юго-западъ отъ Черногорской границы. Но къ сожалѣнію, Пивскій монастырь не производитъ на окрестную страну того благодѣтельнаго вліянія, какое имѣетъ (или по крайней мѣрѣ имѣла до разоренія Турками въ прошломъ году) Дужская обитель. Пивская братія еще, кажется, не ощутила потребности въ образованіи и въ содѣйствіи къ просвѣщенію народа. Хотя ея средства, сравнительно съ другими монастырями Герцеговины, могутъ быть названы порядочными, однако она еще не позаботилась объ устройствѣ училища въ своихъ стѣнахъ. Образованіе Пивскихъ монаховъ находится въ плачевномъ состояніи.

Мое положеніе въ Пивѣ было пренепріятное. Я пріѣхалъ туда, какъ сказано, въ храмовой праздникъ и засталъ въ монастырѣ огромную толпу народа. Мнѣ отвели небольшую кел-

лію. Народъ такъ и ломился туда, всякій хотѣлъ посмотрѣть на Московскаго гостя и поговорить съ нимъ. Между трезвыми рѣчами слышались и пьяныя, и къ вечеру все болѣе и болѣе умножались. Я принужденъ былъ поставить въ корридорѣ своего слугу часовымъ, чтобы какъ нибудь оградить себя отъ любопытныхъ. Была такая кутерьма и неурядица, что я не могъ разспросить толкомъ никого, ни изъ монаховъ, ни изъ богомольцевъ. Народъ въ этихъ странахъ такъ напуганъ, что только наединѣ рѣшается говорить откровенно даже о самыхъ простыхъ вещахъ, въ которыхъ нѣтъ, по видимому, ни малѣйшаго секрета, а въ моей комнатѣ, какъ я ни старался, постоянно было сборище и толкотня. Это мнѣ подъ конецъ такъ надоѣло, что я заперся и сталъ просматривать груду рукописей, которыя велѣлъ принести мнѣ изъ церкви обязательный игуменъ.

Прежде однако пришлось мнѣ высидѣть добрыхъ полъ-часа съ Пивскимъ мудиромъ (или, вѣрнѣе сказать, намѣстникомъ Гацкаго мудира, къ округу котораго причислена и Пивская нахія). Турокъ этотъ ничѣмъ не былъ замѣчателенъ, и я не упомянулъ бы о немъ, если бы меня не поразили его отношенія къ Христіанамъ. Въ другихъ мѣстахъ Христіане дрожатъ и склоняются передъ мудиромъ; въ Пивѣ (а также въ прочихъ пограничныхъ нахіяхъ) они съ нимъ за панибрата, безцеремонно садятся подлѣ его, треплютъ его по плечу и гордо носятъ въ его присутствіи свое оружіе. Вмѣстѣ съ мудиромъ вошли ко мнѣ двое Христіанъ, воеводы Пивскій и Дробняцкій, выборные отъ народа старшины обоихъ племенъ, и я легко замѣтилъ, что мудиръ мой боялся воеводъ, какъ огня, и низко имъ кланялся. Мудиръ живетъ въ Пивскомъ *градѣ*, старинной крѣпостцѣ, на горѣ, въ $^1/_2$ часѣ отъ монастыря; тамъ стоитъ не большой гарнизонъ Турецкій. Турецкая власть не вмѣшивается въ управленіе этихъ племенъ, и только получаетъ съ нихъ подать. Въ Пивѣ считаютъ, по переписи, 270 домовъ, въ Дробнякахъ вмѣстѣ съ Шаранцами — 300; съ каждаго дома шло въ

казну 126 піастр. (около 6 руб.) *порѣза*, 150 піастр. (около $7\frac{1}{2}$ р.) *войницы* (выкупа отъ рекрутства) и 3 червонца (9 р.) *десятины*: стало быть, подать не малая. Но Христіане несли ее безропотно, пользуясь внутреннимъ самоуправленіемъ и распредѣляя налоги между собою по приговору сходки; они охотно давали также своимъ агамъ четвертую часть урожая, потому что аги (Мусульмане, обитающіе въ Никшичахъ) тоже не вмѣшивались въ ихъ дѣла и довольствовались полученіемъ законнаго. Этотъ порядокъ вещей, выгодный и для Турецкаго правительства и для Христіанъ, могъ бы существовать долго, и Туркамъ нечего было опасаться отпаденія этого края; ибо Пивляне и Дробнячане не совсѣмъ ладили съ Черногорцами, имѣя съ ними часто пограничныя распри и стычки, и желали только оставаться спокойными подъ властію Султана. Но, къ несчастію, вздумали поставить къ нимъ гарнизоны Албанскихъ баши-бузуковъ, а я уже разсказалъ, какъ эти гости поступали съ своими хозяевами. Возстаніе, котораго баши-бузуки были причиною, повлекло за собою страшныя бѣдствія, и одинъ Богъ знаетъ, что теперь станется съ несчастными Христіанами въ Пивѣ и Дробнякахъ.

Я упомянулъ о томъ, что жители этихъ нахій отдавали своимъ агамъ четвертую часть урожая. Нужно однако замѣтить, что не всѣ Христіане тамъ зависятъ отъ агъ; многіе въ послѣднее время откупили свои участки и теперь владѣютъ ими какъ полные собственники, чего нѣтъ въ другихъ мѣстахъ Босніи и Герцеговины. Я упомянулъ также о числѣ домовъ въ Пивѣ и Дробнякахъ; прибавлю, что число, означенное въ переписи и по которому взымалась подать, гораздо менѣе дѣйствительнаго. Я разспрашивалъ, нѣтъ ли тамъ такихъ домовъ, гдѣ живутъ нераздѣльно огромныя семьи, какъ въ нѣкоторыхъ Сербскихъ краяхъ, но мнѣ отвѣчали, что этого обычая въ Пивѣ и Дробнякахъ не знаютъ. Я разспрашивалъ также про устройство сходокъ: оказывается, что и тамъ, какъ въ другихъ мѣ-

стахъ Герцеговины, сходку составляютъ только главные хозяева; для общихъ дѣлъ племени, напр. для выбора воеводы, эти же хозяева собираются изъ всѣхъ деревень на общую сходку или скупштину. Общиннаго землевладѣнія нѣтъ. — Въ Пивской нахіи, кромѣ монастыря, есть еще небольшая сельская церковь въ Орашьѣ. Въ Дробнякахъ, какъ мнѣ сказывали, считается до 18 сельскихъ церквей и 2 монастыря, Св. Георгія подъ-Малинскою и Свв. Архангелъ въ Бѣлой; но все это въ ужасномъ упадкѣ. Въ Бѣлой еще совершается служба, но въ 1856 году умеръ единственный бывшій тамъ монахъ, и съ тѣхъ поръ служатъ въ обители только изрѣдка пріѣзжающіе изъ окрестныхъ селъ священники; въ Подмалинской живетъ одинъ монахъ, но служба уже тамъ не совершается. Всѣ сельскія церкви, кромѣ одной, осквернены были Турками во время похода Омеръ-паши на Черногорію (1853), и въ нихъ съ тѣхъ поръ не бываетъ службы; священники ограничиваются исполненіемъ требъ; только въ с. Превышѣ совершается еще литургія: тамошній священникъ, какъ и прочіе собратья его въ Дробнякахъ, носитъ, подобно Черногорскимъ іереямъ, народную одежду, брѣетъ бороду и ходитъ постоянно съ кинжаломъ и пистолетами за поясомъ и ружьемъ на плечѣ. Дробнячане чрезвычайно желали, чтобы къ нимъ прибылъ владыка, для освященія вновь ихъ церквей, но за это нужно было заплатить дорого, и они до сихъ поръ не могли согласиться.

Отъ Пивы до Сараева я ѣхалъ четыре дня, и на дорогѣ видѣлъ только шесть или семь деревень, да городъ Фочу. Цѣлый день ѣхали мы все по тѣмъ же голымъ каменнымъ хребтамъ и горнымъ плоскостямъ; изрѣдка встрѣчались маленькіе клочки обработанной земли, на плоскостяхъ разстилались коегдѣ пастбища и стояли лѣтніе *катуны*. Мы ночевали на чистомъ воздухѣ въ деревнѣ Церквицахъ, въ очень высокомъ и холодномъ мѣстѣ, расположившись около костра, на которомъ жарился барашекъ для нашего ужина. На другой день мы всту-

пили въ полосу лѣсистыхъ горъ и должны были полтора часа спускаться съ горы Хума къ р. Тарѣ. Возлѣ этой горы, возвышается другая, называемая Соколъ, и на скалистой вершинѣ ея видны развалины стариннаго *града* или замка. Мнѣ сказали, что въ этомъ градѣ жилъ храбрый Херцегъ (Герцогъ) Степанъ, титулъ котораго далъ имя странѣ, ему принадлежавшей. Дѣйствительно, *градъ* Соколъ упоминается въ Сербскихъ грамотахъ XV вѣка. Вся окрестность прозывается, по этому замку, Соколъ - нахія. Спускаясь съ Хума, на полу - горѣ, мы увидѣли близъ дороги, въ густой чащѣ, церковь, подъѣхали къ ней, и нашли двери и окна церкви разломанными, иконостасъ и св. престолъ разрушенными, живопись на стѣнахъ попорченною; зданіе красивое, хотя небольшихъ размѣровъ, и по видимому, довольно древнее. Теперь эта церковь служитъ Мусульманамъ загономъ для скота. Объ ней мнѣ ничего не удалось узнать. Мѣсто это называется Градиною. У подошвы горы начинаются обработанныя поля, покрытыя стволами роскошно растущей кукурузы и принадлежащія деревнѣ Заградье. Народъ разсказываетъ, что тутъ былъ въ старину городъ, именовавшійся Степанъ-полемъ. Народная память въ этомъ отношеніи не измѣнила исторической истинѣ. До насъ дошелъ договоръ, заключенный въ 1419 г. Сандалемъ Храничемъ, «великимъ воеводою Босанскимъ», съ послами Дубровницкой республики *на Стипаню-полю подъ Соколомъ* [1]). Переправившись на правый берегъ Тары на ветхой ладьѣ, мы ѣхали нѣсколько времени правымъ берегомъ этой рѣки, по узкой, прекрасной и не дурно обработанной долинѣ, заселенной по большей части Мусульманами. На противоположномъ берегу нависли надъ чудною, темнозеленою полосою рѣки громадныя сѣрыя скалы. Въ одномъ мѣстѣ, прорвавъ ихъ, вливается въ Тару другая быстрая рѣка, Сутиска или Сутѣска, такъ названная потому, что

---

1) Miklosich, Monum. CCLXXVIII.

она во всемъ своемъ теченіи *стиснута* между скалами. Съ противоположнаго, высокаго берега Тары глазъ далеко проникаетъ въ ущелье, въ которомъ клубится и пѣнится Сутиска; скалы этого ущелья съ обѣихъ сторонъ какъ будто бы вдались въ самую Тару и не хотятъ выпустить на свѣтъ Божій сдавленной ими рѣки. Спокойно плескались въ водѣ дикія утки, не боясь проѣзжихъ. — Мы переночевали у одного добраго старика-Мусульманина, землевладѣльца и вмѣстѣ съ тѣмъ земледѣльца, въ пустомъ домикѣ, который стоялъ у него въ саду, и на другой день довольно рано достигли города Фочи. Фоча лежитъ въ красивой мѣстности, на берегу той же рѣки Тары, но которая отъ сліянія съ Сутискою называется уже Дриною. Въ Фочѣ, какъ и во всей Фочинской нахіи, сильно преобладаетъ Мусульманская стихія. Въ городѣ считаютъ 600 Мусульманскихъ и только 69 Христіанскихъ (Православныхъ) домовъ. Христіане занимаютъ особый кварталъ (*махалу*), удаленный отъ остальнаго города. Между ними есть нѣсколько довольно зажиточныхъ торговцевъ. У нихъ до сихъ поръ не было церкви, а служба производилась подъ маленькимъ деревяннымъ навѣсомъ, подъ которымъ могъ помѣщаться только священнодѣйствующій; народъ стоялъ около навѣса, подъ открытымъ небомъ. Недавно, жители Фочи испросили разрѣшенія строить церковь, и начали сооружать ее въ большихъ размѣрахъ, изъ бѣлаго камня, во имя Св. Архангела Михаила; но за недостаткомъ средствъ, дѣло это подвигается очень медленно, и вѣроятно много лѣтъ еще пройдетъ, пока зданіе окончится. На церковномъ дворѣ есть небольшой домъ, недавно выстроенный и называемый Митрополіею: онъ, дѣйствительно, назначенъ для Герцеговинскаго архіерея; нынѣшній владыка, Григорій, очень полюбилъ Фочу и проводитъ тамъ много времени.

Осмотрѣвши Фочу, въ которой впрочемъ нечего было видѣть, кромѣ обыкновеннаго *мудира*, молодаго человѣка вновь назначеннаго (прежняго смѣнили по жалобѣ Мусульманъ, за

излишнюю справедливость въ отношеніи къ Христіанамъ), обыкновенной *чаршіи* или базара и обыкновенныхъ Герцеговинскихъ каменныхъ лачужекъ, я въ тотъ же день отправился далѣе и ночевалъ въ двухъ часахъ отъ города, въ большомъ селѣ Устиколинѣ, у переправы черезъ Дрину. Ночевалъ я на открытомъ воздухѣ, въ большомъ саду у одного Мусульманина, на возвышенномъ берегу рѣки. Проснувшись, я испугался: все платье было мокро, а надъ рѣкою висѣлъ такой густой бѣлый туманъ, какой я рѣдко видѣлъ. Я боялся лихорадки, но мнѣ сказали, что хотя Дрина лѣтомъ всякую ночь покрывается такимъ туманомъ, онъ однако никакого вреда не причиняетъ; и дѣйствительно, ни я, ни кто либо изъ моихъ спутниковъ не заболѣлъ. Устиколина лежитъ на лѣвомъ, высокомъ берегу рѣки; на противоположномъ берегу, въ довольно обширномъ полѣ, находился. по словамъ жителей, въ старину большой городъ, который былъ разрушенъ во время господства Турокъ и потомъ отстроился вновь въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Фоча. Есть тамъ, дѣйствительно, фундаменты какихъ-то строеній и даже церкви, какъ увѣряетъ народъ. На сосѣдней горѣ показываютъ слѣды древняго замка, называемаго Градацъ. Въ концѣ поля, о которомъ я говорилъ, есть село Цвилинъ: тутъ, мнѣ разсказывали, происходило большое сраженіе, когда Султанъ Магометъ-фетхи (завоеватель) шелъ покорять Боснію. Турки одержали побѣду. Какой-то Христіанинъ оказалъ имъ тогда услугу, и онъ былъ избавленъ, со всѣмъ своимъ потомствомъ, отъ всякихъ податей и оставленъ въ полномъ владѣніи своею землею: потомки его пользовались этимъ правомъ до введенія въ 1851 г. новыхъ порядковъ въ Босніи.

Отъ Устиколины до Сараева ѣхали мы 14 часовъ. Природа тутъ уже Боснійская: скалъ нѣтъ, очертанія горъ круглы, онѣ не такъ высоки и круты и всѣ покрыты лѣсомъ. Шесть часовъ странствовали мы по тропинкамъ и кромѣ сторожки пандуровъ, стоящей у границы между Герцеговиною и Босніею,

здѣсь впрочемъ не обозначающейся никакимъ естественнымъ предѣломъ, встрѣтили только одну жалкую деревушку. Къ намъ вышелъ изъ избы священникъ въ ободранномъ платьѣ и сталъ здороваться со мною на ломанномъ Нѣмецкомъ языкѣ. Меня это крайне удивило: Православный священникъ въ Босніи, встрѣчая незнакомыхъ людей, обращается къ нимъ по-Нѣмецки! Я спросилъ его, какой онъ уроженецъ. Онъ отвѣчалъ, что Сербъ *). Оказалось, что онъ былъ нѣсколько лѣтъ слугою у Австрійскаго полковника Стратимировича, и тамъ выучилъ нѣсколько Нѣмецкихъ фразъ. Полковникъ, отпуская его, желалъ дать ему награду и выхлопоталъ для него у Сараевскаго митрополита священническій санъ и приходъ въ Босніи. — Затѣмъ мы спустились въ небольшую долину, гдѣ выстроено нѣсколько хановъ и избушекъ (это мѣсто называется Прача) и выѣхали на большую Стамбульскую дорогу. Большая дорога, впрочемъ, относительно удобства для ѣзды, ничѣмъ не отличается отъ проселочныхъ тропинокъ. Еще восемь часовъ тащились мы, то въ гору, то подъ гору, то полянами; по дорогѣ чаще попадались проѣзжіе, видны были во многихъ мѣстахъ ханы для запоздалыхъ *кириджій* и путешественниковъ, встрѣчались мѣста воздѣланныя. Наконецъ, уже послѣ сумерекъ въѣхали мы въ узкое, скалистое ущелье Милячки, и не разъ должны были слѣзать съ лошадей и вести ихъ подъ уздцы, такъ тутъ дорога обрывиста и опасна. Въ темнотѣ ночной, по пустымъ улицамъ обширнаго города, достигъ я наконецъ, изнеможенный отъ длиннаго переѣзда, но въ вожделѣнномъ здравіи, своего Сараевскаго очага, покинутаго шесть недѣль тому назадъ.

---

*) Сербами, какъ извѣстно, обозначаютъ себя не только уроженцы Сербскаго княжества, но вообще всѣ *Православные* люди Сербскаго племени, Босняки, Герцеговинцы, Далматинцы, Черногорцы, Славонцы, Граничары, жители Бачки, Баната, Срема и т. *д.*

XXIII.

Поѣздка по средней Босніи. Католическіе монастыри Крешево и Фойница. Высоко.

И такъ вы совершили со мною, читатель, долгій путь на югъ Босніи и въ Старую Сербію и возвратились черезъ восточную Герцеговину. Вы ознакомились нѣсколько съ характеромъ и физіономіей этихъ странъ, съ ихъ гористою природою, старинными памятниками и нетронутыми Европейскою образованностью жителями. Другой путешественникъ съумѣлъ бы сказать вамъ, конечно, еще очень много любопытнаго объ этой странной землѣ; но у каждаго человѣка кругъ зрѣнія ограниченный, только нѣкоторые предметы поражаютъ его и остаются въ его памяти, другихъ онъ или не видитъ или не замѣчаетъ. Потому я не могъ бы вамъ сообщить много новаго, если бы сталъ описывать съ прежнею подробностью другія поѣздки, которыя я предпринялъ, въ томъ же 1857 году, по средней Босніи, а потомъ въ ея сѣверозападную часть: одно и то же повторялось бы съ нѣкоторыми измѣненіями и подъ разными названіями мѣстъ и лицъ. Позвольте же мнѣ, сдѣлать только бѣглый очеркъ средней и сѣверозападной Босніи и остановить тамъ ваше вниманіе лишь на нѣкоторыхъ замѣчательныхъ чертахъ.

Выѣдемъ изъ Сараева на сѣверъ. Пронесемся быстро мимо знакомыхъ уже мѣстъ, мимо Бани и источниковъ Босны; повернемъ на право по Травницкой дорогѣ и остановимся на Киселякѣ, гдѣ, около минеральнаго источника, славящагося во всей Босніи, собралось нѣсколько грязныхъ хановъ для помѣщенія Боснійскихъ «Curgäste». Мѣстность могла бы вполнѣ удовлетворить даже самую прихотливую публику: большое поле, нѣсколько быстрыхъ рѣчекъ, богатыхъ вкусною форелью, по берегамъ рѣчекъ тѣнистыя рощи, вблизи со всѣхъ сторонъ

не слишкомъ крутыя горы, покрытыя лиственнымъ лѣсомъ; съ горъ прекрасные виды. Когда нибудь, можетъ быть, и здѣсь водворится жизнь, воздвигнутся отели, откроются лавки. А теперь зато какъ гадко въ Турецкихъ ханахъ на Киселякѣ! Насъ собралось на Киселякѣ много народу, почти все Европейское общество, находившееся въ Сараевѣ. Компанію нашу составляли: любезный и веселый, весьма образованный и нѣсколько оригинальный Англичанинъ, много путешествовавшій на Востокѣ, бывшій въ плѣну въ Россіи и полюбившій, по его словамъ, Русскихъ, особливо дамъ; офранцузившійся Полякъ, выходецъ изъ Галиціи, премилый и тоже преоригинальный скептикъ и мизантропъ; насъ двое Русскихъ, мой дорогой сотоварищъ А. С. І. и я, и наконецъ, присосѣдившійся къ Европейскому обществу старецъ съ удивительно умной и благообразной физіономіей, съ сѣдой окладистой бородою, по имени Сыри-ефенди или, фамиліярно, Сыри-баба, Хоканецъ со стороны отца, Ташкентецъ со стороны матери, Персіанинъ по языку, исходившій всѣ Мусульманскія земли и поселившійся наконецъ въ Босніи, гдѣ онъ выучился порядочно по-Славянски, обзавелся семействомъ, былъ долго учителемъ въ Мусульманской школѣ, приговоренъ былъ однимъ изъ туземныхъ пашей къ смерти влитіемъ растопленнаго олова въ горло за то, что въ качествѣ либеральнаго *шіита*, пилъ вино (а не ракію), спасся вслѣдствіе внезапной смѣны этого паши, и кончаетъ теперь свою многоопытную жизнь въ мирной должности драгомана при Англійскомъ консульствѣ въ Сараевѣ: личность въ высшей степени замѣчательная. Къ этой компаніи прибавьте необходимую въ Турціи свиту, слугъ, кавазовъ, сеизовъ (конюховъ). Статный Ханджи, весь красный, отъ чалмы до туфлей, умилился, когда нашъ караванъ остановился передъ его ханемъ, но не смотря на его любезность, мы не рѣшились водвориться тамъ; ханджи долженъ былъ очистить для насъ свою *кофейню*, особое строеніе, стоящее на самомъ берегу рѣчки Крешевки: это

четвероугольный сарай (величаемый поэтическимъ именемъ кіоска, или, какъ Босняки его произносятъ, чошка) открытый со стороны рѣки, но защищаемый рядомъ большихъ ставень, отдѣленныхъ одна отъ другой только тонкими брусьями, которыя опускаются на ночь, а съ другихъ сторонъ совершенно закрытый; по срединѣ очагъ, на которомъ *кафеджи*, особый, состоящій при *ханѣ*, сановникъ, варитъ или, по туземному выраженію, *печетъ* кофе для посѣтителей; кругомъ, небольшое досчатое возвышеніе, на которомъ посѣтители эти сидятъ на грязныхъ коврахъ и наслаждаются видомъ и шумомъ воды и нависшихъ надъ нею ивъ. Въ крышѣ, широкое отверзтіе, выпускающее дымъ. Сарай этотъ мы взяли въ наше полное владѣніе, посѣтителей попросили удалиться, грязные ковры выбросили вонъ и расположились тутъ съ нашими тюфяками, столовыми приборами и разными неизвѣстными Боснякамъ утонченностями.

Мы рѣшились провести недѣлю на Киселякѣ. Но погода не благопріятствовала нашей Боснійской partie de plaisir. Дождь шелъ почти все время: Англичанинъ не могъ вполнѣ насладиться уженьемъ, остальная компанія гуляньемъ и купаньемъ. Водная публика также показывалась мало, и сидѣла въ тѣсныхъ и грязныхъ конуркахъ хановъ. Впрочемъ, я полагаю, что то же самое было бы и въ великолѣпнѣйшую погоду. Представьте себѣ способъ лѣченія на Боснійскихъ минеральныхъ водахъ.

Босняки употребляютъ воду Киселяка (вода эта желѣзистая, съ примѣсью обильныхъ газовыхъ частицъ; увѣряютъ, что она свойствами весьма сходна съ источникомъ «Rohitsch» въ Стиріи) Босняки, говорю я, употребляютъ ее чуть ли не отъ всѣхъ болѣзней, и пьютъ ее въ неизмѣримомъ количествѣ: выпивать по 10 окъ (почти 30 фунтовъ) Киселяка въ день почитается самою обыкновенною пропорціею; но есть такіе молодцы, которые поглощаютъ въ день по 18 окъ этой воды; пьютъ они ее въ два пріема, наибольшее количество утромъ, но по нѣ-

скольку окъ также среди дня, между обѣдомъ и ужиномъ; пьютъ не дѣлая никакого движенія. Боснякъ придетъ утромъ къ источнику, напьется воды, сколько можетъ за одинъ разъ, сядетъ гдѣ нибудь по близости, закуритъ трубку и сидитъ съ полчаса или съ часъ; потомъ подойдетъ къ ключу, опять напьется и опять сядетъ и т. д., до предѣловъ возможности. И все-таки вода помогаетъ, и многіе выздоравливаютъ. Не вздоръ ли послѣ этого всѣ гигіеническія предписанія неумолимыхъ «Badeärzte»? Замѣчательно, что и въ Босніи, какъ на Западѣ, Жиды особенные охотники лѣчиться минеральной водой: на Киселякѣ они, при всей малочисленности своей въ Босніи, составляютъ едва ли не половину посѣтителей. Мы видѣли ихъ тутъ толпами. Но не жалуютъ ихъ *ханджіи.* Семейства три или четыре Жидовъ поселятся въ одной комнаткѣ и питаются Богъ вѣсть какъ: ханджи нашъ разсказывалъ мнѣ, что въ иной день Жидовская семья едва истратитъ 20 паръ, т. е. $2^1/_2$ коп. сер.

Мнѣ надоѣло сидѣть на Киселякѣ и я, въ первый день какъ прояснило, предпринялъ прогулку въ городокъ Высоко. Онъ лежитъ въ 8 часахъ на сѣверозападъ отъ Сараева и въ 4 часахъ отъ Киселяка. Дорога отъ Киселяка идетъ лѣсистымъ ущельемъ рѣки Фойницы. Въ получасѣ отъ Высокаго Фойница впадаетъ въ Босну, которая выходитъ тутъ изъ скалистой тѣснины и, величественно расширившись, течетъ черезъ прекрасное поле. Городокъ расположенъ на лѣвомъ (западномъ) берегу Босны, у подножія высокой горы. Онъ состоитъ изъ грязныхъ деревянныхъ лачужекъ. Онѣ расположены частью на пригоркѣ, и тутъ находятся домъ мудира и кадія, ханъ и лавки, частью тянутся длиннымъ рядомъ по берегу Босны: этотъ нижній кварталъ заключаетъ въ себѣ сотню Православныхъ домовъ. За городомъ находится каменный мостъ черезъ Босну. Къ великому скандалу Турокъ, слѣдившихъ издали за невиданнымъ гяуромъ, я расположился за мостомъ на берегу, раздѣлся и выкупался. Мусульмане, какъ извѣстно, считаютъ это чрезвычай-

но неприличнымъ, и еще спустя нѣсколько мѣсяцевъ въ Высокомъ говорили они о томъ, какъ Московъ пріѣхалъ въ ихъ городъ и вздумалъ купаться въ рѣкѣ. Впрочемъ, мнѣ тутъ съ ними нечего было церемониться: ни мудиръ, ни кади въ Высокомъ не пришелъ ко мнѣ и не привѣтствовалъ съ пріѣздомъ. За то бѣдные Христіане-ремесленники весьма мнѣ обрадовались и съ выраженіями искренняго удовольствія повели показывать свою новую церковь. Она выстроена за городомъ, на красивомъ, высокомъ мѣстѣ, у Сараевской дороги, и освящена была за мѣсяцъ до моего пріѣзда. Церковь каменная; она имѣетъ видъ дома; Мусульмане не позволили поставить на ней креста. Внутри она еще была совершенно голая; еще не было ни книгъ, ни утвари (кромѣ оловяннаго потира), ни иконъ; тѣмъ не менѣе Высочане имѣли право съ гордостью ее показывать; кромѣ главныхъ городовъ Босніи, Сараева и Травника, ни одинъ городъ въ средней части этой области не имѣетъ еще Православной церкви. Построеніе церкви стоило имъ невѣроятныхъ усилій. Нѣтъ въ Высокомъ ни одного богатаго Христіанина; всѣ они бѣдные ремесленники, а въ окрестныхъ селахъ — разоренные землевладѣльцами и откупщиками *кметы*. Нигдѣ въ Босніи не требовалось столько самопожертвованія, чтобы выстроить церковь, какъ въ Высокомъ. Каждый приносилъ на это дѣло послѣдній заработанный грошъ и шелъ, когда только могъ оторваться отъ работы, помогать строенію, чѣмъ умѣлъ: одни возили камень, другіе тесали его, третьи клали, четвертые готовили доски для иконостаса, крыли крышу, и все это, разумѣется, даромъ, на пользу общую. Теперь точно такимъ же образомъ строится подлѣ церкви каменное зданіе для школы; впрочемъ школа уже открыта, но помѣщается въ какой-то лачужкѣ. Главная бѣда для Высочанъ та, что нѣтъ у нихъ средствъ для найма учителя, ему надобно платить постоянное жалованье, а Православная община тамъ, какъ я сказалъ, чрезвычайно бѣдна.

На другой день, прежде чѣмъ возвратиться къ своей компаніи на Киселякъ, я попросилъ радушныхъ Высокскихъ Христіанъ показать мнѣ развалины своего *града*, знаменитаго во всей Босніи. Онъ находится на вершинѣ крутой горы, одиноко возвышающейся надъ городомъ, на западной (лѣвой) сторонѣ Босны. Мы всходили на гору почти часъ; трудъ нашъ пропалъ даромъ: отъ за̀мка не осталось ничего, кромѣ основаній стѣнъ и нѣсколькихъ камней, а вершина горы покрыта была густымъ облакомъ тумана; видъ оттуда, о которомъ жители Высокаго наговорили мнѣ столько чудесъ, былъ отъ насъ закрытъ. Съ довольно непріятнымъ впечатлѣніемъ (котораго не уменьшали разсказы моихъ спутниковъ, Высочанъ, о притѣсненіяхъ, ими претерпѣваемыхъ) сталъ я спускаться съ этой горы, на которой живали нѣкогда короли Боснійскіе, какъ бы укрываясь, подобно средневѣковымъ рыцарямъ, на недоступныхъ вершинахъ, отъ волненій и опасностей торговой и политической дѣятельности, кипѣвшей внизу, въ городахъ и селахъ. Но ихъ не спасло это аристократическое отчужденіе отъ народа, которое у нихъ выражалось даже мѣстомъ жительства; напротивъ, оно-то ихъ и погубило. Ибо когда на нихъ пошло Турецкое войско, народъ остался равнодушнымъ зрителемъ борьбы; король Боснійскій принужденъ былъ бѣжать съ своею аристократическою дружиною, съ одной горной вершины на другую, изъ одного *града* въ другой, и Султанъ могъ взять безъ боя, въ нѣсколько дней, 70 Боснійскихъ *градовъ*: народъ не всталъ на помощь своему государю, и гористая, неприступная Боснія легче всякой другой области досталась Турецкому завоевателю.

Между тѣмъ какъ я ѣздилъ въ Высоко, наша компанія скучала на Киселякѣ. Наконецъ она собралась вся въ походъ; рѣшено было ѣхать по Католическимъ монастырямъ, которые находятся по близости, на сѣверозападъ отъ Сараева.

Мы поворотили налѣво, черезъ горы, въ узкое ущелье рѣчки Крешевки, поросшее съ обѣихъ сторонъ густымъ ольхо-

вымъ лѣсомъ. Оно, часа черезъ два, привело насъ въ красивое, довольно обширное поле, хорошо обработанное (тутъ находится Православная деревушка Корчъ, съ 16 дворами); за полемъ, спустившись нѣсколько, мы въѣхали въ другое ущеліе. Въ ущеліе это втиснутъ городокъ Крешево, съ 200 Римско-Католическими и, кажется, около 150 Мусульманскихъ домовъ. Ущеліе такъ узко, что всѣ дома выстроены рядомъ, вдоль одной улицы. Вѣроятно, удобство защиты заставило избрать эту мѣстность; въ старину городъ, какъ кажется, довольно большой, стоялъ въ полѣ, недалеко отъ ущелья; тамъ видно еще кладбище и нѣсколько развалинъ, въ томъ числѣ развалины церкви, изъ которыхъ теперь таскаютъ камень для новаго храма, сооружаемаго въ Крешевскомъ монастырѣ. Теперешнее Крешево грязно и жалко; дома Мусульманъ разваливаются, единственная мечеть также. За городомъ, въ томъ же ущеліи, находится Католическій монастырь. Онъ обнесенъ крѣпкой стѣною и довольно великъ. Старая церковь (во имя Св. Екатерины) низка и имѣетъ какой-то голый и печальный видъ, но теперь строятъ другую, изъ бѣлаго камня; ее воздвигаютъ надъ старою церковью; старую церковь разломаютъ, какъ только стѣны новаго зданія, внутри которыхъ она скоро очутится, будутъ готовы. Постройкѣ этой помогаютъ Австрія и Французское общество пропаганды въ Ліонѣ; также, насколько могутъ, помогаютъ Католики изъ окрестныхъ селъ. Работа начата года три тому назадъ; теперь стѣна выведена уже до значительной вышины. Насъ приняли въ Крешевѣ радушно; отвели каждому комнату, меблированную, правда, не богато, но на Европейскій манеръ; угощали сытнымъ обѣдомъ, въ которомъ одно мясное кушанье смѣнялось другимъ; поили хорошимъ виномъ изъ принадлежащихъ монастырю виноградниковъ на верховьяхъ Неретвы. Обѣдали мы въ монастырской трапезѣ, старинной, низкой, но просторной залѣ. Прежде чѣмъ сѣсть за столъ, *фратры*, стоя, слушали чтеніе именъ всѣхъ Францисканцевъ въ Боснійской «про-

винціи», скончавшихся въ этотъ день, съ самаго начала существованія тамъ ордена; такое чтеніе производится каждый день передъ трапезою, и такимъ образомъ, въ теченіе года, поминаются имена всѣхъ покойныхъ членовъ братіи. Послѣ чтенія всѣ общимъ хоромъ запѣли погребальный стихъ *de profundis clamavi ad te, Domine*, а затѣмъ были читаны нѣкоторыя молитвы и дано благословеніе яствамъ. По случаю нашего посѣщенія, *гвардіанъ* (настоятель) разрѣшилъ разговоры за трапезою; по уставу же, Францисканцы за трапезою хранятъ ненарушимое молчаніе, слушая чтеніе житій членовъ ордена и другихъ благочестивыхъ сочиненій, производимое поочередно однимъ изъ *новиціевъ*. За обѣденнымъ столомъ сидѣло больше 20 человѣкъ монаховъ; всѣ они знаютъ порядочно по-Латыни; нѣкоторые также по-Итальянски и по-Нѣмецки; но все-таки видно, что образованіе ихъ не полное; умственными трудами они не слишкомъ охотно занимаются, зато ревностно заботятся о хозяйствѣ монастырскомъ. Три Католическіе монастыря, Крешево, Фойница и Сутѣска имѣютъ безспорно самыя лучшія хозяйства въ Босніи; имъ, конечно, много помогаетъ то, что они и вся ихъ собственность свободны отъ всякихъ податей; но все-таки главное условіе ихъ преуспѣянія то, что монахи хоть сколько нибудь примѣняютъ правила разумнаго Европейскаго хозяйства къ своему скотоводству, къ своимъ полямъ и лѣсамъ. Сказавъ объ умственной бездѣйственности «фратровъ», я долженъ однако же привести также исключенія, служащія къ чести Францисканскаго ордена въ Босніи; я долженъ упомянуть въ особенности о трехъ лицахъ: о Римско-Католическомъ епископѣ Босніи, Г. Маріанѣ Шуничѣ; о гвардіанѣ монастыря Сутѣски, фра Мартинѣ Недичѣ, и монахѣ Крешевскомъ (котораго не было тамъ при нашемъ посѣщеніи), фра Гргурѣ (Григоріи) Мартичѣ. Первый изъ нихъ обладаетъ обширнѣйшею ученостью; второй лучше кого-либо изъ Босняковъ викъ въ настоящее положеніе страны и народа; третій, родомъ Герце-

говинецъ—талантливый поэтъ и отличный знатокъ народныхъ пѣсенъ, повѣрій и обычаевъ.

Крешево стоитъ, какъ я сказалъ, въ ущельѣ; ущелье еще далеко продолжается за монастыремъ, по рѣчкѣ Крешевкѣ. Въ горахъ по обѣимъ сторонамъ ущелья добываютъ во многихъ мѣстахъ желѣзную руду и плавятъ ее въ такъ называемыхъ *наковалахъ*, плавильныхъ шалашахъ самаго первобытнаго устройства: колесо, движимое водою рѣчки, приводитъ въ дѣйствіе два большихъ мѣха, которые раздуваютъ огонь, разведенный въ простой кузничной печи. Къ счастію, топлива много, потому что всѣ окрестныя горы поросли лѣсомъ. Руду возятъ въ корзинахъ, навьюченныхъ на лошадь. Обработка такъ недостаточна, что въ выбрасываемой землѣ еще находится множество желѣзныхъ частицъ. Изъ добываемаго желѣза куютъ подковы и другія простыя издѣлія, которыя вывозятся отчасти въ Румелію. Рудокопы и кузнецы всѣ Латины; они живутъ, кажется, въ величайшей нуждѣ. Мусульмане Крешевскіе занимаются частью торговлею, частью же оружейнымъ издѣліемъ. Около Крешева считаютъ до 10 *наковаловъ*, т. е. плавилень; нѣкоторыя находятся подъ самымъ монастыремъ. Право на добываніе рудъ принадлежитъ Султану и отдается на откупъ. Руды въ Босніи взялъ на откупъ извѣстный тамъ своею безсовѣстностью спекуляторъ, Египтянинъ Хаджи-Али-паша, бывшій каймакамомъ (вице-губернаторомъ) въ Травникѣ; отставленный за слишкомъ вопіющія злоупотребленія, онъ пустился съ тѣхъ поръ въ откупа. Босняки разсказываютъ, что у него больше десяти *товаровъ* (т. е. вьючныхъ кладей) червонцевъ; но въ послѣднее время онъ, кажется, разорился. За руды онъ заплатилъ казнѣ чрезмѣрно дорого, намѣреваясь открыть въ Босніи, съ помощью Европейскихъ мастеровъ и снарядовъ, разработку серебра и мѣди, которыхъ тамъ, какъ кажется, весьма много, но которыхъ теперь не добываютъ; однако онъ поскупился употребить на это капиталъ, и рудокопство осталось тамъ

по старому, ограничиваясь желѣзоплавильными *наковллами*. Кромѣ Крешева, желѣзныя руды находятся еще, въ средней Босніи, около города Фойницы, на западъ, и около Вареша, на сѣверо-востокъ отъ Сараева: во всѣхъ этихъ мѣстахъ рудокопы — Католики; также есть руды въ Краинѣ (сѣверозападной Босніи), въ Майданской нахіи, у р. Саны; и тамъ въ нихъ работаютъ Латины, но частью также Православные.

Возвратимся еще къ Крешеву. Надъ монастыремъ возвышается гора весьма крутая, называемая Кршъ. Она увѣнчана была въ старину зáмкомъ. Съ великими усиліями влѣзъ я туда, но трудъ не былъ вознагражденъ: видны были только въ двухъ-трехъ мѣстахъ небольшіе остатки стѣнъ; *градъ* Крешевскій, должно быть, не запустѣлъ самъ собою, какъ столь многія другія древнія твердыни въ этихъ странахъ, а былъ разрушенъ и матеріалъ снесенъ для какихъ нибудь другихъ построекъ. Даже видъ на окрестность не вознаградилъ меня. Со всѣхъ сторонъ около Крша столпились другія горы, почти такой же вышины, и горизонтъ закрытъ отовсюду. И эта гора служила жилищемъ королямъ Боснійскимъ; тутъ «въ славномъ градѣ Крешевѣ, въ славномъ дворѣ королевскомъ» принималъ въ 1444 г. Стефанъ Остоичъ пословъ Дубровницкой республики [1]). Но и въ то время собственный городъ въ нашемъ смыслѣ этого слова находился у подножія горы, вѣроятно, въ полѣ, гдѣ еще видны, какъ я сказалъ, развалины зданій: городъ этотъ первоначально назывался *подъ Крешевомъ* (точно также, какъ теперешнее Высоко — *подъ Высокимъ*). — Крешево замѣчательно тѣмъ, что къ этому мѣсту преданіе привязываетъ еще память о Богомилахъ. Правда, не народное, а монастырское сказаніе говоритъ, что Крешево было средоточіемъ этой ереси, нѣкогда преобладавшей въ Босніи, что въ Крешевѣ имѣлъ свою столицу Богомильскій «Папа», и что стѣны монастыря воздвигнуты

1) Mon. Serb. CCCXLVI.

на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ его дворецъ. Это, сколько мнѣ извѣстно, единственное живое воспоминаніе, оставшее о Богомилахъ въ Босніи. Преданіе прибавляетъ, что король Боснійскій Твертко, обратившись изъ Богомильства въ Католическую вѣру и сокрушивъ гнѣздо ереси въ Крешевѣ, для сильнѣйшаго противодѣйствія ей основалъ въ этомъ самомъ мѣстѣ средоточіе Францисканскаго ордена. — Къ сожалѣнію, никакихъ древнихъ рукописей и документовъ въ Крешевѣ не осталось: монастырь былъ разоренъ при нашествіи Турокъ, потомъ разрушенъ въ 1524 г., и наконецъ выгорѣлъ въ 1765 г.

Описавъ Крешевскій монастырь, мнѣ не много остается сказать о лежащемъ близехонько отъ него другомъ Католическомъ монастырѣ, Фойницѣ, или, правильнѣе, Хвойницѣ. Характеръ обоихъ мѣстъ совершенно одинаковъ; и въ Фойницѣ монастырь лежитъ подлѣ небольшаго, на половину Турецкаго, на половину Римско-Католическаго города [1]); и тутъ жители Католики — бѣдные ремесленники и рудокопы, Мусульмане частью землевладѣльцы, частью купцы (нерѣдко и то и другое вмѣстѣ). И тутъ городъ составляетъ, такъ сказать, только посадъ монастырскій, столь велико вліяніе монастырской братіи, владѣющей большимъ, благоустроеннымъ хозяйствомъ и огражденной отъ податей и всякаго вмѣшательства Турецкой власти, на сосѣднихъ жителей, даже Мусульманъ. На Католиковъ же это вліяніе безпредѣльно. Монахи не только располагаютъ умами своей паствы (я говорю, *паствы*, потому что городъ и окружающія селенія составляютъ приходъ монастыря), не только управляютъ своими прихожанами во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, но даже руководятъ ими въ частныхъ, житейскихъ отношеніяхъ и, сколько мы могли замѣтить, въ самомъ хозяйствѣ. Надобно отдать имъ справедливость: они стоятъ горою за своихъ передъ судомъ и Турецкими чиновниками, от-

1) Католическихъ домовъ около 200 и столько же Мусульманскихъ.

купщиками, помѣщиками. Какъ настойчиво хлопотали Францисканцы о томъ, чтобы кметамъ-Католикамъ дано было (обѣщанное на бумагѣ, но не приведенное въ дѣйствіе) право получать въ полную собственность для обработки казенныя пустоши! И когда они выхлопотали такую уступку въ пользу нѣсколькихъ человѣкъ, какъ усердно противодѣйствовали они стараніямъ чиновниковъ и *беговъ* отобрать у этихъ поселянъ-собственниковъ расчищенныя ими земли, какъ было сдѣлано съ Православными въ Высокскомъ и другихъ округахъ! Еще другое надобно сказать къ чести полновластныхъ надъ своею паствою Боснійскихъ Францисканцевъ: именно то, что они знаютъ свой народъ. Хотя духъ корпораціи и касты сильно владѣетъ ими и все устройство ордена ему благопріятствуетъ, однако монахи эти еще тѣсно связаны съ народомъ. Они не забываютъ, что вышли изъ его среды. При монастыряхъ есть элементарныя школы, куда окрестное Католическое простонародье (впрочемъ, не всѣ, а только желающіе) отдаютъ своихъ дѣтей. Изъ числа этихъ мальчиковъ, сыновей ремесленниковъ и земледѣльцевъ, избираются болѣе способные и имѣющіе охоту учиться, и поступаютъ въ высшій классъ «риторики и философіи», затѣмъ посылаются для слушанья богословскаго курса въ Австрію или Италію, возвращаются потомъ въ свой монастырь новиціями и наконецъ, еще молодыми людьми, принимаются въ члены ордена. А родня ихъ живетъ гдѣ нибудь въ сосѣднемъ городкѣ или селѣ и продолжаетъ пахать землю или ковать желѣзо; она гордится *фратромъ*, происшедшимъ изъ ея среды, уважаетъ его, какъ избранный изо всего рода сосудъ Божьей благодати, а фратръ въ отцѣ, матери, братьяхъ, сестрахъ видитъ простонародную жизнь, среди которой онъ родился, и продолжаетъ знать ее и сочувствовать ей. Когда мы были въ Фойницѣ, одинъ изъ нашихъ товарищей пошелъ гулять въ поле подъ монастыремъ и вступилъ въ разговоръ съ простою женщиною, которая сгребала граблями сѣно. Она тотчасъ похвасталась ему, что ея

дядя находится теперь въ Стамбулѣ, что этотъ дядя не простой фратръ, а самъ *провинціалъ* (провинціалъ есть надзиратель и административный глава ордена въ цѣлой *провинціи*; Боснійскій провинціалъ часть года проводитъ въ Константинополѣ, какъ ходатай о дѣлахъ Францисканцевъ и ихъ паствы передъ Портою). И конечно, вернувшись на родину, *провинціалъ*, при всей значительности своего положенія и образованности своей, не станетъ стыдиться своей родни, которая работаетъ въ полѣ. — Другая связь Францисканскихъ монаховъ Босніи съ народомъ образуется тѣмъ, что монахи эти замѣщаютъ тамъ всѣ должности мірскаго духовенства. Способнѣйшіе и дѣятельнѣйшіе изъ нихъ получаютъ приходы, остаются тамъ, *in cura animarum*, болѣе или менѣе долго, смотря по усмотрѣнію духовнаго начальства, и потомъ возвращаются опять въ монастырь. — Но нельзя сказать, чтобы вся эта система не имѣла невыгодныхъ сторонъ, особенно система набирать для поступленія въ монашество мальчиковъ со школьной скамьи. Многіе изъ нихъ, безъ сомнѣнія, рѣшаются итти въ фратры, не отдавъ себѣ отчета въ своемъ призваніи къ иноческой жизни; ихъ положеніе дома, если бы они, пройдя курсъ высшаго образованія, отказались отъ духовнаго званія, было бы невыносимо, и потому не можетъ не быть между ними такихъ, которые лишь съ притворною покорностью выдерживаютъ свой новиціатъ; а потомъ, когда освободятся отъ опеки, въ особенности же когда вырвутся изъ стѣнъ монастыря, они предаются образу жизни совершенно не иноческому. Есть и другія темныя стороны въ Боснійскихъ Францисканцахъ; я объ нихъ скажу въ послѣдствіи.

Городъ Фойница лежитъ въ красивой, довольно просторной полянѣ, на берегу рѣчки того же имени. Монастырь стоитъ выше города, на склонѣ горы. За нимъ вдалекѣ виднѣется темная масса горъ, надъ которыми возвышается одна вершина, блестящая снѣгомъ; снѣжная гора эта называется Зецъ, т. е. Заяцъ; на ней находятся развалины древняго замка, носящаго

имя Козао, т. е. Козелъ. — Фойницкій монастырь и церковь, въ немъ находящаяся, гораздо обширнѣе и богаче Крешева. Церковь воздвигнута во имя Св. Духа. На внѣшней стѣнѣ ея, на право отъ двери, довольно низко, виденъ кусокъ надписи, высѣченной въ камнѣ; мы могли разобрать слѣдующее:

NE. TO. REЄDIFI
Л ┼ O (*такъ*). D. 1198

При монастырѣ, въ двухъ обширныхъ залахъ, находится библіотека; книги всѣ въ порядкѣ и снабжены каталогомъ; есть между ними много драгоцѣнныхъ фоліантовъ XVI, XVII и XVIII столѣтій, преимущественно по части богословія, церковной исторіи и каноническаго права. Есть также нѣсколько рукописей, содержащихъ проповѣди, метрическіе списки, хозяйственные счеты и разныя замѣтки, и писанныхъ Боснійскими фратрами Кирилловскою азбукой: извѣстно, что азбука эта (впрочемъ, съ довольно значительными измѣненіями въ начертаніи многихъ буквъ, такъ что съ непривычки разбирать ее трудно) долго употреблялась Боснійскими Католиками. Ею писали тамошніе Францисканцы метрическія и другія церковныя книги до 1813 года и печатали, впрочемъ только до начала прошлаго столѣтія, сочиненія свои для народнаго чтенія (почти все нравоучительно-духовнаго содержанія [1]). Книгъ этихъ въ Фойницѣ хранится богатое собраніе. Между упомянутыми мною рукописями Боснійскихъ фратровъ я (впрочемъ, при бѣгломъ обзорѣ) не нашелъ ничего историческаго и ничего древнѣе XVI столѣтія. Правда, что и этотъ монастырь былъ разоренъ и сожженъ Турками, вмѣстѣ съ Крешевскимъ, въ 1524 году. Теперь въ библіотекѣ его находится только одна древность, да и той, къ сожалѣнію, я не могъ видѣть, потому что она была заперта въ сундукѣ *провинціала*, находившагося тог-

1) См. статью фра Юкича, Književnost Bosanska, въ обѣихъ частяхъ его Сборника: Bosanski Prijatelj.

да въ Константинополѣ. Древность эта есть гербовникъ Боснійскихъ и Сербскихъ родовъ. Онъ описанъ подробно покойнымъ фратромъ Юкичемъ [1]). По его словамъ, рукопись эта (въ листъ, на бумагѣ) содержитъ въ себѣ 139 раскрашенныхъ гербовъ, сначала Югославянскихъ земель, потомъ знатныхъ родовъ Боснійскихъ и Сербскихъ. Заглавіе рукописи слѣдующее: «Родословие Босанского алити Иличкога и Серпского владания; заиедно поставлиено по Станиславу Рубчиħу попу. На славу Стипана Неманиħа цара Серблиена и Бошниака 1340». Другой экземпляръ этого гербовника, на пергаменѣ, въ четвертую долю листа, я видѣлъ въ Загребѣ, въ библіотекѣ г. Гая; приведу здѣсь, кстати, послѣсловіе гербовника по этому экземпляру; оно, какъ и надписи надъ гербами, писано по-Славянски, Боснійскою Кириллицею, и по-Латыни. «Родословие нависħених и светхь отаца и влашьтитихь билиегови [2]), земала и свитлихь племеню, цесарьства илирьскога: кое виса скȣпи и наредно састави с великом помном и опатю станиславȣ рȣбчиħь бавь цимерна [3]) г҃на цара стипана стиепана неманиħа. На славȣ цесарьскога и кралечьскога величаньства и остале госде (*чит.* господе), поглавица, бана, воевода, жȣпана, кнезова, катȣнара, витезова, властела и племиħа, свихь земела илирьскиехь, под кимь влаштитимь владаниемь прибикю разлике наредьбе цесарьства илирьскога. Ово се сложи и преписа из иедногa либра веоми стара кои се наħе меħу старимь книгамь либрарие мостирови (*чит.* монастирови) свете горе реда славнога и дивнога базилиа. — Libellus sanctorum patronum et publicarum insignarum regnorum et familiarum illustrium Illiyrici Imperii quas magna cura singularique diligentia collegit atque depinxit Stanilaus Rubcich Rex insignarum Dni Stephani Stephani Nemagnich. In laudem Caesareae ac Regiae M-tis et reliquorum principum, ducum, mar-

1) Bosanski prijatelj, II, 78—82.

2) Т. е. знаковъ.

3) Цимеръ — гербъ.

chionum, comitum. vicecomitum, equitum et nobilium totius Illiriae, sub quorum protectione fundamenta monimentaque euisdem Illyrici Imperii consistunt. Quod quidem translatum est ex antiquissimo libro in caracthere Illyrico scripto reperto in bibliotheca Monasteriorum de Monte Sancto ordinis Diui Basilii. 1595.»

Сочиненіе это любопытно и, можетъ быть, заключаетъ въ себѣ отчасти дѣйствительные гербы нѣкоторыхъ древнихъ Боснійскихъ родовъ (ибо нѣтъ сомнѣнія, что тамошняя аристократія, пришедши, особенно въ XV вѣкѣ, въ соприкосновеніе съ Западною Европою, стала присвоивать себѣ родовые знаки); но я упомянулъ о немъ главнымъ образомъ потому, что съ тѣхъ поръ какъ ученый Энгель сослался въ своей исторіи на книгу попа Рубчича, «герольдмейстера Царя Душана», Южно-Славянскіе литераторы стали говорить и о герольдмейстерѣ, какъ о дѣйствительно бывшемъ лицѣ, и объ «Иллирскомъ» гербовникѣ Душана, какъ о подлинномъ документѣ. Стóитъ однако только прочесть вышеприведенное послѣсловіе, чтобы убѣдиться, что это подлогъ. Происхожденіе такаго подлога было весьма естественно въ XV вѣкѣ: именно въ то время многіе изъ знатныхъ Босняковъ и Сербовъ, бѣжавши отъ Турокъ, находились на службѣ въ Западныхъ государствахъ, въ Австріи, Италіи, Испаніи и т. д.; они искали себѣ тамъ признанія въ дворянствѣ, титуловъ и гербовъ; понятно, почему имъ понадобился гербовникъ «Иллирійскаго Императора» Душана. Книга, приписанная попу Рубчичу, не есть единственный примѣръ этого; мы знаемъ и другіе подложные акты, составленные тогда съ тою же цѣлію Боснійскими и Сербскими выходцами.

XXIV.

Травникъ. Яйце. Баньлука. Лѣвно.

Обратный путь въ Сараево.

Наша компанія провела день въ обществѣ Фойницкихъ фратровъ. Отъ Фойницы мы направились къ Травницкой дорогѣ, сперва по рѣкѣ Фойницѣ, а потомъ проселкомъ мимо Мусульманскихъ деревень Читово и Оглавакъ, и большаго, раскинутаго по холмамъ, Латинскаго и Мусульманскаго села Орахово; оно оправдываетъ свое названіе: кругомъ по холмамъ растутъ во множествѣ Грецкіе орѣшники; дорога, проходящая подъ ихъ тѣнью, весьма живописна. Мы выѣхали на большую Травницкую дорогу у Киселяка, не у того, гдѣ мы были прежде, а въ 4 часахъ дальше. И тутъ находится минеральный источникъ, по видимому чисто желѣзистый; онъ течетъ у самой дороги. У этого мѣста стоятъ три хана, но не для лѣчащихся минеральною водою, а для проѣзжающихъ между Сараевомъ и Травникомъ. Вода этого источника не пользуется довѣріемъ, и только мѣстные жители иногда пьютъ ее и поятъ ею лошадей. *Ханджи* однако превозносилъ свою воду до небесъ: «напейся ея, говорилъ онъ, и ты въ этотъ день три раза попросишь обѣдать». Вообще, мѣстность на сѣверъ отъ Сараева весьма богата минеральными ключами. Кромѣ теплаго источника Бани и двухъ упомянутыхъ «Киселяковъ», мы видѣли еще два такихъ источника, текущихъ въ безвѣстности, одинъ на холмѣ Кобылья-глава, не доѣзжая перваго Киселяка (вода его, впрочемъ, по увѣренію жителей, вредна для людей, а напротивъ, очень здорова для лошадей), другой на дорогѣ изъ Киселяка въ Крешево. Мнѣ насчитали еще три источника, и говорили притомъ, что въ лѣсахъ между горами поселяне находили и другія «кислыя воды», про которыя никто не вѣдаетъ.

Все наше общество, отдохнувъ въ ханѣ, двинулось далѣе къ Травнику и вскорѣ пріѣхало въ маленькій городокъ или, вѣрнѣе, селеніе Бусовачу. Оно лежитъ въ долинѣ посреди двухъ небольшихъ высотъ. Въ немъ сотня домовъ, частью Мусульманскихъ, частью Католическихъ, одна приходящая въ разрушеніе мечеть, нѣсколько лавокъ, недурной, сравнительно, *ханъ*, содержимый Адріанопольскимъ Грекомъ или Болгариномъ, давно уже обосцячившимся, единственнымъ Православнымъ жителемъ Бусовачи, и наконецъ домъ Францисканскаго фратра. Компанія наша отправилась къ нему въ гости, ночевать, и загромоздила домъ такъ, что бѣдный фратръ убрался не знаю куда на ночлегъ. Но гостепріимство не было въ тягость почтенному и веселому старцу, фра-Марку; напротивъ онъ принялъ и угощалъ насъ съ искреннимъ радушіемъ. Домъ его устроенъ по-Европейски, какъ вообще у Боснійскихъ Францисканцевъ: столы и стулья (разумѣется простаго дерева) во всѣхъ комнатахъ, шкапъ съ книгами, чистая Европейская кровать; ужинали за длиннымъ столомъ, на скамьяхъ. Ужинъ былъ обильный и весьма порядочно приготовленный, и состоялъ изъ супа и четырехъ или пяти сытныхъ мясныхъ кушаньевъ; самъ фратръ усердно потчивалъ насъ своимъ лучшимъ, старымъ Неретвинскимъ виномъ; оно не дурно и довольно крѣпко. Вообще, я замѣтилъ, что Боснійскіе фратры ѣдятъ и пьютъ хорошо; въ противоположность Мусульманамъ и Православнымъ, которые ѣдятъ мало мяса, у Францисканцевъ весь столъ (въ скоромные дни) мясной; зато они всѣ отличаются плотностью и здоровьемъ. Бусовачскій нашъ хозяинъ былъ человѣкъ очень пожилой, но дѣятельный; онъ въ то время проводилъ значительную часть дня въ лѣсу, занимаясь расчисткою поля подъ пашню; недавно кончилъ онъ съ своими прихожанами постройку небольшой деревянной церкви, близъ города, на горѣ; церковь, правда, самой незатѣйливой архитектуры (она съ виду похожа на сарай, сколоченный изъ досокъ) и не имѣетъ внутри никакого убран-

ства; но тѣмъ не менѣе постройка ея составляетъ благодѣяніе для тамошнихъ Католиковъ, которые прежде должны были ходить слушать *миссу* въ Фойницкій монастырь.

Изъ Бусовачи мы намѣрены были ѣхать въ Травникъ; но погода была такъ дурна, что большинство нашей кавалькады, въ особенности нашъ сотоварищъ-Англичанинъ, который, не понимая мѣстнаго языка, менѣе, чѣмъ А. С. І. и я, любопытствовалъ видѣть Боснію, и Французъ, который зналъ уже Боснію вдоль и поперегъ и сталъ къ ней равнодушенъ, предпочли воротиться подъ домашнюю кровлю. Мы поѣхали за ними и только осенью, нѣсколько недѣль послѣ поѣздки на югъ, въ Старую Сербію, удалось мнѣ побывать въ Травникѣ и другихъ городахъ сѣверозападной Босніи. Но вамъ, читатель, не нужно возвращаться въ знакомое уже Сараево; поѣдемъ изъ Бусовачи прямо въ Травникъ.

Травникъ лежитъ въ 4 часахъ ѣзды отъ Бусовачи и въ 16 отъ Сараева. Отъ Бусовачи ѣдутъ сперва долиной; около большой, Мусульманской и Католической деревни Витези долина эта значительно расширяется; она тутъ хорошо обработана; потомъ переѣзжаютъ по мосту черезъ рѣчку Лашву (притокъ Босны), въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1840 г. Турецкій отрядъ регулярнаго войска подъ предводительствомъ Веджидъ-паши, подкрѣпленный Албанцами, одержалъ побѣду надъ многочисленнымъ сборищемъ взбунтовавшихся Сараевскихъ Мусульманъ. Еще съ часъ дорога идетъ полемъ, а потомъ вступаетъ въ ущелье, по которому течетъ, пѣнясь и перескакивая черезъ подводные камни, рѣчка Лашва.

Вдругъ, за небольшимъ поворотомъ, насъ поразила великолѣпная картина. Поперекъ ущелья, вдругъ точно выросли изъ земли яркія очертанія стѣнъ и минаретовъ. Картина эта выступила передъ нашими глазами такъ внезапно, зданія, освѣщенныя заходящимъ солнцемъ, такъ рѣзко выдавались изъ темнаго ущелья, что намъ показалось, будто передъ нами выдвинулась театраль-

ная декорація. Мы сначала остановили лошадей, чтобы полюбоваться видомъ Травника, а потомъ погнали ихъ, желая достигнуть скорѣе прекраснаго города. Увы! какъ онъ разочаровалъ насъ, когда мы увидѣли его вблизи. Что насъ восхитило, были развалившіяся стѣны никуда не годной крѣпостцы, старыя, дрянныя мечети; а улицы Травника, — Боже мой, какъ онѣ тѣсны, круты, гадко вымощены, грязны! а конакъ (дворецъ) визиря, дома, лавки — все это черно, гнило, покосилось на бокъ, частью совсѣмъ заброшено. Мы проѣхали весь городъ, безпрестанно наклоняя голову, чтобы не задѣть лбомъ о высунувшіеся на улицу балконы и навѣсы, безпрестанно подбирая возжи нашихъ коней, чтобы не дать имъ поскользнуться на крутыхъ спускахъ, неровно вымощенныхъ большими гладкими камнями. Наконецъ добрались до Травницкаго *хана*, но онъ оказался такъ отвратительнымъ, что мы рѣшились послать къ каймакаму (вице-губернатору) просить объ отводѣ намъ квартиры. Вскорѣ явился какой-то Турокъ въ военномъ платьѣ и возвѣстилъ, съ разными комплиментами, что одинъ Травницкій бегъ проситъ насъ быть у него *мусафирами* (гостями). Мы послѣдовали за нимъ по разнымъ улицамъ и переулкамъ, и увидѣли наконецъ съ изумленіемъ, посреди просторнаго двора, обнесеннаго низкимъ красивымъ заборомъ, большой домъ въ два этажа, съ высокими окнами и съ крыльцомъ на Европейскій ладъ, словомъ сказать, Европейскій барскій домъ. «Славный домъ у Дервишъ-бега, сказалъ намъ проводникъ, когда мы подходили къ воротамъ, такого дома нѣтъ въ цѣлой Босніи! да и самъ бегъ такой человѣкъ, что подобнаго ему нѣтъ у насъ!»

На лѣстницѣ встрѣтилъ насъ молодой человѣкъ, небольшаго роста, худощавый, съ черными выразительными глазами, въ розовомъ архалукѣ и обыкновенномъ красномъ фесѣ, пожалъ намъ руку и повелъ черезъ обширную, чистую переднюю, въ хорошо меблированную гостиную. Съ одной стороны ея, подъ окнами, сдѣланъ былъ во всю длину стѣны Турецкій диванъ,

съ другой стороны — стояли стулья и столъ, украшенный часами, подсвѣчниками и разными бездѣлками, произведеніями Австрійскихъ фабрикъ: Турція въ этой комнатѣ совмѣстилась съ Европою. Въ углу надъ диваномъ, на полкѣ, лежало нѣсколько книгъ—красивая рукопись стихотвореній Хафиза, Турецкій календарь и другія Турецкія изданія. Я выразилъ Дервишъ-бегу свое удивленіе видѣть въ Травникѣ домъ, какъ будто бы перенесенный изъ Европейскаго города, и спросилъ его, какимъ образомъ онъ рѣшился отказаться отъ старинныхъ обычаевъ. «Такъ, отвѣчалъ онъ: я уже давно увидѣлъ, что мы Босняки люди глупые, ничего не знаемъ и не понимаемъ, а что Нѣмцы и Французы и другіе народы живутъ умно; такъ я и перенялъ отъ нихъ, что могъ; а въ прошломъ году я самъ поѣхалъ въ Нѣмецкую землю (т. е. Австрію), былъ въ Осѣкѣ, Пештѣ, Вѣнѣ. Тамъ насмотрѣлся я чудесъ: *вапуры* (пароходы), огненные воза (локомотивы), фабрики, и какіе высокіе дома! Бѣда только въ томъ, что тамъ нашему человѣку разговориться нельзя. Въ Осѣкѣ и Пештѣ еще понимаютъ по-Босански, а въ Вѣнѣ пришлось мнѣ ходить съ однимъ торговцемъ «Влахомъ *)», который зналъ и нашъ языкъ и Нѣмецкій.»

«А прежде васъ, спросилъ я, ѣздилъ ли кто нибудь изъ Босанскихъ беговъ за границу, въ Нѣмецкую землю?»

— «Нѣтъ, не одинъ изъ нихъ не ѣздилъ; наши люди, которые торгуютъ, ѣздятъ иногда для своихъ дѣлъ, а такъ, чтобы посмотрѣть на мѣста, никто не ѣздилъ.»

«Вамъ бы однако слѣдовало ѣхать дальше Вѣны, въ Парижъ или Лондонъ: тамъ бы увидѣли дѣйствительно чудеса!»

— «Непремѣнно поѣду въ будущемъ году, если Богъ дастъ, отвѣчалъ Дервишъ-бегъ, найду себѣ товарища, который зналъ бы языки, и поѣду.»

Разговоръ нашъ продолжался, и перешелъ къ внутреннимъ

---

*) Т. е. Христіаниномъ.

дѣламъ Босніи. Хотя Дервишъ-бегъ не высказывался вполнѣ, однако изъ каждаго его слова было видно, что онъ сильный противникъ административной централизаціи и преобладанія Стамбульскаго чиновничества, введенныхъ послѣ усмиренія Босніи Омеръ-пашею, и глубоко скорбитъ о потерянныхъ правахъ туземной Мусульманской аристократіи. Политическій характеръ этого лица весьма замѣчателенъ. Дервишъ-бегъ есть глава, такъ сказать, либерально-аристократической оппозиціи Боснійской противъ безсовѣстнаго Стамбульскаго правительства. Въ настоящее время туземная Мусульманская знать, конечно, ужъ совсѣмъ не то, что она была прежде въ Босніи, когда она безотвѣтно располагала всею страною, выгоняла Стамбульскихъ пашей, сражалась безпрестанно съ Султанскимъ войскомъ. Теперь она не имѣетъ никакой оффиціальной власти; всѣ преимущества ея отняты, главнѣйшіе ея предводители погибли въ войнѣ 1851 года или умерли въ ссылкѣ. Раздѣлъ имѣній быстро уничтожаетъ значительныя помѣстья, съ тѣхъ поръ какъ выведенъ старинный Боснійскій обычай, исключавшій дочерей изъ поземельнаго наслѣдства, и какъ случаи общаго владѣнія между братьями сдѣлались рѣдкими. Тѣмъ не менѣе, *беги* составляютъ важный элементъ въ Боснійскомъ обществѣ. Они всѣ (за исключеніемъ весьма немногихъ, сдѣлавшихся чиновниками) стоятъ въ оппозиціи противъ Султанскаго правительства; оппозиція эта двоякая. Часть (и къ сожалѣнію самая многочисленная) старается разными средствами избавляться по прежнему отъ подчиненія закону и общественному порядку и, пользуясь корыстолюбіемъ и фанатизмомъ Оттоманскихъ властей, продолжаетъ буйствовать и грабить своихъ *кметовъ*, Христіанъ. Но въ другой части произошла совершенная перемѣна. Мнѣ разсказывали, что одинъ изъ значительнѣйшихъ *беговъ* Травницкихъ, престарѣлый Али-бегъ Виличъ (потомокъ древнѣйшаго въ Босніи аристократическаго рода), послѣ переворота, произведеннаго Омеръ-пашею, объявилъ торжественно

Христіанскимъ священникамъ и поселянамъ въ своихъ помѣстьяхъ: «я былъ до сихъ поръ однимъ изъ первыхъ гонителей и мучителей Христіанъ; я понялъ, что это несправедливо, и хочу теперь дѣйствовать по справедливости.» Онъ въ самомъ дѣлѣ сталъ, говорили мнѣ, однимъ изъ лучшихъ помѣщиковъ Босніи и постояннымъ покровителемъ Христіанъ. Лучшіе люди изъ туземной Славянской аристократіи послѣдовали его примѣру, между прочимъ и Тескереджичи, въ домѣ которыхъ мы гостили въ Травникѣ: и они, въ томъ числѣ самъ Дервишъ-бегъ, съ 1851 года, совершенно перемѣнили свой образъ дѣйствія относительно Христіанъ, изъ притѣснителей сдѣлались ихъ защитниками. Дѣло въ томъ, что туземная аристократія, обиженная, подавленная и разоренная [1]) правительствомъ, естественно должна была искать какой-нибудь точки опоры для своей оппозиціи, и на кого же могла она опереться, какъ не на другую, также обиженную, подавленную и разоренную часть населенія, т. е. на Христіанъ? Этимъ объясняется внезапная перемѣна въ поведеніи престарѣлаго Али-бега Вилича и его друзей въ отношеніи къ ихъ кметамъ; этимъ объясняется происхожденіе либеральной, если можно употребить здѣсь это слово, оппозиціи, къ которой принадлежатъ лучшіе члены Славяно-Мусульманской аристократіи въ Босніи и во главѣ которой стоитъ теперь нашъ Травницкій хозяинъ, Дервишъ-бегъ Тескереджичъ. Онъ былъ въ 1852 и 1853 г. членомъ Травницкаго меджлиса (областнаго совѣта), но поссорился съ тогдашнимъ каймакамомъ, Хаджи-Али-пашею, который чрезмѣрно притѣснялъ народъ, и вышелъ изъ службы. Онъ поѣхалъ въ Константинополь, и выхлопоталъ, чтобы Хаджи-Али-пашу смѣстили и предали суду. Говорятъ, что онъ на-

1) Омеръ-паша отнялъ у нея, безъ всякаго почти вознагражденія, старинное право собирать въ свою пользу десятину съ произведеній земли (право это было ей даровано Султаномъ Магометомъ-Завоевателемъ и его преемниками за обязанность нести войсковую службу), и обратилъ эту десятину въ казенную откупную статью.

дѣялся самъ получить его мѣсто, но не успѣлъ. Какъ бы то ни было, возвратившись въ Боснію, онъ сдѣлался самымъ жаркимъ приверженцемъ новаго каймакама, Шевки-ефенди, имя котораго произносится съ признательностью Боснійскими Христіанами. Шевки-ефенди былъ единственный Турецкій правитель въ Босніи, который дѣйствительно желалъ улучшенія ихъ участи и началъ примѣнять на дѣлѣ, въ Травникѣ, постановленія хатти-хумаюна. Тескереджичъ и его партія поддерживали Шевки-ефенди всѣмъ своимъ вліяніемъ; но не смотря на то, онъ, не болѣе какъ черезъ годъ, палъ жертвою интриги нѣкоторыхъ фанатиковъ и взяточниковъ и недоброжелательства Сараевскаго генералъ-губернатора; его (въ концѣ 1856 г.) предали суду и, хотя не нашли виновнымъ, однако отозвали въ Константинополь. Съ тѣхъ поръ Дервишъ-бегъ, какъ онъ самъ говорилъ мнѣ, совершенно устранилъ себя отъ дѣлъ общественныхъ. Любопытно бы было знать, велико ли дѣйствительно значеніе Дервишъ-бега въ Босніи, и имѣетъ ли какую либо жизненную силу оппозиція, которой онъ есть преставитель; но чтобы узнать это, нужно бы было проникнуть въ тайны тамошней аристократіи, узнать ея образъ мыслей и предположенія; а для иностранца, Христіанина, это невозможно. Я замѣтилъ только, что Боснійскіе Христіане говорятъ о немъ всегда съ любовію и уваженіемъ, а *беги*, Мусульмане, передъ которыми я произносилъ его имя, называли его человѣкомъ мудрѣйшимъ, красою ихъ сословія. Однако едва ли въ этой аристократіи есть какая нибудь живая политическая сила. Положеніе ея слишкомъ шатко и двусмысленно, слишкомъ велико противорѣчіе между политическою задачею — быть защитницею народа, и природными инстинктами, которые влекутъ ее къ фанатизму и угнетенію. Боснійскіе беги могутъ еще не разъ сдѣлаться предводителями дикихъ шаекъ, которыя будутъ грабить и жечь Христіанскія села, какъ бывало въ старину и какъ случилось недавно въ Посавинѣ и Краинѣ; но стать во главѣ на-

рода, во главѣ Христіанъ, чтобы вести ихъ къ пріобрѣтенію человѣческихъ правъ и къ просвѣщенію, на это едва ли достанетъ у Боснійской аристрократіи нравственныхъ силъ, не смотря на благородный примѣръ Дервишъ-бега и нѣкоторыхъ его послѣдователей. Боснійская аристократія будетъ вѣроятно отстранена или задавлена ходомъ исторіи.

Домъ Дервишъ-бега и его хозяинъ суть главнѣйшія достопримѣчательности Травника. Кромѣ ихъ, эта прежняя столица Босніи не представляетъ ничего любопытнаго. Съ тѣхъ поръ какъ (въ 1852 г.) главное управленіе Босніею перенесено въ Сараево, Травникъ опустѣлъ, торговля покинула его, многіе жители, въ особенности изъ Православныхъ, переселились въ другія мѣста. Въ собственномъ городѣ почти все населеніе Мусульманское: тамъ около 1000 Мусульманскихъ домовъ и только 60 Христіанскихъ, большею частію Православныхъ; Православные выстроили недавно, за городомъ, небольшую церковь (чрезвычайно бѣдную) и содержатъ при ней школу. Католики занимаютъ особый кварталъ, ниже собственнаго города, по ту сторону Лашвы, у подножія Виленицы, именуемый Долацъ; ихъ считаютъ тамъ 800 душъ; у нихъ есть также церковь, построенная въ 1855 г., и элементарная школа.

На другой день нашего пріѣзда въ Травникъ мы сдѣлали визитъ каймакаму, чрезвычайно глупому Турку; «дворецъ», въ которомъ онъ живетъ, есть ничто иное, какъ грязный, полуразвалившійся сарай; комнаты не велики, нѣтъ никакого убранства. Въ этомъ «дворцѣ» обитали до 1852 года Султанскіе визири, управлявшіе Босніею; характеръ зданія свидѣтельствуетъ, въ какомъ пренебреженіи они находились и какъ мало они заботились, безпрестанно выгоняемые и смѣняемые другими, объ улучшеніи и украшеніи своего жилища. Выкуривъ трубку у Травницкаго правителя, мы поѣхали осматривать крѣпость. Въ ней помѣщается небольшой гарнизонъ. Видъ съ нея на Травникъ весьма хорошъ. Дома тянутся разнообразными поло-

сами въ узкой долинѣ, слѣдуя поворотамъ рѣчки и изгибамъ горъ. Двѣ горы какъ будто бы сдавили жилища человѣческія въ тѣсную кучку: съ правой стороны тяжелая скалистая масса Влашича, съ лѣвой менѣе строгая очертаніями Виленица. Надъ сѣрыми кучками домовъ возвышаются кое-гдѣ бѣлые минареты.

Мы пообѣдали у Дервишъ-бега, но безъ него (въ этомъ отношеніи Дервишъ-бегъ еще остался при правилахъ Турецкаго общежитія) и отправились въ дальнѣйшій путь. Мы миновали огромную казарму, выстроенную за городомъ, съ сѣверной стороны, и скоро своротили съ большой дороги вправо. Мы ѣхали еще часа полтора черезъ холмы и пригорки и прибыли въ Латинское село Орашье, гдѣ въ то время находился Римско-Католическій епископъ Босніи, объѣзжавшій приходы своей епархіи. Намъ хотѣлось, А. С. I—у и мнѣ, познакомится съ этимъ человѣкомъ, о которомъ слышали отъ всѣхъ только хорошее. Преосв. г. Маріанъ Шуничъ принялъ насъ весьма ласково и, обрадовавшись случаю, пустился съ нами тотчасъ въ ученыя пренія, до которыхъ онъ, какъ видно, страстный охотникъ, но которыхъ не съ кѣмъ вести въ окружающемъ обществѣ. Любимая его тема — первобытность Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ; онъ намъ доказывалъ съ жаромъ, что древніе Ѳракійцы и Иллиры были Славяне; что Славяне, какъ теперь, такъ и въ глубочайшей древности были тутъ сосѣдями Албанцевъ, которыхъ г. Шуничъ (совершенно справедливо) признаетъ за потомковъ древнихъ Пелазговъ. «Воинственный Ахиллесъ, говорилъ онъ намъ, водя насъ по окрестностямъ деревни, былъ такой же Арнаутъ, какъ этотъ кавазъ, который шествуетъ теперь за вами въ полномъ вооруженіи.» Обладая обширнымъ знаніемъ Европейскихъ, древнихъ и новыхъ, и Восточныхъ языковъ, Преосв. г. Шуничъ долго занимался мыслью объ утвержденіи для нихъ общей фонетической азбуки и издалъ объ этомъ сочиненіе (De ratione depingendi rite quaslibet voces articulatas seu de vera orthographia cum necessariis elementis alpha-

beti universalis, auctore Mariano Šunić. Viennae 1853). Но ученая дѣятельность не мѣшаетъ епископу сочувствовать народной жизни. Онъ ревностно собиралъ народныя пѣсни Босняковъ; обширный сборникъ этихъ пѣсенъ, составленный имъ самимъ съ помощью двухъ Францисканскихъ фратровъ, давно уже приготовленъ къ печати и теперь, кажется, вышелъ въ свѣтъ. Мы могли видѣть на дѣлѣ сочувствіе епископа къ простой поэзіи его соотечественниковъ-поселянъ. Вечеромъ, сидя съ нимъ въ тѣсной комнаткѣ священничьяго дома, мы упомянули въ разговорѣ о народной поэзіи Босняковъ. Преосв. Шуничъ спросилъ, не хотимъ ли мы послушать пѣснь, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, тотчасъ послалъ въ деревню за однимъ поселяниномъ, хорошимъ *гусляромъ*. Пришелъ дюжій, пожилой *кметъ* и, не слишкомъ долго заставивъ просить себя, сѣлъ на полъ въ уголокъ, съ раздирающимъ уши пискомъ провелъ смычкомъ по куску смолы, прилѣпленному къ задней сторонѣ гусли, настроилъ единственную струну инструмента и затянулъ безконечную рапсодію про Ивана Сѣнянина, любимаго героя Босняковъ-Католиковъ. Напѣвъ Сербскихъ народныхъ эпическихъ пѣсенъ ужасно монотоненъ. Пѣвецъ начинаетъ первый стихъ чрезвычайно высокимъ голосомъ, какъ будто бы вскрикиваетъ, потомъ продолжаетъ стихъ речитативомъ и кончаетъ его растягиваніемъ и переливомъ голоса на двухъ послѣднихъ слогахъ; второй и слѣдующіе стихи прямо начинается речитативомъ, но растягиваніе обоихъ послѣднихъ слоговъ повторяется въ каждомъ стихѣ; такъ поются къ ряду стиха четыре, пять, шесть, смотря по смыслу, и пѣніе аккомпанируется пискливымъ звукомъ однострунной гусли; потомъ оно на минуту останавливается, и продолжается только игра на гуслѣ; за тѣмъ новый куплетъ, если можно такъ выразиться, начинается опять такимъ же вскрикиваніемъ, но не такъ громкимъ (оно бываетъ всегда громче въ началѣ пѣсни и потомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ разсказѣ наступаетъ новый отдѣлъ); за вскрикиваніемъ опять слѣдуетъ речитативъ,

и такъ далѣе, до безконечности. Пѣсни Сербскія бываютъ ужасно длинны; та, которою насъ угостилъ нашъ кметъ въ Орашьѣ, тянулась часа полтора; правду сказать, монотонность ея была усыпительна, но любо и весело было смотрѣть, съ какимъ наслажденіемъ ее слушалъ епископъ, какой отголосокъ она въ немъ находила, какъ онъ всею душою слѣдилъ за молодецкими подвигами Ивана Сѣнянина. Онъ признался намъ, что никакая Итальянская опера не дѣйствуетъ на его душу такъ, какъ родная пѣснь Боснійскаго простолюдина.

На слѣдующій день, выѣхавъ утромъ, мы къ вечеру достигли Яйца. Мѣста повсюду гористы и покрыты лѣсомъ. Положеніе Яйца великолѣпно. Издали видны высокія стѣны и башни древняго замка. Онъ построенъ на крутомъ холмѣ, въ долинѣ, которую орошаютъ двѣ прекрасныя рѣки, темнозеленый, довольно широкій Вербасъ, текущій между высокими, скалистыми берегами, и голубая Плива. Ложе Пливы гораздо выше, чѣмъ ложе Вербаса, и подъ самымъ городомъ Яйцемъ Плива, достигнувъ до отвѣсныхъ скалъ, образующихъ берегъ Вербаса, смѣлымъ водопадомъ соскакиваетъ съ нихъ въ текущую внизу рѣку. Она не вливается, а *впадаетъ* въ нее, въ точномъ смыслѣ этого слова. Видъ чудеснѣйшій и достойный кисти художника. Другой водопадъ не производитъ такого эффекта, хотя бы количество падающій воды было гораздо больше; но трудно передать словами впечатлѣніе этого необыкновеннего сліянія двухъ рѣкъ. Тутъ не такъ поражаетъ масса воды, летящей съ высоты, громовой гулъ, бѣлая пѣна, на которой лучи солнца отражаются радугами; нѣтъ, въ Пливскомъ водопадѣ есть что-то особенное: именно, дѣйствіе его на другую рѣку. Спокойно течетъ внизу темнозеленый Вербасъ, спокойно отражаются на его гладкой поверхности скалы и деревья; и вдругъ, это спокойствіе возмущено: какъ камень съ неба летитъ на эту гладкую поверхность бѣлый, клокочущій

потокъ, и далеко еще видно, какъ тихая струя Вербаса взволнована, кипитъ и бурлитъ.

Городъ Яйце раздѣленъ на верхній и нижній. Нижній (*варошъ*), обнесенный стѣною, стоитъ на уровнѣ Пливы, по берегу которой выстроено нѣскольсо мельницъ. Черезъ Пливу ведетъ деревянный мостъ, подъ которымъ рѣка уже начинаетъ клокотать, налетая на скалы, загораживающія ей путь къ Вербасу. Яйце стоитъ на лѣвой (сѣверной) ея сторонѣ. Городъ грязенъ, домики маленькіе, деревянные; въ Яйцѣ считаютъ отъ 200 до 300 Мусульманскихъ, около 40 Римско-Католическихъ и 3 Православныхъ дома. На главной улицѣ, подлѣ мечети, стоитъ ханъ, не слишкомъ гадкій для Боснійскаго города. Верхняя часть города или *градъ* заключаетъ въ себѣ также дома, но только Мусульманскіе; она обнесена крѣпкою стѣною, сложенною изъ большихъ камней и, по видимому, весьма древнею. Съ трехъ сторонъ защищаютъ *градъ* древнія башни, именуемыя Медвѣдъ-кула (Медвѣжья башня), Кралевска-кула и Поповска-кула. Нашъ Яецкій путеводитель, Францисканскій фратръ, показывалъ намъ въ *градѣ*, подъ садомъ, принадлежащимъ одному Мусульманину, старинное подземелье, которое народъ называетъ казнохранилищемъ прежнихъ королей. Оно состоитъ изъ двухъ пещеръ, соединенныхъ узкимъ проходомъ; замѣчательно то, что въ природной, каменной стѣнѣ, которая ихъ раздѣляетъ, высѣченъ сквозной крестъ, довольно большой, а съ лѣвой стороны его — обращенный рогами вверхъ полумѣсяцъ, съ правой — кругъ, изображающій вѣроятно солнце. Яецкіе жители говорятъ, что это былъ *билѣгъ* (т. е. знакъ, гербъ) Боснійскихъ королей. Внутри *града*, вершина горы, на которой онъ стоитъ, обнесена еще стѣною и могла служить въ старину послѣднимъ убѣжищемъ для защитниковъ этой знаменитѣйшей твердыни Боснійской. Теперь этотъ ветхій замокъ обращенъ въ пороховой складъ; мы не могли его видѣть, по случаю отсутствія *мудира*, который увезъ съ собою ключъ. Наконецъ,

послѣдняя достопримѣчательность Яйца есть большая церковь Св. Луки, съ прекрасною, тонкою колокольнею, стоящая на западной сторонѣ *града*; она обращена была въ мечеть и недавно погорѣла; теперь она стоитъ пустая, безъ крыши и всё болѣе и болѣе разваливается. Народъ утверждаетъ, что церковь эта была Католическая; стиль ея Византійскій. Въ одномъ часѣ отъ Яйца, въ урочищѣ Подмилачьѣ, находится Католическая церковь Св. Іоанна Крестителя, которую почитаютъ за древнѣйшій Латинскій храмъ въ Босніи; она стоитъ въ совершенной глуши и этому обязана своимъ сохраненіемъ, и даже тѣмъ, что при ней уцѣлѣли колокола; это единственная Христіанская церковь въ Босніи, гдѣ не переставали звонить во все время Турецкаго владычества.

Городъ Яйце (получившій свое названіе, вѣроятно, оттого, что издали возвышеніе, на которомъ онъ стоитъ, имѣетъ видъ продолговатаго круга, выпуклаго въ серединѣ) богатъ историческими воспоминаніями. Стѣны и башни его, по словамъ народа, остались такъ какъ онѣ были при древнихъ короляхъ. Въ Христіанскую эпоху Яйце было, по видимому, главною столицею Босніи; оно называется въ старинныхъ грамотахъ «славнымъ стольнымъ градомъ», въ немъ былъ «славный дворъ королевскій.» Паденіе его передъ Турками въ 1463 г. рѣшило судьбу Босніи. Теперь этотъ городъ совершенно незначителенъ; торговой дѣятельности въ немъ почти нѣтъ; Католическое населеніе бѣдно; Мусульмане дики; Православныхъ, которые представляютъ собою, въ Босніи, самый дѣятельный, промышленный элементъ населенія, нѣтъ вовсе въ цѣлой Яецкой нахіи (кромѣ трехъ семействъ, въ самомъ городѣ, занимающихся мелочною торговлею).

Изъ Яйца мы поѣхали въ Баня-луку (или, правильнѣе, Баню-луку, ибо Босняки склоняютъ обѣ части этого имени: оно происходитъ, очевидно, не отъ *бани*, какъ твердитъ народъ, а отъ прилагательнаго *баній*, образованнаго какъ *княжій* отъ

князь, отъ слова *банъ*). Отъ Яйца до Баней-луки два дня ѣзды. Начало дороги превосходно. Вы ѣдете по лѣвому, довольно высокому берегу Пливы, которая, страннымъ образомъ, все болѣе и болѣе расширяется, теряя быстроту теченія, по мѣрѣ того какъ вы удаляетесь отъ ея устья-водопада. Еще дальше она образуетъ небольшое озеро, потомъ опять съуживается въ рѣку, а еще выше снова расширяется и принимаетъ видъ длиннаго озера. Теченія въ этомъ озерѣ незамѣтно. Какъ въ зеркалѣ отражаются въ немъ живописныя горы, конусообразная вершина, называемая Оштро-брдо (т. е. Острая-гора) и массивная возвышенность Хотумаль. Видъ этихъ горъ и длиннаго озера, въ которое вдругъ превратилась узкая Плива, напомнилъ мнѣ Рейнъ въ среднемъ его теченіи; только тутъ нѣтъ ни людей, ни селеній, ни пароходовъ, ни древнихъ развалинъ. Одна природа въ этихъ мѣстахъ жива; человѣкъ ея не оживляетъ. Когда смотришь, съ высокаго берега, на спокойное озеро, слышишь въ то же время далекій, бурный гулъ: это водопадъ, не очень большой: этимъ водопадомъ Плива соскакиваетъ въ просторный бассейнъ озера, какъ бы для того чтобы въ немъ отдохнуть отъ своего верхняго теченія между ущельями горъ и приготовиться для трудностей дальнѣйшаго пути, до сліянія съ Вербасомъ. Водопадъ этотъ называется Заслапъ. Онъ со всѣхъ сторонъ почти закрытъ нависшими ивами. Къ нему ведетъ склонъ, засѣянный кукурузою, и нѣсколько дальше стоитъ деревня Приклаица. Въ получасѣ оттуда вверхъ, Плива образуетъ третье озеро, за которымъ находится еще водопадъ, Скокъ. Посреди третьяго озера, на островѣ, выстроенъ дрянной городокъ, называемый Езеро, по-Турецки Гіольхиссаръ. Весь городъ, окруженный старою стѣною и служащій мѣстопребываніемъ мудира, состоитъ изъ сотни Мусульманскихъ лачугъ; Христіанъ въ Езерѣ нѣтъ, кромѣ одного Православнаго семейства. Надъ Езеромъ царствуетъ сонъ и разрушеніе; дома похожи на развалины; нѣтъ ни малѣйшаго признака дѣятельности.

Въ двухъ часахъ отъ Езера находится городокъ Варцаръ; дорога проходитъ подъ высокою горою Оруглой. За Варцаромъ, на другой горѣ, называемой Зборище, собираются Православные жители служить литургію въ большіе праздники подъ шатромъ, который приносятъ собою. Варцаръ гораздо больше Езера: въ немъ до 500 Мусульманскихъ, около 100 Латинскихъ и 3 Сербскихъ (т. е. Православныхъ) дома. Не знаю, почему правленіе округа находится не въ немъ, а въ Езерѣ. Послѣ полудня выѣхали мы изъ Варцара; ночь застала насъ на высокомъ горномъ полѣ, называемомъ Ситница. Въ потемкахъ добрались мы до *кулы* (башни), принадлежащей владѣльцу Ситницы, бегу Мохаррему. Мы послали просить у него ночлега, и приняты были радушно. Господская усадьба обнесена большою, крѣпкою каменною стѣною и, конечно, въ старину не разъ служила крѣпостью; старая башня стоитъ пустою и разрушается. Бегъ живетъ въ деревянномъ домѣ; онъ повелъ насъ въ маленькую комнатку, гдѣ сидѣлъ и грѣлся передъ каминомъ, усадилъ подлѣ себя и, послѣ угощенія кофеемъ и вопросовъ о здоровьѣ, вступилъ въ интересный разговоръ о политикѣ. Мохарремъ-бегъ намъ понравился; онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ въ земляхъ просвѣщенныхъ называютъ оригиналами: онъ не признаетъ свѣтскихъ приличій, кричитъ громко, что на сердцѣ у него, то и на языкѣ, но все-таки видно, что онъ себѣ на умѣ. «*Валлахъ*, сказалъ онъ, пріятно мнѣ видѣть тебя; мы дикіе люди, а все-таки много наслышались про тебя, какъ ты пріѣхалъ въ Босну. Слава Богу, что и отъ васъ стали пріѣзжать къ намъ люди; а то прежде только Швабы (Австрійцы) къ намъ ѣздили; а Швабъ, *валлахъ*, мы терпѣть не можемъ.»—«Почему такъ?» —Бога ми, Шваба є поганъ човѣкъ, превариђе вазда (всегда надуетъ). — «А лучшаго ли вы мнѣнія про нашего брата?» — А какъ же? Московъ—крѣпкій народъ; какъ онъ бился тамъ, въ Крыму! всѣ пошли на него войною, и нашъ царь, и Нѣмецкій краль (т. е. Австрійскій

Императоръ) [1]) и Французъ и Инглезъ (Англичанинъ), и ничего не могли ему сдѣлать. Да, вотъ и васъ надулъ Шваба, не однихъ насъ простыхъ людей онъ надуваетъ. Онъ совсѣмъ-было пропалъ отъ Мадъяровъ, когда вашъ «Краль» послалъ войско и выручилъ его; а теперь онъ сдѣлался вамъ *душманомъ* (врагомъ). — «Стало быть, вы знали про Мадъярскую войну?» — Какъ не знать; мы знаемъ все, что тамъ дѣлалось. Наши люди ходили туда, продавать скотъ и хлѣбъ, да и сколько Мадъяровъ перебѣгало въ нашу землю; вѣдь мы близкіе сосѣди. Вотъ и у меня, въ этой комнатѣ, не мало ихъ перебывало гостями. И мы часто дивились, какимъ образомъ вашъ «Краль» сталъ помогать Нѣмцамъ: вашъ «Краль» Сербъ (т. е. Православный), а Нѣмецъ — Шокацъ (Католикъ).» Мохарремъ-бегъ сказалъ это вопросительнымъ тономъ, какъ бы ожидая объясненія этому непонятному для него факту. Но какъ прикажете растолковать Босняку начала политическаго консерватизма, незаконность революціонныхъ предпріятій и вмѣшательство консервативнаго начала для подавленія революціоннаго, — когда вся политика Босняка, будь онъ Мусульманинъ, Католикъ или Православный, все равно, заключается въ одномъ убѣжденіи: что братья по вѣрѣ составляютъ одинъ народъ и должны помогать другъ другу? Это убѣжденіе въ Боснякахъ неискоренимо: даже Мусульмане Боснійскіе, сколько имъ не твердили въ послѣднее время о невмѣшательствѣ иностранцевъ во внутреннія дѣла Турціи, о томъ, что «Султанъ есть полный хозяинъ въ своемъ домѣ», все-таки никакъ не могутъ понять, чтобы какое бы то ни было государство могло не заступаться за своихъ единовѣрцевъ. «Право, говорилъ мнѣ Мохарремъ-бегъ Ситница, мы всегда дивились, какъ это со стороны вашего *Краля* здѣсь столько времени не было никого, тогда какъ и Нѣмецъ (Австріецъ) и

---

1) Простые Босняки (а Мохарремъ-бегъ по образованію и взглядамъ не отличается отъ простонародья) вполнѣ увѣрены, что Австрія принимала въ послѣднюю войну прямое участіе противъ Россіи.

Французъ и Инглезъ держали въ нашей землѣ своихъ людей: вѣдь вашего *милета* (вашего народа, т. е. вашихъ единовѣрцевъ) у насъ множество, гораздо больше, чѣмъ Шокцевъ (Католиковъ).» Не думайте, чтобы мой собесѣдникъ хотѣлъ вывѣдать отъ меня что нибудь и по этому говорилъ такимъ образомъ; нѣтъ, онъ говорилъ совершенно простодушно: тѣ же самыя убѣжденія выскажетъ вамъ, болѣе или менѣе откровенно, всякій Боснійскій Мусульманинъ, если только онъ не зараженъ духомъ Константинопольскаго чиновничества.

Баньлука находится въ 6 часахъ отъ Ситницы. Городъ этотъ лежитъ на р. Вербасѣ, тамъ гдѣ она выходитъ изъ горнаго края и вступаетъ въ равнину. Замѣчательна перемѣна растительности по мѣрѣ приближенія къ Баньлукѣ. На горныхъ полянахъ видишь только сосну и березу, въ долинахъ дубъ, букъ, орѣшникъ, а на подошвѣ горы Старчевицы, за которою открывается Баньлука, обильно растутъ абрикосы, персики, виноградъ. Вообще сѣверная часть Босніи, составляющая почти непрерывную равнину, верстъ 40 — 50 шириною вдоль южнаго берега Савы, отъ ея притока, Вербаса, на западѣ, до другаго притока, Дрины [1]), на востокѣ, ниже надъ поверхностью моря и теплѣе, чѣмъ средняя и южная Боснія. До Баньлуки всѣ сообщенія производятся верхомъ, торговля — вьюками; отъ Баньлуки на сѣверъ до Австрійской границы у Градишки (8 часовъ ѣзды, т. е. около 40 верстъ), а также на сѣверозападъ, въ Краину (въ города Козарацъ, Прѣдоръ и пограничный г. Новый) и на сѣверовостокъ (въ Дербентъ и пограничный г. Бродъ) ходятъ *кóла*, тяжелыя телѣги съ немазанными колесами, въ которыя впрягаютъ воловъ. Такимъ образомъ Баньлука естественно сдѣлалась складочнымъ пунктомъ въ торговлѣ западной части Босніи съ Австріею (Кроаціею и Славоніею), и если бы эта торговля оживилась промышленною

1) За Дриной начинается Сербія; сѣверный берегъ Савы, какъ извѣстно, принадлежитъ Австріи.

дѣятельностью и благосостояніемъ Босній скихъ жителей, то Банялука стала бы цвѣтущимъ торговымъ средоточіемъ. И теперь она едва ли не второй послѣ Сараева городъ Босніи. Въ ней считаютъ болѣе 1500 Мусульманскихъ и 110 Христіанскихъ домовъ, въ томъ числѣ 70 Православныхъ и 40 Католическихъ: жителей, должно полагать, отъ 12 до 15 тысячъ. При всей малочисленности своей, Христіане, именно Православные, составляютъ самый дѣятельный и богатый классъ жителей въ Банялукѣ; они главнымъ образомъ держатъ въ своихъ рукахъ тамошнюю торговлю. Прежде въ самомъ городѣ Банялукѣ вовсе не было Православныхъ: они поселились тамъ въ недавнее время (въ теченіе нынѣшняго столѣтія), и почти всѣ выходцы изъ Герцеговины, въ особенности изъ Требиньскаго края. Самая же *нахія* Банялуцкая, одна изъ обширнѣйшихъ и наиболѣе населенныхъ въ Босніи, почти исключительно занята Православными. Замѣчательно, до какой степени гнетъ Мусульманъ-помѣщиковъ убилъ предпріимчивость въ этомъ населеніи: не смотря на всѣ выгоды положенія города, никто изъ окрестныхъ земледѣльцевъ-Христіанъ не могъ или не отважился переселиться туда и пуститься въ торговлю; создать Банялуцкую торговлю пришлось голоднымъ, но бойкимъ выходцамъ изъ самаго отдаленнаго и самаго бѣднаго края Герцеговины.

Внѣшній видъ Банялуки престранный. Такого длиннаго и узкаго города я не видалъ на свѣтѣ. Группы домовъ и избушекъ тянутся вдоль обоихъ береговъ Вербаса по крайней мѣрѣ на 6 верстъ; часто весь городъ ограничивается шириною одной улицы; во многихъ мѣстахъ поля проникаютъ въ середину города.—Въ Банялукѣ есть старая крѣпостца, огражденная водами Вербаса; въ ней помѣщаются казармы и строится военный госпиталь; въ ней же находится домъ каймакама (вице-губернатора). Лучшая часть города на сѣверномъ концѣ, на лѣвомъ берегу рѣки: тамъ живутъ Христіане-торговцы; у нѣ-

которыхъ есть довольно хорошіе дома. Тамъ же находится большой двухъ-этажный ханъ, очень хорошій для Турецкаго города; вблизи живетъ Австрійскій консульскій агентъ, г. Миленковичъ, капитанъ пограничнаго войска, Православный, весьма радушно предложившій намъ свое гостепріимство. — Въ городѣ недавно учреждена Христіанская школа, въ которой Православные учатся вмѣстѣ съ Католиками. Православной церкви нѣтъ, къ стыду Банялуцкаго купечества. Ходятъ молиться въ деревню, въ одномъ часѣ растоянія отъ города: тамъ еще въ прошломъ столѣтіи устроена была церковь въ жалкой деревянной избушкѣ. Между тѣмъ поселяне своими скудными средствами недавно соорудили большую каменную церковь въ с. Лепеницѣ, въ нѣсколькихъ часахъ отъ Банялуки.

Въ Банялукѣ я познакомился съ каймакамомъ, Адемъ-ефенди, и нѣкоторыми Турецкими чиновниками и ужиналъ съ ними у каймакама. Про Адемъ-ефенди я не скажу дурнаго слова, потому что Христіане вообще его хвалили, на сколько могутъ хвалить Турецкаго чиновника; но ужинъ у него представилъ мнѣ самую отвратительную сцену пьянства, какую только случалось встрѣтить въ Босніи; не стану ея описывать, потому что мои читатели знаютъ уже, какъ напиваются властители-Османліи за ужиномъ. Видѣлъ я также нѣкоторыхъ изъ Банялуцкихъ торговцевъ-Христіанъ. Ничего особенно замѣчательнаго не запомнилъ я изъ разговоровъ и съ этими торговцами и съ Турецкими правителями въ Банялукѣ; только одно общее впечатлѣніе оставили они во мнѣ, именно то, что тамъ всѣ, и торговцы-Христіане и Турецкіе чиновники, исполнены глубокаго страха и благоговѣнія передъ Австріею. Такого страха и благоговѣнія она еще не внушаетъ къ себѣ въ другихъ мѣстахъ Босніи, болѣе отдаленныхъ отъ ея границъ.

Изъ Банялуки мы поворотили на югозападъ и потомъ прямо на югъ къ Лѣвну, другому значительному торговому пункту Босніи, на югозападномъ ея краю, между Далмаціей и Герце-

говиной. Въ три дня усиленнаго марша на нашихъ бѣдныхъ лошадяхъ пересѣкли мы тотъ уголъ, которымъ Боснія вдалась между Венгріею и Далмаціею. Первый нашъ ночлегъ былъ въ монастырѣ Гоміоницѣ (правильнѣе Гомильницѣ). Онъ лежитъ на югозападъ отъ Банялуки, у рѣчки того же имени, которая течетъ въ Сану (притокъ Уны, впадающей въ Саву); монастырь окруженъ горами и находится у входа въ гористую мѣстность, которая тянется далеко на югъ и югозападъ; къ Банялукѣ же горы понижаются и переходятъ въ холмы.

Гоміоница вмѣстѣ съ другимъ монастыремъ въ Краинѣ, именно Моштаницею (она находится въ 12 ч. отъ Гоміоницы, у городка Дубицы, близъ Австрійской границы) былъ долгое время единственною Православною обителью въ Босніи. Теперь число монастырей возрасло тамъ до пяти, въ слѣдствіе возобновленія Баньской обители въ южной Босніи и Озрена и Папрачи въ сѣверовосточной (послѣдніе два еще не освящены). Какая разница съ Герцеговиною, гдѣ, при Православномъ народонаселеніи вчетверо меньшемъ, 12 старыхъ монастырей; какая еще болѣе поразительная разница съ Старою Сербіею! Эта разница между Босніею и двумя другими Сербо-Турецкими областями становится еще ощутительнѣе при взглядѣ на внутреннее состояніе Боснійскихъ монастырей. О Баньской обители я не говорю, потому что она построена только три года тому назадъ и есть не что иное, какъ колонія монаховъ изъ Герцеговинскаго монастыря Св. Троицы въ Таслиджѣ; Озренъ и Папрача также не идутъ въ сравненіе, потому что они еше только возникаютъ изъ развалинъ, усердіемъ окрестныхъ мірскихъ священниковъ и поселянъ, и еще не освящены, не имѣютъ братія. Остаются пока на долю Босніи два старыхъ монастыря, Гоміоница и Моштаница. Въ Гоміоницѣ живутъ всего два монаха: одинъ полуграмотный старикъ, именуемый игуменомъ, и другой, еще менѣе грамотный, инокъ. Они ничѣмъ почти не отличаются отъ простыхъ поселянъ; богослуженіе совершает-

ся у нихъ изрѣдка и совершенно невѣжественно; не видно въ нихъ вовсе того уваженія къ своему сану и той духовной энергіи, которою отличаются многіе изъ монаховъ въ Герцеговинѣ и Старой Сербіи; не видно также, чтобы монастырь имѣлъ вліяніе на народъ. Въ Моштаницѣ живутъ двое монаховъ и одинъ старецъ; я тамъ не былъ, но слышалъ, что состояніе этого монастыря еще хуже, чѣмъ Гоміоницы. Такимъ образомъ не только число, но и внутреннее состояніе монастырей свидѣтельствуетъ о томъ, какъ скудна и мало развита духовная жизнь въ Православномъ населеніи Босніи сравнительно съ Герцеговиною и Старою Сербіею. Но я говорю это не въ укоръ Православнымъ Боснякамъ. Читатель знаетъ, что Православная стихія была тамъ издавна подавлена, что періодъ прежней независимости не завѣщалъ Православнымъ Боснякамъ ни церквей, ни обителей, ни историческихъ памятниковъ и преданій. Удивительно только, какъ Православная стихія, при отсутствіи всякаго духовнаго наслѣдія отъ старины, и при окружающемъ ее огромномъ туземномъ населеніи Мусульманъ, сильныхъ своимъ полноправіемъ, и Католиковъ, сильныхъ не только нравственною поддержкою Запада, но и своими историческими воспоминаніями (ибо имъ по преимуществу принадлежитъ вся исторія Босніи въ періодъ ея независимости), удивительно, говорю я, какъ при такихъ условіяхъ Православная стихія еще сохранилась въ Босніи.

Я ничего еще не сказалъ о внѣшности и матеріальномъ состояніи Гоміоницкаго монастыря. Церковь въ немъ небольшая, низкая; она была построена въ 1747 году. Монастырь имѣлъ прежде свою землю и своихъ *кметовъ*: объ этомъ напоминаетъ даже имя лежащей по близости деревни Кмечане. Но теперь онъ утратилъ все это; сосѣдніе Турецкіе помѣщики изъ богатѣйшаго во всей сѣверо-западной Босніи рода Джиничей завладѣли деревнею и даже присвоили себѣ землю, окружающую самый монастырь; монастырь принужденъ былъ сдѣлаться ихъ

кметомъ, какъ выражаются въ Босніи, т. е. платить имъ *третину* за право пользованія этою землею. Въ 1857 г. взяли съ него около 1000 піастр. *третины* и почти 2000 піастр. казенныхъ податей и разныхъ поборовъ. Для двухъ престарѣлыхъ монаховъ, составляющихъ всю братію Гоміоницы и не имѣющихъ почти никакого дохода, это налогъ огромный.

Отъ Гоміоницы на югъ, по направленію къ Гламочу, тянутся безпрерывно горныя цѣпи на 10 часовъ пути. У насъ остался вправо городокъ и старинный замокъ Ключъ; мы миновали урочище Ратко, усѣянное множествомъ такихъ же древнихъ каменныхъ плитъ, какія мы видѣли въ Герцеговинѣ (это мѣсто называется *Грчка градина*, т. е. Греческая постройка); проѣхали Православныя деревни Подрашница, Медна и Печка (близъ послѣдней стоятъ развалины небольшой церкви, которую поселяне сбираются возобновить). Далѣе начинается лѣсистый и безлюдный край; дорога ужасная, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ по узкому гребню горъ проложена была мостовая, если не Римлянами, то по крайней мѣрѣ старинными Боснійскими королями, и съ тѣхъ поръ оставалась безъ починки. Съ невѣроятными усиліями шагали наши бѣдныя лошади черезъ размытые, вывороченные горными водами большіе камни; у моего спутника лошадь послѣ этого перехода захромала такъ, что онъ потомъ, пріѣхавши въ Лѣвно, принужденъ былъ оставить ее.

Поздно вечеромъ выѣхали мы въ Гламочское поле. Это высокая, гладкая, холодная горная равнина, которая простирается часовъ на 6 вдоль границы Далмаціи, отдѣленной отъ нея горными хребтами. Дорогою нашъ кавазъ, Али, потѣшалъ насъ разсказами о своихъ подвигахъ противъ хайдуковъ (разбойниковъ), когда онъ служилъ въ заптіяхъ (полицейской стражѣ). Разбойники гнѣздились прежде въ большомъ числѣ, да и теперь не перевелись, въ Гламочскомъ и сосѣднихъ краяхъ, по Австрійской границѣ: чуть начнутъ ихъ преслѣдовать, они убѣ-

гаютъ въ Австрію и тамъ укрываются у своихъ друзей въ пограничныхъ деревняхъ. Нѣкоторые изъ нихъ пользуются громкою извѣстностью въ Босніи. — Мы переночевали на Гламенскомъ полѣ, въ *оджакѣ* (собственно *очагъ*, т. е. усадьбѣ) беговъ Филиповичей (иначе Пилиповичей), весьма стариннаго и въ прежнее время очень богатаго, но теперь развѣтвившагося и обѣднѣвшаго *господскаго* рода. Въ этомъ *оджакѣ* живутъ три брата, съ своими семьями; вблизи барской усадьбы разбросано нѣсколько избъ, принадлежащихъ Мусульманамъ, которыхъ патріархальная зависимость отъ Филиповичей похожа на отношенія древняго кліентства. Филиповичи приняли насъ радушно, но не показали довѣрчивости и желанія вступить въ разговоры.

На другой день около полудня мы пріѣхали въ Гламочъ, маленькій Мусульманскій городокъ, съ сотнею жалкихъ домиковъ, сложенныхъ изъ камня, стоящій на склонѣ горы, вершина которой занята старою, разрушившеюся крѣпостцою. — Къ вечеру, переѣхавъ черезъ высоты, называемыя Приса и отдѣляющія Гламочскую плоскую возвышенность отъ Лѣвненской равнины, достигли мы торговаго города Лѣвно.

Лѣвно (или правильнѣе Хлѣвно, какъ называютъ его Мусульмане) [1]) лежитъ у подножія крутаго скалистаго хребта, отдѣляющаго Лѣвненскую равнину отъ остальной Босніи на сѣверъ. Хребетъ этотъ носитъ названіе Греда и, нѣсколько далѣе, Градацъ. Лѣвненская равнина, которая гораздо ниже и теплѣе Гламочской, имѣетъ не болѣе 4 часовъ длины и 3 ширины. На западъ она отдѣлена отъ Дувненскаго округа Герцеговины хребтомъ Тушницею; на югъ, отъ Далмаціи, хребтомъ Камешницею. Мѣстоположеніе Лѣвна чрезвычайно красиво. Городъ съ сѣверной стороны припертъ къ горѣ съ огромными отвѣсными скалами самыхъ разнообразныхъ очертаній. На нихъ гнѣздят-

1) Герцеговинскіе и Далматскіе Католики выговариваютъ Ливно; Мусульмане вмѣсто Хлѣвно также произносятъ Хливно.

ея древнія башни [1]) и, пониже, на одномъ отрогѣ горы, стоитъ четвероугольная крѣпость съ массивными стѣнами [2]). Съ другихъ сторонъ дома просторно раскинулись по холмамъ и въ полѣ. Изъ подъ скалъ, изъ пещеры, грознымъ потокомъ вырывается рѣка Быстрица, на протяженіе почти восьми часовъ (40 верстъ) скрывавшаяся подъ горами [3]): вода ея, процѣженная сквозь эти горы, необыкновенно чиста и прозрачна; она впадаетъ въ Цетину, текущую въ Адріатическое море, самую большую изъ рѣкъ Далмаціи. Черезъ Быстрицу ведетъ каменный мостъ. Главная часть города расположена на холмѣ, на лѣвой (юговосточной) сторонѣ рѣки; тамъ есть нѣсколько порядочныхъ домовъ, принадлежащихъ Православнымъ торговцамъ; тамъ же домъ Австрійскаго консульскаго агента и необыкновенно грязный, полуразвалившійся *конакъ* Лѣвненскаго мудира. На правой (сѣверозападной) сторонѣ, называемой Прикоричье или Прѣкорѣчье, тянутся каменные заборы, скрывающіе старинные домики Мусульманъ. Тутъ же, по обѣимъ сторонамъ улицы, стоятъ другъ противъ друга два *оджака* (господскихъ дома), огражденные высокою стѣною: въ каждомъ возвышается неуклюжая *кула* (башня); обѣ *кулы* соединены перекинутымъ черезъ улицу крытымъ мостомъ. Это было жилище знаменитаго предводителя Боснійской аристократіи, наслѣдственнаго правителя Лѣвненской нахіи, Фильдусъ-капетана. Прежде онъ жилъ въ прадѣдовской башнѣ, на неприступной скалѣ надъ городомъ, и сходилъ оттуда по временамъ, чтобы грабить или биться съ Султанскимъ визиремъ; наконецъ (кажется, въ тридцатыхъ годахъ) Султанское войско разорило это разбойничье гнѣздо, и Фильдусъ принужденъ былъ переселиться въ городъ; тогда онъ построилъ эти два *оджака* для своихъ двухъ женъ и жилъ

1) Главныя изъ нихъ называются Венсъ-кула, Евренъ-кула, Кланацъ-кула.

2) Ея построеніе приписываютъ Нѣмцамъ (Австрійцамъ), нѣсколько разъ занимавшимъ Лѣвно во время своихъ войнъ съ Турками.

3) Верхнее ея теченіе находится близъ г. Купреса.

попеременно то у одной, то у другой; теперь въ нихъ обитаютъ сыновья его отъ этихъ двухъ женъ. Далѣе въ Прѣкорѣчьѣ, въ полѣ за городомъ, находится деревянный сарай, подъ которымъ помѣстили богослужебный шатеръ, служащій Православною церковью. Для полноты описанія прибавлю, что въ Лѣвнѣ считаютъ 100 Православныхъ, около 200 Католическихъ и около 500 Мусульманскихъ домовъ.

У Католиковъ есть въ городѣ небольшая церковь, и при ней школа. Въ четверти часа отъ Лѣвна для нихъ строятъ теперь, въ мѣстѣ называемомъ Горица, большой Францисканскій монастырь. Православные жители имѣютъ также въ Лѣвнѣ элементарное училище и помышляютъ теперь о постройкѣ церкви.

Лѣвно, какъ я сказалъ, городъ торговый. Онъ служилъ до послѣдняго времени главнымъ посредствующимъ звеномъ въ торговлѣ Босніи съ Далмаціею и вообще съ Приадріатическими странами. Этимъ Лѣвно обязано сосѣдствомъ съ большою и дѣятельною гаванью Сплѣтомъ (Спалатро) въ Далмаціи. Отъ Сплѣта до Лѣвна всего 8 часовъ (около 40 верстъ). Австрійцы провели до границы прекрасную дорогу и хлопотали, чтобы Турки позволили продолжать ее отъ границы до Лѣвна, т. е. на какихъ нибудь 12 или 15 верстъ; товары доставлялись бы тогда до Лѣвна на возахъ и тамъ уже нагружались бы на вьюки; Лѣвно выиграло бы отъ этого чрезвычайно. Однако не только Турецкая администрація, но главнымъ образомъ Лѣвненскіе жители, Мусульмане, до сихъ поръ упрямо противятся проведенію шоссе, боясь, что гяурамъ слишкомъ легко будетъ къ нимъ ѣздить; а спускъ съ Камешницы, хребта отдѣляющаго Лѣвненскую равнину отъ Далмаціи, таковъ, что при всякомъ отправленіи каравана изъ Австріи въ Лѣвно, нѣсколько лошадей непремѣнно свалятся съ горы, убьются и попортятъ товаръ. Теперь, вслѣдствіе бездорожья, начинающагося отъ пограничной черты Турецкой, товары, разгруженные въ Сплѣтѣ, везутся 20 верстъ на колесахъ до Австрійскаго городка Сѣнь

или Сивь, который отстоитъ на одинъ часъ ѣзды отъ границы; тамъ коммисіонеры навьючиваютъ ихъ на лошадей и такъ ихъ везутъ еще 20 верстъ до Лѣвна; въ Лѣвнѣ они сдаются Боснійскимъ купцамъ (и здѣсь торговля большею частью въ рукахъ Православныхъ), которые уже распредѣляютъ ихъ по разнымъ краямъ Босніи. Сложность коммиссіонерскихъ операцій, чрезвычайно дорогихъ въ этихъ странахъ, такъ затрудняетъ торговлю, что она въ послѣдніе три или четыре года стала покидать Лѣвно. Это произошло съ тѣхъ поръ, какъ Австрійцы открыли торговую пристань въ Метковичахъ, на низовьѣ Неретвы, и начали отправлять туда корабли и пароходы. Въ Метковичахъ товаръ прямо съ судовъ навьючивается на лошадей и везется въ Мостаръ (9 часовъ, по довольно хорошей дорогѣ). Такимъ образомъ доставка съ пристани на складочный пунктъ Турецкій обходится по этому пути дешевле, чѣмъ изъ Сплѣта въ Лѣвно; также и дальнѣйшее отправленіе, до Сараева, дешевле изъ Мостара (24 часа ѣзды), чѣмъ изъ Лѣвна, гдѣ считаютъ 36 часовъ, и то мѣстами по ужаснѣйшей дорогѣ.

Эти 36 часовъ (т. е. около 180 верстъ) мы проѣхали по-Татарски, какъ выражаются въ Босніи, т. е. на почтовыхъ вскачь, въ полтора дня. Никому не желаю удовольствія повторить этотъ подвигъ. Мы рѣшились предпринять его, во-первыхъ, потому что лошадь моего товарища, А. С. І., захромала, какъ я сказалъ, и не могла продолжать пути, во-вторыхъ, потому что намъ надоѣло ѣхать шагомъ, и хотѣлось извѣдать, что значитъ почтовая ѣзда въ Турціи. Она значитъ — ломъ и потомъ безчувственность во всѣхъ членахъ, боль, и вслѣдъ за тѣмъ одурѣніе въ головѣ, совершенная невозможность проглотить кусокъ чего нибудь и страшная жажда (которую мы, къ счастію, могли утолять во всю дорогу спѣлыми сливами). Но какъ эти страданія скоро прошли, едва только мы воротились домой, съѣли огромный кусокъ разогрѣтой баранины и легли въ постель!

Итакъ мы оставили въ Лѣвнѣ нашихъ лошадей, и съ ними должны были оставить также нашу прислугу. Мы пустились на волю Божію, съ однимъ только *суруджи* (почтильономъ, который мѣняется на каждой станціи и доставляетъ лошадей обратно). Суруджи вооруженъ пистолетами; съ нами былъ револьверъ, который очень пригодился, потому что на второй станціи суруджи вздумалъ-было грубить, и хотѣлъ насильно остановить насъ у хана и мѣшать ѣхать, какъ мы желали: поднятый на него револьверъ тотчасъ привелъ его въ повиновеніе. Ѣдучи почти все время рысью или, гдѣ можно было, вскачь, и съ притупленнымъ отъ усталости вниманіемъ, мы не многое могли замѣтить и запомнить изъ видѣнныхъ мѣстъ. Впрочемъ замѣчательнаго ничего не встрѣчалось. Отъ Лѣвна подымаешься на огромную, каменистую крутизну, Градацъ, ѣдешь по плоской возвышенности Крузи, потомъ опять подымаешься на гору, Цинцаръ, широкая вершина которой образуетъ впадину, усѣянную камнемъ и похожую издали на окаменѣлое озеро; потомъ спускаешься въ горныя поля и достигаешь городка Купресъ, съ 30 Мусульманскими домами, лежащаго въ небольшомъ углубленіи, на холодной, горной плоскости. Тутъ станція. Прошло съ полчаса, пока отыскали мензильджію (почтмейстера) и осѣдлали лошадей. Вторую станцію ѣхали мы въ сумеркахъ и темнотѣ (изъ Лѣвна выѣхали мы послѣ полудня); дорога отъ Купреса до Скопля пересѣкаетъ нѣсколько горныхъ хребтовъ, такъ что мы почти все время то подымались, то опускались; особенно велика одна гора, называемая Столъ; спускались мы съ нея почти часъ. Подъ нею лежитъ городокъ Прусацъ (по-Турецки Акхиссаръ) съ 150 Мусульманскими домами, въ прежнее время бывшій однимъ изъ самыхъ значительныхъ городовъ Босніи; надъ нимъ возвышается старинная крѣпостца. Въ темнотѣ миновали мы Прусацъ, потомъ ѣхали полями, по усаженной деревьями дорогѣ, и около 10 часовъ вечера добрались до Скопля, гдѣ нашли ночлегъ въ домѣ муди-

ра. Скопле — небольшой городъ, на верховьяхъ р. Вербаса, съ Мусульманскимъ и отчасти Католическимъ населеніемъ; въ самомъ городѣ Православныхъ почти нѣтъ, но много въ окрестныхъ деревняхъ; въ селѣ Чипаличи выстроили они недавно каменную церковь; строенію ея помогъ довольно значительнымъ пожертвованіемъ Австрійскій Императоръ. — Отъ Скопля до Травника дорога проходитъ большею частью по лѣсистымъ лощинамъ и узкимъ долинамъ, вьющимся между горами по теченію быстрыхъ рѣчекъ; край почти безлюдный. Въ Травникѣ мы часа на три остановились у гостепріимнаго нашего пріятеля, Дервишъ-бега, и выѣхавъ часа въ два послѣ полудня, къ ночи были уже дома, въ Сараевѣ.

БОСНІЯ

ВЪ НАЧАЛѢ 1858 ГОДА.

БОСНІЯ

ВЪ НАЧАЛѢ 1858 ГОДА.

I.

Я хочу въ возможно краткомъ очеркѣ познакомить читателя съ внутреннимъ состояніемъ Славянской страны, которая можетъ получить со временемъ довольно важное значеніе въ юговосточной Европѣ. Конечно, ему нужны нестолько статистическія свѣдѣнія, на которыя такъ щедры въ нашъ вѣкъ, сколько характеристика состоянія Боснійскаго народонаселенія. На этотъ-то вопросъ я обращу преимущественно вниманіе. Но все-таки, когда пишешь о странѣ, какова Боснія, о которой даже въ лучшихъ и новѣйшихъ статистическихъ сочиненіяхъ нѣтъ никакихъ порядочныхъ данныхъ, нельзя оставить совершенно въ сторонѣ статистику.

Статистикѣ предшествуетъ географія. И такъ Боснія есть сѣверо-западный уголъ Турецкой Имперіи. Австрія обнимаетъ ее съ сѣвера и запада; на востокъ она граничитъ съ княжествомъ Сербіею и съ Нишскимъ пашалыкомъ, на югъ съ пашалыкомъ Призренскимъ или Старою Сербіею, на югозападъ съ Герцеговиною. Боснія заключаетъ въ себѣ около 800 квадр. миль.

Страна эта вся перерѣзана горами, образующими много плоскихъ возвышенностей. Есть въ ней горы вышиною до 7,000 футовъ, но большая часть цѣпей Боснійскихъ представляетъ

вышину отъ 2,000 до 4000 футовъ. Горы Боснійскія почти всѣ поросли лѣсомъ; только на западѣ, близъ Далмаціи, есть большіе голые скалистые хребты. Равнины нѣсколько значительныя есть только на сѣверѣ, близъ Савы.

Рѣкъ и рѣчекъ чрезвычайно много, но только Сава, отдѣляющая Боснію отъ Славоніи, судоходна. Говорятъ, что и Босна могла бы быть легко очищена для судоходства.

Климатъ здоровый, но холодный. Почва почти вездѣ плодородная. Главныя произведенія: рожь, овесъ, ячмень, пшеница, кукуруза; яблоки, сливы; дубъ, вязъ, грецкій орѣшникъ, а на горахъ, ольха, ель, береза. Виноградъ и персики растутъ въ равнинахъ близъ Савы. — Есть много желѣза, также мѣдь и серебро, но только первое добывается самыми несовершенными способами. — Камня множество.

Дорогъ нѣтъ, кромѣ протоптанныхъ вьючными и верховыми лошадьми. Употребленіе телѣги и саней извѣстно только въ равнинахъ на сѣверѣ.

Торговля: привозятся изъ Австріи ситцы, сукно и всякія мануфактурныя произведенія (даже стекло и хорошая мука), мѣха (также отчасти съ Лейпцигской ярмарки), а изъ Румеліи и Константинополя восточныя ткани, табакъ и т. д.; изъ Сербіи привозится водка и пригоняется скотъ; изъ Герцеговины доставляется вино, отвратительно приготовленное. — Вывозятся, преимущественно въ Австрійскія владѣнія, хлѣбъ, кожи и шерсть и гонится всякаго рода скотъ; сѣверовосточная Боснія воспитываетъ огромныя стада свиней, и находитъ имъ сбытъ въ Венгріи; въ Румелію идутъ кожи, желѣзо и продаются лошади. По странной аномаліи, которую можно встрѣтить развѣ въ Турціи, произведенія, привозимыя изъ Австріи, также какъ и вывозимыя туда, платятъ только 3 процента съ цѣны, тогда какъ съ товаровъ, идущихъ въ другія области Султана, въ Герцеговину, Албанію, Румелію, а также въ Сербію, и привозимыхъ оттуда, взымается двѣнадцать процентовъ.

Промышленность: въ городахъ существуютъ самыя простыя и необходимыя ремесла, въ селахъ жители производятъ грубое домашнее сукно, плетутъ опанки (родъ лаптей), дѣлаютъ простую посуду, мелютъ муку, но только въ водяныхъ мельницахъ (отчего зимою часто остаются безъ хлѣба). Вѣтряныя мельницы и обжиганіе кирпичей неизвѣстны. Фабрики нѣтъ ни одной.

Раздѣленіе страны и народонаселеніе: Боснія раздѣляется на 6 *санджаковъ:* Сараевскій, Травникскій, Банялукскій, Бихачскій, Зворникскій (главный городъ Тузла) и Ново-Пазарскій, и 42 *нахіи.* Въ Сараевѣ пребываетъ *вали* (генералъ-губернаторъ), въ другихъ санджакахъ *каймакамъ* (вице-губернаторъ), въ каждой *нахіи*—*мудиръ.*—Народонаселеніе было исчислено вскорѣ послѣ введенія танзимата въ Босніи Омеръ-пашею (въ 1851 и 1852 г.); но это исчисленіе весьма невѣрно, и число жителей въ немъ обозначено гораздо меньше дѣйствительности. Однако приведу эти цыфры, потому что онѣ, сколько я знаю, еще совершенно неизвѣстны статистикамъ и потому что можно по нимъ судить, если не о настоящемъ числѣ жителей Босніи, то по крайней мѣрѣ о приблизительномъ отношеніи мусульманъ и христіанъ.

	Число христіанскихъ домовъ.	Число христіанскихъ жителей мужескаго пола.	Число магометанскихъ домовъ.	Число магометанскихъ жителей мужескаго пола.
I. *Санджакъ Сараевскій.*				
Нахіи: 1. Сараево	2,092	7,850	3,787	10,565
2. Рогатица	482	1,910	951	4,526
3. Высоко	1,398	4,276	1,218	6,496
4. Фойница	1,306	4,416	668	2,810
5. Неретва	326	540	504	2,147
II. *Санджакъ Травникскій:*				
Нахіи: 1. Травникъ	1,345	5,802	1,438	4,993
2. Зеница	728	2,824	1,512	5,277
3. Скопле	2,209	8,589	1,507	5,172

	Число христіанскихъ домовъ.	Число христіанскихъ жителей мужескаго пола.	Число магометанскихъ домовъ.	Число магометанскихъ жителей мужескаго пола.
4. Яйце	2,237	9,943	1,002	3,340
5. Езеро (Гюльхис-саръ)	1,420	6,789	292	1,107
6. Гламочъ	692	3,251	224	806
7. Лѣвно (Хлѣвно)	2,219	9,367	512	1,708
8. Прозоръ (Рама)	546	2,298	452	1,702
III. *Санджакъ Банялукскій:*				
Нахія: 1. Банялука	8,241	39.818	1,897	5,316
2. Дервентъ	3,472	12,718	498	1,731
3. Тешань	2,556	9,413	2,003	6,283
IV. *Санджакъ Бихачскій:*				
Нахія: 1. Бихачъ	1,347	7,631	1,714	6,865
2. Крупа	620	3,945	1,072	4,500
3. Новый	1,029	5,901	351	1,703
4. Дубица	628	3,044	222	805
5. Прѣдоръ	1,243	6,134	740	2,555
6. Козарацъ	697	4,117	493	1,857
7. Иваньска	1,553	8,581	571	2,180
8. Старый Майданъ	941	4,608	630	2,498
9. Ключъ	597	2,398	621	2,445
10. Петровацъ	397	2,902	2,155	9,525
V. *Санджакъ Зворникскій:*				
Нахія: 1. Тузла дольняя.	1,006	3,555	3,076	10,089
2. Тузла горная ..	117	781	944	2,896
3. Зворникъ	1,612	5,228	1,726	5,324
4. Бѣлина	3,537	10,760	1,541	4,284
5. Брчко	1,151	4,822	643	2,388
6. Градашацъ ...	6,896	20,117	4,747	16,002
7. Маглай	1,623	6,023	960	3,359

	Число христіанскихъ домовъ.	Число христіанскихъ жителей мужескаго пола.	Число магометанскихъ домовъ.	Число магометанскихъ жителей мужескаго пола.
8. Кладань......	191	788	518	1,640
9. Сребрница....	1,616	6,951	1,702	6,942
VI. *Санджакъ Ново-Пазарскій*:				
Нахіи: 1. Новый Пазаръ.	771	4,260	1,856	5,952
2. Трговиште....	618	2,622	1,562	6,068
3. Митровица....	360	1,026	367	1,491
4. Бихоръ......	687	2,695	1,365	4,802
5. Сѣница......	381	1,955	467	1,813
6. НоваяВарошь.	1,282	5,761	333	1,837
7. Вышеградъ...	363	1,173	694	2,477

Въ общемъ итогѣ этой переписи показано, что въ Босніи считается: христіанскихъ домовъ 62,777, христіанъ мужескаго пола 263,587; мусульманскихъ домовъ 49,851, мусульманъ мужескаго пола 175,177.

Къ этимъ числамъ должно еще прибавить: жидовъ 1,074 души (муж. пола) и цыганъ 4,640 (муж. пола). Первые живутъ почти исключительно въ Сараевѣ и Травникѣ.

Повторяю: эта перепись неточна, и числа гораздо меньше дѣйствительности. Но она можетъ дать понятіе о численномъ отношеніи христіанскаго и мусульманскаго населенія. Постараюсь вкратцѣ изобразить распредѣленіе обѣихъ стихій. Прежде всего должно замѣтить, что вездѣ въ Босніи большинство *въ городахъ* на сторонѣ мусульманъ, въ селахъ же по большей части на сторонѣ христіанъ. *Мусульманская* стихія имѣетъ большой перевѣсъ въ центрѣ Босніи кругомъ Сараева, т. е. въ нахіяхъ Сараевской, Неретвинской, Высокской, Зеницкой, Кладаньской и Рогатицкой. Также она довольно сильна на самомъ сѣверо-западѣ, въ части Краины (Бихачскаго санджака), прилегающей съ запада къ Австріи (Бихачъ, Крупа, Ключъ, Пет-

ровацъ). На сѣверо-востокѣ, въ Посавинѣ (Зворникскомъ санджакѣ) она господствуетъ около городовъ Тузлы и Зворника. Сильный перевѣсъ имѣютъ *христіане* во всей сѣверной полосѣ Босніи, простирающейся прямо съ запада на востокъ, отъ Новаго до Бѣлины по Австрійской границѣ и параллельно ей. Эта полоса весьма широка, особенно съ западной стороны, гдѣ она спускается до границы Далмаціи и Герцеговины. Она обнимаетъ 21 нахію: Новый, Майданъ, Прѣдоръ, Дубица, Козарацъ, Иваньска, Банялука, Езеро, Яйце, Скопле, Гламочъ, Лѣвно, Рама, Фойница, Травникъ, Тешань, Дервентъ, Маглай, Градашацъ, Брчко, Бѣлина. Наконецъ въ южной части Босніи, отъ Вышеграда до Митровицы, преобладаютъ опять мусульмане, но въ большей части этого края (нахіи Сѣницкая, Ново-Пазарская, Трговиштенская, Бихорская, Митровицкая) почти всѣ мусульмане принадлежатъ къ другому племени, они Арнауты (Албанцы).

Любопытенъ еще одинъ статистическій вопросъ, именно о численномъ отношеніи и распредѣленіи православныхъ и римскихъ католиковъ въ Босніи. Турецкая перепись не различаетъ ихъ; между тѣмъ раздѣленіе Босняковъ-христіанъ на послѣдователей восточной и западной церкви есть одно изъ самыхъ важныхъ явленій въ этой странѣ. Для римско-католическаго народонаселенія мы имѣемъ прекрасныя и полныя статистическія данныя въ издаваемой почти ежегодно книгѣ: «Schematismus almae missionariae provinciae Bosnae Argentinae ordinis Fratrum Minorum S. P. Francisci.» Въ ней приведено число душъ католическаго исповѣданія во всѣхъ городахъ, селахъ и по всѣмъ приходамъ Босніи. Если бы турецкая перепись была вѣрна, то стоило бы вычесть эти числа изъ общаго итога христіанскихъ жителей, и мы получили бы число православныхъ. Но имѣя передъ собою ту перепись, которую сдѣлали Турки въ Босніи въ 1852 г., нельзя позволить себѣ такого разсчета: иначе цыфры православныхъ жителей получились бы ложныя, меньшія

противъ дѣйствительности. Потому я долженъ ограничиться тѣмъ, что приведу здѣсь итоги жителей Римско-католическаго исповѣданія въ отдѣльныхъ нахіяхъ, по «Schematismus» изданному въ 1855 году, а численное отношеніе къ нимъ православныхъ обозначу только въ общихъ словахъ. Замѣчу еще, что «Schematismus» исчисляетъ *все* католическое народонаселеніе, безъ различія пола, тогда какъ въ турецкую перепись внесенъ только мужескій полъ; потому цыфры этой переписи должны быть по меньшей мѣрѣ удвоены, прежде чѣмъ онѣ могутъ быть поставлены въ параллель съ данными францисканскаго «Schematismus».

	Число римско-католическихъ семействъ.	душъ (муж. и жен. пола).	Отношеніе православныхъ жителей къ католикамъ.
I. Санджакъ Сараевскій:			
Нахіи: 1. Сараево	148	846	Православныхъ гораздо больше.
2. Рогатица	—	—	Только православные.
3. Высоко	1,098	6,554	Прав. гораздо меньше.
4. Фойница	1,616	8,840	Правосл. очень мало.
5. Неретва	286	1,970	Прав. гораздо меньше.
II. Санджакъ Травникскій:			
Нахіи: 1. Травникъ	1,741	10,656	Прав. гораздо меньше.
2. Зеница	238	1,573	Прав. нѣсколькь. больше.
3. Скопле	1,293	8,746	Правосл. столько же.
4. Яйце	995	7,688	Прав. нѣскольк. больш.
5. Езеро	249	1,547	Прав. гораздо больше.
6. Гламочъ	—	—	Только православные.
7. Лѣвно	1,139	9,519	Правосл. столько же.
8. Прозоръ	544	4,301	Правосл. почти нѣтъ.
III. Санджакъ Баналукскій:			
Нахіи: 1. Баналука	323	2,451	Православныхъ огромное большинство.
2. Дервентъ	1,750	12,285	Правосл. столько же.
3. Тешань	1,017	8,886	Православн. больше.

	Число римско-католическихъ семействъ.	душъ. (муж. и жен. пола).	Отношеніе православныхъ жителей къ католикамъ.
IV. Санджакъ Бихачскій:			
Нахіи: 1. Бихачъ	171	1,193	Православныхъ огромное большинство.
2. Крупа	—	—	Только православн.
3. Новый	—	—	Только православн.
4. Дубица	120	871	Прав. гораздо больше.
5. Прѣдоръ	290	1,931	Православныхъ огромное большинство.
6. Козарацъ	—	—	Только православные.
7. Иваньска.......	448	3,809	Прав. гораздо больше.
8. Старый Майданъ	190	1,747	Прав. гораздо больше.
9. Ключъ	—	—	Только православные.
10. Петровацъ	—	—	Только православные.
V. Санджакъ Зворникскій:			
Нахіи: 1. Тузла дольняя.. / 2. Тузла горняя ..	742	5,718	Прав. почти столько же.
3. Зворникъ	—	—	Только православные.
4. Бѣлина	—	—	Только православные.
5. Брчко	895	7,938	Прав. гораздо меньше.
6. Градашацъ	1,767	13,525	Прав. гораздо больше.
7. Маглай	—	—	Только православные.
8. Кладань	—	—	Только православные.
9. Сребрница	—	—	Только православные.

VI. Санджакъ Ново-Пазарскій:

Католиковъ нѣтъ вовсе.

Вообще, въ 1855 году было въ Босніи католиковъ 122,865 душъ обоего пола, а 17,132 семейства; у нихъ было 3 монастыря (Фойница и Крешево въ Фойницкой, Сутѣска въ Высокской нахіи), 4 приходскихъ церкви (не считая часовень), 13 приходскихъ училищъ, 54 прихода, 92 приходскихъ священника (всѣ ордена Св. Франциска) и вообще 238 человѣкъ духовнаго званія. Въ настоящее время строятся четыре новыхъ францисканскихъ монастыря: на Гучьей-горѣ близъ Травника,

въ Плеанѣ Дервентск. нах., въ Зовикѣ Брческой нахіи, и близъ Лѣвна.

Хорошо бы было, если бы мы имѣли столь же точныя свѣдѣнія о православныхъ жителяхъ и церквахъ и если бы православные могли указать въ Босніи на предпріятія, подобныя сооруженію, въ одно и то же время, четырехъ католическихъ монастырей. Самого православнаго народонаселенія обвинять нельзя: оно жертвуетъ для церкви послѣднимъ своимъ піастромъ (я говорю о поселянахъ и ремесленнихъ, а не о торговомъ классѣ), оно жертвуетъ для нея, можно смѣло сказать, въ десять разъ больше католиковъ: но никто его не поддерживаетъ. Въ рукахъ его архипастырей находятся свѣдѣнія о числѣ православныхъ жителей, также подробныя, я увѣренъ, какъ данныя, обнародываемыя въ католическихъ «Схематизмахъ»; но эти свѣдѣнія берегутся въ тайнѣ.

По примѣрному разсчету, православныхъ въ Босніи мы полагаемъ отъ 400 до 500 тысячъ душъ. Они раздѣлены между тремя епархіями. Три четверти принадлежатъ митрополиту Сараевскому и Боснійскому (санджаки Сараевскій, Травникскій, Баналукскій, Бихачскій, треть санджака Зворникскаго и треть Ново-Пазарскаго). Нахіи Тузлинская, Зворникская, Бѣлинская, Брческая и Градашецкая составляютъ епархію епископа Зворникскаго, которому тоже придается титулъ митрополита. Санджакъ Ново-Пазарскій, за исключеніемъ двухъ сѣверныхъ нахій, Вышеградской и Нововарошской, принадлежитъ къ области митрополита Старой Сербіи, пребывающаго въ Призренѣ.

На 400 или 500 тысячъ православныхъ жителей можно насчитать въ Босніи едва 50 церквей, и то половина ихъ суть не что иное, какъ деревянные сараи, которые по нашимъ понятіямъ не только не похожи на церковь, но не годились бы въ избы. Исчислю всѣ нѣсколько значительныя, т. е. каменныя церкви въ Босніи, упоминая разумѣется, только о тѣхъ церквахъ, въ которыхъ совершается богослуженіе, а не о ста-

ринныхъ развалинахъ, которыхъ можно насчитать множество, особенно на югѣ:

Санджакъ Сараевскій: церкви въ Сараевѣ (старая), въ Высокомъ (новая), въ Касатичѣ (Неретвинск. нах., малая сельская, новая). Больше въ этомъ санджакѣ нѣтъ ни одного богослужебнаго мѣста православнаго.

Санджакъ Травникскій: церкви въ Травникѣ, въ Янѣ и Герзевѣ (малыя сельскія) Гюльхиссарской нахіи, въ Чиколичѣ близъ Скопля, все новыя. Въ Гламочской и Яецкой нахіяхъ вовсе нѣтъ храма, въ Зеницѣ и Лѣвнѣ (хотя въ послѣднемъ городѣ много богатыхъ православныхъ купцовъ) только деревянные срубы.

Санджакъ Буњялукскій: новая каменная церковь, построенная поселянами въ селѣ Лепеницѣ; старый, весьма запущенный, монастырь Гоміоница и нѣсколько деревянныхъ срубовъ въ разныхъ селахъ, Банялукской нахіи; въ самой Банялукѣ, не смотря на богатство православныхъ горожанъ, нѣтъ церкви, а жители ходятъ въ ближайшее село, гдѣ есть избушка, служащая церковью. — Новыя церкви въ Дервентѣ и Тешнѣ.

Санджакъ Бихачскій: новыя (еще не освященныя) церкви въ Ясенницѣ и Дабрѣ, Бихачск. нахіи, въ Саницѣ Ключской нахіи, и въ Прѣдорѣ; старый монастырь Моштаница Дубицкой нахіи; старая церковь въ Петровцѣ. Нѣсколько деревянныхъ срубовъ по селамъ.

Санджакъ Зворникскій: старые, теперь возобновляемые, монастыри, Озренъ (Маглайской нахіи) и Папрача или Бирачъ (Кладанской нахіи); новая церковь въ Бѣлинѣ, новыя сельскія церкви въ Мачковцѣ (Тузлинск. нахіи), въ Осечанахъ, Зовикѣ и Модричѣ (Градашецк. нахіи), и Драгалевцѣ (Брческой нахіи), старая церковь въ Зворникѣ; избушки въ Тузлѣ, Градашцѣ, Брчкомъ, Сребрницѣ и др.

Санджакъ Ново-Пазарскій: возобновленный недавно монастырь Баня (Ново-Варашск. нах.), сельск. церкви въ Добрунѣ

(Ново-Варошск.) и Лопижѣ (Сѣницк. нахіи), церкви въ Новомъ Пазарѣ, Митровицѣ, Бѣломъ-полѣ (Бихорской нахіи).

II.

Теперешняя администрація Босніи ни мало не отличается отъ администраціи другихъ Турецкихъ областей. Подробное изложеніе ея не идетъ сюда, потому что потребовало бы отчета о Турецкой администраціи вообще. Машина эта, правда, не слишкомъ сложная, однако въ короткихъ словахъ дать понятіе о ней нельзя. Она очень странно устроена: на видъ подумаешь, что она никакъ не можетъ дѣйствовать, а все-таки колеса вертятся, но вяло, и почти ничего не захватывая, кромѣ денегъ въ карманахъ жителей. — Боснія поручена Портою одному генералъ-губернатору; подъ начальствомъ его находится *каймакамъ* въ каждомъ санджакѣ, кромѣ Сараевскаго; каймакамы назначаются Портою, но подчиненные имъ *мудиры* (начальники нахій)—генералъ-губернаторомъ. Генералъ-губернаторъ и каймакамы смѣняются необыкновенно часто, и мудиры вмѣстѣ съ ними. Это власть исполнительная. Судъ принадлежитъ *муллѣ*, который присылается изъ Константинополя въ Сараево на одинъ годъ, и *кадію* въ каждомъ городѣ, поставляемому генералъ-губернаторомъ на неопредѣленное время [1]). При генералъ-губернаторѣ, каймакамахъ и мудирахъ есть въ каждомъ городѣ совѣтъ (*меджлисъ*), изъ нѣкоторыхъ почетныхъ мусульманскихъ жителей, по выбору генералъ-губернатора и каймакамовъ, и одного представителя (*ходжа-баши*) раій, православнаго, латинскаго и еврейскаго, смотря потому, гдѣ есть члены этихъ общинъ: онъ назначается самою общиною. Въ Сараевѣ и главныхъ городахъ санджаковъ меджлисъ находится подъ предсѣдательствомъ *дефтердара* (казначея), назначае-

1) Есть въ Босніи нѣсколько нахій, въ которыхъ назначеніе кадія зависитъ отъ шейхъ-уль-ислама.

маго Портою, въ нахіяхъ — подъ предсѣдательствомъ мудира. Меджлисъ есть совѣтъ административный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и судилище. *Кади* судитъ въ своемъ судѣ (*мехкеме*) по Корану, не принимая свидѣтельства христіанъ; но тяжба можетъ быть представлена и въ меджлисъ, и должна тогда судиться по *танзимату*, и свидѣтельство раій тутъ принимается. Но въ распредѣленіи дѣлъ между тѣмъ и другимъ судилищемъ царствуетъ величайшій произволъ. Есть три инстанціи, какъ въ мехкеме, такъ и въ меджлисѣ: изъ нахіи дѣло можетъ идти въ главный городъ санджака, оттуда въ Сараево, но въ главномъ городѣ санджака есть только судъ 2-й инстанціи, въ Сараевѣ 3-й, и всѣ дѣла, возникающія въ этихъ городахъ и ихъ округахъ, идутъ туда прямо, минуя низшія инстанціи. Администраторы, отъ мудира до дефтердара и генералъ-губернатора, всѣ Османліи, и рѣдкій изъ нихъ понимаетъ мѣстный языкъ; потому члены меджлиса, мусульмане-Босняки, знающіе Турецкій языкъ, имѣютъ все въ своихъ рукахъ: ибо они вмѣстѣ и переводчики и докладчики и судьи. Изъ христіанъ едва одинъ изъ десяти тысячъ знаетъ Турецкій языкъ, и они не могутъ контролировать докладовъ и рѣшеній, которые пишутся всегда по-Турецки. Члены меджлисовъ почти безъ исключенія суть горьчайшіе фанатики и взяточники: они либо дѣлятся барышами съ мудирами и губернаторами, либо находятся съ ними въ войнѣ и почти всегда успѣваютъ спихнуть ихъ, если эти чиновники вздумаютъ не брать взятокъ и оказывать справедливость христіанамъ; христіанскіе же *ходжа-баши* помогаютъ имъ и суть почти всѣ «ихъ люди». Такъ какъ эта должность требуетъ знанія Турецкаго языка, то въ ходжа-баши по большей части попадаютъ какіе нибудь прикащики, бывавшіе въ Константинополѣ, часто же Греки, поселившіеся въ Босніи. Это званіе такъ опозорено и непріятно, что порядочный человѣкъ, даже если хорошо знаетъ по-Турецки, не принимаетъ его на себя. Должность сихъ представителей состоитъ въ томъ, чтобы прикладывать печать тамъ гдѣ

укажутъ, и доставлять мудиру или вліятельнѣйшимъ членамъ меджлиса взятки съ христіанъ, съ удержаніемъ себѣ извѣстной доли (я говорю о ходжа-башахъ православныхъ; католическіе выбираются гораздо лучше, и дѣйствительно защищаютъ своихъ собратій передъ Турецкимъ судомъ, а не помогаютъ ихъ грабить). — Дѣлопроизводство по большей части словесное. Для всей переписки центральнаго правленія въ Сараевѣ достаточно десятка *кятибовъ* (писцовъ), въ другихъ же городахъ ихъ еще меньше; весь архивъ помѣщается въ немногихъ мѣшечкахъ, развѣшанныхъ на потолкѣ канцеляріи. Исполненіе рѣшеній поручается *заптіямъ* (полицейскимъ); тюрьмы отвратительныя и смертность въ нихъ огромная. — Кромѣ главнаго меджлиса, въ Сараевѣ учрежденъ недавно другой, *тахкикъ-меджлисъ*, для рѣшенія тяжебъ между землевладѣльцами и поселянами; въ немъ засѣдаетъ одинъ православный священникъ и два купца, православный и католикъ; представителей поселянъ нѣтъ, а мусульманскіе члены, отъ которыхъ все зависитъ и которые исключительно дѣйствуютъ въ интересахъ землевладѣльцевъ, суть тѣ же, что въ главномъ меджлисѣ, закаленные во взяточничествѣ Турки стараго времени. Есть наконецъ въ Сараевѣ и *тюджаретъ-меджлисъ* для рѣшенія тяжбъ по векселямъ и другимъ торговымъ дѣламъ.

Вотъ, въ самомъ краткомъ очеркѣ *администрація* и *судъ* въ Босніи. Чтобы дополнить характеристику администраціи надобно прибавить, что она *рѣшительно ничего* не дѣлаетъ для развитія страны, для путей сообщенія, для промышленности и вообще для какихъ бы то ни было улучшеній; что она отличается такою мертвенною сонливостью, какой представить себѣ нельзя, не побывавъ въ странѣ, и что она при всякомъ дѣлѣ, нѣсколько общемъ и важномъ и не обѣщающемъ немедленнаго барыша, относится въ Константинополь, гдѣ дѣло погружается въ вѣчность забвенія.

Финансовая часть находится подъ начальствомъ Сараевска-

го дефтердара. Въ послѣднее время введена въ Босніи *вергія* или *порѣзъ*, поземельная подать, которую платятъ и мусульмане и христіане; на послѣднихъ же лежитъ кромѣ того *аскерія* или *войнина*, установленная, вмѣсто прежняго *харача*, въ замѣнъ рекрутской повинности и гораздо болѣе тяжелая, нежели былъ харачъ. И *порѣзъ* и *войнина* налагаются мѣстнымъ начальствомъ, по общему разсчету, на отдѣльныя села или кварталы, а потомъ жители каждаго села или квартала распредѣляютъ должную сумму по своему усмотрѣнію, и ее вноситъ выбранный селомъ или кварталомъ *кнезъ* (староста), если жители христіане, поставленный начальствомъ *махалъ-баша* (голова), мусульманинъ, если жители всѣ или даже частью мусульмане.— Кромѣ этихъ податей, получаемыхъ *непосредственно* (впрочемъ не малая часть остается въ начальственныхъ карманахъ), казна отдаетъ *на откупъ* другіе доходы. Одинъ откупъ беретъ таможенныя пошлины, другой—внутреннія подати, а именно *десятину*, т. е. десятую часть урожая земли (ее платятъ поселяне прежде всего, а потомъ остальное раздѣляютъ между землевладѣльцемъ и собою на условіяхъ, которыя я приведу въ послѣдствіи), *казанію*, т. е. по 1 червонцу съ каждаго котла, въ которомъ поселяне пекутъ у себя въ домахъ водку изъ сливъ, и *жировницу*, т. е. по 47 паръ (около 6 коп. сер.) съ свиней, составляющихъ богатство поселянъ въ Посавинѣ. [1]) Этотъ внутренній откупъ, особенно *десятина*, страшно розоряетъ народъ. Хлѣбъ сжатъ; но поселянинъ не смѣетъ убрать его съ поля, пока не пріѣдетъ откупщикъ или его прикащикъ, чтобы опредѣлить количество жатвы. Иногда онъ ждетъ нѣсколько недѣль, а хлѣбъ мокнетъ отъ дождей, либо сохнетъ и сыплется. Наконецъ пріѣхалъ желанный откупщикъ: онъ вмѣстѣ съ хо-

1) Теперь вышелъ указъ правительства, по которому эта подать повышена на 10 піастровъ (50 коп.) съ каждаго изъ этихъ животныхъ ежегодно: узнавъ объ этомъ, поселяне Посавинскіе уже начали сбывать свои свиныя стада въ Австрію, и тѣмъ лишаются почти единственнаго своего средства къ пропитанію.

зяиномъ опредѣляетъ количество его жатвы и записываетъ у себя, а ему даетъ такую же бумагу, замѣтьте, писанную по-Турецки. Но онъ не хочетъ взять десятый снопъ тотчасъ, а явится опять весною, когда хлѣбъ вздорожаетъ, и потребуетъ тогда свою десятину, или натурою или деньгами. Онъ скажетъ поселянину: «подай мнѣ 200 окъ ржи (или пшеницы и т. п.).» — «Помилуй, говоритъ ему бѣдняга, да я собралъ всего только 1,000 окъ, тебѣ, стало быть, слѣдуетъ сто.» — «Покажи мнѣ мою бумагу.» Поселянинъ подаетъ откупщику его записку, и въ ней дѣйствительно значится не 1,000, а 2,000 окъ. Дѣло въ томъ, что раія не знаетъ Турецкой грамоты и не могъ повѣрить того, что записалъ на него откупщикъ; звать же свидѣтелей и итти жаловаться нѣтъ проку, потому что всѣ *меджлисы* и *мудиры* прямо или косвенно участвуютъ въ откупѣ. Впрочемъ, это только легкое указаніе на Турецкую систему собиранія податей: обстоятельнѣе читатель узнаетъ ее въ послѣдствіи.

Военное управленіе находится подъ начальствомъ дивизіоннаго генерала, который зависитъ отъ главнокомандующаго Румелійскою арміею, пребывающаго въ Битолѣ (Монастирѣ). Въ Босніи расположено нѣсколько полковъ регулярнаго войска и отряды баши-бузуковъ, Арнаутовъ, жестокихъ грабителей. Только въ 1851 г. Омеръ-паша взялъ рекрутъ съ Боснійскихъ мусульманъ; съ тѣхъ поръ они остаются, какъ въ прежнія времена, свободными отъ рекрутства, хотя не платятъ выкупной подати, наложенной на христіанъ.

Духовное управленіе не представляетъ въ Босніи ничего оригинальнаго. Глава его у мусульманъ есть муфти, у православныхъ митрополитъ изъ фанаріотовъ, у евреевъ раввинъ, какъ и въ другихъ областяхъ Турціи. Католики имѣютъ въ Босніи своего епископа; онъ завѣдываетъ приходами и приходскими священниками, но въ управленіе францисканскими монастырями не вмѣшивается, хотя самъ принадлежитъ всегда къ

ордену Св. Франциска. Что въ Турціи духовный глава раій, православный митрополитъ, латинскій епископъ и еврейскій раввинъ, есть вмѣстѣ оффиціальный представитель и ходатай своей паствы или, какъ выражаются, «своего народа» передъ властями и судья распрей между членами этой паствы, извѣстно всякому: духовный глава имѣетъ своихъ «кавазовъ» и можетъ своею властью заключить въ тюрьму всякаго *раію*, принадлежащаго къ его паствѣ.

III.

Жители Босніи составляютъ, какъ по собственному своему понятію, такъ и по оффиціальному признанію, *три народа*, хотя всѣ принадлежатъ къ одному и тому же Сербскому племени и говорятъ однимъ языкомъ. Эти три народа суть: *Турки*, т. е. Мусульмане, *Латины* (иначе Крштяне, презрительно Шокцы), т. е. Католики, и *Сербы* (иначе Риштяне, [1]) презрительно Влахи[2]), т. е. Православные.

Зерно мусульманскаго населенія составляетъ аристократія, т. е. *беги* (знатные владѣльцы) и *аги* (господа вообще). Къ аристократіи, которая первая приняла въ Босніи магометанство, примкнула многочисленная дворня, и теперь окружающая каждаго богатаго *бега* и *агу*, хотя она пользуется личною свободою; также нѣкоторая часть земледѣльцевъ перешла на сторону господствующаго класса. Наконецъ, большинство городскихъ жителей въ Босніи мусульмане, но они не составляютъ отдѣльнаго сословія; горожане суть тѣ же *беги* и *аги*, которые предпочитаютъ жить въ городѣ, или прежніе дворовые и сельскіе лю-

1) Т. е. Христіане.

2) Католики называютъ православныхъ Влахами, но мусульмане прилагаютъ это имя къ раіямъ-христіанамъ обоихъ исповѣданій, впрочемъ преимущественно, кажется, тоже къ православнымъ. Православныхъ въ Герцеговинѣ католики презрительно называютъ еще *Кудровами* (Кудрови, единств. ч. Кудровъ); въ Босніи этого прозвища я не слыхалъ.

ди, которые переселились въ городъ и занимаются въ немъ торговлею или ремесломъ. *Мусульманскій* городъ и деревня въ Босніи составляютъ одно цѣлое.

Мусульманство въ Босніи есть явленіе замѣчательное и заслуживаетъ нашего вниманія. Только двѣ страны на свѣтѣ, Албанія и Боснія (съ Герцеговиной) представляютъ примѣръ Европейскаго племени, исповѣдующаго Исламъ. Но между Албаніею и Босніею въ этомъ отношеніи разница огромная. Для Албанца, равнодушнаго къ вѣрѣ, Исламъ есть только внѣшняя форма, которую онъ принялъ на себя, чтобъ угодить власти. Албанецъ-мусульманинъ остается прежде всего Албанцемъ, а магометанская вѣра для него дѣло второстепенное. Но Славянинъ-Боснякъ, первоначально принявшій Исламъ тоже, правда, изъ любви къ мірскимъ выгодамъ, до такой степени проникся духомъ своей новой религіи, что она сдѣлалась главною стихіею его жизни; для нея онъ отрекся отъ всякаго родства съ своею братьею по крови и принялъ народность, съ которою не имѣетъ ничего общаго: Славянинъ сдѣлался Туркомъ. Пустивъ такіе корни въ этой почвѣ, Исламъ долженъ былъ показать на ней свои плоды. Простора онъ имѣлъ тутъ довольно. Почти четыреста лѣтъ господствуетъ онъ неограниченно надъ большою и прекрасною страною, имѣя въ своихъ рукахъ всѣ земли, всѣ богатства и всю власть, и распоряжаясь трудомъ 600,000 подданныхъ христіанъ. Чѣмъ же ознаменовалъ себя Исламъ на Славянской почвѣ? Фанатизмомъ и отсутствіемъ духовной силы. Славянское племя вообще едва ли склонно къ фанатизму, но оно сильно одушевляется тою вѣрою, которую оно исповѣдуетъ. Если сущность этой вѣры есть фанатизмъ, то фанатизмъ овладѣетъ Славяниномъ и достигнетъ у него исполинскихъ размѣровъ. Такъ іезуиты фанатизировали нѣкогда Польшу. Такъ Исламъ сдѣлалъ изъ Босняковъ бо́льшихъ, можетъ быть, фанатиковъ, чѣмъ были когда-либо Арабы и Турки. Кромѣ этого вліянія самой магометанской вѣры на природ-

ный Славянскій характеръ, можетъ быть, и другая еще причина участвовала въ порожденіи страшнаго фанатизма Босняковъ-мусульманъ: именно духъ ренегатства. Ренегатъ дѣлается невольно фанатикомъ своей новой ралигіи, чтобы оправдить въ собственныхъ глазахъ свое вѣроотступничество. А Боснійскіе мусульмане до сихъ поръ сознаютъ себя ренегатами, хотя вѣроотступничество ихъ произошло нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ; они живо помнятъ, что ихъ предки были христіанами. Но это только второстепенный источникъ ихъ фанатизма, какъ доказываетъ примѣръ Албанцевъ, которые хотя тоже ренегаты, и ренегаты гораздо позднѣйшіе, чѣмъ Босняки [1]), однако вовсе не одушевлены, какъ я сказалъ, такимъ фанатизмомъ. Главный источникъ, повторяю, въ самой духовной природѣ Славянскаго племени. Неимовѣрныя жестокости, которыя до послѣдняго времени дѣлались въ Босніи, происходили единственно отъ религіознаго фанатизма мусульманъ. Въ противоположность Арабамъ и Османліямъ, Босняки-мусульмане мѣшали христіанамъ имѣть церкви и свободно исполнять обряды богослуженія. Старыя церкви были почти всѣ разрушены; рѣдкія уцѣлѣли въ краяхъ, гдѣ мусульманъ мало (напримѣръ въ Герцеговинѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверной Босніи); новыхъ нельзя было строить, пока Турецкое правительство, въ 1851 г., не взяло Босніи въ свои руки и не укротило въ ней своевольства туземныхъ мусульманъ. До этого времени въ средней части Босніи, гдѣ мусульманская стихія всего сильнѣе, т. е. въ санджакахъ Сараевскомъ и Травникскомъ, на 140—150 тысячъ христіанъ (въ томъ числѣ около 60 тысячъ католиковъ и около 80 тысячъ православныхъ) приходилась *одна* православная церковь, въ Сараевѣ, и три, сохранившіеся вслѣдствіе особыхъ привиллегій, католическіе монастыря. До послѣдняго времени мусульмане Боснійскіе всѣми средства-

1) Обращеніе Албанцевъ въ магометанство произошло всегоболѣе въ XVII и прошломъ столѣтіяхъ.

ми старались обращать въ свою вѣру христіанъ, насильно захватывая для этого дѣтей и дѣвушекъ и побѣждая ихъ упорство, если было нужно, всевозможными мученіями. Не только въ отношеніи къ иностранцамъ является этотъ фанатизмъ Славянъ-мусульманъ. Нѣтъ, считая себя самихъ столпомъ Ислама, они на всѣхъ другихъ магометанъ смотрятъ съ призрѣніемъ, какъ на невѣрныхъ слугъ Пророка. Османли, особенно въ его новой, полу-европейской одеждѣ, для нихъ немногимъ лучше *гяура*; если онъ являетъ сколько-нибудь вѣротерпимость въ отношеніи къ христіанамъ, то они ненавидятъ его, какъ измѣнника своей вѣрѣ. Видя кругомъ себя преобладаніе Европейскихъ, христіанскихъ началъ надъ старою мусульманскою исключительностью, они не на шутку считаютъ это признакомъ приближающагося *кіямета* (свѣтопреставленія), который, по ихъ мнѣнію, настанетъ, какъ скоро *гяуры* совершенно возьмутъ верхъ надъ мусульманами: что, поговариваютъ правовѣрные Босняки, должно случится до истеченія настоящаго, XIII столѣтія по ихъ лѣтосчисленію (нынѣ мы находимся въ 1273 году). Странно, что Исламъ въ отдаленномъ отъ его центра краю Европы, на Славянской почвѣ, нашелъ послѣднюю точку сопротивленія разъѣдающей его силѣ времени: еще въ 1851 году Боснія сражалась противъ Турецкаго правительства во имя мусульманской вѣры.

Но Исламъ, который породилъ богатую образованность Арабовъ и новыхъ Персовъ и который далъ Туркамъ эпоху блеска, на Славянской почвѣ, въ Босніи, ничего не произвелъ. Главная тому причина, вѣроятно, та, что духъ этой религіи былъ противенъ природѣ Славянскаго племени. Нѣкоторыя учрежденія магометанства, какъ-то многоженство и *полное* затворничество женскаго пола, даже не принялись въ Босніи. Примѣры многоженства составляютъ въ ней рѣдкость и, можно сказать, скандализируютъ строгихъ Босняковъ-мусульманъ; затворничество женщинъ начинается только *послѣ* брака. Магометанство получило у Босняковъ особый характеръ, котора-

го оно не имѣетъ нигдѣ на востокѣ, характеръ аристократическій. Древніе Славянскіе *властели* Босніи, имѣвшіе большое сходство съ феодальными баронами средневѣковой Европы, приняли магометанство для того, чтобы укрѣпить за собою свое привиллегированное положеніе, свои аристократическія права, подъ владычествомъ Султана; извѣстно, что въ Босніи феодальная система сохранялась до введенія Турецкихъ реформъ Омеръ-пашею въ 1851 г. Города и отдѣльные округи управлялись *капетанами*, власть которыхъ пребывала наслѣдственно въ старинныхъ знатныхъ родахъ Боснійскихъ; только нѣкоторые города, какъ и въ средневѣковой Европѣ, стояли внѣ господства этой туземной аристократіи. Эти города были Травникъ, гдѣ жилъ представитель Султанскаго правительства, визирь, не имѣвшій впрочемъ почти никакой возможности вмѣшиваться въ дѣла страны и безпрестанно выгонявшійся мусульманскою знатью, и Сараево, торговый центръ Босніи и мѣстопребываніе Султанскаго войска, въ ней стоявшаго, т. е. янычаръ. Но независимо отъ янычаръ, въ Босніи было другое, чисто феодальное войско, прямо зависѣвшее отъ *капетановъ* въ каждомъ округѣ: я говорю о *спахіяхъ*, т. е. тѣхъ членахъ туземной аристократіи, которые имѣли, наслѣдственно въ каждомъ родѣ, право взымать, именемъ Султана, десятину съ земледѣльцевъ, чтобы за то по востребованію являться на службу въ войскѣ, снаряженными на собственный счетъ съ извѣстною свитою. Такова была чисто аристократическая, феодальная система, которая господствовала въ Босніи до нашихъ временъ. Создавшись еще въ эпоху христіанской независимости, она потомъ, какъ я сказалъ, закрѣпила себя чрезъ вѣроотступничество аристократіи. Султаны Турецкіе никакъ не стали бы терпѣть въ своихъ владѣніяхъ феодализма, столь противнаго духу ихъ государства и столь непокорнаго ихъ распоряженіямъ, если бы феодализмъ этотъ не сдѣлался опорою магометанства и съ тѣмъ вмѣстѣ ихъ собственной власти въ отдаленной области, кото-

рую трудно бы было отстоять отъ напора христіанской Европы, если бы она сама себя не отстаивала. Дѣйствительно, лишенная почти всякой стратегической связи съ остальною Турціею, Боснія давно бы не принадлежала Султану: она была бы завоевана Австрійцами въ прошломъ столѣтіи или присоединилась бы къ Сербіи въ началѣ нынѣшняго; ее сохранила для Турціи единственно ея собственная феодальная аристократія, которая сражалась съ неимовѣрнымъ упорствомъ за дѣло магометанства и Турціи, потому что вмѣстѣ съ магометанствомъ и Турціею защищала свою неограниченную домашнюю власть. Въ обыкновенное время она часто возставала противъ Султанскихъ визирей, когда они чѣмъ-нибудь старались мѣшать ея самоупраству; но этотъ мятежный духъ умолкалъ тотчасъ, когда опасность угрожала общему дѣлу магометанства: какъ только Карагеоргій, а потомъ Милошъ подняли знамя независимости Себрскихъ христіанъ, Боснійская аристократія вооружилась поголовно за своего Падишаха.

Съ тѣхъ поръ, какъ существованіе Турціи стало зависѣть отъ равновѣсія Европейскихъ державъ, Боснійскій феодализмъ сдѣлался ей не нужнымъ и тягостнымъ. Въ 1848 г. уже высказано было Портою твердое намѣреніе его уничтожить, и въ 1851 г. это намѣреніе было исполнено. Теперь Боснійская мусульманская знать совершенно уравнена съ другими мусульманами Турціи, и военно-аристократическое учрежденіе *спахій* уничтожено (десятина, имъ предоставлявшаяся за обязанность военной службы, отобрана въ казну и продается на откупъ, а всѣ мусульмане Босніи объявлены подлежащими рекрутству). Но старый аристократическій духъ все живетъ по прежнему въ Боснякѣ-мусульманинѣ. Какъ онъ дорожитъ своимъ *соемъ* (*сой* — родъ, происхожденіе)! Это чувство тѣмъ болѣе въ немъ поразительно, что у самихъ Турокъ, отъ которыхъ онъ однако принялъ вѣру и къ которымъ причисляетъ себя, идея родоваго преимущества вовсе не существуетъ. Какъ онъ охотно го-

воритъ о древнихъ преимуществахъ и храбрыхъ предкахъ своихъ! Какъ онъ боится уронить свое достоинство, съ какимъ чувствомъ благороднаго превосходства смотритъ на выскочекъ — турецкихъ чиновниковъ, и на чернь — христіанъ! Какъ онъ усердно стоитъ за своего брата, члена той же прежде бывшей феодальной аристократіи, и какой въ немъ сильный корпораціонный духъ! Этотъ духъ братства и взаимной поддержки гораздо сильнѣе въ Боснійскихъ мусульманахъ, нежели въ христіанахъ, не смотря на то, что вѣковыя страданія должны были бы, по видимому, пріучить христіанъ стоять другъ за друга.

Слившись съ чувствомъ аристократическаго превосходства, магометанство произвело въ Боснякахъ какую-то безжизненную, лѣнивую гордость, которая часто полна истиннаго добродушія и даже благородства, но еще чаще — отвратительной злости. Какъ примѣръ добродушія, разскажу случай, бывшій недавно въ Сараевѣ. Въ *ханѣ* (постояломъ дворѣ) сидѣлъ гусляръ, католикъ, и пѣлъ передъ кружкомъ слушателей про Марка Королевича, изъ котораго сдѣлалъ «латинскаго» [1]) юнака (витязя). Мусульманинъ долго слушалъ, наконецъ не вытерпѣлъ, всталъ, выхватилъ у пѣвца гусли изъ рукъ и замахнувшись ими на него, сказалъ: «молчи, *боланъ* (жалкій)! Четыреста лѣтъ мы *турчили* Марка и не могли *потурчить*, а ты вздумалъ въ одинъ день его *полатинить!*» Случаи, что какой нибудь мусульманинъ не безъ самоотверженія вступался за христіанина, котораго преслѣдовали и мучили, и спасалъ его, были не рѣдки. Но зато какую систематическую злость показали мусульмане-помѣщики въ Посавинѣ, когда дѣло шло объ освобожденіи тамошнихъ *райи* отъ барщины! И теперь, когда Порта объявила намѣреніе облегчить участь Посавинскихъ поселянъ, съ какимъ братскимъ единодушіемъ мусульмане дѣлаютъ

---

1) Т. е. католическаго.

отпоръ правительству и умѣютъ обратить всѣ мѣры, имъ принимаемыя, къ новому отягощенію христіанъ! Съ какимъ ожесточеніемъ пользуются они всякимъ случаемъ, чтобы выместить свою злобу на тѣхъ поселянахъ, которые своими жалобами привлекли вниманіе Порты на это дѣло! Такъ въ Градашецкой нахіи, прошлою зимою, мусульмане-помѣщики съ своею дворнею собрались вооруженною толпою, человѣкъ въ 150, и идя изъ деревни въ деревню, стали бить или тащить за собою связанными въ городскую тюрьму поселянъ, которыхъ считали зачинщиками жалобъ: многіе христіане погибли отъ побоевъ или отъ голода и стужи, когда ихъ гнали по снѣгу связанныхъ. Такъ въ Зворникской нахіи, мусульмане-помѣщики изготовили знамя съ крестомъ, спрятали въ христіанскомъ селѣ и потомъ, выкопавъ его оттуда, провозгласили, что христіане готовятся къ возстанію и, подъ этимъ предлогомъ, заключили въ тюрьму и предали побоямъ тѣхъ изъ нихъ, которыми были недовольны. Множество подобныхъ случаевъ разсказано почти въ каждомъ листкѣ «Сербскаго Дневника», выходящаго въ Новомъ-Садѣ. Впрочемъ, не объ этомъ теперь рѣчь: я говорю объ отличительныхъ чертахъ мусульманъ Боснійскихъ, а объ отношеніяхъ ихъ къ земледѣльческому сословію разскажу потомъ подробно. Въ изображеніи Боснійскихъ мусульманъ, я остановился на томъ, что въ нихъ аристократическій духъ, слившись съ духомъ господства, свойственнымъ Исламу, породилъ необыкновенную гордость; я назвалъ эту гордость лѣнивою и безжизненною, потому что таковъ дѣйствительно характеръ, который она должна была получить подъ вліяніемъ магометанства. Вы съ перваго взгляда можете узнать мусульманина-Босняка по манерамъ и походкѣ: онъ смотритъ на все съ какимъ-то тупымъ презрѣніемъ, онъ двигаетъ свои толстые, заспанные члены съ неописанною вялостью. И странно сказать: хотя мусульмане въ Босніи съ дѣтства привыкаютъ носить оружіе и съ нимъ не разлучаются, и хотя они въ прежніе годы без-

престанно дрались между собою, однако народонаселенія трусливѣе ихъ вообразить себѣ нельзя; стоитъ распространить слухъ, что Черногорцы перешли свою границу, и тотчасъ всѣмъ мусульманскимъ народонаселеніемъ Босніи овладѣетъ паническій страхъ, оно потеряетъ голову, какъ будто бы дѣйствительно наставалъ *кіяметъ*. Предпріимчивости въ немъ нѣтъ никакой: почти всѣ ремесла, вся дѣятельная торговля въ рукахъ христіанъ. Этой вялости и лѣни должно соотвѣтствовать и умственное состояніе Босняка-мусульманина. Нельзя сказать, чтобы мусульмане Боснійскіе были совершенно необразованны; напротивъ, между ними людей образованныхъ больше, чѣмъ между христіанами. У нихъ въ каждомъ городкѣ есть училище, тогда какъ до 1850 г. во всей Босніи не было ни одного православнаго училища, а училища католическія находились (да и теперь находятся) въ жалкомъ состояніи. Но образованность, которую получаетъ мусульманинъ въ Босніи, есть чисто восточная: онъ выучивается Турецкой грамотѣ, учитъ наизустъ Коранъ и, если ему угодно совершенствоваться, можетъ ознакомиться съ Арабскою и Персидскою литературою. Нѣтъ во всемъ его образованіи ни малѣйшей частицы, приложимой къ его народности. Оттого образованный Боснякъ-мусульманинъ переносится въ умственную сферу, совершено чуждую странѣ, въ которой онъ выросъ, и природному духу, который въ немъ живетъ. Понятно, что вся его образованность остается мертвою буквою. Я разсказалъ въ своемъ путешествіи про двухъ молодыхъ Травникскихъ *беговъ*, братьевъ, въ которыхъ проявилось небывалое еще у Босняковъ-мусульманъ стремленіе къ просвѣщенію. Они принадлежатъ къ старому направленію Боснійской аристократіи, всегда желавшей внутренней самостоятельности и независимости Босніи въ отношеніи къ Стамбульскимъ властямъ; но они поняли, что время защищать эту самостоятельность во имя дикой необузданности и фанатизма прошло и что право на нее могло бы быть пріобрѣтено вновь только просвѣщеніемъ. Пер-

вый изъ Босняковъ-мусульманъ, Дервишъ-бегъ Тескереджичъ поѣхалъ въ Европу, чтобы путешествовать и учиться. Но что вывезъ оттуда этотъ умный и благонамѣренный человѣкъ, этотъ Славянинъ, воспитанный на Коранѣ, Хафизѣ и Тысячи Одной Ночи? Удивленіе къ желѣзнымъ дорогамъ и фабрикамъ и, конечно, ни одной живой, практической мысли. Сколько я могъ судить по разспросамъ, никому изъ Босняковъ-мусульманъ и въ голову не приходила мысль пользоваться роднымъ языкомъ письменно; единственный литературный языкъ у нихъ Турецкій. Я знаю только два письменныхъ (нельзя сказать литературныхъ) произведенія, сочиненныя Босняками-мусульманами на своемъ языкѣ, но Турецкими буквами. Ничтожность и того и другаго свидѣтельствуетъ объ умственной безплодности той среды, въ которой они возникли; надобно притомъ замѣтить, что они написаны лѣтъ 50 тому назадъ, и что съ тѣхъ поръ эта попытка не возобновлялась. Приведу, какъ вещь «курьозную,» образчики обоихъ этихъ произведеній. Первое, подъ заглавіемъ *Потуръ-шахидіе*, есть небольшій словарь въ стихахъ, гдѣ употребительнѣйшія Славянскія слова объясняются Турецкими выраженіями. Вотъ начало:

«Богъ» *Танри-диръ*, «едно» *биръ-диръ*, *хемъ* «едино» *вахдети*,
«Душа» *джанъ-дыръ*, «човекъ» *адамъ*, *дирлюбидеръ*, «животъ е.»
«*Хемъ фериште* «анђелъ» [1]) *олды*, *гöклере ди* «небеса»;
«Рай» *дженнетъ*, «райникъ» [2]) *олды димекъ дженнетли*.
«Мома» [3]) *кызъ-дыръ*, «прахъ» *тозъ-дыръ*, «трагъ» [4]) *изъ-диръ*, «путь» *іолъ*;
Захиде хемъ софи дирлеръ «самоседишъ» *халвети* [5]).
«Високо»-*дыръ юксекъ-оланъ*, *алчакъ-оланъ* «низко»;

---

1) Ангелъ.

2) Житель рая.

3) Дѣвушка.

4) Слѣдъ.

5) Переводъ нелѣпый; вотъ буквальный смыслъ стиха: «набожный и благочестивый отшельникъ, это значитъ *ты сидишь самъ* (т. е. ты сидишь въ уединеніи).»

Хемъ «соколъ»-*дыръ шахинъ-ади, учти димекъ* «полети»
«Глава» *башъ-тыръ*, «зуби» *дишъ-тиръ, хемъ дудага* «усна» *ди* [6]);
«Носъ» *бурунъ-дуръ, диль* «езыкъ»-*тыръ*, «бре, бре» *сенде* «море [7]) ты.»
«Уста» *агызъ-дыръ*, «раме» [8]) *омузъ-дуръ, хемъ кулага* «ухо» *ди;*
«Чело» *алинъ, кашъ* «обрве,» [9]) *сенъ гюзель-синъ* «лѣпа ты» [10]).
Хемъ аяк «нога» *дирлеръ, дизе дирлеръ* «колѣно;»
Падишахъ «царъ» *дирлеръ*, «царевина» [11])-*дыръ девлети* и. т. д.

Второе произведеніе Боснійско-мусульманской литературы немногимъ геніальнѣе перваго. Это жалобная пѣснь какихъ-то Босняковъ, квартировавшихъ въ Дувнѣ (въ сѣверной Герцеговинѣ). Пѣснь состоитъ изъ большаго числа четверостишныхъ куплетовъ, почти не имѣющихъ связи между собою и часто представляющихъ просто наборъ риѳмованныхъ словъ, Сербскихъ и Турецкихъ, безъ смысла. Вотъ начало пѣсни и нѣсколько куплетовъ изъ середины, менѣе безсмысленныхъ:

«Ево пишемъ арзохалъ
Да вамъ кажемъ сунхалъ:
Пропаде намъ васъ малъ
Сиромасимъ, господо!

. . . .

Бре, помогай до Бога!
Ние ль нигди никога?
Никомъ ние овога
Што е нама, господо!

. . . .

Стираше насъ у Думну
Кано комоня [12]) у гувну.

---

6) Губы.

7) *Бре* и *море* суть два непереводимыя Сербскія восклицанія, усиливающія рѣчь, когда кого нибудь зовутъ или къ кому нибудь съ гнѣвомъ обращаются.

8) Плечо.

9) Брови.

10) Ты прекрасна.

11) Царство.

12) Такъ написано въ Турецкомъ подлинникѣ; но трудно сказать, описка ли это, или дѣйствительно употреблялась еще у Босняковъ древняя Славянская форма *комонь* вмѣсто *конь*.

Нека знате уфано,
Погибосмо, господо!

. . . .

Ни чаршие ни хана,
А не стаде духана.
Већъ пиемо сирдана,
Разумите, госпюдо!

. . . .

Мехметъ-паша-заде
Хеманъ за ме и не знаде:
Ево чинимъ ифаде,
Кажите му господо!

. . . .

Велимъ дођи до паше,
Аль ако ме поплаше,
А душмани дознаше,
Мрзко ми е, господо!

. . . .

Обданъ уши тучемо,
Обноћь сино вучемо,
Аль се не свучемо
До сабаха, господо!

. . . .

Хотио би мучатъ,
Аль не могу чућатъ,
Суха круха ручатъ
У Жупаньцу, госпюдо!

. . . .

А вамъ е до смиха,—
Нама душа издиха.
Пазите се гриха.
Умрѣћете, господо!

. . . .

Єдну ричь іошъ имамъ:
Управте намъ таймерамъ.
Би намъ сохбетъ васъ тамамъ,
Фалимо васъ, господо!»

(*Переводъ:* Вотъ пишу прошеніе, чтобы вамъ сказать о нашей бѣдѣ. Пропало все имущество у насъ, бѣднягъ, господа! Братецъ, помоги ради Бога. Нѣтъ ли нигдѣ никого? Никто не терпитъ того, что мы, господа! Загнали насъ въ Думнѣ какъ лошадей на гумнѣ [1]). Знайте навѣрно, мы погибли, господа!.... Нѣтъ ни лавокъ, ни хана (гостинницы); не стало табаку, мы куримъ вонючій: поймите, господа!.... Сынъ Мехмедъ-паши про меня и не знаетъ; вотъ я извѣщаю его: скажите ему, господа!... Говорю: итти мнѣ къ пашѣ? Но если меня запугаютъ, и узнаютъ мои враги? Мнѣ непріятно, господа!... Днемъ мы бьемъ в..ей, ночью таскаемъ сѣно и не раздѣваемся до зари, господа!... Я хотѣлъ бы молчать, да не могу сдержать языкъ и ѣсть сухой хлѣбъ въ Жупаньцѣ [2]), господа!... Вамъ до смѣху, а у насъ душа издыхаетъ. Берегитесь грѣха, вы умрете, господа!... Еще одно слово: исполните наше желаніе. На томъ конецъ нашему разговору. Благодаримъ васъ, господа!)

Вотъ и вся литература Боснійскихъ мусульманъ на родномъ языкѣ (я не говорю, разумѣется, о народныхъ пѣсняхъ, которыя поются ими, также какъ христіанами, и донынѣ еще безпрестанно возникаютъ, а только о письменныхъ произведеніяхъ). По этимъ образчикамъ можете судить о степени ихъ творческой силы.

IV.

Самые замѣчательные между Боснійскими мусульманами суть безспорно, *беги*, преемники старинной Славянской аристохратіи въ этой странѣ.

Спахіи, о которыхъ я уже упоминалъ, составляли часть того же самаго аристократическаго сословія: спахіи были тѣ

---

1) Въ Босніи молотятъ хлѣбъ, гоняя по снопамъ лошадей, которыя ихъ топчутъ.

2) Жупанецъ—старая крѣпостца близъ Дувна или Думна.

же беги, но которые получили въ старинныя времена право взымать Султанскую десятину въ извѣстныхъ округахъ (*спахилукахъ*), подъ условіемъ служить въ Султанскомъ войскѣ съ своими людьми [1]). Бегъ владѣлъ извѣстнымъ селомъ какъ помѣщикъ, а другой бегъ, который могъ также быть помѣщикомъ въ другомъ мѣстѣ, въ качествѣ спахіи собиралъ въ свою пользу казенную десятину съ этого села: между ними столкновенія не было. Спахіямъ, какъ собирателямъ десятины, подчинены были также вольные хлѣбопашцы, мусульмане и христіане, которыхъ въ прежнее время было въ Босніи довольно, но которыхъ (я говорю о христіанахъ), сосѣдніе помѣщики-мусульмане мало-по-малу заставили разными неправдами подчиниться имъ, такъ что теперь ихъ нѣтъ вовсе. Христіане вспоминаютъ о спахіяхъ съ любовью, потому что они, какъ видно изъ разсказовъ народа, считали себя въ нѣкоторомъ смыслѣ представителями Султана въ отношеніи къ поселянамъ, платившимъ имъ десятину, и часто защищали ихъ отъ притѣсненій *капетановъ*, беговъ-помѣщиковъ и янычаръ. Теперь, какъ я сказалъ, спахій нѣтъ въ Босніи: десятина отобрана отъ нихъ, вмѣстѣ съ ихъ освобожденіемъ отъ исключительной военной службы [2]), и продается на откупъ бездушнымъ спекуляторамъ. Беги же, какъ помѣщики, остались по прежнему, потому что ихъ владѣніе основано не на порученіи имъ казеннаго дохода (какъ было съ спахіями), а на правахъ частной собственности (весьма часто, впрочемъ, пріобрѣтенной насиліемъ) [3]).

Беги, съ которыми прежніе *спахіи,* потерявъ свои особенные доходы и обязанности, опять совершенно слились, признаютъ сами себя потомками древнихъ христіанскихъ *племичей*

---

1) Эта свита имѣетъ совершенно характеръ средневѣковаго «Gefolge».

2) Отбирая десятину отъ спахій, Омеръ-паша далъ имъ вознагражденіе, впрочемъ самое ничтожное, едва $1/_{10}$ капитала, который у нихъ отымался.

3) Я такъ напираю на различіе въ юридическомъ положеніи беговъ-помѣщиковъ и спахіевъ, потому что предметъ этотъ былъ въ послѣднее время источникомъ многихъ недоразумѣній.

(знатныхъ людей) Босніи. Въ ихъ устахъ Сербская рѣчь звучитъ необыкновенно чисто и изящно, они употребляютъ древнія формы [1]), которыя у христіанъ уже почти не слышны въ разговорѣ, и только Турецкія слова, которыми они любятъ щеголять, портятъ красоту языка, сохраняющаго у нихъ какой-то отпечатокъ аристократическо старинный. Говорятъ даже, что нѣкоторые изъ нихъ хранятъ у себя до сихъ поръ передаваемыя изъ рода въ родъ грамоты прежнихъ королей Боснійскихъ и Сербскихъ; но никто еще не былъ въ состояніи видѣть эти документы, потому что владѣльцы, приписывающіе имъ какое-то таинственное значеніе, берегутъ ихъ про себя и думаютъ, что они имъ будутъ нужны въ случаѣ какого нибудь переворота. Возможность такого переворота, въ которомъ пришлось бы опять предъявлять права, дарованныя христіанскими государями, не теряется изъ виду Боснійскими бегами, и они даже не скрываютъ, что когда «крестъ» восторжествуетъ, они готовы будутъ снова ходить въ церковь, какъ ихъ праотцы. Самые древніе рода въ Босніи, которые, какъ увѣряютъ, имѣли силу еще во время христіанства, суть: Сулейманъ-пашичи (въ Скоплѣ), какъ говорятъ, прямые потомки знаменитаго въ древней Боснійской исторіи рода Яблановичей, Виличи (въ Скоплѣ), Крегичи, Бранковичи (въ Рогатицѣ), Ковчичи; въ началѣ Турецкаго владычества поднялись рода Турхановичей, Филиповичей, Куленовичей, Соколовичей, Тодоровичей и др. Между другими знатными родами упомяну о Джиничахъ въ Банялукѣ,

---

1) Мусульмане говорятъ, напримѣръ *братія*, а христіане *браћа*; мусульмане употребляютъ постоянно древнія формы прошедшаго въ глаголѣ: *я бѣхъ, ти бѣше, я бійахъ, ти бияше*, и т. п., тогда какъ христіане говорятъ: *я самъ био, ти си био*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Босніи, особенно въ Травникѣ, я слышалъ постоянно: *у нiху, одъ нiху*, вмѣсто *у нiхъ, одъ нiхъ*, или, какъ произносятъ Босняки-христіане, *у нi, одъ нi*; эта форма *нiху* (т. е. нихъ, ихъ), древнѣйшая, какъ доказываетъ сравнительная грамматика. Мусульмане не опускаютъ звука *х* въ произношеніи, какъ дѣлаютъ почти всегда Босняки-христіане; въ удареніи они соблюдаютъ часто древнія различія, которыя у христіанъ сгладились; напр. мусульмане говорятъ: дай ми водé», но вóде овде су добре» (дай мнѣ воды; вóды здѣсь хороши).

Градашчевичахъ въ Градашцѣ, Федахичахъ (Видаичахъ) въ Зворникѣ, Фильдусовичахъ въ Лѣвнѣ, Бабичахъ и Ченгичахъ въ Сараевѣ [1]) и др. Всего сильнѣе сохранился аристократическій элементъ въ сѣверозападной Босніи или такъ называемой Краинѣ. Древняя аристократія христіанскихъ временъ оставила въ этой странѣ свои слѣды въ зáмкахъ (*градахъ*), которыми увѣнчаны важнѣйшія горы въ Краинѣ. И теперь еще нѣкоторые изъ беговъ живутъ тамъ въ прадѣдовскихъ своихъ *кулахъ* (башняхъ), которыя въ старину могли выдерживать продолжительныя осады. Впрочемъ, по большей части эти *кулы* теперь необитаемы и стоятъ свидѣтельницами древнихъ временъ, окруженныя новыми, обыкновенно деревянными, жилыми строеніями. Близъ *кулы* и господскаго дома вы видите обыкновенно нѣсколько избъ, принадлежащихъ мусульманской дворнѣ, а поодаль лежатъ разбросанныя по горамъ и доламъ усадьбы христіанскаго села.

Земледѣльцы въ Босніи, и это составляетъ можетъ быть важнѣйшую бытовую особенность этой области, не имѣютъ никакой недвижимой собственности, а живутъ на правахъ *фермеровъ* (или арендаторовъ). Они по большей части христіане; есть и мусульмане, но только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и не очень много. Не знаю, какимъ образомъ произошло, что вся земля въ Босніи сдѣлалась собственностью аристократіи: было ли это такъ еще во время христіанскихъ государей, или ввелось подъ владычествомъ Турокъ. Мнѣ казалось бы всего вѣроятнѣе, что христіанскіе владѣтели Босніи (баны, а потомъ короли) давали своимъ вельможамъ право собирать опредѣленный доходъ съ извѣстныхъ селъ или волостей и что, послѣ завоеванія страны Турками, когда эти вельможи, принявъ магометанство, сдѣлались «царскими сынами», а христіанскіе по-

---

1) Самые старинные роды въ Сараевѣ, но теперь обѣднѣвшіе, суть Храштица и Которія.

селяне стали безправными «раіями» [1]), то права первыхъ на опредѣленный доходъ съ земли обратились въ полную собственность.

Положеніе земледѣльческаго класса составляетъ главную язву Босніи. Въ краткихъ словахъ оно изображено быть не можетъ. Я приведу здѣсь извлеченіе изъ записки объ этомъ предметѣ, составленной туземцемъ, хорошо знающимъ дѣло. Читатель замѣтитъ, что авторъ ея нѣсколько иначе объясняетъ происхожденіе въ этой странѣ фермерства или, чтобы выразиться Славянскимъ, Боснійскимъ словомъ, *кметовства*. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что причины, имъ указанныя, участвовали въ образованіи этого явленія; но мнѣ кажется, что авторъ записки выдвинулъ ихъ на первый планъ слишкомъ исключительно. Впрочемъ, помышлять о рѣшеніи этого историческаго вопроса теперь еще нельзя, потому что предварительно нужно было бы изучить критически множество Боснійскихъ документовъ XIV — XVI вѣка, которые остаются до сихъ поръ неоцѣненными и большею частью даже неизданными.

«Когда, въ 1463 году, Турецкій Султанъ Магометъ Фетхи (Завоеватель) убилъ Боснійскаго короля Степана Томашевича и покорилъ своей власти всю Боснію (говоритъ авторъ записки), то онъ взялъ въ рабство христіанское юношество, годное къ военной службѣ, числомъ до 30,000, и причисливъ ихъ къ янычарамъ, увелъ за собою въ Стамбулъ. Въ то же время онъ приказалъ, подъ городомъ Яйцемъ, умертвить до 10,000 человѣкъ Боснійскихъ вельможъ и знатныхъ людей [2]) предавшихся ему на слово. И то и другое сдѣлалъ Магометъ для того, чтобы уничтожить все то, что могло бы сопротивляться въ Босніи новому Турецкому управленію. Между тѣмъ часть

1) Мусульмане въ Турціи носятъ гордый титулъ *царскихъ сыновъ*, въ противоположность христіанамъ, которые суть «царская раія», т. е. подданные.

2) Такъ гласитъ общее преданіе въ Босніи; не знаю до какой степени оно достовѣрно. *Примѣч. пер. записки.*

христіанъ, преимущественно изъ числа знатныхъ людей, бѣжали въ Далмацію, а другіе приняли магометанстую вѣру.

«Такимъ образомъ отчасти погибла или разсыпалась, отчасти же обратилась въ магометанство аристократія Боснійская. Простолюдиновъ же христіанъ Султанъ-Завоеватель оставилъ въ полной свободѣ, замѣнивъ для нихъ военную повинность *харачемъ* и оставивъ имъ владѣніе ихъ имуществомъ и землями, подъ условіемъ платить ему десятину со всего, что родитъ земля. Десятину эту до 1850 года получали именемъ Султана беги Боснійскіе, обязанные за то къ военной службѣ по первому востребованію. Десятина эта всегда платилась натурою.

«И такъ большая часть христіанскихъ жителей Босніи сохранила послѣ завоеванія свою вѣру и свое имущество, и это продолжалось цѣлыхъ 50 лѣтъ, какъ доказываютъ Турецкіе документы, хранящіеся въ Францисканскихъ монастыряхъ, о присылкѣ въ Боснію, въ 1515 году, Султанскихъ полномочныхъ для размежеванія земель и внесенія въ государственные акты. Эти полномочные назывались *Эль эмены*, и объ ихъ пріѣздѣ и межеваніи народъ вспоминаетъ до сихъ поръ.

«Но съ 1521 года настали для Боснійскихъ христіанъ великія бѣдствія. Съ этого времени начали проходить черезъ Боснію сильныя, многочисленныя войска Турецкія изъ Азіи и Румеліи для завоеванія Венгріи, Будима, Вѣны, Праги (таковы были ихъ намѣренія и надежды). Это непрестанное наводненіе нѣсколькихъ сотъ тысячъ ратниковъ, или вѣрнѣе сказать, разбойниковъ (ибо такъ дѣйствовали въ то время Турецкія войска) опустошило и разрушило христіанскія церкви, монастыри, города и села въ Босніи и заставило опять множество христіанъ Боснійскихъ искать спасенія бѣгствомъ въ Дубровникъ (Рагузу), въ Приморье, Хорватію, Славонію, Бачку и т. д. Такимъ образомъ случилось, что обширные края, какъ-то плодородная Посавина, Подринье и Краина, совершенно запустѣли и поросли лѣсомъ. Средина же Босніи, гористая и скалистая и болѣе

отдаленная отъ земель, предлагавшихъ христіанамъ убѣжище, сохранила своихъ обитателей: христіане здѣсь прятались во время военной бури въ недоступныхъ мѣстахъ, а когда наставала тишина, они выходили изъ своихъ убѣжищъ и снова обработывали свои старинныя земли.

«Не только военныя тревоги, но и чума, часто свирѣпствовавшая въ эти времена, уменьшила число христіанскихъ жителей Босніи, которые частью умирали отъ заразы, частью же бѣжали отъ нея въ другія земли: между тѣмъ мусульмане, придерживаясь своего фатализма, не трогались съ мѣста и мало-по-малу присвоивали себѣ земли, покинутыя христіанами.

«Въ 1683 году походъ Турокъ подъ Вѣну и ихъ пораженіе Польскимъ королемъ Яномъ Собѣскимъ причинило неисчислимыя бѣдствія христіанамъ Боснійскимъ. Возвращаясь въ безпорядкѣ, ожесточенные этимъ пораженіемъ, Турки стали вымещать свою ярость на своихъ подданныхъ, христіанахъ, и въ короткое время разрушили много церквей и монастырей въ Босніи и съ неимовѣрнымъ бѣшенствомъ свирѣпствовали противъ христіанъ по всей этой странѣ. Христіане съ своими священниками уходили тысячами въ сосѣдніе края. Это продолжалось до 1739 года. Когда миръ былъ заключенъ между императоромъ Карломъ VI и Турками, христіане начали опять селиться въ Посавинѣ, Подриньѣ и Краинѣ, возвращаясь туда частью изъ-за Савы, частью изъ нагорныхъ нахій средней Босніи, а всего болѣе изъ Герцеговины и Далмаціи. Послѣ похода подъ Вѣну и изгнанія Турокъ изъ Венгріи и Славоніи, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ вся Посавина была пустынею, поросшею лѣсомъ; только въ городахъ, какъ-то Бѣлинѣ, Зворникѣ, Градашцѣ, Дервентѣ, Банялукѣ, Новомъ и др., осталось небольшое число мусульманъ съ своими начальниками, которые назывались *капетаны*. Они были родомъ Босняки. Капетаны считались правителями приписанныхъ къ ихъ городамъ окру-

говъ (*нахій*), и самовольно присвоили себѣ большія пространства запустѣлыхъ земель около Дрины и въ Краинѣ.

«Эти капетаны были неограниченные властелины въ своихъ нахіяхъ, били, убивали, вѣшали, сажали на колъ людей и не слушались Султана, а тѣмъ менѣе паши. Во время войны они являлись въ войско снаряженные на собственный счетъ и не получали жалованья.

«И такъ послѣ 1739 г. христіане опять населили Посавину, Подринье и Краину. Они принуждены были заключить условія съ бегами и капетанами для того, чтобы имѣть право снова жить на своихъ старинныхъ земляхъ, утраченныхъ ими въ слѣдствіе бѣдственныхъ обстоятельствъ; они опять построили на нихъ жилища, очистили и оградили нивы, насадили плодовитыхъ деревьевъ и стали разработывать землю, давая бегамъ, по условію, девятую часть урожая и полторы оки коровьяго масла за пользованіе пастбищами и сѣнокосами.

«Во всей Посавинѣ христіане владѣли землею на этихъ условіяхъ, и могли продавать и покупать ее. Между тѣмъ дома капетановъ и беговъ мало-по-мало множились и дѣлились, и требованія ихъ становились все больше и больше, вмѣстѣ съ ихъ нуждами. Въ слѣдствіе того они начали постепенно вводить *ангарію* или *бегмукъ* (барщину), принуждая поселянъ очищать для нихъ нѣкоторые участки и обработывать въ ихъ пользу общими трудами. Но на земляхъ, занятыхъ *кметами* (поселянами), оставалась девятина и взносъ масла за сѣнокосы, по прежнему условію.

«Со временемъ барщина стала для поселянъ слишкомъ тягостна, и они въ 1840 году представили Портѣ, чрезъ посредство Вѣнскаго кабинета, горькія на нее жалобы. Въ слѣдствіе того Порта, въ 1843 году, дала приказаніе, чтобы беги не принуждали кметовъ къ барщинѣ по произволу, но чтобы каждый христіанскій домъ поставлялъ имъ еженедѣльно двоихъ работниковъ на одинъ день; Турки Боснійскіе однако не хотѣ-

ли слушаться этого закона, а продолжали по прежнему гнать кметовъ на барщину, сколько имъ было угодно. Тогда кметы возобновили тѣмъ же путемъ свои жалобы, и въ 1848 году, во время Тахиръ-паши, пришло приказаніе Порты, чтобы барщина была совершенно уничтожена.

«При этомъ должно замѣтить, и не терять изъ виду, слѣдующее обстоятельство. Въ средней части Босніи, Турки, присвоившіе себѣ земли, оставленныя христіанами въ слѣдствіе нашествія войскъ, моровой язвы или другихъ обстоятельствъ, расчищали ихъ и строили на нихъ жилища на свой счетъ, и тогда водворяли на нихъ христіанъ, чтобы они обработывали эти земли какъ ихъ *кметы*, по условію, полюбовно заключенному между обѣими сторонами. Эти кметы обязывались давать своимъ господамъ третью, или пятую, или седьмую часть жатвы, смотря по взаимному соглашенію, а господа обязывались давать имъ воловъ для паханія, сѣменъ для посѣва и лошадей для молотьбы. Въ эти условія власти не вмѣшивались, и они были вполнѣ предоставлены обоюдному соглашенію. Напротивъ того, въ Посавинѣ, Подриньѣ и Краинѣ, какъ сказано, христіане сами расчищали земли и строили жилья, а господамъ обязаны были давать девятую часть жатвы и полторы оки масла за сѣнокосъ, и больше ничего; господа же не давали имъ ни воловъ, ни сѣменъ, ни чего бы то ни было.

«И такъ, когда въ 1848 г. Тахиръ-паша получилъ фирманъ объ уничтоженіи барщины, онъ позвалъ въ Травникъ на совѣщаніе главныхъ людей Босніи, именно обоихъ пашей Сараевскихъ, Мустафу Бабича и Фазли Шерифовича, изъ Зворника — Махмудъ-пашу Виданча, изъ Тузлы — Махмудъ-пашу [1]), изъ Банялуки — Али-бега Джинича, изъ Бихача — Махмудъ-пашу Бишчевича; съ ними были позваны Игнатій, владыка Сараевскій, и нѣкоторые Францисканцы. Паша прочелъ передъ

1) Его фамильное прозвище было то же, что имя города, *Тузла*.

ними приказаніе Порты. Вельможи Боснійскіе тотчасъ поняли, что съ уничтоженіемъ барщины значительно сократятся ихъ доходы; они сладили дѣло между собою и представили пашѣ прошеніе (а съ прошеніемъ и денежное приложеніе). Прошеніе состояло въ томъ, чтобы «христіане, въ замѣнъ барщины, обязались впредь давать бегамъ и агамъ треть жатвы и половину сѣнокоса, а чтобы беги и аги за то заплатили имъ за ихъ постройки, а также возвратили третью часть издержекъ на огороженіе полей и вносили за нихъ треть *порѣза* (поземельной подати).» Это бремя *третины* вельможи Боснійскіе наложили такимъ образомъ на христіанскихъ кметовъ безъ Султанскаго указа, въ 1849 году.

«Паша и вельможи сомнѣвались однако, чтобы христіане подчинились третинѣ безъ сопротивленія, и стали выдумывать средство, чтобы обмануть и Порту и христіанъ. Это средство было слѣдующее. Они призвали въ Травникъ значительнѣйшихъ *кнезовъ* (старостъ) изъ всѣхъ нахій, православныхъ священниковъ и нѣсколькихъ Францисканцевъ изъ разныхъ католическихъ приходовъ, и сказали имъ: «Порта уничтожаетъ барщину, но нужно въ замѣнъ, чтобы всѣ кметы давали бегамъ третину.» Услышавъ это, кнезы были поражены, какъ громовымъ ударомъ. Склоняясь до земли, они отвѣчали: «Мы покоряемся всему, что прикажетъ Султанъ и начальство.» За такой отвѣтъ нѣкоторые изъ кнезовъ получили въ подарокъ *кабаницу* (широкій зимній плащъ), другіе деньгами по 50 піастровъ.

«Здѣсь должно упомянуть, что нѣкогда Гусеинъ-капетанъ Градашчевичъ имѣлъ въ Посавинѣ 13 селъ, около 1,300 домовъ, кметовъ католическаго исповѣданія. Кметы эти, какъ сказано, давали владѣльцу только *девятину* съ хлѣба, и потомъ наложена была на нихъ произвольно барщина. Въ 1831 г. Гусеинъ, сражаясь за янычарство, отложился отъ Султана и цѣлый годъ управлялъ Босніею какъ полный властелинъ; потомъ онъ былъ побѣжденъ, изгнанъ и умеръ въ заточеніи, въ

Цареградѣ. Его имѣнія были объявлены казенною собственностью; но доходы съ нихъ получаетъ никто другой, какъ паша, управляющій Босніею. Паши всякими средствами выжимаютъ деньги изъ этихъ имѣній, а въ казну вносятъ, сколько хотятъ. Тахиръ-паша захотѣлъ наложить третину и на этихъ бывшихъ Гусеиновыхъ кметовъ, и для того позвалъ къ себѣ *кнезовъ* изъ деревень Жабры, Матичи, Толиса и Дольняя Махала, и спросилъ ихъ, согласны ли они подчиниться новому распоряженію на счетъ третины. *Кнезы* объявили, что это для нихъ невозможно, и что они хотятъ оставаться на прежнемъ условіи. Услышавъ ихъ отвѣтъ, паша велѣлъ положить ихъ подъ палку, и заставилъ ихъ бить до того, что всѣ четверо остались за-мертво. Двое изъ нихъ, кнезы Матическій и Жаберскій, тутъ же умерли, а двое, болѣе молодые и сильные, кнезъ Толисскій Мика Недичъ и Дольне-Махальскій Маріанъ Москаль, остались живы, но потерявъ на ногахъ не только кожу, но и ногти и мясо до костей. Узнавъ о такомъ свирѣпомъ поступкѣ и не находя нигдѣ опоры, Посавинскіе кметы всѣ подчинялись *третинѣ*.

«Зная, что *третина* введена обманомъ и насиліемъ, читатель долженъ замѣтить и то, что, по закону, христіане обязаны отложить натурою, въ пользу бега (помѣщика) и того кто получаетъ съ нихъ десятину, опредѣленную часть произведеній земли, какъ-то хлѣба, сѣна, льна, капусты и т. д. Если ихъ заставляютъ (какъ это дѣлается) отвозить безплатно то, что съ нихъ взымается, въ житницы бега или собирателя десятины, то это есть та же барщина, только подъ другимъ видомъ. — Какъ только *третина* наложена была на христіанъ, правительство стало тотчасъ отдавать ее на откупъ въ имѣніяхъ, принадлежащихъ казнѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ и *десятина*, отнятая у спахій въ 1851 г., сдѣлалась откупною статьею. Откупщики же, будучи въ товариществѣ или по крайней мѣрѣ въ соглашеніи съ мудирами, каймакамами и пашами, стали без-

препятственно взымать третину и десятину съ христіанъ деньгами, и ненасытнымъ своимъ корыстолюбіемъ успѣли въ семь лѣтъ разорить несчастныхъ христіанъ совершенно.

«Дѣло не шуточное: Тахиръ-паша продалъ въ 1849 г. третину съ упомянутыхъ недавно 1,300 домовъ въ Посавинѣ Мустафа-пашѣ Бабичу на откупъ за 120 мѣшковъ піастр. (3,000 руб. сер.), а черезъ семь лѣтъ откупная цѣна съ этихъ домовъ достигла до 1,050 мѣшковъ (26,250 р. с.), и къ этой суммѣ должно прибавить еще по крайней мѣрѣ 2,000 р. потери откупщика при взносѣ денегъ въ казну [1]). Десятина же съ этихъ 1,300 домовъ теперь поднялась на 400 мѣшковъ (10,000 р.), да къ этому еще рублей 900 потери на цѣнѣ денегъ. — А на эти 1,300 домовъ приходится по крайней мѣрѣ 300 *колыбъ* (хатъ плетенныхъ изъ хвороста), въ которыхъ не найдешь у хозяина и курицы: и такъ если раздѣлить между остальными 1,000 домами цѣну, получаемую казною за откупъ третины и десятины (вмѣстѣ 1,450 мѣшковъ или 36,250 р. с.), то на каждый домъ придется 36 рублей 25 к. сер., которые откупщикъ долженъ взять только для того, чтобы возвратить капиталъ, внесенный имъ въ казну. Есть въ томъ числѣ такіе дома, которые не въ состояніи дать ему *болѣе* 3 р.; но за то съ болѣе зажиточныхъ семействъ онъ взымаетъ по 200 р. за третину и десятину.

«Сколько откупщикъ обязанъ внести въ казну, столько же по крайней мѣрѣ, если не больше, онъ получаетъ барыша себѣ. Стало быть можно расчитать по вышеозначеннымъ цыфрамъ, сколько онъ беретъ съ христіанскихъ поселянъ. Своими барышами откупщики, безъ всякаго сомнѣнія, дѣлятся съ мудирами, каймакамами или пашами: ибо возможно ли предполагать, чтобы они иначе стали допускать такой грабежъ?

---

1) Въ Босніи почти нѣтъ турецкихъ денегъ, а всего больше ходятъ австрійскіе цванцигеры и червонцы: деньги эти казна принимаетъ по гораздо меньшей цѣнѣ, чѣмъ онѣ дѣйствительно стоятъ въ обращеніи.

«Слѣдуя примѣру откупщиковъ, покупающихъ отъ казны право взымать десятину, также какъ третину въ казенныхъ имѣніяхъ, многіе беги (помѣщики) уже не соглашаются принимать третину отъ своихъ кметовъ натурою, но требуютъ ея деньгами. — Они, точно также какъ откупщики, назначаютъ произвольную цѣну произведеніямъ кмета, и кметъ долженъ заплатить имъ ту сумму, которую они по этой оцѣнкѣ опредѣлятъ вмѣсто своей третины. Если же заплатить онъ не можетъ, то бегъ отдаетъ его на аренду какому нибудь спекулятору, Хаджи-Али-пашѣ, Муягѣ Новопазарцу, Талиревичу или любому Цинцару [1]), и эти откупщики ужъ не оставятъ и золы на очагѣ бѣднаго хлѣбопашца.—Такимъ образомъ случилось въ эти послѣдніе годы, что сколько въ Босніи мудировъ и пашей, столько откупщиковъ, сколько по селамъ избъ, столько темницъ, сколько христіанъ земледѣльцевъ, столько порабощенныхъ узниковъ, которыхъ Турки имѣютъ право вязать, бить, заключать въ тюрьму и всячески мучить. Примѣромъ можетъ служить недавній случай въ Градашецкой нахіи, въ селѣ Бокъ, гдѣ Рауфъ-безъ приказалъ привязать къ потолку избы Иву Косича и еще пятерыхъ христіанъ и развести подъ ними огонь, въ который бросали шелуху отъ кукурузы и лукъ, пока несчастные, задыхаясь отъ невыносимаго дыма, откупились, давши ему все, что у нихъ было [2]).

«Когда случится, что у кмета хлѣба погибли отъ града, мороза, наводненія или червя, и христіанинъ скажетъ откупщику: «государь мой, нѣтъ ничего ни для меня, ни для тебя, то-то и то-то случилось», то откупщикъ отвѣчаетъ ему: «я не пахалъ и не сѣялъ, и моего не могъ истребить градъ или морозъ и т. под.,

1) *Цинцары* (Македонскіе Валахи) въ довольно значительномъ числѣ поселились въ Босніи, какъ торговцы, и знамениты своимъ корыстолюбіемъ, часто самымъ безсовѣстнымъ.

2) Это не единственный примѣръ: *я знаю много другихъ подобныхъ случаевъ. Примѣч. переводчика записки.*

потому что я отсчиталъ въ казну наличные червонцы; такъ и ты подавай мнѣ скорѣе наличныя, хоть дѣтей веди на рынокъ!» Такая жестокость откупщиковъ, подкрѣпляемая покровительствомъ властей, въ эти семь лѣтъ довела христіанъ до крайняго разоренія и была причиною того, что въ 1852 году около 16,000 христіанъ бѣжало въ Австрію и Сербію. Христіане не переставали представлять свои жалобы меджлисамъ, мудирамъ, каймакамамъ, пашамъ; но все это было напрасно. Ибо пословица говоритъ: «по пустому будешь шептать глухому и мигать слѣпому.» А другая пословица говоритъ: «воронъ ворону глазъ не выклюетъ.» — Есть въ Босніи небольшое число мусульманъ, не имѣющихъ собственной земли, а обрабатывающихъ землю беговъ на правахъ кметовъ. Съ ними беги и откупщики поступаютъ милостивѣе, какъ съ своими братьями Турками, и при собираніи съ нихъ третины и десятины соблюдаютъ нѣкоторую справедливость.

«До введенія счастливаго, какъ Турки его называютъ, а для христіанъ Боснійскихъ пренесчастнаго *танзимата*, «порѣзъ» (поземельная подать) былъ очень не великъ и легокъ, и изъ мусульманъ его платили только кметы, а беги не платили ничего. Въ 1848 г. Тахиръ-паша обнародовалъ султанскій указъ о томъ, чтобы всѣ мусульмане платили *порѣзъ* подобно христіанамъ. Чтобы подать эта взымалась справедливо, Тахиръ-паша приказалъ измѣрить всѣ земли веревками, и кто имѣлъ больше земли, тотъ долженъ былъ платить больше порѣза. Какъ скоро подать была наложена на землю, многіе Турки, будучи лѣнивы и владѣя значительными и часто необдѣланными землями, стали разоряться и продавать свои имѣнія христіанамъ. Между тѣмъ пріѣхалъ, въ 1852 г., Кямиль-паша, посланный Портою въ Боснію съ полномочіемъ для окончательнаго введенія въ исполненіе танзимата. Видя, что *порѣзъ*, будучи наложенъ на землю, ихъ разоряетъ и что земля, если это продолжится, мало-по-малу перейдетъ въ руки христі-

анъ, Боснійскіе Турки подсыпали Кямиль-пашѣ червонцевъ, и онъ тотчасъ далъ приказаніе, чтобы *порѣзъ* собирался не съ земли, а съ домовъ. Порѣзъ былъ опредѣленъ тогда въ 84 (а въ Градашецкой нахіи 104) піастра (4 руб. 20 коп. и 5 руб. 20 коп. сер.) съ дома. Вотъ справедливость и равенство! Бегъ или ага мусульманинъ имѣетъ земли, сколько душѣ угодно, у него есть кметы, — и ему приходится платить 84 піастра; а между христіанами сколько есть такихъ, у которыхъ нѣтъ ни земли, ни огорода, ни лошади, ни вола, словомъ ничего, кромѣ хворостяной избушки да пяти, шести, а часто и десяти голыхъ ребятишекъ кругомъ очага, и онъ долженъ дать опять-таки 84 піастра, а если не можетъ заплатить, то недоимку обязаны взять на себя сосѣди-христіане, которые позажиточнѣе, но тоже имѣютъ не много. Для собиранія порѣза мудиры разсылаютъ своихъ *заптіе* (полицейскихъ), и если кто не въ состояніи заплатить тотчасъ, то они поступаютъ съ нимъ точно также какъ откупщики третины и десятины.

«Въ прежнее время правительство отдавало корчемство на откупъ, и откупщики запрещали христіанамъ продавать выкуриваемую ими водку другому, кромѣ ихъ самихъ. Злоупотребленія этихъ откупщиковъ возбуждали столько жалобъ, что Тахиръ-паша рѣшился уничтожить винный откупъ, а въ замѣнъ дохода, который онъ доставлялъ казнѣ, постановилъ, чтобы всякій христіанинъ, имѣющій винокуренный котелъ, платилъ въ годъ по 1 червонцу, а всякій другой христіанскій домъ по 2 цванцигера (40 к. сер.), и чтобы впредь всякій могъ курить, продавать и покупать вино. Оказалось, что въ Босніи есть около 3,000 винокуренныхъ котловъ, что даетъ казнѣ 9,000 р. с.; кромѣ того 62,000 христіанскихъ домовъ даютъ ей въ замѣнъ прежняго откупа около 25,000 р. сер. Но если справиться хорошенько, сколько найдется христіанскихъ домовъ, которые не извлекли ни малѣйшей пользы отъ уничтоженія этого откупа, а платятъ за него всякій годъ по 2 цванц.;

и сколько, напротивъ, у мусульманъ садовъ, насаженныхъ сливою [1]), и они не даютъ за это ничего, а пьютъ водку хуже христіанъ! Такова справедливость и равноправность.

«Въ началѣ было упомянуто, что Султанъ Магометъ II, при покореніи Босніи, наложилъ на христіанъ (мужескаго пола) *харачъ* въ замѣнъ военной службы. Харачъ въ послѣднее время былъ 15 піастр. (75 к. сер.). Но въ 1855 году харача не взяли, а въ слѣдъ за тѣмъ, черезъ годъ, правительство объявило, что будетъ брать съ христіанъ *беделію* (иначе *аскерію*, *войнину*) въ замѣнъ рекрутъ, и въ 1856 г. взяло *войнину* два раза. Тогда какъ харачъ былъ 15 піастровъ, новая войнина была опредѣлена въ 40 піастр. (2 р. с.) со всякаго христіанина мужескаго пола. Есть множество христіанскихъ домовъ, въ которыхъ до 7, до 10 и болѣе душъ мужескаго пола, и которые, не имѣя чѣмъ жить, не могутъ платить войнину, такъ что на тѣ дома, гдѣ не умираютъ съ голоду, приходится часто по 500 піастр. (25 р.) войнины; а въ городахъ, особенно въ Сараевѣ, есть такіе дома, на которые общество должно было наложить и по 1,000 п. (50 р.), тогда какъ во время благодатнаго харача дома эти давали какихъ-нибудь 30 или 45 піастр., если въ нихъ считалось, напримѣръ, 2 или 3 мужескихъ души. — Таково облегченіе христіанамъ въ слѣдствіе хати-хумаюна; и такова равноправность: ибо мусульмане *войнины* не платятъ, а когда случится война, то христіане несутъ гораздо большія тягости, нежели они. Дѣло въ томъ, что на христіанахъ лежитъ обязанность ставить подводы, при чемъ они кормятъ и себя и лошадей своихъ на свой счетъ. Солдаты-Турки, просто изъ ненависти къ крещенному человѣку, бьютъ и мучатъ лошадей немилосердо, а часто и отнимаютъ ихъ. Опредѣленной закономъ платы за подводы никогда почти они не получаютъ. Невозможно исчислить, что вытерпѣли христіане

1) Въ Босніи водку гонятъ изъ сливъ.

въ послѣдніе годы въ слѣдствіе этой повинности, сколько ихъ погибло, особенно во время междоусобныхъ войнъ въ Босніи при Тахиръ-пашѣ и Омеръ-пашѣ, и въ походахъ противъ Черной Горы! Поставка подводъ въ Босніи сопряжена съ такими злоупотребленіями и насиліемъ, что часто въ городахъ въ базарный день не бываетъ торга, единственно потому, что поселяне боятся показаться, чтобы *заптіе* (полицейскіе) не захватили ихъ съ лошадьми и не погнали Богъ знаетъ куда, безплатно. Сколько разъ случается, что жадные *заптіе*, хотя подводъ и не нужно, подойдутъ къ поселянамъ, пригнавшимъ свои произведенія на рынокъ, и захвативъ лошадей, подъ видомъ, что хотятъ вести ихъ для подводъ, не пустятъ, пока поселяне не дадутъ имъ денегъ. Это бываетъ въ самомъ Сараевѣ, гдѣ есть главный меджлисъ и паша: что же дѣлается въ другихъ мѣстахъ!

«Несказанную злобу противъ христіанъ показалъ Омеръ-паша и позволилъ себѣ самые отвратительные поступки противъ священниковъ, въ особенности же православнаго исповѣданья. И какой ущербъ онъ нанесъ христіанамъ, отнявъ у нихъ оружіе, которое они могли бы продать, и тѣмъ получить средство легче удовлетворить своимъ повинностямъ! Христіане Боснійскіе, искони и всегда вѣрные Султану, были обезоружены; а мусульмане, безпрестанно возмущавшіеся противъ него, сохранили свое оружіе, чтобы могли тѣмъ легче дѣлать насиліе христіанамъ».

V.

Эта записка туземца дала читателю точное понятіе объ отношеніяхъ земледѣльческаго класса въ Босніи къ землевладѣльцамъ и властямъ. Я долженъ прибавить еще нѣсколько замѣчаній о внутреннихъ отношеніяхъ въ самомъ земледѣльческомъ классѣ. — Въ Босніи теперь, какія бы тому ни были

историческія причины, *весь* земледѣльческій классъ живетъ на правахъ фермеровъ или арендаторовъ. Земледѣльца связываетъ съ землею только случайное условіе, которое прежде могло быть весьма различно, но потомъ мало-по-малу приведено было къ однообразной формѣ, и именно, какъ мы видѣли, къ той, которая всего тягостнѣе *для* поселянъ (*третина*). Но, какая бы ни была форма условія, его случайный характеръ не измѣнился: владѣлецъ можетъ согнать поселянина, когда угодно, и поселянинъ можетъ покинуть его землю (замѣчу мимоходомъ, что и это обратилось во вредъ земледѣльцу: ему трудно уйти 1) потому что онъ обыкновенно задолжалъ агѣ, 2) потому что онъ едва ли можетъ надѣяться скоро найти землю у другаго владѣльца; а напротивъ, случается очень часто, что когда поселянинъ улучшитъ свой участокъ, то владѣлецъ его сгонитъ, или чтобы присоединить участокъ этотъ къ той землѣ, которую онъ, владѣлецъ, обработывалъ прежде барщиною, а теперь обработываетъ наемниками, или чтобы передать ее другому *кмету*, который заплатитъ ему за то извѣстную сумму). — Въ слѣдствіе системы фермерства (*кметовства*) и его случайнаго и условнаго характера, въ Босніи нѣтъ ничего похожаго на Славянскую общину. Каждый кметъ имѣетъ свой участокъ совершенно независимо отъ общины; нерѣдко бываетъ, что участки передаются отъ отца къ сыну, но при всемъ томъ характеръ временнаго, основаннаго на случайномъ условіи, владѣнія не уничтожается. Мнѣ извѣстны многіе примѣры, что ага вдругъ прогонялъ *кмета*, въ семьѣ котораго участокъ оставался наслѣдственно болѣе 100 лѣтъ. Вотъ эта-то *случайность* и *условность* уничтожила, мнѣ кажется, общину между Боснійскими Славянами. Она не можетъ существовать тамъ, гдѣ люди, живущіе въ одномъ селѣ, не имѣютъ между собою и съ своей землею другой связи, кромѣ личнаго условія каждаго съ владѣльцемъ. Нѣчто похожее на общину возстановляется распоряженіемъ Турецкой администраціи, чтобы каждое село, въ

лицѣ своего *кнеза* (старосты), сообща платило лежащія на немъ казенныя подати [1]), распредѣляя ихъ между отдѣльными домами по своему усмотрѣнію. Но взглянемъ на эту админстративную общину въ Боснійскомъ селѣ: каковъ ея характеръ? Предстоитъ, положимъ, выборъ *кнеза* (старосты): этотъ выборъ дѣлается сходкою; но кто составляетъ сходку? пятеро или шестеро, а можетъ быть и десятокъ хозяевъ, которые имѣютъ какой-нибудь достатокъ. Только эти люди имѣютъ голосъ, ихъ «спрашиваютъ» (*они се питаю*, по выраженію Босняковъ). Ихъ сосѣди побѣднѣе не только не могутъ сказать слова противъ ихъ рѣшенія (они были бы покрыты бранью и при первомъ удобномъ случаѣ поплатились бы), но даже не приходятъ на сходку и предоставляютъ выборъ усмотрѣнію своихъ зажиточныхъ собратій. *Кнезъ* часто помогаетъ Туркамъ обирать народъ; онъ почти всегда стоитъ на сторонѣ богатыхъ кметовъ. Когда нужно разложить подать на село, онъ сзываетъ опять-таки не сходку, а десятокъ болѣе зажиточныхъ хозяевъ, «которыхъ *спрашиваютъ*,» и они порѣшатъ дѣло, не совѣтуясь съ другими членами общины. Правда, горькая необходимость заставляетъ этихъ людей, которые имѣютъ нѣкоторый достатокъ, принимать на себя болѣе или менѣе значительную часть уплаты за тѣхъ, которые не имѣютъ ничего вовсе. Но всетаки распредѣленіе никогда не бываетъ справедливо: *кнезъ* и зажиточные кметы, располагающіе дѣлами общины, всегда успѣваютъ уменьшить свою относительную часть и навалить самую тяжелую, сравнительно, уплату на тѣхъ, которые, не находясь еще въ совершенной нищетѣ, стоятъ однако на краю ея. Этимъ хозяевамъ, не имѣющимъ голоса въ совѣтѣ общины, посылаютъ объявить, сколько подати присуждено на ихъ долю; въ случаѣ противорѣчія ихъ нерѣдко отдаютъ мѣстной власти и

---

1) Я говорю о тѣхъ податяхъ, которыя взымаются прямо, а не черезъ откупщиковъ.

сажаютъ въ тюрьму. Такимъ образомъ заставляютъ нерѣдко этихъ людей продать, для уплаты подати, свою послѣднюю корову или лошадь и успѣваютъ разорить ихъ такъ, что ага рѣшится согнать ихъ съ своей земли. Тогда бѣдняки обыкновенно удаляются изъ села и, построивъ себѣ хату гдѣ-нибудь по близости на пустой землѣ, работаютъ наемниками у другихъ хозяевъ: они дѣлаются пролетаріями. Боснійское село есть театръ мелкихъ интригъ: каждый кметъ желаетъ удалить другаго въ надеждѣ получить его участокъ. Таково нормальное положеніе подъ господствомъ началъ Боснійскаго *кметовства* (фермерства). Я не говорю о тѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, тотъ, который представился недавно въ нѣкоторыхъ нахіяхъ Посавины, гдѣ всѣ *кметы*, и зажиточные и бѣдные, будучи, послѣ семи-лѣтняго господства системы Турецкихъ откуповъ, доведены до совершеннаго разоренія, забыли про свои интриги и стали общимъ голосомъ просить защиты Султана. Но когда такая чрезвычайная нужда не связываетъ *кметовъ*, бѣдственныя послѣдствія начала случайнаго владѣнія землею являются въ Босніи во всей наготѣ. Община и сходка, при господствѣ этого начала, становится такимъ орудіемъ тиранства, что я самъ слышалъ, какъ нѣкоторые кметы выражали мысль, которая на первыхъ порахъ казалась мнѣ внушенною просто сумасшествіемъ: именно, что для нихъ было бы лучше, если бы распредѣленіе подати между отдѣльными домами въ каждомъ селѣ производилось не *кнезомъ* и общиною, а Турецкимъ мѣстнымъ начальствомъ.

Другое гибельное послѣдствіе существующей въ Босніи системы фермерства есть сельскій пролетаріатъ. Поселяне Боснійскіе раздѣляются рѣзко на два класса: на тѣхъ, которые имѣютъ избы (*куће*) и обработываютъ землю, и на тѣхъ, которые живутъ въ такъ называемыхъ *колыбахъ* (жалкія хаты, сплетенныя изъ прутьевъ и покрытыя древесною корою) и питаются, чѣмъ Богъ послалъ. Первые составляютъ села: послѣд-

ніе строятъ свои *колыбы* гдѣ нибудь около села, въ лѣсу или близъ дороги, на пустопорожней землѣ, и часто переходятъ изъ одного мѣста въ другое. Этихъ сельскихъ пролетаріевъ или, какъ ихъ называютъ, *колыбарей*, въ Босніи весьма много. На 10 семействъ, обработывающихъ землю, должно считать отъ 2 до 3, а иногда и больше, семействъ пролетаріевъ. Почти единственное ихъ средство къ жизни—наниматься въ работники къ кметамъ въ рабочую пору. Когда онъ не женатъ, то наемникъ принимается на хозяйскіе харчи, и его существованіе не такъ бѣдственно. Но какъ скоро онъ обзавелся семействомъ, нельзя изобразить нужду, какую онъ терпитъ, особенно въ холодную Боснійскую зиму. Вы можете видѣть тогда въ *колыбахъ* семьи, гдѣ дѣти *буквально* голы и дѣвушки едва покрываютъ себя рубахою въ лохмотьяхъ; гдѣ въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ питаются отваромъ кукурузныхъ стеблей и разныхъ дикихъ кореньевъ; гдѣ дѣти мрутъ какъ мухи и взрослые *буквально* умираютъ съ голоду. Турецкіе землевладѣльцы терпятъ этихъ несчастныхъ пролетаріевъ въ лѣсахъ и на пустыряхъ, имъ принадлежащихъ. Но перейти къ обработкѣ зёмли они не могутъ, потому что не въ состояніи купить ни вола, ни плуга; а въ Посавинѣ и Краинѣ *кметъ* долженъ имѣть свой скотъ и свои орудія, чтобы получить участокъ; въ другихъ же нахіяхъ, гдѣ скотъ и орудія даются владѣльцемъ, онъ всегда ищетъ такого кмета, который уже имѣетъ что-нибудь и въ состояніи заплатить ему при своемъ водвореніи. Такъ какъ въ Босніи землевладѣльцы-мусульмане не имѣютъ довольно предпріимчивости, чтобы распространять свои пашни и класть въ землю капиталъ, то на воздѣлываемые уже участки есть всегда охотники, болѣе или менѣе зажиточные, и пролетарію почти невозможно найти на нихъ мѣсто осѣдлости.

Страшное зло системы *кметовства* и сопряженнаго съ нею сельскаго пролетаріата могло бы быть ослаблено мало-по-малу

если бы введенъ былъ въ исполненіе, въ Босніи, законъ, дарующій христіанамъ право владѣть землею. Въ этой странѣ есть огромныя пространства хорошей земли, лежащей пустою и не имѣющей владѣльца, т. е. почитающейся собственностью Султана. Участки этой земли, по закону, могутъ быть предоставлены въ собственность всякому, кто хочетъ ее обработывать, подъ условіемъ платить десятину и прочія казенныя подати. Множество кметовъ, имѣющихъ нужный капиталъ, т. е. пару воловъ, орудія и сѣмена, сочли бы счастіемъ оставить своихъ агъ и сдѣлаться собственниками на новыхъ земляхъ; съ расширеніемъ земледѣлія и пролетаріи стали бы находить осѣдлость, или занимая оставленные зажиточными кметами участки на помѣщичьихъ земляхъ, или пріобрѣтая себѣ, въ наймѣ у переселенцевъ, средства, чтобы въ свою очередь получить дачу пустой земли. Но до сихъ поръ, не смотря на вопіющій голосъ закона, Боснійскіе мусульмане, имѣя опору въ фанатическихъ меджлисахъ, успѣвали мѣшать христіанамъ, кметамъ, получить малѣйшій участокъ земли въ свою собственность. Въ двухъ или трехъ мѣстахъ даны были христіанамъ пустыри для обработки, по распоряженію высшаго начальства; но всякій разъ какой нибудь мусульманинъ открывалъ, что этотъ пустырь есть *вакуфъ* (собственность мечети) или принадлежитъ тому или другому бегу, и потому отчужденъ незаконно; меджлисъ подтверждалъ это, и бѣднаго христіанина, положившаго свой трудъ въ новую свою дачу, сгоняли, разрушали его избу, вырывали плетень, и всходы посѣяннаго имъ хлѣба отдавали въ пастбище стаду; высшее же начальство имѣло слабость удовлетворяться формальною законностью рѣшенія меджлиса. Изъ христіанъ въ Босніи воспользовалось новымъ закономъ, позволяющимъ имъ владѣть землею, только нѣсколько городскихъ жителей, купцовъ, употребившихъ часть своего капитала на покупку отъ мусульманъ имѣній, которыя они продолжаютъ обрабо-

тывать на прежнемъ основаніи, посредствомъ *кметовъ*. Такихъ случаевъ, впрочемъ, было весьма немного; но сколько бы ихъ ни было, они не имѣютъ никакого существеннаго значенія: ибо система *кметовства* не измѣняется, кто бы ни былъ владѣлецъ помѣстья, мусульманскій *бегъ*, или Сараевскій купецъ — христіанинъ; къ тому же замѣчаютъ, что купецъ—христіанинъ даже болѣе склоненъ прижимать своего единовѣрца, кмета, и вымажживать изъ него деньги, чѣмъ бегъ—мусульманинъ. Нѣтъ, нужно, чтобы возможность получать въ собственность пустыя земли была дѣйствительно, а не только на бумагѣ, дана въ Босніи земледѣльцамъ—христіанамъ: лишь тогда въ этой плодородной и мало населенной области люди перестанутъ умирать съ голоду.

VI.

Общія страданія связываютъ поселянъ Боснійскихъ, не смотря на различіе вѣроисповѣданій. Православные и католики живутъ «въ любви» между собою, какъ они выражаются. Даже тамъ, гдѣ есть между христіанами кметы мусульмане, они находятся между собою въ мирныхъ, а нерѣдко и дружескихъ отношеніяхъ. Но это, повторяю, только плодъ общихъ страданій: а въ глубинѣ сердецъ лежитъ религіозная исключительность и вражда. Объ мусульманскихъ жителяхъ Босніи я уже сказалъ довольно. Теперь нужно опредѣлить нѣсколько нравственное состояніе и характеръ Боснійскихъ христіанъ обоихъ исповѣданій.

Я объяснилъ уже въ другомъ мѣстѣ, въ чемъ состоитъ существенное различіе между православнымъ и римско-католическимъ обществомъ въ Босніи: именно, у православныхъ идея вѣры совоплотилась съ идеею народности, такъ что имя Серба и имя Православнаго сдѣлались синонимомъ, и вѣра поддерживается въ народѣ не столько организаціею церкви, сколько

собственнымъ его сознаніемъ и чувствомъ; у католиковъ же вѣра уничтожила идею и самое даже имя Сербской народности, и поддерживается преимущественно силою іерархіи.

Католическое духовенство Босніи обладаетъ большими привиллегіями. Оно имѣетъ фирманъ Султана Магомета II Завоевателя, который подтвердилъ неотъемлемость принадлежавшихъ ему земель и освободилъ его отъ всякихъ податей. Другимъ фирманомъ даровано ему право получать образованіе въ заграничныхъ училищахъ. Нѣтъ въ Босніи ни одного Францисканца, который не провелъ бы нѣсколько лѣтъ въ семинаріяхъ Венгріи, Австріи или Италіи. Францисканцы Боснійскіе (другаго католическаго духовенства въ этой области нѣтъ) находятся подъ управленіемъ коллегіи «распространенія вѣры» (propagandae fidei) въ Римѣ. Ихъ привиллегированное положеніе, ихъ крѣпкій корпораціонный духъ и наконецъ ихъ образованіе, которымъ они, при всѣхъ его недостаткахъ, далеко превосходятъ остальныхъ жителей Босніи, все это вмѣстѣ даетъ имъ большое значеніе и вліяніе въ странѣ. Изо всѣхъ Босняковъ, они одни проявляли и проявляютъ нѣкоторую духовную и умственную дѣятельность, и удивительно только то, что эта дѣятельность такъ мала и такъ безплодна для народа. Вліяніе на свою паству они имѣютъ огромное: слово «фратра» для Босняка-католика есть чуть ли не изреченіе непогрѣшимой истины. Францисканцы успѣли своимъ вліяніемъ сдѣлать въ народѣ просто чудо: они искоренили у Босняковъ-католиковъ самый священный и любимый въ Сербскихъ земляхъ обычай — празднованіе *крестнаго имени*, т. е. родовыхъ именинъ, торжество, на которое Сербъ готовъ истратить весь свой заработокъ и еще задолжать. Теперь они во многихъ приходахъ заставили поселянъ отречься отъ крѣпкихъ напитковъ. Конечно, эта послѣдняя мѣра есть истинное благодѣяніе для народа, и первая, не смотря на то, что уничтожила въ Боснійскомъ простолюдинѣ-католикѣ одну изъ струнъ его религіозной жизни, принесла

ему однако матеріальную пользу, отнявъ у него поводъ къ необдуманной расточительности. Но эти двѣ мѣры могли бы заставить насъ предполагать цѣлый рядъ другихъ предпріятій для духовнаго улучшенія и развитія римско-католическаго населенія Босніи; однако ничего такого нѣтъ. Францисканцы, не смотря на свое образованіе и вліяніе, оставляютъ паству въ самомъ грубомъ невѣжествѣ. Элементарныя училища у нихъ немногочисленны и плохи. Простолюдинъ-католикъ, относительно пониманія своей вѣры и образованія, стоитъ на такой же низкой степени, какъ его сосѣдъ православный, не смотря на то, что у православнаго простолюдина нѣтъ наставника, такъ какъ духовенство у него знаетъ столько же, сколько онъ самъ. Относительно же природнаго развитія ума, понятливости и предпріимчивости всѣ (даже мусульмане) замѣчаютъ, что Босняки-католики далеко въ этомъ уступаютъ православнымъ: явленіе, которому едва ли можетъ быть другая причина, какъ только привычка католиковъ вѣрить слѣпо авторитету другихъ людей и отсутствіе въ нихъ чувства народности. А чему мы припишемъ недостатокъ полезной дѣятельности, въ которомъ нельзя не упрекнуть Боснійскихъ Францисканцевъ? Въ этомъ участвуютъ многія причины: и безплодность самаго образованія, получаемаго ими въ Австрійскихъ и Итальянскихъ семинаріяхъ и заключающагося преимущественно въ Латыни и въ богословской схоластикѣ; и фанатизмъ, въ слѣдствіе котораго обращеніе одной какой нибудь православной дѣвушки въ католицизмъ кажется имъ важнѣе, чѣмъ труды для просвѣщенія собственной паствы; и недостатокъ соперничества съ другимъ какимъ нибудь началомъ, которое дѣйствовало бы совмѣстно съ ними для образованія страны, и наконецъ, можетъ быть, даже и опасеніе потерять свое вліяніе въ случаѣ бóльшаго умственнаго развитія народа. Такого предположенія, какъ это послѣднее, бросающаго тѣнь на безкорыстіе цѣлаго сословія, я не посмѣлъ бы сдѣлать безъ

достаточнаго основанія. Но въ этомъ отношеніи слишкомъ ясно говоритъ неудача тѣхъ (не многихъ къ сожалѣнію) Францисканцевъ, которые хотѣли попытаться возбудить въ своей паствѣ чувство народности и зажечь въ Босніи искру духовной жизни. Конечно такая попытка не могла имѣть успѣха въ римско-католическомъ народонаселеніи Босніи: я не говорю уже о гнетущей и мертвящей тяжести его матеріальнаго положенія; но чувство народности въ немъ до такой степени убито вѣковымъ господствомъ «Латинской» церкви, что воскрешено оно вдругъ быть не можетъ силою теоретическихъ понятій о Славянствѣ и Славянскомъ братствѣ, отрѣшенномъ отъ бытовыхъ стихій вѣры и общественной жизни. Однако, предпріятіе было благородное и могло породить добро, и потому печальную знаменательность имѣетъ то, что оно встрѣтило въ Боснійскихъ Францисканцахъ почти единогласное неодобреніе и что тѣ немногіе собратья ихъ, которые воодушевились этою мыслью, подверглись даже гоненію: главный представитель ея, Фра Юкичъ, имя котораго должно быть произнесено нами съ уваженіемъ, недавно умеръ въ изгнаніи.

Впрочемъ, это бездѣйствіе Францисканцевъ Боснійскихъ теперь, конечно, не долго устоитъ передъ силою обстоятельствъ, которыя въ настоящее время дали такое могущественное развитіе римской пропагандѣ на востокѣ. Толчекъ уже данъ человѣкомъ, который увѣковѣчитъ свое имя въ исторіи Латинской церкви въ Западной Турціи. Поставленный епископомъ Босніи, г. Баришичъ созналъ въ ней недостатки управленія католическою церковью, происходившіе главнымъ образомъ оттого, что всѣ духовныя средства католиковъ сосредоточены тамъ въ монастыряхъ, совершенно независимыхъ отъ епархіальной власти и въ которыхъ монахи, Францисканцы, пользовались своими привиллегіями, чтобы жить самоуправно и безпечно. Хотя самъ Францисканецъ, Баришичъ рѣшился уничтожить этотъ порядокъ вещей. Между имъ и Францисканскимъ орденомъ за-

вязалась продолжительная тяжба. Баришичъ проигралъ ее и долженъ былъ покинуть Боснію. Но Папа отдѣлилъ для него Герцеговину отъ Боснійской епархіи и назначилъ его епископомъ въ Мостаръ. Тутъ онъ сталъ дѣйствовать съ необыкновеннымъ усердіемъ по своимъ началамъ. Онъ сдѣлался неограниченнымъ властелиномъ Герцеговинскихъ католиковъ и пріобрѣлъ огромное вліяніе на Турецкія власти; онъ выстроилъ церкви и учредилъ училища во всѣхъ важнѣйшихъ мѣстностяхъ Герцеговины; онъ основалъ большой монастырь близъ Мостара; онъ призвалъ къ себѣ на помощь Іезуитовъ. Если старанія Баришича въ Босніи не имѣли полнаго успѣха, то и тамъ онѣ разбудили дремавшее духовенство католическое. Послѣдствія движенія, имъ сообщеннаго, уже начинаютъ проявляться. Въ одно и то же время основаны въ Босніи четыре новыхъ Латинскихъ монастыря, которые я уже назвалъ. Дѣйствіе двухъ изъ нихъ, воздвигаемыхъ на сѣверо-востокѣ Босніи, въ Посавинѣ (именно въ Плеанѣ и Зовикѣ) будетъ особенно важно, какъ потому что въ этомъ краѣ до сихъ поръ у католиковъ вовсе не было духовныхъ учрежденій, такъ и потому, что монастыри эти будутъ находится въ самой тѣсной сосѣдственной связи съ Дьяковаромъ, главнымъ городомъ епархіи Славонской, гдѣ Австрія стараніями извѣстнаго католика-славяниста, епископа Штроссмайера, заводитъ сильную пропагандную дѣятельность для Босніи, и гдѣ она, въ особой семинаріи, воспитываетъ Босняковъ, готовящихся къ поступленію въ Францисканскій орденъ [1]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ непродолжительномъ времени католицизмъ разовьетъ въ Босніи всѣ силы, которыя до сихъ поръ въ немъ таились.

Ученость, которою Францисканскій монахъ отличается отъ всѣхъ другихъ жителей Босніи, и тотъ авторитетъ, который

1) Schematismus almae provinciae Bosnae Argentinae. 1855.

Римская церковь охотно приписываетъ своимъ священникамъ, придаютъ ему въ глазахъ народа какое-то сверхъестественное значеніе Нѣтъ въ Босніи простолюдина, который не былъ бы увѣренъ, что «фратръ» владѣетъ чародѣйственною силою. И замѣчательно, что это убѣженіе одинаково принадлежитъ и самимъ поселянамъ-католикамъ, и православнымъ, и мусульманамъ. Православные говорятъ, что ихъ *попъ* не въ состояніи прогнать или связать бѣса и написать талисманъ, но что Францисканецъ имѣетъ власть надъ нечистою силою; мусульмане говорятъ, что хотя и ихъ *хожда* (учитель), можетъ устрашить *шейтана* (дьявола) и дать талисманъ, однако *фратръ* знаетъ заклинанія и талисманы гораздо болѣе дѣйствительные. Къ несчастію, Францисканцы (и это характеристическая черта, дополняющая то, что я уже сказалъ объ ихъ отношеніяхъ къ народу) не только не стараются искоренить эти суевѣрныя и унизнтельныя для нихъ понятія, но даже поощряютъ ихъ и извлекаютъ изъ нихъ выгоды. Есть между ними и нынѣ не мало такихъ, которые, не довольствуясь произносить заклинанія надъ людьми всѣхъ вѣроисповѣданій, къ нимъ приводимыми, кромѣ того еще раздаютъ, за умѣренную плату, талисманы отъ болѣзней, дурнаго глазу и навожденія дьявольскаго. Талисманы эти состоятъ въ завернутыхъ бумажкахъ съ Латинскими молитвами, рукописными и даже печатными. Они носятся на тѣлѣ, и ихъ можно найти въ Босніи десятками тысячъ. Типографіи въ Загребѣ и Задрѣ производятъ ихъ для избавленія «фратровъ» отъ труда писать ихъ собственноручно; кажется даже, что народъ цѣнитъ печатные больше писанныхъ, не знаю, потому ли что въ нихъ буквы ровнѣе, или потому что они заграничнаго издѣлія. Приведу какъ вещь странную, три такихъ талисмана, принадлежавшихъ Турчанкамъ и которые, какъ они старые и, стало быть, имѣютъ двойную силу, то и пріобрѣтены были мною за двойную цѣну, т. е. по 40 к. сер. штука:

Рукописные: 1) I. N. + R. I.

In conceptione tua Virgo immaculata fuisti, ora pro nobis Patrem cujus filium peperisti. Alleluja Amen.

2) I. N. + R. I.

n. n. d. n. n. s. n. t. d. g. [1])

Potentia Dei Patris Sapientia Dei filii Virtus Spiritus Sancti libera Domine famulam tuam ab ista infirmitate qua modo gravante (*такъ*) et det (*такъ*) illi benedictionem.

Alleluja.

Печатный:

Zapis protiva svakoj zasidi djavaoskoj. [2])

I. N. + R. I. Iesus + Maria Ioseph. Ecce Crucem + Domini fugite partes adversae, vicit Leo de Tribu Iuda Radix David. Alleluja (и т. д. еще 23 строки по-Латыни).

Такъ это Латинское духовенство въ Босніи, единственное сословіе, которое можетъ пользоваться тамъ благами просвѣщенія, ругается надъ святынею и обращаетъ ее въ орудіе волшебства!

VII.

Отчего православный «попъ» [3]) не можетъ заклинать бѣсовъ и давать *записи* (талисманы), тогда какъ Латинскій «фратръ» знаетъ, какъ совладать съ нечистою силою? спросилъ я у одной простой Боснійской женщины. Вотъ почему: прежде у «Христіанъ» (т. е. православныхъ) и у Латиновъ былъ одинъ *законъ* [4]); но потомъ, когда явился *Римъ-Папа*, то «законы» ра-

1) Т. е. Non nobis, domine, non nobis sed nomini tuo do gloriam.

2) *Запись* противъ всякаго навожденія діавольскаго.

3) Слово *попъ* въ устахъ Босняковъ, и вообще Сербовъ, не имѣетъ никакого презрительнаго оттѣнка, и употребляется постоянно самими православными священниками, когда они говорятъ о своемъ сословіи.

4) *Законъ* по-сербски значитъ религія.

зошлись: нашъ ушелъ въ небо, а Латинскій остался на землѣ. Оттого-то Латинскій фратръ имѣетъ власть, какой попъ не имѣетъ. Таково толкованіе, которымъ православный Босиякъ-простолюдинъ согласуетъ свое убѣжденіе въ превосходствѣ своей вѣры съ неутѣшительными явленіями, которыя представляетъ ему состояніе его духовенства и управленіе его церковью сравнительно съ духовенствомъ и церковнымъ управленіе католическимъ. Предоставляя землю «закону» Латинскому, онъ въ этомъ находитъ право не соблазняться практическими его успѣхами, его вліяніемъ на мірскія начальства и, чтобы низойти въ сферу суевѣрія, властію фратровъ надъ чертями. Ставя идеалъ своего «закона» на небесную высоту, онъ въ этомъ находитъ право не соблазняться тѣми прискорбными, а часто и постыдными несовершенствами, съ которыми видитъ осуществленіе этого идеала въ своемъ отечествѣ. Таковъ смыслъ приведеннаго мною простонароднаго Босняцкаго толкованья.

Надобно, дѣйствительно, предполагать, что въ душѣ православнаго Босняка-простолюдина таится безсознательно неискоренимое убѣжденіе въ идеальномъ превосходствѣ его вѣры, если онъ въ продолженіе 400 лѣтъ не соблазнился и не отступилъ отъ нея. Ибо иначе даже та огромная сила, которую православная вѣра получила въ Славянскихъ земляхъ отъ своего совоплощенія съ идеею народности, не устояла бы противъ страшныхъ и нескончаемыхъ гоненій, искушеній и соблазновъ. Объ этомъ сліяніи, въ понятіи Босняковъ, также какъ и другихъ Сербовъ, православной вѣры съ ихъ народностью, я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ.........................

Впрочемъ къ чести туземнаго духовенства Босніи (о Греческихъ архіереяхъ, присылаемыхъ изъ Константинополя, мы здѣсь не говоримъ) должно сказать, что вообще пороки и злоупотребленія въ немъ гораздо рѣже, чѣмъ сколько можно бы было ожидать при его невѣжествѣ. Къ чести его должно сказать, что бóльшая часть священниковъ вполнѣ сознаютъ недо-

статки свои и своего сословія и искренно желаютъ просвѣщенія. Учрежденныя въ послѣдніе годы, во многихъ мѣстахъ Босніи, элементарныя школы почти всѣ основаны были по настоянію приходскихъ священниковъ; многіе изъ нихъ принесли этому дѣлу значительныя пожертвованія; многіе, тамъ гдѣ школъ еще нѣтъ, усердно хлопочутъ объ ихъ заведеніи, убѣждая поселянъ въ необходимости, чтобы ихъ дѣти обучались грамотѣ и получали понятіе о законѣ Божіемъ. Многіе священники, даже изъ самыхъ невѣжественныхъ, тѣмъ не менѣе глубоко убѣждены въ важности своего служенія и ревностно заботятся о нуждахъ своихъ прихожанъ, руководствуютъ ими во всякомъ общемъ дѣлѣ и внушаютъ имъ преданность своей вѣрѣ и церкви. Я знаю въ Босніи полуграмотныхъ поповъ, которые такимъ образомъ сдѣлали чрезвычайно много добра народу и пользуются огромнымъ общественнымъ вліяніемъ во всей окрестности. Дайте только православному Сербскому духовенству въ Босніи возможность просвѣтиться; дайте Босніи архіереевъ-Славянъ, — и духовенство быстро преобразуетъ не только общественное, но и нравственное состояніе православнаго населенія Босніи, отъ него разольется новая жизнь во всемъ этомъ народѣ.

Теперь же православное духовенство Боснійское не имѣетъ, можно сказать, достаточнаго вліянія на нравственность своей паствы, и не въ состояніи бороться даже съ самымъ грубымъ суевѣріемъ, которымъ многіе священники заражены столько же, сколько и сами поселяне. Суевѣріе въ Босніи не скрывается въ какихъ нибудь захолустьяхъ, нѣтъ, оно живетъ въ большихъ городахъ точно также, какъ въ деревняхъ, и между христіанами столько же, сколько между мусульманами. Все народонаселеніе Босніи вѣритъ въ существованіе *вилъ* (русалокъ), *вѣщицъ* (колдуній), *стуховъ* (духовъ, владѣющихъ вѣтромъ) *моръ* (дѣвушекъ, которыя ночью ходятъ и душатъ спящихъ), *вампировъ* и т. д. Когда умретъ ребенокъ, то думаютъ, что

его съѣла *вѣщица*. Въ самомъ Сараевѣ показываютъ омутъ, въ которомъ являются *вилы*. Въ самомъ Сараевѣ и теперь живетъ Турчанка, которую всякую ночь посѣщаетъ дьяволъ въ видѣ мужчины, и весь городъ вѣритъ, что ночной гость дѣйсвительно нечистый духъ, а не человѣкъ. Въ самомъ Сараевѣ и теперь есть одна православная женщина, которая умѣетъ, нашептывая что-то надъ тазомъ съ водою и другими способами, *ку́пить дахиру*, т. е. созывать чертей, и отъ нихъ узнаетъ все, что ей нужно: къ ней часто обращаются въ случаѣ болѣзни или пропажи. Если кто охотникъ до старинныхъ Славянскихъ суевѣрій, то ему слѣдовало бы походить по Босніи и поразспросить тамошній народъ.

Отъ духовенства Боснійскаго я уже перешелъ къ мірянамъ. Христіанское населеніе Босніи, также какъ Герцеговины и многихъ другихъ областей Турціи, имѣетъ ту важную особенность, что въ немъ нѣтъ такъ называемаго высшаго сословія: ибо старинная аристократія въ Босніи частью была истреблена, частью *потурчилась*. Христіане тамъ только мѣщане и мужики; духовенство выходитъ, разумѣется, изъ этихъ двухъ классовъ. Но между православными мѣщанами нѣкоторые, болѣе предпріимчивые и умѣвшіе ладить съ обстоятельствами, богатѣли даже во времена самаго страшнаго гнета янычаръ и забирали торговлю въ свои руки; такимъ образомъ почти во всѣхъ городахъ Босніи, особенно въ тѣхъ, гдѣ торговля позначительнѣе (въ Сараевѣ, Банялукѣ, Ливнѣ, Тузлѣ, Брчкомъ, Новой Вароши и др.), образовалась особая каста торговцевъ, которая составляетъ своего рода аристократію между православными жителями Босніи. Замѣчательно, что большая часть этихъ торговцевъ — пришельцы. Въ городахъ Босніи коренныхъ жителей, христіанъ, мало: въ прежнее время города были исключительно Турецкіе, да и теперь мусульманская стихія, какъ я уже сказалъ, сильно преобладаетъ въ нихъ. Въ Босніи вы найдете ремесленниковъ, городскихъ старожиловъ; купцы же почти

всѣ ведутъ свой родъ изъ Герцеговины. Герцеговина страна голодная, но среди каменистыхъ горъ ея выростаютъ люди крѣпкіе, воздержные, смышленые и дѣятельные: оттого Герцеговинцы особенно склонны къ выселенію и, выселившись въ болѣе богатую Боснію, превосходятъ туземцевъ способностью къ торговымъ дѣламъ. Все почти православное купечество въ Банялукѣ есть колонія Требиньцевъ; торговцы Сараевскіе по большей части тоже, частью сами, частью отцы или дѣды ихъ, пришли изъ разныхъ мѣстъ Герцеговины. Между торговцемъ и сельскимъ жителемъ существуетъ въ Босніи почти такое же разстояніе, какъ у насъ между дворяниномъ и мужикомъ: я говорю, разумѣется, объ общественномъ положеніи, а не о гражданскихъ правахъ и образованіи, которое, въ Боснійскомъ купечествѣ, стоитъ вообще на самой низкой степени. Купечество въ Боснійскихъ городахъ связано между собою весьма сильнымъ кастическимъ духомъ, и каста эта, къ несчастію, почти совершенно заслоняетъ простой народъ. Купечество всегда умѣетъ ладить съ Турецкими властями и отлично имъ подслуживается; оно также всегда пользуется благорасположеніемъ Греческаго владыки и держитъ его въ своихъ рукахъ. Опираясь на пашу и на владыку, оно одно имѣетъ голосъ въ дѣлахъ, касающихся всего православнаго народонаселенія: нужно ли избрать какого нибудь депутата или рѣшить какое нибудь общественное дѣло и представить актъ пашѣ или правительству, избраніе и рѣшеніе производятъ, актъ подписываютъ главные члены купечества, не отъ своего имени только, но отъ имени всего православнаго народа; пригласить же кого нибудь изъ поселянъ на совѣщаніе и къ подписанію акта, никому не приходитъ въ голову. Изъ ремесленниковъ богатѣйшіе примыкаютъ къ торговцамъ, бѣдные къ простому народу. Разница въ положеніи православныхъ горожанъ-торговцевъ и сельскихъ жителей хлѣбопашцевъ огромная. Первые теперь дѣйствительно не имѣютъ права особенно жаловаться на свою судьбу; ихъ

жизнь и имущество ограждены почти полною безопасностью; налоги для нихъ не тягостны, потому что самая разорительная подать, именно отдаваемая на откупъ десятина, падаетъ исключительно на земледѣльцевъ, а другія казенныя подати, весьма тягостныя для поселянъ, отдающихъ по крайней мѣрѣ половину своего дохода на удовлетвореніе откупщика и помѣщика, вовсе не обременяютъ торговцевъ [1]). Владыкѣ горожане платятъ несравненно меньше, нежели поселяне. Если православные горожане Боснійскіе (особенно въ большихъ городахъ) имѣютъ право, для себя лично, жаловаться на свое правительство, то лишь за какіе нибудь частные случаи взяточничества и злоупотребленій и за страшную мертвенность властей, подавляющую въ странѣ всякую жизнь и всякое развитіе. Но когда горожане эти сравниваютъ настоящую безопасность съ тѣмъ, что было лѣтъ 30 и 40 тому назадъ, во время господства янычаръ, когда жизнь и имущество ихъ зависѣли отъ произвола всякаго мусульманина, то они почитаютъ себя теперь благоденствующими. Оттого-то такъ легко обмануться иностранцу, если онъ только поверхностно ознакомится съ этими странами, а въ особенности если онъ пріѣдетъ туда, какъ дѣлаютъ почти всѣ западные путешественники, съ заготовленною напередъ теоріею о возрожденіи и начинающейся «цивилизаціи» Турціи. Онъ видитъ города, въ которыхъ нѣтъ, правда, Европейской дѣятельности, нѣтъ людей образованныхъ и даже нѣтъ имъ возможности образоваться: но онъ видитъ, что жители этихъ городовъ живутъ спокойно, занимаются своими дѣлами въ безопасности, и что христіане въ нихъ не преслѣдуемы и не угнетаемы; онъ можетъ тамъ разспрашивать

---

1) Я имѣю преимущественно въ виду болѣе значительные города Босніи. Въ мѣстечкахъ, гдѣ торговцевъ-христіанъ насчитаешь всего съ десятокъ, а часто и меньше того, подати бываютъ тяжелы и для нихъ, по несоразмѣрности разложенія, да и часто страдаютъ они отъ насилія и хищничества мудировъ и даже простыхъ жителей мусульманъ.

христіанъ объ ихъ положеніи, но кого же онъ будетъ разспрашивать? разумѣется, богатѣйшихъ купцовъ, которые вообще довольны своею судьбою, да и если знаютъ истинное положеніе страны, то не станутъ говорить о немъ чужому человѣку, изъ опасенія, чтобы ихъ слова не были переданы властямъ, а скорѣе будутъ прославлять передъ нимъ добродѣтели самаго отчаяннаго Турка-фанатика и грабителя. И мой путешественникъ уѣдетъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что въ Турціи царствуетъ полное равенство между христіанами и мусульманами, и что потомки Османа на этихъ дняхъ станутъ дѣйствительно въ ряду цивилизованныхъ и либеральныхъ націй. Особенно же возгорится Французъ или Англичанинъ вѣрою въ эту метаморфозу, если ему случится побесѣдовать съ самими правителями страны. Боже мой! съ какимъ чистосердечіемъ будутъ они сознаваться ему въ теперешнихъ недостаткахъ Турціи, которые «*иншаллахъ, химметынызъ-иле* [1]), мы скоро исправимъ!» съ какимъ чувствомъ будутъ говорить ему, что въ ихъ сердцѣ нѣтъ никакого различія между христіанами и мусульманами! съ какимъ жаромъ будутъ выставлять ему свои попеченія о томъ, чтобы народъ наслаждался всѣми благополучіями, чтобы основаны были церкви, учреждены училища, устроены дороги, чтобы торговля развивалась, и проч. и проч.! Иностранецъ раскроетъ ротъ отъ удивленія: онъ еще не знаетъ афоризма, который всякій раія, глубоко убѣжденный долговременнымъ опытомъ, полагаетъ въ основаніе всѣхъ своихъ отношеній къ Туркамъ, и который даже обратился въ пословицу, а именно, что «Турокъ говоритъ христіанину, чтобы лгать;» «гдѣ Турокъ прежде дѣйствовалъ саблею, онъ дѣйствуетъ теперь обманомъ.»

Стоитъ взглянуть на массу поселянъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ Босніи не вездѣ такъ, какъ кажется въ городѣ.

---

1) Если Богъ дастъ, съ вашимъ благоволеніемъ.

Состояніе поселянъ уже представлено въ запискѣ, мною недавно приведенной. Горько то, что имъ стало гораздо хуже подъ управленіемъ образованныхъ Османліевъ, чѣмъ оно было, когда самоуправствовали въ Босніи *капетаны* и *спахіи*. Тяжесть податей и поборовъ удесятерилась съ тѣхъ поръ, какъ Османліи взяли Боснію въ свои руки, а суда и справедливости для бѣдныхъ христіанъ, сельскихъ жителей, все нѣтъ, и нѣтъ въ странѣ ни какого преуспѣянія, которое могло бы увеличить ихъ доходы соразмѣрно требованіямъ Стамбульскаго правительства и его чиновниковъ. Все бремя налоговъ, казенныхъ и владычиныхъ, всѣ поставки подводъ и (почти безплатное) заготовленіе продовольствія въ случаѣ перехода войскъ, наконецъ всѣ незаконные поборы для обогащенія самихъ чиновниковъ, все это лежитъ на бѣдныхъ земледѣльцахъ христіанахъ: вѣдь мусульманинъ свой братъ, такъ его не слѣдуетъ, да притомъ же опасно, обирать; купецъ же, если и раія, тоже не долженъ быть притѣсняемъ: весь городъ завопитъ, и пожалуй, даже Европейцы вступятся; а кто узнаетъ про то, что дѣлается въ какой нибудь деревушкѣ, за горами, черезъ которыя до города и вѣсть не долетитъ? Жадность откупщиковъ и чиновниковъ разорили поселянъ совершенно и, главная бѣда, примѣръ цивилизованныхъ Турокъ заразилъ грубыхъ агъ (помѣщиковъ) Боснійскихъ, которые изъ покровителей своихъ *кметовъ* сдѣлались первыми ихъ притѣснителями и переняли отъ откупщиковъ бумажныя хитрости, чтобы удвоивать и утроивать незаконнымъ образомъ свои поборы. Какъ ни очевидно зло, какъ ни вопіющи страданія сельскихъ жителей, христіанъ, облегченія для нихъ трудно ожидать, ибо система откупа податей не можетъ быть легко уничтожена, такъ какъ она доставляетъ Турціи самый вѣрный доходъ, единственный, на который она разсчитываетъ напередъ, а личныя злоупотребленія откупщиковъ и притѣсненія помѣщиковъ не прекратятся, не смотря ни на какія обѣщанія высшихъ властей, покуда существовать будутъ въ

Турціи мусульмане и христіане: ибо въ душѣ каждаго мусульманина, какъ бы онъ ни былъ образованъ, а часто въ той же самой мѣрѣ, въ какой онъ образованъ, таится глубокая ненависть къ христіанину и неискоренимое желаніе попирать его, чтобы не дать ему возможности вытѣснить самого его (мусульманина) изъ его первенствующаго положенія. Оттого всѣ законы и распоряженія въ пользу христіанъ будутъ еще долго снабжаться въ Турціи оговорками и увертками для ихъ неисполненія; оттого долго еще помѣщики, откупщики податей, чиновники и *меджлисы* (областные и уѣздные совѣты) будутъ составлять товарищество (*ортаклукъ*, какъ выражаются въ Босніи), для грабленія безпомощныхъ поселянъ и подавленія ихъ голоса передъ судомъ и высшею властью; оттого долго еще прекрасная, населенная добрымъ и крѣпкимъ народомъ страна, какова Боснія, будетъ одною изъ самыхъ бѣдствующихъ точекъ на земномъ шарѣ. Понятно, что въ душѣ всякаго Босняка-христіанина лежитъ глубокая, неискоренимая ненависть къ Туркамъ, ненависть, которая одинаково обнимаетъ и туземцевъ-мусульманъ и Османліевъ, но которая въ отношеніи къ послѣднимъ соединяется еще съ презрительнымъ недовѣріемъ. Замѣчательно однако, что ненависть эта, по крайней мѣрѣ въ сердцахъ сельскаго простонародья, не распространяется на самого Султана. Бѣднымъ поселянамъ Боснійскимъ «царь» (такъ называютъ они Султана) является въ отдаленіи какимъ-то миеическимъ существомъ, исполненнымъ благодушія. «Царь (Султанъ) всегда желаетъ добра своимъ сиротамъ-раіямъ, такъ говорятъ они о немъ съ сердечнымъ сочувствіемъ, но его обманываютъ: если бъ онъ только зналъ, какъ его визири и *мемуры* (чиновники) грабятъ народъ! если бъ мы только могли предстать предъ его свѣтлыя очи, передать въ его бѣлыя руки наши жалобы и открыть ему всю правду!»

Я сказалъ, что положеніе поселянъ православнаго и римско-католическаго исповѣданія почти одинаково. Но все-таки

православнымъ приходится еще тяжеле, чѣмъ католикамъ. Интересы послѣднихъ имѣютъ ревностныхъ заступниковъ въ духовенствѣ, а Латинское духовенство пользуется большимъ вліяніемъ на правителей Османліевъ, и состоитъ подъ начальствомъ епископа-туземца, который заботится о своей паствѣ. Притомъ же о Латинскомъ духовенствѣ и народѣ пекутся западныя державы; Австрійское правительство, Римская и Ліонская пропаганда поддерживаютъ ихъ деньгами; недавно по всей Австріи, подъ покровительствомъ властей, открыта подписка въ пользу христіанъ (разумѣется католиковъ) Турціи. Никакой поддержки, никакаго пособія православные не имѣютъ. Положеніе ихъ не было бы хуже положенія католиковъ, если бы они (я говорю о православныхъ поселянахъ) получали отъ своей братьи, горожанъ, помощь, въ родѣ той, которую католики находятъ за границею: ибо католики въ Босніи имѣютъ ту невыгоду, что горожанъ между ними мало, а купцовъ и вообще людей зажиточныхъ, нѣтъ вовсе. Но, къ несчастію, православное купечество нисколько не считаетъ себя обязаннымъ заботиться о своей сельской братьѣ. А оно могло бы много облегчить ея участь, если бы употребляло въ ея пользу свое вліяніе на Турецкія власти, представляло объ ея страданіяхъ, разглашало злоупотребленія, наставляло и поддерживало поселянъ, приходящихъ жаловаться передъ судомъ. Но купечество Боснійское безгласно, когда дѣло не касается его собственныхъ кармановъ. Это каста въ высшей степени эгоистическая. Она даже охотно присосѣживается къ Туркамъ, чтобы грабить сельскую братью свою. Многіе изъ православныхъ купцовъ берутъ на откупъ десятину или въ аренду имѣнія разорившихся беговъ, и горе тѣмъ поселянамъ, которые попадутся имъ въ руки: православные купцы оберутъ ихъ хуже мусульманъ! Купечество полагаетъ даже выгоднымъ для себя, что поселяне разорены: оно можетъ покупать у нихъ за безцѣнокъ вывозимыя въ Австрію произведенія, которыхъ иначе поселяне не торопились бы сбывать. Оно не

понимаетъ, что торговля развивается и купцы богатѣютъ во вредъ общему благосостоянію страны. Отъ того православный торговецъ стоитъ, въ глазахъ поселянина, въ ряду его притѣснителей: «намъ е велики зулумъ одъ ага, отъ мудира, одъ десетара, одъ владике и трговаца» (мы терпимъ великую неправду отъ агъ, отъ мудировъ, отъ десятарей [1]), отъ владыки и отъ торговцевъ): вотъ фраза, которую вы поминутно услышите отъ Босняка-простолюдина.

VIII.

Изобразивъ, на сколько я зналъ, состояніе народонаселенія Босніи, я желалъ бы теперь очертить характеръ Босняка, имѣя преимущественно въ виду православнаго жителя. Конечно, характеръ Босняка почти тотъ же, какъ характеръ другихъ Сербовъ; но я не довольно хорошо знаю характеръ народа въ другихъ Сербскихъ областяхъ, чтобы могъ въ точности опредѣлить его оттѣнки. Боснякъ тяжелъ и неповоротливъ; живости въ немъ мало, но не мало твердости. Эта твердость переходитъ въ упрямство, когда дѣло касается отмѣны стараго обычая, даже очевидно вреднаго и негоднаго; но она переходитъ также въ благородное мужество, когда бываетъ нужно отстаивать свою вѣру. Неповоротливость и отсутствіе живости проистекаетъ, можно полагать, главнымъ образомъ отъ долговременнаго гнета, который страшно забилъ Босняковъ-христіанъ: ими владѣетъ какой-то безотчетный страхъ передъ Турками, и въ нихъ нѣтъ никакой свободы движеній, никакой предпріимчивости; апатія въ нихъ страшная. Герцеговинцы въ этомъ отношеніи далеко превосходятъ Босняковъ: въ нихъ гораздо больше живости, чувства общаго долга и предпріимчивости. Не знаю, природное ли это свойство, или порожденіе историческихъ при-

1) Т. е. откупщиковъ десятины.

чинъ. Вѣроятно, что сосѣдство свободной Черногоріи имѣло благодѣтельное вліяніе на поддержаніе въ Герцеговинскихъ христіанахъ силы духа: заключаю это изъ того, что почти всѣ люди, которые въ Босніи и даже въ другихъ городахъ Герцеговины, показали какую-нибудь умственную дѣятельность, и большая часть торговцевъ, обогатившихся своею предпріимчивостью, суть выходцы изъ Требинья, Попова, Баняпъ, Дробняковъ и другихъ пограничныхъ съ Черногоріею краевъ Герцеговины. Гнетъ и страхъ связываютъ даже языкъ у простолюдина-Босняка: его рѣчи сбивчивы и безтолковы; онъ съ перваго слова говоритъ вамъ, что онъ страдаетъ, что ему тяжело, что его убилъ «зулумъ» (притѣсненіе); но вы измучитесь въ разговорѣ съ нимъ прежде, чѣмъ добьетесь отъ него толковитаго опредѣленія того, на что именно онъ жалуется. Гнетъ и страхъ пріучили его къ лживости, часто самой нелѣпой и неумѣстной. Гнетъ и страхъ убили въ немъ общественный интересъ: каждый старается лишь о томъ, чтобы самому вывернуться изъ бѣды и выгородить сэбя; самопожертвованіе на пользу общую можно найти еще изрѣдка между поселянами и Славянскимъ духовенствомъ, между горожанами никогда. Вообще несчастныя обстоятельства въ высшей степени развили въ Сербскомъ племени служеніе личнымъ интересамъ во вредъ общей пользѣ и недостатокъ общественнаго чувства. Духъ разъединенія и несогласія еще во время независимости подкапывалъ всѣ основы Сербскаго государства и наконецъ предалъ его врагамъ. Съ тѣхъ поръ какъ Сербы подпали подъ власть иноземцевъ, частью Турокъ, частью Австрійцевъ, этотъ пагубный духъ долженъ былъ еще болѣе усиливаться: ибо причины, способствовавшія его развитію, существовали, а того, что могло бы его ограничить и одолѣть, именно общаго народнаго и государственнаго патріотизма, не было. И дѣйствительно, духъ разъединенія и несогласія достигъ въ Сербскомъ племени ужасающихъ размѣровъ. Между жителями отдѣльныхъ областей Сербскихъ суще-

ствуетъ непонятная для Русскаго вражда и зависть. Въ каждой области Сербской нѣтъ села, которое не смотрѣло бы косо на сосѣднее село; нѣтъ села, внутри котораго не было бы зависти и несогласія. Въ Босніи же этотъ недостатокъ общественнаго духа господствуетъ, вѣроятно, еще болѣе, чѣмъ въ другихъ Сербскихъ земляхъ, въ слѣдствіе несчастнаго развитія системы *кметовства* или фермерства, о которомъ я уже говорилъ. Голосъ общественнаго несогласія умолкаетъ только передъ вѣрою и церковью: ей Босняки, какъ и другіе Сербы, въ высшей степени преданы и стоятъ за нее общими силами. При этомъ должно замѣтить, что поселяне гораздо склоннѣе жертвовать на церковь, чѣмъ горожане. Поселянинъ готовъ отдать послѣдній грошъ, чтобы выстроить церковь въ своемъ селѣ; торговецъ же неохотно пожертвуетъ на церковь и часть своего излишка. Другая прекрасная черта въ характерѣ православныхъ поселянъ Босніи есть склонность къ образованію: между ними вы найдете много такихъ, которые самоучкою выучились церковной грамотѣ; всѣ они желаютъ, чтобы ихъ дѣти умѣли читать и писать, и во многихъ мѣстахъ Босніи есть первоначальныя школы, устроенныя въ послѣдніе годы общими пожертвованіями поселянъ, подъ надзоромъ сельскаго священника. Сербское племя гордится и славится своею храбростью: но Босняки, кажется, въ старину уступали другимъ Сербамъ въ этомъ отношеніи; теперь же о храбрости Босняковъ-христіанъ нельзя судить, потому что они совершенно отвыкли отъ оружія; мусульмане же не могутъ назваться храбрецами, а напротивъ, высказали неоднократно противное качество въ своихъ походахъ на Черную-Гору и въ своихъ возстаніяхъ противъ Султанской власти. Вооруженнаго христіанина они боятся какъ огня; а когда, въ 1852 г., съ нихъ взяли рекрутъ для регулярнаго войска, то Турецкіе начальники остались крайне недовольны ихъ буйствомъ и непокорностью дисциплинѣ. Однако Босняки племя рослое, крѣпкое и молодцеватое, и я увѣренъ, что если

бы ихъ одушевило какое-нибудь патріотическое чувство и взяли въ руки хорошіе вожди, то они образовали бы превосходное войско.

Впрочемъ, Босняки отличаются любовью къ семейному быту, добродушіемъ, гостепріимствомъ и природнымъ поэтическимъ духомъ, свойственными всѣмъ Славянамъ. Со временемъ, если облегчится ихъ судьба, исчезнетъ, можно надѣяться, ихъ мертвенность, пропадутъ дурныя качества, произведеніе гнета и страха; но, предсказываю смѣло, если въ слѣдствіе какихъ нибудь обстоятельствъ, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, чья нибудь сила не поддержитъ и не направитъ ихъ извнѣ, предоставленные самимъ себѣ, Босняки никогда не высвободятся изъ своей нынѣшней апатіи и не сдѣлаются участниками дѣятельности Славянскихъ народностей. Такое предсказаніе я основываю, во-первыхъ на раздѣленіи Боснійскаго народа между тремя враждующими вѣроисповѣданіями, которыя уничтожаютъ возможность всякой общей дѣятельности въ этой странѣ; во-вторыхъ на томъ, что въ самой многочисленной и по природѣ самой склонной къ дѣятельности и развитію части Боснійскаго населенія, именно въ православныхъ, эгоизмъ и духъ несогласія убиваютъ всякое стремленіе къ пользѣ общей. Этимъ печальнымъ предсказаніемъ оканчиваю я свое изложеніе нынѣшняго состоянія Босніи; но Богъ не безъ милости: если дана была христіанамъ Босніи сила сохранить свою вѣру и свою народность среди столь долгихъ страданій и столь многихъ соблазновъ, то это было, конечно, не для того, чтобы они вѣчно остались подъ гнетомъ и въ мертвенномъ снѣ; конечно, и они вознаграждены будутъ за свое страдальческое прошедшее и неотрадное настоящее лучшимъ будущимъ, въ которомъ разовьются таящіяся въ нихъ силы и они примутъ участіе въ общей жизни Славянской семьи.

Мостаръ.

25 марта 1858.

ЖИЗНЬ

АЛИ-ПАШИ РИЗВАНБЕГОВИЧА СТОЛЬЧАПИНА,

ВИЗИРЯ ГЕРЦЕГОВИНСКАГО.

ЖИЗНЬ

АЛИ-ПАШИ РИЗВАНБЕГОВИЧА СТОЛЬЧАНИНА,

ВИЗИРЯ ГЕРЦЕГОВИНСКАГО.

(Разсказъ современника и очевидца.)

Столацъ [1]), самый крѣпкій изъ всѣхъ городовъ Герцеговины, лежитъ въ 6-ти часахъ пути къ югу отъ Мостара. По преданіямъ стариковъ, на его мѣстѣ, еще во времена Сербскихъ владѣтелей, жили четыре брата: Любомиръ, Стефанъ, Демунъ и Воиславъ и единственная сестра ихъ Видосава, которая, говорятъ, и построила теперешній Столацъ. Къ сѣверу, на полчаса отъ него, есть небольшое поле, гдѣ погребена эта Вида, [2]) и по ея имени это поле зовется теперь *Видово*. Что-жъ касается до братьевъ ея, то Любомиръ схороненъ въ землѣ Любомирской, повыше Требинья, въ Любиньскомъ кадилукѣ, [3]) Воиславъ — того же округа въ селѣ Банчичахъ, на Войской нивѣ, въ 4-хъ часахъ къ югу отъ Стольца; Демунъ похороненъ въ

1) По-Русски правильная форма была бы *Столецъ*: мы употребляемъ ее въ косвенныхъ падежахъ, чтобы избѣгнуть безобразныхъ и противныхъ духу языка формъ Столаца, въ Столацѣ и т. под.

2) *Вида*—женское имя,—тоже, что Видосава.

3) *Кадилукъ* — уѣздъ, округъ, гдѣ судитъ кади, то же, что *нахія*.

округѣ Столенкомъ, подлѣ села Риджичи, въ двухъ часахъ на югъ отъ Стольца: а Стефанъ въ селѣ Брштаникѣ, Благайскаго округа, на Степань-крстѣ. И въ наше время на всѣхъ этихъ могилахъ лежатъ огромные камни, а въ изголовьяхъ стоятъ кресты, вышиною около 18 пяденей. Всѣ вышеозначенныя мѣста зовутся по именамъ похороненныхъ тамъ, именно: Любомира, Демуновъ крестъ, Войска нива, Степань-крестъ и Видово поле.

Въ этомъ городѣ Стольцѣ родился Али-паша Ризванбеговичъ. Всѣхъ было шесть братьевъ отъ одного отца и двухъ матерей, а матери были родныя сестры, потому что, когда у отца умерла первая жена, онъ женился на младшей сестрѣ ея: Магометовъ законъ допускаетъ это. Отъ первой жены родились Мустафа-капетанъ и Хаджи-бегъ; отъ второй Али-ага, Халиль-ага, Омеръ-бегъ и Дервишъ-бегъ. Этотъ Дервишъ-бегъ былъ изо всѣхъ братьевъ лучшій человѣкъ, и за это, видно, еще въ молодости убилъ его громъ на Опешьей башнѣ, въ 8 [illegible] пути отъ Стольца. Когда Сербу хвалятъ какого-нибудь Турка, что онъ будто бы добръ, такъ Сербъ обыкновенно отвѣчаетъ: «Дай-то Богъ, чтобы лучшаго Турка громъ убилъ!» Это говорятъ Сербы отъ сердечной муки; такъ душитъ ихъ зло отъ Турокъ, и они думаютъ, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ ни одного добраго Турка. Эти слова много разъ повторялъ Али-паша передъ христіанами, въ свое господствованіе.

Братья Ризванбеговичи, когда отецъ ихъ умеръ, остались на своей волѣ, необузданными, и завели между собою распрю за господство, — кому править кадилукомъ Столенкимъ, каждый хотѣлъ быть муселимомъ,[1]) но младшій братъ Омеръ-бегъ пересилилъ всѣхъ и сдѣлался муселимомъ Столенкимъ.

1) *Муселим*. Гдѣ есть кади, тамъ непремѣнно и муселимъ, который въ иныхъ мѣстахъ, особенно въ восточной Герцеговинѣ, зовется воеводою. Кади судитъ, а муселимъ исполняетъ его приговоры. Теперь муселимовъ замѣнили *мудиры*, окружные начальники.

Почительскимъ [1]) округомъ владѣлъ въ это время Гавранъ-капетанъ, Требиньскимъ [2]) Асанъ-бегъ Ресульбеговичъ, а Невесиньскимъ [3]) Давудъ-бегъ Реджепашичъ. Требиньскіе Турки страшно развратились; появились насильники, которые много зла надѣлали бѣднымъ христіанамъ, особенно монастырю Дужи [4]): всю монастырскую землю, что было въ полѣ Требиньскомъ, они захватили въ свои руки и настроили на ней множество домовъ. Послѣ такого насилія, и когда ужъ не стало мочи терпѣть притѣсненія, монахи (калугеры) пришли въ Травникъ, къ визирю Боснійскому и плакались передъ нимъ на все горе, которое терпятъ они отъ насилія Турокъ. Визирь, выслушавъ ихъ, написалъ *буйрунтію* (приказъ) и послалъ къ Омеръ-бегу Ризванбеговичу въ Столацъ, строго повелѣвая собрать побольше войска и итти на Требинье да, какъ знаетъ лучше, перебрать и очистить все зло Требиньское. Этотъ, получивши такой строгій приказъ, собралъ большее войско, ударилъ на Требинье; всѣхъ насильниковъ похваталъ и подушилъ, да многихъ взялъ и съ собою, монахамъ возвратилъ всю монастырскую землю; а Турецкіе дома, что были на ней настроены, всѣ сравнялъ съ землею, и радостный возвратился домой, въ Столацъ. За такое удальство Омеръ-бегово, монахи и Требиньскіе христіяне остались ему вѣчно благодарны и всегда вспоминаютъ его.

Въ 1813 году нѣкоторые измѣнники Мостарскіе оклеветали передъ визиремъ Травникскимъ правителя Мостарскаго и Мостарянъ, будто они отложились отъ царя. Визирь повѣрилъ клеветѣ, скорѣйшимъ образомъ собралъ по Босніи и по Герцеговинѣ 7 двухбунчужныхъ пашей (въ томъ числѣ былъ и Омеръ-паша [5]) Ризванбеговичъ, муселимъ Столецкій) и многихъ

1) *Почитель* — крѣпость и городъ въ Герцеговинѣ, у приморья Далматскаго.

2) *Требинье* — городъ Герцеговинскій.

3) *Невесинье* — поле Герцеговинское и мѣстечко на этомъ полѣ.

4) *Дужи* — монастырь въ Герцеговинѣ.

5) Онъ въ это время сдѣлался уже пашею.

другихъ капетановъ и беговъ и отправилъ съ ними на Мостаръ войско, а начальникомъ надо всѣми послалъ своего кехая-пашу (намѣстника). Войско ударило на Мостаръ, но, по Божіей справедливости, Мостаряне одолѣли, порубили множество Турокъ, христіанъ [1]) и Латинянъ, и тогда всѣ разошлись по своимъ дорогамъ. Визирь Боснійскій былъ за это перемѣненъ: стараго удалили, а на его мѣсто поставленъ другой. Мостаряне сочинили слезное письмо и черезъ визиря отправили его къ Султану, высказывая, сколько горькихъ мученій вытерпѣли они засправедливость Божію. Султанъ едва уразумѣлъ содержаніе письма, тотчасъ повелѣлъ визирю Боснійскому казнить смертію всѣхъ виновниковъ несчастія Мостарянъ и всѣхъ содѣйствовавшихъ ему (это касалось только начальниковъ, главарей, а, конечно, не всего войска). Визирь созвалъ къ себѣ всѣхъ пашей, да и угостилъ ихъ ядомъ; тѣ и померли; между ними былъ Омеръ-паша Ризванбеговичъ и Ибрагимъ-паша Ресульбеговичъ, отецъ Асанъ-бега Требиньскаго. Ходили слухи, будто Али-ага Ризванбеговичъ писалъ тайно визирю изъ Стольца въ Травникъ, чтобы онъ выжилъ съ свѣта брата его, Омеръ-пашу. «Если же ты отпустишь его живымъ, такъ онъ не только взбунтуетъ всю Боснію и Герцеговину, но еще много надѣлаетъ заботъ и самому Султану». Объ этомъ смотри пространно въ Сербо-Далматинскомъ Магазинѣ за 1848 годъ.

Братья Омеръ-паши (а всѣхъ ихъ на лицо было трое; потому что Мустафа-капетанъ умеръ своею смертью, Дервишъ-бега убилъ громъ, а оставались еще Хаджи-бегъ, Али-ага и Халиль-ага) въ Стольцѣ услышали о его смерти и заспорили между собой о господствѣ, о томъ, кому завѣдывать Столецкимъ округомъ. Али-ага остался побѣдителемъ и выгналъ Хаджи-бега изъ Стольца на-всегда. Тотъ побѣжалъ въ Почительскій округъ, въ село Утово, къ лѣсистой горѣ Жабѣ, что ниже поля Поповскаго и ямы, — подземнаго устья, [2]) — рѣки

1) Т. е. православныхъ.

2) *Понорь* — яма, гдѣ рѣка уходитъ подъ землю.

Требинницы. Здѣсь Хаджи-бегъ настроилъ себѣ огромныхъ домовъ и одну высокую башню, около всего занесъ ограду и любовался своею маленькою крѣпостцою.

Скажу кое-что объ жизни этого человѣка.

Окрестности Утова населены одними католиками. Когда Хаджи-бегу нуженъ былъ народъ, чтобы жать хлѣбъ, полоть, или работать что нибудь другое, онъ созывалъ только однихъ дѣвокъ, и, когда дневная работа оканчивалась, онъ кормилъ и поилъ ихъ, потомъ заставлялъ становиться въ кружокъ и пѣть, а самъ все смотрѣлъ на нихъ. Когда, бывало, какая нибудь изъ нихъ особенно понравится ему, — онъ хваталъ ее за руку да съ нею въ башню, и тамъ оставался съ нею, сколько ему хотѣлось, и дѣлалъ все, что пожелается, потомъ выбиралъ по ея вѣрѣ изъ самаго исправнаго двора молодаго парня (момка), да и соединялъ ихъ силою, безъ ихъ желанія. Разъ какъ-то, передъ зарею, мельникъ провозилъ съ мельницы муку мимо его ограды и, забывшись, запѣлъ было: хорошо, право, пораньше встать, умыться и помолиться Богу! Услышавъ это, Хаджи-бегъ изъ своей башни послалъ слугу — привести къ себѣ этого бѣднаго извощика. Тотъ пришелъ, и Хаджи-бегъ заговорилъ: «А что это кричалъ ты тамъ?» Видитъ Богъ, мой господарь, отвѣчалъ дрожащій бѣднякъ, — я ничего не кричалъ, я только пропѣлъ немножко. «А! хорошо, сказалъ Хаджи: тамъ ты пѣлъ по своей волѣ, а теперь здѣсь полаешь— по моей.» И приказалъ момкамъ (служителямъ) привязать на шею бѣдняка суку; она чтобы кусала его, а онъ чтобы подавалъ голосъ по-собачьи. Въ такомъ видѣ онъ прогонялъ его трижды вокругъ всей ограды: въ первый кругъ бѣднякъ лаялъ маленькимъ щенкомъ, во второй, какъ гончій песъ, а въ третій, какъ большая цѣпная собака.

Если ему доводилось слышать, что какой-нибудь раія живетъ зажиточно, онъ призывалъ его и говорилъ:

«Кнезъ [1], дай мнѣ 50 дукатовъ [2]; они мнѣ очень нужны.»

Да у меня, господарь, нѣтъ ихъ, отвѣчалъ обыкновенно тотъ. Откуда у меня, бѣдняка, возьмется столько дукатовъ?

«Ну такъ давай 100, коли по-твоему мало пятидесяти.»

Богъ свидѣтель, — у меня, знатный господарь, нѣтъ и одного.

«А, такъ ужъ ты подавай 150, если для тебя и 100 кажется мало.»

Не требуй, господарь, если знаешь Бога! — у меня, хоть убей, нѣтъ ни одного.

«Давай же 200, чтобы ужъ не было некруглаго числа!»

Бѣдный христіанинъ видѣлъ, что попался, видѣлъ, что съ каждымъ разомъ отъ него требуетъ больше и больше, и боялся, чтобы еще не прибавилъ Хаджи-бегъ. Переставалъ наконецъ онъ отнѣкиваться и говорилъ: дамъ тебѣ, господинъ мой, дамъ ровно двѣсти дукатовъ.

Его отпускали, онъ шелъ домой, продавалъ все, что у него было и назначенными двумя стами дукатовъ умирялъ Хаджи-бега, иначе его ожидала мучительная смерть, его онъ заѣлъ бы, какъ волкъ осленка. Послѣ, когда узнали хорошенько Хаджи-бега, другіе ужъ не отказывали ему на первую рѣчь и давали, сколько онъ запроситъ. За какой нибудь проступокъ онъ хваталъ бѣднаго поселянина и въ лѣтнее время, въ самый страшный, палящій жаръ, раздѣвъ до-нага, крѣпко привязывалъ къ вереѣ, повернувъ лицемъ къ солнцу; намазывалъ несчастнаго съ головы до ногъ медомъ или кислымъ молокомъ, да такъ и оставлялъ на цѣлый день, жертвою безпощадному жаленью мухъ. На весь округъ тотъ навелъ онъ такой страхъ, что его боялись пуще ада.

Однажды воевалъ онъ съ Черногорцами. На возвратномъ пути завернулъ онъ въ монастырь Косѣрево, находящійся въ

1) *Кнезъ* — старшина, староста.

2) Австрійскихъ червонцевъ (3 р. сер.).

Гермекумикѣ, въ Никшичскомъ округѣ, въ предѣлахъ Баняне[1]), и разграбилъ его; все что имѣлось въ церкви: подсвѣчники, паникадила, кандила и кадильницы, — все заграбилъ онъ и отослалъ въ Венецію, а оттуда выслали ему небольшую пушку, которую онъ поставилъ на своей Утовской башнѣ. Вышедши изъ монастыря, онъ проходилъ черезъ Коренячи[2]), и тамъ у одной Сербской женщины подмѣтилъ сиротку-дочь ея, которую звали Госпава. Силою отнялъ Хаджи-бегъ эту сиротку у ея матери, взялъ себѣ въ жены, сверхъ настоящей, и мучилъ ее долго, долго, пока наконецъ насильственно потурчилъ. Много разъ пыталась она бѣжать, но уйти никакъ не могла. Разъ какъ-то, скрываясь у одного селянина-католика, она дала ему 100 дукатовъ, чтобы только онъ провелъ ее къ Австрійской границѣ, откуда ей хотѣлось бѣжать въ Черногорію. Скоро замѣтилъ насильникъ побѣгъ ея; снарядился въ погоню и тѣмъ же слѣдомъ вернулъ ее назадъ, а бѣднаго проводника лишилъ жизни.

Я и самъ однажды видѣлъ этого Хаджи-бега, а гдѣ и какъ, объ этомъ нужно пораэсказать.

Въ Любиньскомъ округѣ есть земля, называемая Попово. Скажу нѣсколько словъ о томъ, каково это мѣсто. Если, отправясь изъ Требинья, пойти съ востока на сѣверо-западъ, то придешь какъ разъ къ верху поля Поповскаго: посмотришь оттуда и увидишь внизу длинную долину; съ обѣихъ сторонъ стоятъ горы, а между ними змѣевидно искривленное поле, длиною около 8 часовъ, а въ самомъ широкомъ мѣстѣ шириною не болѣе получаса пути. По этому полю излучисто бѣжитъ рѣка — Требишница; по обоимъ берегамъ ея много глубокихъ заливовъ, а на нихъ понастроены водяныя мельницы, изъ которыхъ многія могутъ смолоть въ 1 часъ около 100 окъ

1) *Баняне* (горніе и дольніе) - страна въ Герцеговинѣ, смежная съ Черногоріею.

2) *Коренячи* — въ Никшичскомъ округѣ (въ Герцеговинѣ), волость, гдѣ живутъ христіане и магометане.

муки. Съ обѣихъ сторонъ по краямъ поля, мѣстами почти сплошь, раскинулись селенія въ слѣдующемъ порядкѣ. Когда съ востока пойдешь подъ гору, то съ правой стороны предстанится первое село Туле. Въ немъ живутъ одни только христіане [1]), выстроена церковь, а монастырь Дужи имѣетъ здѣсь прекрасные дома, нивы, виноградники и огороды; далѣе село Мрконьичи съ одною церковью, населенное все христіанами. Здѣсь родились два священника: покойный іеромонахъ Савватій Мрконьичъ и покойный попъ Божко; оба одиннадцать лѣтъ учились въ Кіево-Печерской Лаврѣ, и первый былъ іеромонахомъ въ монастырѣ Завалѣ, другой священникомъ въ этомъ же самомъ селѣ Мрконьичахъ; померли они въ 19-мъ вѣкѣ. Здѣсь же родился и послѣдній Сербскій Митрополитъ Герцеговинскій, г. Стефанъ Милутиновичъ, погребенный въ монастырѣ Дужахъ: онъ умеръ въ 1778 году. (Смотри объ этомъ Сербо-Далматинскій Магазинъ за 1849 г.) Село Дрѣняни съ одною тоже церковью; его жители все православные христіане. Село Драчево также съ церковью и населена тоже одними христіанами. Село Дубьяни православно-христіанское, въ немъ одна церковь, кромѣ того нѣсколько католическихъ домовъ. Величани—село съ церковью, населено православными христіанами. Галичичи село, населенное тоже христіанами, но церкви въ немъ нѣтъ, а жители слушаютъ божественнную службу за-одно съ Величанами. Село Струичи, Долъ и Котези съ жителями православными христіанами и съ церковью; здѣсь есть нѣсколько Турецкихъ и нѣсколько католическихъ домовъ. Село Орашье, жители православные христіане, кромѣ нѣсколькихъ магометанскихъ и католическихъ домовъ, есть церковь. Село Чавашъ; кромѣ 2-3 римско-католическихъ домовъ, остальные жители все православные. Здѣсь церкви нѣтъ, и служба совершается вмѣстѣ въ Орашьѣ. Это крайнее село съ правой стороны, и дальше его нѣтъ ужъ больше селеній.

---

1) Т. е. православные.

Теперь начнемъ опять съ востока по лѣвой сторонѣ поля. Село Польице [1]), все православные христiане, и двѣ церкви, одна подлѣ другой. Заградино село тоже съ одними православными христiанами, которые ходятъ въ Польицкую церковь, потому что у нихъ церкви нѣтъ. Дальше село Седари съ одною церковью; жители христiане. Гремяни село, жители православные христiане, у которыхъ есть собственная церковь. Мухарева-лють, Будимъ-долъ и Завала небольшiя селенiя, лежащiя рядомъ, близъ монастыря Завала, въ которомъ и я самъ постриженъ въ монахи (покалугерился), но объ этомъ рѣчь впереди. Здѣсь живутъ одни только православные христiане, у которыхъ, кромѣ монастыря, другой церкви нѣтъ. Село Чвальина, жители православные христiане, за исключенiемъ 3 католическихъ домовъ, есть церковь. Село Равно, жители католики, у которыхъ тутъ есть приходская (парохiальная) церковь и свой попъ; а христiанскихъ домовъ только 5, церковь обрушилась, и они ходятъ въ другiя. Дреница село, жители котораго, православные христiане, собственной церкви не имѣютъ, а ходятъ въ село Орашье, насупротивъ ихъ, съ той стороны поля. Веля-меджа, Тричина и Турковичи, три села, смежныя между собою, населены католиками, церковь только одна въ Велей-меджѣ.

Это Поповское поле зимою покрывается водою, и пространство его дѣлается огромнымъ озеромъ, по которому, словно по морю, вдоль и поперегъ, взадъ и впередъ ходятъ огромныя суда (ладьи) и перевозятъ съ одной стороны на другую людей, коней и обозы. Очень часто озеро держится на полѣ отъ Октября до Мая, а иногда и до Iюня; но когда это случается, то поле остается не засѣяннымъ, и тогда для Поповцевъ — тяжелое время; они расходятся по другимъ сторонамъ на заработки для предстоящей новой зимы. Благопрiятнѣйшее время

1) Въ этомъ селѣ живетъ родъ по прозвищу Кутузы, которые говорятъ, что въ ихъ племени родился славный воевода Русскiй, старый князь Кутузовъ.

для Поповцевъ, если озеро начинаетъ спадать въ Февралѣ, они тогда могутъ засѣять полъ-поля яровою пшеницею, которая даетъ имъ прекрасный бѣлый хлѣбъ. Если-жъ озеро станетъ убывать въ Апрѣлѣ, тогда они могутъ посѣять только кукурузу сѣракъ (родъ проса), просо и черные бобы; но при хорошемъ урожаѣ, и отъ этого посѣва, кромѣ туземцевъ, достаетъ еще для сосѣднихъ жителей. Поповцы смугловаты лицомъ, средняго или высокаго роста, проворны, живы и трудолюбивы. При наступленіи полевыхъ работъ, и мужчины и женщины становятся одинаково дѣятельными: они пашутъ, сѣютъ, копаютъ землю, по огородамъ садятъ капусту, бѣлые, черные и пестрые бобы. Во время жатвы таже кипучая дѣятельность, — также всѣ, отъ стараго и до малаго, заняты работою: мужчины, женщины и дѣвушки. Они жнутъ хлѣбъ, вяжутъ его въ снопы, носятъ на гумна и молотятъ конями, волами, потомъ вѣютъ, сушатъ, носятъ въ житницы и тамъ ссыпаютъ. Каждый домъ воспитываетъ по нѣскольку шелковичныхъ червей, отъ нихъ получаютъ хорошій шелкъ, и изъ него дѣлаютъ шелковыя мрежи, длиною во 100 локтей, шириною въ 1 локоть. По-край Поповскаго поля есть множество глубокихъ ямъ, изъ которыхъ выходятъ какія-то мелкія рыбы (гаовице). Онѣ кормятся по озеру и впослѣдствіи такъ тучнѣютъ, что ихъ можно жарить въ собственномъ жиру.

При наступленіи зимы Поповцы сносятъ въ свои ладьи длинныя шелковыя сѣти, закидываютъ ихъ въ воды озера и ловятъ эту жирную рыбу.

По всей Туречинѣ Поповцы лучшіе камнетесы и строители: они строятъ города, монастыри, церкви и вытесываютъ прекраснѣйшіе надгробные камни; за то и собственные дома ихъ лучше, нежели по другимъ странамъ; они подняты въ два и въ три яруса и красиво сложены изъ яркаго камня. Гумна ихъ построены точно также красиво и въ самомъ дѣлѣ заслуживаютъ похвалы. Зимою, когда нельзя работать на открытомъ

воздухѣ,—многіе Поповцы щиплютъ и бьютъ шерсть, изъ которой ткутъ одѣяла и полотна. Говорятъ, одинъ Поповецъ отправился въ Венецію, закутавшись въ свою обыкновенную шерстяную одежду, пришелъ тамъ на фабрику, гдѣ ткали бархатъ, остановился и удивлялся, какъ это дѣлается, что вотъ бархатъ съ одной стороны краснаго цвѣта, а съ другой нѣтъ? Тутъ-же случился Венеціанецъ и спросилъ: «что это ты, пріятель, такъ дивишься на бархатъ?» — Да какъ-же, отвѣчалъ Поповецъ, меня вотъ удивляетъ, какъ это у васъ дѣлается, что бархатъ выходитъ съ одной стороны краснаго цвѣта, а съ другой нѣтъ! «Э, пріятель! сказалъ Венеціанецъ: не диво сдѣлать бархатъ немножко краснымъ съ одной только стороны, а вотъ что диво, — въ твоемъ платьѣ съ обѣихъ сторонъ сильный красный цвѣтъ, да въ добавокъ, еще съ длинными волокнами, — это-то какъ дѣлается? Да ты самъ откуда?» — Я, отвѣтилъ Поповецъ, изъ той стороны, гдѣ зимою ходятъ ладьи по морю и ловятъ рыбу шелковыми сѣтями, а лѣтомъ, на мѣстѣ этого моря, сѣется бѣлая пшеница и другой хлѣбъ. Озадачивши такимъ образомъ Венеціанца, Поповецъ пошелъ своею дорогою; а тотъ остался удивленнымъ, и говорилъ самъ себѣ: страненъ право, человѣкъ этотъ, да чудна и сторона-то его!

Горы по-край Попова совершенно безлѣсны; вотъ почему еще съ полночи подымаются женщины и дѣвицы, скликаются по селу въ одну толпу, и всѣ вмѣстѣ уходятъ далеко за-горы, такъ что едва только къ полудню возвращаются назадъ съ дровами. Притомъ еще горы эти голы и каменисты, почему Поповцы держатъ скота очень мало; за-то дома заготовляютъ они въ прокъ наловленную рыбу, откармливаютъ каждый хозяинъ по одной хорошей свиньи и получаютъ яйца отъ домашней птицы. Эту пищу съ хлѣбомъ ѣдятъ они и лѣто и зиму.

Поповцы весьма любопытны и большіе охотники до всякихъ новостей. Даже если Поповецъ работаетъ въ полѣ, такъ

онъ безпрестанно оглядывается во всѣ стороны, — не увидитъ ли какого прохожаго, — и едва только показался прохожій, онъ живо бросаетъ свою работу, подбѣгаетъ къ нему и спрашиваетъ: «А что, *буразеръ* (братъ) [1]), нѣтъ ли у тебя чего-нибудь новенькаго для меня?»

Выше упомянулъ я о монастырѣ Завалѣ, и теперь хочу кое-что сказать о немъ, что частію слышалъ отъ старыхъ людей, частію видѣлъ собственными глазами.

Древній монастырь этотъ построенъ подъ одною пещерою, на сѣверной сторонѣ верхней части поля, на полетъ брошеннаго камня отъ самаго поля. Церковь его съ одной стороны совершенно примыкаетъ къ пещерѣ, и эта сторона выдолблена молотками; съ другой только стороны на скалахъ построенъ каменный сводъ; но если смотрѣть изнутри, то кажется, что обѣ стороны церкви подъ сводомъ. Внутренность покрыта изображеніями, крыша только съ одной стороны, а съ другой стороны, келліи верхней части совсѣмъ подъ пещерою. Таковъ монастырь, весь лежащій на скалахъ; за-то около него мѣста много улучшены, тамъ кое-гдѣ насыпана земля, подѣланы небольшіе огороды, можно садить кое-какую зелень. Кругомъ всего монастыря пространная ограда, въ которой пасутся монастырскія лошади и другой скотъ. Тутъ же растутъ кое-какія деревья, особенно тѣ, что и зимою не теряютъ зеленаго цвѣта, какъ напр. можжевельникъ, чесвина (родъ дерева, зеленаго и зимою), зеленика и др. Выше монастыря, подъ одной пещеркою, есть такъ называемая по-Сербски *испостница* (келлія, гдѣ подвизается постникъ), и въ ней небольшой водоемъ, куда со стѣнъ стекаетъ вода. Здѣсь въ старое время живали пустынники, а потому и самое мѣсто до сихъ поръ удержало названіе пустыни.

---

1) *Буразеръ* — братъ. По этому выраженію, исключительной собственности Поповцевъ, вы всегда и вездѣ узнаете жителя Поповскаго поля.

Къ западу отъ монастыря до Австрійской границы одинъ часъ пути. На полудорогѣ стоитъ село Ораховъ-долъ, гдѣ живутъ католики, но гдѣ есть хорошіе виноградники монастырскіе и винный погребъ. Въ этомъ же селѣ третья доля земли монастырская, но ее берутъ въ аренду католики. Выше этого села, на горѣ, съ сѣверной стороны, есть еще монастырское сельцо Бѣлава, отъ котораго монастырю идетъ хорошій доходъ. Этотъ монастырь почти при каждомъ селѣ имѣеть свою землю; а при его началѣ, говорятъ, и все поле, безъ исключенія, было монастырское; но когда Турки покорили Герцеговину, то землю у монастыря они отняли точно также, какъ еще и до сихъ поръ отнимаютъ кое-что.

По дорогѣ отъ монастыря къ югу, на выстрѣлъ изъ ружья, а отъ поля, какъ человѣкъ можетъ добросить камнемъ, — есть весьма замѣчательная, *вѣтреная* пещера, изъ которой дуетъ страшный вѣтеръ лѣтомъ, и въ которую опять возвращается такой же вѣтеръ зимою. Входъ въ нее до того узокъ, что человѣкъ едва, едва можетъ проползти, внутри-же пещера такъ просторна, что по ней свободно можетъ разъѣзжать конный знаменщикъ. Идучи правою стороною пещеры, отъ входа шагахъ въ 50 или 60, доходишь до угловаго мѣста, гдѣ сходятся верхняя и нижняя части пещеры; и сверху, и снизу тутъ сплошная каменная скала, гдѣ слышенъ шумъ какъ будто отъ большой водяной мельницы. Пройдешь отсюда впередъ шаговъ 20 или 30, дойдешь до другаго мѣста у скалистой стѣны, до которой высокаго роста человѣкъ можетъ достать рукою; здѣсь ясно слышится звукъ Турецкаго бубна; пройдя шаговъ 20—30 влѣво, достигаешь до третьяго мѣста, нѣсколько выше того, гдѣ слышится бубенъ; тутъ звучно раздается шумъ мельничныхъ жернововъ.

Сквозь отверзтіе пещеры почти невозможно, а если и можно, такъ съ большимъ трудомъ, пронести огонь, по причинѣ ужаснаго вѣтра; но внутри пещеры—безвѣтріе, зажигай себѣ свѣчу

и ходи съ ней свободно, словно по комнатѣ. Тутъ не примѣтно ни малѣйшаго вѣтра, кромѣ только мѣста, въ виду большаго озера, въ узкой части пещеры, да и тутъ едва по колебанію огня на свѣчкѣ можно видѣть присутствіе легкаго вѣтерка. Вся сила вѣтра скопляется у входа въ пещеру. Кто входитъ въ пещеру лѣтомъ, а прежде не входилъ никогда, тотъ, войдя въ нее, можетъ слышать эти удивительные, странные какіе-то звуки; изумленный выходитъ онъ оттуда и разсказываетъ всякому встрѣчному обо всемъ, имъ слышанномъ. Турки говорятъ, будто это духи (*джины*), да и наши простачки того же мнѣнія. Что до меня, то я слышалъ эти звуки болѣе 30 разъ и, такъ какъ я держусь объясненій физическихъ, то думаю, что всѣ эти чудеса производятся вѣтромъ, который съ усиліемъ проходитъ сквозь какую нибудь тѣснину. Нужно также прибавить, что у входа въ пещеру вы лѣтомъ найдете всегда одинъ и тотъ же вѣтеръ, а внутри пещеры услышите иногда всѣ три звука, иногда только два изъ нихъ, порою даже одинъ; а бываетъ время, что не слышно ровно ничего, а потомъ опять всѣ три звука раздадутся снова.

Судить объ этомъ предоставляю лучшимъ, нежели я, естествоиспытателямъ; а самъ выхожу изъ пещеры, пока снова въ другой разъ не возвращусь въ нее. Сверху пещеры и съ лицевой стороны ея видна ветхая стѣна, за которою, говорятъ, были когда-то лѣтніе увеселительные дворы того Греческаго попа, отъ котораго будто бы родился Стефанъ Нѣманя, король Сербскій. Попъ этотъ владѣлъ всею тою страною и всѣмъ полемъ, безъ изъятія; отъ него-то и стали называться и страна и поле «Поповскій округъ», «Попово поле».

Въ лѣтнее время на всемъ Поповомъ полѣ нѣтъ нигдѣ проточной воды, только изъ-подъ монастыря, на краю поля, выбиваются 4 студеные ключа, которые никогда не пересыхаютъ. Вотъ имена ихъ: 1) Чваоштикъ подъ селомъ Чвальиною, на сѣверъ отъ монастыря, въ разстояніи получаса; 2) Бованъ — подъ

самымъ монастыремъ; 3) Лукавацъ подъ вѣтряною пещерою; 4) Покривенникъ подъ сельцомъ Мухаревою-лютью, на востокъ около 15 минутъ отъ монастыря.

Теперь войдемъ опять въ монастырь. Онъ очень старъ, и о построеніи его Поповцы разсказываютъ, будто бы онъ построенъ Великимъ Константиномъ, когда онъ съ матерью прибылъ сюда изъ Рима. Вотъ разсказъ этотъ: когда Константинъ съ матерью высадился въ село Слано, въ королевствѣ Далматскомъ, то построилъ здѣсь одну большую церковь (она обращена теперь Латинами въ монастырь Францисканскій). Оттуда до Завалы будетъ добрыхъ два часа пути. Потомъ, когда пришелъ онъ въ Завалу и увидѣлъ набожность туземцевъ, такъ, по любви къ нимъ, и построилъ эту, подъ пещерой находящуюся, церковь. А построилъ ее тутъ онъ, говорятъ, вотъ почему: на полупути отъ монастыря къ *вѣтряницѣ* есть холмокъ, называемый Петковица; мимо его пролегаетъ дорога изъ Поповскаго поля въ Австрію. По этой Петковицѣ попадаются еще и теперь многія старинныя могилы, на которыхъ лежатъ огромные надгробные камни, называемые у Герцеговинцевъ Греческими гробами, или стечцами. Вотъ на холмѣ, гдѣ думалъ заложить церковь, Константинъ оставилъ съ вечера на всю ночь икону Богоматери, изъ особеннаго благоговѣнія къ Пресвятой Богородицѣ. По утру на другой день иконы тамъ не было, а нашлась она выше, подъ той самой пещерою, гдѣ теперешній монастырь стоитъ. Это повторилось въ другой и третій разъ: каждое утро икону находили подъ пещерою, и вотъ почему монастырь и построенъ на его теперешнемъ мѣстѣ.

Все это слишкомъ преувеличено и невѣроятно. Что говорится здѣсь о Константинѣ, могло случиться и такимъ образомъ. По извѣстіямъ Мавроурбина, былъ нѣкто Константинъ Сербинъ изъ племени Нѣманева; онъ-то, можетъ быть, и построилъ этотъ монастырь, какъ большею частію Нѣманичи построили всѣ прочіе монастыри Герцеговинскіе. Мнѣ еще нигдѣ

не довелось прочитать запись о времени построенія монастыря Завалы, только на печати монастырской написано такъ: Сї печать монастыра завале храма входа прѣстыя бцы ѿ х. соа (271).

Но опять и этого нельзя принять за основательно-вѣрное; легко могло случится, что здѣсь помѣщены только сотня, десятки и единицы, а не тысяча. По моему мнѣнію, если вставится тысяча, то получится истинное время основанія монастыря Завалы.

Въ самомъ монастырѣ нѣтъ никакихъ замѣчательныхъ древностей, кромѣ нѣсколькихъ Сербскихъ рукописей, которыхъ каталогъ я составилъ.

Что до меня, то я родился въ землѣ Требиньской, въ селѣ Заградинѣ, 1810 года декабря 13. Іосифъ митрополитъ Герцеговинскій рукоположилъ меня въ іеромонахи монастыря Завалы въ 1829 году. Тогда въ монастырѣ не было другихъ монаховъ, кромѣ покойнаго игумена Исаіи Шонча да меня, еще молодаго при немъ монаха. Я обѣщалъ разсказать о Хаджи-бегѣ Ризванбеговичѣ, какъ я однажды видѣлъ его. Это было такимъ образомъ. Монастырь нашъ былъ тогда подъ десятиною Ризванбеговичей, а такъ-какъ членовъ этого рода было много, то сборъ десятины они распредѣлили между собою, и было уже извѣстно, когда кому настанетъ пора сбора. Вотъ въ 1830 году дошла очередь до Хаджи-бега, и вовсе неожиданно пріѣхалъ онъ въ Завалу съ 19-ю спутниками, съ конями и собаками. Увидя его, мы затрепетали, какъ овцы при видѣ ножа; но онъ, замѣтя испугъ нашъ, ласково сказалъ: «я вижу, калугеры, что вы перепугались меня. Напрасно: вы не должны бояться меня, увѣряю васъ: съ людьми злыми, конечно, я и самъ золъ; за-то съ добрыми добръ и я, и если бы вы пришли ко мнѣ, такъ я принялъ бы васъ какъ нельзя лучше».

Мы немножко повеселѣли, какъ услышали такую рѣчь

и дали ему помѣщеніе, самое лучшее, какое было у насъ. Я тогда былъ еще молодой монахъ, безъ усовъ и безъ бороды, и вотъ вечеромъ, разсмотрѣвши меня получше, Хаджи-бегъ завелъ со мной такой разговоръ: «Скажи мнѣ, *младичъ*, сколько тебѣ лѣтъ, гдѣ ты родился, и кто твои отецъ и мать?»

— Отъ роду мнѣ, господарь, 20 лѣтъ, отвѣчалъ я; родился я въ селѣ Заградинѣ, Требиньскаго округа; отецъ мой—Стефанъ Памучина, а имя матери моей — Сарра.

«Я слышалъ, что всѣ Памучины — люди надежные и вѣрные подданные (раія) царя; но, бѣдняжка, мнѣ бы желательно знать, что ты дѣлаешь тутъ? *Дьякъ* (ученикъ) ты здѣсь,—что-ли?»

— Нѣтъ, я калугеръ (монахъ), а не *дьякъ*.

«А! до сихъ поръ я не встрѣчалъ еще калугера не только безъ бороды, но даже безъ усовъ. Жаль, что въ такой молодости сталъ ты калугеромъ, а не женился, остался, какъ безплодное дерево, и страшный дашь отвѣтъ Богу за то, что погубилъ даромъ человѣческую природу.»

— Мое сердце требовало, чтобы я покалугерился, а никакъ бы не женился; стало быть, Богъ казнить меня за это не будетъ; напротивъ, если я въ добрѣ окончу начатый мною подвигъ, такъ Онъ скорѣй помилуетъ меня.

«А хорошо ли ты читаешь Евангеліе и понимаешь ли все, что говорится въ немъ?»

— И читаю, и понимаю лучше нѣкоторыхъ другихъ.

«Это мнѣ очень пріятно, тѣмъ болѣе, что по утру ты пойдешь со мною въ вѣтряную пещеру — послушать дивныхъ тамошнихъ звуковъ, которыхъ я до сихъ поръ не слыхалъ еще, а знаю объ нихъ только по разсказамъ. Ты встань завтра пораньше, возьми изъ церкви побольше восковыхъ свѣчъ, приготовь и другихъ свѣчъ, и мы тогда пойдемъ съ тобой въ пещеру».

На другой день рано утромъ я приготовилъ, по его распоряженію, все нужное, и мы вмѣстѣ отправились, вмѣстѣ вошли въ пещеру, и намъ пришлось, не безъ удивленія, слушать всѣ

три звука. Онъ, услышавши ихъ, необыкновенно перепугался, даже перемѣнился въ лицѣ и грозно крикнулъ на Турокъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ чего нибудь взять изъ пещеры, и чтобы всѣ молились Богу. И я примѣтилъ, что каждый шопотомъ твердилъ безпрестанно: Алла, иль-алла! Потомъ пошли мы по пещерѣ все прямо, и шли около трехъ часовъ, но напрасно думали добраться до конца ея: его не было и видно. Я замѣтилъ, что свѣчъ у насъ не достанетъ, и потому сталъ совѣтовать возвратиться по той же дорогѣ къ выходу. Въ пещерѣ, стало быть, проходили мы 6 часовъ, и дорога въ потьмахъ, по сырой къ тому же почвѣ, до того измучила насъ, что мы едва, едва передвигали ноги. Внутри пещеры мы видѣли кое-гдѣ весьма немного воды, да видѣли еще одно озеро, довольно большое, такъ что черезъ него едва ли перебросить камень; со свѣчею въ рукахъ я внимательно осмотрѣлъ его и видѣлъ, что оно не глубоко и составилось изъ каплющей не холодной, а тепловатой воды, которая слилась въ ложбинѣ. Встрѣчали мы тамъ различные виды, происходящіе, по моему мнѣнію, отъ окаменѣлыхъ капель; но Турки—другихъ мыслей на этотъ счетъ и толкуютъ ихъ совсѣмъ иначе.

Изъ пещеры направились мы къ монастырю, и Хаджи-бегъ снова завелъ разговоръ со мною.

«А что, калугеръ? спросилъ онъ. Напугала тебя эта мельница, эти жернова и бубенъ?»

— Да чего же тутъ бояться-то, господарь, если здѣсь нѣтъ ничего живаго, ни духовнаго, ни тѣлеснаго: вѣдь это просто вѣтеръ, проходя сквозь какую нибудь узкую скважину, дѣлаетъ всѣ эти чудеса, а люди, не понимая, и удивляются.

Быстро взглянулъ на меня Хаджи-бегъ; глаза его налились кровью, и онъ яростно проговорилъ:

«Замолчи, невѣрный (каурине), или голова твоя слетитъ сію же минуту съ плечъ. Ты хвалился, что хорошо разумѣешь писанное въ Евангеліи, а я тебѣ говорю, что ты не знаешь

ровно ничего, что ты совершенный безбожникъ. И если ты не знаешь, что говоришь, такъ я вотъ научу тебя, какъ говорить про то, что мы слышали. Не вѣтеръ это, *влахъ* [1]), а войска духовъ. На мельницѣ мелется пшеница для начальника, жернова работаютъ простое жито для младшихъ, а бубенъ звучитъ, когда они садятся ѣсть и пить. Запомни же все это, да такъ всякому и разсказывай, а иначе поплатишься головою».

Какъ увидѣлъ я, что у злаго Турка глаза налились кровью, и что, посмотрѣвши на меня, онъ схватился за саблю, да какъ при этомъ еще пришло мнѣ на память, что и прежде я слыхалъ не разъ объ немъ, какъ о человѣкѣ зломъ, такъ смертнымъ страхомъ обдало душу мою.

При отъѣздѣ мы вручили ему доходъ его, но онъ раздѣлилъ полученное между монастырскими дѣтьми и уѣхалъ, похваляя пріемъ нашъ. Никогда въ жизни не встрѣчалъ я человѣка злѣе и горячѣе его, однако мы легко отдѣлались отъ него.

Пусть онъ ѣдетъ своею дорогою, а мы воротимся въ Столацъ. Ставши правителемъ Столецкимъ, Али-ага Разванбеговичъ немедленно поднялъ войну на сосѣда, Гавранъ-капетана Почительскаго, съ которымъ враждовалъ постоянно, проливая кровь рѣками. Въ 1829 году, при помощи Гассанъ-бега Ресулбеговича Требиньскаго, онъ разбилъ на голову и одолѣлъ Гавранъ-капетана, и отнялъ у него Расно, Габеллу и Дубраву, при этомъ достался ему и монастырь Житомысличи въ округѣ Столецкомъ, такъ много страдавшій отъ пакостнаго Гаврана. Тогда Али-ага провозгласилъ себя главнѣйшимъ муселимомъ Герцеговины. Въ 1831 году Султанъ издалъ хатишерифъ и послалъ его Боснійскому визирю Намикъ-Али-пашѣ, чтобы по Босніи и Герцеговинѣ завелъ онъ танзиматъ и *нуфусъ* [2]). Визирь въ ту-же минуту разослалъ татаръ [3]) по Босніи и Гер-

1) Презрительное названіе для христіанина.

2) Народную перепись.

3) Курьеровъ.

цеговинѣ, и всѣхъ муселимовъ созвалъ въ Травникъ и прочиталъ, что царь приказываетъ. Только 5 муселимовъ Герцеговинскихъ пристали къ сторонѣ царя, и это были: Али-ага Столецкій, Гассанъ-бегъ Требиньскій, Измаилъ-ага Ченгичъ, Башъ-ага Реджепъ-пашичъ Невесиньскій и капетанъ Любушскій. А Босняки, какъ увидѣли это, не пристали къ нимъ, а отошли въ сторону и стали подбивать другихъ Турокъ ударить за-одно на визиря и на Герцеговинцевъ и тутъ же побить ихъ. Смекнувши это, Герцеговинцы, давай Богъ ноги! на утекъ; едва, едва могли унести они свои головы по домамъ, да и визирь-то самъ едва убрался по-здорову; безъ оглядки бѣжалъ онъ за границу, въ Австрію, пролетѣлъ чрезъ Далмацію и остановился вздохнуть на Метковичахъ. Тутъ нагнали его тѣ 5 муселимовъ Герцеговинскихъ и проводили въ Столецкую крѣпость. Изъ-за этого всѣ Боснійскіе Турки взялись за оружіе и тотчасъ же изъ среды своей избрали произвольно визиремъ Гуссейна-капетана Градашчевича, который набралъ сильное войско и съ нимъ пошелъ на Сараево. Тутъ услышалъ онъ, что Намикъ-паша ужь добрался до Стольца, и въ ту же минуту послалъ часть войска съ Туранъ-бегомъ Сарайліею черезъ Загорье и Невесинье прямо на Столацъ и приказалъ или схватить визиря съ пятью муселимами, или убить ихъ; къ тому же велѣлъ еще взбунтовать и Герцеговинскихъ Турокъ, чтобъ и тѣ брались за оружіе. Туранъ-бегъ съ войскомъ прошелъ Загорье, дошелъ до Брняковъ, на границѣ Невесиньскаго округа, и тутъ остановился лагеремъ.

Услышавши объ этомъ, визирь, Али-ага, Гассанъ-бегъ, Измаилъ-ага, Башъ-ага и Любушскій капетанъ, всѣ, каждый въ своемъ округѣ, какъ нельзя поспѣшнѣе, набрали достаточное число молодежи изъ раій, визирь прислалъ 200 всадниковъ своихъ, и это Герцеговинское войско также собралось у Брняковъ, и стало лагеремъ насупротивъ Боснійскаго. Изъ Герцеговинскихъ Турокъ ни одинъ не захотѣлъ пойти въ это войско. Когда

наступилъ день, назначенный для боя, Туранъ-бегъ сталъ середи своего войска и ободрялъ его такою рѣчью: «Братья Турки! вотъ мы теперь сразимся съ *влахами*; сами видите, что между ними нѣтъ ни одного брата Турчина, а все это одни гяуры: этотъ визирь Столецкій — гяуръ, тѣ 5 муселимовъ, и они всѣ гяуры; въ Стамбулѣ нѣтъ царя Турка, а управляетъ и распоряжается имъ нечестивый Московскій гяуръ. Теперь вы, за Турецкую вѣру и за пророка Магомета, вы бейте однимъ выстрѣломъ по 10 влаховъ. Кто падетъ изъ васъ, будетъ мученикъ (шеитъ); кто побьетъ гяуровъ, прослыветъ героемъ (газія)». Также и съ Герцеговинской стороны Гассанъ-бегъ, возбуждая раій къ мужеству, говорилъ имъ: «Раіи! за честный крестъ и за Св. Іоанна смѣло бейте по десятку враговъ однимъ выстрѣломъ. Это, вѣдь, не Турки, а свиньи и царскіе отступники. За то честитый царь нашъ проститъ вамъ харачъ (подать), и вы будете одинаково съ Турками. Ха, впередъ, раіи, за честный крестъ!»

И сошлись войска, и ударились, и страшнымъ огнемъ осыпали другъ друга. Но только что христіане зашумѣли, говоря: «У! бѣгутъ Босняки; гляди, какіе витяги бѣгутъ!» — передніе Босняки подумали, что задніе бѣгутъ; заднимъ пришло на мысль, что передніе пятятся, да, думая такъ другъ объ другѣ, повернули тылъ и побѣжали. Навалились за ними Герцеговинцы и многихъ побили, множество головъ отсѣкли, взяли шатеръ Туранъ-беговъ, захватили пушку, множество коней, оружіе, весь обозъ, провизію и всю аммуницію; тутъ же убили и бега Танковича, Фочанскаго муселима, который пришелъ было съ Фочанами на подмогу Боснякамъ. Тогда Босняки, разбитые въ прахъ, разбрелись по домамъ съ горькими проклятьями; а Герцеговинцы съ большимъ числомъ плѣнныхъ воротились назадъ, по домамъ своимъ, съ ружейными выстрѣлами и съ веселыми пѣснями; а тѣ 5 муселимовъ возвратились къ визирю, въ Столапъ, съ великимъ торжествомъ побѣды.

Султанъ Махмудъ, услышавши объ этомъ, написалъ Намикъ-пашѣ, чтобъ онъ, какою хочетъ дорогою, немедленно прибылъ чрезъ Герцеговину въ Скадаръ (Скутари); такъ онъ и выѣхалъ въ то же лѣто изъ Стольца, и проводили его муселимы черезъ Гацко, Пиву, Дробняки, Шаранцы и Колашинъ; онъ отправился въ Скадаръ, а муселимы, каждый къ себѣ домой. Махмудъ-паша съ 30,000 низамовъ (регулярнаго войска) стоялъ въ то время у Битоли (Монастира). Гассанъ-бегъ Требиньскій, пока былъ на дорогѣ домой, повернулъ назадъ, да черезъ Дубровникъ (Рагузу) моремъ прямо къ Махмудъ-пашѣ посовѣтоваться, какъ ему поступать впредь съ Босняками. Въ ту пору муселимомъ Мостарскимъ былъ Османъ-бегъ Пашалія, изъ Курдистана, и ему-то приказалъ Гуссейнъ-капетанъ поднять Мостарцевъ и съ ними идти на Ипекъ (Печь, гдѣ прежде была Сербская патріархія) и покорить этотъ городъ, потому что онъ держалъ царскую сторону. Османъ-бегъ съ войскомъ пробрался черезъ Герцеговину, ударилъ на Печанъ, покорилъ ихъ, надѣлалъ кучу бѣдъ, и опять возвратился въ Мостаръ. Теперь большую часть войска съ Тимаріемъ изъ Травника посылаетъ Гуссейнъ-капетанъ противъ Али-аги, подъ Столацъ. Войско идетъ къ Мостару, поднимаетъ съ собою и Мостарцевъ, везетъ пушки и большую мортиру; бунтуютъ Герцеговинцы изъ Благая (городокъ не далеко отъ Мостара), возстаютъ и остальные Герцеговинскіе Турки, за собой увлекаютъ и раій, и все это валитъ на Столацъ. Любушскій капетанъ бѣжитъ въ Макарску (небольшой приморскій городокъ Далмаціи), Измаилъ-ага Ченгичъ изъ Гацка въ Никшичи, на Черногорскую границу, Башъ-ага Невесиньскій съ людьми своими и Гассанъ-беговыми — въ Дубровникъ. Сторону царя держали въ то время и мы: мой игуменъ — Исаія Шоичъ и я, игуменъ Дужскій — Парѳеній Перовичъ и его іеромонахъ — Христофоръ Зотовичъ, да изъ Попова три Латинскихъ священника: донъ-Видое Маслачъ, донъ-Андрія Грило, донъ-Никола Мрше, кромѣ-того многіе

кнезы (старшины) христіанскіе [1]) и латинскіе; всѣ мы, за-одно съ Турками, побѣжали въ Дубровникъ; за это надѣялись и мы добиться отъ Султана какого-нибудь господства.

Тогда-то вся громадная сила грянула на Али-пашу въ Стольцѣ. Онъ не могъ противостать такой силѣ, собралъ всѣхъ людей своихъ и заперся съ ними въ Столецкой крѣпости, Октября 15-го 1831 года. Непріятель обложилъ городъ со всѣхъ четырехъ сторонъ и давай дѣлать приступы и нападенія, особенно же братъ Али-аги, Хаджи-бегъ; но все—понапрасну: крѣпость тверда, внутри снабжена въ-досталь всѣмъ нужнымъ, и всѣ ихъ усилія ничего не могли сдѣлать крѣпости, ни даже отбить пера у нея. А около крѣпости страшно страдали отъ адскаго огня съ укрѣпленій; убитыхъ и раненныхъ было множество. Какъ увидѣли враги, что нельзя ничего сдѣлать силою, то и отодвинулись изъ-подъ стѣнъ, надѣясь истощить крѣпость облежаніемъ. На Свинской уздѣ, такъ называется холмъ съ сѣверной стороны Стольца, взвели редутъ, поставили на немъ пушки и мортиру, и оттуда нанесли большой вредъ крѣпости, но и крѣпость, разумѣется, въ долгу не осталась. Кликали христіанскими именами Али-агу и ругали его, напр. въ родѣ слѣдующаго: «эй, Лука [2]), Панто (Пантелеймонъ), Видаче, говорили ему, да выйди ты изъ крѣпости-то! потурчись и предайся братьямъ Туркамъ. Брось ты, несчастный, проклятое узкое платье, въ которое Турку не льзя славословить Бога, котораго ни одинъ святой не носилъ.» А онъ имъ отвѣчалъ на это: «Да вы, вѣдь, не Турки, а царскіе измѣнники; все у васъ самовольное, даже и визирь-то; на васъ лежитъ проклятье царское, что вѣнчаете, не вѣнчано, родится ли кто, — не Турокъ будетъ. Уходите-ка лучше по домамъ, да бросьте ратовать на царя, а то плохо кончится» и т. д.

---

1) Т. е. православные.

2) Для Турка ничто такъ не оскорбительно, какъ когда его называютъ презрѣннымъ именемъ христіанскимъ.

Гассанъ-бегъ между тѣмъ хлопоталъ у Султана, и таки добился, что Султанъ пожаловалъ Али-агу и отправилъ къ нему съ татариномъ фирманъ, которымъ назначалъ его двухбунчужнымъ пашею. Воротился Гассанъ-бегъ черезъ Дубровникъ, а послѣ него, среди зимы, татаринъ черезъ Дробнякъ, черезъ нижнюю часть Герцеговины, долетѣлъ до Стольца; пріятели Али-аги ночью впустили его въ городъ между стражей. Али-ага, получивъ отъ царя такую милость, не медленно прочиталъ фирманъ, сдѣлался веселъ и объявилъ себя пашею; потомъ осыпалъ татарина подарками и отпустилъ его. Гацскіе Турки прочуяли, что татаринъ пробрался въ Столацъ и поручили Дробнякскому воеводѣ Караджичу убить его, когда онъ будетъ возвращаться изъ Стольца. Воевода нагналъ его, убилъ и забралъ все, что у него было. Тогда Махмудъ-паша хотѣлъ повести низамовъ изъ Монастира и черезъ Черногорію пройти съ ними въ Герцеговину и Боснію; но Черногорскій владыка, Петръ II Петровичъ, возбранилъ ему проходъ черезъ Черногорію, а большой дорогою низамы не могли идти по случаю зимы; стало быть, приходилось ожидать весны. Столецкіе Турки, бывшіе внѣ крѣпости,—во-первыхъ потому, что имъ крѣпко насолили чужія войска, во-вторыхъ, что не хотѣли сами ратовать противъ царя, вошли тайкомъ къ Али-пашѣ въ крѣпость и говорили ему, что войско непріятельское то отъ голода, то отъ зимняго холода совсѣмъ обезсилѣло, только выжидаетъ удобнаго случая, когда удастся ему убѣжать, и что онъ можетъ отпереть крѣпость и съ ними одними броситься на передовую стражу и разметать ее. Такъ они условились и подтвердили, что слѣдуетъ имъ дѣлать.

Было ночью съ 26-го на 27-е Февраля 1832 года. Али-паша съ людьми своими отворилъ крѣпость, и тотчасъ же отправилъ своихъ людей ударить на домъ, занимаемый братомъ, Хаджи-бегомъ, который въ то время засѣлъ передъ крѣпостными воротами, въ улицѣ Узеновичахъ. Они мигомъ добѣ-

жали до Хаджи-бегова дома, напали на стражу и всю побили изъ ружей, потомъ ринулись вовнутрь и побили слугъ, наконецъ влетѣли и въ его комнаты и убили Хаджи-бега: девять пуль впилось въ него, но онъ еще дышалъ, когда къ нему подошелъ Али-паша. Вотъ онъ подошелъ да, увидя его всего въ ранахъ, и сказалъ: «Бѣдняжка Хаджи! что это съ тобой было? Словно, будто коза избодала тебя рогами!» Хаджибегъ вслѣдъ за этимъ испустилъ духъ; его похоронили, похоронили также и всѣхъ Турокъ, что погибли съ нимъ. Послѣ того Али-Паша съ людьми своими пошелъ въ *касабу* (городъ) [1]), и приказалъ глашатаю ходить по улицамъ и кричать: «Слышите ли, добрые люди и вы, раія! вотъ что говоритъ господарь Али-паша Ризванбеговичъ: кто держитъ сторону царскую, пусть тотъ же часъ поспѣшаетъ къ пашѣ въ *касабу*.» И нагрянули тогда къ нему всѣ Столецкіе Турки и всѣ раія изъ *касабы*, и вся та раія, что въ войнѣ была; всѣ ждали и думали, что вотъ честитый [2]) царь оборонитъ ихъ отъ всѣхъ золъ, какія они вездѣ терпѣли. Вотъ, когда собралися всѣ передъ пашею, онъ и сталъ говорить имъ: «Ступай каждый къ себѣ домой, переодѣньтесь, отдохните немножко, запаситесь пищею и немедля идите въ Невесиньское поле; мы прогонимъ оттуда Мостарянъ, которые заняли это мѣсто, а сами останемся тамъ до крашенья яицъ (не хотѣлъ сказать: до Воскресенія, чтобы не оскверниться словомъ) и будемъ дожидаться Махмудъ-паши съ низамами, чтобы вмѣстѣ преслѣдовать отступниковъ царскихъ и искоренять ихъ всячески: пушками, ружьями, саблями, ножами, камнемъ, дрекольемъ, а въ довершеніе всего фирманами, пока не разоримъ ихъ до конца. Идите-жъ по-добру, по-здорову по домамъ!»

Тутъ онъ надѣлилъ ихъ нѣсколько деньгами и добавилъ: «Вы, раія, съ этихъ поръ за ваши услуги будете наравнѣ съ

1) Въ противоположность граду, т. е. крѣпости.

2) *Честитый*, т. е. почтенный, постоянный эпитетъ царя у Герцеговинцевъ и Босняковъ.

Турками: такова воля честитаго падишаха». Тѣ слушали слова паши, наполнялись радостію и, распѣвая и веселясь, расходились по домамъ. Все это происходило въ Ѳеодорову Субботу, на 1-й недѣлѣ Великаго поста.

Когда все это военачальникъ Тимарія и всѣ его приближенные Турки хорошенько разобрали, то и увидѣли, что въ ихъ войскѣ есть измѣнники, есть предательство, что паша выходилъ изъ крѣпости, Хаджи-бегъ погибъ, и что Столецкіе Турки и всѣ раіи прильнули къ сторонѣ Али-паши. Переполошились, перепугались они, повернули плечи да всѣ побѣжали въ Мостаръ, а на Свинской Уздѣ оставили и пушки и мортиру. Въ тотъ же самый день люди Али-паши стащили ихъ съ редута и отвезли въ крѣпость. Тутъ и мы, калугеры, воротились изъ Дубровника въ свой монастырь, а Гассанъ-бегъ и Башъ-ага съ людьми своими еще раньше насъ оставили Дубровникъ и черезъ Грахово удалились въ Баняны, гдѣ повстрѣчалися съ Измаилъ-Ченгичемъ.

Когда разнесся слухъ о томъ, что происходило въ Стольцѣ, то еще больше собралось раій Банянскихъ и Рудинскихъ, соединились они съ Али-пашею и всѣ пошли въ поле Невесиньское; изъ Невесиньской *касабы* выгнали Мостарцевъ, а сами стали тутъ лагеремъ, остерегаясь Босняковъ. Въ то же время Османъ-бегъ, муселимъ Мостарскій, боясь, чтобы раіи Мостарскіе не отшатнулись отъ него, захотѣлъ постращать ихъ вначалѣ: онъ схватилъ одного изъ лучшихъ Мостарцевъ, юношу Алексу Миличевича и повѣсилъ его около дома Іована Мрава! Гуссейнъ-капетанъ съ Босняками, боясь мести Султана и желая освободиться отъ Али-паши, опять собрали 12,000 отборнаго войска и поручили его Златарю Сараевцу. Войско дошло до Невесиня около половины Апрѣля. Али-паша увидѣлъ, что не можетъ отбить этой силы въ открытомъ бою. Онъ выбралъ себѣ вѣрнѣйшую молодежь изъ раій и Турокъ, остальное войско все распустилъ по домамъ, а самъ съ отборными

занялъ Столецкую крѣпость и опять заперся въ ней. Измаилъ-ага, Гассанъ-бегъ и Башъ-ага снова уклонились въ Рудинскія горы. Увидѣлъ Златарь съ Босняками, что Али-паша опять затворился въ Столецкой крѣпости, увидѣлъ да и поворотилъ войско изъ Невесиня низомъ черезъ Дабри и грянулъ на Столацъ; онъ обложилъ его и открылъ по немъ жестокій огонь, но изъ города отвѣчали жесточайшимъ. Босняки ругали и поносили пашу, крича: вылѣзай, дрянь, изъ царской крѣпости! выходи, свинья! выходи, Панто!... А онъ твердилъ одно свое: «пусть себѣ царскій человѣкъ сидитъ въ царской крѣпости; а вотъ бы хорошо было, когда бъ вы были свиньи: васъ поѣли бы влахи [1]), а то, вѣдь, вы псы, что жъ вы называете меня Панто? Этотъ Панто дастъ себя вамъ знать!» Герцеговинскіе Турки снова принялись за оружіе въ поддержку Боснякамъ, особливо Мостарцы, Любушане и Почительцы.

Какъ Турки снова замутились, заколобродили, то и мы, монахи, побѣжали изъ монастыря по старой дорогѣ, въ Дубровникъ.

Однако черезъ нѣсколько дней узнали, что Махмудъ-паша съ 30,000 низамовъ давно ужь направилъ свой путь въ Боснію. Босняки встрѣтили его около Вучитрна, подъ Баньскою и у Прѣполя, но всюду были разбиты, наконецъ на Паляхъ, въ 4 часахъ отъ Сараева, встрѣтилъ его самъ Гуссейнъ-капетанъ со всею многочисленною силою Боснійскою. Здѣсь произошелъ кровавый бой, но низамы и тутъ осилили и разогнали враговъ, Босняки разсыпались, точно куры отъ ястреба, а Гуссейнъ-капетанъ съ начальниками спасся въ Австрію; такимъ образомъ Махмудъ-паша безпрепятственно вошелъ въ Сараево. Сараевцы въ то же время снарядили татарина къ Златарю, подъ Столацъ, описали все, что и какъ было, и совѣтовали ему распустить войско да съ начальниками уносить голо-

1) Христіане.

вы въ Австрію. А владыка Мостарскій Іосифъ тайно извѣстилъ Али-пашу въ крѣпости черезъ письмо обо всемъ, что дѣется въ Босніи. Между тѣмъ Златарь вызвалъ Али-пашу изъ крѣпости «на Божью вѣру» [1]); они видѣлись, разговаривали, и Златарь выпросилъ, чтобы люди Али-паши не мѣшали войску его спокойно расходиться по домамъ. Такъ все это и было, и Босняки, и Герцеговинцы, всѣ разошлись безъ помѣхи. Собрался Али-паша съ молодцами своими и поѣхалъ въ Сараево къ Махмудъ-пашѣ. Тотъ показалъ ему Султанскій приказъ, гдѣ видно было, что Султанъ зоветъ его въ Цареградъ и даритъ визирствомъ. Такъ онъ и отъѣхалъ въ Цареградъ и, по приказанію Султана, взялъ съ собой многихъ Турокъ изъ Босніи и Герцеговины. Въ ту пору и мы опять возвратились изъ Дубровника въ свой монастырь съ великимъ торжествомъ, словно побѣдители какіе или какъ будто царскіе любимцы. Нашъ монастырь Завала совсѣмъ разрушился; мы и выпросили у Гассанъ-бега, чтобы онъ досталъ намъ изъ Сараева буйрумтію (письменное дозволеніе) Махмудъ-паши; тогда-то перекрыли мы церковь, поновили келліи, расширили дворъ и построили для Турокъ домъ внѣ монастыря, да еще для кметовъ (земледѣльцевъ-арендаторовъ) одно большое зданіе на Петковицѣ; въ Ораховомъ-долѣ перекрыли винный погребъ и съизнова насадили виноградъ. Когда война кончилась, Махмудъ-паша послалъ въ Мостаръ своего мухурдара [2]) быть муселимомъ и смотрѣть за всей Герцеговиною. Едва только прибылъ этотъ мухурдаръ на мѣсто, какъ ужъ показалъ свою строгость противъ Турокъ и двумъ изъ нихъ, Шипковичу и Влаховичу, немедленно отрубилъ головы, и этимъ расплатился съ ними. Владыка Іосифъ и Мостарскіе христіане пришли въ Сараево къ Махмудъ-визирю и упросили его добыть имъ фирманъ, чтобы снова распространить церковь. Какъ полученъ былъ фирманъ, мы раз-

1) Т. е. на уговоръ.

2) Письмоводителя.

ломали старую церковь, раскопали мѣсто для новой, да и стали припасать все, что нужно было для постройки.

Между тѣмъ Али-паша явился въ Цареградѣ къ Султану, и Султанъ принялъ его съ большимъ почетомъ. Тогда затѣялась война между Султаномъ и Мехметъ-Али. Въ Анатоліи, въ Иконіи, Египетскимъ войскомъ начальствовалъ Ибрахимъ-паша, а Султанскимъ—садразамъ. [1]) Султанъ повелѣлъ, и Али-паша съ Босняками двинулся на усиленіе садразама. Когда сразились, то Султанскія войска измѣнили и перешли на сторону Египтянъ; садразамъ попался въ плѣнъ Ибрахимъ-пашѣ. Многіе Босняки и Герцеговинцы тоже измѣнили царю и Али-пашѣ и перебѣжали къ Египтянамъ; но Али-паша несмотря на это, явился у садразамовыхъ шатровъ, налетѣлъ съ людьми своими, забралъ и шатры, и пушки, и оружіе, и обозъ, словомъ, все, что нашлось цѣннаго, да со всѣмъ этимъ въ Цареградъ и прямо къ Султану. [2]) Султанъ, видя такую вѣрность его, удвоилъ свои милости и предложилъ ему быть визиремъ, гдѣ захочетъ; но, благодаря Султана за всѣ милости, Али-паша умолялъ его только, чтобы онъ отдѣлилъ Герцеговину отъ Босніи и въ первой далъ ему наслѣдственное господство. Охотно согласился на это Султанъ, отдѣлилъ отъ Босніи Герцеговину (до тѣхъ поръ, подъ Турками, онѣ всегда были соединены), наименовалъ его визиремъ и прибавилъ еще титулъ «непобѣдимый» (галитъ). Ставши визиремъ Герцеговинскимъ, Али-паша извѣстилъ Гассанъ-бега, что дѣлаетъ его своимъ каймакамомъ, и приказалъ ему воротиться изъ Требинья и заступить прежнее мѣсто. Тогда Махмудъ-паша отозвалъ въ Сараево своего мухурдара, и христіане Мостарскіе сердечно жалѣли о немъ, во-первыхъ, потому что онъ обезглавилъ вольничавшихъ Турокъ, а во-вторыхъ, потому что они хотѣли было

1) Мнѣ кажется, что это былъ Решидъ-паша.

2) Я слышалъ не разъ про это, когда при мнѣ самъ Али-паша разсказывалъ нашему владыкѣ, какъ и что было.

начать строеніе храма. Мухурдаръ такимъ образомъ выбылъ, а Гассанъ-бегъ прибылъ, и на встрѣчу ему вышли сперва Турки, а за ними христіане. Какъ увидѣли Турки, что и христіане тоже идутъ къ Гассанъ-бегу, они подстрекнули мальчишекъ бросать въ нихъ каменьями и многимъ несчастнымъ разбили головы, а сами говорили: Вы куда это, Влахи, лѣзете къ нашему брату Турку? Чтожь не шли вы за вашимъ братомъ, тѣмъ богоотступникомъ (то есть мухурдаромъ)? Христіане съ владыкою жаловались было Гассанъ-бегу, но Гассанъ-бегъ и вниманія не обратилъ на нихъ. Вотъ какое счастіе повезло христіанамъ еще при самомъ началѣ господствованія Али-паши!

Вотъ и поднялись при Гассанъ-бегѣ Мостарскіе улемы (книжники, начитанные законники), и давай по своимъ законописаніямъ возбранять, чтобы въ Мостарѣ никакъ не было церкви. Все это дѣлалось въ 1832 году. Между тѣмъ Али-паша, покончивъ свои дѣла, возвращался изъ Цареграда и долженъ былъ проѣхать чрезъ Сараево въ Мостаръ. Какъ скоро сдѣлалось это извѣстнымъ въ Мостарѣ, Гассанъ-бегъ тотчасъ же написалъ по всѣмъ кадилукамъ Герцеговинскимъ ко всѣмъ начальникамъ (поглаварямъ) христіанскимъ, чтобы всѣ они немедленно шли въ Мостаръ для встрѣчи Али-паши. Здѣсь кстати скажу я, какъ онъ писалъ объ этомъ къ намъ, въ Завалу: «Отъ меня, Гассанъ-бега Ресульбеговича, каймакама Герцеговинскаго, въ округъ Поповскій любезный привѣтъ игумену Завальскому Исаіи Шоичу и Іоаннникію Цамучинѣ, кнезу Михѣ Лѣпавѣ, кнезу Гргуру Буквичу и въ Любинье дорогому моему куму, Марку Будимчичу. За симъ объявляю вамъ, что вотъ жалуетъ къ намъ Али-паша, дай то Богъ чтобы приходъ его сталъ намъ въ великій добрый часъ! Такъ вотъ вы всѣ снарядитесь тотчасъ и приходите въ Мостаръ къ Спасову дню (къ Вознесенію), чтобы намъ встрѣтить его у Подпорима. Да сохранитъ вамъ Богъ здоровье!»

Въ назначенный день всѣ мы, поименованные, собрались

въ Мостарѣ и вмѣстѣ съ владыкою Іосифомъ дожидались у Подпорима прибытія Али-паши. Наконецъ, послѣ обычныхъ привѣтствій, онъ спросилъ у нашего владычи: «Какъ поживаешь ты теперь, митрополитъ?»

— Хорошо, господарь, отвѣчалъ владыка: о царскомъ и о вашемъ здравіи и мы теперь радуемся, какъ самые счастливые люди, видя и встрѣчая васъ, какъ малыя дѣти отца своего; и всякій ликуетъ при вашемъ благополучномъ прибытіи, радуется и пташка въ гнѣздышкѣ; только я-то самъ, господарь, хвораю каждый день и ума не приложу, что это со мною.

«А я вотъ, свидѣтель Богъ, знаю, отъ чего это дѣлается съ тобою, отвѣчалъ паша: ты дѣлаешь несправедливости притѣсняешь *сиротыню* [1]), такъ она за это и проклинаетъ тебя, и отъ этого ты хирѣешь; но одумайся, покайся, дѣлай добро *сиротынѣ* и она станетъ благословлять тебя, и ты тотчасъ поздоровѣешь.»

Потомъ пошли мы въ Мостаръ; впереди раія, за ними Турки, а за Турками самъ паша, такимъ образомъ торжественно вступилъ паша въ Мостаръ въ Маѣ 1833 года. Въ то же время пришли въ Мостаръ и улемы Турецкіе изо всей Герцеговины. Паша отдохнулъ немножко, вышелъ на пространную равнину къ многочисленному собранію народа, и Турокъ, и христіанъ. Передъ всѣми прочтенъ былъ его фирманъ, и самъ онъ подъ конецъ такъ говорилъ народу: «Любитъ меня честитый царь нашъ, сердечно любитъ и потому посадилъ третьимъ по себѣ; предлагалъ онъ мнѣ быть визиремъ въ какомъ угодно мнѣ пашалыкѣ, но я не пожелалъ этого, и только попросилъ его для меня отдѣлить эту Герцеговину отъ Боснійскаго пашалыка, а вотъ по порядку ея 15 округовъ: Прѣпольскій, Таслиджинскій съ Колашиномъ и Шаранцами и съ Дробнякомъ, Чайницкій съ Гораждою, Фочинскій, Гацкій съ Пивою, Невесиньскій, Никшичскій съ Дживаромъ, Любино-Требиньскій,

1) Бѣдный народъ.

Столецкій, Почительскій, Благайскій, Мостарскій, Дувненскій и полъ-округа Коньицкаго, что по-сю сторону Неретвы. Это все дано мнѣ, да начальствую всѣмъ этимъ я, и мои дѣти. и мой родъ: а все это устроилъ я для того, чтобы въ нашу Герцеговину не совался какой нибудь дрянной паца. Я разсудилъ, что, какъ доморoдцу, завѣдывать краемъ гораздо лучше мнѣ, чѣмъ кому чужому: своему дому никто не злодѣй. Всякому буду я судить по чистой правдѣ. Герцеговинскіе Турки надѣлали мнѣ, правда, много зла, но я прощаю имъ все, чтобы только больше не крамольничали; а кто сдѣлаетъ какое-нибудь зло, тому нѣтъ никакой пощады, а разбойнику и въ умѣ не держать помилованія: съ нимъ одна расплата, — голову долой. Правому человѣку, — Турокъ онъ или раія, все равно, — ему всегда будетъ мѣсто у меня. Всѣ городскіе Турки отнынѣ свободны отъ податей; они не будутъ давать ни царю, ни мнѣ ровно ничего, только земледѣльцы — Турки, за исключеніемъ харача поголовнаго, должны платить наравнѣ съ раіями, а это за то, что они не скрываютъ женъ. Я полагаю, въ Герцеговинѣ наберется до 16,000 домовъ раіи, пусть они платятъ что должно царю, а мнѣ должны давать они съ каждаго дома только по 1 флорину въ годъ [1]), съ меня будетъ и этого, потому что у меня добра больше нежели у кого другаго, добра, оставленнаго мнѣ предками. Никому съ этого дня не нужно ходить ни къ царю, ни въ Стамбулъ: вотъ вамъ Стамбулъ — Мостаръ, а вотъ вамъ и царь въ Мостарѣ. У меня не нужно вамъ ходатаевъ, которые бы допускали васъ ко мнѣ за деньги, а будетъ кому нужда какая, — свободно, въ опанкахъ, (лаптяхъ) иди безъ спроса прямо ко мнѣ и высказывай свою неволю. Я тотъ самый Али-ага какъ прежде, я самъ обуюсь въ опанки, одѣнусь въ гуняцъ [2]) да и пойду пѣшкомъ, куда захочу. Ну, *андасани* [3]), помните жъ, смотрите, что говорилъ я, да въ добрый часъ ступайте

1) 60 коп. сер.

2) Простое деревенское платье.

3) Эта выраженіе «андасани» Али-паша употреблялъ, такъ поговорку.

себѣ по домамъ». Тутъ же подарилъ онъ нѣкоторымъ почетнымъ кнезамъ красные плащи и такъ собраніе разошлось по домамъ. Вслѣдъ за тѣмъ пришли всѣ улемы Герцеговинскіе съ просьбою не дозволять ни подъ какимъ видомъ сооруженія Мостарской церкви. «Господарь ты нашъ! говорили они. Поднялися всѣ влахи [1]) Мостарскіе и хотятъ съизнова строить огромную церковь, которая стала бы выше всего Мостара. Не дозволяй, господарь, постройки этой, а ужъ коли допустишь влахамъ, такъ мы не будемъ имѣть ни какой выгоды отъ нашей чистой Турецкой вѣры. Вонъ имъ гора и долина за городомъ; тамъ пускай себѣ и строятъ, а внутри города не давай строить». Ни слова не отвѣтилъ имъ на это Али-паша.

А владыка и христіане упрашивали между тѣмъ Гассанъ-бега, чтобы онъ предупредилъ и склонилъ какъ нибудь пашу въ пользу Мостарской церкви. Взялъ на себя трудъ этотъ Гассанъ-бегъ, и между имъ и пашею былъ объ этомъ такой разговоръ.

Господарь, говорилъ Гассанъ-бегъ, владыка и всѣ Мостарскіе раіи молятъ тебя о дозволеніи строить церковь, потому что ужъ получили на это фирманъ, разломали старую церковь, выровняли мѣсто и припасли все, что потребно для новой постройки; да вотъ противъ нихъ возстали улемы Мостарскіе и Герцеговинскіе, чтобы не допустить ихъ до этого. Три округа имѣютъ одну только эту церковь, кромѣ которой нѣтъ ни одной ни въ Мостарскомъ кадилукѣ, ни въ Коньицкомъ, ни въ Любушскомъ! Ну какъ же это столько христіанъ, а нѣтъ у нихъ ни одной церкви? Да у меня, въ округѣ Любино-Требиньскомъ, въ каждомъ селѣ по церкви, а все-таки, даже во время самой большой неурядицы, я дозволялъ имъ обновлять и строить изнова церкви. Вѣдь дѣло извѣстное: гдѣ больше церквей, тамъ лучше и смирнѣе христіане.

---

1) Христіане.

«Изъ твоихъ словъ, бѣдняжечка Гассанъ-бегъ, я замѣчаю, что ты тянешь совершенно за христіанъ и расположенъ къ владыкѣ и влахамъ больше, чѣмъ ко мнѣ и къ нашимъ улемамъ.»

— Съ позволенія твоего скажу откровенно, возразилъ Гассанъ-бегъ: когда бы можно было собрать весь крещеный людъ въ одинъ корабль и пустить на широкое море и весь его тамъ потопить, вѣрь мнѣ, я ни на мигъ не задумался бы утонуть вмѣстѣ съ нимъ, лишь бы только на свѣтѣ не осталось ни одного влаха [1]); но дѣлается не по нашему, а по Божьему: Богъ хочетъ, чтобы на этомъ свѣтѣ была и влашская, и всякая вѣра.

«Жалкій Гассанъ-бегъ! А у меня прежде тебя были ужъ всѣ улемы съ просьбою не допускать постройки новой Мостарской церкви, что жъ мнѣ теперь съ улемами-то дѣлать?»

— А не господарь ли, не визирь ли ты? Чего жъ тебѣ бояться улемъ и что слушать ихъ? Да если бы ихъ спросили, такъ тебѣ бы никогда не бывать пашею; да и теперь, если бы могли, такъ, повѣрь мнѣ, живаго испекли бы тебя на огнѣ. Развѣ ты не помнишь, сколько зла и горя надѣлали они тебѣ въ Стольцѣ? Попала, господарь, сѣкира въ медъ, такъ и ты облизывай пальцы, а влахамъ все-таки дозволь строить церковь, а улемы пускай говорятъ что угодно.

Смолчалъ паша и ни слова не молвилъ Гассанъ-бегу.

Черезъ нѣсколько дней поднялся онъ съ своею свитою въ кадилукъ Любушскій посмотрѣть Любушскую землю и попробовать, нельзя ли тамъ сѣять сарачинское пшено.

Отъ Мостара Любушко лежитъ въ 6 часахъ, и въ этотъ день паша обѣдалъ у Креина-двора, въ 4-хъ часахъ пути отъ Мостара, въ 2-хъ отъ Любушка. Тутъ написалъ онъ къ владыкѣ Іосифу и съ человѣкомъ своимъ послалъ къ нему письмо такого содержанія: «Отъ меня, непобѣдимаго Али-паши

1) христіанина.

Ризванбеговича, визиря Герцеговинскаго, привѣтъ Іосифу, митрополиту Герцеговинскому. За симъ объявляю тебѣ, вотъ что: такъ какъ у меня теперь пусты руки, то ты скажи Мостарскимъ христіанамъ, чтобъ они, къ моему возвращенію изъ Любушка, приготовили мнѣ 15,000 грошей, [1]) да 2,500 грошей сыну моему Зульфѣ, да немедленно сбирайте рабочихъ и мастеровъ и стройте церковь, только не длиннѣе, не шире и не выше, какъ прежняя была. Не теряйте времени, чтобы довершить постройку къ зимѣ, да письмо это покажите кадію, чтобъ и онъ зналъ, что въ немъ значится. Будьте здоровы.» Съ собою взялъ онъ изъ Румеліи одного мастера, который зналъ толкъ въ сарачинскомъ пшенѣ; они испытали землю и воду въ Любушскомъ полѣ и нашли, что тутъ прекрасно можетъ родиться сарачинское пшено. Вотъ и сталъ Али-паша сѣять его, а смотря на него, стали сѣять и другіе; съ каждымъ годомъ посѣвы умножались, и Любушское поле даетъ теперь въ годъ болѣе 1,000 вьюковъ сарачинскаго пшена. Вотъ что на память по себѣ оставилъ Али-паша, который первый началъ сѣять пшено это въ Герцеговинѣ.

Скоро за тѣмъ вернулся Али-паша въ Мостаръ, и въ то же лѣто начата церковь. Сводъ ея былъ каменный и потому ли, что строили поспѣшно, или потому, что, по недозволенію подымать его выше, сводъ не получилъ должныхъ размѣровъ и оставался не подпертымъ, только онъ обрушился и раздавилъ 2-3 человѣкъ.

Какъ только можно поспѣшнѣе, бѣдные христіане разсчистили его и снова подняли; стала церковь строиться въ 1833 году, а довершилась въ 1835 г. Но въ этотъ разъ ея сводъ сведенъ изъ дерева, а не изъ камня. Въ тотъ же годъ, въ недѣлю Православія, она освящена владыкою Іосифомъ и переименована изъ храма Покрова въ храмъ Рождества Пресвятой Богородицы, по той причинѣ, что въ мѣсяцословѣ Гре-

1) піастровъ

ческомъ нѣтъ Покрова Богородицы. Въ томъ же самомъ году владыка Іосифъ вызвалъ меня изъ монастыря Завалы и троихъ насъ іеромонаховъ: Ананію Периновича, Серафима Шолаю да меня, Іоанникія Памучину, опредѣлилъ къ новой Мостарской церкви. Тогда же (1835 года) Великая церковь (Константинопольская) перемѣстила митрополита нашего изъ Герцеговины въ Волосъ, въ Димитріадскую епархію, а на мѣсто его поставила Прокопія Созуагаѳопольскаго митрополита, съ Чернаго моря. Обо всемъ этомъ см. Сербо-Далматинскій Магазинъ за 1848 годъ.

У Али-паши не было своего дома въ стольномъ городѣ Мостарѣ; вотъ и задумалъ онъ въ этомъ году построить для себя и для женъ своихъ два дома выше крѣпости Мостарской. Въ Мостарѣ помѣстилъ онъ муфтія, Мустафу-эфенди Сарайлича изъ Стольца съ тѣмъ, чтобы пользоваться его совѣтами. Этотъ безпокойный человѣкъ и заклятый врагъ крещенаго народа много надѣлалъ зла у паши Ристѣ Райковичъ, когда ее принуждали насильно потурчиться. Али-паша имѣлъ тогда трехъ маленькихъ сыновей: Зулфикаръ-бега, Ризванъ-бега и Рустанъ-бега. Первыми людьми при немъ были: Ахметъ-эфенди Туркуша, плѣненный въ 1829 году Русскими, Силяфтаръ Волевица Сараевецъ, казначей Аки-бегъ Ресулбеговичъ изъ Требинья, бинъ-баши Ахметъ-ага Пузичъ Стольчанинъ, кавазъ-баши Ибрагимъ Никшичъ, Алилъ-ага Хрло Стольчанинъ, хазна-булюкъ-баши Авдъ-ага Туца Стольчанинъ, Іоаннъ Анджелопуло Грекъ, зять владыки Іосифа, въ должности Сербскаго писца, и еще многіе другіе. Выше упомянулъ я о муфтіи; здѣсь добавлю, каковъ человѣкъ былъ это. Дорогою къ пашѣ онъ всегда проходилъ чрезъ торговые ряды и здѣсь онъ всегда съ умысломъ, конечно, поворачивался къ христіанскимъ лавкамъ да и говорилъ: «селамъ алечь!» [1]) А когда,

---

1) Привѣтствіе, съ которымъ мусульманинъ обращается только къ мусульманину.

бывало, люди замѣтятъ ему: «знаешь ли ты Бога, эфенди, что говоришь такія слова влахамъ?» такъ онъ съ притворнымъ удивленіемъ говаривалъ всегда: «Да могъ ли я думать, что это влахи, а не Турки? Да какъ же это влахи носятъ красныя фески, свѣтлое суконное и шелковое платье да еще богаче, нежели сами Турки?»

И много разъ онъ выдѣлывалъ такія проказы, наконецъ засѣлъ дома и не пошелъ къ пашѣ. Тотъ, конечно, весьма удивился, что его обыкновенный посѣтитель, муфтій, нейдетъ къ нему, да и послалъ нарочнаго звать его. Муфтій одѣлся и прошелъ нагорною частію города, да такъ, задыхаясь отъ усталости, и сталъ передъ пашею.

«Что это ты, муфтій-эфенди, такъ тяжко дышишь?» спросилъ паша.

— Да я шелъ верхнею стороною, господарь, оттого и усталъ.

«А зачѣмъ же ты шелъ тамъ?»

— Гдѣ жь иначе-то пройдти?

«Какъ гдѣ? Отъ чего жъ ты не шелъ черезъ чаршію [1]), гдѣ всѣ ходятъ?».

— Да мнѣ легче сломить ногу, чѣмъ идти черезъ эту чаршію! ногу-то еще можно бы кое-какъ поправить; а тутъ я, рожденный въ Турецкой вѣрѣ, долженъ дорогою черезъ чаршію говорить влахамъ, по Турецкому обычаю, — селамъ алечь!.... [2])

«За чѣмъ же ты это дѣлаешь? Что, ты ужъ не помѣшался ли?»

— А какъ бы мнѣ не сказать этого, если влахи носятъ по нашему красныя фески и одѣты гораздо наряднѣе, чѣмъ

1) Торговую часть города.

2) Селамъ-алечь, значитъ Божій миръ. Турецкая вѣра никакъ не дозволяетъ говорить этого привѣта христіанину.

Турки? Какъ я разгадаю, кто влахъ [1]) и кто Турокъ?.... Скажу тебѣ, что если ты не перемѣнишь этого, такъ и не жди меня: я не пойду черезъ чаршію, да и къ тебѣ ходить перестану. Ты былъ еще агою въ Стольцѣ, когда я сдѣлался въ Стамбулѣ муфтіемъ. По прибытіи въ Мостаръ, я тотъ же часъ снялъ съ влаховъ красныя фески и изъ шелковаго платья переодѣлъ ихъ въ черное суконное, а на головѣ приказалъ носить черныя мѣховыя шапки, какъ это водится у Болгаръ, и какъ слѣдуетъ ходить влахамъ. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, влахи?.... Псы, да еще хуже, чѣмъ псы! Имъ давай только вдоволь жрать, да вели слушаться нашего брата Турка. Влаху нужно подпоясываться лыкомъ, чтобы, когда онъ закашляется, лыко разрывалося, чтобы онъ ни на минутку небылъ спокоенъ. И все это я хотѣлъ сдѣлать, да и сдѣлалъ бы въ Мостарѣ; но влахи, подкупивши пьяницъ-мошенниковъ Турецкихъ, бросились на меня и чуть-чуть меня не убили. Вотъ въ то время и бѣжалъ я изъ Мостара въ Столацъ. Теперь, какъ визирь всей Герцеговины, ты можешь окончить, что начато въ Мостарѣ мною.

«Потерпи, потерпи крошечку, муфтій-эфенди! отвѣчалъ Али-паша. Не на ту ногу, какъ ты думаешь, а иначе хочу я поставить дѣло. Влахи, кто если можетъ, пусть все носятъ на себѣ: и шелкъ, и бархатъ, бисеръ, золото и дорогіе камни, — пусть себѣ носятъ! На влаховъ нужно глядѣть сквозь пальцы, и держать какъ дойную корову, такъ они сами не рады будутъ своему великолѣпному платью. Знаешь ли ты, эфенди, каковъ у меня обычай? Пока я живъвсе, будетъ у меня: ружья будутъ стрѣлять, молотки будутъ постукивать, я буду строить себѣ дворцы, а ты смотри только, какъ я улажу и устрою все это.» Въ такомъ же духѣ неоднократно говорили съ нимъ его приближенные, жалуясь ему на богатую одежду влаховъ, и всѣмъ имъ былъ такой же отвѣтъ, какъ и муфтію.

И вскорѣ онъ распорядился такъ: строго-на-строго прика-

1) Христіанинъ.

залъ онъ, чтобы всѣ Мостарскіе христіане, торговцы и ремесленники, чтобы всѣ работали, носили бы на плечахъ камни, песокъ, известь, бревна, словомъ все, что требовалось для его построекъ. Это пригонялъ онъ особенно къ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, когда люди одѣвались наряднѣе обыкновеннаго, и особенно, когда они выходили прямо изъ церкви. Тутъ поджидали ихъ кавазы Али-паши и грозно повелѣвали таскать цѣлый день камни; на зло, — чтобъ христіане пачкали и драли свою богатую одежду. Пока онъ достроилъ свой дворецъ и другія огромныя зданія, ни одинъ торговецъ или богатый человѣкъ не смѣлъ заплатить бѣдняку, чтобы тотъ отбылъ за него работу; нѣтъ, нужно было, чтобы каждый работалъ самъ за себя. Ужъ послѣ было установлено, чтобы каждый день, и зимой, и лѣтомъ, христіане Мостарскіе посылали къ нему, разумѣется, — за свои деньги, — 20 или 30 работниковъ. Такъ и велось до самой смерти его. Если какой-нибудь вельможа Турецкій, бывало, спроситъ у него: за что это, господарь, ты такъ мучишь Мостарскихъ раій, которые всегда были самыми преданными тебѣ, и которые дожидались тебя, какъ полузамерзнувшій ждетъ яснаго солнышка? такъ онъ отвѣчалъ всегда: «*Андасани*, вѣра и Богъ! да я и самъ твердо знаю, что Мостарская раія безусловно вѣрна мнѣ, и что подобной раіи нѣтъ у царя; да вѣдь Турку не слѣдуетъ быть добрымъ съ влахомъ: влахи клянутъ добраго Турка, а не злаго, когда говорятъ: дай Богъ, чтобы наилучшаго Турка громъ убилъ! Вотъ я и не хочу быть съ ними добрымъ, чтобъ не проклинали меня.»

Если христіане несутъ, бывало, черезъ чаршію какое-нибудь бревно для его постройки, такъ Мостарскіе Турки непремѣнно пойдутъ за ними слѣдомъ и кричатъ: «Это, что-ли, дерево отъ честнаго креста Али-паши и Гассанъ-бега, когда они покрикивали вамъ: ударьте, раія, на Турокъ за честный крестъ? какъ оно вамъ кажется, тяжело?»

Когда Али-паша прибылъ въ Герцеговину, онъ утвердилъ по отдѣльнымъ округамъ старыхъ муселимовъ или назначилъ новыхъ, изъ людей, на которыхъ онъ могъ разсчитывать и которые всегда были готовы за одно съ нимъ стоять за новыя царскія распоряженія. Это были: Гассанъ-бегъ Ресульбеговичъ въ Требиньѣ, Измаилъ-ага Ченгичъ въ Гацкѣ, Башъ-ага Реджепашичъ въ Невесинѣ, Зулфикаръ-паша и Милевина-Ченгичъ въ Фочѣ, братъ его Алиль-ага въ Стольцѣ и въ Любушкѣ Любушскій капетанъ.

У него въ то время была только одна жена Стольчанка, которая родила ему всѣхъ трехъ сыновей.

По мерзкому и гнусному обычаю Содомскому, всѣ Турецкіе вельможи держали при себѣ мальчиковъ; Али-паша не только что самъ не дѣлалъ этого, но даже и въ другихъ гнушался подобнымъ дѣломъ. Онъ поручилъ въ Стамбулѣ купить 7 дѣвушекъ-рабынь, одну изъ нихъ далъ старшему сыну, Зулфикаръбегу, котораго сдѣлалъ миралаемъ (полковникомъ), другую — младшему, Рустанъ-бегу, а прочихъ 5 оставилъ для себя, что вмѣстѣ съ его настоящею прежнею составило 6 женъ: средняго же сына, Ризванбега, женилъ на дочери Башъ-аги, муселима Невесиньскаго.

Усмиривши Сараево и всю Боснію, Махмудъ-паша выдвинулъ оттуда свой низамъ и возвратился на свое прежнее мѣсто, а въ Боснію прибылъ на визирство Давудъ-паша. Въ началѣ слѣдующаго года у Али-паши разболѣлась нога; отовсюду съѣзжались къ нему многіе лѣкаря, только ни одинъ изъ нихъ не помогъ пашѣ; наконецъ ужъ вылѣчилъ его одинъ поселянинъ Герцеговинскій изъ Рудинъ, Николай Радмиловичъ, но все-таки паша остался хромымъ на всю жизнь.—Еще въ началѣ своего властвованія Али-паша задумалъ истребить всѣхъ разбойниковъ и ускоковъ по Герцеговинѣ, чтобы всякій могъ ѣздеть свободно по дорогамъ безъ боязни. Для этого отправилъ онъ кавазъбашу Ибрахима Сарайлію, родомъ изъ Никшичей, страшнаго

кровопійцу. Тотъ перебралъ всю Герцеговину, повѣсилъ 12, ни въ чемъ не виновныхъ, христіанъ въ Загорьѣ (Фочинскаго кадилука), въ Фочѣ среди чаршіи разсѣкъ по-поламъ безвиннаго торговца Григорія Зеца, да еще одного христіанина живаго наткнулъ на колъ между христіанскими домами. Точно также поступилъ онъ въ каждомъ кадилукѣ Герцеговинскомъ, то вѣшалъ, то рубилъ по 10 — 12, все невинныхъ христіанъ, а потомъ, возвращаясь въ Мостаръ, онъ захватилъ съ собою изъ кадилука Невесиньскаго, изъ села Рогачи, 8 домохозяевъ, тоже христіанъ, совершенно правыхъ, да по приказу Али-паши и зарѣзалъ ихъ всѣхъ, какъ воловъ, въ Мостарской чаршіи, передъ христіанскими лавками. Здѣсь кстати примолвить, что въ 17 лѣтъ управленія Герцеговиною, Али-паша погубилъ болѣе 1000 человѣкъ невинныхъ христіанъ обѣихъ церквей (Восточной и Западной), и совершенно ни за что. Этихъ невинныхъ убивалъ онъ, потому что не могъ переловить ускоковъ и грабителей, которые, испугавшись его преслѣдованій, всѣ разбѣжались за предѣлы Австрійскіе и Черногорскіе. И если кто нибудь изъ Турокъ говорилъ ему, изъ ненависти къ христіанину: «Господарь, вотъ такой-то и такой-то влахъ замѣчается въ грабительствѣ, или укралъ вола, козу, или овцу», — такъ онъ тотъ же часъ призывалъ его въ Мостаръ, и здѣсь, безъ всякаго допроса и суда, снималъ съ несчастнаго голову, и это всякій разъ въ чаршіи, предъ лавками христіанъ. Все это дѣлалъ онъ для того, чтобы христіане дрожали отъ страха и не чуяли бы души въ себѣ. Христіанъ между ихъ же собственными домами онъ сажалъ на колъ, вѣшалъ, рубилъ имъ головы и разстрѣливалъ ихъ. А что еще хуже, по 2—3 дня не дозволялось хоронить мертваго; да и по истеченіи этого срока мѣстные жители должны были дарить кавазъ-башѣ по 10—20 окъ кофе и тогда только получали право хоронить полусгнившее тѣло; а бывало, что мертваго на половину съѣдали собаки.

Правда, что всѣ дороги по Герцеговинѣ очистились тогда отъ грабительства, и всякій мирно проходилъ по нимъ, но зато нельзя было пройти спокойно отъ самихъ людей Али-паши, которые бродили по всей Герцеговинѣ и дѣлали христіанамъ всевозможное зло, а больше всѣхъ самъ кровожадный кавазъ-баши, который безъ всякаго суда и расправы, даже безъ вѣдома паши, перебилъ собственною рукою множество христіанъ. При одномъ имени его трепетали всѣ Герцеговинскіе раіи и когда слышали о его приближеніи, убѣгали въ горы; по этому же самому многіе почтенные христіане, покинувши все свое добро, обращались въ ускоковъ, изъ людей становились нелюдьми.

Одинъ изъ нашихъ прихожанъ, Іоаннъ Пиштало, жившій волости Бѣлопольской въ селѣ Желюшѣ, отъ Мостара на сѣверъ въ 2 часахъ, имѣлъ свою гору (планину) и землю между Земалемъ и Кулою, которая стоила 200,000 грошей и прозывалась Чичава. Разъ какъ-то призываетъ его къ себѣ кавазъ-баши и, бросивъ передъ нимъ 20 цесарскихъ дукатовъ, говоритъ: «Возьми-ка эти 20 дукатовъ себѣ, а мнѣ уступи твою Чичаву, а то я перерѣжу всѣхъ васъ, — тебя, влахъ, и всю твою челядь. Такъ вы можете убираться, а земля будетъ моею». Какъ увидѣлъ Пиштало, что кровопійцѣ хочется добраться до жизни его самого и его домашнихъ, такъ и пикнуть не посмѣлъ; молча нагнулся, подобралъ разсыпанные дукаты да и поклонился ему своей землею. Точно также въ самомъ Бѣлополѣ, въ деревнѣ Равни, отнялъ онъ у 10 христіанскихъ домовъ рода Лойпура всю имъ принадлежавшую землю, и у братьевъ Ристы Райковичъ также отнялъ землю, находившуюся при селѣ Ясенянахъ, и у многихъ другихъ христіанъ отнималъ пожитки и землю, да и съ Турками Герцеговинскими поступалъ онъ не лучше. Жаловались на него Али-пашѣ, но тотъ не захотѣлъ и вмѣшиваться въ дѣла кавазъ-баши.

Когда Али-паша болѣлъ еще ногою, къ нему писалъ Давудъ-паша, визирь Боснійскій, прося повидаться съ нимъ въ

Коньицѣ, на границѣ Босніи и Герцеговины; но какъ больной Али-паша не могъ туда отправиться, то Давудъ-паша самъ пріѣхалъ къ нему въ Мостаръ и говорилъ, что слѣдуетъ ввести танзиматъ и нуфусъ въ Герцеговинѣ и въ Босніи; на это Али-паша отвѣчалъ такъ: «*Андасани*, душа моя, все это я знаю также, какъ и ты; мнѣ вѣдомо, чего желаетъ честитый девлетъ (правительство), но знаешь ли ты, что я погубилъ много братьи нашей Турокъ, въ битвахъ съ ними подъ Стольцемъ и по Невесиню, а все, вѣдь, за честитаго царя. Теперь я не беру ничего ни съ одного Турка въ Герцеговинѣ; а между-тѣмъ всѣ негодуютъ на меня; что жъ, еслибъ я заговорилъ имъ о томъ, что предлагаешь ты? Тогда непремѣнно вспыхнетъ бунтъ. Это — пока одно, а вотъ тебѣ еще другое. Самъ ты вѣдаешь, что и Боснію, и Герцеговину кругомъ осѣло гяурство, враждующее противъ нашей вѣры: съ двухъ сторонъ— гяуры-Нѣмцы, съ третьей этотъ свинопасъ изъ Сербіи Милошъ Рапъ [1]), а съ четвертой опять папазъ (попъ) Карадагъ [2]). Эта послѣдняя пара усердно хлопочетъ, какъ бы захватить въ свои когти Боснію и Герцеговину. Объ этомъ слѣдуетъ намъ отписать правительству и подробно разсказать, какъ и что, да я и ты пошлемъ-ка туда, въ Стамбулъ, по 500,000 грошей (чтобъ ихъ чортъ побралъ!). Этимъ засыплемъ зіяющую предъ нами пропасть и на какой-нибудь годикъ задобримъ ихъ».

Давудъ-паша, видя, что у Али-паши мало можно успѣть, возвратился въ Боснію и отписалъ, что самъ не можетъ ничего сдѣлать въ Босніи; за это, конечно, его отозвали оттуда, а на его мѣсто назначили Веджидъ-пашу визиремъ. Что жъ до Али-паши, такъ онъ не только не исполнилъ царскаго повелѣнія, но еще совершенно нарушилъ все, что обѣщалъ народу при первомъ свиданіи по пріѣздѣ. Точно также поступилъ онъ и съ верховными муселимами, которымъ сначала далъ было

1) Милошъ Обреновичъ.

2) Петръ, владыка Черногорскій.

дружески руку въ томъ, что хочетъ владѣть за-одно съ ними, а потомъ и сталъ забирать къ себѣ всю ихъ власть. Требинецъ Гассанъ-бегъ и Измаилъ-ага Ченгичъ Гацкій, видя его самовластіе и то, что онъ поступаетъ со всякимъ, какъ ему угодно, мучитъ и разгоняетъ царскихъ раій, стали ковать на него сѣти, чтобы какъ нибудь низвергнуть его. Прежде всего написали они письмо, приложили къ нему печати монастырей и, за подписью многихъ кнезовъ и поглаварей, отправили его съ однимъ православнымъ Фочаниномъ, Джокомъ Соколовичемъ, къ патріарху Цареградскому, чтобы онъ похлопоталъ какъ нибудь передъ Султаномъ объ удаленіи Али-паши изъ Герцеговины. Патріархъ получилъ это письмо, но замѣтилъ, что на немъ нѣтъ ни печати, ни подписи митрополита Герцеговинскаго. Вмѣсто Іосифа, какъ сказано выше, поставленъ Созуагаѳопольскій митрополитъ Прокопій, 1837 года 11 февраля. Въ декабрѣ того же года патріархъ (Григорій) послалъ митрополита Прокопія въ заточеніе, а на его мѣсто благословилъ митрополитомъ Герцеговинскимъ Авксентія Петровича Болгарина, бывшаго тогда епископомъ Діопольскимъ при Костендильскомъ митрополитѣ. Авксентій прибылъ изъ Царяграда въ Мостаръ 1-го Апрѣля 1838 года (см. Сербо-Далматинскій Магазинъ за 1848 годъ.) Патріархъ доставилъ митрополиту полученное изъ Герцеговины письмо и спросилъ, — правда-ли то, что въ немъ говорится? а если правда, — почему не приложилъ онъ своей печати и не подписался? Авксентій отвѣчалъ, что все въ письмѣ — ложь, что Али-паша человѣкъ правдивый, и что все это наговорено на него сплетниками и бунтовщиками. Патріархъ и послалъ это письмо изъ Стамбула прямо къ Али-пашѣ. Паша хоть и прочиталъ его, однако не смѣлъ ничего сдѣлать ни Гассанъ-бегу, ни Измаилъ-агѣ, потому что они вовсе не боялись его; зато сталъ онъ грозить смертною казнію игуменамъ монастырей. Завальскій игуменъ, Исаія Шовичъ, въ слѣдствіе такихъ угрозъ, до того перепугался, что заболѣлъ, а наконецъ и умеръ. Ду-

жинскаго игумна и старцевъ его Гассанъ-бегъ всячески ободрялъ ничего не бояться со стороны Али-паши, обѣщая что, если Али-паша нагрянетъ на нихъ, то онъ соберетъ христіанъ и Турокъ со всего Требинья, помѣряется съ пашею и отстоитъ монаховъ съ ихъ монастыремъ. Паша хорошо зналъ, что это такъ бы и сталося, а потому не сдѣлалъ шагу изъ Мостара, да къ тому же онъ былъ увѣренъ, что затѣй онъ только войну съ кѣмъ-нибудь, такъ противъ него сейчасъ возстанетъ вся Герцеговина.

Въ монастырѣ Дужахъ одинъ только и былъ хорошій колоколъ, и висѣлъ онъ на дворѣ монастырскомъ, на миндальномъ деревѣ; по наговору своего племянника казначея Акибега Ресулбеговича Требиньскаго (онъ теперь мудиромъ въ Требиньѣ), паша написалъ игумену Дужскому такъ: «Отъ меня, непобѣдимаго Али-паша Ризванбеговича, визиря Герцеговинскаго, къ тебѣ, игуменъ Парѳеній Петровичъ, и ко всѣмъ твоимъ калугерамъ, въ монастырь Дужи. Колоколъ, что виситъ у васъ на дворѣ, внести немедленно въ церковь, потому что Турецкая вѣра не дозволяетъ слушать колокольнаго звона. Въ случаѣ ослушанія, пошлю моего миралая съ 300 всадниковъ, и вы всѣ будете побиты, а монастырь сравняется съ землею.» Перепугались старцы, прочитавши такія угрозы, и внесли свой колоколъ со двора въ церковь. Тамъ онъ и до сихъ поръ.

Много земли по Бунѣ отнялъ Али-паша и у Турокъ; инымъ онъ еще заплатилъ кое-что, а другимъ такъ не далъ ровно ничего. Тутъ построилъ онъ лѣтніе увеселительные дворцы. Въ Стольцѣ молнія ударила въ пороховой магазинъ, и большая часть крѣпости, и множество домовъ взлетѣли на воздухъ. Паша возобновилъ крѣпость и увеличилъ ее вдвое въ длину и ширину. Ниже крѣпости, въ полѣ, на рѣкѣ Брегавѣ, началъ тоже строить огромные дома; но ему не удалось докончить ихъ; они, по смерти его, покривились, да такъ и теперь стоятъ. По Габеллѣ, Невесиню и по другимъ мѣстамъ онъ также отнималъ

нивы, сѣнокосы, огороды, водяныя мельницы; словомъ, — все, что попадалось на глаза и нравилось ему, чтобы все это было его. И вездѣ, по такимъ отнятымъ мѣстамъ онъ строилъ башни и другія зданія, и все это дѣлалось съ мученіями народа. Изо всей Герцеговины мужчины, женщины, дѣти, кони, волы и ослы, все это работало на него и на своей шеѣ носило тяжести страшныя. Нравился ль ему чей-нибудь конь, или корова, — отдавай ему; онъ присвоивалъ нравящееся себѣ и ежегодно бралъ съ каждой овчарни по овцѣ, да кромѣ того сыру, масла и т. под.

Выше всякаго терпѣнія, выше мѣры притѣснялъ онъ какими только могъ насиліями, не однихъ христіанъ, но даже и своихъ Турокъ, каждый молилъ Бога о его смерти, не было никого, кто бы отъ всей души не желалъ ему наилютѣйшихъ золъ. Еще разъ, въ 1837 году, забунтовала было раія Прѣпольская, выведенная изъ терпѣнія насиліемъ и неправдами муселима Прѣпольскаго и людей самого паши, 5 — 6 человѣкъ отправились въ Стамбулъ плакаться передъ Султаномъ на Али-пашу; но онъ, какъ скоро узналъ объ этомъ, въ ту жъ минуту написалъ Боснійскому визирю, чтобы онъ отрядилъ нѣсколькихъ татаръ отрѣзать посланнымъ дорогу въ Румелію, перевязать ихъ и вернуть назадъ. И Веджидъ-паша не замедлилъ исполненіемъ: онъ послалъ татаръ, и тѣ схватили пословъ, перевязали ихъ да и привели въ Травникъ; отсюда препроводили ихъ въ Мостаръ къ Али-пашѣ, а онъ бросилъ ихъ въ темницу, гдѣ скованные просидѣли они около года. Двое не вынесли неволи и умерли, остальныхъ четверыхъ выкупили пріятели раіи Прѣпольскіе.

Между четверыми, пережившими неволю, былъ одинъ *кнезъ* (старшина), по имени Юрій, мастеръ хорошо говорить. Вотъ по выходѣ ихъ изъ тюрьмы, этого Юрія паша и призвалъ къ себѣ, да и сталъ спрашивать:

«Скажи-ка ты мнѣ, куда это вы снарядились и было отправились? кому и на кого вы хотѣли жаловаться?»

— Не по легкомыслію пошли было мы, господарь, видитъ Богъ, — даже и не по злобѣ. Нѣтъ, мы хотѣли передъ честнымъ царемъ выплакать муки наши и неволю, которую терпимъ отъ неправдъ и насилія, что творятся съ нами.

«А кто дѣлаетъ вамъ насиліе?»

— Богу извѣстно, господарь, — муселимъ, кади и всѣ люди твои, которые только приходятъ къ намъ.

«Ну, а почему же вы не пришли прямо ко мнѣ, въ Мостаръ, и не разсказали всего, какъ слѣдовало? Я бы казнилъ притѣснителей и немедленно сдѣлалъ бы все, что было для васъ нужно.»

— По милости людей твоихъ, господарь, мы не смѣли и думать пройти въ тебѣ, потому что всякій изъ людей твоихъ безпрестанно твердитъ; я самъ тебѣ, влахъ, и царь и визирь. Да если всѣ Турки будутъ царями и визирями, такъ служить-то имъ кто же будетъ? И что послѣ этого будетъ съ нами, бѣдными раіями?

«Да такъ и должно, чтобы всякаго изъ людей моихъ вы почитали, какъ меня самого и что они потребуютъ отъ васъ, то вы и должны давать. При мнѣ нѣтъ ни одного, кто бы не проливалъ собственной крови; вотъ почему я и говорю: что бы они ни приказали, вы должны слушаться и дѣлать все, по ихъ волѣ; а иначе, если Турокъ застрѣлитъ или зарѣжетъ тебя, кто тогда поможетъ? Съѣлъ волкъ осленка, и дѣлу конецъ.»

— Да что жъ это, господарь? Неужели въ Божьемъ законѣ такъ и повелѣно поступать съ царскими раіями?

«Никогда не говори, несчастный, чтобъ тебя судили по закону Божію! Да полно знаешь ли ты, что говорится въ законѣ-то? Вотъ, вѣдь, какъ законъ говоритъ объ васъ, влахахъ: со всякаго влаха слѣдуетъ брать ежегодно по 9 драхмъ

чистаго серебра въ царскую казну, да еще не просто, — пришелъ и взялъ; нѣтъ! нужно схватить его за шапку да ударить трижды о-земь и сказать: подай харачъ! а при этомъ въ глаза ему поносить крестъ. Пусть влахъ вѣрно служитъ 99 лѣтъ Турку: да и тогда слѣдуетъ убить его, чтобъ не дать умереть своею смертію. Влахамъ не нужно ничего другаго, кромѣ только того, чтобъ они не голодали; они должны ходить наги и босы, какъ ослы, работать на всѣхъ Турокъ, и повиноваться имъ. Вотъ что говорится объ васъ въ законѣ; но мы, Турки, по нашему нраву очень добры съ вами и въ этомъ отступаемъ отъ закона: мы много позволяемъ вамъ и почти поровняли васъ съ собою.»

— Изъ твоихъ словъ, господарь, видно, что для насъ нѣтъ никакой правды, такъ ужъ лучше бы умереть, нежели жить на этомъ свѣтѣ!

«Андасани! вѣра и Богъ! Да я нисколько не желаю этого. Довольно есть у васъ дѣла; бѣгайте зла, не кутите и не мутите, а идите-ка по домамъ да позаботьтесь о своихъ обязанностяхъ. Скоро, дастъ Богъ, настанетъ и Юрьевъ день; вотъ вамъ и откроются тогда 4 амбара (житницы), т. е., зазеленѣетъ трава, отелится корова, окотится овца, и принесетъ коза приплодъ: вотъ вамъ 4 амбара [1]). Пашите, любезный мой, копайте, и будетъ вдосталь жита. Пасите и разводите скотину, и много будетъ молока, сыру и масла; всего Богъ пошлетъ изобильно: можете дать царю царево, мнѣ мое, всякому свое, да и вамъ еще довольно будетъ въ остаткѣ-то. Почаще ходите въ монастырь, къ этимъ калугерамъ, исповѣдывайтесь, молитесь Богу и записывайте монастырю ваши

1) По-Сербски эта поговорка звучитъ такъ: «прорастиће трава—жара, отелиће се крава, обаниће се овца—гара, а окозиће се коза—бара: это вамъ четири амбара.»

парусіи и *сарандари* [1]) на всегдашнюю поминку вашу, и все будетъ прекрасно. Ну, а теперь, въ добрый часъ, идите-ка домой!»

II.

Въ Босніи, близъ города Высокаго, есть одно мѣсто, называемое *Оглавакъ*. За нѣсколько времени передъ этимъ, здѣсь земледѣльцы, воздѣлывая поле, вырыли плугомъ человѣческую голову, на которой осталось еще нѣсколько волосъ. Турки взяли эту голову и признали ее головою своего святаго.

Послѣ того пришелъ туда нѣкто шейхъ Сѣкирица, Боснякъ. Онъ установилъ святому поминовеніе; самъ поселился тутъ же, настроилъ огромныхъ домовъ, собралъ около себя множество дервишей, заложилъ обширную обитель (текію) и провозгласилъ себя святымъ и величайшимъ шейхомъ во всей Туречинѣ. Это смутило Азіатскихъ дервишей, и многіе изъ нихъ спѣшили въ Боснію — посмотрѣть на новаго пророка, и какъ можно усерднѣе постараться — низложить его, чтобы онъ не мѣшалъ ихъ дѣлу въ Босніи, отъ которой они получали огромные доходы. Долго они тягались съ нимъ о догматахъ, однакожъ онъ таки пересилилъ ихъ наконецъ, заставилъ ихъ умолкнуть передъ своею мудростью, и они же всѣ въ послѣдствіи признали его за новоявленнаго святаго.

Разными хитростями Сѣкирица склонилъ на свою сторону Али-пашу, который каждый годъ отправлялъ къ нему богатые дары: множество коровъ, воловъ, прекрасныхъ коней, рослыхъ кобылицъ, длинношерстныхъ овецъ, большой запасъ масла и сарачинскаго пшена, да къ этому прибавлялъ еще и огородныхъ произвединій: дынь, арбузовъ, огурцовъ, сладкихъ

1) *Парусія* — слово, заимствованное у Греческихъ монастырей. По-Сербски оно значитъ пришествіе: приходятъ въ монастырь и записываются на вѣчный поминъ. Въ Герцеговинѣ платятъ за это въ настоящее время 1 цесар. дукатъ. *Сарандаръ*—тоже Греческое слово, по-Сербски сорокоустъ, т. е. поминъ 40 дней. Это стоитъ 5 грошей.

яблоковъ, винограду, смоквъ и. т. под. У Сѣкирицы, какъ и у прочихъ Турокъ, были жены и дѣти; его землю, какъ будто у какого нибудь бега, обработывали его собственные *кметы;* много было у него скота: овецъ, козъ, воловъ, коровъ, коней, кобылицъ и пр. Дервиши орали и копали его землю, жали и молотили хлѣбъ, возили сѣно, рубили и носили дрова и стерегли скотину. Сыновья Али-паши и другіе беги Босніи и Герцеговины ежегодно лѣтомъ, словно къ маленькой *каабѣ*, ходили на поклоненье и послуженье ему. Всѣмъ имъ умѣлъ онъ заслѣпить глаза и для всѣхъ приходящихъ установилъ такой строгій законъ: паша ли, бегъ ли, кто былъ ему великимъ пріятелемъ, если пришелъ па поклонъ къ нему, долженъ дать своего коня на гумно, а самъ поклонникъ вилами и граблями перебирай жито, солому, сѣно и руби дрова. Жены Али-паши тоже каждой годъ ходили къ нему на поклоненіе, а раіи Мостарскаго и Коньицкаго округовъ, горожане и поселяне, носили его на носилкахъ; передъ нимъ шли всегда кавазы, и, если кто изъ носильщиковъ нечаянно поскользнется, оступится или колыхнетъ носилками,—бѣда: кавазъ безпощадно приколотитъ его палкою по головѣ, словно скотину, да приколотитъ такъ, что у бѣдняка глаза чуть не выскочатъ изъ головы. Многіе такимъ образомъ были избиты, изувѣчены, а многіе тутъ же падали мертвыми. Турки скрываютъ женъ своихъ отъ пріятелей и отъ родственниковъ; Али-паша, напротивъ, не только не пряталъ ихъ отъ Сѣкирицы, но желалъ даже, чтобы онъ оставался съ ними день и ночь, когда или ему случалось бывать въ Мостарѣ, или когда жены паши ходили къ нему, въ Боснію. Навѣщая Али-пашу въ Мостарѣ, Сѣкирица очень часто проходилъ черезъ торговую площадь, и все чмокалъ губами, словно что жевалъ. Во время его прохода, всѣ торговцы и лавочники, Турки и христіане,—всѣ должны были вскакивать на ноги, а онъ не обращая ни на кого вниманія, ни кого не привѣтствуя,—наклонивъ голову, и шепча что-то про себя, проходилъ своею дорогою.

Сѣкирица, какъ сказано, склонилъ на свою сторону Али-пашу, и *подервишился* самъ паша, и его сыновья, и всѣ жены его, и слуги. И когда Сѣкирица навѣщалъ пашу, то все въ домѣ Али-паши гукало и вопило цѣлую ночь, какъ будто бы выли волки. Каждый разъ паша надѣлялъ его наилучшею шелковою одеждою для него самого и для его дѣтей, одарялъ деньгами и такимъ образомъ съ великимъ почетомъ провожалъ его. Мостарскій муфтій и всѣ улемы гнушались Сѣкирицею и называли его еретикомъ и лжецомъ, говоря, что всѣ дѣянія его не по Корану, и что все его ученіе ничего не стоитъ.

Какъ сдѣлался дервишемъ Али-паша, то и повалили къ нему со всѣхъ сторонъ толпы дервишей во всевозможныхъ видахъ; собирались къ нему тоже и невѣжественные Турки, въ видѣ юродивыхъ, изо всей Герцеговины. Главнѣйшимъ изъ послѣднихъ считался Рамо Тарлаганъ Стольчанинъ. Этотъ юродивый безпощадно бивалъ на площадяхъ людей палкою и камнями и при его приближеніи всѣ разсыпались въ разныя стороны. Появился и другой, такой-же полоумный, Далматинецъ, Латынинъ [1]) Юрій Качичъ, прозванный Ванко. Этотъ натолковалъ про себя пашѣ, какой-де онъ искуснѣйшій врачь, и паша держалъ его при себѣ какъ лучшаго доктора до самой смерти, а онъ между тѣмъ нисколько не былъ лѣкаремъ, — просто дуракъ и обманщикъ. И онъ, шатаясь по улицамъ, точно также, какъ и Тарлаганъ, билъ христіанъ то камнями, то палкой, поносилъ папу, епископа и братство католическое, поносилъ владыку, монаховъ и вообще всѣхъ христіанъ, особливо же нашихъ православныхъ, ругая ихъ именемъ собакъ. Паша выдалъ ему буйрунтію [2]), которая ставила его муселимомъ надъ всѣми христіанами Мостара, и кромѣ того облекъ его правомъ убивать и безглавить любаго *влаха*. Да и дѣйствительно, — надѣлалъ же зла этотъ Юрій бѣднымъ христіанамъ!...

1) Католикъ.

2) Приказъ.

Но объ этомъ послѣ... И такъ, вотъ какими людьми окружилъ себя паша для своего удовольствія. И сталъ паша тѣснить всѣхъ и каждаго, да совершенно самосбродно. У законныхъ владѣльцевъ по р. Бунѣ отнималъ земли, разводилъ на нихъ виноградъ, маслины, тутовыя деревья и другія растенія, да кромѣ того повсемѣстно строилъ зданія, и все руками бѣдныхъ жителей, а царскія приказанія оставлялъ безъ всякаго вниманія, и только что подкупалъ большими деньгами вельможъ Цареградскихъ. Не разъ напоминалъ ему Веджидъ-паша объ окончательномъ исполненіи царскихъ приказовъ; ходила молва, будто Али-паша тайно подсылалъ въ Боснію возмутителей, чтобы побудить Сараевцевъ и Краинцевъ къ возстанію противу Веджидъ-паши, а черезъ это умышлялъ онъ протянуть еще годикъ безъ устройства низама, безъ нуфуса и танзимата. Въ это время вспыхнулъ мятежъ въ Сараевѣ, подъ начальствомъ нѣкоего Гloджо-эфенди; все Сараево взялось за оружіе, и немедленно двинуло войско подъ начальствомъ Сараевца Туранъ-бега, того самаго Туранъ-бега, который въ 1831 г. потерпѣлъ на Брнцѣ отъ Герцеговинцевъ. Туранъ-бегъ пошелъ на Травникъ, противъ Веджидъ-паши, а эфенди Глоджо съ Сараевцами написали въ Краину, къ Алію Кедичу, чтобы и онъ съ Краинцами поспѣшилъ къ Травнику съ другой стороны. Еще во-время узналъ объ этомъ Веджидъ-паша, набралъ войско, запасся пушками и двинулся на Сараевцевъ къ Бусовачѣ, отъ Травника въ 3—4 часахъ. Яростно ударилъ на него Туранъ-бегъ, но онъ встрѣтилъ его пушечнымъ огнемъ и разстроилъ ряды противниковъ; конница его бросилась на враговъ, множество перебила, многихъ живьемъ захватила въ плѣнъ, и въ числѣ ихъ самого Туранъ-бега. Его привели къ пашѣ, и тотъ сказалъ: «Бунтливая ты голова! царскій ты измѣнникъ! все зло, что ты до сихъ поръ надѣлалъ, пусть падетъ на твою душу, а что ты сдѣлаешь съ этихъ поръ, пусть ужъ будетъ на моей.» Сказавши это, онъ выхватилъ пистолетъ

и застрѣлилъ въ шатрѣ своемъ Туранъ-бега. Какъ дошла вѣсть объ этомъ до Алія Кедича и до Краинцевъ, такъ они не посмѣли двинуться съ мѣста, Сараевцы разбѣжались, а Веджидъ-паша, прибавя къ своему еще войска, укрѣпилъ Травникъ и направился къ Сараеву съ желаніемъ хорошенько перебрать Сараевцевъ и узнать, гдѣ залегъ волкъ, а гдѣ лисица.

Въ слѣдъ за тѣмъ Глоджо-эфенди съ нѣкоторыми начальниками бѣжалъ было сначала на Буну, къ Али-пашѣ; но такъ какъ тотъ не хотѣлъ держать его при себѣ, то онъ убѣжалъ въ Дубровникъ.

Тутъ кстати взглянуть на отношенія Али-паши къ Черногорцамъ. Ставши правителемъ Герцеговины, паша тотчасъ же сталъ притѣснять раій и тяжелымъ гнетомъ налегъ на каждаго. Слыша про это, пограничныя съ Черногоріею области, жупа Никшичская, Грахово, Зубцы, Дробняки и Шаранцы не разъ отпадали отъ него, страшася бѣдъ и мученій. Многіе, унося жизнь, бѣжали изъ Герцеговины; паша повелѣлъ воинамъ своимъ хватать беглецовъ, рубить ихъ головы и доставлять ему, а онъ обставливалъ ими Мостарскую крѣпость. Онъ установилъ на этотъ счетъ правило: всякаго, кто доставитъ голову Черногорца или ускока (бѣглеца), одарить серебряными перьями въ украшеніе чалмы и достаточною суммою денегъ; а потому за головами охотились не только Турки, но и христіане: хватали на дорогахъ, рубили головы и несли въ Мостаръ; особенно промышляли этимъ *чобаны* [1]), которые пасли стада; говорятъ, что они будто отрывали и мертвыхъ, и ихъ даже головы, отрубивши, носили въ Мостаръ, и все это за деньги да за *перяницу*. Владыка Черногорскій, Петръ II-й Петровичъ, которому противно было смотрѣть на это гнусное, мерзкое дѣло, нѣсколько разъ писалъ Али-пашѣ, прося избавить угнетенныхъ раій отъ невинныхъ, вынужденныхъ побѣ-

---

1) пастухи.

говъ, и посадить съ той и съ другой стороны пандуровъ (пограничную стражу), которые не дозволяли бы злымъ людямъ проникать туда и сюда, чтобы между сосѣдями сохранялась взаимная любовь.

Паша отвѣчалъ и охотно соглашался съ владыкою. Если случалось, что Черногорскіе воры похищали что-нибудь и уходили назадъ, въ Черногорію, то владыка немедленно возвращалъ украденное и казнилъ виновниковъ; но съ своей стороны пандуры паши, въ мирное время, нисколько не исполняли этого, а еще всячески старались обмануть и поймать Черногорца; такимъ образомъ не разъ отгоняли они Черногорскій скотъ, рубили съ пастуховъ головы и относили ихъ въ Мостаръ. За подобные поступки страшно гнѣвался каждый разъ владыка, да однажды и написалъ, кажется, такъ: «Отъ меня [1]), Петра Петровича, владыки Черногорскаго и Брдскаго и кавалера Царя Русскаго, любезный привѣтъ побратиму, Галипъ-Али-пашѣ Ризванбеговичу, Стольчанину, кавалеру Царя Турецкаго и визирю всей Герцеговины. Пишу тебѣ, какъ только получилъ послѣднее письмо твое, гдѣ пишешь, что вы желаете, чтобы въ сосѣдствѣ удержался миръ между нами, и чтобы *злочинцы* получали достойную казнь, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Я и самъ не только не прочь отъ мира, но желаю его еще больше, нежели ты, да только странно что-то мнѣ, какъ ты говоришь одно, а на умѣ держишь совсѣмъ другое. Какъ еще прежде мы уговорились, такъ я и дѣлалъ: я возвращалъ всѣхъ, бѣжавшихъ изъ Герцеговины, и не миловалъ, не щадилъ, а казнилъ злочинцевъ, а ты вотъ и размѣстилъ по границамъ своихъ людей, да они только грабятъ несчастныхъ твоихъ же и еще забѣгаютъ въ предѣлы Черногоріи, отбиваютъ стада, отрубаютъ у пастуховъ головы и относятъ къ тебѣ, а ты за это еще и награждаешь ихъ. Да слыхано

1) Какъ Али-паша писалъ владыкѣ — просто, точно также и владыка писалъ ему.

ли гдѣ нибудь и когда нибудь, чтобы одна сторона держала миръ и ладъ, а другая дѣлала все, чего ей ни захочется? Однако я все-таки остаюсь при томъ же, а ты, если дѣйствительно желаешь того, о чемъ пишешь,—то поставь по границамъ честныхъ пандуровъ, которые бы не угнетали бѣдняковъ и мирныхъ людей, а притомъ плати имъ жалованье, деньги все таки получишь съ народа, но зато пандуры при жалованьѣ не будутъ никого притѣснять. Такимъ образомъ опять можетъ утвердиться миръ между нами; а о пандурахъ, я жду, что ты мнѣ отвѣтишь, каково твое намѣреніе.»

Петръ II. [1])

А вотъ и отвѣтное письмо Али-паши:

Читать его слѣдуетъ вотъ какъ:

Али паша

побратимꙋ петрꙋ петровићꙋ владики цриногорском приеателски поздрав що ми пишеш око пандꙋра разꙋмиео сам и твое начин що ми пишеш мени се не чини ружно а фукара коеа плаћа пандуринꙋ ние каеил. [2])

---

1) Это письмо читалъ я самъ, только не помню, — отъ котораго числа ово.

2) т. е. «Али паша, побратиму Петру Петровичу владыкѣ Черно-
[illegible]

И размѣстилъ Али-паша пандуровъ въ Банянахъ, а надъ ними поставилъ булюкбашу Мурата Борчанина. Эти новопоставленные пандуры всячески притѣсняли беззащитныхъ, а потомъ стали оскорблять и женскую даже стыдливость, что Герцеговинецъ не такъ легко переноситъ. Кнезъ (старшина) Раде Божовичъ, не будучи въ силахъ выносить такого очевиднаго позора, подговорилъ нѣсколькихъ другихъ недовольныхъ; они убили булюкбашу и съ нимъ двухъ Турокъ и со всѣми домашними бѣжали въ Грахово, которое тогда же отступилось отъ Али-паша. Немедленно разослалъ онъ буйрунтіи ко всѣмъ Герцеговинскимъ муселимамъ, чтобы они собрали Турокъ и христіанъ и шли на Граховское поле. Здѣсь они стояли 8—10 дней, а супротивъ ихъ съ другой стороны былъ раскинутъ станъ Граховцевъ; но ни тѣ, ни другіе не начинали битвы. Въ это время пришли въ Грахово Черногорскіе сваты сватать дочь Якова Петрова, воеводы Граховскаго, за Пера Петровича, брата владыки. Турки задумали было распустить войско и не вступать въ сраженіе, боясь Чергорцевъ, а для лучшаго почина сдѣлать съ ними какой-нибудь уговоръ. Но едва только стали они готовить лошадей для возврата назадъ, какъ Граховцы и Черногорцы, думая, что Турки собираются бѣжать, да въ добавокъ еще, какъ пирующіе, будучи пьяны (не знаетъ ракія, что такое кадія) [1]), особливо рьяные молодые пѣхотинцы, бросились черезъ поле на Турокъ съ крикомъ: «Гай! Турки бѣгутъ!» Какъ увидѣли это Герцеговинскіе Турки и раіи, — поспѣшно сѣли на коней, обскакали Граховцевъ и Черногорцевъ; загорѣлась схватка, и досталось обѣимъ сторонамъ: 32 Черногорца и 10 Граховцевъ пали, въ числѣ ихъ убитъ и младшій братъ Петра II, владыки Черногорскаго, а убилъ

умѣлъ, и твое предложеніе, о которомъ мнѣ пишешь, кажется мнѣ не дурнымъ; но бѣдный народъ, который долженъ платить *пандурину* (подать для содержанія пандуровъ), не согласенъ».

1) Пословица, т. е. «не знаетъ водка, что такое судья».

его Балдо Машичъ, Латынянинъ, изъ села Бѣлаевичей Столецкаго кадилука; онъ взялъ его ружье и часы, а головы всѣхъ убитыхъ отнесены въ Требиньскую крѣпость. Со стороны Турокъ пало 53 человѣка, въ томъ числѣ пресловутый Джинджъ-ага, служитель Али-паши. Всему происходившему злу причиною были муселимъ Требиньскій Гассанъ-бегъ Ресулбеговичъ и муселимъ Гацкій Измаилъ-ага Ченгичъ. Турецкое войско разошлось по домамъ, а Граховцы остались также, какъ и прежде были. Это случилось 1 Августа 1836 года.

Вѣсть объ этомъ событіи жестоко огорчила владыку, и за погибшаго брата замыслилъ онъ отомстить Туркамъ, особенно же Гассанъ-бегу да Измаилу-агѣ, лишь бы только попались они въ его руки. Надоѣло ему вести переписку да переговоры съ Али-пашею, и черезъ нѣсколько времени послалъ онъ отъ себя черезъ Мостаръ въ Травникъ Радована Пипера, да изъ Грахова воеводу Якова Петрова и попа Стефана Ковачевича условиться съ Веджидъ-пашею, сколько Граховскіе раіи должны ежегодно давать отъ себя царю, пашѣ и агамъ. Они отправились въ Травникъ. Веджидъ-паша принялъ ихъ прекрасно, и они заключили съ нимъ договоръ и утвердили письменно — платить ежегодно только царю, а прочимъ Туркамъ ровно ничего. Возвращаясь изъ Травника, Радованъ Пиперъ направился черезъ Невесинь прямо въ Черногорію, а воевода Яковъ и попъ Стефанъ, по прибытіи въ Мостаръ, показали свой договоръ Али-пашѣ и передали ему письмо Веджидъ-паши, въ которомъ онъ просилъ не притѣснять ни воеводы, ни попа. Досадно показалось Али-пашѣ, что мимо его они съ жалобою обращались къ другому, и продержалъ онъ ихъ въ Мостарѣ цѣлую зиму подъ стражею, и только весною, да и то съ большимъ затрудненіемъ, отпустилъ ихъ. Выходя изъ Мостара, воевода Яковъ говорилъ: «еще можетъ случиться, что голова моя будетъ когда-нибудь въ Мостарѣ; но нога никогда!».... Условіе Али-паши съ Граховцами было скрѣплено не болѣе, какъ

паутиною, да такого же свойства были и всѣ его договоры и переписка съ владыкою: льстить-то они льстили другъ другу, но въ тоже время заботились единственно о томъ, какъ бы провести другъ друга. Къ тому же и Черногорцы все еще потаскивали кое-что у Герцеговинцевъ и они рубили другъ у друга головы.

Измаилъ-ага Ченгичъ, муселимъ Гацкій, Пивскій и Дробняцкій, былъ извѣстный воинъ; за это наименовалъ его Султанъ своимъ капиджи-башею; онъ отдалился отъ Али-паши и нисколько не боялся его, и паша всячески хлопоталъ снять съ него голову; но Измаилъ-ага страшился только Петра владыки, а до паши ему и дѣла не было. У него былъ старшій сынъ Рустанъ-бегъ, который велъ самую зазорную, самую развратную жизнь. Когда, напримѣръ, случалось ему слышать, что такая-то христіанская дѣвица въ Гацкѣ стала невѣстою или уже обвѣнчалась, то онъ спѣшилъ въ указанное мѣсто и употреблялъ всѣ способы, чтобы только провести ночь съ нею. Такъ безчестилъ онъ женщинъ въ Пивѣ и особливо въ Дробнякахъ, и не было отъ него спасенія ни одной женщинѣ и дѣвицѣ. Эти гнусныя продѣлки Рустанъ-бега раздосадовали, вывели наконецъ изъ терпѣнія Дробнячанъ, и они, жалуясь владыкѣ Петру II, совѣтовались съ нимъ, какъ убить Рустанъ-бега. Владыка отсовѣтовалъ имъ это, потому что смертію Рустанъ-бега все дѣло не покончится. Послѣ него останется еще другой волкъ, самъ Измаилъ-ага, отецъ его, отъ котораго часто трепетала вся Герцеговина, и онъ не оставитъ тогда въ Дробнякахъ камня на камнѣ. Если же они хотятъ разорить его домъ, то тутъ нужно немножко хитрости: пусть заманятъ стараго Измаила въ Дробняки, да тамъ и убьютъ; тогда Рустанъ-бегъ не будетъ имѣть ужъ никакой силы, и такимъ образомъ окончатся всѣ злодѣйства Ченгичей.

Заронились въ глубину сердца Дробнячанъ слова владыки и скоро послѣ того послали они сказать Измаилъ-агѣ, что безъ его

присутствія никакъ нельзя собрать порѣза (подати); такъ чтобы онъ самъ шелъ въ Дробняки, а не посылалъ Рустанъ-бега вмѣсто себя, иначе выйдетъ что нибудь дурное. Измаилъ-ага прибылъ въ Дробняки, въ сопровожденіи кадія и избранныхъ Гацкихъ и Никшичскихъ агъ и беговъ, и собралъ все, что ему слѣдовало. Къ тому времени былъ подготовленъ Новица Церовичъ съ Тушинянами и съ Малинскими ускоками, чтобы въ первую же ночь напасть на Измаилъ-агу, да пронюхалъ объ этомъ одинъ измѣнникъ, Турецкій блюдолизъ, нѣкто Джоко Маловичъ, и шепнулъ Измаилъ-агѣ: «передъ Богомъ говорю тебѣ, ага: въ наступающую ночь Дробнячане замышляютъ напасть на тебя врасплохъ, и всѣхъ васъ перебить. Уходи лучше, ага, въ Гацко черезъ Пиву!»

— Жалкій ты, безумный ты человѣкъ, Джоко! отвѣчалъ Измаилъ-ага. Да кто же посмѣетъ напасть на меня? *Валлахъ, биллахъ*, — да я не боюсь ни всѣхъ Дробнячанъ твоихъ, ни твоихъ Черногорцевъ. Никто не дерзнетъ нападать на меня! И вотъ эту ночь я нарочно проведу подъ моими шатрами, и посмотрю, что такое случится!

И вотъ настала эта ночь, 23 Сентября 1840 года, и на разсвѣтѣ Церовичъ грянулъ на Турокъ съ удальцами своими (мѣсто это зовется *Млетичакъ*, поле въ Герцеговинѣ, недалеко отъ Дробняковъ): Измаилъ-ага Ченгичъ и съ нимъ 35 Турокъ были изрублены, бѣжалъ только Баукъ Никшичанинъ, да спасся еще делибашъ Али-паши, котораго еще вечеромъ заперъ Маловичъ въ своей башнѣ и, избавивъ такимъ образомъ отъ смерти, проводилъ въ Мостаръ. Самаго Измаилъ-агу убилъ Мирко Алексичъ, ускокъ Гацкій. Побѣдители взяли Турецкія головы, забрали коней, оружіе, обозъ и все, что нашли у Турокъ, да все это и отнесли въ Цетинье владыкѣ Петру. Владыка весьма обрадовался этому дѣлу, щедро одарилъ побѣдителей, но тутъ же приказалъ всѣмъ имъ забрать своихъ слугъ, скотъ и все имущество и бѣжать въ Морачу, въ Черногорію. Такъ они и сдѣлали; а вла-

дыка велѣлъ снять кожу съ головы Измаилъ-аги, набилъ ее хлопчатою бумагою и поставилъ рядомъ съ головой Кара-Махмудъ-паши Бушатліи, котораго убилъ владыка Петръ I-й. Али-паша, услышавъ объ этомъ происшествіи, обрадовался, и вмѣстѣ опечалился: радостно было ему то, что наконецъ сбылъ онъ съ шеи сильнаго Измаилъ-агу; а испугался онъ, чтобы Черногорцамъ не вздумалось пойти на Герцеговину и добраться до него самого. Вотъ разослалъ онъ буйрунтіи ко всѣмъ муселимамъ Герцеговинскимъ; всякій изъ нихъ собралъ въ своемъ кадилукѣ христіанъ и Турокъ, и вмѣстѣ съ пашею двинулись на Дробнячанъ. Въ этомъ случаѣ Дробнячане и Морачане сдѣлали большую ошибку: напавши на Турокъ въ равнинѣ, они побѣжали, а Турки на коняхъ облетѣли ихъ и сняли 72 головы, но зато и Турокъ погибло при этомъ вдвое. Войска разошлись; Али-паша возвратился въ Мостаръ, но съ владыкою онъ все-таки остался непримиреннымъ. Много уже разъ писалъ Али-паша Султану, что никакъ не можетъ спокойно жить отъ Черногорскаго владыки, и Султанъ поручилъ Веджидъ-пашѣ Травницкому помирить пашу съ владыкою. Веджидъ отправилъ въ Черногорію своего казначея и послалъ въ даръ владыкѣ арабскаго коня. Уломалъ казначей и Али-пашу, и владыку. Они свидѣлись въ Дубровникѣ, подтвердили побратимство и помирились такъ точно, какъ ладятъ глаза съ лукомъ, миръ скрѣпили паутиною, и снова единственною заботой каждаго по прежнему было, какъ бы перехитрить и провести другаго. Въ томъ же году зимою Али-паша послалъ тайно злаго своего кавазъ-башу, и тотъ внезапно налетѣлъ на лѣтнія избы Граховцевъ, засталъ тамъ однихъ женъ и дѣтей, да ихъ и порѣзалъ, и побѣжалъ назадъ своей дорогою. Владыка Петръ, услыша, что врагъ сдѣлалъ такое гнусное, предательское дѣло, пожалѣлъ о Граховцахъ, пришелъ къ нимъ на подмогу и въ Граховскомъ полѣ на Хумцѣ построилъ для нихъ небольшую крѣпость, чтобы имъ легче было обороняться отъ Турокъ.

Ударомъ ножа въ сердце была для Али-паши эта крѣпость. Поэтому, 5-го іюля 1843 года, вывезъ онъ потихоньку изъ Мостара пушки на Гацко и повелъ съ собою митрополита Мостарскаго Авксентія, собралъ на Гацко изо всей Герцеговины войско Турокъ и раій, до 15,000чел., и оттуда написалъ владыкѣ Черногорскому, прося его послать своихъ людей въ Никшичи, и самому придти повидаться съ нимъ лично и утвердить вѣчный миръ. Людямъ своимъ паша въ то же время приказалъ убить владыку, какъ только пріѣдетъ онъ въ Никшичи, а самъ хотѣлъ тогда же нагрянуть на Черногорію. Лазутчики владыки провѣдали о такомъ распоряженіи и замыслахъ паши, да и разсказали все владыкѣ; онъ, конечно, не рѣшился ѣхать въ Никшичи, а съ 5—600 Черногорцевъ удалился въ свой монастырь подъ Острогъ, да оттуда и звалъ къ себѣ Турокъ. Тѣ, видя, что другаго ничего нельзя сдѣлать, выбрали изъ среды своей 11 человѣкъ важнѣйшихъ Стольчанъ и Никшичанъ и отправили ихъ въ монастырь, а Черногорцы по приказанію владыки встрѣтили ихъ и убили. Паша былъ какъ бѣшенный, когда услышалъ объ этомъ, и немедленно поворотилъ войско изъ Гацка въ Билечу, а оттуда повелъ его на Грнчарево въ Кореничи, прямо противъ Грахова. Съ своей стороны, владыка пришелъ на Грахово и расположился насупротивъ паши. Цѣлые два мѣсяца шла тутъ ярая переписка между врагами, а нападать другъ на друга съ оружіемъ не осмѣливались, наконецъ-то ужъ заключили вѣчный миръ. Владыка разрушилъ крѣпость на Граховѣ, а паша уплатилъ ему за расходы при ея построеніи 8,000 дукатовъ. Послѣ этого жили они оба какъ будто въ согласіи до самой смерти своей. Но возвратимся къ Али-пашѣ, въ Герцеговину.

У него еще оставался одинъ братъ Алиль-ага, который крѣпко не любилъ его и потому съ старшимъ сыномъ своимъ пошелъ сначала на поклонъ Каабѣ, а потомъ изъ Мекки возвратился въ Цареградъ, чтобы похлопотать о смѣщеніи Али-паши, надѣясь самому стать пашею. Но Али-паша провѣдалъ объ

этомъ и постарался предупредить враждующаго брата: немедля послалъ онъ въ Цареградъ большія деньги своему капукехаѣ (повѣренному), а тотъ распорядился такъ, что оба, и отецъ, и сынъ были отравлены.

Теперь Али-паша отдѣлался и отъ послѣдняго брата; за тѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать пашами обоихъ старшихъ своихъ сыновей подъ именами: Нафисъ-паша и Хафизъ-паша. Онъ думалъ, что родъ его будетъ вѣкъ владѣть Герцеговиною.

Снова поднялося гоненіе муфтія на христіанъ Мостарскихъ. Опять однажды этотъ муфтій, пройдя нагорною частью Мостара, предсталъ еле дыша отъ усталости передъ пашею, и тотъ по прежнему спросилъ: «что это ты, эфенди, задыхаешься, какъ будто тебя гнали рысью?» Я шелъ, отвѣчалъ муфтій, по нагорной сторонѣ, господарь; а черезъ гостиный дворъ, между влахами, нѣтъ возможности пройдти ни одному правовѣрному; такъ они размножились, что повсюду разитъ свининою, виномъ и ракіею. Да позаботься ты, господарь, разселить этотъ поганый сбродъ между Турками; черезъ это разрѣдѣютъ они и больше пусть не размножаются. Ты можешь еще сдѣлать вотъ какъ въ китабѣ [1]) сказано; «Всякаго влаха, который за 40 лѣтъ передъ тѣмъ купилъ домъ у Турка, должно выгнать изъ него, и самый домъ отнять; тѣхъ, что стоятъ по найму въ домахъ Турецкихъ, и тѣхъ всѣхъ выгони, и пусть влахи разбредутся по селамъ, пашутъ и копаютъ, какъ это для нихъ опредѣлено». Гдѣ стоятъ наши законы, тамъ не слѣдъ быть вину и ракіи; я теперь же ухожу въ Невесинь, и не ворочусь къ тебѣ, въ Мостаръ, пока ты не исполнишь всего этого.

Паша отправилъ глашатая, который прокричалъ на всю *чаршію* приказъ паши, и все было сдѣлано по желанію муфтія. Дома, отнятые тогда пашею у рай, ужъ больше не возвратились имъ, до сихъ поръ; несчастные же раіи, выгнан-

---

1) Книгѣ закона.

ные въ то время изъ Турецкихъ домовъ, мало-по-малу наняли ихъ опять. Тогда-то паша отнялъ у христіанъ всю равнину около Мостарской церкви, и эта равнина до сихъ поръ еще въ чужихъ рукахъ.

Въ домахъ, принадлежавшихъ пашѣ, прислуживали многія христіанскія дѣвушки (обѣихъ церквей): почти всѣхъ онъ потурчилъ, которую обманомъ, а которую и силою; о томъ, какъ хотѣлъ онъ потурчить Ристу Райковичъ, смотри Сербо-Далматинскій Магазинъ. [1])

Да вотъ я выше упомянулъ о Ванкѣ Далматинцѣ. Много зла натворилъ онъ христіанамъ! Кого бы изъ нихъ ни встрѣтилъ онъ, на базарѣ ли или на улицѣ, всѣхъ, словно какую нибудь скотину, колотилъ онъ палкой по головѣ. Вотъ и случилось, что разъ, подъ вечеръ, встрѣтился онъ съ молодымъ христіаниномъ [2]), нѣкимъ Рскалемъ, по обыкновенію, подошелъ къ нему да и хватилъ по головѣ палкою; а тотъ схватилъ его за горло, ударилъ о земь, вытащилъ небольшой ножъ и нанесъ ему нѣсколько ранъ, да, быть можетъ, и совсѣмъ бы зарѣзалъ, если бы Далматинецъ не закричалъ. На крикъ его выбѣжали Турчанки, отбили его у Рскаля, а онъ—прямо къ пашѣ, да и давай жаловаться, что влахи съ умысломъ подослали Рскаля—убить его,—что пятеро влаховъ, Іоаннъ Зецъ, Ефто Маргета, Ато Сламо-Марковичъ, да два брата Божко и Дмитрій (Митаръ) Гачаница смотрѣли изъ воротъ да какъ увидѣли, что Рскаль опрокинулъ его, такъ убѣжали на дворъ и заперли ворота, а отнять его и не подумали. На другое же утро паша приказалъ схватить Рскаля и разстрѣлять его посреди чарщіи, а тѣхъ пятерыхъ бросилъ въ темницу, откуда только черезъ три мѣсяца они едва выкупились черезъ пріятелей. У Маргеты Али-Паша отнялъ домъ, стоившій болѣе 50,000 грошей.

---

1) Разсказъ объ ея мученіи, написанный авторомъ этой статьи, помѣщенъ въ сокращеніи во 2-мъ томѣ «Русской Бесѣды» за 1856 г.

2) т. е. православнымъ.

Теперь, когда Али-паша примирился съ Черногорцами, у него не было ужъ ничего, чѣмъ бы извиняться передъ Портою въ неисполненіи танзимата, и вотъ сталъ онъ подбивать Сараевцевъ и Краинцевъ къ возстанію противъ Веджидъ-паши, чтобы какъ нибудь протянуть еще годикъ. Босняки написали обвиненіе на Веджидъ-пашу, его отозвали въ Цареградъ, а на его мѣсто въ Боснію прибылъ Хозревъ-паша. Онъ далъ знать о себѣ Али-пашѣ, и видѣлся съ нимъ въ Коньицѣ для совѣщаній о введеніи танзимата и нуфуса, но и этого провелъ Али-паша; Краина не переставала бунтовать, и Хозревъ-паша, видя, что не можетъ ничего тутъ успѣть, удалился въ Цареградъ, а его мѣсто занялъ Кямиль-паша, который черезъ немного времени сдѣлалъ тоже, что и предшественникъ его, т. е. отправился въ Цареградъ. Наконецъ, прибылъ въ Боснію заклятый нововводитель, муширъ Тахиръ-паша съ небольшимъ отрядомъ низама, и онъ далъ Султану клятву—*унизамить* всю Боснію (т. е. подчинить ее рекрутству и всему порядку, сопряженному съ учрежденіемъ регулярнаго войска). Онъ едва успѣлъ водвориться въ Травникѣ, какъ собрались Краинцы подъ начальствомъ Алія Кедича, пошли и ударили на Тахиръ-пашу, но онъ встрѣтилъ ихъ съ своими назамами и разбилъ; а вскорѣ послѣ того вовсе неожиданно самъ умеръ въ Травникѣ, и тѣло его, по его распоряженію, отнесено было въ Цареградъ и тамъ схоронено. Во все это время Али-паша все высматривалъ, что-то будетъ изъ этого?

Прежде я сказалъ нѣсколько словъ о владыкѣ Іосифѣ. Черезъ немного времени послѣ перемѣщенія изъ Герцеговины въ Димитріаду, послали его за какую-то вину въ заточеніе на Св. гору, а потомъ помѣстили въ третью епархію, въ Охридъ. Здѣсь онъ тоже надѣлалъ какихъ-то грѣшковъ, и его ужъ совсѣмъ отозвали въ Цареградъ. Въ уставѣ Великой Греческой Церкви (патріархіи) есть правило, что ни одинъ владыка не можетъ занять четвертую епархію, а можетъ, если надобно, возвра-

титься на какую нибудь изъ первыхъ трехъ. Вотъ такъ какъ Али-паша былъ большой пріятель Іосифа, а зять его, Іоаннъ Анджелопуло, одинъ изъ самыхъ приближенныхъ людей паши, то они оклеветали передъ Великою Церковью и передъ Султаномъ владыку Авксентія; его перемѣстили въ епархію Велесскую, а Іосифа, въ 1848 г., снова поставили въ Герцеговину.

Во все это время, и въ собственномъ домѣ Али-паши шелъ большой раздоръ, между его сыновьями господствовало самоволіе; каждый изъ нихъ хлопоталъ о первенствѣ, и оба, какъ отродье Ризванбеговичей, высматривали, какъ бы сжить одинъ другаго со свѣта. Да и задавали же они въ своихъ распряхъ страха бѣдной раіѣ Герцеговинской, особенно Мостарской, такого задавали страха, что никто не смѣлъ пикнуть. Около того же времени и этотъ пакостный муфтій Мостарскій, который не могъ терпѣть влаха, бѣжалъ въ село Гнойницу, и тамъ умеръ.

Между тѣмъ, Султанъ замыслилъ или разомъ *унизамить* Боснійскій край, или совсѣмъ разорить его, и послалъ туда сераскира Омеръ-пашу съ 15 баталіонами низама. Онъ прибылъ въ Сараево въ Іюлѣ 1850 года.

Когда объ этомъ услышалъ Али-паши, онъ созвалъ на Буну всѣхъ улемъ и владыку Іосифа для тайнаго совѣщанія о томъ, что нужно дѣлать. Прежде всего онъ послалъ сына своего Хафизъ-пашу и владыку Іосифа встрѣтить Омеръ-пашу у Новой Вароши и проводить до Сараева, а отправляя сказалъ имъ: «Слушайте, ты Хафизъ-паша, и ты, митрополитъ Іосифъ! ступайте къ Омеръ-пашѣ, передайте ему селамъ (поклонъ) и скажите, что Герцеговина со всѣхъ сторонъ окружена межами невѣрныхъ, и что по этому въ ней не можетъ быть заведенъ такой же, какъ въ другихъ пашалыкахъ порядокъ. Только смотрите, уладьте какъ нибудь съ нимъ, а мы соберемъ 20—30 этихъ Мостарскихъ бродягъ, отдадимъ ихъ ему въ рекруты да

еще прибавимъ 500,000 грошей, и пусть чортъ несетъ его, откуда онъ пришелъ. Да не забудьте ко всему этому прибавить, что самъ я никакъ не могу ѣхать къ нему въ Сараево, потому что я и старъ и хромъ.»

Хафизъ-паша и владыка Іосифъ отправились къ Омеръ-пашѣ. Вслѣдъ за тѣмъ Али-паша созвалъ всѣхъ Мостарскихъ улемъ и началъ говорить имъ такъ: «этотъ Омеръ-паша невѣрный (гяуръ), онъ поповскій сынъ, все это сдѣлали влахи съ умысломъ, они достали его, чтобы уничижить Турокъ. Всѣ эти низамы съ нимъ тоже гяуры, для которыхъ нѣтъ ни вѣры, ни закона, ни совѣсти; пришедши къ намъ, они оскверняетъ честь, не только женщинъ, но и мужскихъ дѣтей, а потомъ введутъ нуфусъ и танзиматъ. Нѣтъ всякому Турку лучше умереть, нежели видѣть это своими глазами; да и для влаховъ тогда закукуетъ черная кукушка; узнаютъ они тогда, каково Турецкое насиліе; а то до сихъ поръ они, вѣдь, были словно беги».

Какъ услышали улемы, что Али-паша злобно говоритъ о христіанахъ, то и стали обвинять одного молодаго Серба, Мостарца, Симату Груицу, будто ночью нашли его на дворѣ Турка; они вели рѣчь къ тому, чтобы Симата поплатился головою. Паша послалъ своего кавазъ-башу, и бѣднаго Симату разстрѣляли посреди Мостарской чаршіи, чтобы влахи не слишкомъ зазнавались.

Омеръ-паша не захотѣлъ и слушать ни Хафизъ-пашу, ни владыку Іосифа, а просто отправилъ ихъ назадъ, въ Мостаръ, да приказалъ, чтобы Али-паша самъ немедленно явился къ нему въ Сараево. Али-паша ужъ не смѣлъ отговариваться и скоро прибылъ въ Сараево, гдѣ собрались и всѣ прочіе паши и капетаны Боснійскіе, да еще по одному почетнѣйшему книжнику (улемѣ) изъ каждаго округа Боснійскаго и Герцеговинскаго. Между послѣдними былъ изъ Мостара Ахметъ-бегъ Хаджи-Омеровичь, который, возвратясь въ Мостаръ, говорилъ Туркамъ, что низамы — всѣ Мадьяры или другіе гяуры. Омеръ-паша передъ всѣми прочиталъ

фирманъ, въ которомъ говорилось, чтобы Босніа и Герцеговина подчинились танзимату и нуфусу. На словахъ всѣ обѣщали исполненіе заповѣданнаго Султаномъ. Али-паша согласился, чтобы Скендеръ-бегъ съ двумя таборами (баталіонами) шелъ въ Мостаръ и зимовалъ тамъ. Тогда Омеръ-паша съ нѣсколькими всадниками поѣхалъ осмотрѣть Посавину. Тотчасъ по его удаленіи разошлись по домамъ всѣ паши и капетаны, а также и Али-паша Ризванбеговичъ, который нашелъ своего кавазъ-башу на Боркахъ, выше Коньицы, гдѣ онъ разчищалъ дорогу для будущаго провоза низамскихъ пушекъ, взялъ его съ собою и возвратился въ Мостаръ. Въ ту же ночь созвалъ онъ въ свой дворецъ Мостарскихъ улемъ и о чемъ-то долго шептался съ ними, а по утру поспѣшно собрался и со всѣми домашними отправился на Буну, оставивъ дома только сына Рустанъ-бега да кавазъ-башу съ нѣсколькими слугами.

Турки Мостарскіе, какъ скоро услышали, что въ Коньицу пришелъ Скендеръ-бегъ съ низамами, взбунтовались и схватили оружіе 3 Октября 1850 года. На подмогу къ нимъ пришли всѣ баліи (мусульманское простонародье) изъ кадилуковъ Мостарскаго, Невесиньскаго и Гацкаго. Всѣхъ ихъ собралось до 7,000 вооруженныхъ. Къ Мостарянамъ прибѣжалъ изъ дворца паши кавазъ-баша, и тѣ едва встрѣтили его, какъ уже поставили главнымъ начальникомъ надъ всѣмъ своимъ войскомъ. Онъ тотчасъ отдѣлилъ часть войска и повелъ ее на Врабачъ, что надъ Коньицею, и здѣсь отрѣзалъ дорогу Скендеръ-бегу. Мостаряне съ своей стороны огородились и укрѣпились, и насильно выгнали Рустанъ-бега изъ дворца и отправили къ отцу, на Буну. Зимою того же года прибылъ моремъ Хайрудинъ-паша съ 1,000 низамовъ, высадился въ Суторинѣ, близъ Новаго, прошелъ черезъ Требинье и Столацъ и явился на Буну. Онъ просилъ Мостарянъ о дозволеніи провести черезъ Мостаръ войско въ Боснію, тѣ отказали, и тогда Али-паша послалъ своего старшаго сына Нафисъ-пашу проводить Хайрудина черезъ Габеллу,

Любушко, Дувно, Лѣвно, и такимъ образомъ онъ вошелъ въ Боснію, а Нафисъ-паша, возвращаясь черезъ Дувно, отъ болѣзни ли, отъ того ли что пилъ слишкомъ много ракіи (водки), на дорогѣ умеръ.

Утро слѣдующаго дня было для Али-паши черною годиною, разомъ два горестныхъ извѣстія получилъ онъ: одно, что сынъ умеръ, а другое, что Мостаряне велятъ ему убиратся изъ Буны въ Столацъ. Въ тотъ же день оставилъ онъ Буну въ великомъ горѣ, и поѣхалъ прямо въ Столацъ въ крѣпость и снова сталъ приготовляться въ ней къ оборонѣ. Держась только для виду стороны кавазъ-баши, онъ разсчитывалъ такъ: побьютъ Мостаряне, — я опять буду визиремъ, а если царь осилитъ, такъ я все-таки былъ на его сторонѣ. Да вышло не такъ: Омеръ-паша разгадалъ его двуличность и придумалъ для него совсѣмъ иное. Въ концѣ Января онъ послалъ Скендеръ-бегу изъ Сараева въ Коньицу еще батталіонъ низамовъ, эскадронъ конницы да отрядъ Арнаутовъ и приказалъ немедленно ударить на Мостарянъ у Врабча. Такъ было сдѣлано, и въ тотъ же день Скендеръ-бегъ разбилъ Мостарянъ на Боркахъ; много тутъ ихъ погибло, а 20 — 30 взятыхъ въ плѣнъ связаны и посланы въ Сараево. Мостаряне собрались было на горѣ Влахъ, около башни; Скендеръ-бегъ черезъ 2 дня снова ударилъ на нихъ, разбилъ и цѣлый день гналъ ихъ передъ собою до Подпорима, въ 3 часахъ отъ Мостара. Вечеромъ бѣглецы явились въ Мостаръ и сказали остававшимся, что все пропало; въ ту же самую ночь ихъ начальники бѣжали въ Австрію, а прочіе разбрелись кое-куда по селамъ. На другой день, 29 Января 1851 г., утромъ, Скендеръ-бегъ вступилъ въ Мостаръ и, по приказанію Омеръ-паши, вызвалъ туда изъ Стольца Али-пашу съ его дѣтьми и челядью, да здѣсь же всѣхъ ихъ перевязалъ и заперъ. Узнавъ объ этомъ, Омеръ-паша самъ поспѣшно прибылъ въ Мостаръ, 9 Февраля. Въ то же время вся Краина и Посавина подняла оружіе на низамовъ; Омеръ-

паша зналъ очень хорошо, что это было подготовлено Али-пашею, да ктому же Гассанъ-бегъ Требиньскій, находившійся постоянно при Омеръ-пашѣ, наговорилъ ему объ Али-пашѣ, какъ только могъ невыгоднѣе. Спустя нѣсколько дней, 21 Февраля, онъ двинулъ изъ Мостара въ Краину все войско съ Скендеръ-бегомъ. Али-пашу посадили на шелудиваго лошака, а Хафизъ-паша долженъ былъ итти пѣшкомъ рядомъ съ нимъ; людей его, а также и нѣкоторыхъ Мостарскихъ Турокъ, которые поджигали мятежъ, Омеръ-Паша повелъ, связанными какъ плѣнныхъ, за собою въ Кранину. Разсказываютъ, что когда они пришли въ Банчлуку, Али-паша выругалъ Омеръ-пашу, какъ нельзя сквернѣе, и что за это Омеръ-паша будто бы и подучилъ одного низама, и тотъ ночью убилъ Али-пашу выстрѣломъ изъ ружья въ голову. Такъ окончилъ свою злосчастную жизнь Али-паша Ризванбеговичь!

Между тѣмъ Омеръ-паша грянулъ на Краишниковъ и Посавлянъ, разбилъ и покорилъ ихъ, плѣнилъ многихъ начальниковъ, а также заковалъ въ цѣпи двухъ Сараевскихъ пашей, Фазли-пашу Шерифовича и Мустай-пашу Бабича, да вмѣстѣ съ семействомъ Али-паши послалъ на заточеніе въ Цареградъ. Съ бунтовщиковъ, которые были постарше, онъ бралъ больщія деньги и отпускалъ ихъ, а молодыхъ обучалъ и опредѣлялъ въ низамъ. Въ томъ же году ввелъ онъ танзиматъ и нуфусъ во всей Босніи и Герцеговинѣ и съ Турокъ собралъ рекрутъ для низама.

Начальникомъ въ Герцеговину опредѣлилъ онъ Измаилъ-пашу Арнаута. Раздѣлавшись съ Турками, Омеръ-паша въ 1852 году призвалъ въ Сараево Герцеговинскаго и Зворницкаго владыкъ, въ каждомъ кадилукѣ Босніи и Герцеговины велѣлъ взять подъ стражу всѣхъ игуменовъ, монаховъ, поповъ, фратровъ [1]) и старшинъ, и у всѣхъ раій вдругъ отобралъ все ору-

---

1) Францисканцевъ.

жіе. Это было для раій гибельнѣе всего потому, что бѣдные христіане только оружіемъ поддерживали до тѣхъ поръ свою вѣру, отстаивали имущество, жизнь и честь. Отобравъ оружіе, онъ составилъ новыя судилища (меджлисы), и въ каждомъ помѣстилъ изъ раій по одному ходжа-баши, который долженъ сидѣть ниже Турокъ и собирать со всѣхъ раій Султанскіе доходы. Поборы и притѣсненія стали съ тѣхъ поръ въ десять разъ больше и горше того, что было при Али-пашѣ!

Покончивъ дѣла въ Босніи, Омеръ-паша въ томъ же году (1852) отправился въ Цареградъ, но скоро вернулся опять съ огромнымъ войскомъ и пошелъ войною на Черногорію. Тамъ разбили его, и посрамленный онъ возвратился назадъ.

Нововведенный имъ въ Босніи и Герцеговинѣ порядокъ доконалъ бѣдныхъ, стонущихъ раій, и теперь имъ нѣтъ человѣческой возможности жить съ Турками.

Архимандритъ Іоанникій Памучина.

(Перевелъ *Д. Карякинъ*).

ЛѢТОПИСЬ БОСНІИ.

1825—1856.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Когда я былъ въ Сараевѣ, мнѣ хотѣлось найти кого-нибудь изъ туземцевъ, который написалъ бы мнѣ разсказъ о событіяхъ, происходившихъ въ Босніи на его памяти, подобно тому, какъ Мостарскій Архимандритъ Іоанникій Памучина изобразилъ дѣла Герцеговины подъ двадцати-лѣтнимъ самовластнымъ управленіемъ Али-паши Ризванбеговича. Но долго не находилъ я тамъ ни одного человѣка, который былъ бы способенъ собрать свои воспоминанія и перенести ихъ на бумагу; ибо такого рода трудъ еще совершенно не въ духѣ Босняковъ. Я отчаявался въ возможности достать туземную исторію Босніи, когда счастливый случай познакомилъ меня съ дѣвицею Стакою Скендеровою, и ея «Лѣтопись» я здѣсь предлагаю въ точномъ переводѣ.

Личность Стаки Скендеровой весьма замѣчательна; «Лѣтопись» носитъ во многихъ мѣстахъ отпечатокъ этой личности. Никто изъ православныхъ жителей Босніи не заслуживаетъ почетнаго названія гражданскаго дѣятеля столько, сколько Стака Скендерова. Дочь небогатаго торговца, переселившагося въ Сараево изъ Прѣполя (въ Герцеговинѣ), она еще въ дѣтствѣ почувствовала особенную склонность къ книжному ученію и, не смотря на то, что грамотность считается въ Босніи совершенно ненужною для женскаго пола, ознакомилась съ церковными книгами (единственнымъ въ этой странѣ предметомъ чтенія) лучше всякаго Босняцкаго священника. Это обусловило всю ея дальнѣйшую жизнь. Въ дѣтствѣ отецъ одѣвалъ ее въ мужское платье,

какъ часто тамъ дѣлаютъ и христіане и мусульмане съ своими малолѣтними дочерьми. Стака Скендерова мужскаго платья уже не сняла: это было знакомъ отреченія отъ замужства и посвященія себя жизни не исключительно домашней. Мужское платье освобождало ее отъ затворничества въ кругу хозяйства, доставляло ей незазорный доступъ въ общество мужчинъ и, странно сказать, въ церковь (ибо въ Босніи дѣвушки и молодыя женщины посѣщаютъ богослуженіе только во время говѣнія и иногда въ самые большіе праздники, а въ другіе дни ходить въ церковь почитается для нихъ даже неприличнымъ); но въ то же время оно налагало на нее обязанности, въ отношеніи къ церкви и народу, которыхъ не носитъ обыкновенная Боснійская женщина. Стака Скендерова живетъ въ мірѣ, но почитаетъ себя монахинею, и была бы въ монастырѣ, если бы находился въ Босніи женскій монастырь. Еще молодою дѣвушкою, она нѣкоторое время читала въ церкви Апостолъ, потому что Сербскій обычай возлагаетъ эту должность не на взрослаго человѣка, какъ у насъ, а на юношу, грамотнаго же юноши въ ту пору не было въ Сараевѣ между православными. Страшная участь ея брата, который (въ 1841 г.) былъ подвергнутъ мусульманами неслыханнымъ истязаніямъ и потомъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, до своей смерти, оставался безпомощнымъ калѣкою на попеченіи сестры, еще болѣе усилила въ ней желаніе посвятиться Богу. Безукоризненное ея поведеніе и готовность помогать христіанамъ во всякомъ народномъ дѣлѣ доставили ей большое уваженіе и вліяніе между православными поселянами всѣхъ краевъ Босніи, которые часто обращаются къ ней съ своими жалобами и просятъ ея совѣтовъ. Имѣя доступъ и въ гаремы и въ мужскіе покои Турецкихъ домовъ и выучившись говорить по-Турецки, она неразъ заступалась съ успѣхомъ за своихъ единовѣрцевъ. Между этими единовѣрцами, всѣ ея сочувствія, разумѣется, принадлежатъ бѣдному, страждущему сельскому народу, а не той корысто-

любивой кастѣ городскихъ жителей, торговцевъ, которые стоятъ на сторонѣ Турокъ, чтобы грабить подъ ихъ покровительствомъ: сочувствіе къ сельскому народу и нелюбовь къ кастѣ торговцевъ, какъ читатель увидитъ, весьма ясно выразились въ «Лѣтописи». Для дополненія характеристики этой оригинальной Боснійской личности прибавлю еще одно слово. Главнымъ желаніемъ, главною цѣлью жизни Стаки Скендеровой было основаніе въ Сараевѣ дѣвичьей школы, для того, чтобы положить начало образованію женскаго пола въ православномъ населеніи Босніи. Это желаніе теперь достигнуто, помощью одной Благодѣтельницы, и Стака Скендерова въ настоящее время занимается своею новооткрытою школою.

Лѣтопись ея есть въ полномъ смыслѣ самородное произведеніе Босніи. Въ ней историческій типъ еще скрывается за эпическимъ. Въ сознаніи Босняковъ совершающіяся на ихъ глазахъ событія тотчасъ теряютъ хронологическую опредѣленность и немедленно переносятся въ міръ эпическихъ воспоминаній. Отсутствіе хронологической опредѣленности въ показаніяхъ Босняковъ о прошедшихъ событіяхъ поражаетъ пріѣхавшаго изъ другой страны. Спросите Босняка о самомъ простомъ и близкомъ ему фактѣ, какъ напримѣръ: «когда умеръ твой братъ?» и онъ отвѣтитъ въ слѣдующемъ родѣ: «лѣтъ пять, а пожалуй и десять или пятнадцать тому назадъ». Зато эпическая поэзія такъ жива въ Босніи, какъ она могла быть въ Греціи во времена Гомера. Тамъ нѣтъ даже старцевъ, слѣпцовъ (какъ напримѣръ въ Сербіи и Далмаціи), которыхъ спеціальное занятіе и ремесло пѣть пѣсни; нѣтъ, въ Босніи слѣпцовъ не нужно: каждый человѣкъ знаетъ пѣсни и поетъ ихъ; эпическія преимущественно принадлежатъ мужчинамъ, лирическія женщинамъ. Дѣвушки въ зимніе вечера собираются и поютъ — заученныя пѣсни? нѣтъ, каждая готова спѣть вамъ пѣсню, которая только что взбрела ей на умъ, безсознательно ею сочиненная. Точно также въ эпическую пѣснь способно превратиться самое свѣжее

событіе. Передо мною лежитъ длинная пѣснь, записанная со словъ поселянъ и изображающая до малѣйшей подробности стычку между христіанами и мусульманами въ Дробнякахъ, бывшую 29 Августа 1856 года. Въ Зубцахъ уже поются пѣсни о подвигахъ *капетана* Луки Вукаловича, который сражается тамъ теперь противъ Турокъ. Уже ходятъ пѣсни о недавной побѣдѣ Черногорцевъ на Граховѣ.

Не ожидайте, стало быть, отъ лѣтописи Стаки Скендеровой полной фактической точности; но зато вы найдете въ ней вѣрное отраженіе того, въ какомъ видѣ событія, совершившіяся въ Босніи, остались въ памяти самихъ жителей. Начало лѣтописи составлено авторомъ по разсказамъ ея старшихъ родственниковъ и знакомыхъ; послѣдующія событія описаны по ея собственнымъ воспоминаніямъ. Вы найдете въ лѣтописи эпическій характеръ, свойственный умственной средѣ, въ которой авторъ живетъ. Какъ скоро онъ переходитъ отъ описанія какой нибудь эпохи собственно къ *разсказу* о событіяхъ, эпическая пѣснь безсознательно выливается у него изъ-подъ пера. Рукопись, съ которой я перевожу, писана какъ проза, сплошь, даже безъ точекъ препинанія, и авторъ ея, конечно, не имѣетъ понятія о различіи между прозою и стихомъ; но гдѣ онъ *разсказываетъ*, тамъ вездѣ рѣчь его дѣлится на правильный, народный 10-сложный Сербскій стихъ съ цезурою послѣ 4 слога; рѣдко найдете гдѣ нибудь стихъ неправильный. Въ переводѣ эта характеристическая особенность должна изгладиться; потому я привожу въ выноскахъ замѣчательнѣйшія эпическія мѣста лѣтописи въ оригиналѣ.

А. Гильфердингъ.

ЛѢТОПИСЬ БОСНИ.

Въ прежнее время въ Босніи распоряжались янычары. Великіе ихъ начальники (*янычаръ-аги*) приходили изъ Стамбула въ Сараево и устроивали янычарскіе *оджаки* (корпусы) и *орты* (отряды), малыя и великія, и великіе и малые *куллуки* (стражи), гдѣ возсѣдалъ ихъ *куль-кехая*. Передъ *ортою* и передъ *куллукомъ* ставился столбъ съ воткнутымъ на верху золотымъ яблокомъ. Въ *ортахъ*, великихъ и малыхъ, собирались янычары сидѣть и «вѣчевать вѣче» (виећу виећати) строить янычарство и учреждать особо каждый отрядъ по ихъ обычаямъ. А *куллуки* были ихъ судилища, *куль-кехая*—ихъ великій судья; меньшіе судьи ихъ назывались *чохадарами*, а еще меньшіе — *ямаками*. Носили янычары особую одежду: на головахъ большіе фесы, обмотанные бѣлою чалмою и большіе долманы изъ алаго сукна, а за поясомъ торчали у нихъ обдѣланные въ серебро и золото ятаганы или ножи. Чохадары носили на головахъ темнаго цвѣта шапки на подобіе кастрюли, съ узкою красною каймою, и покрытыя зеленымъ сукномъ шубы. Ямаки носили большіе фесы съ красною чалмою. Прочіе же Турки, принадлежавшіе къ янычарству, всѣ эти *баши* (знатные люди) и *байрактары* [1]),

---

1) *Башад* (сокращена изъ *башагд)*, собств. начальникъ, и *байрактаръ*, собств. знаменоносецъ, были во время упадка янычарства почетные титулы, которые давались знатнымъ мусульманамъ, участвовавшимъ чрезъ то въ преимуществахъ янычаръ, но не носившимъ особенной службы. Въ Сараевѣ около 1820 года было до 600 *башагд*. Босняки произносятъ это слово—баша и склоняютъ по правиламъ Славянскаго языка.

носили зеленые *чиверицы* (шапочки) съ чалмою изъ темнаго шелка съ золотыми узорами, долманы и широкіе шаровары, а на груди и на ногахъ у нихъ были серебряныя или позолоченныя бляхи; оружіе у нихъ было блестящее, окованное въ серебро.

Когда янычары въ пятницу отправлялись къ своему кулъ-кехаѣ на поклонъ, всякій въ своей одеждѣ, то впереди шли эти *баши* и *байрактары* въ своемъ блестящемъ платьѣ и оружьѣ, и каждый велъ за собою троихъ или четверыхъ слугъ. Всѣ улицы тогда, бывало, перепугаются отъ ихъ силы и оружія; когда подходило время, что они пройдутъ по улицѣ, то цѣлый часъ напередъ весь народъ стоитъ на *диванхане́* (балконѣ) и никто не смѣетъ присѣсть, отъ великаго страха передъ ними. Какъ же могъ кулъ-кехая не страшиться ихъ гнѣва? Вѣдь янычары боялись Бога мало, а царя (Султана) нимало не боялись, визиря[1]) же и знать не знали. Когда пріѣзжалъ визирь изъ Стамбула, то янычары позволяли ему переночевать три ночи въ Сараевѣ, а на четвертую ночь онъ долженъ былъ ѣхать въ Травникъ. Визирь обыкновенно назначалъ кого либо изъ Сараевскихъ беговъ[2]) судьею для раій. По всѣмъ же прочимъ Боснійскимъ городамъ, кромѣ Сараева и Травника, судьями[3]) были *капетаны*, которые владѣли, каждый въ своемъ городѣ, изъ рода въ родъ. Но впрочемъ вездѣ по городамъ и селамъ были *баши*, которые пользовались тамъ правами *башалука*[4]). Въ дру-

---

1) Такъ называется въ Босніи и Герцеговинѣ губернаторъ назначаемый Султаномъ.

2) *Бегами* называютъ въ Босніи людей, принадлежащихъ къ древнимъ, знатнымъ родамъ; обыкновенно *беги* эти имѣютъ значительныя помѣстья.

3) Въ словѣ *судья* Боснякъ заключаетъ понятіе о *начальникѣ*, *правителѣ* въ самомъ общемъ смыслѣ. Они говорятъ, напр.: «паша судитъ надъ Босніею», т. е. начальствуетъ.

4) Здѣсь слова *башаıа*, *башалукъ* приняты въ смыслѣ неограниченнаго властелина, неограниченной власти. Дѣйствительно, люди эти, защищаемые правами янычарства, не подлежали никакому суду и закону.

гихъ городахъ Босніи, кромѣ Сараева, янычаръ не было [1]). Въ это янычарское время Турки (т. е. мусульмане [2]) дѣлали, что имъ было угодно, казнили, били, отнимали собственность у христіанъ, вламывались въ мирные и почтенные дома, тащили женщинъ изъ постели, колотили несчастныхъ мужчинъ, а женщинъ и дѣтей насильно обращали въ турецкую вѣру. Бѣда тому, кто попадется имъ на встрѣчу! Народъ уклонялся отъ нихъ и бѣгалъ отъ ихъ великаго насилія. Въ это время не было много торговцевъ: не смѣли заниматься торговлею, Турки не позволяли. Христіане занимались исключительно ремеслами. Были впрочемъ немногіе, которые торговали съ Дубровникомъ (Рагузою) и доставляли оттуда кофе, сахаръ, деревянное масло и хлопчатую бумагу. Евреи же торговали съ Тріестомъ и съ Вѣною; но какъ они при этомъ справлялись съ Турками, о томъ надобно спросить у нихъ самихъ. — Это время господства янычаръ было совершенно бѣдственное. Сами они безпрестанно бились между собой; отъ преизбытка силы они сами не могли совладѣть съ собою. Не проходило утра и вечера, чтобы не валялось на улицѣ три или четыре мертвыхъ янычара. И отъ этого опять-таки страдали несчастные *раи*. Бывало скажутъ, что такого-то убили *влахи* [3]) и ни за что ни про что повѣсятъ невиннаго человѣка, кого захотятъ.

Такое насиліе господствовало долгое время, пока наконецъ Султанъ Махмутъ рѣшился, и побѣдилъ янычаръ, и разрушилъ ихъ *оджаки*. Говорятъ, что при этомъ пролито было много крови въ Стамбулѣ. Въ Боснію же Султанъ послалъ тогда Абдеррахманъ-пашу съ отрядомъ войска.

Абдеррахманъ-паша былъ пять лѣтъ правителемъ Бѣл-

1) Сараево было главнымъ притономъ янычаръ въ Босніи; но были также янычары въ Высокомъ, въ Зворникѣ и въ Мостарѣ.

2) Въ Босніи мусульманъ называютъ Турками; но они тѣ же Босняки, Славяне.

3) Презрительное имя, которымъ мусульмане означаютъ христіанъ, въ особенности православныхъ.

града, когда онъ получилъ Султанскій фирманъ съ приказаніемъ итти въ Боснію бить и истреблять янычаръ. Тогда онъ поднялся съ отрядомъ войска и прибылъ въ Зворникъ. Въ Зворникѣ онъ устроилъ себѣ мѣстопребываніе *) и разослалъ на всѣ четыре стороны своихъ татаръ-агъ (гонцовъ) съ письменными приказаніями: разослалъ ихъ, чтобы сзывать въ Зворникъ вельможъ, — всѣхъ капетановъ и великихъ агъ. Капетановъ и великихъ агъ, которые были помоложе, онъ убилъ, а стариковъ послалъ въ изгнаніе. Все прочее тогда покорилось ему, вся Краина и вся Посавина [1]). — Абдеррахманъ-паша дѣйствовалъ такъ умно, что онъ мало-по-малу ввелъ порядокъ въ Босніи по Султанскимъ законамъ; а противниковъ царя (Султана) онъ гналъ нещадно, однихъ казнилъ, другихъ отправлялъ въ ссылку. Многихъ видѣли въ то время въ Сараевѣ, какъ ихъ тащили въ Стамбулъ, закованныхъ въ цѣпи и связанныхъ веревкою; нѣкоторые же откупились. А весь остальной народъ, какъ мы сказали, поддался пашѣ и положилъ бы душу за него. Но четыре города не хотѣли слушаться его, Сараево, Травникъ, Зеница и Высоко; и хотя Абдеррахманъ-паша склонилъ на свою сторону и увлекъ за собою многочисленный народъ, однако онъ не

---

*) Отсюда начинается пѣсенный складъ лѣтописи. Въ началѣ этотъ пѣсенный складъ еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ прерывается, а потомъ пѣснь польется непрерывнымъ потокомъ. Привожу для примѣра это первое мѣсто:

«У Зворнику мѣсто учинио,
Татаръ-аге съ буйрунтиямъ расла,
Разасла ихъ на четири стране,
Да првенце у Зворникъ сазива,
Капетане и велике аге:
Капетане съ агама побио,
Што є старо, оно сурисаво;
А остало све му се предало,
Сва Краина и сва Посавина и т. д.

---

1) Краина есть сѣверозападный уголъ Босніи (иначе Турецкая Кроація, Бихачскій санджакъ), Посавина — сѣверовосточный уголъ (санджакъ Зворницкій).

смѣлъ пріѣхать въ Сараево и устроить тутъ дѣла какъ слѣдовало, но издалека, изъ Зворника *), управлялъ страною, отъ великаго страха передъ Сараевцами [1]). Онъ отправилъ въ Сараево своего *кафтанъ-агу* [2]), чтобы созвать янычарскихъ *агъ* и уговориться съ ними. Кафтанъ-ага былъ уменъ и сталъ дружелюбно говорить Сараевцамъ: «Сараевцы, дорогіе мои *аги* (го-

*) Изъ Зворника, по издалека,
Отуда е послове сређиво.
У Сарайво кафтанагу посло,
Да сазове аге яничаре,
Да се паша шніма здоговара.
Кафтагана паметанъ е био,
Сарайлиямъ лѣпо приповѣдо,
Сарайлиямъ вако говорио:
«Сарайлие, мое драге аге!
Царски емеръ валя свршивати,
И цару се своме поклонити,
И лиепо мухитату бити.
Виша пола паши се предала,
И сва Босна и Ерцеговина,
Осимъ ваши та четири мѣста,
Сараево и іошъ три касабе:
Шта то море съ царемъ противъ стати?
Ако ли ви пашу расрдите,
За еданъ данъ фетератъ биђете.
Аль е мени нешто врло жао,
Турске куђе да се обараю,
Турска дѣца да се цвиеляю.
Што имате найпрвиехъ ага,
Пошальте ихъ паши у сретане,
Некъ се аге съ пашомъ здоговоре.
Неђе бити како ви мислите,
Веђь ђе бити како ви ођете!»
. . . .

1) Сараево было, какъ я сказалъ, притонъ янычаръ.
2) Нѣчто въ рода адъютанта.

спода), нужно исполнять обязанность къ Султану и повиноваться своему государю, нужно, чтобы все дѣлалось по закону. Бо́льшая половина земли вашей покорилась пашѣ, вся Боснія и Герцеговина, кромѣ лишь Сараева и трехъ другихъ городовъ. Какая же тутъ возможность сопротивляться царю? Если вы разсердите пашу, такъ въ одинъ день будетъ вамъ конецъ! Но мнѣ какъ-то очень жалко, что Турецкіе дома будутъ разрушены и Турецкія дѣти осиротѣютъ. Нѣтъ, сдѣлайте вотъ что: какіе есть между вами первые *аги*, вы отправьте ихъ къ пашѣ, пусть они переговорятъ съ пашою. Не то будетъ, чего вы боитесь, но то, чего вы желаете!» Благоразумнѣйшіе изъ нихъ отвѣчали кафтанъ-агѣ: «Все именно такъ, какъ ты говоришь, но есть между нами сильные люди, и разсуждать съ ними не легко». Кафтанъ-ага сказалъ имъ, чтобы они составили списокъ всѣмъ этимъ людямъ: «а потомъ, говоритъ, мы объ нихъ подумаемъ». Такъ они и сдѣлали, и тотчасъ принялись составлять списокъ. Мало осталось *агъ*, которые въ списокъ не попали; и составили не одинъ списокъ, а три или четыре. Одинъ списокъ былъ черный, эти люди должны были поплатиться головою; другой былъ бѣлый, для тѣхъ, которымъ позволялось откупиться. Выкупная цѣна была отъ 30 мѣшковъ (750 р. с.) до 300 (7500 р.). Прежде всего однако кафтанъ-ага позвалъ агъ въ *градъ* (крѣпость) для разсужденія о казенномъ дѣлѣ и осмотра военныхъ снарядовъ и припасовъ. Послѣ того они сѣли и выбрали изъ своей среды нѣсколькихъ агъ, которые должны были отправиться въ *орту* (сборное мѣсто янычарскаго отряда) къ *устѣ* (законоучителю) янычарскому, уговаривать янычаръ, чтобы они сняли съ него поясъ и послали къ пашѣ въ Зворникъ: ибо если бы они распоясали своего *усту* и послали поясъ пашѣ, то это значило бы, что они ему отдаются и покоряются [1]). Посчастливилось агамъ: *уста* янычарскій не сказалъ противъ этого

---

1) Это былъ древній символическій обычай.

ни слова, снялъ поясъ и передалъ имъ. Они взяли поясъ, и вмѣстѣ съ списками, вручили нѣсколькимъ агамъ: первый между ними былъ Горо байрактаръ, говорятъ, что онъ былъ главою всѣхъ и зачинщикомъ всего зла, какое дѣлалось въ Сараевѣ. Снарядились въ путь аги наши, и когда они выѣхали на ровное поле Гласинацъ, ихъ встрѣтилъ *дели-баша* [1]), высланный пашою, и перебилъ всѣхъ, а головы отправилъ въ Зворникъ. А про сыновей ихъ кто-то намекнулъ кафтанъ-агѣ: «змѣй вы похватали, а змѣенковъ оставили. Когда они узнаютъ объ участи своихъ отцовъ, сыновья тотчасъ возстанутъ и зажгутъ войну». Кафтанъ-ага тотчасъ перехваталъ и сыновей, и отправилъ ихъ къ пашѣ въ Зворникъ; и имъ паша отрубилъ головы.

Когда паша истребилъ первыхъ людей по всей Босніи, онъ прежде всего *) приказалъ уничтожить повсюду караулы *пандуровъ* [2]) и разослалъ во всѣ стороны письменныя приказанія. Повсюду его люди собрали старѣйшинъ Турецкихъ и хри-

---

*) Паша намахъ заповѣдатъ пође,
Нанайприе ово заповиђе,
Пандурске да се яме страже.
Буйрунтие на све стране даде,
Прве люде сазивати стаде,
Изъ джемата Турке и христяне,
И тако имъ говорити поће:
Чуете ли и Турци и раіо,
Ето вамъ я баталимъ пандуре,
Я самъ пандуръ на свой Босни посто,
Добре люде одъ рђавихъ раставити,—
Али ће ми сви добри постати.
Я ево вамъ кажемъ: у коме джемату мртва се глава нађе,
Па да рекну, убио га хайдукъ,
Нећу да знамъ и проч. (далѣ) эпическій складъ слабѣетъ.

---

1) Начальникъ конной стражи.

2) Пандуры—нѣчто въ родѣ полицейскихъ служителей.

стіанскихъ и говорили имъ отъ паши; «Слышите ли, и Турки и раія! Вотъ я уничтожаю у васъ пандуровъ. Я одинъ—пандуръ для всей Босніи, чтобы отличать хорошихъ людей отъ дурныхъ. Но всѣ сдѣлаются у меня хорошими: вотъ что я вамъ объявляю: если въ какой волости найдется мертвая голова и скажутъ, что-де этого человѣка убилъ разбойникъ, то я объ этомъ знать не хочу. И не думайте, чтобы можно было легко откупиться въ такомъ случаѣ: нѣтъ, за одну мертвую голову тотчасъ падетъ вашихъ десять, а пожалуй и сотня. И если въ вашей волости окажется воръ или разбойникъ, то вы будете наказаны точно также, какъ онъ самъ. Такъ берегитесь же: присматривайте хорошенько за дурными людьми, и если гдѣ окажутся, тотчасъ извѣщайте меня, и живите себѣ въ мирѣ и покоѣ». Точно такой же наказъ роздалъ онъ по городамъ, что если въ какой либо *махалѣ* (кварталѣ) окажется недобрый человѣкъ и его тотчасъ не выдадутъ, то пострадаетъ вся *махала*.

Наконецъ Абдеррахманъ-паша рѣшился отправиться въ Сараево. Онъ призвалъ къ себѣ Сараевскихъ *беговъ:* то были люди, стоявшіе на сторонѣ Султана, потому что они имѣли по милости Султана большой доходъ, пользуясь многочисленными *спахилуками* [1]) и распоряжаясь множествомъ народа. Ихъ-то вызвалъ къ себѣ паша, чтобы они сопровождали его въ Сараево и ознакомили его съ состояніемъ янычарства. Беги послушались паши и явились къ нему въ Зворникъ, разсказали ему все по порядку и устроили съ нимъ войско. А паша потомъ сказалъ имъ, что онъ обѣщалъ своему войску, если придется брать Сараево силою, предать горедъ на разграбленіе. Онъ прибылъ

1) Султану принадлежала десятая часть урожая; но эту десятину онъ отдавалъ въ Босніи знатнѣйшимъ бегамъ потомственно, и они зато обязаны были являться на службу въ войскѣ по первому востребованію съ извѣстнымъ числомъ снаряженныхъ ими людей. Эти беги, собиравшіе въ свою пользу Султанскую десятину, назывались *спахіями*, имѣнія съ которыхъ они брали ее—*спахилуками*.

въ Сараево съ войскомъ, и былъ принятъ безъ сопротивленія. Случилось, что въ это время наступилъ рамазанъ. Въ первый день рамазана солнце на восходѣ застало въ *градѣ* Сараевскомъ 25 мертвыхъ головъ, все великихъ агъ (начальниковъ) янычарскихъ. Это было хорошее начало. Съ того дня паша каждый день рубилъ головы янычарскихъ агъ или душилъ ихъ: каждый день было ихъ мертвыхъ въ *градѣ* человѣкъ до 25 и 30. Имъ какъ-то обдирали кожу съ головъ и набивъ хлопчатою бумагою, отправляли въ Стамбулъ. Каждый день отъ всякаго ремесла долженъ былъ итти работникъ въ *градъ* на службу и тамъ обдирать головы. Это продолжалось цѣлый годъ. Абдеррахманъ-паша нагналъ такой страхъ на Турокъ, что если бы онъ потребовалъ отъ нихъ выдачи ихъ женъ и дѣтей, то, навѣрно, и жены и дѣти были бы ему охотно выданы. Пока самъ паша занимался расправою съ великими агами, простыхъ янычаръ душилъ Узунъ-али, полицейскій бинъ-баши (маіоръ). Онъ былъ *потурченецъ* (ренегатъ), родомъ изъ Бѣлграда. Онъ обыскивалъ дома, вытаскивалъ янычаръ и *башей* и давилъ ихъ на своемъ дворѣ. Сколько всякій день бывало мертвыхъ въ *градѣ*, столько же и еще больше труповъ лежало на Узунъ-Аліевомъ дворѣ. Такъ отыскивали ихъ и били всякій день въ Сараевѣ и по другимъ мѣстамъ, и это длилось такимъ образомъ цѣлый годъ. Иные Турки, бѣдняжки, отъ великаго страха передъ пашею, переодѣвались въ женское платье и убѣгали, закутанные въ *фереджи* [1]) и покрывала. Ихъ ловили и приводили къ пашѣ въ такомъ одѣяніи, а онъ отправлялъ ихъ прямо въ Стамбулъ, въ этомъ видѣ, переодѣтыхъ женщинами. Когда бѣдныя Турчанки Сараевскія видѣли, какъ этихъ людей приводили къ пашѣ и отправляли въ ссылку, онѣ чуть не умирали со страху и говорили другъ дружкѣ: «Вотъ-то бѣда! вѣдь и женщинъ

1) Широкое платье, почти всегда изъ зеленой матеріи, которое Боснійскія мусульманки надѣваютъ сверхъ своего домашняго костюма, когда выходятъ на улицу.

стали хватать и отправлять въ Стамбулъ! Боже мой! что эти бѣдняжки сдѣлали? сказали ли что нибудь такое, чего бы не слѣдовало говорить, или укрывали кого нибудь изъ опальныхъ?» Бѣдняжки, онѣ и не догадывались, что въ женское платье переодѣты были янычары. Такихъ странныхъ случаевъ было много въ то время.

Когда Абдеррахманъ-паша устроилъ Боснію такъ, какъ было угодно Султану, тогда вся Боснія была у него въ рукахъ, и онъ могъ вертѣть ею, какъ хотѣлъ, то онъ задумалъ поднять Боснію и двинуть ее на Сербію *), ударить сильно на Сербію, отнять Сербію у Сербовъ и подчинить Боснійскому правленію, подчинить харачу и гнету всякаго рода. Въ слѣдствіе этого онъ составилъ меджлисъ (совѣтъ) изъ 6 или 8 Босняковъ, для обсужденія войны съ Сербіею. Уже начали они снаряжать войско и собирать на Орловомъ полѣ [1]). Между тѣмъ паша написалъ князю Милошу: «Позаботься о продовольствіи. Вотъ я со 100,000 Босняковъ отправляюсь черезъ Сербію на Россію: тамъ теперь безпорядки [2])». Милошъ зналъ, что это неправда,

. . . .
*) На Србию сильно ударити,
И Србию одъ Срба узети,
Подъ Босански раіонъ учинити
И подъ харачъ и подъ сваку глобу.
Зарадъ тога меджлисъ поставио,
Отъ Бошняка неколико люди,
Оль е шестъ ихъ оль е осамъ люди.
Крозъ Србию здоговоръ чинили,
Веһе войску почели дизати,
У Орлово поле намѣшһати.
Паша писо на княза Милоша:
«Гледай ти ми таинъ, князъ Милошу,

1) Близъ Зворника.

2) Это было въ 1825 г. Преувеличенные слухи о тогдашнихъ событіяхъ, какъ видно, достигли и Босніи.

и что онъ хотѣлъ вести Босняковъ прямо на Сербію. Онъ отвѣчалъ ему: «Черезъ Сербію я тебя не пропущу, а если хочешь итти другою дорогою, то буду продовольствовать твое войско до Видина». Абдеррахманъ-паша опять писалъ ему: «другой дороги нѣтъ, нужно мнѣ тамъ пройти». На этомъ остановилась переписка. А Милошъ съ своей стороны сталъ разсылать письма по Босніи; онъ писалъ къ нѣкоторымъ *агамъ* въ Сараево и также въ другія мѣста, и говорилъ имъ слѣдующее въ своихъ письмахъ: «*Аги* мои, я васъ вотъ о чемъ предупреждаю, изъ дружбы и добраго сосѣдства. Слышу, что паша снаряжаетъ васъ противъ Сербіи. Вы не вѣрьте пашѣ. Онъ не имѣетъ отъ Султана власти это дѣлать, и не смѣетъ ударить на меня. Онъ только хочетъ обмануть васъ. Кто знаетъ, что онъ съ вами слѣ-

---

Ето мене су сто хиляда Бошняка,
Крозъ Србию оћу на Русию,
Єрь е тамо сада побунено.»
Милошъ знао, да ние истина,
Већъ да оће право на Србию.
Онъ паши е овако одписо:
«Крозъ Србию я ти пута не дамъ,
А на другу страну таинъ ћу ти даватъ,
Даватъ тамамъ до Видина града.»
А паша му на то одговара:
«Друга ние, тудъ ми проћи валя.»
Тай разговоръ на томе остаде.
Князъ Милошъ се размышляти пође,
И по Босни кнiге оправляти,
У Сарайво на неколько ага,
И такођеръ по другиемъ странамъ,
У кнiгама вако изговара:
«Мое аге, я вамъ ово являмъ
На достлуку и на комшилуку.
Чуємъ да васъ паша на Србiю диже:
Ви немойте паши вѣровати.
Онъ те власти одъ Султана нема,

лаетъ, если исполнитъ то, что задумалъ. И дѣтей вашихъ онъ вамъ не оставитъ. Такъ вы не давайтесь ему и прогоните его изъ Босніи. Я отвѣчаю за васъ передъ Султаномъ. Впрочемъ, паша и самъ знаетъ, что онъ провинился и заслужилъ, чтобъ его выгнали». — Не прошло нѣсколько дней, какъ аги стали говорить пашѣ: «Вы собираемся ударитъ войною на влаховъ (христіанъ). Нужно тутъ много издержекъ. Мы ведемъ 100,000 ратниковъ: нужно имъ продовольствіе, нужно жалованье. Конечно, державный Султанъ можетъ платить, но все-таки надобно сберечь то, безъ чего можно обойтись. Вотъ, во-первыхъ, у тебя, паша государь нашъ, въ *градѣ* (крѣпости Сараевской) сидитъ Мехмедъ-ага съ тысячью *сейменовъ* (солдатъ городской стражи). Это всякій день—тысяча паевъ, кромѣ всѣхъ прочихъ сейменовъ по другимъ мѣстамъ. Безъ нихъ можешь обойтись;

Нитъ онъ смие на ме ударити,
Веħе ħе васъ лѣпо преварити,
Ко зна, шта ħе одъ васъ урадити,
Акъ уради шта е намислио!
Ни дѣце вамъ оставити неħе!
Веħь гледайте те се ви не дайте,
И изъ Босне деѳъ га учините.
Я ħу цару за васъ одговаратъ;
И самъ паша зна да е преступио,
Проħератъ га да е заслужио.»
А не прође неколико дана,
Аге сташе паши говорити:
«На влаха се спремамо удрити:
Туй се оħе дости похарчити.
Сто хиляда войника водимо,
Валя таинъ, а валя имъ айликъ.
Царъ честити кадаръ е трошити,
Али валя одъ нешта поштеђѣтъ,
Одъ онога, брезъ шта бити море.
Ево прво, паша господару,
У граду ти сѣди Мехмедъ-ага,

оставь ихъ человѣкъ тридцать, а прочихъ распусти, а мы, паша, тебѣ готовые *сеймены*, безъ жалованья и безъ продовольствія». Это было пашѣ весьма пріятно; онъ тотчасъ же распустилъ городское войско въ Сараевѣ и другихъ городахъ и остановилъ выдачу ему жалованья и продовольствія. Сараевцы ничего лучшаго не желали. Они тотчасъ отправили два письма, одно въ Высоко, другое въ равную Зеницу: «въ первую наступающую пятницу (такъ писали они туда своимъ пріятелямъ) будьте всѣ въ полѣ Сараевскомъ, ударьте на шатры паши. Тамъ будетъ съ пашою малый отрядъ войска. Бейте войско, захватите шатры, ворвитесь въ Сараево. Въ эту пятницу будетъ читаться фирманъ, и мы соберемся всѣ вооруженными, перерѣ-

Око нега хиляда сеймена:
Ево нама хиляда харчева,
Симъ остало по другимъ странама,
А брезъ тога и море ти бити.
У граду ихъ тридесетъ остави:
Ево, пашо, ми смо ти сеймени,
Брезъ айлика и брезъ таината!»
То є паши врло мило било,
Намахъ аскеръ изъ града распусти,
И такођеръ и по другимъ странамъ,
Осиече и таинъ и айликъ.
Сарайлиямъ то є мило било,
И іошъ шалю двие ситне кнігe,
У Високо и Зеници равной:
«У петакъ тай кой први дође,
Брже да сте у поле Сарайско,
На пашине чадоре удрите.
Тамо има нешто мало войске,
Войску бийте, чадоре дигните,
У Сарайво уришъ учините.
У тай петакъ ферманъ ће се учитъ:
Ми ћемо на оружье дићи,
И пашине войнике изсѣћи,

жемъ ратниковъ паши и выгонимъ пашу изъ Сараева, либо выгонимъ, либо отрубимъ ему голову». Паша этого и не подозрѣвалъ, а между тѣмъ *меджлисъ* (совѣтъ) сталъ ему говорить: «Жаркое солнышко, нашъ честной паша! Народъ умоляетъ тебя, цѣлуя край одежды твоей, чтобы ты прочелъ ему Султанскій фирманъ. Народъ соберется завтра въ полѣ, и проситъ васъ потрудиться тамъ прочесть ему фирманъ.» Паша отвѣчалъ на это: «Хорошо, я завтра выѣду въ поле, и прочту фирманъ. Такъ и слѣдуетъ по царскому закону, чтобы народъ слышалъ, что царь приказываетъ». Сказавъ это, онъ удалился въ гаремъ и распорядился для выѣзда на другой день. Но въ гаремъ пришла одна женщина изъ дома бега Бабича и ска-

---

Изъ Сарайва пашу исћерати,
Яль исћератъ, яль му главу осѣђы!»
Кадъ є било до неколько вакта,
Меджлисъ стаде паши говорити:
«Жарко сунце, нашъ честити пашо!
Народъ моли и у скутъ те люби,
Да имъ царски ферманъ проучите.
Народъ сутра у поле изићe,
И васъ моли да се потрудите,
Ферманъ ѳнди да имъ проучите.»
Паша німа на то одговори:
«Добро, сутра ћу у поле изићи,
И ферманъ ћу німа проучити.
Тако и єстъ у царскомъ усулу,
Нека чую, шта царъ заповѣда.»
Тако рече, у харемъ униђе
И за сутра спремати се пође.
Докъ у харемъ єдна жена дође,
Изъ Бабића бегова конака,
Пашиниемъ ханумама вели:
«Бегъ є Бабићь паши поручио,
Да не иде у поле съ ферманомъ,
Некъ пошале кога свогъ већила.

зала женамъ паши: «Бегъ Бабичъ велѣлъ сказать пашѣ, чтобы онъ не выѣзжалъ въ поле съ фирманомъ, а послалъ вмѣсто себя какого-нибудь *векиля* (полномочнаго). Сараевцы не думаютъ о томъ, чтобы слушать фирманъ, они думаютъ о томъ, чтобы убить пашу». Узнавъ это, паша назначилъ *векиля*, который долженъ былъ отправиться читать фирманъ. Когда на другой день солнце засіяло, *векиль* отправился съ фирмамомъ, сопровождаемый нѣсколькими изъ людей паши, и они выѣхали въ поле Сараевское. А тамъ народъ уже былъ въ сборѣ, всѣ снаряженные и вооруженные; Высочане и Зеничане были тутъ же, готовые помочь. Когда началось чтеніе фирмана, въ народѣ выстрѣлило одно ружье, за первымъ ружьемъ — всѣ другія; гик-

---

Ние мерамъ да ферманъ слушаю,
Веђь е мерамъ да пашу убию.»
Кадъ е риечь паша разумио,
Онъ веђиле нарећиватъ пође,
Ко ђе пођи съ ферманомъ у поле.
Кадъ у ютру ютро осваиуло,
Веђиль пође и ферманъ понесе,
Шнімъ пашини люди неколико,
И одоше у Сарайско поле.
Аль у полю народъ се скупио,
Све е спремно и све оружано.
И веђь німа тамо стигли бѣху
Височане са Зеничанима.
Започеше ферманъ до проуче,
Изъ народа една пушка пуче,
Како една, све тако еднако.
Пакъ аихнуше колько кои море,
Чакъ изъ поля до пашина двора,
Све еднако Турци подвикую:
«Држте влаха и удрите влаха!»
А све више добиваю друштва,
Войнике му ядне расђераше.
По сокаку што е било, то е погинуло,

нули, какъ кто могъ и бросились бить людей паши. Съ поля до самаго дворца паши Турки все скачутъ и кричатъ: «держите влаха [1])! бейте влаха!» и къ нимъ пристаетъ все болѣе и болѣе народа. Разогнали они несчастныхъ воиновъ паши. Тѣ, которые встрѣтились имъ на улицахъ, тутъ же были убиты, а тѣ, которые остались во дворцѣ, попались подъ осаду, безъ хлѣба и безъ всякихъ запасовъ. Когда стали кричать: «держите влаха! бейте влаха!» раiи разбѣжались и попрятались, куда кто могъ: несчастные думали, что на нихъ хотѣли ударить. Но потомъ они услышали: «раiя, братья, съ нами!» и поняли тогда, въ чемъ дѣло. По неволѣ они должны были подняться и присоединить-

---

У конаци што се затрефило
То у муасеру запало,
И брезъ хлѣба и брезъ свега било.
Кадъ повичу: држте влаха и удрите влаха!
Ядна рая кудъ кои биега,
Мисле ядни, на нiхъ ударише.
Кадъ повичу: а раiо, а браћо!
Онда янди виеђеше шта би,
Подъ моране мораю се дићи,
Ако неће, изсѣћи ће Турци.
Съ Туцима за едно се дигоше
И подъ беглукъ пашин̓ъ се скупише,
Обколише са четири страна,
И такођеръ войничке конаке.
Пакъ и у градъ чету опремише,
Позаптише по граду топове,
Топчибаши тенбихъ учинише,
Да се не би како преварио:
«Єръ нећешъ изнић ни изниетъ главе,
Ни извести друга ни еднога.
А таинъ ти ексикъ бити неће,
Акъ послушашъ те наше риечи.»

---

1) Т. е. христiанина: такъ Босняки-Мусульмане презрительно называютъ Константинопольскихъ Турокъ, какъ зараженныхъ *гяурскимъ* духомъ.

ся въ Туркамъ, иначе Турки перебили бы ихъ. Итакъ они поднялись вмѣстѣ съ Турками и собрались подъ *беглукомъ* (дворцомъ) паши. Предводителемъ былъ Хасанъ-байрактаръ Зубовичъ. Турки и раія обложили *беглукъ* съ четырехъ сторонъ, а также дома, гдѣ стояло войско; они отправили отрядъ въ *градъ* (крѣпость) и захватили тамъ пушки; начальнику пушкарей было объявлено, что если онъ рукою дотронется до пушки, то не выйдетъ изъ *града*, не вынесетъ своей головы и не выведетъ ни одного изъ своихъ товарищей; если же онъ ихъ послушается, то не будетъ ему ни въ чемъ недостатка. Отъ пятницы до понедѣльника ружье и пушка не переставали стрѣлять, днемъ и ночью не прекращалась пальба. Наконецъ принудили пашу написать своею рукою бумагу, написать и скрѣпить печатью, что онъ провинился и заслужилъ смерть. Но Босняки, люди милосердые, даровали ему жизнь и отдали его на судъ державнаго Султана. Они взяли отъ него это письмо: бѣдный паша, чтобы только выйти живымъ изъ Сараева, писалъ самъ на себя обвиненіе и осужденіе! Его выпустили, и онъ бѣжалъ и поселился въ Травникѣ, пока не пришло отъ Султана приказаніе, чтобы онъ ѣхалъ съ Стамбулъ.

Послѣ Абдеррахманъ-паши смѣнилось пять или шесть пашей. Они пребывали въ Травникѣ; нѣкоторые оставались полгода, другіе годъ. Босняки не давали имъ долго засиживаться, и скоро ихъ прогоняли. Такъ продолжалось до прибытія паши

Те одъ петка до понеђельника
Топъ и пушка еднако пуцала,
Дневи, ноћи вие престаяла.
Онда паши зооръ учинише,
Да одъ свое руке чаге пише,
Да напише и да мурлеише,
Како е преступио и смртъ заслужио.
Аль Бошняци мераметли люди,
Животъ му поклонили.....
. . . .

Моралiи [1]). Онъ прiѣхалъ въ низамской одеждѣ. [2]) Какъ скоро онъ отдохнулъ съ дороги, онъ сталъ объявлять приказанiя Султана. Сараевцы *) тотчасъ собрали совѣтъ и стали говорить такимъ образомъ: «Морали-паша хуже влаха (христiанина), коль скоро надѣлъ влашское платье. А еще онъ думаетъ намъ приказывать! Не пристало это нашей чести и вѣрѣ нашей. Пойдемъ же, сядемъ на коней и отправимся прямо въ Травникъ, переодѣть его въ Турецкое платье, переодѣть и привести сюда, пусть видятъ его всѣ Турецкiе *улемы* (законоучители) и поблагодарятъ насъ, пусть скажутъ за насъ Турецкую молитву!» Какъ сказали, такъ и сдѣлали: снарядили себя и коней, отправились прямо въ Травникъ, переодѣли Морали-пашу и повели

*) Сарайлие меджлисъ сабираю
И овако разговоръ имаю:
«Моралия гори є одъ влаха,
Докъ обуко влашко одѣло,
Па онъ мисли нама заповѣдатъ!
Не подноси то нашему шану,
Ни нашему дину и иману.
Веђь айдете да коне яшемо
И у Травникъ право да идемо,
Преобуђь га у Турске халiне,
Преобуђи па амо повести,
Некъ га види сва Турска улема,
Нека виде и некъ намъ зафале,
Турску дову нека намъ учине!»
Како рекли, 'нако учинили,
Опремише и себе и коне,
И у Травникъ управо одоше,
Моралию пашу обукоше,
У Сарайво пашу поведоше.
У Бусовачи конакъ учинише,
Изъ Бусоваче паша имъ утече,

1) Т. е. уроженца Мореи.
2) Въ формѣ новаго регулярнаго войска, Европейскаго покроя.

въ Сараево. Въ Бусовачѣ сдѣлали привалъ. Изъ Бусовачи паша убѣжалъ отъ нихъ, побѣжалъ въ Герцеговину, оттуда въ Нѣмецкую землю (т. е. Австрію), изъ Нѣмецкой земли поѣхалъ прямо въ Стамбулъ. Это случилось осенью; всю зиму не присылали другаго визиря, а оставался намѣстникомъ татаръ-ага [1]) Морали-паши. А когда наступила весна, Султанъ снарядилъ своего садразама [2]) съ войскомъ и отправилъ его на Косово поле, звать туда Босняковъ и попытать съ ними счастія въ битвѣ. Если бъ ты видѣлъ тогда Босняковъ молодцовъ! Вся Боснія двинулась на Косово; предъ Босняками сераскеръ (военачальникъ)-Гусеинъ-капетанъ Градашчевичъ. Они прибыли на равное поле Косово и размѣстили на немъ шатры. День проходилъ за днемъ, пока не сразились. Градашчевичъ поступилъ умно: сра-

---

Онъ утече на Ерцеговину,
А оттале у землю Нѣмачку,
Изъ Нѣмачке у Стамбулъ управо.
То е било близу о есени,
И те зиме другогъ не послаше,
Веће сиђе неговъ татарага.
А када е премалѣћу било,
Садразама царъ съ войскомъ подиже
И посла га у поле Косово,
И Бошняке у Косово звати,
Онде шніма мейданъ диелити.
А да видишъ Бошняка юнака!
Сва се Босна на Косово дигла,
А предъ німа сераскеръ предъ войскомъ
Градашчевићь Усеинъ капетанъ.
И дођоше у Косово равно,
По Косову попеше чадоре,
Данъ по данакъ докъ се ударили.
Градашчевићь мудро учинио,
Мало се био, па се паши предо,

---

1) Начальникъ гонцовъ.
2) Т. е. великаго визиря.

жался онъ не много и отдался пашѣ, чтобы Турецкое войско понапрасну не страдало. Садразаму это было весьма пріятно; онъ вручилъ Гусеину мелко-писанный фирманъ и назначилъ его пашею надъ Босніею. Гусеинъ клялся ему, что все устроитъ въ ней по желанію Султана. Получивъ власть паши, Градашчевичъ двинулъ свое войско и отправился обратно въ Боснію. Его *конакчіи* [1]) скачутъ впередъ снаряжать ему ночлеги и получать подарки; они берутъ подарки съ Босняковъ. Проходитъ день за днемъ, и Гусеинъ наконецъ въѣзжаетъ въ Сараево. Къ нему на встрѣчу вышло многочисленное войско, и грянуло множество пушекъ. Всѣ привѣтствовали своего пашу и стали его спрашивать про управленіе. А паша сталъ говорить имъ: «Что касается управленія, вамъ извѣстно, что должно

Да се Турска не крдише войска.
Садразаму врло мило било,
Капетану ситанъ ферманъ даде,
И на Босни пашалукъ му даде.
Капетанъ се паши заклиняше,
Да ће свршитъ по царевой воли.
Войску диже и у Босну нођe.
Конакчие на муштулукъ трче,
Одъ Бошняка муштулукъ примаю.
Данъ по данакъ до Сарайва дође.
Чуданъ алай предъ нега изиђе
И топови многи испуцаше.
Добро свога пашу дочекаше,
За уредбу питатъ га стадоше,
А паша имъ започе казиватъ:
«За уредбу,—то вамъ е познато,
Башалуци да се укидаю
А низаме да се поставляю.
И я самъ се паши обећао,
Да ћу свршитъ по царевой воли;
Я самъ реко, али свршитъ нећу,

---

1) Тоже что квартирмейстеръ, только въ Турецкомъ духѣ.

уничтожить *башей* [1]) и учредить *низамъ* (регулярное войско). Я обѣщалъ пашѣ, что устрою все по желанію Султана. Я это сказалъ, но сдѣлать—не сдѣлаю. Не стану уничтожать башей, а утвержу ихъ еще болѣе. Босняки, мои соколы! крѣпитесь, какъ только можете, а тамъ что намъ дастъ Богъ и счастіе! Лучше намъ умереть, какъ умираютъ Турки, чѣмъ надѣть на себя гяурскій нарядъ. *Аллахъ керимъ*, [2]) дорогіе братья мои! наша сила и длинна и широка: [3]) мы можемъ взять, пожалуй, и Стамбулъ, да и есть между нами умные люди, изъ которыхъ можемъ выбрать себѣ царя, такого царя, что будетъ умѣть ворочать царствомъ, придавать храбрости Туркамъ и доставлять имъ власть, такого, что не будетъ прихвостнемъ у «влаховъ», не станетъ носить ихъ платья, какъ теперь этотъ, котораго зо-

---

Башалука баталити неһу,
Веһь га боле потврдити оһу.
О Бошняци, соколови мои!
Тврдите се како боле знате,
Па што нама Богъ и среһа даде!
Боле намъ е Турски умриети,
Негъ каурски кияфетъ узети!
Ала-һеримъ, моя браһо драга,
Наша сила дуга и широка!
Ми моремо и Стамбулъ узети,
Па имамо паметние люди,
Когъ моремо на царство метнути,
Ко би умио царствомъ окретати,
Турке крабритъ и власти имъ даватъ,
Кои не би за власимъ пристао
И ніхово одѣло узимо,
Ко ови садъ што га Махмутъ кажу,
Ама хаша! не вѣруемъ да е!»......

---

1) См. объ нихъ выше: баши (собств. башаги), представители янычарскаго духа, опять начали преобладать въ Босніи послѣ изгнанія Абдеррахманъ-паши.

2) Богъ силенъ.

3) Любимое Сербское выраженіе.

вутъ Султанъ-Махмудъ: но чуръ! я не вѣрю, чтобъ это былъ Султанъ.....» Такъ онъ сказалъ, и *сѣлъ судить* (т. е. началъ управлять), не какъ паша, а какъ царь Боснійскій. Такъ онъ *судилъ* (т. е. управлялъ) 18 мѣсяцевъ. Надоѣло наконецъ державному Султану слушать про гордыню Босняковъ и про гордыню Гусеинъ-паши, онъ написалъ ему, чтобы оставилъ дѣла, что онъ уже не правитель Босніи, потому что Боснія поручена другому, Кара-Махмудъ-пашѣ Янялія (т. е. уроженцу Янины). Султанъ приказалъ садразаму (великому визирю) собрать войско въ Праховѣ и занять имъ Косово поле, а Кара-Махмудъ-пашѣ велѣлъ взять Тосковъ [1]) и нѣсколько Румелій-

---

Тако реко, па судити сио,
Ние ко паша, веħь ко царъ Босански;
Судио е осамнестъ мѣсеци.
Честитомъ се цару додияло,
Слушаюħи за силу Бошнячку
И за силу Усеинъ-пашину:
Намахъ пише да прекине више,
Єръ е Босна другомъ максипъ дата,
Янялии Кара-Махмутъ паши.
Царъ честити садразаму пише,
Да онъ купи на Праове войску,
Па да съ войскомъ у Косову сѣди,
Махмудъ-паша Тоску некъ покупи,
Руменлийске іошъ неколько войске,
Па на Босну намахъ нека иде.
Царски емеръ намахъ послушаше
И садразамъ изъ Монастира уста,
Съ войскомъ сѣде у поле Косово;
Махмутъ-паша Арнауте скупи,
Арнауте, ситну Тоскадию,
Око єдно четерестъ хиляда,

---

1) Уроженцевъ южной Албаніи: Тоски—зерно Турецкихъ баши-бузуковъ (иррегулярнаго войска).

скаго войска и немедленно итти на Боснію. Они тотчасъ послушались царскихъ повелѣній: садразамъ выступилъ съ войскомъ изъ Монастира и занялъ Косово поле; Махмудъ-паша собралъ Арнаутовъ, мелкихъ [1]) Тосковъ, числомъ до сорока тысячъ, да еще немного Румелійскаго войска. Передъ этой ратью шло семь или восемь пашей; они снарядились въ походъ и пошли на Боснію. А Босняки, хорошо приготовляясь встрѣтить ихъ, собрали 100 тысячъ ратниковъ. Главный вождь Босняковъ назывался Мустафа-ага Златарь,—тотъ Мустафа-ага, что думалъ сдѣлаться царемъ, [2]) а Гусеинъ-пашу Градашчевича хотѣлъ назначить своимъ садразамомъ. Гусеинъ-паша и Му-

---

Руменлийске іошъ неколько войске,
И предъ віма седамъ-осамъ паша,
Спремише се, на Босну пођоше.
А Бошняци, добро сигурани,
Покупили сто хиляда войске.
Бошняцима найпрва є глава
По имену Златаръ Мустафага,
Кои мисли царъ да ! е постати,
Усеинъ-пашу (Градашчевића) садразамомъ метнутъ.
Паша съ агомъ разређуе войску
И набрзо поставляю страже
До у Прѣполь и тамо до Баньске,
Да цареву заузбию войску.
Како дође Махмутъ-паша съ войскомъ,
Разби стражу и прође у Босну;
Тако и іошъ на неколько мѣста
Поразбия страже и бусие,
Докъ дођоше до Витезъ-планине:
Подъ Витезомъ Шарени ханъ има,
Туй Бошнячке нешто войске има,
Караула одъ вельке ордие:

---

1) Албанцы дѣйствительно малы ростомъ сравнительно съ Сербскимъ племенемъ.

2) Это дѣйствительная правда: этотъ Мусафа-ага Златарь, теперь старикъ, живетъ и нынѣ въ Сараевѣ.

стафа-ага распредѣляютъ Боснійскую рать и поспѣшно разставляютъ передовые отряды около Прѣполя и Баньской, чтобы отразить Султанское войско. Но какъ скоро пришелъ Махмудъ-паша съ войскомъ, онъ разбилъ сторожевой отрядъ и вступилъ въ Боснію. Также въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ разбилъ онъ Босняковъ, стоявшихъ на стражѣ или въ засадахъ и достигъ горы Витеза. Подъ Витезомъ есть *ханъ* (гостинница), называемый Шареный-ханъ (т. е. Пестрый): тамъ стояло нѣсколько войска, передовой полкъ великой рати Боснійской; рать находилась на Паляхъ, тамъ была собрана вся Боснійская сила. Достигнувъ *хана*, Махмудъ-паша тотчасъ устремилъ

Ордия е на Палима била,
Туй сабрана сва Бошнячка сила;
То е одъ хана еданъ сахатъ ниже.
Махмутъ-паша кадъ до хана стиже,
На ханъ намахъ свой аскеръ наврже,
И говори да имъ се предаду.
А Бошняци предати се не е,
Съ оружьемъ се изъ хана браните.
Паша рече, те ханъ запалите,
И у хану ядни изгорѣше:
И туй кажу, шестдесетъ ихъ е било,
И Посавци Шокци да су били.
Па отталенъ на Пале се диже,
На Бошняке свой аскеръ наврже:
Туй се бише одъ ютра до мрака,
Миралая Сарошъ-Али-бега,
Погибе му осамъ стотинъ людп,
Арнаута нема ни есаба,
Било яда и тамо и амо,
И Бошняка доста погинуло.
Махмутъ-паша Бошняке разбио,
Пакъ управо у Сарайво пође:
Бошняци га опетъ дочекаше
На Булозимъ сахатъ до Сарайва,

на него свои полки и требовалъ, чтобы непріятельскій отрядъ сдался. Но Босняки не хотѣлися сдаваться, а защищались оружіемъ изъ-за стѣнъ *хана*. Паша сказалъ и *ханъ* зажгли, несчастные сгорѣли въ ханѣ, числомъ говорятъ до 60, и между ними нѣсколько *Шокцевъ* (т. е. Католиковъ) изъ Посавины. Оттуда паша двинулся на Пали и устремилъ свое войско на Босняковъ. Тутъ бились съ утра до сумерекъ; у миралая (полковника) Али-бега, прозвищемъ Сароша (пьяницы), погибло 800 человѣкъ, а Арнаутамъ и счету нѣтъ. Было бѣды и тѣмъ и другимъ; не мало легло и Босняковъ. Махмудъ-паша разбилъ Босняковъ и пошелъ прямо на Сараево; Босняки остановили его опять на Булогахъ, въ 1 часѣ отъ Сараева, но и тутъ Махмудъ-паша побѣдилъ ихъ и пустился въ войскомъ въ поле Сараевское.

Махмудъ-паша пакъ ихъ е разбио,
Прође съ войскомъ у поле Сарайско,
И чадоре по полю попеше
И лиепо войску намѣстише,
Пакъ прегледа шта су задобили
И на бою шта су пофатали.
И на есабъ кадъ су ихъ узели,
Христяна е око шесетъ било:
Владики ихъ пешкешъ учинио.
Поглавице двие су утекле,
Царъ Златаре, везиръ Усеине,
Утекоше у землю Нѣмачку,
Изъ Нѣмачке дошли у Биоградъ.
Обоицу туй су уфатили
И у Стамбулъ цару ихъ пратили.
И ареми све су шніма били,
И заедно шніма ихъ пратили.
Махмутъ-паша у полю сѣдећи,
Сарайлие стадоше му ићи
И паши си смѣрно поклонише,
Штогодъ рече, на све му присташе

. . . .

Разбили шатры по полю и расположили войско. Тогда паша сталъ осматривать, что взяли и сколько плѣнныхъ захватили въ бою. Христіанъ оказалось около 60; паша отдалъ ихъ владыкѣ (митрополиту). Двое предводителей убѣжали: «царь» Златарьи Сараевскому «визирь» Гусеинъ; они убѣжали въ Австрію, оттуда въ Бѣлградъ; тамъ схватили обоихъ и отправили къ Султану въ Стамбулъ. И гаремы ихъ все время находились съ ними; ихъ отправили съ ними въ Стамбулъ. Пока Махмудъ-паша стоялъ въ полѣ, Сараевцы стали являться къ нему. Они смиренно поклонились ему и согласились на все, чего онъ отъ нихъ требовалъ. Прежде всего онъ велѣлъ имъ поставить *редифовъ* (рекрутъ); затѣмъ онъ сказалъ: «Христіане должны выбрать двоихъ *ходжа-башей* (городскихъ головъ), которые будутъ вести всѣ дѣла, касающіяся до ихъ народа.» Отъ народа христіанскаго выбраны были двое: Петръ Арнаутъ и Джуко Петровичъ. Паша щедро одарилъ ихъ, надѣлъ на нихъ (въ знакъ милости) большіе *биниши* (родъ плащей). Паша любилъ ихъ обоихъ; съ Петромъ онъ обращался, какъ съ роднымъ братомъ. Петръ хорошо говорилъ по-Турецки, и паша звалъ его къ себѣ обѣдать и ужинать, и безпрестанно съ нимъ бесѣдовалъ. Изъ Турокъ онъ особенно отличалъ двоихъ, которые умѣли показаться приверженцами Султана, именно сына Накибъ-ефендія, [1]) Фазли Шерифовича, и алай-бега [2]) Мустафу Бабича. Мустафу паша отправилъ въ Стамбулъ, и онъ возвратился оттуда съ чиномъ полковника; также и Физли Шерифовичъ получилъ большое отличіе. Эти двое стали имѣть голосъ во всѣхъ дѣлахъ. Они завидовали Петру за то, что онъ былъ въ такой милости у паши: когда онъ сидѣлъ у паши и съ нимъ бесѣдовалъ, то никто къ пашѣ не смѣлъ войти. За то они возненавидили Петра, но пока не могли еще повредить ему.

1) Этотъ Накибъ былъ въ 1826 г. побитъ каменьями въ Сараевѣ за то, что считали его главнымъ приверженцемъ Султана.

2) *Алай-бегъ*, собственно бегъ предводитель полка, было почетнымъ титуломъ знатнѣйшихъ беговъ.

Махмудъ-паша водворился въ Сараевѣ; онъ построилъ дворецъ на Горицѣ [1]) и поселился тамъ, и прекрасно управлялъ народомъ. Въ это время пришла изъ Стамбула вѣсть, что Мехмедъ-Али Египетскій возсталъ противъ Султана. Махмудъ-пашѣ было приказано собрать войско въ Босніи для похода противъ Египтянъ. Онъ собралъ и отправилъ до 1,000 отборныхъ молодцовъ.

Махмудъ-паша управлялъ Босніею 15 мѣсяцевъ; затѣмъ пришло извѣстіе, что онъ отозванъ изъ Босніи и назначенъ въ Янину, гдѣ возникъ мятежъ. Онъ собралъ войско и отправился туда, а Боснія осталась не вполнѣ устроенною. Но нѣкоторые люди между Босняками торжественно обѣщали пашѣ, что все будетъ сдѣлано по волѣ Султана, что они все приведутъ въ порядокъ. Между этими людьми главные были: Фазли Шерифовичъ и Мустафа Бабичъ. Махмудъ-паша написалъ въ Стамбулъ о томъ, какъ они обѣщались устроить все по волѣ Султана и отлично отозвался объ этихъ двоихъ. Въ слѣдствіе того Фазли Шерифовичу и Мустафѣ Бабичу дана была такая власть, что дѣла проходили чрезъ ихъ руки и они всѣмъ распоряжались.

Послѣ Кара-Махмудъ-паши прибылъ Даудъ-паша (1833). Онъ поселился въ Сараевскомъ *беглукѣ,* а Фазли Шерифовича назначилъ муселимомъ (окружнымъ начальникомъ) Сараевскимъ, съ порученіемъ судить и распоряжаться дѣлами. Первымъ его распоряженіемъ было возстановить по прежнему *башей.* Съ одной стороны *баши* терзаютъ раіи, а съ другой, несчастныхъ ихъ разоряетъ, бьетъ, вѣшаетъ, казнитъ Шерифовичъ.

Первый *) попался ему ходжа-баша Петръ Арнаутъ. Онъ

*) Ево првогъ што е оглобио,
Хоџа-башу Петра Арнаута.

1) Холмъ у въѣзда со стороны Травника. Оттуда видъ на Сараево превосходный.

приказалъ схватить и посадить его въ тюрьму, не говоря за что и про что. Люди приходятъ и спрашиваютъ Петра, почему онъ сидитъ въ тюрьмѣ, за какую вину? Петръ отвѣчаетъ имъ: «Не знаю я и мнѣ не сказываютъ; но сказываютъ мнѣ, что онъ хочетъ казнить меня и уже приказалъ, чтобы завтра намочили веревку, [1]) а послѣ-завтра меня на ней повѣсили. [2]) Много народу пошло къ Шерифовичу, умолять за Петра. Петръ даетъ ему, что имѣетъ. Онъ долженъ былъ отдать Шерифовичу всѣ деньги, какія имѣлъ, а самъ остался ни съ чѣмъ. Тогда Шерифовичъ выпустилъ его изъ тюрьмы и объявилъ ему его вину: «Слышишь ли, гяуръ! благодари Бога и всѣхъ этихъ людей, которые стали просить за тебя: иначе не отпустилъ бы я тебя за деньги. Ты нанесъ мнѣ кровавую обиду. Когда здѣсь

Уфатио пакъ у хапсъ метнуо,
Не каже му, што е ни како е.
Люди иду те Петра питаю,
Што е у хапсу, подъ какомъ е кривдомъ.
А Петаръ имъ на то одговара:
«Нитъ я знадемъ, нити ми казую,
Веђь казую, хоће ме смакнути,
Личине ми сутра киселити,
Прексутра ме шніма обѣсити.»
Млоги люди Накибу [2]) одоше
И за Петра млого се молише,
Петаръ дае ђигодъ што имаде;
Све Накибу свое новце даде,
А у Петра ништа не остаде.
Ондаръ га е изъ хапса пустио
И кривицу Петру объявио:

1) Въ Босніи вѣшали на лыковой веревкѣ, которую наканунѣ казни, въ глазахъ осужденнаго, клали въ воду, чтобы она намокла.

2) Фазли-бегъ, сынъ *шерифа* Накибъ-ефендія былъ въ началѣ извѣстенъ народу подъ именемъ своего отца, въ послѣдствіи же, когда онъ сдѣлался пашею, стали называть его собственнымъ его именемъ, Фазли; для избѣжанія сбивчивости, въ переводѣ онъ вездѣ обозначается однимъ и тѣмъ же именемъ Фазли Шерифовича.

былъ Махмудъ-паша, то ты съ нимъ сиживалъ на одномъ коврѣ, обо всемъ съ нимъ бесѣдовалъ, а я, какъ слуга, стоялъ въ передней, дожидался два-три часа, пока угодно будетъ *папазу* (папазомъ, т. е. попомъ, Босняки прозвали Махмудъ-пашу за его благосклонность къ христіанамъ) кончить съ тобою разговоръ и позвать меня: тогда, если можно было войти, я садился у дверей на колѣни.... [1])» Послѣ того дѣла у Петра запутались и онъ обѣднѣлъ совершенно; онъ заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Такова была причина его смерти.

Въ теченіи полутора года Шерифовичъ предалъ смерти 77 христіанъ, совершенно невинныхъ; а тѣмъ, за которыми была какая нибудь вина, и счету нѣтъ. Изъ этихъ жертвъ мы приведемъ нѣкоторыя по имени, какъ-то Нешу Маринковича изъ села Висоевицы, Іована Глевоня изъ села Мокраго, Петру Мла-

«А чуешъ ли, море каурине!
Моль се Бога и толико люди,
Ђи су за те толики устали:
А за новце пустио те не бихъ.
Ти си мени у крвъ удробио:
Кадъ є овде Махмутъ-паша био,
Ти би шніме на шилтету сио,
О свачему разговоръ водио;
Я, ко слуга, на двору бихъ био,
Изчекиво по два-три сахата,
Докъ би папазъ ћеифъ задобио
И разговоръ съ тобомъ савршио;
Ондаръ веће, ако бихъ унишо,
И за вратима на колѣна сио».....
Тадай Петаръ съ радомъ се помете
И одтадай сиромахъ постаде,
Разболѣ се и брзо умрие,
И то му є узрокъ смрти било.
. . . .

1) Турокъ передъ старшимъ, изъ уваженія, садится такъ, что вся тяжесть его тѣла опирается на колѣнахъ; онъ ждетъ, какъ милости, приказанія сѣсть съ *рахатомъ* (т. е. удобствомъ), скрестивъ ноги подъ собою.

деновича изъ-за Требевича[1]). Этотъ Петръ былъ единый сынъ * у матери; ему было семнадцать лѣтъ. Онъ пригналъ въ Сараево на продажу одинъ или два вьюка сѣна, чтобы купить то, что было ему нужно. Несчастіе привело его пройти мимо дома Шерифовича. Шерифовичъ увидалъ его изъ окна и тотчасъ сказалъ своимъ слугамъ: «поведите этого человѣка и повѣсьте.» Они его повели и повѣсили. Пришла его мать, оставшаяся безъ кормильца. Она укуталась въ черное покрывало, оплакивала горемычная сына, и, рыдая, спрашивала на базарѣ: «въ чемъ провинился мой сынъ?» Горемычная била себя камнемъ въ грудь, и мало людей, видя ее, могли удержаться отъ слезъ: жалѣли ея сына и Турки и христіане, но отъ сожалѣній уже не было пользы: несчастная мать впала въ безуміе.

Другою жертвою Шерифовича былъ гвардіанъ (настоятель)

* Тай е био едини у майке,
Седамнаестъ било му е лѣта,
Поћеро е товаръ два сиена,
У Сарайво да сиено прода,
Пакъ да купи што му е потреба.
Несрећа е тога нанiела
Край конака Накибъ-ефендина.
А Накибъ га съ пенджера угледа,
Таки своимъ слугамъ заповиди:
«Тогъ водите те га обѣсите».
Одведоше те га обѣсише.
Докъ му стиже самохрана майка,
У мрке се футе замотала,
Тужна га е майка оплакала,
По чаршии тужећи питала:
«Мога сина шта е била кривда?»
Каменемъ се у прси убия,
Та мало ко брезъ суза остаде,
Жалише га Турци и христани,
А отъ жалбе већь неима файде:
Ядна мати оста брезъ памети.

1) Требевичъ—гора надъ Сараевомъ.

Францисканскаго монастыря въ Фойницѣ: и его онъ приказалъ повѣсить. Тогда «фратры» написали въ Вѣну; изъ Вѣны писали въ Стамбулъ, а изъ Стамбула пришло приказаніе Фазли Шерифовичу явиться туда. Онъ поѣхалъ въ Стамбулъ и повезъ съ собою денегъ. Вслѣдъ за нимъ были посланы письма съ печатями Турокъ и христіанъ: тутъ была печать *ходжабаши*[1]) Хаджи-Джуки, и всѣхъ первыхъ христіанскихъ торговцевъ въ Сараевѣ; они писали, что все это неправда, что Фазли Шерифовичъ человѣкъ хорошій, такой что лучше быть не можетъ. Фазли опять возвратился въ Сараево и продолжалъ по прежнему дѣлать, что хотѣлъ, но только боялся казнить людей безъ суда.

Во время управленія Даудъ-паши, Фазли Шерифовичъ выдумывалъ всякія неправды. Онъ страшно разорилъ Жидовъ, чему въ особенности подала поводъ одна Турчанка, жена ремесленика, занимавшагося издѣліемъ трубокъ. Она шла въ базарный день мимо «Чифутъ-ханé» (Жидовскаго базара), и ее повалила на земь лошадь, навьюченная дровами. Турки бросились къ ней и подучили ее кричать, что ее повалили Жиды и хотѣли убить. Турки тотчасъ пошли жаловаться Шерифочу, и онъ далъ имъ разрѣшеніе наказать Жидовъ бить ихъ и грабить, сколько угодно. Турки бросились на Жидовъ, и стали грабить ихъ сколько могли. Фазли посадилъ въ тюрьму значительнѣйшихъ между ними и грозилъ, что ихъ повѣситъ. Жиды, народъ трусливый, обѣщали заплатить огромныя деньги, и когда деньги были заплачены, ихъ выпустили.

Вскорѣ послѣ того Даудъ-паша былъ отозванъ и въ Боснію прибылъ Веджидъ-паша. Онъ по примѣру своего предшественника предоставилъ дѣла Фазли Шерифовичу и Мустафѣ Бабичу. Во время его управленія эти двое выдумывали всякія неправды, вымышляли разные новые поборы для своего обогащенія. Изъ ихъ головы выходило все управленіе Сара-

1) Представителя православной общины въ меджлисѣ, т. е. областномъ совѣтѣ.

евомъ и цѣлою Босніею. Но когда Мустафа Бабичъ выдумывалъ одно неправедное дѣло, то Фазли Шерифовичъ выдумывалъ двадцать одно. Этотъ Фазли былъ свирѣпая змѣя: вѣшать и рубить головы онъ уже не смѣлъ, такъ онъ зато мучилъ людей разными пытками: заковывалъ христіанъ въ колодки и приказывалъ держать ихъ такимъ образомъ въ водѣ по брюхо, билъ ихъ палками и кнутомъ и выжималъ послѣднія деньги. Они вздумали наложить на христіанъ *вѣнчаницу:* когда христіанинъ хотѣлъ женится, онъ долженъ былъ брать отъ нихъ письменное позволеніе и платить за то деньги. Прежде давали два-три піастра; но эти господа на піастры и смотрѣть не хотѣли, а подавай имъ червонцы. Іово Неимаревичъ прибылъ изъ Бѣлграда въ Сараево, и случилось, что онъ тутъ женился: въ то время управлялъ въ Сараевѣ Мустафа Бабичъ, и онъ взялъ съ Неимаревича 50 черв. за позволеніе; такъ дѣлали со всякимъ, обирали, какъ только могли.

Мустафа Бабичъ и Фазли Шерифовичъ были пожалованы оба пашами во время Веджидъ-паши, въ 1840 году. Изъ нихъ то тотъ, то другой всегда пребывалъ въ Сараевѣ, какъ начальникъ; они здѣсь безпрестанно чередовались; другой же временно поселялся то въ Градашцѣ, то въ Банялукѣ, то у визиря въ Травникѣ, когда визирь тамъ находился. — Во время Веджидъ-паши было приказано, чтобы христіане пришивали, для различія отъ мусульманъ, темнаго цвѣта кусокъ сукна къ своему фесу или замѣняли темною шапкою, въ родѣ тѣхъ, какія носятъ у насъ попы. Какая тому была причина? чтобы Турки имѣли случай чаще бить христіанъ или разорять пенями: если кто нибудь забывалъ сообразоваться съ этимъ правиломъ и, можетъ быть, даже не слыхалъ о немъ, то его сажали въ тюрьму и онъ долженъ былъ положить свою голову или свои деньги.—Во время Веджидъ-паши Жиды заплатили много по случаю какого-то Турка, бакалейнаго торговца, по прозванію Чаушъ, который вдругъ исчезъ: сказали, что тѣло его нашлось у Жидовъ и что

Жиды его задушили; Богъ знаетъ, правда ли это или нѣтъ; но многихъ Жидовъ били и заставили заплатить множество денегъ. Что эти два паши, Шерифовичъ и Бабичъ дѣлали по случаю *харача* (поголовной подати съ раіи)! Они брали его и съ стариковъ и съ дѣтей, которымъ не было и шести лѣтъ, и съ слѣпыхъ и съ калѣкъ; многихъ заставляли, платить *харачъ* по два раза въ годъ. А когда Фазли-паша, бывало, пошлетъ Феизъ-агу Клемпо [1]) собирать харачъ по деревнямъ, то этотъ человѣкъ бралъ харачъ и съ неродившагося еще дитяти: видя беременную женщину, онъ говорилъ: «можетъ быть, родится мальчикъ, такъ мнѣ надобно взять съ него харачъ.» Этотъ Феизъ-ага, по случаю собиранія харача, повѣсилъ многихъ людей; онъ ихъ связывалъ и бросалъ въ самыя нечистыя мѣста, и затворялъ ихъ тамъ. Рѣшительно нѣтъ возможности описать всю неправду и всѣ незаконные поборы этихъ двухъ пашей, Фазли и Мустафы, и ихъ служителей; развѣ тотъ не былъ ими ограбленъ, у котораго за душою ничего не было.

Веджидъ-паша пробылъ уже 4 года въ Сараевѣ. Въ это время случилось дѣло съ нѣкимъ Химзъ-ефенди, который былъ первый человѣкъ въ Банялукѣ и, какъ говорятъ, пользовался личною милостью Султана. Онъ былъ предметомъ зависти для Фазли-паши и Мустафы-паши, и они оклеветали его предъ Веджидъ-пашею. Веджидъ-паша призвалъ его въ Сараево и тотчасъ велѣлъ убить. Али-паша Федахичъ, начальникъ Бѣлинскій, услыхавъ объ этомъ, тотчасъ объявилъ себя противникомъ Сараевскаго правителя и собралъ войско Посавинское. Онъ пошелъ къ Ораховицѣ, что близъ Зеницы. Здѣсь онъ встрѣтился съ Веджидъ-пашею. *) Оба войска тотчасъ напали

*) Съ Веджидъ-пашомъ туй се сусретоше.
И туди се съ мѣста ударише,

1) Этотъ человѣкъ и теперь еще одинъ изъ Сараевскихъ богачей и спекуляторовъ.

другъ на друга и стали стрѣлять изъ пушекъ. Веджидъ-паша разбилъ Посавинцевъ и взялъ многихъ въ плѣнъ. Али-паша Федахичъ бѣжалъ. Веджидъ-паша пошелъ по его слѣдамъ и вступилъ прямо въ Бѣлину. Онъ созвалъ Бѣлинцевъ и сказалъ имъ, что сожжетъ ихъ городъ. Бѣлинцы отвѣчали ему: «Государь нашъ, честнòй паша! За какую вину хочешь ты жечь нашъ городъ? Если потребуешь отъ насъ чего-нибудь, мы всѣ охотно удовлетворимъ тебя.» Паша сказалъ: «Выдайте мнѣ Али-пашу Федахича и тогда оставайтесь себѣ въ покоѣ.» Они тотчасъ же схватили его и отдали въ руки Веджидъ-пашѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми его приверженцами. Веджидъ-паша отправилъ ихъ въ изгнаніе, а остальные покорились ему и исполнили всѣ его приказанія. Онъ назначилъ Фазли-пашу въ Градашацъ, чтобы онъ тамъ судилъ и начальствовалъ, самъ же онъ

Изъ топова юришъ учинише.
Веджидъ-паша Посавляке разби,
И на бою многе пофаташе.
Али-паша Федаиħь утече,
А за німе Веджидъ-паша иде,
У Биелину управо уиħе,
Биелинце сабирати поħе
И казати, да ħе ихъ палити.
Биеляни на то одговоре:
«Господару, нашъ честити пашо!
Што е узрокъ те ħешъ насъ палити?
Акъ имате штогодъ захтѣвати,
Драговолно сви ħемо пристати.»
Веджидъ-паша німа одговара:
«Федаиħа Али-пашу оħу
Ви у руке да ми га предате,
Пакъ ви ондаръ у миру сѣдите.»
А они га таки уфатише,
Веджидъ-паши у руке дадоше
И негово неколико друга.
Веджидъ-паша сургунъ ихъ учини,

отправился въ Травникъ и здѣсь опредѣлилъ себѣ мѣстопребываніе. А Мустафа-паша находился въ Сараевѣ. Онъ задолжалъ купцамъ—христіанамъ, и однажды призвалъ къ себѣ своихъ заимодавцевъ. Онъ спросилъ каждаго порознь: «сколько я долженъ тебѣ, купецъ?» Каждый объявилъ, сколько было долгу. Тогда паша сказалъ имъ: «ступайте и принесите мнѣ всякій по стольку же еще, и я вамъ дамъ расписки.» Всѣ они принесли ему денегъ, сколько онъ приказалъ, но расписки никто не получилъ. Напослѣдокъ дошла очередь до Ристы Лубарды; паша призвалъ его къ себѣ и спросилъ. «Ристо, сколько я долженъ тебѣ?» А онъ отвѣчалъ ему: «нѣтъ, паша, ты мнѣ не долженъ ничего.»—«Не можетъ быть, возразилъ Мустафа-паша: мои люди брали у тебя всякую всячину; справься по своимъ счетамъ.» Лубарда же отвѣчалъ опять: «Я знаю навѣрно, что не имѣю на тебѣ никакого долгу.» Паша не могъ сказать ничего другаго, какъ только: «ступай себѣ, коли я ничего не долженъ тебѣ.» Такимъ образомъ этотъ одинъ догадался и избавился отъ убытка.

Этотъ Мустафа-паша однажды приказалъ схватить церковныхъ старостъ, а именно Іову Будимлича, Тодора Михича и

А остали на све му пристали.
Фазли-пашу у Градашацъ метну,
Туй да суди и заповиеда.
Онъ се диже и оде у Травникъ,
У Травнику мѣсто начинио.
Муста-паша у Сарайву бio,
Трговцима онъ дужанъ е био,
Све те люде преда се сазвао,
'Нако башка свакога упито:
«Шта ти имамъ, трговче, укриванъ?»
А тай сваки, колико е, казо.
А паша имъ на то одговори:
«Айдте, ми іошъ толико донесте новаца, пакъ да вамъ сенетъ дадемъ.» и проч.

Максима Неимара. Ихъ схватили, * бросили въ тюрьму, забили имъ ноги въ колодки и, стали говорить, что ихъ повѣсятъ. А какая была ихъ вина? На нихъ взвели страшное обвиненіе. Мустафа-паша сказалъ имъ: «Что это значитъ, вы бунтуете *раій*, вы сноситесь съ Нѣмцемъ (т. е. Австрійцемъ) и хотите съ *раіями* ударить на Турокъ! Говорите или кладите свои головы.» Они сказать ничего не умѣютъ и соглашаются положить свои головы. Паша сказалъ, что ихъ завтра же повѣсятъ, и уже стали мочить для нихъ веревки. [1]) Они предлагали денегъ, но паша сказалъ, что на деньги ихъ и смотрѣть не хочетъ, но завтра же повѣситъ ихъ. Фазли-паша былъ тогда въ Сараевѣ, онъ пришелъ на ужинъ къ Мустафа-пашѣ. Мустафа сказалъ Фазли-пашѣ, что повѣситъ завтра «влаховъ». Фазли-паша сказалъ Мустафѣ «Не вѣшай ихъ, а возьми съ нихъ деньги, а не то тебя, пожалуй, ударятъ по носу, какъ меня нѣсколь-

---

* . . . .
Пофаташе пакъ ихъ похапсише,
У томруке ноге имъ метнуше,
Вѣшати ихъ говоритъ стадоше:
А кривица шта е тнемъ била?
Бѣда ихъ е велика убила,
Муста-паша овиемъ говори:
«Заръ ви, море, раю уздижете,
И съ Ниемцемъ здоговоръ имате,
Да на Турке съ райомъ ударите?
Я казуйте, яль главе губите!»
Ови ништа казати не знаю,
Већь и главе изгубитъ пристаю,
Сутра рече да ће ихъ вѣшати,
И личине сташе киселити,
Ови сташе новце обѣћаватъ.
Паша каже, ни гледати неће,
Веће сутра обѣсити хоће.
Фазли-паша у Сарайву био,

---

1) См. выше, примѣч. 44.

ко лѣтъ тому назадъ, когда я повѣсилъ 77 человѣкъ, невинныхъ. Я ужъ и позабылъ про нихъ, когда позвали меня въ Стамбулъ: сунули мнѣ тамъ подъ носъ бумагу, назвали каждаго повѣшеннаго по имени; клянусь *даномъ* и *иманомъ* (вѣрою): кабы взвѣсить червонцы, что я тогда заплатилъ, то они перетянули бы всѣхъ 77 человѣкъ!» Когда Маустафа-паша услышалъ это, онъ отказался отъ вѣшанья, взялъ деньги и отпустилъ старостъ.

Въ то время какъ Мустафа-паша сидѣлъ въ Сараевѣ, одинъ изъ Турокъ былъ ему не по сердцу и онъ ему завидовалъ. Это былъ человѣкъ вѣрный и благонадежный, и всѣ его уважали. Когда онъ шелъ по улицѣ, всѣ вставали передъ нимъ. Этотъ человѣкъ былъ *мутевели* (смотритель) Гази-Хосревъ-бегова *вакуфа* [1]) и назывался Глоджо Мулла-ефенди. Мустафа-паша просилъ у него позволенія провести въ свой домъ черезъ трубу воду изъ потока Црнѣло, принадлежащаго этому вакуфу. Глоджо сказалъ ему, что это невозможно. Еще прежде того нѣкто Хаджи-Османъ-бегъ

Муста-паши на вечеру дошо,
Муста-паша Фазли-паши каже,
Да ће сутра влахе повѣшати.
Фазли-паша Муста-паши вели:
«Не вешай, већь узми имъ новце,
Єра ће те по носу удрити,
Ко и мене одъ неке године,
Кадно самъ ихъ био извѣшао
Седамдесетъ и седамъ правиехъ:
Я ихъ био и заборавио,
Пакъ у Стамбулъ кадно ме зовнуше,
Тефтере ми подъ носъ донеше,
По имену свакога казаше:
А тако ми дина и имана,
Дукатимъ самь свакога претего!»
Муста-паша кадъ разговоръ чуо,
Одъ вѣшаня био одступио,
Новце узо пакъ ихъ е пустио.

1) Имѣнія, принадлежащаго мечети, основанной Гази-Хосревъ-бегомъ

Дженетизъ, пріятель Мустафа-паши построилъ *ханъ* (постоялый дворъ) на Волчьей Лукѣ, въ 3 часахъ отъ Сараева. Глоджо объявилъ, что этотъ ханъ выстроенъ на землѣ, принадлежащей его вакуфу что онъ возьметъ свидѣтелей изъ *мехкеме* (суда) и разрушитъ ханъ, по *шеріату* (религіозному закону). Такимъ образомъ этотъ Глоджо навлекъ на себя гнѣвъ Мустафа-паши, который написалъ противъ него представленіе Веджидъ-пашѣ въ Травникъ. Изъ Травника пришло приказаніе чтобы Гладжо явился туда; но онъ не послушался, а позвалъ нѣкоторыхъ своихъ друзей и сказалъ: «Пусть народъ вооружается! всѣ издержки плачу я изъ своего кармана, я буду давать вамъ продовольствіе и жалованье. «Народъ былъ сейчасъ готовъ взяться за оружіе; всѣ Турки Сараевскіе поднялись за Глоджомъ. Тогда Глоджо призвалъ къ себѣ владыку Амвросія * и спросилъ его: «эй, владыка, ты на чьей сторонѣ?» Владыка отвѣчалъ на это:

---

* . . . .
Пакъ владику Амвросию дозва,
Ефендия владику запита:
«Ей, владика, съ чие си ти стране?»
А владика на то одговори:
«Съ кимъ е народъ, съ оnиемъ владика.»
Шта ће друго, нема друге ћаре,
Васъ е народъ съ ефендине стране.
Ефендия владики с' обећа
Не одступитъ одъ царске наредбе,
А тужити паше зулумчаре,
Тужити ихъ и у Стамболъ писатъ.
А владика томе каиль био,
Єра му е било додияло,
Гледаюћи одъ народа яда,
Што су паше народу чиниле.
Тай владика свети чоекъ био,
Сиротиню много е угледо,
Тай е родомъ одъ Бугара био,
Сребра ние нимало любио,

«за кого народъ, за того и владыка». Что было ему дѣлать? весь народъ шелъ за Глоджомъ, и владыка долженъ былъ послѣдовать за людьми. Глоджо обѣщалъ владыкѣ, что не нарушитъ Султанскихъ законовъ, а хочетъ только жаловаться на пашей, которые дѣлаютъ всякую неправду, и писать объ нихъ въ Стамбулъ. Владыка желалъ того же, потому что ему опротивѣло смотрѣть на страданія, которыя паши причиняли народу. Этотъ владыка былъ святой человѣкъ, онъ много заботился о бѣдныхъ. Онъ былъ родомъ Болгаринъ, вовсе не былъ сребролюбивъ и радѣлъ только о томъ, чтобы народу было покойно, чтобы народъ не терпѣлъ неправды. Итакъ онъ заодно съ Глоджомъ приказалъ, чтобы и *раіи* присоединились къ Сараевскому войску, чтобы изъ каждаго дома явился на службу одинъ вооруженный. Такимъ образомъ Мулла-ефенди собралъ въ Сараевѣ и окрестностяхъ до 20,000 человѣкъ войска, и Турокъ

Радъ би бно да е народъ миранъ,
Да народу неима зулума.
Пакъ владика съ ефендиомъ рече,
Да с' и рая на войску подиже,
Све одъ куһе по еданъ да иде.
Ефендия покупио войску,
Покупио Турке и христяне
Изъ Сарайва и око Сарайва,
Око едно двадесетъ хиляда,
А остало изъ другихъ касаба,
Томе неһе бити не есаба.
Сарайлия двадесетъ хиляда
Право иду у Витезско поле.
До Травника има два сахата,
Туй у полю попеше чадоре,
Карауле меһу на све стране,
Разредише войску на три стране.
Предъ едномъ е Пиньо Хаджи-байрактаре,
А предъ другомъ Мухамедъ-бегъ Турханія,
А предъ треһомъ Враго Сали-ага,

и христіанъ; а тѣмъ, которые поднялись за нимъ въ другихъ городахъ, и счету нѣтъ. Эти 20,000 Сараевцевъ пошли прямо на Витезско-поле, въ двухъ часахъ отъ Травника. Тамъ они поставили шатры, размѣстили стражи со всѣхъ сторонъ, распредѣлили войско на три части: одною начальствовалъ Пиньо Хаджи-байрактаръ, другою—Мухаммедъ-бегъ Иурханія, третьею — Враго Сали-ага, который былъ главою всего ополченія. Черезъ нѣсколько времени Веджидъ-паша выступилъ изъ Травника и повелъ обоихъ пашей Сараевскихъ, Мустафу и Фазли, и Травницкихъ *поглаварей* (знатныхъ людей): съ ними было 6000 войска, Арнауты и немного низама, и слуги ихъ изъ Босняковъ. Они потащили за собою много пушекъ; какъ только приблизились, тотчасъ сдѣлали нападеніе и грянули изъ пушекъ. Они разорвали Сараевцамъ ядрами много шатровъ и задали великаго страху Сараевцамъ. Сали-ага, который

Тай е глава надъ свомъ войскомъ био.
Мало врѣме тако постаяло,
Изъ Травника Веджидъ-паша пођe,
И поведе обоицу паша,
Муста-пашу и шнімъ Фазли-пашу,
И Травничкихъ оно поглавара,
И за німа войске шестъ хиляда,
Арнаута и мало низама,
И Бошняка ніховихъ момака,
И топове млоге довукоше.
Какъ дођоше таки ударише,
Изъ топова намахъ навалише,
Чадоре имъ млоге избркаше,
Сарайлиямъ великъ страхъ задаше.
Сали-ага што е прва глава,
По ордии иза гласа виче:
«Бижте, браћо, ако Бога знате!
Ми царскога биемо вeћила,
Ми гинемо, а за што, не знамо!»
Тадъ Сарайска раздвои се войска,

былъ ихъ главный начальникъ, закричалъ изо всего голоса среди войска: «Бѣгите, братья, ради Бога! Мы бьемся съ царскимъ намѣстникомъ, мы гибнемъ, а за что? не знаю!» Тогда Сараевское войско раздѣлилось, одни бросились впередъ, а другіе назадъ. Тѣ, которые бросились впередъ и ударили на противника, потеряли своихъ вождей: передъ ними погибъ Турханія, первый между бегами: онъ былъ *миралай* (полковникъ) беговъ [1]) и приходился съ родни Мустафа-пашѣ. Онъ носилъ форменное платье, какое носятъ паши и визири, и былъ онъ, говорятъ, удалецъ, и убилъ многихъ Арнаутовъ. Веджидъ-паша налетѣлъ на него, а онъ поскакалъ къ нему, чтобы ему поклониться онъ хотѣлъ поцѣловать полу его платья, какъ Веджидъ-паша опустилъ курокъ своихъ пистолетовъ и разомъ попалъ изъ обоихъ ему въ грудь. Такъ его убилъ Веджидъ-паша. Также погибли Сали ага Муличъ и Пиньо Хаджи-байрактаръ и

Єдни натрагъ, а други наприедъ.
Ти наприедъ што су ударили,
Предняци су німа изгинули,
Турхания први бегъ погибе,—
Надъ безима миралай є био,
Муста-паши нешто свой є био,
Халіне є низамске носио,
Ко што носе паше и везири,
А казую да є юнакъ био,
Арнауте многе погубио:
Веджидъ-паша на ньга полетио,
А онъ нему да му се поклони,
И у скутъ га шћаше да полюби,—
Веджидъ-паша изъ кубура скреса
Обадвие у бегова прса.
Веджидъ-паша тогъ є погубио,
Пакъ погибе Мулићь Сали-ага,
Пакъ и Пиньо Хаджи-байрактаре,

---

1) т. е. иррегулярнаго войска, которое составляли *беги*, имѣвшіе *спахилуки*.

около ихъ еще человѣкъ десять или двадцать. Бой продолжался не много, онъ продолжался два-три часа; Веджидъ паша одержалъ побѣду надъ Сараевцами и пошелъ по ихъ пятамъ на Сараево. Онъ пришелъ съ войскомъ въ Сараевское поле. На этомъ поле есть село Грбавица, и здѣсь былъ домъ, принадлежавшій Мустафа-пашѣ. Тутъ остановился Веджидъ-паша и сталъ призывать къ себѣ Сараевцевъ; но многіе изъ нихъ убѣжали въ Мостаръ, въ томъ числѣ и Глоджо Мулла-ефенди. Но онъ не остановился въ Мостарѣ, не посмѣлъ ввѣриться Али-пашѣ, потому что Али-паша былъ съ родни Мустафа-пашѣ: онъ ушелъ прямо въ Дубровникъ. Прочіе же остались въ Мостарѣ, и были радушно приняты Али-пашею. Онъ воевалъ тогда съ Дробнячанами. и отправилъ ихъ всѣхъ въ Дробняки: тамъ они всѣ и погибли. А кто попался въ руки Веджидъ-пашѣ, тѣхъ онъ отправилъ въ ссылку. Затѣмъ Веджидъ-

---

Пакъ іошъ до ніхъ до десетъ до двадестъ
Сарайлия што е погинуло.
То за дуго ние ни траяло,
Траяло е до два-три сахата,
Веджидъ-паша Сарайлие надби
И за німа у Сарайво иде,
Съ войскомъ дође у поле Сарайско:
И у полю село Грбавица,
На Грбавици Муста-пашини конаци,
Туй е паша мѣсто учинио,
Сарайлие сабирати стао,
Аль су млоги у Мостаръ утекли,
И предъ німа Мула-ефендия.
Ефендия у Мостаръ не сѣде,
Али-паши вѣроватъ не смѣде,
Муста-паша Али-паши свой е,
Веће управо у Дубровникъ оде;
А остали у Мостару остали.
Едва ихъ е паша дочекао,
Тадъ се паша съ Дробняцима био,

паша позвалъ владыку и христіанъ, и сталъ ихъ спрашивать: «Зачѣмъ вы пристали къ Глоджѣ?» Они отвѣчали: «Государь нашъ, честной паша! мы, раія, у всякаго подъ ногами. Кто бы ни былъ начальникъ, мы ему подвластны. По неволѣ должны мы были пристать къ нему. Но вотъ, Богу и счастію было угодно, бунтовщикамъ даже не понадобилась помощь раіи. Самъ Богъ знаетъ, сколько мы отпрашивались, онъ знаетъ, что мы пошли не по охотѣ». Тогда паша велѣлъ ихъ отпустить, но сохранилъ злобу противъ владыки. Когда эти дѣла были устроены, Веджидъ паша отправился въ Травникъ. Онъ написалъ въ Дубровникъ и заманилъ Глоджу обѣщаніями; когда Глоджо пріѣхалъ, онъ сослалъ его въ Требизондъ. Это происходило около Успенія 1840 года.

Во время этого Глоджи владыка съ народомъ писалъ въ Стамбулъ жалобу на Веджидъ-пашу, выставляя его неправды, въ особенности на счетъ *вѣнчаницы:* ибо посредствомъ вѣнчаницы Турки наиболѣе имъ досаждали. Итакъ въ томъ же самомъ 1840

Па и ове на Дробняке спреми,
На Дробняку сви су изгинули.
Веджидъ-паша што ихъ є изпашо,
Пофато ихъ пакъ ихъ є сурисо.
Пакъ владику и христяне зове,
Веджидъ-паша питати ихъ поће:
«А за што ви за Глођомъ пристасте?
А они му на то одговоре:
«Господару, нашъ честити пашо!
Ми смо рая свакомъ подъ ногама,
Когодъ старьи, ми смо томе млађи.
Подъ моране могли смо пристати.
А ето є Богъ и срећа дала,
Пакъ ние имъ ни требала рая!
Богъ самъ знаде како смо искали,
Драговольно ниесмо пристали.»
Тада паша одпуститъ ихъ даде,
На владику злу волю имаде.

году, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, въ Стамбулѣ рѣшили отозвать Веджидъ-пашу; но его не извѣстили объ этомъ, а прислали безъ его вѣдома Хосревъ-пашу Самоковли, чтобы занять его мѣсто, и приказали ему немедленно отправить Ваджидъ-пашу въ Стамбулъ на почтовыхъ. Итакъ Хосревъ-паша, какъ только прибылъ въ Травникъ, тотчасъ же смѣнилъ и отправилъ Веджидъ-пашу. Веджидъ проѣхалъ черезъ Сараево на Ѳоминъ день, и съ нимъ было всего пять человѣкъ прислуги. Это было ужасно тяжело Веджидъ-пашѣ, и онъ, проѣзжая черезъ Сараево, сказалъ своимъ пашамъ, Мустафѣ и Фазли: «Я каюсь теперь ото всего сердца, что не перевѣшалъ тогда [1]) *влаховъ* (Христіанъ)». Такъ онъ покаялся, и поѣхалъ въ Стамбулъ. Мустафа и Фазли отправились въ Травникъ и повезли множество денегъ, поцѣловали полу одежды у Хосревъ-паши: онъ ихъ принялъ милостиво и поручилъ имъ по прежнему управленіе. Первое ихъ

* . . . .
То е нему врло мучно било,
Па пашами своимъ говорио,
Муста-паши и шнімъ Фазли-паши:
«Я се сада по свомъ срцу каемъ,
Што я ондаръ не извѣшахъ влахе.»
То се кайо па у Стамболъ яхо.
Та двоица у Травникъ одоше
И новаца млого однесоше,
Усрефъ-пашу у скутъ полюбише,
Паша ихъ е лѣпо помилово,
Допуштене, ти да суде, дао.
Та двоица прво започеше,
Те ћурчие првленце сазваше,
Амвросию у Стамболъ писаше:
«Амвросія ние за насъ више,
У ружне се после кариштише,
Съ ефендиомъ Глођомъ с' уйдурише,

1) т. е. послѣ возстанія Глоджи.

дѣло по возвращеніи въ Сараево было позвать главнѣйшихъ купцовъ-христіанъ и составить съ ними доносъ на владыку: Амвросія: «Амвросій не такой человѣкъ, какого намъ надобно, писали купцы въ Стамбулъ: онъ мѣшается не въ хорошія дѣла, онъ находится въ заговорѣ съ Глоджею и сочиняетъ клевету на Веджидъ-пашу. И насъ онъ съ Глоджею принудилъ по неволѣ приложить наши печати къ ихъ жалобѣ, но все, что тамъ было писано, не правда, а правда то, что пишутъ Мустафа-паша и Фазли-паша: эти двое люди хорошіе, мы по доброй волѣ стоимъ за нихъ; мы подъ ихъ начальствомъ довольны всѣмъ, бѣдный народъ благоденствуетъ и никому отъ нихъ не бываетъ неправды». Черезъ нѣсколько времени пришло изъ Стамбула распоряженіе, чтобы владыка Амвросій явился туда. Несчастный Амвросій былъ въ долгу: онъ имѣлъ сына, котораго женилъ недавно, истратилъ много на свадьбу и купилъ домъ. Въ

Те на Веджидъ-пашу лажи пише.
Подъ моране и насъ наћераше,
Те мухуре наше притискоше,
А то ништа иствнито ние.
Фазли-паша съ Муста-пашомъ како веле, онако е:
Та двоица, ти су добри люди,
Драговольно ми смо за ніхъ добри.
Ми смо кодъ ніхъ у свачемъ намирни,
Сиротиня лиепо ужива,
Одъ ніхъ нема никоме зулума.»
Изъ-за тога мало вриеме проће,
Изъ Стамбула таки хаберъ дође,
Да владику у Стамбулъ опреме.
Амвросія яданъ дужанъ био,
Имо сина, па га оженио,
Похарчио и кућу купио,
Збогъ тога се био задужио,
Соломону Травникли дужанъ
За двадесетъ осамъ кеса гроша.
Збогъ тогъ дуга владику ухавсе,

слѣдствіе этого онъ задолжалъ Жиду Соломону Травникли на 28 мѣшковъ піастровъ. За этотъ долгъ посадили владыку въ тюрьму, пока не распродали его имущества и взяли въ уплату долга. Тогда выпроводили владыку изъ Сараева, на Степановъ день, третій день Рождества. Владыка Амвросій отправился въ путь, проливая горючія слезы: онъ снималъ шапку и проклиналъ народъ. Ему было черезъ-чуръ горько: во всемъ народѣ не нашелся ни одинъ человѣкъ, который постарался бы спасти его отъ заключенія, поручившись за него на нѣсколько дней, пока не распродадутъ его имущества, но всѣ потерпѣли, чтобы на него палъ приговоръ суда.

Какъ хитро поступили Мустафа-паша и Фазли-паша, когда получили отъ Хосревъ-паши приказаніе управлять дѣлами! Они не захотѣли жить въ Сараевѣ, потому что знали, что бѣдные люди, и Турки и христіане, собираются жаловаться на нихъ, особенно по причинѣ владыки. Они знали, что съ тѣхъ поръ, какъ пострадалъ владыка, могло родиться явное неудовольствіе, ибо его одинаково любили бѣдные изъ Турокъ и изъ христіанъ. Оттого они посадили начальникомъ въ Сараевѣ нѣкоего полковника Хаджи-Якубъ-бега. Онъ велъ дѣло съ владыкою и дѣйствовалъ такъ, какъ ему писали изъ Травника.

Докъ негова добра распродаше пакъ за дугъ узеше.
Пакъ владику ондаръ проћераше,
На Степанъ-данъ треħи данъ Божиħа.
И владыка Амвросія оде,
Грозне сузе одъ очию лие,
Капу скиде те народъ проклиње:
Владики е било до неволе,
Одъ народа нико се не нађе,
Да владика у хавсъ не униђе,
Добаръ бити за неколько дана,
Докъ негова добра распродаю,
Негъ сасвиемъ да га осуждаю.

Этотъ Якубъ-бега прежде не былъ ничѣмъ, и его назначили въ Сараево только на время, пока народъ успокоится, чтобы народъ подумалъ, что Мустафа-паша и Фазли-паша сами находятся подъ обвиненіемъ и отрѣшены отъ должности.

Этотъ Якубъ-бегъ только въ одномъ случаѣ показалъ себя съ хорошей стороны. Въ Джемалушѣ близъ Жабляка (имена кварталовъ въ Сараевѣ) жилъ нѣкто Морняковичъ, Турокъ: у него были и деньги и село и большой домъ, и онъ былъ изъ хорошаго рода. Въ домѣ у него были мать и сестра, дѣвушка; другая его сестра была за мужемъ; онъ имѣлъ также двухъ братьевъ, одного большаго, а другаго еще маленькаго. Самъ онъ былъ человѣкъ дурной, пилъ и шатался по улицамъ съ другими негодяями и дѣлалъ всякія безчинства, пока не растратилъ всего своего имущества. Потомъ ему захотѣлось тратить также деньги своихъ братьевъ и сестеръ, а они не позволяли ему. Оттого у нихъ въ домѣ были безпрестанныя ссоры. Однажды его братъ, который былъ постарше, отправился въ село по какому-то хозяйственному дѣлу. А этотъ Морняковичъ взялъ тогда съ собою, вечеромъ, двухъ товарищей своихъ попоекъ, Кыркъ-ялана [1]) и Топала [2]), своего сосѣда, и привелъ ихъ въ свой домъ. Когда было три часа ночи [3]), онъ отправился съ своими товарищами въ комнату своей матери. Она сидѣла на коврѣ и молилась Богу, по Турецкому обычаю, дочь ея вышивала на пяльцахъ, а маленькій сынъ задремалъ въ углу. Эти злодѣи сперва бросились на мать и закололи ее, какъ ягненка; потомъ всѣ трое схватили дочь, которая не легко далась имъ въ руки и долго съ ними боролась: дѣвушка эта была очень сильна и слыла необыкновенною красавицею: говорятъ, не было такой, которая могла бы съ ней сравниться. Между тѣмъ

1) Это прозвище значитъ: «сорокъ разъ лгунъ».

2) Прозвище — хромой.

3) т. е. 3 часа послѣ захожденія солнца.

мальчикъ проснулся, потихоньку вышелъ изъ комнаты и убѣжалъ, а эти люди, пока боролись съ дѣвушкою, не замѣтили его. Наконецъ они совладали съ нею и зарѣзали ее, и вспомнили тогда про мальчика. Они побѣжали искать его и нигдѣ не находили; они испугались, не выбѣжалъ ли онъ на улицу, и бросились къ воротамъ, но ворота были затворены; это увѣрило ихъ, что мальчикъ былъ въ домѣ, и они стали шарить по всѣмъ угламъ. Наконецъ открыли несчастнаго ребенка, вытащили его и зарѣзали. Потомъ они спрятали его трупъ и обобрали весь домъ. Другіе два трупа они бросили въ колодезь и вышли не въ ворота, а перелѣзли черезъ заборъ сада. Это было въ пятницу; въ субботу они весь день шатались по кофейнямъ и питейнымъ домамъ, а ночевать отправились къ замужней сестрѣ Морняковича. Въ воскресенье онъ пошелъ на базаръ и купилъ себѣ сыра и еще кое-чего; оттуда онъ пошелъ къ своему дому и принялся стучаться въ ворота; простучавъ нѣсколько времени, онъ сталъ кликать сосѣдей и спрашивать: «не знаете ли, куда пошла моя мать». Ему отвѣчали: «мы не знаемъ, но вотъ уже второй день, какъ воротъ не отпираютъ; видно, она отправилась къ зятю». — Нѣтъ, я былъ вчера у зятя, и ея тамъ не было, сказалъ онъ. Онъ началъ плакать и кричать: «Что такое сдѣлалось? кто заперъ мой домъ»? и съ плачемъ пошелъ въ судъ. Онъ объявилъ начальнику Хаджи-Якубъ-бегу, что онъ ночевалъ дома въ пятницу, и оставилъ тамъ всѣхъ здоровыми; что на другой день онъ ночевалъ у зятя и сестры, въ воскресенье утромъ пошелъ на рынокъ, купилъ кое-что для своей матери и, пришедши къ своему дому, нашелъ его пустымъ. Якубъ-бегъ *) тотчасъ отправилъ своихъ людей въ его домъ; они разломали ворота, осмотрѣли домъ, и нашли трупы

*) . . . . ,
Намахъ забитъ свое људе даде.
Те одоше и куђу обише

зарѣзанныхъ. Тотчасъ дали знать начальнику; онъ объявилъ немедленно мехкеме́ (суду): изъ мехкеме́ отрядили слѣдствіе, и стали спрашивать сына убитой женщины: «помнишь ли ты, можетъ быть, что у васъ былъ какой либо недругъ, или между сосѣдями, или между другими людьми?» Онъ отвѣчалъ: «Я помню, что у насъ враги—мастеровые христіане; они работали у моей матери и мы не заплатили имъ сполна; а они грозили намъ, что отомстятъ, если Богъ дастъ.» Всѣ Турки ему тотчасъ повѣрили и закричали въ одинъ голосъ: «Ей Богу, братъ, это сущая правда. Очевидно, что это сдѣлали влахи (христіане), вѣдь Турки этого бы не сдѣлали.» Они спросили имена мастеровыхъ, чтобы пойти и схватить ихъ. Ихъ схватили и передали Якубъ-бегу, а Турки стали говорить между собою: «Экіе

И у кући поклане нађоше,
И забиту намахъ хаберъ даше:
Забитъ намахъ на мешћему яви,
И одоше и чевшъ учинише,
И сина іой питати стадоше:
«Сећашъ ли се за твога времена,
Имате ли кога одъ душмана,
Аль комшия оли зъ другихъ страна?»
А ови имъ на то одговара:
«Я се сећамъ за наше душмане,
За душмане за майсторе влахе,
Радили су у мое матере,
Пакъ имъ нѣсмо посве исплатили,
А они су нама приетили:
Ако Богъ да, ми ћемо с' осветитъ!»
Сви му Турци намахъ вѣровали,
Сви у едно за нимъ повикали:
«Богме, брате, то истина права,
То се види, да ово одъ влаха,
Єръ то Турци урадити неће!»
За майсторска имена питаю,

влахи! что они могутъ сдѣлать? пустяки: мы ихъ всѣхъ перебьемъ.» А Якубъ-бегъ велѣлъ созвать всѣхъ *хекимовъ* (лѣкарей) въ домъ, гдѣ нашлись эти труппы, чтобы ихъ осмотрѣть и донести ему о томъ, что они найдутъ. Лѣкарями были тогда въ Сараевѣ нѣкоторые Жиды и нѣкто Спиро (Спиридонъ) Райковичъ. Они пошли и освидѣтельствовали труппы; потомъ доложили начальнику обо всемъ подробно: «кровь не была пролита вчера, а третьяго дня; мы даемъ свои головы на отсѣченіе, что ихъ не вчера убили.» Якубъ-бегъ тотчасъ призвалъ Морняковича и сказалъ: «ты говоришь, что ночевалъ въ своемъ домѣ третьяго дня, а третьяго-то дня и случилось тамъ злодѣйство.» Онъ тотчасъ велѣлъ пытать его и послѣ пытки велѣлъ не давать ему спать ночью; ему наконецъ стало не въ терпежъ, и онъ признался во всемъ Якубъ-бегу. Схватили и

Пакъ да иду да ихъ пофатаю,
Пофаташе, забиту дадоше,
Стадоше се Турци разговаратъ:
«Нути влаха! шта могу урадитъ?
Нема файде, свию ћемо побитъ!»
А Якубъ-бегъ забитъ заповиди:
«Некъ се скупе хекими свиколици,
Тамъ у куђу, ђи су они мрци,
Некъ ихъ виде пакъ нека ми кажу.»
Чифута є неколико било,
А Шпиро Райковиђь тада хекимъ био,
И одоше те ихъ прегледаше,
И забиту потанко казаше:
«Она крвъ синоћь ние била,
Већь є оно іошъ прексиноћь било:
Ако буде синоћь изсѣчено,
Ми покрайни изсѣћь се даэмо.»
Забитъ тога намахъ добавио:
«Ти прексиноћь кажешъ да си био,
А прексиноћь то є зло и било.»
Па га намахъ на муке метнуо,

посадили въ тюрьму обоихъ товарищей Морняковича, а мастеровыхъ освободили. Написали въ Травникъ, чтобы спросить, какъ поступить съ тремя преступниками; нарочно присланъ былъ для нихъ палачъ изъ Травника и казнилъ всѣхъ троихъ передъ воротами дома, въ которомъ они совершили злодѣяніе. Было счастіе для христіанъ, что извѣстные двое пашей не начальствовали тогда въ Сараевѣ, иначе бы они много пострадали. Они бы еще мало сожалѣли о мастеровыхъ, которые непремѣнно погибли бы въ такомъ случаѣ; но и всѣ остальные заплатили бы пеню, были бы ограблены и потерпѣли бы побои: какъ Турки располагали между собою, такъ паши позволили бы имъ сдѣлать, по своему всегдашнему обычаю. Тогда христіане возблагодарили Бога, но не умѣли поблагодарить своего избавителя, полковника Хаджи-Якубъ-бега, который

А у вечеръ спаватъ ние дао,
Докъ овоме муке додияле,
И забиту казивати стаде.
Све му каже, што е и како е.
Ту двоицу ярана уфате,
Кркъ-ялана и ш німе Топала,
Пофаташе пакъ ихъ похавсише,
А майсторе оне испустише,
А за ове у Травникъ одпише.
Хаберъ стиже да се изсиеку,
Све троица предъ ониемъ вратимъ:
Джелатъ радъ ніхъ изъ Травника дође;
Све троицу онди посиече.
Христянима сва срећа прискочи:
Тадай паше не бише судници,
Єръ би били у великой муци.
Ти майстори што би изгинули,
То би німа мала жалостъ била,
Негъ остали сви би заплатили,
Похарати и побиени били:
Кошто-но су Турци говорили,

оказалъ имъ справедливость. Когда вели оправданныхъ мастеровыхъ, Турки поднялись и стали говорить солдатамъ (которые конвоировали этихъ людей): «Зачѣмъ ведете убійцъ къ начальнику. Ведите ихъ и повѣсьте сейчасъ. Если онъ сегодня же не велитъ повѣсить ихъ, худо будетъ всѣмъ влахамъ.» Они хотѣли, чтобы поспѣшили и повѣсили ихъ, надѣясь потомъ накинуться на другихъ христіанъ. Ибо у пашей не было права, слѣдствіе и свидѣтели были для нихъ дѣломъ неизвѣстнымъ; они довольствовались тѣмъ, что кто показалъ, лишь бы показалъ Турокъ на «влаха», другаго ничего не требовалось. Много бывало неправдъ: Турки дѣлай себѣ что хотятъ, а невинные раіи плати за нихъ!

А паше би німа допустили,
Кошто су и вазда научили.
Тадъ христянлукъ Бога благодаре
Аль н' умѣше ономъ да зафале
Миралаю Хаджи-Якубъ-бегу,
Кои-но е извидио правду.
Кадъ майсторе праве проведоше,
А сви Турци на ноге скочише,
Сейменима говоритъ пођоше:
«Што катиле забиту водите,
Садъ водите те ихъ обѣсите:
Ако ли ихъ данасъ не обѣси,
У зо часъ су сви постали власи.»
Они хите оне да обѣсе,
На остале намахъ да навале,
Єръ у паша ние било права,
Ни испита ни свѣдока не траже,
Већь онако, кошто ко имъ каже,
Само Турчинъ на влаха некъ каже,
Па му више ништа и не траже.
Млого би се трефлявало яда,
Турци ради свакакиехъ зала,
Пакъ на правди плаћай ядна рая!

Потомъ, еще подъ начальствомъ Самоковли-Хосревъ-паши, двое пашей, Фазли и Мустафа, приняли опять въ свои руки управленіе Сараевомъ и другими городами: удаленіе ихъ было временное, и сами они того хотѣли для своей выгоды. Хосревъ-паша пробылъ въ Босніи нѣсколько болѣе году; онъ не сражался ни съ кѣмъ, но причинилъ много вреда народу своимъ сообщничествомъ съ Фазли-пашею и Мустафа-пашею. Послѣ его прибылъ въ Боснію Ахмедъ-Кямиль-паша и также поселился въ Травникѣ. Фазли съ Мустафою пришли къ нему съ поклономъ и поцѣловали полу его платья: и онъ опять также принялъ ихъ милостиво и вручилъ имъ всѣ дѣла. Онъ особенно благоволилъ къ Фазли-пашѣ и далъ ему Сараево въ управленіе, съ властію распоряжаться по своему усмотрѣнію. Фазли сталъ дѣйствовать, какъ закоренѣлый врагъ христіанъ*. Онъ дѣлалъ имъ всякое зло, и наконецъ принялся жарить ихъ на огнѣ. Былъ одинъ молодой человѣкъ, Іованъ Петровичъ, по

*) . . . .
Ови ради ко душманинъ стари,
Христянима свако зло радио,
Наипослѣ пржити ихъ стао.
Єданъ младићь Іованъ Петровићь,
И презиме бно Скендеровићь,
Онъ є бно врло лиепъ младићь
Лиепиехъ наука є имо,
И писати и у кнігамъ знати,
А и сваке кніге толковати
Са Славянскогъ на Србски казати,
И сахате знао є правити,
Малешанъ є у Биоградъ вшо;
И Турски се знао разговаратъ,
И ћурчински на затъ научио,
О занату радити є знао,
И лиепихъ новаца добиво.
Као младићь другова є имо,
И празникомъ шніма би одио

прозванію Скендеровичъ [1]). Онъ былъ очень красивъ собою и прекрасно учился: онъ выучился читать въ книгахъ и писать и толковать всякія книги, объяснять съ Славянскаго по-Сербски; онъ умѣлъ дѣлать часы, еще въ дѣтствѣ ходилъ въ Бѣлградъ. Онъ умѣлъ говорить по-Турецки и выучился ремеслу мѣховщика, умѣлъ работать въ этомъ ремеслѣ и получалъ хорошія деньги. Какъ юноша, онъ имѣлъ товарищей и ходилъ съ ними по праздникамъ въ кофейни и механé (питейные дома) и выучился тамъ еще наукѣ—играть на *тамбурѣ* [2]) и на скрыпкѣ и на дудкахъ всякаго рода, и пѣть также хорошо, какъ дѣвушка. Онъ выучивался всему легко, потому что былъ понятливъ. Онъ не былъ ни у кого въ услуженіи. Напротивъ Ташлихана (имя одного постоялаго двора въ Сараевѣ) находился питейный домъ, который содержала одна женщина, по прозванію Чебеджинка: у нея была дочь, Савка, необыкновенная красавица, какой не

По кавама и по механама,
Пакъ и ову науку научи,
Тамбурати, узъ ћеманъ удрити,
Уза сваке свирке засвирати,
Ко дѣвойка лиепо пѣвати:
Све є лако био научио,
Єръ є младићь оштроуманъ био.
Тай подложанъ никомъ ние био.
Предъ ташлиханомъ єдна механджинка,
Именомъ се звала Чебеджинка,
Шћери іой било име Савка,
И била є одвише лиепа,
У Босни іой нѣ била прилика,
И свиетъ се за овомъ мамио,
Мамили се Турци и христяни,
А христяни одъ Турака нѣсу только смѣли,
Симъ младића Іове Петровића:

---

1) Братъ сочинительницы этой лѣтописи.

2) родъ балалайки.

было во всей Босніи. Весь народъ сходилъ съ ума по ней: съ ума сходили и Турки и христіане, но христіане не смѣли подступиться изъ страха передъ Турками, кромѣ молодаго Іована Петровича. Въ него она влюбилась чрезвычайно, и за то Турки стали ему завидовать и искать противъ него обвиненія, но не находили ничего. Въ концѣ сыропустной недѣли, передъ самымъ заговѣніемъ, этотъ юноша пошелъ домой и возвратился въ *акшамъ* (время захожденія солнца); онъ испилъ немного вина и прислонился въ углу подремать. Въ *яцію* (2 часа послѣ солнечнаго заката), одинъ Турокъ, Мустафа Аблагичъ, договорившись съ товарищами, которые его немного ранили и разорвали на немъ платье, отправился прямо къ Фазли-пашѣ и сталъ ему говорить такъ: «На вароши [1]) я пришелъ къ фонтану, чтобы совершить Турецкую молитву, какъ подошелъ этотъ «влашенокъ», Іованъ Скендеровичъ, и ударилъ меня ножемъ въ спину, разорвалъ мнѣ ножемъ одежду. Рана невелика, бѣды нѣтъ, онъ мнѣ

Тогъ дѣвойка одвише залюби.
Томе Турци много завидили,
И кривицу сваку му тражили,
Аль ту ништа нѣсу могли наћи.
Сиропустне свршетакъ неделе,
Ону вечеръ запоститъ се хоће,
Ови младићь своіой кући иде
И у акшамъ своіой кући дође,
Мало пио па се наслонио.
У яцию кадъ е веће било,
Турчинъ еданъ Мустафа Аблагићь
Съ яранима договоръ учини,
Ярани га мало обрѣзали,
И халіне мало распарали:
Ови право Фазли-паши иде,
А овако казивати стаде:
«На вароши, а на оной чешми,

1) Такъ называется торговая часть въ Сербскихъ городахъ.

пріятель, я на него не жалуюсь, но говорю вамъ только, что дѣлаютъ влахи (христіане).» Фазли-паша тотчасъ распорядился, отправилъ за Іованомъ полицейскаго, призвалъ къ себѣ Іована и говоритъ ему сердито: «Ты ли тотъ человѣкъ, что пыряетъ Турокъ ножемъ?» А Іованъ отвѣчаетъ ему на это: «Нѣтъ, паша, это не я, повѣрь мнѣ. Всѣ сосѣди видѣли, что когда я пришелъ домой и остался тамъ, еще было свѣтло на улицѣ». А паша уже напился ракіи, не понимаетъ ничего, что ему говорятъ, по бородѣ текутъ у него слюни, и онъ говоритъ Іовану: «Ты хорошъ собою, ты молодъ и славный парень, жалко, если умрешь! Потурчися и поступи ко мнѣ, я позволю тебѣ все, дѣлай, что тебѣ угодно, трать деньги, сколько угодно!» А Іованъ отвѣчаетъ ему на это: «Больше у меня денегъ, нежели дѣтей [1]); все у меня есть, что угодно, я доволенъ, на здоровіе

Дођохъ Турски авдесъ да узимамъ;
Доће влаше Іованъ Скендеровићь,
И ножемъ ме удари у плећи,
И халіне ми ножемъ испара.
Мала рана, не има зарара,
Яранъ ми є, не чинимъ га даве,
Већь вамъ кажемъ, како власи раде.»
Фазли-паша таки заповиди.
И колбашу по Іована спреми,
И преда се Іована добави,
Пакъ Іовану оштро проговара:
«Є ль то они штоно Турке пара?»
А Іованъ му на то одговара:
«Нѣсамь, пашо, ако се вѣруешъ!
Комшие су све мое видиле,
Кадъ самь дошо и кодъ куће сио,
По сокаку іошъ се є видило.»
А паша се напио ракие,

---

1) т. е. дѣтей у меня нѣтъ, такъ о деньгахъ нечего заботиться.

царю». Паша приказалъ своимъ людямъ: «отведите его и постращайте, и хорошенько его испытайте.» Собралось двѣнадцать человѣкъ, по шести стали съ каждой стороны, связали ему руки назадъ, такъ легко притянули, что обѣ лопатки у него сошлися, а грудь выскочила впередъ. Тогда повалили его на-земь, развели огонь изъ уголья, наложили много уголья, слишкомъ пятьдесятъ окъ,въ этомъ огнѣ и—грѣютъ желѣзо и мѣдныя вѣсовыя гири. Когда онѣ засіяли, какъ живой огонь, ихъ кладутъ Іовану подъ мышки, снимутъ одну, положатъ опять другую. И еще раскалили другіе куски желѣза, клали Іовану на сердце, мучили его два часа съ половиною; двѣнадцать парней мучатъ Іована, кладутъ на него раскаленное желѣзо, прыгаютъ ему на грудь въ сапогахъ и шпорахъ: ребра у него переломались. Сколько было въ тюрьмѣ колодниковъ, всѣ въ тотъ вечеръ заживо помирали, глядя на великую муку Іованову и на

Тогъ разговоръ ништа не познае,
А низъ браду лию му се бале,
Пакъ Іовану говорити стаде:
«Лѣпъ си, младъ си а юнакъ си, да умрешъ язукъ си:
Потурчи се и буди кодъ мене!
На све ћу ти допутенше дати,
Да ти радишъ шта е теби драго,
Новце арчи колико ти драго!»
А Іованъ му на то одговори:
«Више имамъ новаца негъ дѣце,
А остало што е мени драго:
Задоволанъ у царскоме здравлю.»
Паша своимъ момцимъ заповиди:
«Водте тамо те га преплашите,
И тамо га добро испитайте.»
И скупи се дванаестъ момака,
По шестъ стаде съ обадвие стране,
Свезаше му руке наопако,
Колико га лако притегоше,
Обѣ му се плећке састадоше

его превеликое истязаніе. Затѣмъ оковали его въ цѣпи. Настало утро понедѣльника. Сродники Іовановы собрались къ нему, горюютъ, плачутъ, но проку нѣтъ. По Сараеву разнеслась вѣсть: кто не видѣлъ самъ, не хочетъ вѣрить, дивились и Турки и христіане, что приключилась такая бѣда, ибо ничего подобнаго никто не помнилъ. Дивился Сараевскій муфтій, дивился и говорилъ: «Этого не допускаетъ никакой законъ, чтобы можно было жечь человѣка. Эти люди хуже Жидовъ.» Къ Фазли-пашѣ явился его капу-кяя, и вмѣстѣ они отправились въ Травникъ, а кехаѣ (дѣлопроизводителю) своему паша приказалъ: «того спаленнаго пусть отнесутъ домой.» Но кехая его не отдалъ роднымъ, пока не прошло сорока дней. Всевозможныхъ страданій натерпѣлся Іованъ; мать съ нимъ спала на каменнымъ полу, и она несчастная натерпѣлась также горя, получила болѣзнь въ сердцѣ. А съ Іованомъ дѣялись великія чудеса. Ничего не

И прси му напріедъ скочише,
Па шнімъ ондаръ о тле ударише.
Одъ ђумура ватру наложише,
Ђумуръ млоги, за педесетъ ока,
И туй грию гвозђа свакояка
И одъ туча одъ кантара яя.
Кадъ усьяше кано ватра жива,
Іовану ихъ међу подъ пазуха,
Єдно скини, друго опетъ метни.
И опетъ друга гвозђа су усьяли,
Іовану на срце метали.
Мучише га два сахата и по:
Дванестъ люди тогъ младића мучи,
Гвозђе међу, на прси му скачу
У чизмама и у мамузама:
Осташе му ребра изломлена.
Што е авса у конаку било,
Ту-й е вечеръ мрло па живэло
Одъ велике туге Іованове
И негове превелике муке.

бралъ онъ въ ротъ, кромѣ немножко водки и воды: этимъ онъ жилъ сорокъ дней. Спаленные куски тѣла у него сошли и отвалились. Тяжело сдѣлалось его матери, она стала горевать и плакать, а кехая, Абдулла-ефенди Узунія, началъ стращать ее: «если этотъ человѣкъ умретъ, знайте, вамъ будетъ въ злой часъ (т. е. на бѣду вашу». Онъ прислалъ Жида-лѣкаря, чтобы сдѣлать Іовану *визитъ;* а лѣкарь говоритъ кехаѣ: «этотъ молодой человѣкъ не можетъ остаться живъ; не знаю, что будетъ съ нимъ до завтра.» Тогда кехая говоритъ матери: «дайте нѣсколько денегъ истцу (т. е. Мустафѣ Аблагичу), и возьмите больнаго, несите домой.» Для того-то и держали его столько времени, чтобы сорвать какія нибудь деньги. Отецъ и мать Іована отвѣчаютъ, что у нихъ нѣтъ денегъ, а кехая опять говоритъ имъ: «ну такъ я вамъ отдамъ его на поруку, а вы продайте что либо изъ дому и достаньте сколько нибудь денегъ.» Дали позволеніе и

Па га опетъ меħу у томруке.
Понеђельникъ у ютру освану,
Сродници се Іовану саберу,
Туже, цвиле, аль имъ файде ние.
По Сарайву све му се разгласи,
Ко не види, нико не вѣруе,
Све Сарайво то е оплакало,
Чудили се Турци и христяни,
Каки се то догодише яди,
Єръ то ние нико запамтио;
Чудио се Сарайски муктия,
Чудио се пакъ е говорио:
«То судови никаки не даю,
Да се могу инсани пржити.
Ти су люди горі негъ Чифути!»
Фазли-паши капи-ħая дође,
Пакъ заедно у Травникъ одоше,
А ħехаи своме заповиђѣ:
«Тогъ спрежногъ нека куħи носе,»
А ови га ħехая недаде,

отнесли его въ домъ. Болѣлъ онъ два года [1]); много истратили на лѣкарства, наконецъ продали и домъ, а деньги дали на лѣкарства для больнаго. Онъ остался живъ, но прожилъ эти два года калѣкою, не могъ ничего дѣлать. А мать его болѣла семь лѣтъ *сердоболью*, которую получила, и потомъ скончалась. Семья истратила все, и что имѣла, кромѣ Бога не имѣла помощника.

Итакъ этотъ Ахмедъ-Кямиль-паша правилъ Босніею одинъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ. Послѣ него прибылъ Османъ-паша и сидѣлъ три мѣсяца; онъ объявилъ, что хочетъ вводить танзиматъ, и потому не могъ долго усидѣть въ Босніи. За нимъ пріѣхалъ Хаджи-Кямиль-паша, инженеръ, и былъ визиремъ годъ и три мѣсяца. При нихъ все продолжалось по старому: Мустафа-паша и Фазли-паша; какъ и прежде, имѣли всю власть въ своихъ рукахъ и дѣлали, что хотѣли. Въ это время они совершали страшныя беззаконія. Мустафа-паша былъ еще

Докъ четерестъ не изиђе дана:
Напати се свакакиехъ яда;
Майка шніме на каменю спава,
И она се ядна напатила,
Срдоболю на срце добила.
Одъ Іована велика чудеса:
И крозъ уста ништа не пропушта
Симъ ракие и помало воде,
Тиемъ живле за четерестъ дана,
Спржено му тѣло отрунуло,
Одъ Іована одпадати стало.
А майку му врло тежко пало,
Майка стаде тужитъ и цвилити,
А ћехая стаде приетити,
Узуния Авдула-ефендия,
И овако говорити поче:
«Ако ови не буде приличанъ умрѣти, нека знате, вама ће у зо часъ бити!»

---

1) т. е. до своей смерти.

нѣсколько сноснѣе, чѣмъ Фазли. Его *ханума* (старшая жена) была добрая женщина: она помогала всякому, кто къ ней прибѣгалъ, и все, чего она требовала, исполнялось. Очень часто, когда били невиннаго человѣка или дѣлали какую-нибудь другую неправду, отъ нея это тщательно скрывали.

За тѣмъ въ 1846 г. прибылъ Тахиръ-паша; онъ *) разослалъ во всѣ стороны приказы, сталъ сзывать людей онъ созываетъ

Па хекима Чифутина посла,
Да̄ Іована визиту учини,
Пакъ Чифутинъ ћехаи говори;
«Овай младиħь живъ бити не море,
Не знамъ шта ће и досутра бити.»
Тадъ ћехая майци му говори:
«Давулжии што пара подайте,
Па г' узмите те куħи носите.»
Збогъ тога га толико држали,
Не би ль штогодъ одъ пара узели.
Іована и отацъ и мати
Одговоре да неймаю пара,
А ћехая опетъ одговара:
«Я ħу вамъ га на ћефила дати,
Пакъ изъ куħе штогодъ испродайте,
Пакъ одъ пара штогодеръ гледайте.»
Изунъ даше те га однесоше,
Пакъ болова̓ до двие године:
За лѣкове млого потрошише,
Найпослие куħу продадоше
И бонику за лѣкове даше,
Живъ остаде аль сакатъ остаде,
И радити ништа мого ние;
А и мати му срдоболю што е задобила,
Боловала седамъ годинъ дана,
Похарчили ђигодъ што имали,
Осимъ Бога помоħника ниесу имали.

. . . .

*) Буйрунтие расла на све стране,
Прве люди сазивати стаде:

пашей и беговъ, капетановъ и великихъ агъ; и сталъ имъ паша излагать, что слѣдуетъ послушаться царя (Султана), ввести танзиматъ и порядокъ управленія и собрать царю редифовъ (рекрутъ): «а я (прибавлялъ онъ) попрошу царя, и мы не станемъ выводить ихъ изъ Босніи или перемѣщать изъ города въ городъ.» За тѣмъ онъ говорилъ, что слѣдуетъ исполнять все, какъ приказываетъ царскій законъ: во—первыхъ, чтобы раіѣ не было насилія, барщины и другаго тому подобнаго, чтобы никто ни для кого не работалъ безплатно: даже если кто воды не подастъ, онъ не виноватъ, коли ему подать не угодно. Далѣе, чтобы во всемъ прочемъ была свобода, чтобы всякъ

Онъ сазива паше и бегове,
Капетане и велике аге,
Пакъ имъ паша приповѣдатъ стаде,
Како валя цара послушати,
И танзиматъ и хайрию ставитъ,
И редифу царску пописати:
«А я ћу се цару замолити,
Изъ Босне ихъ не ћемо дизати,
Изъ касабе у касабу мѣнятъ.»
Пакъ изъ-за тогъ како треба гледатъ,
Како царски канунъ заповѣда:
Прво раи да зулума нема,
Ангарие и другиехъ ствари,
И безъ плате нико никомъ да не ради,
Пакъ и воде изъ рук' да не дода,
Кривъ ние ако му ние воля;
Пакъ и друга свака сербезия,
О свачему трговатъ и радитъ,
Да имъ нема то нико забранитъ.
«Ви морете овако израдитъ,
А ви ћете у миру остати;
Свакъ на своме мѣсту ће остати
И сваки ће старѣшина бити.
А ако ли неће те свршити,
Нека знате, неће добро бити,

могъ торговать и работать, какъ ему угодно, и никто не смѣлъ запрещать этого. «Вы можете такъ устроить, говорилъ онъ, и останетесь спокойными: всякій изъ васъ останется на своемъ мѣстѣ и будетъ по прежнему у себя старѣйшиной. Если же вы этого не устроите, то, знайте, не будетъ хорошо. Придетъ сераскиръ Омеръ-паша; когда онъ придетъ, будетъ непремѣнно война; хотя бы вы и не стали биться, ни одинъ изъ васъ не останется, Омеръ-паша всѣхъ васъ отправитъ въ ссылку.» На все это молчатъ паши и беги, капетаны и великіе аги, молчатъ, хотя имъ слушать не пріятно, и наконецъ отвѣчаютъ Тахиръ-пашѣ: «мы всѣ рады, нашъ *честитый* паша, мы всѣ

Сераскеръ ће Омеръ-паша доћи:
Кадъ онъ дође, мора кавга бити;
Ви ако се нећете ни бити,
Виниеданъ нећете остати,
Омеръ-паша све ће сурисати.»
Све то ћуте паше и бегове,
Капетани и аге велике,
Све ћутили, ак' имъ мило ние.
Тахиръ-паши на то одговоре:
«Ми смо ради, нашъ честити пашо,
Сви смо ради и маломъ и главомъ,
Ко царъ хоће и ко што-но валя:
То е наша дика и похвала.
Аль остали свиетъ ние каилъ:
Турци су се наши научили
Да ихъ рая непрестано служи,
Ваздa сербезъ да му заповиди
И избитъ га кадъ му штагодъ скриви.
Пакъ за данакъ Турци даватъ ниесу научни,
Разумитъ ихъ одвише су мучни.»
Тай разговоръ тако имъ се води.
Изъ Краине рая на плачъ дође,
Тахиръ-паши арзохалъ дадоше:
«Зулумъ, пашо, раи додияо
Одъ нашиехъ ага-господара,

рады служить царю и имѣніемъ и головою, какъ царь хочетъ и какъ слѣдуетъ: въ томъ наша честь и гордость. Но прочій народъ не согласится. Наши Турки привыкли, чтобы раія непрестанно имъ повиновалась, чтобы они всегда могли по усмотрѣнію ей приказывать и избить раію, если онъ чѣмъ нибудь провинится. Также Турки не привыкли платить, подать, вразумить ихъ слишкомъ трудно.» Такъ длились между ними переговоры. Между тѣмъ изъ Краины пришли раіи съ жалобою и подали Тахиръ-пашѣ прошеніе. «Насилія, паша, вывели раію изъ терпѣнія, насилія отъ агъ, нашихъ господъ. Барщина вывела насъ изъ терпѣнія въ слѣдствіе ихъ насильственныхъ по-

---

Ангария веће е дод'яла
Одъ ніхова зулумчарскогъ рада.
Себи радитъ не имамо када,
Су чимъ ранитъ себеи айвана.»
Фазли-паша Тахиръ-паши вели:
«Видишъ ли ти тога арзохала?
Такиехъ ће іошъ бити иляда.
Шта ћешъ німа а шта ли агама?
По кануну све ако би било,
Шо Турке би сасвимъ било криво.
Када буде танзиматъ давати,
Раи плаћатъ што ће имъ радити,
Німа нсће ништа ни остати,
Чимъ ће себе едару чинити.
Деветину одъ жита имъ даю,
Одъ сиена неку файду малу.
Томе валя гледатъ неку праву;
Нека рая господаримъ дае,
Некъ одъ жита третина се дае,
Пакъ и другихъ осимъ жита ствари,
А одъ сѣна половина треба.
Треба Турцимъ више приходъ казатъ,
Пакъ имъ ондаръ за канунъ показатъ,
Како имъ се онда треба владатъ:
Драговольно на све ће пристати,

ступковъ. Для себя намъ некогда работать, нечѣмъ кормить себя и скотины.» Фазли-паша говоритъ Тахиръ-пашѣ: «Видишь ли ты это прошеніе? Такихъ будетъ еще тысяча. Что станешь дѣлать съ ними и что съ агами? Если бы все было по закону, то для Турокъ было бы совсѣмъ обидно. Когда они станутъ платить подати и вознаграждать раію за работу, то самимъ ничего не останется, чѣмъ поддерживать приличную жизнь. Раія даетъ имъ *девятину* урожая и еще бездѣлицу за покосъ сѣна. Такъ надобно устроить дѣло справедливо. Пусть раія платитъ господамъ, пусть даетъ она *третину* отъ жита и отъ всего прочаго; а съ сѣна надобно получать помѣщикамъ половину. На-

---

Танзиматъ ћешъ лако поставити,
А и раи неће зулумъ бити.
То садъ, пашо, треба учинити,
Докъ су Турски на скупу првленци;
Сви ће они томе рази бити,
А влашке ћешъ кнезове сазвати
И потанко све имъ приказати:
Ангарие и зулума нема,
Третину вамъ окабулитъ треба.
Подъ моране ти ће каилъ бити,
Одъ ніхъ треба сенете узети
И мазбату у Стамболъ спремити,
Треба на то ферманъ добавити,
И по свой га Босни проучити.
То ти треба найпре учинити,
А остало све ће лако бити.»
Млади ђаво старогъ преварио,
Тахиръ-паша томе каилъ био,
Све по Босни кнезове позвао,
И у Травникъ преда се ихъ сабро,
За третину да ће даватъ казо,
Подъ моране ядни каилъ били,
Посавляка двоицу убили,
Посавляци нѣсу каилъ били
У ніхъ ние кошто у другиехъ,

добно показать Туркамъ, что ихъ доходъ увеличится, и тогда заговорить имъ про новые уставы, какъ имъ нужно будетъ поступать. Охотно согласятся они на все, ты легко введешь танзиматъ, да и раiѣ тогда не будетъ насилiя. Вотъ, паша, что нужно сдѣлать, пока Турецкiе вельможи въ сборѣ: они всѣ примутъ эти условiя. За тѣмъ сзовешь христiанскихъ *кнезовъ* и подробно имъ все растолкуешь: «барщины и насилiя не будетъ, а вы должны согласитьсяна *третину*.» По неволѣ согласятся они, съ нихъ нужно будетъ взять сенеды (подписку) и отправить въ Стамбулъ мазбату (представленiе), получить

Око Сарайва и по другимъ странамъ,
Господари читлуке изкрче,
Пакъ и куħе и кланице граде,
И остало све што имъ валяде,
На готово чивчию посаде.
А Посавски аге-господари
Нити крче свиехъ читлука,
Нити граде куħа ни кланица,
Ни остале никаке зграде,
Што чивчии треба и валяде,
Веħь чивчие све о себе граде,
Землю крче, куħе и кланице граде.
И остале што требаю зграде:
Туй се хоħе подости трошкова,
Пакъ третину кабулити не запада, права сиротиня наша би пропала.
Тахиръ-паша на то одговара:
«Што сте досадъ трошкова чинили,
Аге ħе вамъ нешто заплатити,
А одсела они ħе градити.»
Дакле тадай тако учинише,
Одъ кнезова сенете узеше
И мазбату у Стамболъ спремише,
Изъ Стамбола ферманъ добавише
И на раю тегобу метнуше,
Како ондаръ, тако и данаске.

оттуда фирманъ объ этомъ и прочесть по всей Босніи. Такъ слѣдуетъ тебѣ начать дѣло, а все прочее будетъ тебѣ легко.»

Молодой діаволъ обманулъ стараго: Тахиръ-паша согласился съ этимъ, позвалъ *кнезовъ* изо всей Босніи, собралъ ихъ къ себѣ въ Травникъ и сказалъ, что они будутъ давать третину. По неволѣ бѣдняги согласились, а изъ Посавинцевъ убили двоихъ, потому что Посавинцы не изъявили согласія. Дѣло въ томъ, что у нихъ не такъ, какъ у прочихъ поселянъ. Около Сараева и въ другихъ мѣстахъ господа сами расчищаютъ поля, строятъ избы и сараи и все что нужно для хозяйства и на готовомъ водворяютъ *чивчія* (фермера). А Посавинскіе

Тадай Турци приходъ себи више изволили, аль не могу раю бити ни глобити.
То не могу Турци преболити:
Пакъ стадоше друкчие мислити.
Стадоше се Турци разлазити,
Да ħе свршитъ по царевой воли.
Игнатие туй владика био,
Тогъ е паша одвише любио,
И Кристодулъ Серезлия био,
Изъ Руменлие робу е донио,
У Сарайву продаватъ нѣ смио,
Єръ му Турци продаватъ не даю;
Пакъ у Травникъ дошо до му изунъ даю,
И паша му буйрунтию дае,
У Сарайву робу да продае;
Тай съ владикомъ у Сарайво дође.
Али Турци скупштину чиняху
У конаку у Фазли-пашину,
Туй се купе и дњеви и ноħи
И рекоше Кристяне изсѣħи,
Игнатию владику убити.
Веħь почеше Турци затраживатъ,
Владичине момке расħериватъ,
По чаршии шта бише купили,
Изъ руку би німа отимали.

аги (помѣщики) не расчищаютъ своихъ земель, не строятъ избъ и сараевъ и всякихъ другихъ зданій, которыя нужны для *чивчій* (фермеровъ), но чивчіи дѣлаютъ все сами, расчищаютъ землю, строятъ избы и сараи и всѣ нужныя зданія. На это нужно не мало издержекъ: «потому (говорили они) не приходится намъ соглашаться на третину, бѣдный народъ нашъ разорился бы совсѣмъ.» Тахиръ-паша отвѣчалъ на это: «За все, что вы издержали до сихъ поръ, аги заплатятъ вамъ кое-что, а отселѣ они сами будутъ строить.» Тогда такъ и сдѣлали. Отъ *кнезовъ* взяли ссиеды (подписку) и отправили въ Стамбулъ мазбату (представленіе), изъ Стамбула получили фирманъ, и навали-

---

Єданъ данъ масло имъ отели,
Само не би ль кавгу заметнули:
На Кристяне ради су удрити
За трговца оногъ Серезлию.
Наметнуше єднога Турчина
Кога-но су звали да є ходжа,
Рекоше му нешто датъ новаца
Да убие онога трговца.
Ови младиѣъ кодъ владике био,
Крозъ чаршию куюнджилукъ ишо
А Тунчинъ га изъ пушке удрио
Ранио га, ние га убио;
У ташлиханъ єдва є побѣго.
Игнатия владика се смути,
Одъ тогъ часъ утече у Травникъ,
Тахиръ-паши све потанко каза;
А кадъ ово Тахиръ-паша дозна,
Да му Турци о прѣвари раде,
Игнатию више замилуе,
Одъ себе га никуда не пушта
Него шніме руча и вечера
И разговоръ о свачему има.
Паша пише да му аскеръ дође,
И дође му четири табора,
Мелеменджия Муста-паша шніма,

ли на раію бремя, которое лежитъ на ней какъ тогда, такъ и теперь.

Такимъ образомъ Турки добыли себѣ бóльшій доходъ, а за то не должны были бить и незаконно притѣснять раію. Но этого горя Турки не могутъ снести, и начали они помышлять объ иномъ (т. е. о томъ, какъ бы по прежнему самовластно распоряжаться раіями). Они разошлись, обѣщая, что исполнятъ все, какъ приказано царемъ.

Въ этомъ дѣлѣ участвовалъ и владыка Игнатій; паша любилъ его чрезвычайно. Тутъ случился Христодулъ Серезли (родомъ изъ Сереса). Онъ привезъ товару изъ Румеліи, но не

Муста-паша у Сарайво сѣде,
Тахиръ-паши хаберъ учинише,
Тахиръ-паша у Сарайво иде,
Муста-паша, Фазли-паша шніме
Одъяхаше у поле Сарайско,
На Грбавицу у Муста-пашине конаке,
А у поле аскеръ намѣстише,
Сарайлие сазиватъ стадоше.
Фазли-паши Тахиръ-паша вели:
«Кои с' они што су се купили
И Кристяне да сиеку рекли?»
Фазли-паша тефтеръ начинио,
Тахиръ-паши у руке га дао.
А кадъ с' ови предъ пашу скупише,
Тахиръ-паша свакогъ запитуе:
«Кои си ти, како ти є име?»
Запита ихъ пакъ везати дає.
За єданъ часъ свеза ихъ до шесетъ,
Сарайскиехъ ефендия, ага,
Оджа и аджия, люди чаршинлия.
У неђелю по иђиндии то се дотрефило:
Намахъ хаберъ у Сарайво дође,
Чаршия се намахъ затворила,
Све се брже на оружьє диже.
Тахиръ-паши намахъ хаберъ стиже:

смѣлъ продавать въ Сараевѣ, потому что Турки не позволяли ему. Онъ явился въ Травникъ просить разрѣшенія на продажу: паша далъ ему *буйрунтію* (письменный видъ), что онъ можетъ продавать свой товаръ въ Сараевѣ. Онъ вернулся въ Сараево вмѣстѣ съ владыкою Но Турки собирались на сходку во дворцѣ Фазли-паши; собирались они тутъ и днемъ и ночью и приговорили—избить христіанъ, убить владыку Игнатія. Уже начали они искать ссоры и разгонять владычиныхъ слугъ. Если слуги покупали что нибудь на чаршіи (базарѣ), то они отымали у нихъ купленное изъ рукъ. Однажды отняли они у нихъ масло, только чтобы завязать драку: имъ хотѣлось ударить на хри-

«Сарайска се чаршия затвори.»
Тахиръ-паша на то се расрди,
Шћадияше Сарайво запалитъ.
Остали га опетъ замолише,
У Сарайво хаберъ учинише,
Некъ чаршию намахъ отвораю.
Тахиръ-паша и онъ ѣмъ поручи;
«Ето мене сутра у Сарайво.
Съ края по край Сарайво ћу обићь;
Ако дућанъ не отворенъ нађемъ,
Намахъ ћу вамъ Сарайво запалитъ.»
Понеђельникъ данакъ кадъ осване,
Чаршия се отворати стаде.
Тахиръ-паша тай сахатъ допаде:
Топчие му топове вукаху,
Запалене фитиле носаху.
Све Сарайво тако обиђоше.
Сарайлие одъ страха помрле,
Срдоболю болестъ задобиле,
Нѣсу смѣли ни риечи рећи.
Тахиръ-паша што шће то учини:
Оно шесетъ у сургунлукъ спреми,
Осталиемъ великъ страхъ зададе.
Туй се бави неколико дана,
Пакъ и ону двоицу изнашо,
Єдногъ што е трговца ранио и т. п.

—

стіанъ, по причинѣ того Сересскаго пришельца. Они подговорили одного Турка, котораго называли ходжею (законоучителемъ), обѣщали ему нѣсколько денегъ, чтобы онъ убилъ этого торговца. Молодой человѣкъ этотъ былъ у владыки и шелъ отъ него черезъ чаршію, черезъ рядъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, и Турокъ выстрѣлилъ тутъ въ него изъ ружья, ранилъ его, но не убилъ: едва укрылся онъ въ ташлиханъ (каменный постоялый дворъ). Игнатій владыка смутился, тотчасъ убѣжалъ въ Травникъ, разсказалъ все подробно Тахиръ-пашѣ. А когда Тахиръ-паша узналъ, что Турки обманываютъ его, онъ еще больше полюбилъ владыку Игнатія, не пускалъ его отъ себя, съ нимъ обѣдалъ и ужиналъ.—Паша писалъ, чтобы ему прислали войска, и пришли четыре табора (баталіона), а съ ними Мустафа-паша Мелеменджи. Мустафа-паша расположился въ Сараевѣ. Дали знать Тахиръ-пашѣ. Тахиръ-паша отправился въ Сараево и вмѣстѣ съ нимъ Мустафа-паша (Бабичъ) и Фазли-паша. Они слѣзли съ коней въ Сараевскомъ полѣ на Грбавицѣ, во дворцѣ Мустафа-паши, размѣстили войско въ полѣ и начали сзывать Сараевцевъ. Тахиръ-паша говоритъ Фезли-пашѣ: «Кто такіе собирались и говорили, что хотятъ избить христіанъ?» Фазли-паша составилъ бумагу и отдалъ руки Тахиръ-пашѣ, а когда эти люди собрались передъ пашею, Тахиръ-паша спрашиваетъ каждаго: «Кто ты, какъ тебя зовутъ?» — спрашиваетъ ихъ и велитъ вязать. Въ одинъ мигъ связалъ онъ ихъ шестьдесятъ человѣкъ, Сараевскихъ ефендій, агъ, ходжей и хаджіевъ и людей торговыхъ. Это случилось въ воскресенье послѣ икиндіи (послѣобѣденнаго призыва муеззина). Тотчасъ пришла вѣсть въ Сараево: тотчасъ закрыли чаршію (лавки на базарѣ), все спѣшитъ взяться за оружіе. Тотчасъ пришла вѣсть къ Тахиръ-пашѣ, что Сараевская чаршія закрылась. Разсердился Тахиръ-паша, хотѣлъ зажечь Сараево, но окружающіе упросили его и поскорѣе дали знать въ Сараево, чтобы скорѣе отпирали лавки. А Тахиръ-паша отъ себя велѣлъ сказать: «Вотъ

я завтра буду въ Сараевѣ. Обойду Сараево отъ края до края, и если найду одну лавку запертою, сейчасъ зажгу вамъ Сараево.» Когда разсвѣло утро понедѣльника, немедленно стала отпираться чаршія. Тахиръ-паша тотъ же часъ явился, пушкари везли пушки, несли зажженные фитили. Такъ обошли они все Сараево. Сараевцы помирали со страху, нажили себѣ болѣзнь сердечную, не смѣли вымолвить ни слова. Тахиръ-паша сдѣлалъ, чего хотѣлъ: тѣхъ шестьдесятъ человѣкъ отправилъ въ ссылку, прочимъ задалъ великаго страху. Тутъ пробылъ онъ нѣсколько дней, и открылъ также тѣхъ двухъ преступниковъ, одного, который ранилъ торговца, другаго, Кучукъ-Али (малаго Али) кантарджію (вѣсовщика), который отнялъ масло у владычина слуги; обоихъ онъ повелъ въ Травникъ, одного велѣлъ какъ-то убить, а другаго колотилъ по брюху, такъ что онъ заболѣлъ и умеръ.—Пришла вѣсть *): «Краина возстала». Тахиръ-Паша пошелъ на Краину и повелъ за собою войско, сколько имѣлъ. Съ Краиною бился онъ крѣпко, но его постигло несчастіе: съ одной стороны бьютъ Краишники, съ другой стороны еще пущая бѣда: въ войскѣ появилась болѣзнь, войско стало помирать отъ болѣзни. Умеръ миралай (полковникъ),

---

. . . .

*) Хаберъ дође: «Краина се диже;»
Тахиръ-паша на Краину пође
И поведе войске што имаде,
Съ Краиномъ се яко ударао,
Тахиръ-паши несрећа прискочи:
Съ єдне стране бию Краишници,
Съ другу страну и іошъ виши яди:
Болестъ му се у войсци появи,
Стаде войска одъ болести мрѣти.
Миралая Муста-пашинъ сйнъ умрие,
И аскера іошъ дости помрие:
Краишници све єднако бию,
Муста-пашу Сарайскога ране

сынъ Мустафа-паши, и немало войска померло. А Краишники бьются неугомонно. Они ранили Мустафа-пашу Сараевскаго; его приближенный Каимовичъ погибъ, и погибло не мало народа. Тахиръ-паша смутился чрезвычайно. Онъ вернулся назадъ въ Травникъ, считая себя опозореннымъ. Онъ заболѣлъ съ горя. А Мустафа-паша съ Фазли-пашою отправились въ Сараево. Тахиръ-паша через нѣсколько дней узналъ, что все это дѣло (т. е. возстаніе Краины) вышло изъ головы этихъ двухъ людей [1]): «Что дѣлаютъ Фазли-паша съ Мустафа-пашою? (думалъ онъ): вѣдь это они все дѣлаютъ на мою голову.» Онъ отправилъ своего кехая-бега въ Сараево, чтобы привести ихъ къ нему. А оба паши заболѣли и сказали кехая-бегу:» Мы цѣлуемъ полу одежды у *честитаю* паши. Мы больны, и все-таки поѣхали бы, но Босняки народъ безумный. Пожалуй, вообразятъ себѣ что нибудь недобраго для насъ, и можетъ возгорѣться мятежъ. Но мы явимся черезъ нѣсколько дней.» Такъ сказали они, и кехая отправился назадъ, а оба они задумали бѣжать. «Друзья поддержатъ насъ» (сказали они себѣ),—и въ тотъ же вечеръ поѣхали въ Стамбулъ и повезли съ собою много денегъ. Когда Тахиръ-паша узналъ про это, онъ съ испуга

Каимовићь коласъ му погине,
И іошъ ихъ є дости погинуло.
Тахиръ-паша одвише се смути
И у Травникъ натрагъ се поврати.
Чини му се, оста подъ срамотомъ.
Одъ яда се тако разболио.
. . . .
А паше се биле разболѣле
И ћехая-бегу говориле:
«Скутъ любимо паши честитоме,
Болесни смо,—и пакъ бисмо пошли:
Бошняци су люди будаласти,

---

1) т. е. задумано и возбуждено Мустафа-пашею Бабичемъ и Фазли-пашею.

снова заболѣлъ, заболѣлъ да и умеръ. Радуются Турки-Босняки и говорятъ христіанамъ: «Ну-те, *влахи*, померъ вашъ батька!» Мустафа-паша и Фазли-паша узнали о смерти Тахиръ-паши и обрадовались. Устроили они свои дѣла въ Стамбулѣ и говорили тамъ, что безъ достаточнаго войска въ Босніи ничего сдѣлать нельзя. И такъ отправили Хафизъ-пашу въ Боснію виземъ. Съ нимъ поѣхали Мустафа-паша и Фазли-паша, вернулись въ Сараево и стали судить и приказывать. А военный Мустафа-паша Мелеменджи отправился въ Монастиръ къ Омеръ-пашѣ и разсказалъ ему про Боснію, какъ и что. Омеръ-паша написалъ въ Стамбулъ; изъ Стамбула тотчасъ пришелъ приказъ, чтобы онъ снаряжался и отправлялся въ Боснію. Онъ снарядился и отправился въ Боснію. Въ Ушкюпѣ (Скоплѣ) онъ остановился и послалъ письмо въ Сараево, съ приказомъ, чтобы къ нему явились Сараевскіе депутаты. Поѣхали они, поклонились Омеръ-

---

Могу за насъ нешто промислити,
Пакъ се море штогодъ заметнути.
Веѣь ето насъ до неколько дана.»
То рекоше пакъ оде ћехая.
А ова два мислише бижати:
«Приятели насъ ће одржати.»
И ту вечеръ у Стамболъ одоше,
И новаца млого понесоше.
Тахиръ-паша кадъ за то разумѣ,
Одъ дрхта се изнова разболѣ,
Разболѣ се и тадай умрие.
Веселе се сви Турци Бошняци;
Христянима они говорили:
«Море власи, умрие вамъ бабо!»
Паше чуле пакъ се веселиле,
У Стамболу за се начиниле.
. . . .
Омеръ-паша у Стамболъ одписо,
Изъ Стамбола таки хаберъ дошо,
Да се спрема и на Босну иде.

пашѣ, поручились ему за Сараево, что тамъ не будетъ выстрѣла. Сераскиръ далъ имъ хорошія наставленія и сдѣлалъ имъ хорошіе подарки. Они вернулись назадъ въ Сараево.

Съ прибытія Хафизъ-паши въ Боснію прошло три мѣсяца, когда вступилъ въ нее Омеръ-паша. Съ нимъ пришло 8 *таборовъ* (баталіоновъ) войска; прежде уже пришло 4 *табора* съ Мустафа-пашею Мелеменджи, а послѣ еще 4 привелъ Мадъяръ Скендеръ-бегъ:[1]) стало быть, всего было войска у Омеръ-паши 16 *таборовъ*. Омеръ-паша *) поселился въ Сараевѣ, расположилъ войско на Горицѣ, а нѣкоторую часть по домамъ и ханамъ. Вскорѣ стало съѣзжаться къ нему собраніе. Прежде всего явились къ нему Сараевцы, Фазли-паша и съ нимъ Мустафа-паша,

---

Тай се спреми и на Босну пође.
У Ушћупъ се мало заставио,
У Сарайво кнігу опремио,
Да му дођу Сарайски ућуи.
И одоше и поклонише се,
За Сарайво ћефиль се учине:
У Сарайву пукнутъ пушка нећe.
Сераскеръ имъ лѣпо приповѣдо,
И лѣпо ихъ шточнемъ дарива.
У Сарайво натрагъ се вратише.

*) . . . .
Омеръ-паша у Сарайво сѣдѣ,
На Горици ордию намѣсти,
А остало по кућама смѣсти,
По кућама и по хановима.
Пакъ стаде се аялетъ купити;

---

1) Этотъ Искендеръ-бегъ, въ послѣдствіи Искендеръ-паша, есть извѣстный ренегатъ Графъ Ильинскій, Полякъ; но Босняки считаютъ всѣхъ выходцевъ ренегатовъ, вступившихъ въ Турецкую службу, за Мадъяръ. Существованіе Поляковъ имъ неизвѣстно, и хотя имя это иногда встрѣчается въ ихъ пѣсняхъ о событіяхъ XVII вѣка, однако теперь они повторяютъ его, не зная уже, что это за народъ и гдѣ онъ находится.

за нимъ муфти и съ нимъ Узунія, также Дженетичъ и Бакаровичъ, да два бега, два Алиль-башича. Эти восемь были *поглавари* (старшины) Сараевскіе, а прочему народу и счету нѣтъ. Всѣ отправились и поклонились, поцѣловали у Омеръ-паши полу одежды. Омеръ-пашѣ это понравилось. За этими идутъ Травничане: чаушларъ-ага, ихъ голова, за нимъ двое Хассанъ-пашичей, Хаджи-Али-бегъ и Дервишъ-бегъ, да Дервишъ-бегъ Тескереджичъ, Виличи да Безикреичи, Кулиновичъ, Ибрагимъ-пашичъ да Хадже-ефенди, Травницкій муфтій, а прочимъ агамъ и спахіямъ и счету нѣтъ. И эти, какъ должно, поклонились Омеръ-пашѣ, поцѣловали у него полу одежды. Изъ Яйца пріѣзжаетъ Хаджи-бегъ Яйчанинъ и съ нимъ нѣсколько беговъ; изъ Козерица — Козарацъ-капетанъ, изъ Banялуки Али-бегъ Джиничъ и съ нимъ Ибришъ-Сали-ага, да съ ними еще нѣ-

---

Сарайлие найпрве одоше,
Фазли-паша и шнімъ Муста-паша,
Пакъ муктия и шнімъ Узуния,
Пакъ Джнетићь и шнімъ Бакаровићь,
Пакъ два бега, два Алиль-башића.
То е осамъ што е поглавара,
А остало нема ни е есаба.
Све отишло те се поклонило,
Омеръ-пашу у скутъ полюбило;
Омеръ-паши по ћеифу било.
Пакъ за овилъ иду Травничани,
Чаушларъ-ага што е прва глава, пакъ Хасанъ-пашићи
Хаджи-Али-бегъ и шніме Дервишъ-бегъ, пакъ Дервишъ-бегъ Тескереджићь,
Пакъ Вилићи, пакъ Безикреићи,
Кулиновићь и Ибраимъ-пашићь,
Пакъ Хадже-ефендия Травнички муктия,
Осталиехъ ага и спахия
Веће тиемъ ни броя се не зна;
И ти му се лѣпо поклонише,
Омеръ-пашу у скутъ полюбише.

сколько *поглаварей:* вѣдь Банялука — слава всей Краины. Изъ Бихча пріѣзжаетъ Бихачъ-Мехмедъ-паша, изъ Майдана—Майданскій капетанъ, изъ Новаго—Новскій капетанъ, изъ Прѣдора—Прѣдорацъ-капетанъ, изъ Крупы — Крупа-капетанъ, изъ Дубицы—Дубицкій капетанъ, изъ Сазина—Заимъ-бегъ Майданацъ, изъ Кулина — Кулинъ-капетанъ. Изъ нихъ никто не явился одинъ, а каждаго сопровождали *поглавари* (старшины его округа). Всѣ пріѣхали и поклонились, поцѣловали у Омеръ-паши полу одежды. За тѣмъ пріѣзжаютъ изъ Тешня Тешеньскіе депутаты, а изъ Жебча — Заимъ-бегъ Жебчанинъ, изъ Дервенты—нѣсколько беговъ, изъ Маглая—Маглайскій капетанъ, изъ Градашца — два Градашчевича, изъ Бѣлины — два Федаича, изъ Модричи — нѣсколько беговъ, изъ Брчка—нѣтъ никого; а изъ Тузлы—Тузла-Махмудъ-паша и его сынъ Османъ-бегъ, изъ Зворника — Зворникъ-Махмудъ-паша, изъ Сребрницы—Хаджи-Рустанъ-бегъ Сребрница. Да и они не были одни, за каждымъ была свита. И они пріѣхали и поклонились, поцѣ-

---

Пакъ изъ Яйца Хаджи-бегъ Яйчанинъ,
И шнімъ има неколико бега,
Изъ Козарца Козарацъ-капетанъ
Пакъ изъ Бане-луке Джиниħь Али-беже
И іошъ шніме Ибришъ-Сали-ага,
И іошъ има шніма поглавара:
Баня-лука на Краини Фала.
А изъ Бихħа Бихаħъ-Мехметъ-паша,
Изъ Майдана Майдински капетанъ,
Изъ Новога Новски капетане,
Изъ Прѣдора Прѣдорацъ-капетанъ,
А изъ Крупе Крупа-капетане,
Изъ Дубице Дубички капетанъ,
Изъ Сазина Майданацъ Заимъ-бегъ,
Изъ Кулина Кулинъ-капетане.
Тай ниеданъ ние самъ глава,
За свакиемъ има поглавара.
Сви доħоше те се поклонише,

ловали у Омеръ-паши полу одежды. За тѣмъ пріѣзжають изъ Лѣвна—бегъ Фильдузовичъ, изъ Гламоча—Идризъ—беговичъ, да изъ Скопля Сулейманъ-пашичи и Миралемъ-беговичи. И они пріѣхали и поклонились, поцѣловали у Омеръ-паши полу одежды. Наконецъ оттуда, изъ Герцеговины, пріѣзжають вопервыхъ два сына Али-паши, Хафизъ-паша и Рустанъ-бегъ, изъ Требинья—Гассанъ-бегъ Требинецъ, изъ Любушка—Али-бегъ Любушакъ, изъ Невесиня—два Редженъ-пашича, а изъ Гацка два бега Ченгича. И они пріѣхали и поклонились, поцѣловали у Омеръ-паши полу одежды.[1]) Омеръ-паша говоритъ Хафизъ-пашѣ: «Хафизъ-паша, дитя мое дорогое! Спасибо отцу твоему, что прислалъ тебя. Позволяю тебѣ вернуться домой и оставаться съ отцомъ. Передай мой поклонъ отцу: онъ старый человѣкъ, я цѣлую у него руку и прошу его потрудиться сюда.» Когда Омеръ-паша приказалъ это, всякій говорилъ ему, что Али-паша не пріѣдетъ. Хафизъ-паша отправился въ Мостаръ, разсказываетъ отцу, какъ и что. Али-паша сталъ снаряжаться

Омеръ-пашу у скутъ полюбише.
Пакъ изъ Тешня Тешаньски уќуи
А изъ Жебча Жебчанинъ Заимъ-бегъ.
Изъ Дервинте неколико бега,
Изъ Маглая Маглайски капетанъ,

---

1) Авторъ исчислилъ здѣсь въ полу-эпической формѣ всю туземную аристократію Боснійскую, явившуюся на поклонъ Омеръ-пашѣ. Въ исчисленіи этомъ соблюдена географическая система. Приведены главные Славяно-Мусульманскіе вельможи Сараева, Травника, Краины (Сѣверо-западной Босніи), Посавины (сѣверо-восточной Босніи), юго-западной Босніи и наконецъ Герцеговины. Многіе изъ этихъ вельможъ извѣстны были въ народѣ по имени городовъ и округовъ, которыми они наслѣдственно владѣли, напр. Крупскій капетанъ, Новскій капетанъ. Иногда имя города просто присовокуплялось къ имени или титулу напр. Зворникъ-Махмудъ-паша или просто Зворникъ-паша, иногда же имя города въ формѣ отечественной (патронимической) становилось фамиліею владѣтеля напр. Градашчевичи, т. е. владѣтели Градашца, Стольчевичи, т. е. владѣтели Стольца, Кулиновичи, т. е. владѣтели Кулина, Бихчевичи или Бишчевичи, т. е. владѣтели Бихча; у старшаго же въ родѣ, т. е. у собственнаго владѣтеля, имя города непосредственно прилагалось къ титулу: говорили «Кулинъ-капетанъ изъ рода Кулиновичей, Бихачъ-Мехмедъ-паша изъ рода Бихчевичей» и т. под.

въ путь и тотчасъ пріѣхалъ въ Сараево. Омеръ-паша, узнавъ объ этомъ, сдѣлалъ большую иллюминацію, вышелъ къ нему на встрѣчу съ многочисленнымъ войскомъ, пушки привѣтствовали его съ крѣпости. Многіе люди дивились тогда, что Омеръ-паша оказалъ такую честь Али-пашѣ. Вся Боснія думала, что во владѣніяхъ Султана только двое, Мехмедъ-Али Египтянинъ да Али-паша Стольчевичъ могутъ противостать ему (Султану) войною. Всѣ Босняки (т. е. Боснійскіе мусульмане) кланялись Омеръ-пашѣ, но полагали свои надежды на геройство и силу Али-паши. А когда они уже всѣ собрались и вся Боснія и Герцеговина преклонилась передъ Омеръ-пашею и согласилась на все, что онъ сказалъ, Омеръ-паша сталъ имъ говорить: «Слушалъ я разсказы про Боснію, какова она и что она такое, и у меня разбаливалась голова. А какъ я теперь вижу, приходится только жалѣть о напрасномъ трудѣ моемъ и такого многочисленнаго войска и о напрасныхъ издержкахъ царя, тогда какъ не нужно было ни одного выстрѣла. А второе, о чемъ я буду

Изъ Градашца два Градашчевића,
Изъ Бѣлине до два Федаића,
Изъ Модриче неколико бега,
Изъ Брчкога неима никога,
А изъ Тузле Тузла-Махмутъ-паша
И синъ нэговъ Хаджи-Османъ-беже,
Изъ Зворника Зворникъ-Махмутъ-паша
Изъ Сребрнице Сребрница-Хаджи-Рустанъ-бегъ;
Пакъ ніхови нѣсу били сами,
За свакиемъ іошъ било друства;
И ти дошли те се поклонили,
Омеръ-пашу у скутъ полюбили.
Пакъ изъ Лѣвна Фильдузовићъ-беже,
Изъ Гламоча Идризъ-беговићу,
Пакъ изъ Скопля Сулейманъ-пашићи и Миралемъ-беговићи:
И ти дошли те се поклонили,
Омеръ-пашу у скутъ полюбили.

жалѣть,—то, что не случится мнѣ въ Босніи ни разу ударить куркомъ о кремень.» Ныньче онъ такъ разговариваетъ, а на другой день приходитъ извѣстіе: Краина поднимается па оружіе. Омеръ-паша снаряжается скорѣе, ведетъ съ собою Мустафа-пашу Мелеменджи съ 4 *таборами* (батальонами). Онъ распускаетъ тѣхъ, которые собрались къ нему на поклонъ: «всякій пусть оберегаетъ свое мѣсто», говорилъ онъ. Но Стольчевичъ, Тузлинскій паша, и Зворницкій паша полюбились ему. Онъ говоритъ имъ: «Вы должны подождать меня, съ вами нужно мнѣ потолковать.» Итакъ онъ отправился и повелъ войско. Когда прибылъ въ Банялуку, онъ началъ спрашивать о причинѣ войны. Довольно много Краишниковъ явилось къ нему и всѣ ему покорились. Омеръ-паша устроилъ съ ними дѣло и тотчасъ вернулся въ Сараево, думалъ условиться съ пашами, съ Али-пашею о дѣлахъ Герцеговины, съ Тузлинскимъ и Зворницкимъ пашами о Посавинѣ, но ихъ нѣтъ ни одного. Хафизъ-паша уладилъ съ ними дѣло и всѣхъ троихъ отпустилъ по до-

---

Пакъ отуда одъ Ерцеговине
Прво дошли два Али-пашића
Хафизъ-паша и шнімъ Рустанъ-беже,
Изъ Требиня Хасанъ-бегъ Требиняцъ
Изъ Любошкогъ Любошакъ Али-бегъ,
Изъ Невесиня два Реджепъ-пашића,
А изъ Гацка два бега Ченгића:
И ти дошли те се поклонили,
Омеръ-пашу у скутъ полюбили.
Омеръ-паша Хафизъ-паши вели:
«Хафизъ-паша, мое драго дѣте,
Фала баби кои те спремио!
Исунъ ти е да ти куħи идешъ,
На бабину мѣсту да останешъ.
Баби селамъ одъ мене понеси:
Стари чоекъ,—я му руку любимъ,
И молимъ га, некъ с'амо потруди.»
Омеръ-паша кадъ ово нареди,

мамъ. Какія указанія онъ далъ Али-пашѣ, это у васъ уже описано [1]); точно также наставилъ онъ тѣхъ двоихъ, чтобы они не боялись Омеръ-паши: «Я визирь, голова всей Босніи, говорилъ онъ, какъ я прикажу Омеръ-пашѣ, такъ онъ долженъ дѣйствовать. Онъ начальникъ и глава войска, его дѣло распоряжаться и командовать войскомъ, а мимо меня распоряжаться Босніею онъ не можетъ. Куда я ему прикажу ударить съ войскомъ, туда онъ долженъ ударить. А дѣйствовать безъ моего вѣдома и спроса ему не дано власти.» Когда Омеръ-паша узналъ про это, онъ сильно поссорился съ Хафизъ-пашею; они другъ на друга стали доносить въ Стамбулъ.

Между тѣмъ пришла вѣсть, что Посавина бунтуетъ. Омеръ-паша поспѣшно снаряжается, онъ беретъ съ собою Мустафа-пашу и его 4 *табора*, а Ибрагимъ-пашу и его войско отряжаетъ на Кладань; въ Сараевѣ онъ оставляетъ своимъ намѣстникомъ Абди-пашу, который прежде его пришелъ въ Сараево. Онъ приказываетъ ему смотрѣть и держать въ повиновеніи

Свакъ му рече да му дођи нећe.
Хафизъ-паша у Мостаръ отиде
Баби каже што є и како є.
Али-паша спремати се пође
Ино таки у Сарайво дође.
Омеръ-паша кадъ за то дознаде,
Онъ є великъ шенлукъ учинио,
Съ млогомъ войскомъ предъ нега изишо,
Топови му по граду пукнули:
Млоги свиетъ тадай се зачуди,
Али-паши што онъ то учини,
Єръ ето већъ сва Босна мислила,
Мехмедъ-Алия што є Мисирлия, а Али-паша Сточевићъ, да трећега у цара неима, да би мого стати съ царемъ воєвати: сви су се Бошняци Омеръ-

1) Авторъ ссылается на «Лѣтопись Герцеговины» О. Прокопія Чокорилы (Русск. Бесѣда, 1858, II) и на «Жизнь Али-паши Ризванбеговича».

остальные края, а самъ идетъ прямо въ Посавину. Прежде всего взяли приступомъ *градъ* (крѣпость) Врандукъ и поставили пушки на *градъ*, а подъ Врандукомъ, въ Ораховицѣ, расположили войско. Вскорѣ явились въ Ораховицу и Посавинцы. Ихъ ведетъ намѣстникъ Махмудъ паши Тузлинскаго, по имени Османъ булюкбаша: онъ сераскиръ (военачальникъ) Посавинскаго войска. Гарцуетъ на конѣ Османъ-булюкбаша, насупротивъ его гарцуетъ Омеръ-паша. Османъ гарцуетъ смѣлѣе Омера, потому что у него больше войска и еще много должно прійти къ нему на помощь. Не долго хотѣли они ждать, выстроились и ударили другъ на друга. Когда Боснякъ ударилъ на низамъ, палъ туманъ съ неба до земли. Омеръ-паша кричитъ пушкарямъ: «бейте изъ пушекъ безъ перемежки. Далъ имъ Богъ и дало счастіе, что они многихъ убили изъ пушекъ и въ скоромъ времени разсѣяли ихъ по полю. Не прошло полныхъ трехъ часовъ, и Посавинское войско уже разбѣжалось. Но другое сильное привалило. Разбитые встрѣчали подходившихъ, встрѣ-

---

паши поклоняли, али су се у Али-пашинъ газилукъ надали. . . . .

Они свиетъ што се покупио,
Изунъ дае да се разилазе
«Сваки свое мѣсто прегледайте.»
Сточевиħа бѣше залюбио
Тузлу-пашу и Зворничкогъ пашу:
Омеръ-паша той троици вели:
«Вама валя мене причекати.
Съ вама ми се треба разговоритъ».
Пакъ онъ оде и аскеръ одведе.
Кадъ у Баню-луку дођe,
За кавґу ихъ запитати пође:
Краишника подости ихъ дође,
Омеръ-паши сви се предадоше.
Омеръ-паша шніма се начини,
Пакъ се намахъ у Сарайво врати,
Съ пашама се мисли здоговаратъ,

чали ихъ и говорили; «Ступайте назадъ, не губите своихъ головъ, едва мы вынесли свои. Изъ пушекъ зачастили ядра, точно хлѣбородный дождикъ изъ облаковъ, не даютъ никому мигнуть глазомъ, не оставляютъ ни лошади, ни молодца. Кто остался—счастлива мать его! Не сравниться субашѣ [1]) съ пашею, не сравниться силѣ капетанской съ царскою! Такъ бѣгите и думайте о своихъ дѣлахъ, что будетъ со всей Босніей, то будетъ и съ нами.»—Разбрелась Посавинская сила. Тузлинскій паша былъ въ Грачаницѣ и ждалъ, что будетъ съ войскомъ; а когда онъ услышалъ эти вѣсти, убѣжалъ въ деревню близъ Брчка, переодѣлся въ деревенское платье и думалъ, что онъ въ безопасности, находясь близъ Савы, близъ того берега (т. е. Австрійской границы). — Омеръ-паша двинулся впередъ, изъ города въ городъ, устроивая страну.

Между тѣмъ Ибрагимъ-паша пошелъ съ войскомъ изъ Сараева на Тузлу. Посавцы встрѣтили его впереди Кладня (*недомакъ Кладня*) на Стоборьѣ; они побились; онъ разбилъ ихъ,

---

Съ Али-пашомъ за Ерцеговину,
Съ Тузломъ пашомъ за Посавину,
А такођеръ и съ Зворничкимъ пашомъ.
Али овогъ нема не еднога:
Хафизъ-паша шніма начинио,
Све троицу кућамъ опремио.
Мостарскоме шта е наредио,
То имате тамо пописано,
А такођеръ и овой двоици:
Омеръ-паше ти да се не страше.
«Я самъ везиръ одъ све Басне глава!
Омеръ-паши како я наредимъ, 'нако треба да се влада:
онъ е надъ аскеромъ забитъ и велика глава
Тербиетитъ и зафтъ ихъ чинити.
А кодъ мене по Босни не море.
Кудъ му рекнемъ съ войскомъ да удари, тудъ мора ударити.

---

1) *Субаши*—люди составлявшіе свиту знатныхъ беговъ.

сжегъ тамъ нѣсколько селъ и вступилъ въ Кладань. Въ Кладнѣ собралось нѣсколько человѣкъ изъ Кладня и изъ Власаницъ, и поручились ему, что «Кладаньское, Власаницкое и Сребрницкое ополченіе не станетъ больше противъ него сражаться. А про отдаленныя мѣста, тамъ около Тузлы, про тѣ мы не знаемъ». Кладаньское войско тотчасъ разбѣжалось и воротилось по домамъ; но Власаницкое стояло на Растичѣ, а Сребрницкое у Цѣрова-гая. Люди, которые вступили въ сношеніе съ Ибрагимъ-пашею, еще не успѣли съ нимъ распроститься, какъ Власаницкое и Сребрницкое войско ударило на передовую стражу Ибрагимъ-паши. Ибрагимъ-паша бросился на помощь и побился съ ними: онъ разбилъ ихъ, нѣсколько человѣкъ пало. Онъ былъ въ гнѣвѣ и зажегъ Кладань; пострадалъ народъ; несчастный Кладань пострадалъ безъ вины, за вину Власаничанъ и Сребрничанъ, они были виновны, и ихъ не тронули. — Ибрагимъ-паша двинулся оттуда впередъ, и его опять встрѣтили на Растичахъ: здѣсь войско Ибрагимъ-паши намѣревалось пройти

Брезъ могъ знаня и мога питаня
Омеръ-паши ние властъ додана.»
Омеръ-паша кадъ за то дознаде,
Съ Хафизъ-пашомъ наяко се сваде,
Єданъ другогъ у Стамболъ одпишу.
Хаберъ стиже. Посавина с' диже.
Омеръ-паша опрема се брже.
. . . .
Врандукъ градъ су найпрѣ уягмили
И на граду топове метнули, и у Ораховици подъ Врандукомъ войску намѣстили. Докъ у Ораховицу и Посавци стигли
Предъ нíма е веђиль Тузле-Махмутъ-паше,
По имену Османъ-булюбаша:
Онъ сераскеръ предъ Посавскомъ войскомъ.
Коня игра Османъ-булюбаша,
Према нему игра Омеръ-паша.
Османъ боле одъ Омера игра,

прямо на Тузлу. Крѣпко бились изъ пушекъ и ружей; а одинъ жалкій *балія* (земледѣлецъ-мусульманинъ) изъ села Чурчевичей, по имени Мрконя, собралъ до 150 чел. такихъ же *балій*, везшихъ на подводахъ войсковую аммуницію и ударилъ съ тыла на Ибрагимъ-пашу; а изъ тѣхъ, которые были разбиты подъ Цѣровымъ-гаемъ, собралось тоже нѣсколько, и они также съ своей стороны напали на него. Войско Ибрагимъ-паши испугалось и смутилось, думая, что его окружило множество непріятеля; оно не знало, сколько ихъ нападаетъ, оно не видитъ непріятеля, потому-что онъ стрѣляетъ съ горъ, бьетъ безъ перемежки съ трехъ сторонъ. Войско Ибрагимъ-паши совершенно разстроилось: оно назадъ, а Посавцы впередъ, и обложили его съ четырехъ сторонъ, заперли какъ овенъ въ *торъ* (овчарнѣ). Такъ обложили они Ибрагимъ-пашу на Ночевичахъ, что и птица бы вылетѣть оттуда не могла. Не было никакого подвоза припасовъ; надѣялись уморить войско голодомъ. Такъ простояли они дней восемь. Нѣтъ никого, чтобы пойти и ска-

---

Єръ у нега више войске има,
И іошъ млого има да му дође.
Туй за-дуго не шћеше чекати:
Наредише те се удариue.
Кадъ удари Бошнякъ на низама,
Паде тама одъ неба до тала.
Омеръ-паша топчиама виче:
«Изъ топова еднако удрите!»
То є німа Богъ и срећа дала,
Изъ топова млого ихъ побише
И у полю брзо ихъ разбише.
Нѣсу пуна три сахата била,
Посавска се войска разбѣгнула.
Аль є друга силна навалила.
Ти разбьени силне су сретали,
Сретали ихъ, пакъ су говорили:
«На трагъ хайдте, глава не губите!
Ми смо єдва своє изнпели:

зать. Вдвойнѣ томилось войско Ибрагимъ-паши: съ одной стороны бьютъ Посавцы, съ другой — моритъ голодъ; уже помышляли о томъ, бѣжать ли или сдаться. Но нашелся одинъ христіанинъ (т. е. православный), по имени Миле Тодоровичъ изъ Бирча, изъ села Трнова: онъ вызвался отнести письмо въ Сараево и принести скоро отвѣтъ. Скоро пошелъ онъ, а пришелъ еще скорѣе, день и ночь все шелъ бѣгомъ. Но на возвратномъ пути его схватила Посавинская стража, за Кладнемъ у одного хана: тутъ было всего двое Турокъ, которые пошли разглядѣть и разспросить, идетъ ли кто на выручку къ Ибрагимъ-пашѣ. На нихъ-то Миле наткнулся; они потащили его въ ханъ, и стали его разспрашивать, откуда и куда онъ идетъ. А онъ имъ отвѣчаетъ: «я былъ въ Сараевѣ на базарѣ съ двумя лошадьми, такъ ихъ у меня *низамы* (солдаты) схватили на подводы: одна пала, а другая кое-какъ дотащилась до Кладня; но они кричатъ, что не отдадутъ мнѣ и этой одной лошади, а еще

Изъ топова ђунлета сибаю,
Башъ ко родна киша изъ облака,
Не да никомъ отворити ока,
Не оставля коня ни юнака:
Ко остане, весела му майка!
Што ли паша, а што ли субаша,
Што ли сила царска, што ли капетанска!
Веђъ бижите и посла гледайте:
Што буде одъ све Босне, оно и одъ насъ-ке.»
Посавска се сила разметнула.
Тузла-паша у Грачаници био
И одъ войске шта ће бити чеко,
А кадъ чуо за оваке гласе,
Кодъ Брчкога у село утеко,
У с̓оске се халіне обуко,
И туй мисли да му е слободно,
Близу Саве, близу оне стране.
Омеръ-паша у напреданъ пође
Изъ касабе у касабу срећивати пође......

и самого гонятъ на работу и бьютъ, убей ихъ Богъ! Такъ я и убѣжалъ.» А эти двое Турокъ говорятъ ему: «а знаешь ли, братъ, сколько ихъ идетъ?» «Знаю, говоритъ, — четыре табора.» «А сколько пушекъ?» тѣ спрашиваютъ у него; онъ говоритъ: «шесть пушекъ». Опять его спрашиваютъ: «знаешь ли, что они говорятъ между собою?» — «Знаю, говоритъ, немного. Они говорятъ, что ночью нападутъ и всѣхъ схватятъ живьемъ.» Тѣ двое не знали, что сказать, сказали ему только: «правда ли это, если ты Турокъ [1])?» и тотчасъ хвать за длинныя ружья и давай бѣжать. А онъ пошелъ своей дорогою и принесъ Ибрагимъ-пашѣ радостную вѣсть, что къ нему идетъ помощь съ двухъ сторонъ: съ одной стороны миралай (полковникъ) Хаджи-Али-бегъ, съ другой — бимбаши (маіоръ) Яхйя. Посавцы узнали объ этомъ и рѣшили между собою: «ныньче ночью мы ударимъ на этихъ (т. е. на войско Ибрагимъ-паши), убьемъ всѣхъ до единаго, возьмемъ себѣ боевые снаряды и казну, а завтра примемъ тѣхъ, что идутъ на выручку.» Они еще разсуждали, какъ подоспѣлъ Яхйя бимбаши, храбро кинулся на Посавцевъ, неожиданно попалъ имъ на голову. А съ другой стороны ударили тѣ, которые были обложены. Между тѣмъ сераскеръ Омеръ-паша, будучи въ Градашцѣ, услышалъ про бѣду, въ какую попалъ Ибрагимъ-паша. Поспѣшно поднялъ онъ войско и черезъ Тузлу приспѣлъ къ Чурчевичамъ. Всѣ совокупно напали. Посавцы побѣжали, а тѣ погнались за ними: гнались до утренней зари, пока ни одного не осталось. Предводителями Посавинской рати были два молодца, Куловичъ изъ Верхней Тузлы и Рашидъ-ага изъ Зворника; но всему дѣлу руководителемъ и совѣтникомъ былъ Кладанскій *кади*, который все твердилъ имъ, чтобы они бились и не пугались; но по-пустому, коли испугались.

---

1) *ако си Турчинъ*: заклинаніе у мусульманъ Боснійскихъ. Разумѣется, хитрый Миле притворился мусульманскимъ *баліею* (землед҄ѣльцемъ), котораго ничего въ одеждѣ не отличаетъ отъ христіанина. Вся эта часть похода записана авторомъ лѣтописи съ собственныхъ словъ этого Миле.

Между-тѣмъ подоспѣлъ и Хаджи-али-бегъ, когда дѣло уже было кончено. Его разжаловали за то, что по его оплошности Ибрагимъ-паша чуть не погибъ съ своимъ войскомъ. Этотъ Хаджи-али-бегъ былъ тогда миралаемъ (полковникомъ); а теперь онъ у насъ Хаджи-али-паша [1]).

Такъ кончилось дѣло въ этомъ мѣстѣ, Омеръ-паша объѣхалъ всѣ города Посавины и воротился въ Тузлу, а Мустафа-пашу отправилъ въ Брчко спросить, хотятъ ли Брчане биться, или поддаться; также поручилъ онъ ему узнать о поведеніи Тузлинскаго паши. Онъ узналъ, что сынъ Тузлинскаго паши и Махмудъ-паша Зворникскій бѣжали оба въ Бѣлградъ. Омеръ-паша написалъ къ пашѣ Бѣлградскому, чтобы онъ ихъ схватилъ и отправилъ въ заточеніе. Сынъ Тузла-паши имѣлъ съ собою три *товара* (вьюка) червонцевъ: онъ давалъ много, чтобы его не выдали, но Бѣлградскій паша не посмѣлъ. Между тѣмъ Мустафа-паша пріѣхалъ въ Брчко; Брчко поддалось ему. Тузла-пашу нашли спрятавшимся въ деревнѣ, и съ нимъ нѣсколько товарищей. Обобрали ихъ до-чиста, связали и привели къ Омеръ-пашѣ въ Тузлу. Разграбили домъ Тузла-паши, взяли всѣ деньги, какія нашли, часть роздали войску. Омеръ-паша держалъ этихъ людей въ оковахъ, связанными посадилъ на лошадей, безъ сѣделъ, на вьюки, и такъ отправился въ путь и повелъ ихъ за собою. Мустафа-паша остался въ Тузлѣ. Бинъ-баша (маіоръ), служившій у другаго Сараевскаго, Мустафа-паши, Гассанъ-ага Зубовичъ и его кавазъ Дервишъ-ага должны были показывать войску дорогу; но на Кладнѣ они хотѣли сбить войско съ пути и навести его на отрядъ Посавцевъ, которые оставались еще подъ оружіемъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми Сараевцами. Когда Омеръ-паша узналъ это, онъ разсердился и написалъ въ Сараево Абди-пашѣ, чтобы онъ схватилъ Мустафа-пашу Сараевскаго и его зятя Дженетича съ прочими Сараев-

1) Извѣстный во всей Босніи откупщикъ податей и грабитель народа.

скими агами: «спроси про нихъ у Фазли-паши, писалъ онъ; Сараевцы сами не хотятъ драться, но подстрекаютъ другихъ биться, чтобы имъ самимъ пользоваться плодами битвы, въ случаѣ успѣха». Абди-паша всѣхъ ихъ схватилъ, сковалъ и посадилъ въ тюрьму вмѣстѣ съ Посавинскими бегами, которыхъ Омеръ-паша отправлялъ къ нему подъ стражу. Наконецъ прибылъ Омеръ-паша съ Тузла-пашею; съ торжествомъ вступилъ онъ въ Сараево, музыка играла, палили изъ пушекъ, трубачи трубили передъ плѣнными. Всѣхъ ихъ посадили въ тюрьму, и тотчасъ запечатали домъ Мустафа-паши, заплатили его долги, выгнали изъ дому его жену и дѣтей. Ибрагимъ-паша маленько ограбилъ его домъ и взялъ себѣ, что понравилось. Сараево въ это время натерпѣлось много страху, пока не пріѣхалъ Омеръ-паша. Посавинцы грозили, что придутъ и разорятъ городъ; также говорили, что придутъ люди, собравшіеся подъ Кладнемъ. Абди-паша всякій вечеръ отправлялся къ своему войску, стоявшему на Горицѣ, и говорилъ, что если выстрѣлитъ одно ружье хотя бы отъ шалости, то ему приказано тотъ же часъ зажечь городъ. Въ одинъ вечеръ онъ сдѣлалъ на Горицѣ страшную тревогу, сотнями раздались пушечные выстрѣлы, ружейные тысячами; Сараево озарилось, какъ будто бы начало горѣть. Когда загремѣли выстрѣлы, люди въ городѣ попадали на-земь отъ страха, всякій думалъ, что городъ зажигаютъ; многіе померли отъ испуга.

Итакъ, когда Омеръ-паша воротился изъ Посавины, онъ пробылъ нѣсколько времени въ Сараевѣ, пока собралъ всѣхъ плѣнныхъ, кого хотѣлъ, и связанными отправилъ на вьюкахъ въ Стамбулъ. Фазли-паша остался въ чести. Этотъ Фазли-паша, когда Омеръ-паша, прибылъ въ Сараево съ войскомъ, подрядился ставить войску продовольствіе. Фазли-паша призвалъ хлѣбниковъ и приказалъ имъ изготовлять для войска хлѣбъ, какъ можно лучше. Хлѣбники говорятъ Фазли-пашѣ: «государь, а гдѣ же деньги?» Фазли-паша прикрикнулъ на нихъ:

«какія есть у васъ деньги, тѣ тратьте, а когда денегъ не хватитъ, дайте мнѣ знать». Тѣ, которые были побѣднѣе, скоро израсходовали все, что имѣли, и явились извѣстить Фазли-пашу: «государь, говорили они, что у насъ было, то мы истратили, больше не можемъ ставить хлѣба, не получивъ отъ васъ муки и денегъ.» Онъ отвѣчалъ сердито: «я теперь не далъ ни муки, ни денегъ, а вы должны ставить продовольствіе; если нѣтъ у васъ, такъ займите, а когда будетъ время, получите за одинъ разъ». Что дѣлать? бѣдняки занимали и продолжали доставлять хлѣбъ, до самаго того времени, какъ пришло извѣстіе о томъ, что Али-паша Мостарскій готовитъ бунтъ. Омеръ-паша съ Фазли-пашею стали снаряжаться въ походъ. Фазли-паша поскорѣе сводитъ счетъ съ хлѣбниками и говоритъ имъ, что дастъ оку жита за оку хлѣба. Хлѣбники не соглашаются и отвѣчаютъ: «мы, паша, смотрѣли это жито, въ немъ больше сору, чѣмъ зерна, ока не стоитъ и 20 паръ ($2^1/_2$ коп. сер.), а мы для хлѣба, который ставили, покупали жито и муку по 48 паръ (6 коп.).» Фазли-паша не обращаетъ на это вниманія, но говоритъ имъ: «ступайте, я пошлю вамъ хорошаго жита.» Но онъ послалъ гадкое, и къ тому же еще уменьшилъ хлѣбную мѣру: мѣру, въ которой считалось по 22 оки, онъ сбавилъ на 17 окъ. Мѣшки съ житомъ велѣлъ онъ бросить передъ лавками хлѣбниковъ, сколько каждому приходилось по этому разсчету. Когда несчастные сосчитали, то оказалось, что за 48 паръ (6 коп.), израсходованныхъ на хлѣбъ, они получили по 12 паръ ($1^1/_2$ коп.) А Фазли-паша получилъ изъ казны сполна всѣ деньги, сколько слѣдовало, и выигралъ такимъ образомъ 5000 кесъ (75,000 руб. сер.)

Между тѣмъ Омеръ-паша вызвалъ къ себѣ изъ Тузлы Мустафа-пашу Мелеменджи, а на его мѣсто поставилъ Дервишъ-пашу. Они собрались и отправились въ Мостаръ. Фазли-паша поѣхалъ также съ ними. Омеръ-паша хорошо съ нимъ обращался, съ нимъ обѣдалъ и ужиналъ. Однако онъ перехватилъ

какія-то его письма, но не показалъ вида, что ихъ знаетъ, и продолжалъ держать его въ чести. О низложеніи Али-паши я здѣсь говорить не буду, потому что оно описано [1]). Пока Омеръ-паша находился въ Герцеговинѣ, вся Краина снова взялась за оружіе. Омеръ-паша отправился туда, оставивъ въ Мостарѣ Хайрудинъ-пашу, только что прибывшаго изъ Стамбула. Онъ взялъ изъ Герцеговины гаремъ Али-паши и отправился къ Банялукѣ, а Искендеръ-бега, Мадъяра, оставилъ въ Яйцѣ. Искендеръ-бегъ тутъ сражался, но немного, Краишникамъ вреда не нанесъ, держался въ Яйцѣ 10 или 15 дней, а Краишники собираются ударить на него со всѣми силами. Когда узналъ про это Омеръ-паша, онъ взялъ съ собою только двоихъ слугъ и съ ними быстро пріѣхалъ въ Яйце, и тотчасъ приказалъ войску вывести пушки на гору, изъ пушекъ бьетъ Краишниковъ. Пушкари въ одинъ мигъ изготовляются, въ другой мигъ палятъ. Краишники кричатъ *аманъ!* и всѣ слагаютъ оружіе. Омеръ-паша тутъ устроилъ дѣла, поднялъ войско и пошелъ внизъ по Краинѣ, онъ самъ на Шанацъ, а Скендеръ-бегъ на Бихачъ. Сераскиръ взялъ Шанацъ въ четыре дня, но онъ достался ему дорого, войска погибло не мало. Омеръ-паша разсердился, далъ своему войску такой приказъ: «кого схватите, рубите, живыхъ не водите ко мнѣ.» Нѣкоторыхъ рубили, другимъ однако оставляли жизнь: офицеры упрашивали Омеръ-пашу за плѣнныхъ: «жалко рубить такъ много народа.» Тогда Омеръ-паша приказалъ сажать ихъ на лодку на Савѣ и отправлять въ изгнаніе за границу.

Искендеръ-бегъ бился у Бихача 11 дней, а на 12-й день взялъ Бихачъ. Омеръ-паша устроилъ Краину, всѣхъ капетановъ и ихъ сторонниковъ связанными и скованными отправилъ въ Стамбулъ, а всѣхъ прочихъ усмирилъ и собралъ цар-

1) См. предъидущую статью и «Лѣтопись Герцеговины» О. Прокопія Чокорилы, помѣщенную въ «Русской Бесѣдѣ» за 1858 годъ., т. II.

скихъ редифовъ (рекрутъ). Фазли-паша былъ съ нимъ все время; вмѣстѣ прибыли они въ Травникъ. Однажды Омеръ-паша приказалъ, чтобы Мустафа-паша Мелеменджи и Фазли-паша пошли осмотрѣть казарму, взглянуть на войско, каково оно; устали ли низамы, здоровы ли. Фазли-паша поклонился, взялъ за руку Мустафа-пашу, и они отправились прямо въ казарму. Тутъ взяли Фазли-пашу подъ стражу, схватили также всѣхъ его людей, Абдулла-ефенди Узунію и Суна-ефенди и всѣхъ прочихъ, связали и сковали желѣзомъ, посадили на вьюки и отправили въ Стамбулъ. Фазли-паша давалъ много денегъ, чтобы его только не везли днемъ черезъ Сараево. Омеръ-паша на это не обращаетъ вниманія, потому что онъ хорошо извѣстился объ его дѣйствіяхъ, узналъ, что всѣ мятежи въ Босніи были дѣломъ Фазли-паши; онъ именно приказалъ, чтобы Фазли-пашу провели черезъ Сараево. Бихачъ-пашу онъ также отправилъ въ изгнаніе, не съ Фазли-пашею, а послѣ.

Когда эти дѣла были устроены, онъ отнялъ у *спахіевъ* спахилуки (право взымать десятину съ земледѣльцевъ) и сталъ отдавать спахилуки на откупъ; въ первый разъ продали спахилуки еще весьма дешево, и небольшую часть вырученныхъ денегъ назначили спахіямъ въ вознагражденіе. Какъ тогда сдѣлали, такъ и теперь продолжается: выплачиваютъ кое-что спахіямъ, но отдаютъ спахилуки на откупъ теперь весьма дорого, вдесятеро дороже прежняго. Когда кончено было дѣло съ спахилуками, Омеръ-паша почему то поссорился съ Хайрудинъ-пашею. Хайрудинъ-паша и еще нѣсколько другихъ сговорились и написали въ Стамбулъ, что Омеръ-паша хочетъ взбунтовать раію и съ нею ударить на Турокъ: «что онъ намѣренъ сдѣлать, неизвѣстно, писали они, думаетъ ли онъ поддаться Нѣмцу (Австріи) или хочетъ быть самъ въ Босніи влашскимъ (христіанскимъ) государемъ.» А Омеръ-паша писалъ на Хайрудина: «или я или онъ,—выбирайте между нами.» Изъ Стамбула же писали Омеръ-пашѣ: «мы слышали, что раія хочетъ отложиться,»—

но о немъ самомъ ничего не упоминали. Омеръ-паша отвѣчалъ на это: «я не имѣю о томъ никаго извѣстія, но тотъ же часъ разыщу, въ чемъ дѣло, и отберу у раіи оружіе. «Онъ тотчасъ принялся сажать христіанъ въ тюрьму, въ Банялукѣ посадилъ въ тюрьму Тому Радуловича, въ Сараевѣ Іована Чайкина и еще многихъ и въ другихъ городахъ, частью поповъ, частью кнезовъ (старшинъ) схватилъ онъ, до 400 чел., и сталъ допытываться у нихъ: «ну, говорите, что вы замышляете, затѣяли ли вы какой либо бунтъ, хотите взяться за оружіе?» Тѣ говорятъ, что это не правда: «мы про то ничего не знаемъ и это намъ не подобаетъ.» Онъ же опять засадилъ раію въ тюрьму, сталъ отбирать у нихъ оружье и только тогда уже выпустилъ ихъ. Это дѣло причинило раіи большой убытокъ: изъ христіанъ (т. е. православныхъ) и изъ латиновъ было у многихъ оружіе цѣною по 100 червонцевъ, и все это пропало даромъ; а наибольшій убытокъ былъ поселянамъ: ружьемъ они выручали деньги, били пушныхъ звѣрей и получали большой доходъ. — Вскорѣ за тѣмъ Омеръ-пашу отозвали въ Стамбулъ, по какой причинѣ не извѣстно. Нѣкоторые говорятъ, что причиною былъ братъ его жены, Симонъ, потому что Омеръ-паша присвоилъ себѣ жену этого Симона и подрался съ нимъ, послѣ чего Симонъ бѣжалъ въ Вѣну и представилъ тамъ дѣло своему царю. Итакъ, говорятъ, Австрійское царство жаловалось на Омеръ-пашу въ Стамбулѣ и требовало возвращенія жены Симоновой. Она жила близъ дома Омеръ-паши въ монастырѣ. Ее вызвали въ Стамбулъ и отдали ея мужу.

Воротившись въ Стамбулъ, Омеръ-паша говорилъ про Боснійскую раію, что онъ ее усмирилъ и отобралъ оружіе. Онъ не сказалъ, что не было никакой причины опасаться раіи, но хотѣлъ похвастаться заслугами.

И такъ послѣ Омеръ-паши правителемъ Босніи сдѣлался Хайрудинъ-паша, и пробылъ тутъ около года. Послѣ его назначенъ былъ Вели-паша, сынъ Киритли-Мустафа-паши. Онъ

пріѣхалъ осенью 1852 года, а около Троицына дня 1853 года Сараево сгорѣло. Выгорѣла вся чаршия (гостиный дворъ) Турецкая и христіанская, дома христіанъ, латиновъ и Жидовъ сгорѣли всѣ. И этотъ Вели-паша приказалъ, чтобы при новой отстройкѣ города проведены были широкія улицы, чтобы *чошки* (крытыя балконы) не выдавались на улицу и чтобы крыши не примыкали одна къ другой; онъ назначилъ Ешрефъ-ефенди, *кучукъ-мухендиза* (маленькаго инженера) для наблюденія за этимъ. Онъ распорядился также, чтобы передъ христіанскими похоронами несли крестъ и шла литія и чтобы читали на кладбищѣ молитву: «я видѣлъ у христіанъ такой обычай, говорилъ онъ: отчего же вы его нарушаете?» Христіане отвѣчали ему: «государъ, по нашему *закону* такой обычай, какъ вы говорите, но мы не смѣли, по причинѣ Турецкаго насилія.» Онъ сказалъ имъ: «вотъ я даю вамъ позволеніе, и пусть мой кавазъ сопровождаетъ ваши похороны; я хочу, чтобы и послѣдняго бѣдняка такъ хоронили, а если его хоронить не на что, то я плачу издержки изъ своего кармана, пусть только всякаго несутъ на кладбише, какъ слѣдуетъ.»

Этотъ Вели-паша правилъ 9 мѣсяцевъ. Послѣ него пріѣхалъ въ Боснію изъ Бѣлграда Хуршидъ-паша. Этотъ паша былъ человѣкъ совсѣмъ образованный и *политичный*. Онъ угодилъ всему народу и Туркамъ и христіанамъ и латинамъ; передъ его судомъ они всѣ были равны, и онъ какъ-то успѣлъ дѣлать такъ, что пристрастія въ его судѣ не бывало. Никому онъ не причинилъ тяжелой обиды и не употреблялъ насилія. За этого пашу весь народъ охотно положилъ бы душу. Онъ умѣлъ усмирять распри и съ готовностью исполнялъ просьбы христіанъ. Онъ доставилъ имъ даромъ фирманы для десятка церквей, а еще больше выхлопоталъ фирмановъ для церквей латинскихъ. Къ Туркамъ онъ не былъ такъ благосклоненъ, но и они также любили его. Онъ уничтожилъ всѣ ихъ обычаи при празднествахъ. Бывало, въ рамазанъ они стрѣляли тысячами изъ пу-

шекъ, и также въ байрамъ, а когда наставала пора собирать сливы, они пекли *бестилье* (родъ сливовой наливки) и при этомъ пѣли пѣсни, парни пѣли и плясали съ дѣвушками, парни стрѣляли изъ ружей и напивались до-пьяна, это бывало во всякомъ Турецкомъ домѣ [1]), и всѣ эти обычаи Хуршидъ-паша старался уничтожить и ввести *людскіе* (образованные) порядки. Онъ устроилъ снаряды и стражу для тушенія пожаровъ. Торговцы прежде платили пошлину съ Нѣмецкихъ товаровъ по 13 на сто. Хуршидъ-паша написалъ царю (султану), и выхлопоталъ, чтобы платили по 3 на сто, для умноженія торговли. Вообще, при немъ спокойствіе народа увеличилось, и онъ былъ всегда добръ для христіанъ. Когда приходила къ нему какая нибудь женщина или дѣвушка и объявляла намѣреніе *потурчиться* (принять магометанство), онъ отдавалъ ее на испытаніе владыкѣ на недѣлю и если она не раскаявалась, но ее уносилъ дьяволъ и она настаивала, чтобы потурчиться (все это, разумѣется, по любовной связи съ какимъ нибудь Туркомъ, а иная даже покидала своего мужа и хотѣла пойти за Турка),— то паша, узнавъ, что такая женщина или дѣвушка хочетъ потурчиться не для Турецкой вѣры, а по любовной связи, тотчасъ отправлялъ ее въ изгнаніе въ одну сторону, а любовника-Турка въ другую. Потомъ уже ни одна и не являлась, чтобы потурчиться. Трехъ или четырехъ такихъ дѣвушекъ, которыхъ Хуршидъ-паша отправилъ въ изгнаніе, воротилъ теперь Мехмедъ-паша и дѣйствительно ихъ потурчилъ.

Во время Хуршидъ-паши одинъ Шокацъ (Римско-Католикъ) въ Мостарѣ сманилъ дочь Тошича и заставилъ съ нимъ обвѣнчаться. По этой причинѣ чуть не пролилась кровь между Шокцами и христіанами (т. е. православными), потому что Герцеговинцы люди упорные. Когда Мостарскій паша узналъ объ этомъ дѣлѣ, онъ тотчасъ отправилъ и дочь Тошича и латынина съ

1) Читатель помнитъ, что здѣсь рѣчь идетъ не о Туркахъ-Османліяхъ, а о Славянахъ-Боснякахъ мусульманскаго исповѣданія.

занятіями (полицейскими) въ Сараево, и написалъ Хуршидъ-пашѣ, что случилось. За ними поѣхали въ Сараево нѣкоторые Мостарскіе торговцы и один фратръ (Францисканецъ), который объявлялъ, что онъ обвѣнчалъ ихъ. Помѣстили дѣвушку въ гаремъ Хуршидъ-паши; всѣ жены Хуршидъ-паши совѣтовали ей не идти за *Шокца:* «жаль тебя, говорили онѣ, ты хорошаго рода христіанскаго.» Также посѣщала ее вся родня, какая была у нея въ Сараевѣ и увѣщевала ее. Паша далъ позволеніе, чтобы всякій, кому угодно, имѣлъ къ ней доступъ и увѣщевалъ ее. А дѣвушка уже совершенно подчинилась *Шокцамъ* и не слушала ничьихъ увѣщаній. Въ особенности же фратръ приходилъ къ ней всякій день и поучалъ ее, какъ хотѣлъ. Итакъ владыка Прокопій въ засѣданіи меджлиса (совѣта) потребовалъ ее къ себѣ на испытаніе; а фратры и Атанасковичъ, Австрійскій консулъ, говорили въ меджлисѣ, что ея, какъ обвѣнчанной жены, нельзя дать на испытаніе. Но Хуршидъ-паша возразилъ: «были женщины, лѣтъ десять и пятнадцать тому назадъ потурчившіяся и родившія дѣтей въ бракѣ съ Туркомъ, и ихъ требовали къ себѣ ихъ семейства: такъ я принужденъ былъ вызвать ихъ и отдать на испытаніе. Неужели же это не обида моей вѣрѣ? Но царскій законъ не допускаетъ, чтобы какая либо сторона была притѣсняема. Нужно отдать ее на испытаніе, хотя бы на одинъ день.» И онъ отдалъ ее. Собралась ея родня и владыка Прокопій, и протоіерей Стево и всѣ стали, какъ слѣдуетъ, испытывать ея вѣру и увѣщевать ее. Дѣвушка тотчасъ принудила себя и поддалась увѣщаніямъ, и всѣмъ поцѣловала руку; а владыка назвалъ ее своей дочерью, обѣщалъ ей въ знакъ своей милости 100 червонцевъ и обѣщалъ найти ей женихомъ парня по ея вкусу. Ему было пріятно, что она тотчасъ поддалась увѣщаніямъ и осрамила *Шокцевъ*. Дѣло въ томъ, что владыка Прокопій всегда ревностно противодѣйствовалъ Шокцамъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ окрестилъ одного Шокца и Шокицу (Католика и Католичку),

и велѣлъ тогда принести въ церковь цѣлую кадь съ водою и окрестилъ ихъ по Христіанскому закону [1]). По этой причинѣ онъ разсорился съ Шокцами. Потеря дочери Тошича была для нихъ горькою обидою; они писали на него жалобу въ Вѣну, и съ ними жаловался консулъ Атанасковичъ; изъ Вѣны жаловались на него въ Стамбулъ, но не повредили ему, потому что визирь Боснійскій и Турецкая Порта были на его сторонѣ. Итакъ со стороны Австріи пришло приказаніе Атанасковичу и торговцамъ [2]),—какъ знаютъ, смѣстить владыку. Торговцы начали съ того, что перестали знаться съ владыкою и за всякую бездѣлицу съ нимъ ссориться; они открыли какія-то беззаконныя дѣйствія съ его стороны, и, собравшись, отправились къ визирю, разсказали ему подробно про эти дѣйствія и просили позволенія написать на него жалобу и объявить, что онъ не годится для своего мѣста, что народъ имъ недоволенъ. Хуршидъ-паша позволилъ имъ это. Они и послали свою жалобу, и его потребовали въ Стамбулъ. Поѣхалъ онъ туда и повезъ большія деньги; онъ думалъ вернуться въ Боснію, но не вернулся. А пострадалъ онъ главнымъ образомъ по причинѣ этой Мостарской дѣвушки. Ибо когда собрался вторично меджлисъ и опять привели дѣвушку на судъ (а меджлисъ этотъ былъ въ полномъ составѣ, тутъ присутствовали оба консула, Австрійскій и Французскій, и владыка, и протоіерей и Шокацкій *бискупъ* (католическій епископъ [3]),—то визирь и весь меджлисъ спросили у дѣвушки: «чья ты [4])? и хочешь ли итти за того

---

1) Весь этотъ разсказъ есть живое свидѣтельство той фанатической нетерпимости, которая господствуетъ въ Босніи и Герцеговинѣ между Христіанами Западной и Восточной церквей.

2) Это выраженіе нашего автора показываетъ какъ велико, по сознанію самого народа, вліяніе Австріи на православныхъ торговцевъ Боснійскихъ, Турецкихъ подданныхъ: имъ Австрія *приказываетъ* подать жалобу на своего митрополита.

3) Босняки называютъ католическаго епископа бискупомъ, православнаго — епископомъ.

4) т. е. какого ты народа, иначе, какой ты вѣры.

Шокца?», а дѣвушка отвѣчала: «не хочу я ни Шокца, ни его вѣры!» Ей сказали: «что же ты вышла за него за-мужъ?» Она отвѣчала: «сила и угрозы принудили меня, а я не хочу, ни ныньче, ни завтра,» и бросилась къ владыкѣ и, схватившись за полу его одежды, говорила: «я Божія и господина владыки.» Когда такимъ образомъ дѣвушка отдалась владыкѣ передъ всѣмъ меджлисомъ, фратры и *бискупъ* отъ злости стали рвать на себѣ платье, но не могли ничего сдѣлать. Писали они въ Стамбулъ и выхлопотали фирманъ, чтобы опять, когда она уже вышла за-мужъ за православнаго, призвать ее на испытаніе передъ меджлисомъ, но все понапрасну. Въ этомъ отношеніи, если бы преемники владыки Прокопія дѣйствовали такъ, какъ онъ, то мало бы людей *шокчилось* и *турчилось* (обращалось въ католичество и магометанство); и если бы были милостивые для христіанъ визири, какъ былъ Хуршидъ-паша, то еще можно бы было терпѣть.

Христіане такъ любили Хуршидъ-пашу, что многіе сами вызвались собрать деньги съ народа для постройки въ Сараевѣ казармъ для войска. Хуршидъ-паша первый далъ 100,000 грошей; собрали столько денегъ, что казармы выстроили въ одинъ годъ, да еще остался излишекъ. Что же касается до злоупотребленій *десятарей* (откупщиковъ десятины), то виною ихъ былъ проклятый Фазли-паша [1]). Онъ никакъ не могъ снести, чтобы раія Боснійская жила благополучно и довольна была своимъ управленіемъ; онъ старался какъ нибудь выместить на раіѣ свой гнѣвъ. Итакъ онъ предложилъ въ Стамбулъ за откупъ Боснійской десятины втрое дороже, чѣмъ онъ продавался въ Босніи. Тотчасъ пришла изъ Стамбула бумага къ *десятарямъ*, что откупъ принадлежитъ Фазли-пашѣ [2]). Сколько онъ заплатилъ за откупъ, столько хотѣлъ онъ воротить, да еще

1) Онъ жилъ тогда въ Стамбулѣ, подъ надзоромъ правительства.

2) Какъ Фазли-паша не могъ жить въ Босніи, то онъ перепродалъ часть откупа второстепеннымъ *десятарямъ*, а остальную взымалъ черезъ прикащиковъ.

столько же нажить себѣ барыша, — и бросился на несчастную раію, какъ бѣшеная собака. Если кто нибудь отправлялся съ жалобою къ мудиру или каймакаму, то люди Фазли-паши давали денегъ мудиру или меджлису, и оказывалось, что откупъ правъ, а тотъ, кто жаловался, подвергался побоямъ, тюрьмѣ, поруганію. Если же несчастные являлись съ жалобами въ Сараево, то откупъ тотчасъ сочинялъ *мазбату* (свидѣтельство), на мазбатѣ владыка, торговцы, каймакамъ, мудиръ, меджлисъ, всѣ подписывались, что жалоба несправедлива, и паша скорѣе вѣрилъ каймакаму и мудиру и меджлису и владыкѣ и торговцамъ, нежели поселянамъ. Если бы только горемычные Посавинскіе раіи умѣли дѣйствовать и имѣли на своей сторонѣ двухъ или трехъ торговцевъ, которые засвидѣтельствовали бы ихъ правоту и представили ясно дѣло пашѣ, то Хуршидъ-паша во многомъ облегчилъ бы ихъ участь и оградилъ бы ихъ отъ злоупотребленій агъ (землевладѣльцевъ), потому что аги послушались бы его и никто изъ нихъ не сталъ бы ему противорѣчить. Но въ страданіяхъ бѣдной христіанской раіи не столько виноваты Турки: какъ Турки, они привыкли дѣлать насиліе; но болѣе виноваты владыка и Греки и торговцы, которые не стараются помогать своей братьѣ, но пособляютъ Туркамъ. Они поступаютъ, какъ Турки, и грабятъ бѣдный народъ. Случалось не разъ, что торговцы—христіане возьмутъ на откупъ десятину и третину отъ агъ: такъ и они раздадутъ мудирамъ и взяточникамъ въ меджлисахъ, — и тогда дѣлай, что хочешь. Въ Турецкомъ царствѣ, у кого есть деньги, тому и честь, тотъ и лучшій человѣкъ. Поэтому-то нѣкоторые изъ Сараевскихъ торговцевъ не желаютъ никакой перемѣны въ положеніи дѣлъ. Таковы во-первыхъ Манойло Евтановичъ, во-вторыхъ Ристо-Савичъ, въ-третьихъ Симо Самоуковичъ, въ-четвертыхъ Ристо-Трипковичъ, въ-пятыхъ Хаджи-Іово Деспичъ, въ-шестыхъ Іово Бесара. Кромѣ этихъ есть и другіе, но никто изъ нихъ не имѣетъ голоса при этихъ шести. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,

когда Сараево выгорѣло, говорятъ, что бѣдному народу прислана была помощь изъ двухъ или изъ трехъ государствъ, а наиболѣе изъ Сербіи. Только то, что пришло изъ Турецкаго царства, объявлено было этими торговцами, да и изъ того роздали они лишь малую часть; прочія же деньги остались въ ихъ рукахъ. Въ цѣломъ народѣ нѣтъ того человѣка, который могъ бы спросить у нихъ отчета. Говорятъ, что они обратили эти деньги на школу. Но школа если заведена, то завелъ ее Игнатій владыка прежде этого времени. Школа имѣетъ благотворителей, которые ежегодно даютъ для нея что нибудь; при томъ же она получаетъ доходъ отъ книгъ, покупая книгу по 5 крейцеровъ [1]) и продавая ее по 8 или дороже; ученикамъ даромъ книгъ не даютъ, и кромѣ того продаютъ книги изъ Сараевской школы по разнымъ мѣстамъ Босніи. Точно также и про церковныя деньги никто не знаетъ, кромѣ этихъ немногихъ торговцевъ: они держатъ сундуки церковные, а денегъ въ сундукахъ, говорятъ, что нѣтъ; эти люди пускаютъ ихъ въ оборотъ и на нихъ торгуютъ. Если кто изъ нихъ поскользнется (т. е. разстроится) въ торговлѣ, то его поддерживаютъ этими деньгами. Отчета же у нихъ спросить никто не смѣетъ. Они дѣлаютъ, что хотятъ, хорошо держатся съ Турками. Въ Божичь (Рождество) или Свѣтлое Воскресенье они не разъ, бывало, на церковныя деньги нашьютъ шубъ, накупятъ индѣекъ, крашеныхъ яицъ, апельсиновъ и лимоновъ и поднесутъ Туркамъ—обжорамъ. Какъ только какое нибудь насиліе, сдѣланное раіямъ, дойдетъ до царя или до визиря, то виновные позовутъ этихъ людей себѣ на помощь: они тотъ же часъ готовы подписать свидѣтельство [2]) и приложить церковную печать,

---

1) Крейцеръ равняется копѣйкѣ сер.—Такъ какъ въ Босніи нѣтъ ни типографіи, ни книжной лавки, то школы покупаютъ (а часто получаютъ даромъ) нужныя книжки, букварн, молитвословы, катихизисы и т. д. въ Австріи и Сербіи и продаютъ ихъ ученикамъ по возвышенной цѣнѣ.

2) О томъ, что обвиненіе несправедливо.

не призывая и не спрашивая никого другаго. Если же *сиротыня* (угнетенный народъ) и бѣдняки придутъ жаловаться на злоупотребленія, то эти люди примутъ всегда сторону притѣснителей и подпишутъ свидѣтельство, что жалоба несправедлива, каждый *еснафъ* (ремесленный цехъ) имѣетъ свою голову: и отъ нихъ они возьмутъ печати и приложатъ къ свидѣтельству, и никто не смѣетъ не дать печати, а ежели *еснафы* спросятъ, «на что это?» — они отвѣтятъ всякій разъ: «зачѣмъ спрашивать на что? что будетъ намъ, то будетъ и вамъ!» и *еснафы* повѣрятъ [1]). Также и владыка стоитъ на ихъ сторонѣ, а прочій народъ, *сиротыня*, хоть и повѣсься, имъ горя мало, потому что самимъ хорошо. Эти немногіе люди сидятъ у всего народа на шеѣ вмѣстѣ съ Турками и Греками. Они знаютъ, какъ слѣдуетъ быть по христіанскому суду [2]): пусть выйдутъ на судъ два человѣка, одинъ богатый, другой бѣдный, — такъ если бѣднякъ говоритъ правду, то ему скажутъ, что его правда, и если богачъ кривитъ душою, то ему скажутъ, что онъ неправъ; а здѣсь не такъ, но если изъ этихъ нѣсколькихъ людей, *которыхъ спрашиваютъ*, кто либо явится въ меджлисъ или въ мехкеме [3]), то, хотя бы онъ все лгалъ, ему скажутъ, что онъ говоритъ правду, а пусть десять *сиромаховъ* (бѣдняковъ) говорятъ правду, имъ скажутъ, что они все лгутъ.

Итакъ мы черезъ-чуръ продлили нашу рѣчь, но мы иначе не умѣли разсказать, какъ что происходило и какъ первые наши христіане не желаютъ просвѣтить свою братью, народъ, и чтобы то ни было сдѣлать въ его пользу, а привыкли давить его и топтать ногами. Не стараются они также устроить отношенія владыки и священниковъ. Ибо если владыка не поступаетъ по ихъ желанію и разсчетамъ, то имъ легко смѣнить

1) т. е. повѣрятъ, что дѣло касается общей пользы.

2) Въ подлинн «по крещеному суду».

3) «Кои се питаю,» т. е. которые имѣютъ значеніе.

его; священники также принуждены повиноваться имъ, а съ народомъ они позволяютъ имъ дѣлать, что хотятъ, также какъ Туркамъ и Грекамъ. Они не обращаютъ вниманія на то, что владыка, взявъ съ священника при его постановленіи 25 черв., не заботится уже, годится *ли* онъ *для* своего званія: при назначеніи его въ приходъ, онъ беретъ съ него по талеру съ каждаго дома, а при смерти беретъ себѣ его наслѣдство; ежегодно получаетъ онъ съ поповъ *мирію*, по 3 гроша и 4 паръ съ каждаго дома, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Босніи по 4 гроша; за освященіе воды ежегодно по 50 грошей съ каждаго священника, а съ недавнихъ поръ еще какое-то вспомоществованіе, по 3 цванцигера съ брачной четы, и съ священниковъ *батикъ*, именно съ каждаго дома въ приходѣ ежегодно 1 грошъ и 4 паръ; а *вѣнчаница* (деньги за совершеніе брака) особо. А когда владыка объѣзжаетъ епархію, то онъ записываетъ *парусіи* (поминовенія), именно полная *парусія* по 100 грошей, а половинная по 50; при томъ съ одного получитъ корову, съ другаго овцу и т. под. Иной бѣднякъ выйдетъ и скажетъ ему: «господинъ, у меня нечего записать тебѣ,—у меня всего одна корова и теленокъ». «Такъ записывай, отвѣчаетъ онъ, а я буду Богу молиться за васъ, и Богъ вамъ дастъ больше.» Кромѣ того онъ беретъ за панихиды и съ поминовеній, которыя записываются въ церквахъ, а за освященіе церкви беретъ по 5,000 грошей. Если же священникъ жалуется ему: «господинъ, народъ въ приходѣ не можетъ заплатить тебѣ должныхъ денегъ,» то онъ приказываетъ не ходить въ тѣ дома, которые не платятъ, не крестить младенцевъ и не отпѣвать покойниковъ. Все это хорошо знаютъ наши Сараевскіе торговцы, но имъ дѣла нѣтъ до этого, о народѣ они и не думаютъ. А есть между поселянами такіе, которые платятъ владычина и поповскаго сбора по 500 грошей въ годъ. Поселянамъ совсѣмъ не выносимо, со всѣхъ сторонъ обдираютъ ихъ Турки силою, а Греки съ книгою, такъ что бѣдняки совсѣмъ обнищали; года настали тяжелые, неуро-

жайные,—такъ хотя бы владыка имъ сколько нибудь помогъ, а послѣ они не жалѣли бы, что платятъ столько денегъ. Владыка знаетъ, что царь (султанъ) установилъ, что онъ позволилъ всякому пріобрѣтать землю для обработки: такъ хоть бы онъ замолвилъ слово за этихъ *колыбарей* (бобылей), чтобы имъ отвели по клочку пустопорожней земли для очистки подъ пашню, — пусть и имъ будетъ чѣмъ пропитаться на здоровіе царю, пусть и они имѣютъ свой уголъ. Это можно бы было выхлопотать, если бы кто нибудь только хотѣлъ настаивать. Но трудно, чтобы народъ христіанскій получилъ что либо, пока у этихъ знатнѣйшихъ христіанъ останется такое направленіе, какое было до сихъ поръ (развѣ Богъ вразумитъ ихъ), и пока останутся Боснійскіе *изъѣлицы* (люди, которые съѣдаютъ Боснію), Турки, въ особенности двое *изъѣлицъ* и взяточточниковъ, змѣи подколодныя, [1]) старые враги насильники, Абдулла-ефенди Узунія, бывшій *кехая* (дѣлопроизводитель) Фазли-паши и Веджидъ-паши, и его братъ Риджаи-ефенди, бывшій кадіемъ при Веджидъ-пашѣ. Теперь эти два человѣка— правители всей Босніи. Всѣ Боснійскіе каймакамы, мудиры меджлисы съ ними связаны, дѣлаютъ всякое зло и надѣются на нихъ, потому что съ ними дѣлятъ барыши, а они, эти два брата, сидятъ первые послѣ визиря [2]), и что они скажутъ, тому никто не смѣетъ противорѣчить. Всѣ дѣла Босніи проходятъ черезъ ихъ руки: что можно, они обдѣлываютъ въ меджлисѣ, а чего нельзя въ меджлисѣ, отсылаютъ въ мехкеме, гдѣ засѣдаетъ ихъ зять. Какъ имъ угодно, чтобы было рѣшено, такъ они предписываютъ зятю, а зять сговорится съ муллою, и обдѣлаютъ они дѣло, только мулла возьметъ часть барыша себѣ. Если убійца имѣетъ деньги, то не долго ему приходится си-

---

1) Объ этихъ учрежденіяхъ, см. статьѣ: «Боснія въ началѣ 1858 года.»

2) Въ подлинникѣ: «змие присойкиње,» т. е. собственно—змѣи приголнечныя, грѣющіяся на солнцѣ.

дѣть въ тюрьмѣ: онъ условится съ мехкеме, дастъ денегъ Уаувіямъ и муллѣ, а мулла составитъ иламъ—представленіе) меджлису, что по шеріету (мусульманскому закону) его слѣдуетъ освободить; меджлисъ пошлетъ въ Стамбулъ, а изъ Стамбула придетъ приказъ выпустить убійцу.

Два или три года тому назадъ въ Бѣлинѣ стоялъ полкъ суварій (регулярной кавалеріи) подъ начальствомъ Шакиръ-паши. Нѣсколько солдатъ и давай ночью отправляться по окрестнымъ селамъ и грабить. Наконецъ они пришли въ домъ къ одному попу, а у этого попа была 12-лѣтняя дочь, и сестра его пріѣхала къ нему въ гости. Попъ помѣстилъ сестру въ комнату, а самъ легъ на диванъ передъ комнатой. Солдаты пришли и тотчасъ зарѣзали попа, потомъ вошли въ комнату, и зарѣзали дочь и сестру. На крикъ сбѣжались сосѣди, и погнались за убійцами, — а они въ городъ и казарму. Тамъ они исчезли, а тѣ вернулись въ домъ попа и нашли тамъ два солдатскихъ феса, ружье и саблю. На другой день отправились съ жалобою къ офицеру и доложили пашѣ, а онъ не позволилъ имъ вымолвить и слова. Тогда христіане представили оба феса, ружье и саблю и сказали: «если не солдаты это сдѣлали, такъ чьи-же это вещи?» Паша велѣлъ вывести весь полкъ, и оказалось, что вещи принадлежали одному *чаушу* (унтеръ-офицеру), да еще нашли у него товарищей. Ихъ посадили на нѣсколько времени въ оковы; а когда излѣдовали дѣло, то открыли, что въ селахъ и въ городѣ въ этотъ годъ убито было 19 человѣкъ христіанъ, и мужчинъ и женщинъ, а грабежамъ и счету не было. Больше ничего не могли найти, а только въ скоромъ времени перевели полкъ въ другое мѣсто.

Вотъ какъ поступаетъ съ народомъ регулярное войско. Чего же больше? Османли, Боснякъ, все равно, будь онъ только Турокъ [1]), то отъ него тяжело простому народу христіан-

1) т. е. мусульманинъ.

скому, который не умѣетъ обороняться; если же и умѣетъ, то некому поддержать его. Такъ самъ Богъ пусть его поддержитъ.

Стана Скендерова.

Сараево,
Январь 1858.

Примѣчаніе. Авторъ «Лѣтописи» въ концѣ перешелъ отъ разсказа о событіяхъ новѣйшей Боснійской исторіи къ общимъ разсужденіямъ о состояніи страны. Для дополненія «Лѣтописи» замѣтимъ, что управленіе Хуршидъ-паши, отличавшагося дѣйствительно желаніемъ справедливости и вѣротерпимостью, но при которомъ развилось страшное зло *третины* и откуповъ, посѣянное Тахиръ-пашею въ 1849 и Омеръ-пашею въ 1851 году,—что управленіе это, говоримъ мы, кончилось въ 1856 году, и что оно было до конца спокойно. Послѣ Хуршидъ-паши генералъ-губернаторомъ Босніи назначенъ былъ Мехмедъ-Решидъ-паша, переведенный изъ Эрзерума, «старый Турокъ», отличавшійся нетерпимостью и весьма ограниченный. При немъ, въ концѣ 1857 года, начались волненія и мятежи по случаю *третины* и откуповъ. Въ началѣ 1858 года онъ былъ отозванъ и замѣненъ Кіани-пашею, бывшимъ правителемъ Крита, еще усилившимъ на несчастныхъ христіанъ Боснійскихъ гнетъ мусульманскаго фанатизма. Недавнія событія въ Босніи подъ его управленіемъ извѣстны изъ газетъ.

ОПИСАНІЕ МОНАСТЫРЕЙ

ДУЖИ И ТВРДОШЪ

ВЪ ГЕРЦЕГОВИНѢ.

ОПИСАНІЕ МОНАСТЫРЕЙ

ДУЖИ И ТВРДОШЪ

ВЪ ГЕРЦЕГОВИНѢ.

Въ Герцеговинѣ находятся теперь еще десять православныхъ монастырей, въ которыхъ совершается божественная служба и живутъ монахи. Кромѣ того въ ней 15 разрушенныхъ обителей.

Существующіе въ ней нынѣ монастыри суть: Дужи у Требинья; Завала на Поповомъ полѣ; Житомысличи въ Дубравахъ; Добричево въ Зарячѣ; Косіерево въ Банянахъ; Пива въ краѣ того же имени; Малинско и Бѣла въ Дробнякахъ; Доволя въ Колашинѣ [1]); Св. Троица въ Плѣвляхъ или Таслиджѣ [2]).

Побывавъ въ Сербіи и Австріи, я замѣтилъ, что даже тамъ сами православные Сербы не знаютъ ничего о существующихъ въ Герцеговинѣ монастыряхъ; потому я желалъ бы описать ихъ по возможности. Начинаю съ Дужей, мѣста моего постриженія.

---

1) Послѣдній монахъ, обитавшій въ этомъ монастырѣ, выгнанъ былъ Турками въ прошломъ году. *Примѣч. переводчика.*

2) Въ Колашинѣ есть еще два монастыря цѣлыхъ, но запустѣвшихъ, Св. Архангела и Добриловина или Св. Георгія. Монастырь Св. Луки въ Никшичахъ разоренъ и запустѣлъ во время похода Омеръ-паши на Черногорію 1853 г.

Монастырь Дужи находится среди невысокаго лѣса, выросшаго на скалистой почвѣ, въ $1\frac{1}{2}$ часахъ разстоянія къ западу отъ города Требинья. Онъ съ трехъ сторонъ окруженъ скалами и тощимъ лѣсомъ, а съ востока подъ нимъ простирается прекрасная поляна, покрытая густою дубравою. Его основаніе не относится ко времени Сербскихъ государей, но онъ замѣчателенъ по своей связи съ монастыремъ Тврдошемъ, который лежитъ отъ него къ западу, въ разстояніи $\frac{3}{4}$ часа, на рѣкѣ Требишницѣ, и теперь разрушенъ. Вотъ какъ это случилось. Когда Венеціянскій Дожъ выгналъ Турокъ изъ Которскаго залива, то они переселилися въ Требинье и отняли здѣсь христіанскіе дома и земли. Они при этомъ разорили или обратили въ мечети многія церкви. Но монастыремъ Тврдошемъ они вдругъ овладѣть не могли, какъ по его укрытому мѣстоположенію, такъ и потому что въ немъ находилось болѣе 80 монаховъ, не считая послушниковъ и прислуги. Въ немъ также пребывалъ всегда митрополитъ. Тогда Требиньскіе Турки построили башню подъ самымъ монастыремъ и, водворившись въ ней, стали дѣлать монахамъ неописанныя обиды и пакости, чтобы ихъ выгнать. Семь лѣтъ терпѣли они всякаго рода притѣсненія и насилія, но наконецъ, доведенные до отчаянья, покинули древнюю обитель вмѣстѣ съ митрополитомъ Савватіемъ и бѣжали въ Кастельново. Тамъ они, съ позволенія Венеціянской республики, обновили церковь и построили монастырь Сáвину въ 1695 г. Нѣкоторые же старцы, не могшіе послѣдовать за ними, перешли въ 1808 г. изъ Тврдоша въ Дужи и жили тутъ пастухами. Послѣ ихъ удаленія, Турки заняли Тврдошъ. Но еще въ томъ же году Венеціянцы стали нападать на Требиньскихъ Турокъ, и они, видя невозможность держаться въ Тврдошѣ, взорвали на воздухъ церковь и монастырь.

Тврдошъ былъ самый древній храмъ въ Герцеговинѣ. Преданіе приписываетъ его постройку благочестивому царю Константину и матери его Еленѣ. Здѣшніе старики разсказываютъ,

что когда царь Константинъ съ своею матерью отправился въ путь изъ Рима въ Константинополь, то онъ прибылъ въ Стонъ, (Stagno) въ Далмаціи, и велѣлъ тамъ выстроить церковь, въ которой потомъ, во время Сербскаго владычества, находился епископскій престолъ. Потомъ онъ направился на Попово и основалъ тамъ церковь Завалу, потомъ Тврдошъ у Требинья и наконецъ Добричево въ Зарачѣ. Затѣмъ онъ продолжалъ путь чрезъ Герцеговину, Старую Сербію и Булгарію въ Византію.

Имѣвъ давно желаніе написать исторію Дужскаго монастыря, я былъ весьма обрадованъ, когда нашелъ въ одномъ древнемъ рукописномъ Сборникѣ, чрезвычайно ветхомъ и изодранномъ, перенесенномъ туда изъ Тврдоша, при выселеніи монаховъ, слѣдующее сказаніе:

«ІЗБЛЕНⷷМЬ Ѿ҃ЦА І СⷪПОПѢ [1])

шение^м сн҃а и с҆врьшеніе^м стаго д҃ха,

ωбрѣт^хо^м вь҆ зако́нѐ` како є҃с

҂ас҃о (1270).

Повеле г҃ь б҃ь с҃нво^м іс҃лкво^м на в^ѕко лето ѿдѣ-
тьствовати вьса єлика аще кто
стежить и си дѣ^ѕтакь прине^ѕти г҃ви боу сво-
кмоу потащавьсе вь ωцещение свои^х грѣ-
хопа^дени. Се оубо ве^дкще свети ап҃ли и б҃го-
но̂сни ѿ҃ци прѣ^дше намь по̂л^днимь на помощь
и благо^детль̂во д҃ша^м наши^м ωви молитвою,
и б^дденіемь и потомь ωви м̂лостінею и пока-
аниемь ωгрѣбатисе ѿ в̂сакихъ грѣ^хпа^дени
і еже оуготовитисе и оуслишати благи ωнь

[1]) Эта строка написана крупно, киноварью.

гла҃ глаголѭщи при҆те кь мне вьси троуж҆аю
щесе и ѡбрѣменени и ӡ҃ь оупокою вась наоу-
чите-босе ѿ мене ꙗко благь и крота҃ и смерѣнь
ср҆цемь вьзмете иго мое на себе и наоучитесе иго
бо мое благо и брѣме мое лько ѥ҃ и симь ѡбрѣще-
те покои д҃шамь вашимь и достоини боудете
оуслишати благи гла҃ еже при҆ете благ҃ловени
ѿца моего наследоуите оуго҆ованное вьмь пр҃ьвие
ѿ сложениꙗ мироу вьз҆лыкахбосе и вь҆жежа҆ нагь
и болань и вь тамници и по҃тисте ме и послоу҆те ми
сими образи спо҆обитсе вьсаки б҃гобоꙗзниви
хри҃тиꙗнинь вьнити вь ра҆ость г҃а своего сего
ра҆іи оуве҆ехомь ꙗко и прѣж҆е на҃ бивши боголоу-
биви христині сіꙗ слишеще земльна
добре оустроише и сими небеа҃ приѡбрѣтоше
по гл҃оу блаженаго пророка и богоѿца дави҆а
б҆жень моужь мил҃си вь҃ дн҃ь и паки ꙗко мило҃ти
нами ѡчищаютсе грѣси Сие ви҆евши и ми
грѣшни потащихомьсе сь помощию б҃жіею и пре-
чистіе б҃гоматерѣ и ѡбновихмо црькови оус-
пеніꙗ прѣвтие б҃це іеже ѥ҃ вь трѣбиноу прѣж҆е
ѿ ѡснованиꙗ вьзвижена благочативи҆ царомь
костантіномь сь материю єленою и темь
многими дн҆ь ѡветшала би҃ть вь врѣмена зло-
ча҃тивихь еренихь ц҃рехь і ѡбновлена би сьи
рамь (такъ) благоча҃тивимь и тр҃днолоубивимь кралемь
стефаньмь сире҆ мил҃тинь праоун҃кь немане
стефана мироточиваго симеѡна пр҆ васеѡ҃ве-
щеномоу митрополито҆ ки҆ василиемь іг҃мен҃
веньꙗминоу и сь инеми свещеноиноци и право-
славьними боллари и васеми христини
и ті хьтитори светаго сего храма и оуписьсмо
оу синоменикь на҃ сл҃жещи҆ светомоу сем҃ храм҃

і еще благословимо аще кои боголюбивь хрістіаніњ ізволить оупитисе оу сы свети храмь прѣчстне да се поменоуе на правилех црьковних на летргіи и на вечрнах и на оутрьнах и на иних светіх молитвахь да ихь поменеть гь бь вь царви небнемь Сь аврамомь ісакомь іаковом и сь васеми праведними вь си векь і ва боудущи ω хр ісе ге нашемь емў же слава съ ωцем и сном и прѣветимь дхмь и нина и присно и вь веки векомь аминь аминь.

И еще смѣрно молимо по нас бившимь стареишімь въ светем семь храме въсеωсвещенімь митрополітомь прѣподобніши архимандритом ωцемь ігоумено и проигўменом и вьси свещеним иноком прѣзвитеромь и дияконом и васемоу чинў црьковному поминаите слўжещихь и милостінк приносещих и добротворѣщих светомоу храмоу семоу вь молитвахь неленещесе съ оусрьдімь и съ смерѣниемь и съ страхох бжіемь днь и нощь непрѣстано дь ωбои (*такъ*) полўчимь црство нбное славеще ωца и сна и светаго дха съ васем светіими аминь аминь.

Эта записка, внесенная, правда, въ рукопись довольно поздняго времени, но, какъ видно, изъ древней книги «Закона», свидѣтельствуетъ, что монастырь Тврдошъ у Требинья *обновленъ* былъ Сербскимъ королемъ Милутиномъ въ 1270 г., но что начало его принадлежитъ гораздо древнѣшему времени: уже тогда преданіе приписывало основаніе этого храма царю Константину. Этимъ опровергается мнѣніе архимандрита Герасима Петровича (см. Сербско-Далматинскій Магазинъ за 1853 г.), что монастырь Тврдошъ построенъ херцегомъ Степаномъ, жившимъ въ XV вѣкѣ. Другое опроверженіе этому мнѣнію мы находимъ въ перечнѣ митрополитовъ Требиньскихъ (имѣвшихъ свой престолъ въ Тврдошской обители), помѣщенномъ въ этой же рукописи вслѣдъ за вышеприведенною запискою: митрополитовъ этихъ насчитано до 25, и нельзя предполагать, что-

бы такое значительное количество архіереевъ смѣнилось тамъ въ продолженіе только 240 лѣтъ, истекшихъ отъ времени херцега Степана до разрушенія Твердоша, ибо въ ту эпоху еще не существовалъ обычай, ни у Сербовъ, ни даже у Грековъ, мѣнять безпрестанно владыкъ, какъ это теперь дѣлается въ Турціи, изъ денежныхъ разсчетовъ, но архіереи и здѣсь пребывали тогда на своихъ престолахъ до своей смерти, или до глубокой старости, какъ и нынѣ бываетъ въ благочестивой Россіи и въ Сербскомъ княжествѣ. Пока архіереи избирались изъ среды народа, они не были подобны тѣмъ, которыхъ мы видимъ теперь въ нашихъ странахъ, и которые, не заботясь объ управленіи церковью и духовенствомъ и о просвѣщеніи народа, сами только грабятъ церкви и монастыри, угнетаютъ народъ и духовенство и стараются объ истребленіи всего Сербскаго.

Вотъ этотъ перечень Требиньскихъ митрополитовъ:

«Здѣ митрополити мона̑тира требинꙗ

Митрополита Висаріωна
» Іωанна
» Марка
» Василіа
» Іωсафа
» Іωсафа
» Сѵмеωн
» Василіа
» Логѵна
» Максима
» Макаріа
» Силивестра
» Арсеніа
» Єфрема

Митрополита
» Саватіа
» Стѣхвана
» Нѣтріа
» Аѵѯетіа
» Стѣхвана. 1)

1) Записка эта составлена, очевидно, до разрушенія Твердоша, ибо имя послѣдняго митрополита, Савватія, въ ней не внесено въ списокъ.

Митрополита
» Филипа
» Мелентіа
» Рѹхфима
» Евѳиміа
» Сѵмеона
» Сѵмеѡна

Возвращаюсь къ монастырю Дужи. Пока Тврдошъ былъ обителью митрополита и монаховъ, они держали въ Дужахъ стада съ пастухами, и тамъ жилъ одинъ монахъ. Церковь была въ Дужахъ, но маленькая и безъ сводовъ, и служила только для окрестныхъ пастуховъ. Послѣ нея находился рядъ низкихъ, одноэтажныхъ келлій, числомъ 6, покрытыхъ соломою. Въ такомъ видѣ оставались Дужи и до 1748 года, когда въ нихъ нашли убѣжище и нѣкоторые старцы изъ Тврдоша. Извѣстно, что въ прошломъ столѣтіи христіане терпѣли наибольшее угнетеніе отъ Турокъ: Турки ни какимъ образомъ не хотѣли позволить, чтобы Дужскіе иноки покрыли свои келліи плитами [1]). Но въ 1748 г. въ Герцеговину прибылъ нѣкій Османъ-паша, и монахи, заплативъ ему хорошенько, выпросили у него позволеніе покрыть келліи, что и было исполнено въ томъ же году. — Такъ какъ монастырь Дужи и построенный переселившимися въ 1695 г. вмѣстѣ съ митрополитомъ Савватіемъ, монастырь Саввина близъ Кастельново произошли отъ одной древней обители, Тврдоша, то оба эти монастыря составляли, можно сказать, одну братію, и до сихъ поръ между иноками обоихъ существуетъ родственное чувство.

Обитель Дужи, преемница Тврдоша, была съ самаго начала общежительною, и заняла одно изъ первыхъ мѣстъ между монастырями Герцеговины. Иноки Дужскіе уважались за свое смиреніе, братскую любовь и умѣніе читать Славянскія книги

1) Въ Герцеговинѣ крыши на домахъ дѣлаются изъ колонныхъ плитъ.

(другаго, высшаго образованія они не имѣли, какъ его вообще нѣтъ донынѣ въ Герцеговинѣ). Въ слѣдствіе этого уваженія, которое они пріобрѣли себѣ, изъ ихъ братіи избирались Сербскими патріархами пастыри для церкви Герцеговинской. Такъ патріархъ Аѳанасій въ 1751 г. поставилъ Дужскаго іеромонаха Авксентія Паликучу митрополитомъ Герцеговинскимъ. Грамота на его поставленіе сохранилась въ Дужскомъ монастырѣ. Вотъ извлеченіе изъ этой грамоты:

«Аѳанасій Млтію Бжіею Православны Архіепп пекскій, всѣхъ сербовъ, болгаровъ, Поморія, Далмацій, Босны, хрватской, обонъ полъ дунная, и цѣлаго Іллирика патріархъ.

Иже неиречени и бжественымъ смотреніемъ, во трцѣ стѣй славими вишни земнія нѣкимъ дотолѣпны чиномъ почте........ и т. д. Тѣмже убо Епархій Захолмиской, и херцеговачкой недавно ѡвдовѣвшей: и тамо ѡбрѣтающемуся христіанству: бе своего законнаго пастира сущу нинѣ изволися дху Святому; и намъ насе во присудствій каѳедри нашей подлежащи Архіереѡ: изврахом мужа на сіе: словомъ дѣломъ, и добродѣтелію достоина: Чстнѣйшаго Ѳѯарха аѵѯентія: блгочестіемъ и добродѣтелію красящася, и во юни лѣтѣхъ: постриженика суща во Іночеській чин; во его стоуспенкои обители требиня: Потомъ возведена бивша на степен діаконства и Сщенства: при стопочившемъ митрѡлитѣ аѵѯентію, тоежде епархи достоинѣ степени со всякимъ блгочиніемъ и должностію доселѣ во мнтирѣ и всюди ѡбдежалъ: ѡкуди ва службу ступилъ преѡ: гдна Митрополіта добробосаскаго. и пренемъ яко достоинъ во Его Ѳѯарскую службу ѡправлялъ: Егоже мы искусихомъ и ѡбрѣтохомъ вси едино согласующе быти сея блгодати и дара достоина Сего рад возложше руки сопризиваніемъ блгодати престго дха произведохомъ его на превосходителній степенъ архиерейства: на вишереченную Епархію Захлмискую, и херцеговачкую: а именно на надлежащія кадилуки: пріеполѣ, чаничъ: плевле: никшиѣскіи, церничкій, фочански, любинки, столачки, блгайски, мотарки, и лумна......................
Того рад блгочстивая чада снове стыя восточныя и [illegible] црве, ощен-

ники, и мирки, князови, и кметови, ѡбще мѹжеки поли и женствы: аще бл҃гословенія нашегѡ желаете, ꙋ животѹ вашемѹ здравлю и спасенію, ꙋ мирѹ и ꙋ бл҃гополѹчію, ꙋ скотѹ и земли, и ꙋ свако вашемъ напредкѹ, да имате во всѣмъ покарятисе и подчинятисе семѹ своемѹ митрополитѹ ꙗко бл҃гопослѹшняя чада своемѹ родителю, и ꙗко ѹчнцы ѹчтелю и ꙗко раби своемѹ влдцѣ:....... и дѹжная за живленѣ егѡ, и за ѡбдержаніе закона, без роптанія и прекословія издадите. вѣдѹще и знающе трѹди и подвиги своего пастиря колико за васъ полагается, и полагати належитъ: и не тачію толико, на и ꙋмрети за ваша ѡбдежаніе бл҃гочестія подобаетъ емѹ: и тако бг҃ъ всемогій да наставитъ егѡ, и васъ на вся дѣла блгая. .... издадесе ва Митрополій босанской: сараевѹ: лѣта міробитія 7259: ѿ воплощеніа же бг҃а слова 1751 Мц҃а Іѹл 26: гѡ.

(подпись:) Аѳонасій вторій».

Владыка Авксентій имѣлъ свою столицу въ Мостарѣ, гдѣ скончался въ 1763 г. Его преемникомъ былъ избранъ Стефанъ Милутиновичъ, прозвищемъ Мрконьичъ, по селу, въ которомъ родился, тоже іеромонахъ Дужской обители. Поставленный архіепископомъ въ 1763 г., онъ не покинулъ Дужскаго монастыря, который сдѣлался при немъ митрополіею Герцеговины; но онъ ревностно посѣщалъ свою паству, объѣзжая всю свою епархію и поучая народъ. Онъ скончался въ 1778 г.; тѣло его почитается въ Дужахъ. Стефанъ былъ послѣдній Сербскій митрополитъ въ Герцеговинѣ: извѣстно, что въ 1775 г. Сербское патріаршество въ Ипекѣ было уничтожено, и земли Сербскія подчинены патріарху Константинопольскому.

Теперь опишу въ краткихъ словахъ судьбу Дужскаго монастыря съ того времени, какъ онъ сдѣлался убѣжищемъ гонимой братіи Твердошской, по нынѣшній день. Къ сожалѣнію извѣстія не полны, особенно въ первую половину XVIII вѣка. Мы знаемъ только, что въ 1709 г. проигуменомъ въ Дужахъ

былъ Симеонъ, въ 1721 г. избранъ былъ въ игумены Висаріонъ, въ 1744 г. — Арсеній Вуіовичъ. Этотъ Арсеній былъ очень ревностенъ и трудолюбивъ, онъ пріобрѣлъ для монастыря нѣкоторыя земли и распространилъ монастырскія зданія. За нимъ игуменомъ сдѣланъ былъ Стефанъ Милутиновичъ (1750), которому, при возведеніи его на степень митрополита, наслѣдовалъ Георгій (1763); Максимъ игуменъ въ 1767 г. Въ его время іеромонахъ Симеонъ Куртовичъ сдѣлалъ много добра монастырю: насадилъ большой виноградникъ, существовавшій понынѣ, устроилъ на р. Требишницѣ, у села Біоча, мельницу, которая и теперь приноситъ монастырю до 1600 окъ муки ежегоднаго дохода, и близъ самой церкви глубокій водоемъ (*густіерна*, Латинск. cisterna), весьма полезный для монастыря: онъ не пересыхаетъ въ самое жаркое лѣто, и въ немъ для чистоты держатъ рыбу. Этотъ Симеонъ былъ родной братъ извѣстнаго въ свое время Тріестскаго купца Іована Куртовича, который въ 1779 г. склонилъ его переселиться къ нему въ Тріестъ: тамъ онъ и скончался. — Въ 1782 г. игуменомъ сдѣлался Паисій Іокановичъ; онъ ввелъ въ монастырь лучшій порядокъ. Ѳедосій Ногуличъ поставленъ былъ игуменомъ въ 1791 г.: онъ отличался набожностью и ученостью, образовавшись въ Тріестѣ, гдѣ былъ 7 лѣтъ приходскимъ священникомъ; онъ первый ввелъ въ Дужахъ Сербское пѣніе. Претерпѣлъ онъ сильныя гоненія отъ Требиньскихъ мусульманъ. Его, безо всякой вины, сажали въ тюрьму, заставляли откупаться дорогою цѣною и наконецъ отправили въ Травникъ къ Боснійскому визирю, который два года держалъ его въ заключеніи. Наконецъ старшины селъ въ Шумѣ[1]) отправились въ Травникъ и выпросили у паши его освобожденіе. При немъ былъ въ Дужахъ іеромонахъ Нектарій Зотовичъ, храбрый *юнакъ*, который всего больше охранялъ монастырь отъ Требиньскихъ Турокъ-насильниковъ. Но въ 1807 г. Требиньцы обвинили его передъ Сабитъ-пашею Ресульбеговичемъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Черногор-

цами и Русскими, которые въ то время занимали Каттарскій заливъ. Въ томъ же году Черногорцы, съ однимъ Русскимъ отрядомъ, напали на села въ окрестностяхъ Требинья и пожгли ихъ, но были принуждены потомъ къ отступленію. Тогда Сабитъ-паша призвалъ игумена Ѳеодосія и Нектарія, чтобы судить ихъ. Нектарій былъ невиненъ, но зная, въ чемъ его обвиняли, увѣренъ былъ въ своей участи. Онъ сказалъ Ѳеодосію: «если увижу, что паша хочетъ казнить меня, я прежде распорю его самого кинжаломъ, какъ только меня приведутъ передъ него». Игуменъ сталъ умолять его не дѣлать этого, потомучто тогда Турки побили бы непремѣнно всѣхъ монаховъ, разрушили бы церковь и монастырь и предали смерти множество невинныхъ христіанъ. Онъ уговаривалъ его, если будетъ нужно, потерпѣть смерть безропотно, за Христа и Церковь. Эти слова сильно на него подѣйствовали. Когда ихъ привели, паша не хотѣлъ разбирать ихъ вину, а велѣлъ тотчасъ запереть ихъ въ свою конюшню. Нектарій опять сталъ произносить свои угрозы; но игуменъ со слезами умолялъ его отказаться отъ своего намѣренія. Въ это время пришелъ кавазъ паши и позвалъ Нектарія одного: онъ простился съ игуменомъ и отправился съ кавазомъ. Когда его ввели къ пашѣ, два каваза схватили его за руки, а паша своею рукою ударилъ его кинжаломъ. Но онъ тряхнулъ такъ, что обоихъ кавазовъ повалилъ на полъ и бросился на пашу, чтобы заколоть его: въ это мгновеніе онъ вспомнилъ слова игумена, и рука, въ которой онъ уже держалъ выхваченный у паши кинжалъ, у него опустилась. Въ это время кавазы успѣли опять схватить его и поразили его смертельно. Вытащили трупъ на дворъ, раздѣли и передъ разсвѣтомъ поволокли черезъ городъ къ висѣлицѣ, стоявшей у входа въ *чаршію* (гостиный дворъ): тутъ его повѣсили мертваго. Онъ висѣлъ три дня, и висѣлъ бы еще долѣе, если бы нѣкоторые старики не пошли къ пашѣ и съ великимъ страхомъ испросили позволеніе снять его тѣло; его

похоронили у церкви въ селѣ Подглавлѣ. Дай Богъ ему царство небесное!

Въ 1812 г. игуменомъ былъ поставленъ Парѳеній Перовичъ, и управлялъ монастыремъ до 1844 г. Онъ построилъ келлію и купилъ довольно много земли. Въ продолжительное свое настоятельство онъ не однократно страдалъ отъ Турокъ. Али-паша Стольчевичъ нѣсколько разъ бралъ деньги съ монастыря; однажды онъ былъ готовъ лишить Парѳенія жизни, по поводу колокола, который въ старинное время перенесенъ былъ изъ Тврдоша въ Дужи и, привѣшенный къ столбу, возвѣщалъ праздники и воскресенье. Требиньскіе Турки, давно злившіеся на этотъ колоколъ, пожаловались пашѣ на игумена и говорили, что Турокъ уже не можетъ подойти къ Дужамъ, потому что тамъ звонитъ колоколъ, точно какъ въ гяурской землѣ. Между Требиньскими Турками главнымъ врагомъ колокола былъ Хаджи-бегъ Ресульбеговичъ, племянникъ паши Стольчевича, имѣвшій на него большое вліяніе. Паша призвалъ игумена, высказалъ ему все и завершилъ свою рѣчь тѣмъ, что онъ можетъ откупиться отъ казни, а что колоколъ долженъ быть помѣщенъ внутри церкви. Парѳеній занялъ у купцовъ 15,000 піастровъ, но, вручая эти деньги пашѣ, выпросилъ у него позволеніе оставить колоколъ на прежнемъ мѣстѣ: такъ и осталось донынѣ. Великимъ непріятелемъ игумена былъ также Хассанъ-бегъ Ресульбеговичъ, который его нѣсколько разъ мучилъ, билъ и заставлялъ отплачиваться.—Съ 1844 по 1849 г. игуменомъ былъ Христофоръ Зотовичъ. При немъ, именно въ 1847 г., въ монастырѣ былъ случай, о которомъ я не могу не упомянуть. Савва Куштровъ, родомъ изъ села Мрконичи въ Поповѣ, лежалъ въ монастырѣ 16 лѣтъ, разбитый параличемъ. Онъ остался рано сиротою и пораженъ былъ страшнымъ и необычайнымъ недугомъ. Искуснѣйшіе врачи въ Дубровникѣ лѣчили его безъ пользы, и онъ истратилъ на лѣченіе все свое имущество. Оставшись безъ отца и матери и безъ куска

хлѣба, онъ бы погибъ, если бы Дужскіе монахи, услыхавъ объ его положеніи, не приняли его къ себѣ на житье, Христа ради. Они отвели ему комнату близъ монастырской гостинницы. Лежа тамъ 16 лѣтъ, онъ сдѣлался извѣстенъ чуть ли не всей Герцеговинѣ, какъ христіанамъ, которые приходили въ монастырь на поклоненіе, такъ и Туркамъ, которые останавливались у иноковъ, чтобы имѣть даровой ужинъ и ночлегъ. И Турки и христіане одинаково сострадали ему, и многіе давали ему милостыню. Лежа столько лѣтъ на одномъ мѣстѣ, онъ совершенно уже протеръ постель подъ собою; лежать онъ могъ не иначе, какъ на спинѣ. И вдругъ, однажды въ маѣ 1847 года, этотъ разслабленный явился въ церковь къ заутренѣ! Игуменъ и прочіе монахи остановились въ чтеніи, такъ они были удивлены или, лучше сказать, испуганы. Они поскорѣе отправили одного монаха въ комнату Саввы, посмотрѣть, тамъ ли больной: потому что онъ казался имъ привидѣніемъ; но больнаго въ комнатѣ не было. Кончилась заутреня; потомъ игуменъ съ братьею позвали Савву въ общую комнату монастырскую, съ нетерпѣніемъ желая разспросить его, что съ нимъ случилось. Всѣ тутъ собрались; я былъ тогда ученикомъ въ монастырѣ, и слышалъ его отвѣтъ. Вотъ что онъ говорилъ: «Отче игуменъ, господинъ мой! Я самъ дивлюсь тому, что было со мной нынѣшней ночью. Я заснулъ послѣ полуночи, и спалъ весьма крѣпко до разсвѣта. На разсвѣтѣ вдругъ что-то ударило въ дверь комнаты, и я проснулся. Въ ту же минуту какое-то дитя, стоявшее посреди комнаты, позвало меня; я отозвался; оно сказало мнѣ: «вставай, ты ужъ очень давно лежишь здѣсь.» Я думалъ, что это былъ одинъ изъ учениковъ и сказалъ: «отстань, не надоѣдай мнѣ». Дитя отвѣчало: «не бойся, вставай, я посланъ отъ Божіей Матери сказать тебѣ, чтобы ты поднялся.» Оно взяло меня за руку и подняло меня. Я тотчасъ почувствовалъ, что сдѣлался легокъ, и сталъ на ноги. Я началъ разглядывать, кто былъ со мною, но не видѣлъ никого,

а только услышалъ голосъ, который говорилъ мнѣ: «теперь ты здоровъ помощію Бога и Богоматери; ступай въ церковь и благодари Бога; два раза святи елей за свое исцѣленіе и отслужи двѣ всенощныя, и никогда не отходи отъ этой церкви, иначе болѣзнь твоя воротится.» И еще онъ мнѣ сказалъ что-то, но этого я не повторю до послѣдней своей исповѣди.» И теперь этотъ человѣкъ живетъ при монастырѣ, и совершенно здоровъ. Чудесное исцѣленіе несчастнаго страдальца изумило какъ христіанъ, такъ и Турокъ; многіе, услыхавъ объ этомъ, не хотѣли вѣрить и нарочно приходили въ монастырь, чтобы увѣриться, и распрашивали Савву. Требиньскіе Турки также тотчасъ послали для этого одного изъ своихъ. Когда они удостовѣрились, то говорили: «Аллахъ, Аллахъ! что за чудеса дѣются на этомъ свѣтѣ! по истинѣ этотъ монастырь есть Божій домъ».

По смерти игумена Христофора избранъ былъ на его мѣсто Евстаѳій Дучичъ, управляющій монастыремъ съ 1849 года понынѣ. Онъ отличается необыкновенною ревностью, и непрестанно трудится въ пользу обители и братіи. Еще будучи монахомъ, онъ построилъ себѣ келлію, лучшую между старыми строеніями монастырскими, а въ 1852 г. выстроилъ, подлѣ церкви, съ западной стороны, домъ о 6 комнатахъ. Испросивъ позволеніе властей, онъ обнесъ монастырь каменною оградою, вмѣсто прежняго плетня. Онъ поправилъ всѣ монастырскія строенія и прикупилъ больше земли, чѣмъ кто либо изъ его предшественниковъ. Но главная его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ, исходатайствовавъ на то султанскій фирманъ, выстроилъ вновь, собственнымъ трудомъ и иждивеніемъ и съ помощію окрестныхъ христіанъ, Дужскую церковь, въ 1855 г. Она снаружи красиво отдѣлана и имѣетъ прекрасный видъ. Посвящена она Успенію Пресв. Богородицы; прежняя же церковь посвящена была Покрову. Внутри она еще не отдѣлана и иконостасъ стоитъ голый, по недостатку денежныхъ средствъ. Храмъ этотъ ожидаетъ какого нибудь благочестиваго христіа-

нина-благодѣтеля, который прибѣгъ бы на помощь Дужской братіи. Вообще игуменъ Евстаѳій заслужилъ величайшую похвалу и благодарность за неутомимую дѣятельность. Но теперь монастырь находится, къ несчастію, въ великой нуждѣ и опасности отъ Турокъ. Не будучи въ состояніи долѣе сносить угнетенія Требиньскихъ Турокъ, старшины (*поглавари*) христіанскіе въ Зубцахъ, Крушевицѣ, Драчевицѣ и Шумѣ собрались на совѣщаніе, 5 декабря 1857 г., чтобы обсудить, какимъ образомъ имъ представить общую жалобу Мостарскому пашѣ; собрались они въ монастырѣ Дужи, какъ въ мѣстѣ наиболѣе у нихъ уважаемомъ, и рѣшили отправить къ пашѣ письмо, чтобы изложить ему злоупотребленія Требиньскаго мудира (начальника) Хаджи-бега-Ресульбеговича и другихъ Турокъ, и изъясняя вмѣстѣ съ тѣмъ мирную цѣль своего собранія, просить, чтобы онъ не принялъ этого поступка въ дурную сторону. Получивъ это письмо, паша немедленно послалъ имъ *бурюмти* (грамоту) на Сербскомъ языкѣ, разрѣшающую имъ совѣщаться, дабы представить ему свои нужды. Но когда Требиньскіе Турки узнали объ этомъ собраніи, то испрашившись, чтобы Христіане не обличили ихъ передъ пашею и не навлекли на нихъ справедливаго наказанія, они послали сказать имъ, что не терпятъ ихъ сборища и приказываютъ имъ разойтись. Христіане, имѣя письменное дозволеніе паши, не хотѣли послушаться ихъ; но, изъ опасенія неожиданнаго нападенія со стороны Требиньскихъ Турокъ, поставили караулъ. Требиньцы въ тотъ же день 15 декабря напали на этотъ караулъ и убили 5 христіанъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мудиръ и меджлисъ (уѣздный совѣтъ) Требиньскіе написали пашѣ мазбату (донесеніе) о томъ, что христіане, собравшись въ Дужи, будто бы взбунтовались противъ султана и хотятъ воевать за вѣру. Донесеніе это заключалось просьбою послать, какъ можно скорѣе, войско для умиренія христіанъ. Васифъ-паша, не разбирая дѣла, повѣрилъ этому ложному извѣстію и забылъ о жалобахъ христіанъ,

не однократно ему представленныхъ. Онъ послалъ отрядъ войска въ Требинье, чтобы бить, грабить, полонить горемычныхъ христіанъ. Жители Шумы не имѣя оружія (оно было у нихъ отобрано Омеръ-пашею въ 1852 г.), были бы тотчасъ перерѣзаны, если бы не помогли имъ Зубчане, сохранившіе свое оружіе, но не переставщіе платить всѣ подати и повиноваться Турецкому правительству, и нѣкоторые Черногорскіе ускоки, присоединившіеся къ своей братьѣ, христіанамъ, тайно отъ князя. Произошла стычка въ селѣ Полицѣ на Поповомъ полѣ (24 декабря), и это село было разграблено и сожжено Турками, которые вытѣснили изъ него христіанъ, и, по численному перевѣсу своему, легко отразили ихъ нападеніе. Въ слѣдъ за тѣмъ отправлено было противъ христіанъ сильнѣйшее Турецкое войско, именно волонтеры, набранные между Боснійскими и Герцеговинскими мусульманами подъ предводительствомъ Хаджи Али-паши и регулярное войско подъ предводительствомъ Салихъ-паши. Въ Шумѣ нельзя было христіанамъ держаться: жители окружающихъ Дужи селъ частью отступили въ Зубцы или бѣжали въ Далмацію, частью остались въ своихъ жилищахъ, и страшно пострадали. 29 января 1858 года до 4,000 Турецкаго войска пошло на Зубцы; Зубчане сожгли свои села и отступили, но храбро встрѣтили нападеніе Турокъ, въ числѣ только 300 человѣкъ, и удержали свою позицію въ горахъ у Крушевицы; много Турокъ, особенно изъ баши-бузуковъ Босняковъ, погибло въ этомъ дѣлѣ. Второе сраженіе произошло въ Зубцахъ 10 февраля; Зубчанъ поддержали въ этотъ разъ, самовольно пришедши къ нимъ на помощь, Черногорскіе ускоки; христіане одержали верхъ и нанесли Туркамъ такой уронъ, что они ночью отступили къ Требинью, бросивъ въ Зубцахъ часть своихъ тяжестей. Въ отступленіи этомъ былъ такой безпорядокъ, что, при переправѣ черезъ р. Требишницу, у Турокъ потонула одна лодка съ 17 человѣкъ регулярнаго войска. Когда Турки отступили къ Требинью, то монахи Дужскіе, испу-

гнавшись, покинули монастырь и бѣжали черезъ Австрійскую границу въ Дубровникъ (Рагузу). Австрійское правительство вначалѣ хорошо приняло игумена Евстаѳія и прочихъ монаховъ, потому что надѣялось сдѣлать изъ нихъ свое орудіе. Желая усилить въ пограничномъ краѣ свое вліяніе, Австрія даже предлагала Зубчанамъ объявить себя ея подданными, и обѣщала имъ защиту; встрѣтивъ отказъ, она старалась о томъ, чтобы Зубчане и прочіе христіане этихъ мѣстъ призвали ее по крайней мѣрѣ въ посредницы своей распри съ Турками, и надѣялась достигнуть своей цѣли посредствомъ игумена, имѣющаго большое вліяніе на этихъ христіанъ; но игуменъ не хотѣлъ принять на себя такого дѣла.

Какъ скоро Требиньскіе Турки узнали о бѣгствѣ монаховъ, они поспѣшили въ монастырь, разбили двери всѣхъ келлій и расхитили все, что тамъ нашли, и расположились тамъ станомъ. Но черезъ нѣсколько дней Салихъ-паша вывелъ Требиньцевъ изъ монастыря и помѣстилъ въ немъ отрядъ регулярнаго войска. Требиньскіе Турки разорили также погребъ и кладовую монастырскіе: потеря, которую монастырь потерпѣлъ отъ того, оцѣнена въ 2,534 флорина серебромъ. Также истребили они монастырскій виноградникъ, срубили и сожгли всѣ лозы; они разграбили въ селѣ Тулѣ, на Поповомъ полѣ, принадлежащіе монастырю хлѣбные амбары. Словомъ, все имущество монастыря разорено Турками, и только церковь осталась еще неприкосновенною. Она стоитъ затворенная: дай Богъ, чтобы и ея не коснулись. Жалка участь заслуженнаго игумена, на старости лѣтъ, послѣ столькихъ трудовъ, имъ понесенныхъ для монастыря! Недовольныя тѣмъ, что онъ, какъ я сказалъ, не хотѣлъ сдѣлаться ихъ орудіемъ, Австрійскія власти вдругъ приказали ему, а также другимъ монахамъ и Шумскимъ старшинамъ черезъ 24 часа удалиться изъ Австріи. Не смѣя показаться въ Дужахъ и отдать себя во власть Требиньскихъ Турокъ-фанатиковъ, не смотря на то, что онъ не принималъ ни-

какого участія въ волненіи Герцеговинскихъ христіанъ, несчастный старецъ принужденъ былъ искать убѣжища между Зубчанами. Богъ знаетъ, когда и чѣмъ кончатся его страданія.

Іеромонахъ *Никифоръ Дучичъ.*

Мостаръ,

Мартъ 1858.

ОПЫТЪ СТАТИСТИЧЕСКАГО ОПИСАНІЯ

ТРЕБИНЬСКАГО, ПРѢПОЛЬСКАГО, ПЛѢВЕЛЬСКАГО И НЕВЕСИНЬСКАГО ОКРУГОВЪ

ВЪ ГЕРЦЕГОВИНѢ.

ОПЫТЪ

СТАТИСТИЧЕСКАГО ОПИСАНІЯ

ТРЕБИНЬСКАГО, ПРѢПОЛЬСКАГО, ПЛѢВЕЛЬСКАГО И НЕВЕСИНЬСКАГО ОКРУГОВЪ

ВЪ ГЕРЦЕГОВИНѢ.

Герцеговина, имѣющая видъ длиннаго и довольно узкаго параллелограмма, наклоненнаго съ сѣверозапада къ юговостоку и ограниченнаго съ сѣвера и востока Босніею, съ запада Далмаціею, съ юга Черногоріею и опять частью Босніи (Ново-Пазарскою областью), раздѣлена на 15 округовъ (нахій или кадилуковъ). Вотъ имена ихъ съ цыфрами домовъ и жителей мусульманскаго и христіанскаго вѣроисповѣданій, указанными въ Турецкой переписи 1851 года [1]). Округи исчисляются съ сѣверозапада къ юговостоку:

	Число магометанскихъ домовъ,	жителей муж. пол.	Число христіанскихъ домовъ,	жителей муж. пол.
1) Дувно	173	665	555	2,511
2) Любушко	397	1,275	2,096	7,577
3) Коньица 4) Мостаръ	1,323	3,795	2,611	9,001

---

1) О значеніи этихъ цыфръ сказано въ статьѣ: «Боснія въ началѣ 1858 года.»

	Число магометанских домовъ	Число магометанских жителей муж. пол.	Число христіанскихъ домовъ	Число христіанскихъ жителей муж. пол.
5) Благай	291	946	153	570
6) Почитель	158	799	386	1,787
7) Невесинь	407	1,383	1,340	5,263
8) Столацъ	516	1,885	1,500	6,294
9) Фоча	2,095	7,740	777	3,636
10) Чайнича	876	3,313	430	1,620
11) Плѣвли или Таслиджа.	781	2,845	967	3,760
Колашинъ [1])	1,039	2,570	546	1,688
12) Прѣполе	503	1,867	754	4,076
13) Гацко	589	2,060	1,395	6,230
14) Никшичи	611	1,790	883	2,479
15) Требинье	1,062	3,132	2,395	8,314

Въ общей сложности, Турецкая перепись показываетъ въ Герцеговинѣ 10,821 мусульманскихъ домовъ и 36,066 мусульманъ (муж. пола), 16,788 христіанскихъ домовъ и 64,806 христіанъ (муж. пола).

Въ числѣ христіанскихъ жителей Герцеговины, которыхъ должно считать на дѣлѣ по крайней мѣрѣ 150,000 душъ, 50,000 душъ (обоего пола) исповѣдываютъ Римско-Католическую вѣру. Они по большей части находятся въ сѣверозападныхъ округахъ (Дувненскомъ, Любушскомъ, Коньицкомъ, Мостарскомъ и Почительскомъ), а въ Столацкомъ и Требиньскомъ живутъ въ маломъ числѣ, близъ Австрійской границы. Вотъ цыфры Католическаго народонаселенія Герцеговины и приблизительное его отношеніе къ числу православныхъ.

1) Дувно ...... 4,760 д. кат. исповѣд.; прав. гораздо меньше.
2) Любушко....12,551 — — — — —
3) Коньица .... 881 — — ; правосл. больше.
4) и 5) Мостаръ и

1) Теперь Колашинъ присоединенъ къ Таслиджинскому округу.

Благай......13,186 — — правосл. меньше.
6) Почитель ... 6,354 — — прав. гораздо меньше.
7) Столацъ ....11,543 — — прав. меньше.
8) Требинье .... 2,213 — — прав. гораздо меньше.

Во всѣхъ прочихъ округахъ Герцеговины христіанское населеніе исключительно православное.

Здѣсь представлены будутъ подробныя статистическія свѣдѣнія о трехъ округахъ, образующихъ юговосточную окраину Герцеговины, смежную съ Черногоріею, именно Требиньскомъ, Плѣвельскомъ или Таслиджинскомъ и Прѣпольскомъ и четвертомъ, Невесиньскомъ, лежащемъ въ срединѣ этой страны. Свѣдѣнія собраны не изъ оффиціальныхъ источниковъ (ибо въ нихъ данныя самыя скудныя и невѣрныя), а преимущесттенно изъ показаній приходскихъ священниковъ и христіанскихъ старшинъ.

Примѣчаніе. Въ отношеніи собственныхъ именъ читатель долженъ помнить, что Сербское ћ произносится какъ ч, но нѣсколько мягче, ђ—какъ дж, тоже смягченное, е какъ мягкое е, е—какъ е твердое (э), и что согласная р можетъ составить въ сочетаніи съ другими согласными особый слогъ, при чемъ она сопровождается въ выговорѣ скрадываемымъ звукомъ е.

I. Округъ Требиньскій

(Къ этому округу принадлежитъ и Любиньскій край, составлявшій прежде отдѣльную нахію и 13 особыхъ волостей, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ-то: Зубцы, Крушевица и Драчевица, пользовались постоянно правомъ внутренняго самоуправленія).

1) *Трѐбиње*: крѣпость съ 50 мус. домовъ и 360 душъ; подъ крѣпостью торговая *чаршiя* съ 70 лавками, 5 христ. (православными [1]) домами и 38 душъ и 17 домами, 210 душъ Цыганъ магомет. исповѣданія. Лежитъ на р. Требишницѣ.

1) Гдѣ нѣтъ особеннаго упоминовенія о Римско-Католикахъ, тамъ въ этой статьѣ подъ именемъ христіанъ разумѣются исключительно православные.

Села и деревни около города.

	хр. дом.	душ.	мус. дом.	душ.	
Рупела	16	125	40	300;	церковь Благовѣщенія.
Подглавье	10	80	2	18	
Горица	22	190	26	210;	церковь св. Георгія.
Засадъ	38	305	60	469;	двѣ разрушенныя церкви и вблизи, на горѣ, разрушенная крѣпость, построеніе которой приписывается херцегу Степану.
Мостачи	35	278	22	198;	церкви св. Климента и св. Параскевіи.
Тврдошъ	7	78	—	—	Вблизи развалины монастыря.
Дражинъ-долъ.	11	75	1	8;	церковь св. Климента.
Кутли	3	22	—	—	церк. св. Безсребренник.
Гомиляни.....	15	104	6	46;	церковь св. Георгія.
Волуяцъ	8	53	4	30;	церковь св. Троицы.
Придворци....	25	185	46	308;	развалины церкви.
Тодориħи.....	6	47	—	—	развалины церкви.
Полице.......	23	165	20	148;	развалины церкви.
Подкрайчиħи ..	6	45	—	—	
Мостъ, черезъ р. Требишницу близъ его...	6	43	14	114	и двѣ разрушен. церкви.
Равти	7	50	—	—	развалины церкви.
Чичево	18	140	21	180;	церк. св. Пантелеймона и двѣ разрушен. церкви.
Бихови	11	68	36	250;	развалины церкви.
Доли	4	24	—	—	развалины церкви.
Црначъ	7	50	—	—	развалины церкви. Вблизи находятся развалины

монастыря, который заключалъ въ себѣ двѣ церкви. Онъ называется Петровъ монастырь, но о немъ нѣтъ никакихъ преданій. Около него до сихъ поръ хоронятъ христіанъ.

	хр. д.	душ.	мус. д.	душъ.	
Лапя	4	29	—	—	
Велягора	3	24	—	—	развалины церкви.
Бугоевина.	7	51	—	—	развалины церкви.
Расовацъ	5	37	8	61	

Волости, входящія въ составъ Требиньскаго округа:

2) *Третица.* Деревни.

Увѣћа	10	78	—	—	развалины церкви.
Кремени-долъ. .	8	58	—	—	развалины церкви.
Поли́це	11	64	—	—	церк. св. Андрея Перв.
Лука	3	23	—	—	
Згонево	10	77	16	123	

3) *Зубцы.* Деревни:

Грабъ	22	171	—	—	церковь св. Параскевіи. Вблизи разрушен. монастырь св. Георгія, по прозванію Бравеникъ.
Ограда.	12	92	—	—	
Дренови-долъ. .	24	187	—	—	
Куня-главица. .	7	50	—	—	
Бугоево-село . .	24	189	—	—	церковь Пророка Иліи.
Коньско	32	225	—	—	церковь Вознесенія.
Орашье	16	132	—	—	развал. церк. св. Ѳеклы.
Турмента.	25	195	—	—	церковь Успенія.
Тули	12	95	—	—	
Подкрай	11	88	—	—	

4) *Драчевица*. Деревни:

	хр. д.	душъ.	мус. д.	душъ.	
Жвиие.......	12	98	—	—	церкви св. Иліи Пророка и св. Стофана.
Чениђь.......	8	67	—	—	развал. цер. св. Георгія.
Лучиђи.......	12	95	—	—	церк. св. Николая и Рождества Іоанна Предтеч.
Прѣворъ.....	11	90	—	—	развал. церк. Успенія.
Игала........	12	98	—	—	развалины церкви.
Мокрине......	35	250	—	—	церковь св. Параскевіи.

5) *Крушевица*. Деревни:

Крушевица....	90	790	—	—	ц. Рожд. Іоанна Предт.

6) *Површтъ*. Деревни:

Главска......	20	157	—	—	церковь Благовѣщенія.
Сливница.....	13	100	—	—	церковь св. Климента.
Рупни-долъ...	7	50	1	8	
Заградине.....	6	53	—	—	
Баонине......	3	23	—	—	
Лѣкова,......	8	61	—	—	церковь св. Параскевіи.
Мрниђи......	5	38	—	—	цер. Рожд. Іоанна Предт.
Орашье......	5	40	—	—	
Спарожиђи....	4	30	—	—	
Бобовишта....	10	79	—	—	развалины церкви.
Любохово....	8	57	—	—	развалины церкви.

7) *Шума*. Деревни:

Біочъ........	6	46	—	—	вблизи монастырь Дужи, о которомъ см. выше подробное описаніе.
Мариђъ-међине.	2	15	—	—	
Десине-село...	3	19	—	—	
Talежа......	10	78	—	—	церковь св. Стефана Первомученика.
Гола-главица..	6	47	—	—	св. Иліи Пророка.

	хр. д.	душъ.	мус. д.	душъ.	
Кликовићи....	5	36	—	—	
Цероваць.....	3	18	—	—	развалины церкви.
Міонићи горньи.	6	40	—	—	
Міонићи до'ньи.	5	37	—	—	
Петровићи....	4	29	—	—	
Цицина......	5	37	—	—	
Кучићи......	6	46	—	—	
Ђедићи.......	7	49	1	9;	церковь св. Варвары.
Крневићи.....	2	14	—	—	
Хумъ........	6	44	—	—	церковь Рождества Богородицы.
Крайковићи...	6	46	—	—	
Зачула......	10	80	1	6	
Орахъ.......	13	97	—	—	
Запланикъ....	3	22	1	8	церковь св. Пантелеимона и развалины ц. свв. Петра и Павла.
Ускопле.....	10	79	—	—	
Вуковићи....	4	30	—	—	
Калађурђевићи	2 пр.	15	4 кат.	28	
Славогостићи..	3	22	—	—	
Неноевићи....	3 хр.	24	—	—	
Кутина......	7	48	—	—	
Лугъ........	17	115	2	15	церковь Рождества Богородицы.
Слано.......	8	60	7	55	2 дома 15 душъ Цыганъ магометанскаго исповѣданія.
Кочела.......	5	38	—	—	развалины церкви,
Жуля........	1	7	5	36	
Ковачина.....	5	37	—	—	
Месари.......	13	95	—	—	церковь Иліи Пророка.

8) *Бобани*. Деревни:

	хр. д.	душъ.	мус. д.	душъ.	
Добромани....	12	86	—	—	развалины церкви.
Ясеница......	6	39	—	—	
Макленовацъ..	1	8	—	—	
Гоишина.....	4	30	—	—	
Просѣкъ.....	3	23	—	—	церк. св. Іоанна Предт.
Лучнице......	3	22	—	—	
Невода.......	6	43	—	—	
Влака........	4	27	—	—	
Букане.......	2	16	—	—	развалины церкви.
	(правосл.)		(католич.)		
Требцн.......	3	26	5	38	
Сливница.....	5	30	—	—	развалины церкви.
Лопочъ......	4	28	—	—	
Стѣнови-долъ..	5	34	—	—	
Шуша.......	4	26	—	—	
Кіевъ-долъ....	8	23	4	25	
Горогаше.....	7	49	—	—	
Беленићи.....	17	116	—	—	
Диклићи......	3	20	—	—	
Добромири....	4	25	—	—	
Балевацъ.....	5	32	—	—	
Пожарно.....	4	27	—	—	
Чопице......	11	80	—	—	

9) *Попово*. Деревни:

Полйце......	30	226	—	—	церковь св. Николая и Рождества Іоанна Предтечи.
Седлари......	22	164	—	—	церк. св. Иліи Пророка.
Грмляни......	35	280	—	—	церк. Рождества Іоанна Предтечи.
	(правосл.)		(католич.)		
Завала.......	10	79	6	46;	развалины церквей свв.

Архангелъ и свв. Петра и Павла. Вблизи монастырь Завала.

Орови-долъ ... 12кат.82 д. — — развалины церкви.

Чвалина...... 12 пр. 80 д. 5 кат. 39 д. развал. цер. св. Луки.

Равно........ 5 » 38 » 45 » 305 » катол. церк. и мѣстопреб. кат. священника.

Дврсница..... 7 » 53 »

Орашье...... 7 » 50 » 2кат. 16 д. 3 м. д. 23 д.; церковь (прав.) Благовѣщенія.

Чавашъ...... 10 пр. 79 д. 3 » 21 д.

Веля-међа..... 12кат.86 душъ; католическая церковь.

Струпћи...... 25пр.200 д. 8кат.63 д. 8 м. д. 60 душъ; пр. церковь св. Варвары.

Галечићи..... 8 пр. 59 душъ.

Величани..... 15 » 125 » церковь св. Архангелъ.

Дубьяни...... 5 » 37 » 20 кат. д. 157 д.; цер. (прав.) св. Георгія.

Драчево...... 25 пр. д., 170 душъ; церковь свв. Космы и Даміана.

Дрѣняни..... 10 пр. д., 80 душъ; 3 м. д., 23 д.; церковь св. Николая.

Мркоњићи..... 10 пр. д., 77 душъ; церковь св. Николая.

Туле......... 10 » » 80 » церковь св. Павла.

Жаково...... 13 » » 105 » церковь св. Іоанна.

10) *Любине*, городъ съ...... 12 хр. д., 92 душъ и 120 м. д., 895 душъ; развалины церкви.

Деревни около Любинья:

	хр. д.	душъ.	мус. д.	душъ.
Вођени.......	6	43		
Край-поле....	12	94		
Дубочица.....	10	80		
Капавица.....	12	96	3	24

	хр. д.	душъ.	мус. д.	душъ.	
Жабица......	8	59	7	50	
Градацъ......	15	110	—	—	церковь Благовѣщенія.
Крушевица....	6	45	10	77	
Бѣлошевъ-долъ	5	38	—	—	
Корлати......	3	23	—	—	
Драпиħи......	3	23	—	—	
Трабле.......	2	16	6	43	
Ивица.......	12	95	—	—	
Жрванъ......	6	44	—	—	
Доли........	10	80	—	—	
Боско........	8	63	10	79	
Миляновиħи...	3	22	5	40	
Мишле.......	5	36	4	30	
Обзиръ.......	—	—	5	38	
Ранковци.....	8	56	—	—	
Ђуковци......	5	28	—	—	
11) *Загора*. Деревня:					
Загора.......	35	267	—	—	церк. св. Параскевіи и развалины другой церк.
12) *Требихови*. Деревни:					
Требихови....	12	92	—	—	цер. св. Стефана Первом.
Грбеша......	25	199	—	—	
Трновацъ.....	—	—	8	43	
Шарани......	2	16	5	37	
Владушиħи....	4	30	—	—	
Бодироге.....	5	37	—	—	
Гркавци......	4	39	—	—	развалины церкви.
13) *Любомиръ*. Деревни:					
Домашево.....	25	200	—	—	церковь св. Николая.
Мумали......	3	22	—	—	
Кртине.......	5	39	—	—	
Угарци.......	12	96	—	—	церковь свв. Архангелъ.

	хр. д.	душъ.	мус. д.	душъ.	
Баре.........	6	42	5	30	
Врхполе......	15	115	—	—	цер. свв. Іоакима и Анны.
Брова........	10	79	—	—	
Брани-долъ...	8	54	—	—	
Сѣница......	7	47	—	—	
Піявице......	5	40	—	—	
Влашке......	4	30	—	—	

14) *Заряча*. Деревни:

Дубочани.....	10	80	—	—	вблизи Введенскій монастырь Добричево.
Врбно........	7	53	4	30	
Нецвѣће......	9	70	—	—	развалины церкви.
Ясенъ.......	8	60	—	—	
Моско.......	6	43	—	—	церковь св. Лазаря.
Орахъ.......	8	63	—	—	
Паникъ......	9	71	—	—	развалины церкви.
Миpуше......	12	95	6	46;	церковь.
Завође.......	15	117	8	63	
Пилатовци....	9	75	5	39;	церковь.
Бальке.......	10	78	—	—	

15) *Корњићи*. Деревни:

Клобукъ 6 мус. д., 47 душъ. Построеніе приписывается Херцегу Степану. Подъ крѣпостью деревня Клобукъ: 5 христ. дом., 39 душъ; развалины церкви.

Деревни:

	хр. д.	душъ.	мус. д.	душъ.	
Нудо........	6	45	31	240	
Скожигрмъ....	—	—	52	420	
Жупа........	8	63	60	457	
Грнчарево....	2	16	20	150;	развалины церкви.
Ластва.......	23	175	—	—	развалины церкви.

	хр. д.	душъ.	мус. д.	душъ.	
Ораховацъ....	17	125	10	80;	развалины церкви.
Заслапъ......	16	120	40	315	

Примѣчаніе. Въ трехъ монастыряхъ Требиньскаго округа находятся 12 монаховъ. Мірскихъ іереевъ православныхъ въ этомъ округѣ 11. При большей части деревенскихъ церквей нѣтъ священниковъ, и служба совершается въ нихъ изрѣдка [1]).

II. Округъ Прѣпольскій.

Городъ Прѣполе на р. Лимѣ: 65 хр. д., 350 душъ[2]); 481 м. д., 3,660 жителей; освященный для богослуженія домъ и при немъ школа; 5 мечетей.

Деревни:

	хр. д.	душъ.	мус. д.	душъ.	
Челице.......	15	120			
Гобате.......	10	75			
Бистрица.....	25	180;			церковь и школа.
Дражевичи....	30	185			
Дренова......	18	130			
Расно........	15	115			
Косатица.....	20	140	19	125	
Седобро......	8	60	—	—	
Бѣлобабе.....	6	46	1	7	
Милошевъ-долъ	5	36	—	—	Надъ этою деревнею старинная крѣпость Хиссарджигъ, которую строила, по преданію, Ерина, жена деспота Юрія Бранковича; въ крѣпости 8 м. д., 85 душъ. Близъ Милошева-дола развалины монастыря Милешевы.

1) Состояніе этихъ церквей описано въ «Поѣздкѣ по Босніи» и проч.

2) Въ Прѣпольскомъ, Плѣвельскомъ и Невесиньскомъ округахъ всѣ христіане принадлежатъ къ православной церкви.

	хр. д.	душъ.	мус. д.	душъ.	
Иване........	8	58	4	28	
Дучево.......	7	40	—	—	
Дчево........	5	25	—	—	
Лучице	9	58	2	15	
Сопотнице	12	75	11	67	
Водице.......	15	90	—	—	вблизи на высокой горѣ, надъ р. Лимомъ, развалины крѣпости.
Карошевина...	10	79	—	—	развалины монастыря, называемаго Пустиня, строеніе котораго приписывается Стефану Первовѣнчанному.
Скокуће......	8	60	—	—	
Своичево	7	55	—	—	
Дубровчићи ...	10	76	—	—	
Матаруге.....	5	43	10	80	
Житинъ......	8	59	—	—	развалины монастыря.
Малевићи.....	10	78	—	—	
Грачаница....	1	10	3	28	
Старо........	6	50	—	—	
Ждрѣло......	2	16	12	100	
Виницка......	15	135	—	—	
Душманићи ...	10	90	—	—	развалины церкви.
Ковачевацъ ...	8	77	5	50;	развалины церкви.
Міоска.......	3	27	10	98	
Ратаньска	9	90	5	45	
Міяни........	3	28	3	30	
Матаруге.....	8	75	—	—	
Коритница....	10	98	—	—	
Камена-гора...	8	80	—	—	
Избишне.....	10	90	—	—	

	хр. д.	душъ.	мус. д.	душъ.	
Джурово	25	210	—	—	
Теоци	18	176	—	—	церковь.
Звѣздъ	12	105	6	56;	вблизи монастырь Селяни.
Савинъ-лакатъ.	8	78	8	80	
Бабине	20	200	—	—	
Врбово	15	140	—	—	
Ограда	7	67	—	—	
Поблаће	60	465	40	280;	развалины церкви.

III. Округъ Плѣвельскій.

Городъ Плѣвля или Плѣвли, по-Турецки Таслиджа: 115 хр. д. 900 душъ, 535 м. д., 3900 душъ; христіанская школа; 7 мечетей; вблизи монастырь св. Троицы.

Деревни:

	хр. д.	душъ.	м. д.	душъ.	
Црленица	13	120			
Коіовићи	5	40			
Чудница	4	32			
Замрштенъ	2	15			
Югово	15	130			
Крће	30	250	4	30;	развалины церкви.
Бонянићи	15	127	10	95	
Ковачъ	20	160	20	164	
Жидовићи	9	89	—	—	
Бушне	8	76	—	—	
Брвеница	20	159	5	43	
Глисница	15	125	—	—	
Црнобрдо	20	162	—	—	вблизи, на горѣ Кукань, развалины крѣпости, построеніе которой приписывается Херцегу Степану.

	хр. д.	душъ.	мус. д.	душъ.	
Потоци	10	86	—	—	
Орля	4	35	—	—	
Врба	10	79	—	—	
Подгора	10	80	20	170	
Трновица	15	125	—	—	
Плѣшевина	12	105	—	—	
Шливаньско	15	120	2	16	
Лађане	7	59	3	21;	вблизи башня.
Какмужи	15	123	—	—	развалины церкви.
Врбица	10	79	—	—	
Бобово	35	278	—	—	
Ограђеница	15	120	—	—	
Подпеће	15	118	20	173;	развалины церкви.
Крушево	4	30	5	37;	развал. монастыря, построеніе котораго приписывается Неманичамъ.
Матаруге	60	405	—	—	вблизи обновляемый монастырь св. Николая, называемый Дубочица.
Отиливићи	20	146	—	—	развалины церкви.
Бучье	13	102	—	—	развалины церкви.
Застѣне	5	38	7	53	

Плѣвальско-поле, съ разбросанными на немъ 200 хр. д., 1,450 душъ и 10 м. д., 78 душъ; церковь Иліи Пророка, обновленная въ 1851 году.

Волости, причисленныя къ Плѣвельскому округу:

1) *Колашинъ.* Во всей этой волости считается 350 хр. д., 2,600 душъ и 500 м. д., 3,200 душъ; небольшая крѣпость, Колашинъ, населенная одними мусульманами; въ Ближковѣ разрушенный монастырь св. Николая; въ дер. Подкрайци развалины церкви; въ дер. Соколяцъ монастырь, разрушенный въ

1797 г.; въ дер. Вранешъ развалины церкви; на берегу р. Тары три запустѣлые монастыря: св. Архангела Михаила, Добриловина и Доволе.

2) *Дробняки.* Во всей волости считается 580 хр. д. и 4,000 душъ; развалины крѣпости Пирлиторъ; два существующихъ монастыря: св. Архангела Михаила подъ Малинскою и св. Георгія въ Бѣлой; разрушенный монастырь въ Вепровицѣ; 12 разрушенныхъ или запустѣлыхъ церквей.

Примѣчаніе. Въ обоихъ округахъ, Прѣпольскомъ и Плѣвельскомъ, со включеніемъ Колашина и Дробняковъ, считается 7 православныхъ монаховъ и 28 мірскихъ іереевъ.

IV. Округъ Невесиньскій.

Городъ Невесинь: 100 м. д., 800 душъ; 5 д., 36 душъ Цыганъ магомет. исповѣданія. Разсказываютъ, что городъ основанъ на мѣстѣ, гдѣ находился прежде монастырь, который Турки разрушили и замѣнили мечетью.

Дабаръ, поле съ разбросанными на немъ 80 хр. д., 490 душъ, 13 м. д., 82 д.; развалины церкви.

Деревни:

	хр. д.	душ.	мус. д.	душ.	
Трусина-до'ня .	12	76	—	—	
Трусина-горня.	15	100	1	6	
Безђеђе	13	80	3	20	
Давидовиђи . . .	16	105	—	—	
Лукавацъ	30	203	3	20	
Рогаче.	9	60	—	—	
Зови-долъ.	43	297	—	—	
Біоградъ.	30	216	6	39;	развалины церкви.
Ластавица	4	30	—	—	
Солаковиђи. . . .	12	79	1	7	

	хр. д.	душъ.	мус. д.	душъ.	
Оджаци-Любовића.......	15	110	8	60;	(всѣ мусульмане принадлежатъ къ одному роду Любовичей).
Будисавье.....	6	45	2	15	
Дрежань......	14	103	—	—	
Слато........	7	80	3	22	
Лѣскови-дубъ..	12	82	—	—	
Дублевићи....	12	80	—	—	
Кокорина.....	10	73	—	—	
Сливье.......	23	160	—	—	
Юговићи.....	13	90	—	—	церковь св. Троицы.
Фойница.....	9	60	1	8;	развалины церкви.
Колешко.....	45	270	4	29	
Залошъ......	10	71	3	20;	мечеть и башня.
Грабовица....	10	70	3	21	
Крекавице....	5	36	—	—	
Братачъ......	22	150	4	30	
Кифино-село...	13	91	4	32;	церковь Успенія.
Крекови......	13	89	1	8	
Пустоняни....	7	52	10	71	
Бѣлина.......	10	70	11	79	
Ковачићи.....	3	20	3	21	
Клюпи.......	3	22	15	110	
Лука........	5	37	10	76	
Крушевляни...	—	—	10	73	
Заборани.....	7	53	—	—	
Драмишево....	4	29	—	—	
Лаката.......	4	30	2	15	
Рушта.......	—	—	20	250	
Придворци....	7	49	3	23	
Сопили.......	1	8	10	75	

	хр. д.	душъ.	мус. д.	душъ.	
Шеовина.....	8	60	—	—	
Убоишта.....	15	118	—	—	
Батковичи....	16	115	—	—	
Жилево......	18	125	—	—	развалины церкви.
Милевацъ.....	10	76	—	—	
Шурили.....	7	50	—	—	

Примѣчаніе. Въ этомъ округѣ 6 православныхъ приходовъ и столько же священниковъ.

Іеромонахъ *Никифоръ Дучичъ.*